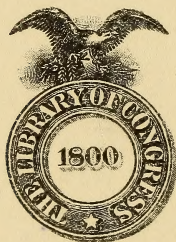

Class

Book

YUDIN COLLECTION

С. С. ШАШКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Тушнова. Надеждинская улица, д. № 39.
1875.

12/1653

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

С. С. ШАШКОВА.

Shashkov, Serafim Serafimovich

С. С. ШАШКОВЪ.

Istoricheskie

ИСТОРИЧЕСКІЕ

Ocherki

ОЧЕРКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Тушнова. Надеждинская улица, д. № 39.
1875.

D210
.S492

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

ГЕРНГРОСЪ

СЪ ГЛУБОКИМЪ УВАЖЕНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

СТАРАЯ И НОВАЯ ИСПАНІЯ.

Испанія девятнадцатаго вѣка. А. Трачевскаго. М. 1872.—Geschichte Spaniens. Von H. Baumgarten. 3 Th. L. p. z. 1871.—Histoire de l'Espagne. Par Hubbard. Paris. 1869.—Aus Spanien's Gegenwart, von Lauser, 1872.

I.

Роскошная природа, естественныя богатства, счастливое приморское положеніе Пиринейскаго полуострова—все, повидимому, благопріятствовало развитію на немъ цивилизаціи. Со временъ глубокой древности этотъ благословенный уголокъ земли служилъ ареною, на которой дѣйствовали самые образованные и способные народы. По берегамъ Пиринейскаго полуострова заводили свои колоніи и торговые центры англичане древняго міра—финикіяне и ихъ преемники карфагенцы; сюда приносили свою цивилизацію греки и римляне, здѣсь селились кельты и германцы, а потомъ арабы, завоевавъ полуостровъ, превратили его въ самую цвѣтущую и самую просвѣщенную страну въ тогдашней Европѣ. Въ XVI в. Испанія сдѣлалась первостепенною державою, въ предѣлахъ которой никогда не закатывалось солнце; она открыла Новый Свѣтъ и покорила въ немъ обширныя государства съ оригинальной и высокой цивилизаціей. Даже въ дѣлѣ общественнаго развитія и самоуправленія Испанія стояла нѣкогда впереди всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Англичане не имѣли народнаго

представительства до 1264 г., Кастилія-же имѣла его въ 1169 г., а Аррагонія въ 1133. Древнѣйшая хартія была дана англійскому народу въ XII в., а въ Испаніи городъ Леонъ получилъ ее еще въ 1020 г. Королевская власть, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, была совершенно ограничена. При этомъ, испанскій народъ всегда отличался завидными нравственными качествами; это искренній, честный, храбрый и самый трезвый народъ въ мірѣ. Но всѣ его добродѣтели, всѣ его великіе историческіе подвиги, всѣ благопріятныя условія его развитія, все его былое величіе и могущество принесли гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ ему самому, такъ и другимъ націямъ. Свою предпріимчивость и храбрость онъ употребилъ на истребленіе высокой цивилизаціи арабовъ въ Старомъ и замѣчательной цивилизаціи Перу и Мехики въ Новомъ Свѣтѣ; онъ ограбилъ свои колоніи и принудилъ ихъ къ отпаденію; онъ раззорилъ и превратилъ чуть не въ пустыню свою прекрасную страну; онъ потерялъ всѣ свои гражданскія вольности, проникся фанатическою враждою ко всякому проявленію разума; въ основанной имъ имперіи никогда не заходило солнце, но въ то-же время въ ней впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій не всходило солнце цивилизаціи. Испанія пала такъ низко, что ея окончательная гибель для многихъ сдѣлалась несомнѣнною. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ XVIII вѣка за Пиринеи проникло животворное вліяніе европейской цивилизаціи, началось возрожденіе народа, умъ и страсти котораго извращены тысячелѣтнимъ гнетомъ и, несмотря на это, все-таки сохранили въ себѣ достаточно силъ для обновленія. И нѣтъ сомнѣнія, что Испанія рано или поздно снова станетъ на ряду съ передовыми націями образованнаго міра.

Каждый европейскій народъ болѣе или менѣе испытывалъ на себѣ вліяніе факторовъ, погубившихъ Испанію; но нигдѣ эти факторы не дѣйствовали такъ дружно и такъ сильно, какъ здѣсь, и поэтому ни одна европейская страна не падала такъ

низко, какъ Испанія. Нигдѣ въ Европѣ природа не представляетъ такихъ условій для развитія въ людяхъ суевѣрія, какъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Сильныя грозы, землетрясенія, частыя засухи и вслѣдствіе этого голодовки, гибельныя эпидеміи, свирѣпствовавшія здѣсь съ особенною силою въ средніе вѣка,—все это развивало въ народѣ тотъ духъ суевѣрія, которымъ такъ ловко воспользовалось впослѣдствіи католическое духовенство. Еще болѣе, чѣмъ природа, содѣйствовали тому-же упадку историческія обстоятельства. Жители Испаніи были сначала аріанами и впродолженіи почти цѣлаго столѣтія принуждены были съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою вѣру и независимость отъ католиковъ-франковъ, побуждаемыхъ своимъ духовенствомъ воевать съ испанскими еретиками. Аріанское духовенство руководило этой религіозной войной, оно молилось за успѣхъ борьбы, возбуждало фанатизмъ, и не только утверждало вѣру въ свой нравственный авторитетъ, но въ то-же время пріобрѣтало матеріяльныя богатства, гражданскія привилегіи и свѣтскую власть. Когда-же испанскіе владѣтели сдѣлались католиками и ревностными защитниками этого культа, то авторитетъ іерархіи получилъ рѣшительное преобладаніе какъ надъ умами народа, такъ и надъ свѣтскою властью. Въ это время мы видимъ церковные соборы, которые, можно сказать, управляютъ Испаніей; видимъ королей, которые, являясь передъ этими соборами, смиренно падаютъ ницъ; видимъ епископовъ, которые кассируютъ рѣшенія свѣтскихъ судовъ; видимъ богатое и сильное духовенство, которое ревниво стережетъ чистоту народной вѣры, проповѣдуетъ ненависть ко всякой ереси и утверждаетъ въ народѣ убѣжденіе, что короли имѣютъ право на свои престолы только подъ условіемъ вѣрности и повиновенія церкви, которая является, такимъ образомъ, абсолютною повелительницей королей и народовъ въ земной и рѣшительницею ихъ судьбы въ загробной жизни. Католицизмъ, политическая сущность котораго состоитъ въ порабощеніи народовъ церковной

аристократіи, начиная съ папы, сидящаго въ Римѣ, и оканчивая послѣднимъ босоногимъ монахомъ, — католицизмъ нигдѣ въ Европѣ не достигалъ такого могущества, какое онъ еще въ VII столѣтіи укрѣпилъ за собою въ Испаніи. Онъ былъ уже всесиленъ, когда въ VIII в. арабы втеченіи трехъ лѣтъ завоевали эту страну и превратили ее въ самый цвѣтущій уголокъ Европы, оттѣснивъ испанцевъ въ недоступныя мѣстности сѣверозападныхъ окраинъ полуострова. Читатель можетъ найти у Дрэпера блестящую картину цивилизаціи испанскихъ арабовъ, которые внесли въ Европу высокую матеріяльную культуру, довели до совершенства разнообразныя отрасли промышленности, торговли и общежитія, а своими университетами, своей философіей, медицинскою наукой и чрезвычайно важными изслѣдованіями въ области естествознанія, физики и математики дали сильный толчекъ умственному развитію Европы, юношество которой отправлялось учиться въ ихъ университеты. Примѣромъ этой цивилизаціи многіе, въ томъ числѣ и Дрэперъ, доказываютъ, что магометанство благопріятно и, во всякомъ случаѣ, не враждебно умственному и гражданскому развитію народовъ. Но дѣло въ томъ, что цивилизація испанскихъ арабовъ, на-сколько она заключала въ себѣ гуманныхъ и раціональныхъ элементовъ, стояла относительно принциповъ мусульманства въ такомъ-же точно противорѣчіи, въ какомъ находилась цивилизація эпохи возрожденія относительно католицизма. Какъ въ эту эпоху, подъ вліяніемъ раціонализма, въ обществѣ распространились любовь къ знанію, чувства терпимости и анти-аскетическое міросозерцаніе, такъ-что въ духовенствѣ и даже на папскомъ престолѣ явились свободомыслящіе философы, точно такъ и въ магометанской Испаніи наука и разумъ подорвали мусульманскія традиціи, смягчили мусульманскія чувства и парализировали дѣйствіе принциповъ корана. Какъ-бы то ни было, но арабы и все арабское возбуждали въ испанцахъ самую остервенѣлую ненависть. Коранъ и мечети были въ глазахъ

католиковъ дѣломъ сатаны и трижды треклятаго апостола его, Магомета. Но не менѣе, чѣмъ кораномъ и мечетью, возмущались испанцы арабской наукой, арабскими университетами, даже арабскою цвѣтущею промышленностью и чистоплотностью. Началась восьмисотлѣтняя народная борьба съ арабами, борьба за вѣру, окончательно отожествленную съ испанскою національностью, борьба, полная отваги и энергіи, прославленная безчисленнымъ множествомъ сверх-естественныхъ чудесъ, руководимая духовенствомъ, поднявшая его на неизмѣримую высоту въ глазахъ народа и воспитавшая десятки поколѣній въ понятіяхъ крайняго суевѣрія и фанатизма, отмѣченныхъ всѣмъ пыломъ южной страсти. Эта многовѣковая борьба имѣла рѣшительное вліяніе на судьбы народа. Она пріучила послѣдній къ авантюризму и надолго утвердила въ Испаніи преобладаніе полукочевого пастушескаго быта надъ земледѣліемъ, развитіе котораго было невозможно при военныхъ обстоятельствахъ. Милліоны нищихъ и суевѣрныхъ испанцевъ шагъ за шагомъ завоевывали свою родную почву и, истребляя арабскую цивилизацію, превращали въ пустыню страну, возведенную невѣрными на высокую степень благосостоянія. Вырубались роскошные арабскіе сады, разрушались величественныя зданія, памятники искуства и науки, уничтожались водопроводы, сожигались на кострахъ нечестивыя арабскія книги, и когда, наконецъ, въ исходѣ XV столѣтія испанцы осадили послѣднее убѣжище арабовъ, Гранаду, то этотъ городъ былъ раемъ сравнительно съ остальной Испаніей, которую правовѣрные католики превратили въ жалкую, варварскую страну, усѣянную развалинами и пепелищами. Бѣдность и неразлучныя съ нею болѣзни еще болѣе усилили презрѣніе къ миру, проповѣдуемое католичествомъ, и вѣру въ духовенство, хлопотавшее объ истинномъ, неземномъ счастіи своего народа и приведшее послѣдній подъ своимъ знаменемъ къ рѣшительной побѣдѣ надъ магометанской луной. Нищій и погрузившійся въ варварство народъ началъ

считать себя спасителемъ и единственнымъ защитникомъ вѣры, благочестивѣйшей націей, новымъ Израилемъ. Истребленіе невѣрныхъ сдѣлалось задачей, на достиженіе которой духовенство обратило всѣ силы народа, а религіозная нетерпимость—національною страстью, подъ вліяніемъ которой испанцы превращались въ какихъ-то демоновъ-истребителей и заливали міръ человѣческою кровью. Евреи, которые подъ владычествомъ мавровъ оказывали блестящіе успѣхи не только въ торговлѣ и промышленности, но и въ наукахъ, были первою жертвою народнаго фанатизма. Ихъ жестоко преслѣдовали и истребляли тысячами еще до окончательной побѣды надъ арабами. Ихъ крестили въ католичество огнемъ и мечомъ и потомъ сожигали на кострахъ за возвращеніе въ іудейство. Наконецъ, когда арабское владычество совсѣмъ пало, духовенство потребовало совершеннаго истребленія или изгнанія всей еврейской расы, распространяя нелѣпыя обвиненія на нее, даже изобрѣтая чудеса въ подтвержденіе своей проповѣди и въ то-же время простирая свои жадныя руки къ конфискуемымъ еврейскимъ богатствамъ. Всѣ необращенные въ христіанство іудеи были изгнаны съ воспрещеніемъ уносить съ собою золото и серебро. Множество ихъ погибло отъ голода, болѣзней, отъ ярости католиковъ, множество захвачено пиратами и обращено въ рабство, 80,000 убѣжало въ Португалію, полагаясь на миролюбивыя обѣщанія тамошняго короля; но испанское духовенство выслало въ Португалію такихъ надежныхъ проповѣдниковъ, что они довели до ярого фанатизма даже мирныхъ португальцевъ, и всѣ первенцы евреевъ до четырнадцатилѣтняго возраста были отданы христіанамъ, а остальные изгнаны, но многіе изъ нихъ перехватаны дорогой, обращены въ рабство или крещены силою. По случаю такой побѣды, весь полуостровъ гремѣлъ благочестивымъ ликованіемъ. Но правовѣрнымъ оставалось еще много дѣла. Въ Испаніи еще жили мориски, которыхъ тоже крестили огнемъ, зорко наблюдали за ихъ правовѣріемъ, сожигали за

малѣйшее или мнимое отступленіе отъ него и, наконецъ, довели несчастныхъ до отчаяннаго возстанія, усмиреннаго съ неимовѣрными жестокостями. Но и этого было мало. Духовенство требовало совершеннаго истребленія ихъ, доказывая, что всѣ бѣдствіи Испаніи посылаются на нее свыше за то, что она терпитъ невѣрныхъ на своей землѣ. Знаменитый доминиканецъ Блэда проповѣдывалъ, что необходимо перерѣзать всѣхъ морисковъ, такъ-какъ невозможно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ и кто нѣтъ. Епископъ Валенсіи въ своей запискѣ, поданной Филиппу III-му, требовалъ изгнанія мавровъ на томъ основаніи, *что они промышленнѣе, экономнѣе и воздержаннѣе испанцевъ*, которые живутъ въ крайней бѣдности, между тѣмъ какъ невѣрные, благодаря своему трудолюбію и искуству, пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Въ 1609 г. участь ихъ была рѣшена, и до 1,000,000 этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей, обогащавшихъ и питавшихъ Испанію, подверглись ужасному гоненію, преслѣдовались какъ вредныя животныя и изгонялись въ Африку, погибая сотнями тысячъ.

Изгнаніе мавровъ и евреевъ, обогатившее духовенство, совершенно раззорило страну, лишивъ ее производительныхъ капиталовъ и милліоновъ работниковъ. Испанцы втеченіи постоянной девятисотлѣтней войны отстали отъ всякой промышленности, даже отъ земледѣлія. Масса народа превратилась въ кочевыхъ земледѣльцевъ или странствующихъ пролетаріевъ, жившихъ разбоями, грабежомъ, контрабандою. Духовенство, проповѣдывавшее презрѣніе къ благамъ міра сего, развивавшее въ народѣ отвращеніе къ труду и въ то-же время захватывавшее въ свои руки большую часть національнаго богатства,—духовенство выше всего ставило тотъ трудъ, который посвященъ распространенію и охранѣ католицизма. Испанія превратилась буквально въ одну „воинствующую“ церковь; каждый испанецъ считалъ обязанностью и высшею цѣлью жизни сражаться за вѣру съ крестомъ или съ мечомъ

въ рукѣ, а нерѣдко съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; каждый испанецъ былъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ быть или монахомъ, или солдатомъ, или дворяниномъ; каждому испанцу не сидѣлось спокойно на одномъ мѣстѣ и развитая въ немъ историческими обстоятельствами страсть влекла его къ странствіямъ и необыкновеннымъ приключеніямъ. Всѣмъ этимъ бродячимъ элементамъ дало исходъ открытіе Новаго Свѣта. На покореніе вновь открытыхъ земель смотрѣли прежде всего, какъ на распространеніе въ нихъ христіанства; съ этою цѣлью Изабелла снаряжала Колумба, съ этою цѣлью папа, какъ верховный владыка вселенной, раздѣлилъ новый міръ между испанцами и португальцами. Руководимые фанатизмомъ и жаждою стяжанія, которой нельзя было удовлетворить въ своемъ обнищавшемъ отечествѣ, самые способные и энергическіе испанцы стремились въ Америку—обращать въ католицизмъ и грабить язычниковъ. Въ религіозной пропагандѣ состояла вся нравственная задача націи, а въ грабежѣ заключался главный источникъ дохода какъ для государства и духовенства, такъ и для частныхъ лицъ. Своими жестокостями въ Америкѣ испанцы превзошли монголовъ, вандаловъ, гунновъ и сравнялись съ самыми кровожадными дикарями. На многихъ островахъ они истребили жителей всѣхъ до послѣдняго. На островахъ, расположенныхъ между Юкатаномъ, Флоридой и устьями Ориноко, они впродолженіи пятнадцати лѣтъ уничтожили, говорятъ, 1,000,000 людей. При Колумбѣ на Антильскихъ о-вахъ, пригласивъ къ себѣ въ гости туземную королеву, испанцы напали на ея свиту, привязали индѣйцевъ къ столбамъ и сожгли всѣхъ ихъ живыми, а королеву повѣсили. При осадѣ Мехики испанцы, по самому умѣренному разсчету, убили 100,000 человѣкъ, въ долинѣ Отувба 20,000, на Доминго, истребивъ всѣхъ работниковъ, годныхъ для рудниковъ, они привезли съ Лукайскихъ о-въ 40,000 ч., которые вслѣдъ затѣмъ и умерли отъ жестокаго обращенія съ ними. По переписи 1508 г. на Кубаньѣ

было 60,000 индѣйцевъ, а въ 1517 г. изъ нихъ осталось въ живыхъ только 14,000. Полагаютъ, что испанцы истребили въ Америкѣ до 15,000,000 индѣйцевъ. Духовенство, воспитавшее въ испанцахъ кровожадныя страсти и фанатическую нетерпимость, стояло во главѣ этого истребленія, побуждая завоевателей распространять христіанство посредствомъ меча и преслѣдовать инородцевъ, отступавшихъ отъ религіи, въ которую они были обращены насильно. Индѣйцы не считались даже людьми и, обращаемые въ рабство, третировались, какъ вьючныя животныя. Но когда эти животныя стали вымирать отъ тягостей неволи и грозили вымереть всѣ до послѣдняго, то духовенство рекомендовало замѣнить ихъ неграми, и по его иниціативѣ въ Америкѣ утвердилось рабство негровъ. Новый Свѣтъ былъ источникомъ громадныхъ доходовъ для Испаніи,—доходовъ, извлекаемыхъ съ такимъ-же варварствомъ, какимъ отличалось и распространеніе католицизма. Управленіе Америкой было въ полномъ смыслѣ системою грабежа. Толпы испанскихъ чиновниковъ, какъ стаи хищныхъ птицъ, налетали на эту обширную страну и, насытившись вдоволь ея жизненными соками, покидали ее навсегда. Государство давило жителей невыносимыми повинностями, изолировало колоніи отъ всего образованнаго міра и раззорительною системою монополій убивало всякое промышленное развитіе. Награбленное въ Америкѣ золото не обогащало даже и Испаніи; оно шло на безпутную роскошь двора и аристократіи, оно тратилось на войска и религіозныя войны, оно поддерживало нѣсколько времени то наружное, мишурное величіе, которое давало странѣ право считать себя первою державою въ мірѣ и воспитывать ту ложную національную гордость, тотъ псевдопатріотизмъ, которые до послѣдняго времени удерживали испанцевъ отъ благодѣтельнаго общенія съ цивилизованными народами.

Истребивъ цивилизацію мавровъ, перуанцевъ и мехиканцевъ, раззоривъ свое отечество, поработивъ Америку, испан-

цы превратились въ фанатическихъ разбойниковъ, мечтавшихъ только объ управленіи міромъ и объ искорененіи повсюду ереси. Духовенство царствовало и надъ народомъ, и надъ королями. Проповѣдуя о грѣховности богатствъ, оно неутомимо избавляло отъ нихъ свою паству и кончило тѣмъ, что завладѣло большею и лучшею половиною всей испанской земли, а доходы церкви равнялись доходамъ государства. Оно потворствовало воспитанной вѣками народной лѣности, искореняло любовь къ производительному труду, плодило нищихъ и, поддерживая копеечную благотворительность, являлось въ глазахъ народа благодѣтелемъ, заботившимся не только объ его душѣ, но и о тѣлѣ. Сотни тысячъ монастырей, церквей и часовень, кресты и иконы на каждомъ шагу, эффектныя религіозныя процессіи, подложныя чудеса, подложные мощи, безчисленное множество монаховъ обоего пола — все было устремлено на поддержаніе въ народѣ фанатизма и той обрядовой набожности, которая, считая спасительными одни только внѣшніе подвиги формальнаго благочестія, вовсе не знаетъ ничего объ истинной нравственности. Систематически развивъ въ народѣ рабское повиновеніе авторитету, воспитавъ въ немъ фанатическую жестокость и гибельный духъ нетерпимости, испанское духовенство въ лицѣ Лойолы положило основаніе іезуитизму, этой ужасной системѣ, освящавшей всякую безнравственность. Желая увѣковѣчить цѣпи, наложенныя на народъ, духовенство захватило въ свои руки все народное образованіе и начало пользоваться имъ, какъ средствомъ для нравственнаго порабощенія. Умственное движеніе эпохъ возрожденія и реформаціи чрезвычайно мало повліяло на испанцевъ, коснѣвшихъ въ своемъ благочестивомъ невѣжествѣ, и только послужило поводомъ къ кровавому террору святой инквизиціи. Въ Европѣ возрождалась вѣра, освобождался разумъ, развивалась наука, совершенствовалась общественная жизнь, а Испанія расходовала свои силы на фанатическую борьбу съ новыми идеями, какъ у себя

дома, такъ и за границей. Священный трибуналъ инквизицiи зорко слѣдилъ за мнѣнiями и неумолимо преслѣдовалъ всѣхъ, кто отступалъ хотя на iоту отъ того, чему его учили католическiе попы. Еретики, ученые вѣдуны и вѣдьмы, мужчины и женщины, мiряне и духовные, взрослые и дѣти состояли подъ этимъ ужаснымъ надзоромъ. Шпiонство и предательство, явно поощряемые и щедро оплачиваемые духовенствомъ, становились всеобщими. Сожженiе еретиковъ сдѣлалось „*актомъ вѣры*" (auto-da-fe), религiозной церемонiей, народнымъ зрѣлищемъ, столь-же любимымъ, какъ и бой быковъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ при своихъ бракосочетанiяхъ, испанскiе короли не находили ничего лучше, какъ угощать народъ и своихъ приближенныхъ, иногда даже своихъ невѣстъ, созерцанiемъ этого кроваваго священнодѣйствiя. „Все, что разсказываютъ о народахъ, приносящихъ людей въ жертву своимъ богамъ, далеко отъ этихъ казней, сопровождаемыхъ религiозными церемонiями. Поютъ, служатъ мессу, и убиваютъ людей. Азiятецъ, прибывшiй въ Мадридъ въ день подобной казни, не могъ-бы догадаться, что это такое—народное-ли увеселенiе, религiозный-ли праздникъ, жертвоприношенiе-ли или просто бойня; ауто-да-фе было всѣмъ этимъ вмѣстѣ" (Voltaire). Количество жертвъ было громадно. Въ одной только европейской Испанiи, кромѣ принадлежавшихъ ей американскихъ и европейскихъ земель, съ 1481 по 1781 г. было сожжено 31,920 еретиковъ, 16,759 сожжены въ изображенiяхъ, 291,450 человѣкъ приговорено къ наказанiямъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ смертная казнь. Это вычисленiе весьма умѣренно. Утверждаютъ, напр., что одинъ только знаменитый Торквемада сожегъ 10,000 и приговорилъ къ различнымъ наказанiямъ 400,000 человѣкъ. Въ Цiудадъ-Реалѣ въ 1484 г. было сожжено 13 февраля 750 человѣкъ, 2 апрѣля 800, 7 мая 750, 16 августа 27, 12 декабря 950, всего въ годъ 3,377 человѣкъ. Протестантизмъ и всякая свободная мысль были совершенно искоренены. Народъ, развра-

щаемый шпіонствомъ и зрѣлищемъ варварскихъ казней и вынуждаемый страхомъ инквизиціи скрывать свои дѣйствительныя мысли подъ личиною формальной набожности, началъ ханжить и лицемѣрить. Инквизиція убила въ Испаніи не только науку, но даже искуство, и окончательно склонила испанскій умъ подъ иго своихъ традицій. Инквизиція, кромѣ того, въ значительной степени раззорила страну и обогатила духовенство посредствомъ конфискацій имуществъ, которымъ подвергалось большинство осужденныхъ.

Католическая іерархія, поработивъ народную мысль, воспитавъ въ націи чувство пассивнаго смиренія, совершенно извратила въ ней высокое чувство патріотизма, пріучивъ его удовлетворяться славою завоеваній и истребленія ереси. Расплoжая шпіонство и недовѣрчивость, внося раздоръ и въ общество, и въ семейство, вооружая вѣрующихъ такъ противъ думающихъ иначе, возбуждая бунты и пользуясь ими для своихъ выгодъ, развивая чувства нетерпимости, которыя отъ церковныхъ предметовъ переносились и на мірскіе,—католицизмъ заглушилъ въ народѣ всякое сознаніе общественной солидарности, усилилъ рознь сословій и ту исконную раздѣльность провинцій, которая, существуя до нашихъ дней, дѣлаетъ неизбѣжнымъ въ будущемъ федеральное устройство Испаніи. Эта рознь и пассивность народа помогли утвердиться произволу свѣтскаго господства. Когда въ Испаніи воцарились Габсбурги, въ лицѣ Карла V, страна сохраняла еще не мало остатковъ старинной свободы и въ городахъ возникло сильное демократическое движеніе. Общины Кастиліи признали власть Карла V только на слѣдующихъ условіяхъ: „Король безъ согласія кортесовъ не можетъ ни жениться, ни вводить въ королевство иностранныхъ войскъ; всѣ налоги должны регулироваться таксами, по которымъ они взимались при смерти Изабеллы; всѣ новыя должности, учрежденныя съ тѣхъ поръ, должны быть уничтожены; каждый городъ долженъ имѣть въ собраніяхъ кортесовъ одного депутата отъ духовенства,

одного отъ дворянства и одного отъ городского населенія, избираемыхъ каждый своимъ сословіемъ. Корона не можетъ ни руководить назначеніемъ этихъ депутатовъ, ни вліять на него. Никакой членъ кортесовъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, не имѣетъ права принимать отъ короля пенсіи или должности ни для себя лично, ни для кого-бы то ни было изъ членовъ своего семейства. Кортесы собираются, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ каждые три года,— даже въ томъ случаѣ, если ихъ не созываетъ король, — для изслѣдованія, соблюдаются-ли законы, и для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Судьи должны получать достаточное содержаніе и не имѣть никакой прибыли отъ постановляемыхъ ими приговоровъ или денежныхъ штрафовъ. Всѣ привилегіи, полученныя дворянствомъ въ ущербъ городскому сословію, должны быть уничтожены; управленіе городами и общинами никогда не должно быть ввѣряемо дворянину; имущества дворянства должны подлежать общественнымъ налогамъ наравнѣ съ имуществами третьяго сословія. Необходимо нарядить слѣдствіе надъ поведеніемъ лицъ, управлявшихъ коронными имѣніями съ восшествія на престолъ Фердинанда, и если король втеченіи тридцати дней не назначитъ слѣдователей, то кортесы сами назначатъ ихъ... Наконецъ, король долженъ обѣщать и дать торжественную клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать всѣ эти условія и отнюдь не будетъ искать случая обойти или нарушить ихъ“. Движеніе городовъ началось при такихъ условіяхъ, лучше которыхъ и желать было нельзя. У Карла не было ни достаточнаго войска, ни денегъ, и онъ готовъ былъ сдѣлать какія угодно уступки. Но дворянство, закоснѣвшее въ своихъ феодальныхъ понятіяхъ, враждовало съ городами и, устремившись въ объятія Карла, сдѣлалось его союзникомъ. Города тоже ссорились между собою и каждый изъ нихъ, сражаясь съ правительственными войсками за одного себя, не только не поддерживалъ общаго дѣла, но даже вредилъ ему. Что-же касается всесильнаго духовенства,

то оно пользовалось этими междоусобицами, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, и поочередно эксплуатируя то правительство, то города, въ сущности помогало только себѣ, хотя и содѣйствовало успѣху абсолютизма. Въ Толедо, напр., героиня Пашеко произвела возстаніе на деньги духовенства, а когда, по его разсчетамъ, нужно было повернуть дѣло въ пользу правительства, то то-же самое духовенство пустило въ народѣ слухъ, что Пашеко колдунья; народъ возсталъ и отворилъ осаждающимъ городскіе ворота. Карлъ побѣдилъ. Онъ, казнивъ аррагонскаго хустицу, въ лицѣ его уничтожилъ старинный независимый судъ; онъ сокрушилъ старинные кортесы, „коммунеросы“ (общины) Кастиліи и „германію“ (братство) Валенсіи. Но утвердивъ свою власть на развалинахъ свободы, Карлъ сдѣлался не свѣтскимъ деспотомъ, а верховнымъ защитникомъ католической церкви во всемъ мірѣ, порабощенные-же испанцы удовлетворяли свое самолюбіе тѣмъ, что они составляютъ „священную монархію, безъ которой тотчасъ погибъ-бы корабль св. Петра“. Религія была главнымъ, почти исключительнымъ мотивомъ всего, что дѣлалъ Карлъ и во время мира, и во время войны. Онъ обѣщалъ папѣ употребить всѣ свои усилія, „чтобы уничтожить вовсе лютерскую секту или мирными средствами, или силою, а въ случаѣ необходимости, съ помощью другихъ государей“. „Я, говоритъ онъ въ вормскомъ эдиктѣ,—готовъ былъ-бы пожертвовать моими царствами, моею властью, моими богатствами, моимъ тѣломъ, моей душой и моею жизнію, чтобы только положить предѣлъ нечестію Лютера“. Въ Испаніи онъ не только покровительствовалъ, но даже поджигалъ ярость инквизиціи, предписывая наказывать еретиковъ „съ громомъ и силою, которыхъ требуетъ великость преступленія, и *судить ихъ безъ соблюденія обычныхъ юридическихъ формальностей*“ (Laurent, Etudes, IX, 63). Терроръ, отъ котораго давно уже страдала Испанія, Карлъ водворилъ въ Нидерландахъ, запретивъ здѣсь „читать и хранить еретическія книги, проповѣдывать, поддерживать публично или тайно

лютеранское ученіе, учреждать сходки или собранія, дѣлать позорныя иконы или изображенія преблаженной Дѣвы и святыхъ“. За всѣ эти преступленія слѣдовала смертная казнь посредствомъ огня или меча для мужчинъ и закопанія живыми въ землю для женщинъ; въ довершеніе варварства, головы казненныхъ велѣно, ради примѣра и напоминанія, выставлять на копьяхъ“... Неподвергавшимся смертной казни распространителямъ лютеранскихъ книгъ Карлъ велѣлъ „выжигать на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ знакъ креста посильнѣе, чтобы его нельзя было уничтожить; имъ должно выкалывать одинъ глазъ или отрубать палецъ, по усмотрѣнію судьи“. Въ 1546 г. въ Нидерландахъ было умерщвлено, по одному свидѣтельству, 30,000 протестантовъ, а въ 1562 г. — 36,000. Гроцій говоритъ, что впродолженіи карловскаго царствованія погибло 100,000 бельгійскихъ лютеранъ. Истощавшій всѣ силы своей имперіи на религіозныя войны съ еретиками и магометанами, Карлъ, умирая, сознавалъ, что онъ далеко не выполнилъ своей миссіи и окончаніе ея завѣщевалъ сыну. „Повелѣваю моему сыну, говоритъ онъ,—въ качествѣ отца и въ силу того повиновенія, какое онъ обязанъ оказывать мнѣ, со всевозможною заботливостью преслѣдовать и наказывать еретиковъ съ суровостью, какой заслуживаетъ ихъ преступленіе, не обращая вниманія ни на мольбы, ни на званіе, ни на положеніе виновныхъ. Съ этою цѣлью необходимо покровительствовать всюду святому учрежденію инквизиціи... Этимъ онъ удостоится благословенія, которое Господь Богъ ниспошлетъ его царствованію“.

Самые рьяные изъ клерикаловъ были недовольны даже Карломъ. „Послабленія императора, говоритъ Рейнальди, — придали силу ереси, между тѣмъ какъ казнь Лютера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ спасла-бы миріады душъ“. Но въ сорокалѣтнее царствованіе его сына, Филиппа II, сбылись всѣ желанія духовенства. Филиппъ держался правилъ, что „лучше вовсе не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками“, и

готовъ былъ истребить всѣхъ своихъ подданныхъ, если-бы они обратились въ ересь. Ради этого святого дѣла, Филиппъ жертвовалъ всѣмъ, даже собственнымъ самолюбіемъ. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ требованія духовенства, а духовенство въ этихъ требованіяхъ заходило слишкомъ далеко. Вотъ, напр., что писалъ королю хересскій пустынникъ, монахъ Лоренцо. „Умоляю ваше величество не имѣть никакого сожалѣнія къ еретикамъ, этимъ жесточайшимъ врагамъ Іисуса Христа. Святѣйшій царь Давидъ не имѣлъ никакой жалости къ врагамъ божіимъ; онъ избивалъ ихъ всѣхъ, не щадя ни мужчинъ, ни женщинъ. Моисей въ одну ночь перерѣзалъ 3,000 человѣкъ изъ народа израильскаго. Ангѣлъ въ одну ночь умертвилъ 60,000 враговъ божіихъ. И все-таки они, поступая такъ, не были жестокими; они только не жалѣли тѣхъ, которые не почитали Бога. Ваше величество—царь, какъ Давидъ, вождь народа божія, какъ Моисей, ангелъ божій, ибо писаніе такъ называетъ королей; враги-же Бога живого—это тѣ еретики, тѣ богохульники, тѣ святотатцы, тѣ идолопоклонники, тѣ кровожадные звѣри, которые не преминутъ разрушить святилище божіе въ Нидерландахъ, если во время не предупредить столь гибельнаго и плачевнаго бѣдствія“. Святой мужъ былъ, впрочемъ, не очень требователенъ: онъ просилъ только 2,000 еретическихъ головъ, считая этого достаточнымъ для истребленія ереси. Но Филиппъ былъ государь щедрый... Истребивъ послѣдніе слѣды ереси въ Испаніи, общественное мнѣніе которой поддерживало его въ этомъ святомъ дѣлѣ, Филиппъ устремился на Нидерланды. Сущность его политики здѣсь отлично выражается слѣдующими словами герцога Альбы: „лучше имѣть разрушенное царство, сохранивъ его Богу и королю посредствомъ войны, чѣмъ имѣть его въ цѣлости въ угоду дьяволу и его послѣдователямъ, еретикамъ“. Кровожадный Альба казнилъ въ одномъ только Брюсселѣ больше 18,000 человѣкъ, а число протестантовъ, истребленныхъ въ другихъ провинціяхъ, простиралось

до 100,000. Желаніе Филиппа исполнилось—онъ не сталъ царствовать надъ еретиками, Нидерланды отложились, а Испанія, погубившая въ этой безсмысленной войнѣ цвѣтъ своей арміи, нажила долгъ въ 800,000,000 піастровъ. При такой фанатической и совершенно искренней ревности къ вѣрѣ, Филиппъ былъ типомъ современныхъ ему испанцевъ, въ конецъ развращенныхъ католичествомъ. Преданность церкви и наружное благочестіе совершенно мирились въ немъ съ жестокостью, безсердечіемъ, вѣроломствомъ и необузданнымъ сладострастіемъ. Но развратъ былъ еще меньшимъ изъ его пороковъ. Филиппъ, подозрительный, подобно всѣмъ тиранамъ, поручилъ своему секретарю Перецу убить друга и совѣтника своего брата, Эсковеда. Эсковедо погибъ. Духовникъ короля разрѣшилъ его отъ грѣха. Филиппъ облагодѣтельствовалъ Переца, но потомъ изъ ревности предалъ его суду за убійство Эсковедо. Перецъ имѣлъ документы, доказывавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ самого короля; но король требовалъ ихъ выдачи. Перецъ уступилъ. Изможженный одинадцатилѣтнимъ заключеніемъ, онъ былъ подвергнутъ ужаснымъ пыткамъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ. Онъ убѣжалъ въ Аррагонію, но здѣсь его схватила инквизиція, по просьбѣ Филиппа; онъ бѣжалъ въ Наварру, Англію, Францію, но его всюду преслѣдовали убійцы. Все это было въ порядкѣ вещей и вполнѣ гармонировало съ общекатолическою и особенно съ испанскою моралью. Тотъ-же государь, вмѣстѣ съ папою Піемъ V, причтеннымъ къ лику святыхъ, замышляли другое, возмутительное убійство. Папа писалъ Филиппу: „Нашъ возлюбленный сынъ Ридольфи, съ помощью божіей, передаетъ вашему величеству о нѣкоторыхъ вещахъ, не мало касающихся чести Бога всемогущаго и пользы христіанства... Отъ всей глубины своего сердца мы молимъ Искупителя, да пошлетъ Онъ, по своему милосердію, успѣхъ тому, что предполагается совершить ради Его славы и чести“. Ридольфи объявилъ, что папа предполагаетъ *убить англійскую королеву*

Елисавету. Въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ начались обсужденія, *убивать*-ли ее или сначала только *завладѣть* ею; когда-же рѣшили, что лучше *убить*, то возникъ вопросъ, какъ убить, и т. д. И ни одного голоса не было подано противъ этого безумнаго плана! Кардиналы и епископы, засѣдавшіе въ совѣтѣ, съ радостью ухватились за этотъ заговоръ. Герцогъ Альба возражалъ только относительно трудностей выполненія, но король настаивалъ, доказывая, что „*это дѣло божіе*, что самъ Богъ будетъ покровительствовать этому *святому предпріятію*“ и что его, Филиппа, ничто не можетъ отклонить отъ выполненія этого плана (Laurant, id., 92).

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ своемъ характерѣ, страстяхъ, убѣжденіяхъ Филиппъ былъ продуктомъ и типомъ католической Испаніи. Его любили и обожали даже за его тиранію. И какъ-же было не любить и не обожать такого короля испанцамъ, изъ которыхъ каждый былъ Филиппомъ въ миніатюрѣ? Могла-ли не рукоплескать варварствамъ этого короля та масса, даже женщины и дѣти которой съ яростью бросали еретиковъ въ пламя; та масса, которая была убѣждена, что похвально убивать каждаго отступника, и хотя немного сомнѣвалась, можетъ-ли сынъ или дочь убивать своихъ еретиковъ родителей, но ни мало не сомнѣвалась въ томъ, что за ересь можно убивать своихъ дѣтей, братьевъ, сестеръ! Народъ обожалъ Филиппа и покланялся ему, „считая, по свидѣтельству одного современника, его повелѣнія до такой степени священными, что ихъ невозможно было-бы нарушить, не оскорбивъ самого Бога“.

Послѣднимъ и самымъ важнымъ предпріятіемъ Филиппа II было снаряженіе знаменитой армады, имѣвшей цѣлью искорененіе ереси въ Англіи. Неудача этого предпріятія и слѣдовавшее затѣмъ изгнаніе морисковъ были началомъ быстраго паденія Испаніи. Съ 1598 по 1700 г. на испанскомъ престолѣ возсѣдали Филиппы III и IV и Карлъ II, самые неспособные изъ испанскихъ королей. Силы націи, доведенныя до

крайняго напряженія при первыхъ двухъ Габсбургахъ, при послѣднихъ трехъ совершенно упали и страна погрузилась въ апатію. Народъ былъ въ конецъ разоренъ. Правительство удерживало всѣ нормандскія, гогенштауфенскія и арабскія подати съ *алькабалой* во главѣ, доходившей до 14% съ цѣны товара при каждой его продажѣ; оно вымогало подарки, поддѣлывало монету, силою захватывало золото, привозимое изъ Америки, отнимало металлическія деньги и взамѣнъ изъ выдавало ничего не стоющія бумаги, закладывало иностранцамъ имущества и доходы съ провинцій, отнимало у своихъ кредиторовъ залоги и понижало проценты, издавало стѣснительные торговые законы, до того внезапно повышало налоги на первыя жизненныя потребности, что, напримѣръ, соль поднималась въ цѣнѣ съ 30 до 300 реаловъ; наконецъ, ни чиновники, ни солдаты не получали жалованья и жили грабежомъ да взятками. Промышленность пала. Иностранцы разучились строить корабли и принуждены были прекратить не только торговлю по берегамъ, но и рыбный промыселъ, потому что и на моряхъ, и на берегахъ Испаніи хозяйничали не только англійскіе и голландскіе, но даже африканскіе пираты. Около тысячи городовъ и мѣстечекъ совершенно обезлюдѣли. Народонаселеніе Мадрида втеченіи XVII вѣка съ 400,000 уменьшилось до 200,000 человѣкъ. Въ Севильѣ число ткацкихъ станковъ съ 16,000 упало до 300. Въ Толедо въ пятнадцать лѣтъ число шерстяныхъ мануфактуръ съ 50 съ лишнимъ уменьшилось до 13. Производство перчатокъ, которымъ славилась Испанія во всей Европѣ, вовсе прекратилось. Эстремадура превратилась въ пустыню; Валенсія, Каталонія, роскошная Андалузія утратили всякое торговое и промышленное значеніе. „Безъ иностранцевъ, жаловались испанцы, — мы не можемъ одѣться: у насъ нѣтъ ни полотна, ни сукна; безъ нихъ мы не можемъ писать: у насъ нѣтъ бумаги“. Въ окрестностяхъ Мадрида и въ самой столицѣ царили голодъ, голодная смерть, ужасные разбои и убійства изъ-за куска хлѣба. Въ 1664 г.

президентъ Кастиліи, въ сопровожденіи палача и военной команды, принужденъ былъ объѣзжать окрестныя деревни, заставляя жителей везти на столичные рынки послѣдніе запасы хлѣба. Сборщики податей отнимали весь домашній скарбъ, даже снимали и продавали кровли съ домовъ. Жители разбѣгались и къ концу XVII вѣка болѣе $^2/_3$ домовъ пришли въ совершенное запустѣніе. Бѣдность простиралась до того, что не хватало денегъ даже на столъ короля, а столичная полиція съ голоду занималась грабежомъ. Всюду возникли многочисленныя шайки разбойниковъ, служащія язвой страны до послѣдняго времени. Сотни тысячъ нищихъ не имѣли другого пропитанія, кромѣ монастырскихъ подачекъ. Испанія потеряла почти всѣ свои важныя владѣнія въ Европѣ, погрузилась въ апатію и анархію, а власть лишилась всякой силы и не знала никакихъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ поправленію дѣлъ, кромѣ молитвъ. Даже кортесы занимались только тѣмъ, что возносили жалобныя просьбы къ иконамъ св. Яго и св. Терезіи, да вели пренія о томъ, кто изъ этихъ святыхъ способнѣе помочь горю! Были и попытки освободиться изъ-подъ ига; въ 1640 г. возстали Каталонія и Португалія, за ними слѣдовали Неаполь, Сицилія, Аррагонія, Андалузія, Валенсія, Наварра. Для Испаніи эти мятежи приносили одинъ только вредъ: иностранныя земли отпадали отъ нея, а испанскіе мятежи только усиливали анархію и всѣ неразлучныя съ нею бѣдствія.

Въ то время, какъ въ Европѣ начинался уже вѣкъ разума и владычество духовенства постепенно падало, Испанія не только оставалась въ своемъ прежнемъ невѣжествѣ, но, подъ вліяніемъ сейчасъ упомянутыхъ бѣдствій, становилась еще невѣжественнѣе и суевѣрнѣе, чѣмъ прежде. По мѣрѣ того, какъ падало правительство, усиливалось значеніе духовенства, которое съ безсердечною наглостью пользовалось бѣдственными временами отечества для накопленія богатствъ и упроченія своей тираннiи. Хищничество духовенства доходило до

того, что въ 1626 г. противъ него нашлись вынужденнымъ протестовать даже правовѣрные кортесы. Въ 1690 г. въ Испаніи, при $7^1/_2$ милліонахъ жителей, приходилось на 9,000 мужскихъ монастырей 168,000 духовенства и въ томъ числѣ 90,000 монаховъ. Къ половинѣ XVIII в. церковь получала 360,000,000 ежегоднаго дохода, — столько-же, сколько и государство. Все управленіе страной находилось въ рукахъ епископовъ и генераловъ религіозныхъ орденовъ, и лучшіе политики Испаніи говорили о государственныхъ финансахъ: „это дѣло богослововъ; они точно знаютъ состояніе монархіи“. Всѣ образованные люди занималась или войной, или теологіей, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Испанская письменность состояла преимущественно изъ сочиненій противъ ереси, панегириковъ инквизиціи, легендъ о чудесахъ, житій святыхъ, исторій монастырей и соборовъ. Самые геніальные писатели губили свои таланты, рабски склоняя свои выи подъ губительнымъ ярмомъ католицизма. Лопе-де-Вега былъ попомъ, служилъ въ инквизиціи и сожигалъ еретиковъ. Морето, одинъ изъ величайшихъ драматурговъ Испаніи, былъ монахомъ. Кальдеронъ былъ капелланомъ Филиппа IV и поэтомъ инквизиціи. Знаменитый комикъ Вильявиціоза служилъ въ инквизиціи и былъ до того проникнутъ любовью къ этому учрежденію, что завѣщалъ всѣмъ своимъ родственникамъ и потомкамъ служить въ немъ, хотя-бы и на самыхъ незначительныхъ должностяхъ! Десятки другихъ, не менѣе извѣстныхъ поэтовъ, историковъ, ученыхъ были или попами, или монахами, или состояли при св. инквизиціи. Такимъ образомъ, и наука, и искуства, и литература—все было направлено къ поддержанію католицизма. Народное образованіе находилось въ рукахъ духовенства и заключалось въ одной католической схоластикѣ. Всѣ науки преподавались на самомъ варварскомъ латинскомъ нарѣчіи и по средневѣковымъ руководствамъ, въ которыхъ не допускалось никакихъ измѣненій. Университеты приготовляли только теологовъ, шарлатановъ-медиковъ, да

продажныхъ чиновниковъ. Торресъ, учившійся въ саламанкскомъ университетѣ въ началѣ XVIII в., говоритъ, что только послѣ пятилѣтняго ученія въ немъ онъ впервые услыхалъ о существованіи математическихъ наукъ. Этотъ-же университетъ въ 1771 г. отвергъ еретическую систему Ньютона; въ то-же самое время въ Испаніи отрицали открытое Гарвеемъ кровообращеніе; вовсе не было кафедръ государственнаго права, физики, анатоміи и ботаники, не было порядочныхъ географическихъ картъ, не было ни одного аптекаря, который съумѣлъ-бы приготовить самое простое лекарство, напр., глауберову соль; не было ни инженеровъ, ни искусныхъ рудокоповъ, ни судостроителей, и вражда ко всякому нововведенію простиралась до того, что когда въ 1760 г. было предложено очистить улицы Мадрида отъ нечистотъ, то это возбудило общій протестъ, поддерживаемый даже учеными докторами, доказывавшими, что „такъ-какъ воздухъ тонокъ и пронзителенъ, то очень можетъ быть, что дурныя испаренія, отягчая атмосферу, лишаютъ ее нѣкоторыхъ вредныхъ свойствъ“.

Окончательная гибель Испаніи была-бы неизбѣжна, если-бы духовенству удалось совершенно и надолго изолировать ее отъ всякаго вліянія образованной Европы. Но это было невозможно.

II.

Въ 1700 г. послѣдній отпрыскъ Габсбурговъ, Карлъ II, сошелъ въ могилу и въ лицѣ внука Людовика XIV, Филиппа V, на испанскій престолъ вступили Бурбоны. Управленіе Испаніей, за совершеннымъ недостаткомъ способныхъ туземцевъ, перешло въ руки иностранцевъ, преимущественно французовъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Страна замѣтно ожила и поправилась. Достаточная молодежь начала ѣздить учиться въ Европу. Въ литературѣ явилось

нѣсколько талантливыхъ дѣятелей, подвергавшихъ раціональной критикѣ положеніе страны и пропагандировавшихъ европейское знаніе. Появились даже сатиры на монаховъ. Поправилась промышленность, а финансы были доведены до такого блестящаго состоянія, что доходы превышали расходы. Духовенство подвергнуто налогамъ, подъ видомъ займовъ. Королевская власть начала борьбу съ инквизиціей и съ Римомъ. И все это было только подготовленіемъ къ блестящему царствованію Карла III (1759—1788 г.), — подготовленіемъ, выдвинувшимъ на сцену нѣсколько первоклассныхъ государственныхъ дѣятелей. Во главѣ ихъ стоялъ графъ Аранда, кровный аристократъ, другъ Вольтера, поклонникъ энциклопедистовъ, представитель и средоточіе новыхъ идей въ Испаніи. Болѣе умѣренный, но и болѣе практическій Кампоманесъ, крестьянинъ по происхожденію, честный патріотъ, былъ не только правителемъ государства, но и первоклассснымъ, всестороннимъ публицистомъ и замѣчательнымъ ученымъ, возбуждавшимъ всюду любовь къ изученію отечества. Онъ не былъ кабинетнымъ чиновникомъ, а разъѣзжалъ по странѣ, изучая жизнь, нравы, понятія и потребности народа и возбуждая самодѣятельность его посредствомъ основанныхъ имъ экономическихъ обществъ. Графъ Фроридабланка хотя и не былъ такимъ либераломъ, какъ два предыдущіе, но, какъ первостепенный дипломатъ, какъ министръ во вкусѣ Ришелье, а главное, какъ заклятый врагъ клерикаловъ, онъ способенъ былъ оказать важныя услуги Испаніи, и, дѣйствительно, оказалъ ихъ. Лучшимъ-же плодомъ происходившаго тогда въ испанскомъ обществѣ умственнаго движенія, безспорно, былъ Ховельяносъ, неподкупный чиновникъ, честнѣйшій патріотъ, замѣчательный поэтъ, археологъ, политико-экономъ, юристъ, историкъ, инженеръ. Это былъ всеобщій возбудитель, универсальный труженикъ въ родѣ нашего Ломоносова, но далеко превосходившій послѣдняго и прокладывавшій новые пути во всѣхъ отрасляхъ своей многосторонней

дѣятельности. Онъ старался освободить школу изъ-подъ власти духовенства и, указывая въ невѣжествѣ народа коренное зло Испаніи, доказывалъ, что главная забота правительства, желавшаго блага странѣ, должна состоять во всеобщемъ просвѣщеніи народной массы.

Окруженный подобными сотрудниками, образованный и энергичный Карлъ III впродолженіи всего своего царствованія неутомимо боролся противъ основной язвы, губившей Испанію,—католической тиранніи. Онъ ограничилъ могущество духовенства и подвергъ послѣднее налогамъ; онъ обуздалъ инквизицію и выгналъ іезуитовъ, онъ обратилъ главное вниманіе своего правительства на образованіе, основывалъ школы и академіи, направлялъ ихъ въ духѣ вѣка, протежировалъ ученымъ и литераторамъ. При немъ ожила промышленность, легче вздохнули рабочіе классы, развились и улучшились пути сообщенія, оживилась торговля и средства народа до того поправились, что, несмотря на возвышеніе налоговъ, они собирались легко, а государственная казна была полна. Въ колоніяхъ были также сдѣланы важныя улучшенія, введена свобода торговли, и вслѣдствіе этого въ Испаніи ввозъ иностранныхъ произведеній утроился, вывозъ туземныхъ упятерился, ввозъ-же изъ Америки увеличился въ десять разъ. Гоненія за ересь прекратились, пытки были отмѣнены, религіозные мотивы устранены изъ внѣшней политики, и, поставивъ Испанію снова на степень первостепенной державы, Карлъ вовсе устранилъ ее отъ вмѣшательства въ дѣла вѣры и, вдобавокъ ко всему, заключилъ союзъ съ турками. Не перечисляя другихъ не менѣе важныхъ реформъ и улучшеній, скажемъ только, что Испанія совершенно преобразилась во всѣхъ отношеніяхъ и, повидимому, пошла по той-же дорогѣ, по которой шла Франція при послѣднихъ Бурбонахъ.

Но горе было въ томъ, что все это движеніе захватывало только малочисленный верхній классъ общества и не прони-

кало въ глубь народной массы, которая по-прежнему оставалась въ невѣжествѣ, суевѣрно преклонялась передъ авторитетомъ каждаго попа и монаха, не возбуждалась къ самодѣятельности, и только, по своей исконной привычкѣ къ повиновенію, слушалась узды, находившейся въ искусныхъ и энергическихъ рукахъ. Даже при Карлѣ можно уже было видѣть, чего слѣдуетъ ожидать отъ этой массы въ томъ случаѣ, когда измѣнится къ худшему личный составъ правительства. Черезъ годъ послѣ изгнанія іезуитовъ, напр., въ одинъ торжественный день Карлъ выходитъ на балконъ своего дворца, готовый дать народу все, чего онъ ни попроситъ. И граждане Мадрида почти единогласно начали умолять его, чтобы онъ облагодѣтельствовалъ Испанію, дозволивъ вернуться въ нее братьямъ святого іезуитскаго ордена!.. Слѣпо вѣрившая своимъ духовнымъ руководителямъ, масса была готова помогать имъ въ ниспроверженіи всѣхъ еретическихъ реформъ и въ возстановленіи церковныхъ привилегій, ограниченныхъ правительствомъ Карла, удалившимъ отъ управленія государствомъ поповъ и прелатовъ и замѣнившимъ ихъ свѣтской аристократіей.

Въ концѣ 1788 г. Карлъ III умеръ и воцарился Карлъ IV, человѣкъ невѣжественный, ограниченный и безсердечный, равнодушный къ религіи и въ то-же время лицемѣрный почитатель ея. Дородный силачъ, ловкій охотникъ, хорошій кучеръ, онъ не обладалъ никакими другими талантами и находился подъ башмакомъ жены, итальянки, Маріи Луизы. Она успѣла привязать недалекаго короля не только къ себѣ, но даже къ своему любовнику Годою. Въ день коронаціи Карлъ явился къ народу со всей семьей, обнимая одною рукою шею Годоя. Не видитъ его день — и, уже самъ не свой отъ скуки, спрашиваетъ: „гдѣ-же мой Мануйлинька?“ Старая, подурнѣвшая, беззубая королеза была очень ревнива къ мужу, не по любви, а изъ желанія властвовать надъ нимъ; она употребляла всѣ усилія, чтобы устранить Карла отъ встрѣчъ съ жен-

щинами, которыя могли-бы увлечь этого сорокалѣтняго толстяка. Она высылала изъ Мадрида всѣхъ сколько-нибудь подозрительныхъ красавицъ. Еще болѣе ревнива она была къ Годою, которому было воспрещено всякое общество, особенно женское, и онъ былъ постоянно окруженъ шпіонами королевы. Быстро повышая Годоя, королевская чета сдѣлала его грандомъ, маркизомъ, герцогомъ, первымъ богачемъ, первымъ вельможей Испаніи, правителемъ государства. Этотъ пустой и развратный гвардеецъ былъ до того невѣжественъ, что, уже будучи нѣкоторое время министромъ, впервые узналъ, что Россія и Пруссія не одно и то-же, и называлъ ганзейскіе города (villas henseaticas) *азіятскими островами* (islas asiaticas)! Но онъ обладалъ здоровымъ, красивымъ тѣломъ и, благодаря этому, впродолженіи пятнадцати лѣтъ былъ фактическимъ королемъ и губителемъ Испаніи. При дворѣ началось господство самыхъ грязныхъ интригъ. Испанцы скандализировались открытою связью королевы съ Годоемъ. Пасквили проникали даже въ покои короля. Столица наполнилась шпіонами. Начались аресты и административныя ссылки. „Недовѣріе, писалъ русскій посланникъ (Испанія Девятнадцатаго Вѣка, А. Трачевскаго),—господствуетъ среди всякаго рода лицъ, принадлежащихъ ко двору. Уже не существуетъ большихъ собраній, и всякій старается избѣгать двора изъ опасенія навлечь на себя немилость по простому подозрѣнію“. Всѣ порядочные люди были удалены. Годой хозяйничалъ въ государствѣ и опустошалъ казну. Уже осенью 1790 г. оказалось, что въ казначействѣ недостаетъ 7,000,000 реаловъ, назначенныхъ на уплату рабочимъ въ гаваняхъ, но взятыхъ королевой „на свои нужды“, т. е. для Годоя. Въ то время въ сосѣдней Франціи началась революція, а въ Испаніи ожесточенное гоненіе „вредныхъ идей“, выдуманныхъ французскими еретиками. Всѣ ученыя и литературныя общества были уничтожены; въ университетахъ запрещено преподаваніе философіи, при чемъ министръ, распоряжавшійся

этимъ, замѣтилъ, что его величество не нуждается въ философахъ; офицерамъ запрещалось „говорить о нынѣшнемъ положеніи Франціи“, газетамъ предписывалось „ничего не печатать о французскихъ дѣлахъ“, инквизиція усилила свою полицейскую и цензурную дѣятельность; даже испанскимъ посланникамъ запрещалось имѣть запрещенныя французскія книги; изъ Мадрида высланы всѣ лица, неимѣвшія „опредѣленныхъ занятій“, и приняты „пристойныя мѣры, чтобы выслать пристойнымъ образомъ всѣхъ французовъ, „безстыдныхъ вралей и болтуновъ“; проживающіе въ Испаніи иностранцы обязаны были присягнуть королю и католической церкви, отказаться отъ своихъ званій, титуловъ и отъ всѣхъ сношеній съ своимъ отечествомъ, подъ страхомъ каторжной работы, тюрьмы и конфискаціи имущества. Всѣ эти безумства сначала возбуждали въ обществѣ нѣкоторый ропотъ, и указы, наклеенные на улицахъ столицы, „наглый, по своей природѣ, мадридскій народъ“ нерѣдко „одни мерзостями гадилъ, а другіе разрывалъ“, по словамъ нашего посланника. Но духовенство не дремало, оно во всѣ свои рты проповѣдывало, что французскіе революціонеры — враги Бога и разбойники, что они грабятъ церкви, ругаются надъ вѣрой, истребляютъ духовенство и, недовольствуясь гибелью Франціи, устремляютъ свои преступные взоры на хранительницу и защитницу вѣры — Испанію. Общественное мнѣніе было фанатизировано, а Годой, переходя въ иностранныхъ дѣлахъ отъ одной нелѣпости къ другой, хлопоталъ о защитѣ „праваго дѣла“, боялся конвента, хотѣлъ вступить съ нимъ въ нейтральный союзъ, въ то-же время интриговалъ противъ него и довелъ французовъ до того, что они рѣшили объявить войну Испаніи. Это событіе и вѣсть о казни Людовика XVI подняли на ноги весь Пиринейскій полуостровъ. Народъ гонитъ и избиваетъ французовъ, какъ въ древности онъ гналъ и избивалъ евреевъ или морисковъ; провинціи волнуются, предлагаютъ деньги и солдатъ для войны съ мятежной шайкой рево-

люціонеровъ; одни жертвуютъ на войну милліоны реаловъ, другіе—своихъ дѣтей, третьи—приданое женъ, нѣкоторые — послѣдніе свои башмаки; въ столицу то-и-дѣло вступаютъ отряды вооруженныхъ волонтеровъ; на защиту святого дѣла вооружаются монахи, бѣглецы, вернувшіеся добровольно изъ своихъ убѣжищъ, разбойники, а контрабандисты Сіерры-Морены выставляютъ отрядъ въ 300 человѣкъ. Король съ гнѣвомъ клянется наказать Францію; чувствительная королева утопаетъ въ слезахъ, а трусливый Годой храбро извѣщаетъ иностранные дворы, что доведенная имъ до ничтожества Испанія жестоко покараетъ мятежныхъ французовъ. Началась безсмысленная, позорная война, оконченная въ 1795 г. миромъ, за который Годой получилъ титулъ *князя мира*, земли, приносившія 1,000,000 ежегоднаго дохода, лейбъ-стражу, превосходившую своимъ блескомъ королевскую гвардію. Теперь онъ вознесся на вершину своего могущества, повелѣвалъ даже королевой, раздавалъ должности родственникамъ своихъ безчисленныхъ любовницъ, безумно расточалъ послѣдніе остатки казны и вмѣстѣ съ дворомъ кутилъ на-пропалую. Едва окончивъ войну съ Франціей, онъ впутался въ войну съ Англіей, рѣшившись отнять у нея первенство на морѣ! Испанскій флотъ былъ уничтоженъ при первой встрѣчѣ съ англичанами, которые немедленно-же убили всю испанскую торговлю и совершенно разстроили испанскіе финансы.

Положеніе страны было ужасное, и всѣ реформы предшествовавшаго царствованія какъ-будто никогда не существовали. Безумныя войны, расточительность двора, казнокрадство и обѣднѣніе народа производили то, что съ воцаренія Карла — Годоя дефицитъ ежегодно простирался до 150,000,000 реаловъ, вслѣдствіе войны съ Франціей онъ увеличился на 1.269,000,000, а въ 1797 году къ нему прибавилось еще 800,000,000. Ни соблазнительныя лотереи, ни принудительные займы, ничто не могло поправить дѣлъ. Страна нищенствовала, а дворъ поглощалъ болѣе 1/6 всѣхъ доходовъ. Чи-

новники не получали жалованья, солдаты голодали и ходили чуть не нагіе, а вельможи имѣли царское содержаніе. Годой занималъ десятки прибыльныхъ должностей и получалъ больше, чѣмъ всѣ судьи Испаніи, взятые вмѣстѣ. Производительность страны была парализирована. Только третья часть сельской и городской земли находилась въ свободномъ владѣніи; остальныя двѣ трети принадлежали духовенству и дворянству, которыя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были единственными землевладѣльцами, а крестьяне—ихъ поденщиками. Эти двѣ трети земли, принадлежавшія привилегированнымъ сословіямъ, не приносили и половины того дохода, какой давала остальная, свободная треть. Промышленности не было почти никакой и большую часть товаровъ Испанія получала изъ-за границы, на деньги, выжатыя изъ своихъ колоній. Провинціи жили совершенно изолированно одна отъ другой, и протяженіе всѣхъ дорогъ не превышало 3,000 километровъ. Дороги были усѣяны ворами и разбойниками, которые взимали дань почти съ каждаго проѣзжающаго. Дурное состояніе внутреннихъ сообщеній доходило до того, что, напр., въ Картагенѣ, по случаю голода, фунтъ дурного хлѣба стоилъ 30 франковъ, а въ Ламанчѣ, всего въ 30 французскихъ миляхъ отъ Картагены, продавался въ изобиліи отличный хлѣбъ по 10 сантимовъ за фунтъ. Почты ходили дважды въ недѣлю изъ Мадрида только въ Кадиксъ, Барцелону и Ирунъ. На границахъ многочисленныхъ провинцій и при въѣздѣ въ города путешественники и товары переписывались и уплачивали тяжкіе налоги. Провинціи были населены чрезвычайно неравномѣрно и имѣли различныя мѣры, вѣсъ, монету, говорили разными нарѣчіями и чуждались другъ друга. Онѣ управлялись военными диктаторами, подъ названіемъ генералъ-капитановъ. Уголовное законодательство представляло изъ себя чудовищную смѣсь средневѣковыхъ законовъ съ новѣйшими постановленіями; безчисленное множество спеціальныхъ судовъ, и притомъ такихъ, какъ инквизиція, совершенно устраняло равенство людей пе-

редъ закономъ, а взяточничество и произволъ убивали даже всякое представленіе о правосудіи. Всеобщій гнетъ, давившій всякое проявленіе мысли, доходилъ до чудовищнаго регламентированья промышленности. Правительство выдумало раздѣлить дѣятельность колоній и метрополій на спеціальности; такъ, напр., извѣстныя отрасли горнаго дѣла были дозволены въ колоніяхъ, но запрещены въ Испаніи и наоборотъ. Корпоративныя цеховыя стѣсненія убивали собою развитіе ремеслъ. Армія набиралась посредствомъ вербовки, а флотъ пополнялся матросами, насильно захватываемыми гдѣ ни попало. Народное образованіе со временъ Карла III совершенно пало. Подъ вліяніемъ реакціи, университеты снова получили свой прежній средневѣковой характеръ, и съ ихъ кафедръ бездарные профессора, на языкѣ варварской латыни, по-прежнему преподавали древнюю премудрость. Физика, астрономія, естественныя науки были въ полномъ пренебреженіи, но за то процвѣтали въ полномъ блескѣ своемъ теологія, римское право, римская казуистика и искуство схоластическаго словопренія. Студенты вели средневѣковую бродячую жизнь. Въ мантіяхъ, съ гитарами и шпагами, они бродили по странѣ, задавали серенады, питались милостыней или кормились въ монастыряхъ. Грамотный крестьянинъ былъ величайшею рѣдкостью, а умѣвшая читать женщина навлекала на себя подозрѣніе въ безнравственности. Инквизиція, подслушивая и подглядывая каждое движеніе совѣсти и мысли, совершенно подавила литературу. Кромѣ богословскихъ книгъ ничего не печаталось и на всю страну существовало только четыре ничтожныя газетишки, выходившія дважды въ недѣлю; одна изъ нихъ издавалась въ Мадридѣ. Театръ былъ въ совершенномъ упадкѣ и спектаклю рѣшительно предпочитался бой быковъ, а король, чтобы не скучать и не быть одному въ театрѣ, разсылалъ по улицамъ своихъ лакеевъ, чтобы приглашать прохожихъ даромъ. За то религіознымъ церемоніямъ не было и счету. Цѣлая половина дней въ году принадлежала

праздникамъ. Между тѣмъ, какъ въ странахъ менѣе фанатическихъ особенною популярностью пользуются радостные, свѣтлые, праздники, напр., Пасха и Рождество, въ мрачной, изувѣрной Испаніи наиболѣе выдвигаются впередъ такія мрачныя празднества, какъ, напр., страстная недѣля съ своими потрясающими процессіями и церемоніями, внушающими религіозный ужасъ. На перекресткахъ улицъ, на площадяхъ и въ переулкахъ, всюду были устроены ниши со статуями и иконами святыхъ; по ночамъ передъ ними теплились свѣчи и лампады, и это было единственное уличное освѣщеніе. Противъ засухи, голода, наводненія, скотскихъ падежей и всѣхъ болѣзней боролось одно лишь духовенство своими заклинаніями и тому подобными средствами. Больные обращались не къ лекарямъ, а къ амулетамъ и реликвіямъ. Доходы церкви превосходили доходы государства. Обнищавшая страна кормила 150,000 монаховъ, монахинь и поповъ; на каждую тысячу жителей приходилось 11 духовныхъ. Скопляя громадныя богатства, поддерживая и развивая нищенство, оковывая умъ, пропагандируя аскетизмъ и смиреніе, духовенство въ то-же время развивало въ народѣ всевозможные пороки. Оно систематически развращало женщинъ, портило мальчиковъ, плодило незаконныхъ дѣтей и смотрѣло сквозь пальцы на то, какъ религіозныя процессіи и торжества сплошь и рядомъ оканчивались оргіями. Монастыри, какъ и въ средніе вѣка, были притонами разврата и тунеядства. Поддерживая фанатизмъ, лицемѣріе и пустосвятство, духовенство воспользовалось событіями въ сосѣдней Франціи, чтобы усилить вражду испанцевъ ко всякой прогрессивной идеѣ, и поддерживало въ нихъ тотъ ложный патріотизмъ, въ силу котораго правовѣрная, но нищая, невѣжественная, безоружная Испанія считала себя богоизбранною націей и готова была выйти на бой со всей Европой, въ надеждѣ на одну только обѣщаемую патерами сверхъестественную помощь. Наконецъ, благодаря тому-же духовенству главнымъ образомъ, вы видимъ

непомѣрное развитіе той роскоши, которая существуетъ какъ-будто для того только, чтобы рѣзче обрисовался контрастъ между нею и нищетою страны, вопіющей бѣдностью народа, нечистотою городовъ, грязью закулисной домашней жизни и строгостью проповѣдуемаго всюду аскетизма. Это не комфортабельная роскошь англійскаго лорда, а роскошь на показъ, удовлетворяющая пустому самолюбію, ослѣпляющая бѣдную массу и повергающая ее въ прахъ передъ такимъ грандіознымъ величіемъ. Народъ бѣденъ, нищъ, но католическіе храмы и монастыри великолѣпны, а изъ духовенства даже люди самыхъ строгихъ правилъ живутъ роскошнѣе иныхъ королей. Кардиналъ Химинесъ, напр., носилъ на тѣлѣ власяницу и рясу нищенствующаго монаха, но прикрывалъ ихъ великолѣпнымъ костюмомъ своего званія; онъ питался зеленью и кореньями, спалъ на голыхъ доскахъ, и въ то-же время жилъ въ самой роскошной обстановкѣ, достойной любого государя. Поражая народъ такимъ великолѣпіемъ, духовенство и воспитанные имъ высшіе классы внушали ему не меньшее благоговѣніе своей неприступностью, гордостью и повелительностью. Что у народа, развившагося иначе, возбудило-бы одно только недовольство и раздраженіе, въ Испаніи повергало его въ прахъ и онъ съ умиленіемъ лобзалъ ноги своихъ старѣйшинъ.

Ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ описываемаго времени присоединилось еще сильное броженіе въ колоніяхъ, готовыхъ отдѣлиться отъ Испаніи и тѣмъ лишить ее послѣдняго источника богатствъ.

Главною цѣлью колоніальной политики было извлеченіе золота и серебра, которыхъ одно только правительство получило изъ Америки съ 1492 г. до 30 милліардовъ франковъ. Завоевавъ необозримую роскошную страну, ограбивъ жителей, разрушивъ туземную цивилизацію, истребивъ милліоны индѣйцевъ и водворивъ рабство негровъ, испанцы опочили отъ трудовъ, и колоніи погрузились въ сонную, апатичную жизнь, нарушаемую только по временамъ жестокими притѣ-

сненіями правителей, да взрывами анархическихъ мятежей. Торговля и промышленность колоній были регулированы такъ, чтобы держать ихъ въ постоянномъ безсиліи и постоянной зависимости отъ метрополіи. Въ дѣлѣ управленія испанское правительство стремилось не къ тому, чтобы слить разнообразные элементы народонаселенія, но чтобы разъединить ихъ и, разъединивъ, обезсилить. Каждому сословію, каждой расѣ, каждому учрежденію оно создавало противовѣсъ въ другихъ сословіяхъ, расахъ и учрежденіяхъ. Поддерживая маіораты и дворянство, оно мѣшало развитію свободнаго земледѣльческаго сословія; оно вооружало духовенство противъ городскихъ совѣтовъ; назначая чиновниками исключительно туземцевъ Испаніи, оно ставило ихъ во враждебныя отношенія къ испанцамъ Америки, а этихъ послѣднихъ къ инородцамъ. Но вреднѣе всего было то нравственное иго католицизма, которое давило Америку еще больше, чѣмъ Испанію, и послѣдствія котораго существуютъ до сихъ поръ. Ради краткости, мы остановимся здѣсь только на судьбахъ Парагвая, исторія котораго вполнѣ выясняетъ всю гибельность католическаго деспотизма даже въ самой мягкой его формѣ. Миссіонеры осуществили въ Парагваѣ свой идеалъ „свободнаго" католическаго государства. Обративъ туземцевъ въ христіанство, привязавъ ихъ къ вѣрѣ посредствомъ театральнаго, эфектнаго богослуженія, увеличивъ число жителей своихъ колоній посредствомъ военныхъ набѣговъ на индѣйскія племена и захватовъ туземцевъ въ плѣнъ цѣлыми толпами, отцы іезуиты заставили ихъ работать, и, устроивъ имъ безбѣдную, достаточную жизнь, превратили ихъ въ довольныхъ судьбою животныхъ, безпрекословно трудившихся по приказамъ и программамъ начальства. Вся жизнь колоній была напередъ расписана по частямъ и мельчайшимъ подробностямъ. Утромъ жители шли въ церковь, подъ надзоромъ своихъ опекуновъ; потомъ отправлялись на работы, распредѣляемыя миссіонерами, которые однихъ заставляли плотничать, другихъ ко-

вать, третьихъ воздѣлывать землю. Инспекторы неотлучно слѣдили за работами, направляли ихъ, наказывали лѣнивыхъ, поощряли послушныхъ. Миссіонеры раздавали индѣйцамъ земельные участки, выдавали имъ сѣмена для посѣва, принимали сжатый хлѣбъ въ общественные магазины и распоряжались послѣдними. За малѣйшія отступленія отъ приказаній, за лѣность, пьянство, развратъ, за каждый церковный грѣхъ, за самое невинное проявленіе личной гордости или умственной самодѣятельности индѣйцевъ наказывали тѣлесно, или, по выраженію самихъ миссіонеровъ, „давали имъ предвкушать сладость мученичества". Посредствомъ исповѣди іезуиты знали всю подноготную семейной жизни и сдѣлали то, что каждый индѣецъ шпіонилъ на каждаго. Дѣтей воспитывали на общественный счетъ, пользуясь образованіемъ для порабощенія ума „благому и сладкому игу" католичества. Въ колоніи было запрещено въѣзжать даже испанцамъ, кромѣ губернатора и епископа, да и за послѣдними на каждомъ шагу слѣдили шпіоны. Войско получало оружіе только на время похода, по окончаніи котораго оно отбиралось и складывалось въ арсеналы, а офицеры, возгордившіеся своими побѣдами, получали урокъ смиренномудрія посредствомъ тѣлесныхъ наказаній. Послѣ изгнанія іезуитовъ, возбудившаго неудовольствіе и волненіе какъ въ Парагваѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Америки, Парагвай очутился въ самомъ плачевномъ состояніи. Туземцы, отвыкшіе отъ всякой самостоятельности и невѣжественные до того, что не знали даже употребленія денегъ, погрузились въ неисходную бѣдность, вымирали отъ голода и эпидемій и даже въ обыкновенное время больные составляли пятую часть народонаселенія. Когда, силою обстоятельствъ, Парагвай очутился независимымъ, то имъ тотчасъ-же завладѣлъ докторъ Франсія и возстановилъ въ немъ прежнюю іезуитскую систему всесторонней опеки, водворилъ такой военный деспотизмъ, на который съ ужасомъ смотрѣла даже южная Америка. Чтобы дать понятіе о ре-

зультатахъ системы, царствовавшей въ Парагваѣ болѣе ста лѣтъ, припомнимъ, что недавно владычествующій въ немъ Лопецъ, затѣявъ безумную войну съ Бразиліей, Урагваемъ и Аргентинской республикой, встрѣтилъ въ своихъ подданныхъ одно безусловное вниманіе. Онъ разстрѣливалъ генераловъ за ихъ военныя неудачи; въ 1865 г. за неуспѣшный походъ онъ разстрѣлялъ десятаго изъ солдатъ и половину офицеровъ. Состоявшая при немъ комиссія изъ трехъ поповъ просто неистовствовала въ странѣ, захватывая и казня всѣхъ подозрительныхъ ей лицъ, не только парагвайцевъ, но даже иностранцевъ и дипломатическихъ агентовъ. 1,900 женщинъ изъ лучшихъ фамилій были закованы въ цѣпи и сосланы на сельскія работы. „За весьма немногими исключеніями, говоритъ одинъ писатель,—Лопецъ погубилъ лучшую и самую почтенную часть парагвайскаго народонаселенія; онъ разстрѣливалъ самыхъ знатныхъ лицъ безъ всякаго суда. Онъ умертвилъ женъ всѣхъ бѣжавшихъ парагвайцевъ; такой-же участи подвергались иностранные купцы. Всѣхъ жертвъ насчитываютъ до 180,000 человѣкъ“.

Въ Перу, Мехикѣ и другихъ испанскихъ колоніяхъ господствовала система управленія, подобная парагвайской, и принесла подобные-же, хотя и не столь гибельные плоды. Впрочемъ, при Карлѣ III, какъ мы уже говорили, испанское правительство, изгнавъ іезуитовъ, допустивъ свободу торговли и сношенія съ иностранцами и произведя нѣсколько другихъ реформъ въ своихъ колоніяхъ, пробудило въ нихъ не только промышленную, но и умственную жизнь. Колоніи начали принимать европейскій видъ, въ нихъ возникало образованное городское сословіе, открывались новыя учебныя заведенія, начались насмѣшки надъ схоластической испанской ученостью, развивался скептицизмъ, чувствовалось вліяніе французскихъ энциклопедистовъ. А съ тѣхъ поръ, „какъ колоніи подверглись сильному вліянію заграничныхъ событій — освобожденія сѣверной Америки и французской революціи, — событій, на-

чавшихъ собою новый политическій вѣкъ,—идея независимости уже не могла быть подавлена. Съ этихъ поръ вице-короли не переставали доносить о неспокойномъ состояніи головъ и сердецъ, о подстрекательствѣ чужеземцевъ, о пропагандѣ республиканскихъ идей. Теперь инквизиціи было повсюду много работы; американцы читали, писали и перепечатывали грубымъ, деревяннымъ шрифтомъ запрещенныя французскія книги; умственные и политическіе интересы питались этими запрещенными плодами. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ той быстрою зрѣлостью, которая составляетъ особенность всѣхъ колонистовъ, образовалась восторженная молодежь, павшая потомъ первою жертвою въ передовыхъ битвахъ революціи" (Gervinus). Когда-же, съ воцареніемъ Карла—Годоя, правительство начало закрывать школы, преслѣдовать всякое свободное проявленіе мысли, выражать мнѣніе, что креоловъ не слѣдуетъ учить ничему, кромѣ библіи, запретило заграничныя путешествія и обрушило на креоловъ всю ярость инквизиціи, когда колоніи сдѣлались какою-то богадѣльнею для самыхъ безнравственныхъ чиновниковъ, покупавшихъ свои мѣста у ненавистнаго Годоя, когда судъ превратился снова въ торговлю законами, а администрація въ грабежъ,—то революціонный духъ разлился по всѣмъ колоніямъ и онѣ нетерпѣливо ждали только первой возможности къ отдѣленію, неизбѣжность котораго уже предвидѣли и наиболѣе прозорливые люди въ самой Испаніи. Но нелѣпость испанской системы отзывается въ нихъ до настоящаго времени. Въ нихъ царствуетъ не наука, а доктрины католическаго духовенства; подъ формой республики владычествуетъ анархія; благодаря слабости земледѣльческаго сословія, рабству, сословной розни и многочисленности непроизводительнаго бродячаго народонаселенія, въ родѣ испанскихъ разбойниковъ или нашихъ старинныхъ казаковъ, способные и богатые авантюристы то-и-дѣло вербуютъ себѣ здѣсь многочисленныя шайки, низвергаютъ правительство, грабятъ казна-

чейстно, разстрѣливаютъ своихъ противниковъ и деспотствуютъ до тѣхъ поръ, пока не погибаютъ сами отъ такого-же переворота.

Революціонное движеніе не ограничивалось однѣми колоніями: оно было замѣтно и въ самой Испаніи. Либеральная и просвѣтительная эпоха Карла III, при всей поверхностности своего вліянія, все-таки оставила замѣтные слѣды въ испанскомъ обществѣ, а европейскія событія еще болѣе возбуждали умы, правительство-же какъ-будто нарочно вело себя такъ, чтобы расшатать окончательно зданіе государства. Произвольный и безтолковый временщикъ возмущалъ даже духовенство и дворянство, вооружалъ противъ себя всѣ партіи и водворялъ начатки той постоянной анархіи, отъ которой Испанія страдаетъ до послѣдняго времени. Еще во время войны съ Франціей былъ открытъ заговоръ, въ составъ котораго входили не только вельможи, но даже монахи и самъ генералъ-инквизиторъ. Цѣлью заговорщиковъ было сверженіе Годоя, созваніе кортесовъ и миръ съ Франціей. Высшіе слои общества болѣе и болѣе возмущались упадкомъ страны; исчезалъ даже пресловутый испанскій патріотизмъ; на нашествіе французовъ начинали смотрѣть, какъ на единственное средство къ обновленію; чаще и чаще раздавались голоса, что „пора явиться французамъ и прогнать господъ, которые не умѣютъ управлять; пусть придутъ они, мы примемъ ихъ съ радостью". Дѣло дошло до того, что высшее правительственное учрежденіе—кастильскій совѣтъ началъ смѣло и рѣзко выражать свой ропотъ на положеніе дѣлъ. На одно замѣчаніе Карла, составленное, конечно, Годоемъ, онъ отвѣчалъ: „совѣтъ очень хорошо знаетъ, чье презрѣнное перо написало или продиктовало такой указъ, злоупотребляя священнымъ именемъ вашего величества. Онъ съ скорбію предвидитъ достойное проклятія паденіе трона. Возстаньте-же, в. в., отъ глубокой летаргіи, въ которую вы уже такъ давно погрузились! Пора уже вамъ свергнуть съ себя опутавшее

васъ иго ничтожныхъ развратниковъ". Въ этихъ протестахъ вельможъ и революціоннаго броженія высшаго общества замѣтно уже начало всей послѣдующей семидесятилѣтней борьбы за власть революціонныхъ антрепренеровъ въ родѣ какихъ-нибудь Нарваеца или Прима. Совѣтъ, вельможи, прелаты возмущались главнымъ образомъ тѣмъ, что управленіе принадлежитъ не имъ, исконнымъ властителямъ народа, а ничтожному выскочкѣ, эксъ-любовнику королевы. Но во всякомъ случаѣ въ это время были уже сѣмена и того прогрессивнаго движенія, которое, проявляясь и постепенно усиливаясь, преобразовывало Испанію. Въ это время воспитывалось поколѣніе, создавшее конституцію 1812 г., — воспитывалось подъ вліяніемъ французскихъ идей, а отчасти и собственной литературы, давшей обществу нѣсколько замѣчательныхъ произведеній. Такова была, напр., сатира „Хлѣба и быковъ!", смѣло нападавшая на низкое духовенство, ничтожное образованіе, судопроизводство, администрацію. Таковы были стихотворенія молодого поэта Квинтана и многія сочиненія неутомимаго старика Ховельяноса, открывшаго въ Астуріи замѣчательный политехническій институтъ. Либеральное движеніе напугало правительство; дворъ струсилъ и Годой началъ либеральничать; въ министерство былъ призванъ Ховельяносъ. Но когда на попытки послѣдняго ему отвѣчали интригами и покушеніями на жизнь, то онъ съ отвращеніемъ удалился изъ этого омута. Подъ руководствомъ Годоя, страной стали управлять новые министры—Урквихо и образецъ всевозможныхъ пороковъ Кабальеро. А въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, въ Испаніи свирѣпствовала моровая язва, голодъ и землетрясенія. Эпидемія была такъ опустошительна, что принуждены были закрыть университеты. Мѣра пшеницы отъ 40 реаловъ дошла до 400. Годой-же изобрѣталъ постоянно заговоры и, выставляя себя спасителемъ трона, болѣе и болѣе упрочивалъ свое положеніе; въ провинціяхъ разъѣзжали французскіе агитаторы, Наполеонъ открыто заявлялъ, что онъ скоро ударитъ на Испа-

нію своими „молніями". Карлъ разссорился съ своимъ сыномъ и благонамѣренные испанцы держали сторону послѣдняго; французская армія вступила въ страну, король приготовился бѣжать въ Америку, но былъ удержанъ возставшимъ народомъ, Годой сверженъ, арестованъ, жилища его родственниковъ и чиновниковъ опустошены чернью; его собственныя имущества, на сумму 2.000,000,000 реаловъ, конфискованы. Въ довершеніе всей этой суматохи, въ Испаніи явилось три короля: отецъ Карлъ и сынъ Фердинандъ, оспаривавшіе другъ у друга право на корону, да еще Іосифъ Бонапартъ, утвердившійся въ Мадридѣ съ помощью французскихъ штыковъ и пушекъ. Карла и Фердинанда вмѣстѣ съ Годоемъ Наполеонъ безъ всякихъ церемоній увезъ во Францію. Карлъ уступилъ всѣ свои права императору, „какъ единственному государю, который способенъ при теперешнихъ условіяхъ возстановить порядокъ".

III.

Французы вступили въ Мадридъ. Новый король Іосифъ Бонапартъ даровалъ конституцію, распространивъ право представительства даже на колоніи, уничтожилъ инквизицію, помѣщичьи права и вотчинные суды, ввелъ независимый гласный судъ, отмѣнилъ пытки и внутреннія таможни, закрылъ много монастырей, реформировалъ налоги. Наполеоновское владычество хотя и было деспотическимъ, особенно въ виду мятежнаго настроенія всей страны, но во всякомъ случаѣ оно было прогрессивнымъ и благодѣтельнымъ, сравнительно съ управленіемъ годоевской псарни. Поэтому противъ него вооружилось духовенство, равнодушное къ національнымъ интересамъ, и вооружило націю, патріотическое чувство которой было возмущено владычествомъ иностранцевъ да въ добавокъ еще французовъ, — „революціонеровъ, цареубійцъ и

безбожниковъ". Весь народъ возсталъ за свою землю, за свою церковь, за св. инквизицію, за своего возлюбленнаго короля. Какими суевѣрными и невѣжественными мотивами было руководимо это великое движеніе, можно видѣть, напр., изъ прокламаціи, призывавшей испанцевъ на священную войну противъ „Наполеона, который есть ничто иное, какъ „Napodragon" (драконъ), *Аполіонъ* — повелитель преисподней, царь адскихъ чудовищъ, еретиковъ и еретическихъ царей, ужасный звѣрь, глава и душа Рейнскаго Союза, т. е. бестія о семи головахъ и десяти рогахъ, въ вѣнкахъ, сплетенныхъ изъ богохульствъ противъ Христа и его церкви, противъ Бога и святыхъ". Этотъ „отступникъ", „безбожникъ", „антихристъ", „жидъ", „Донъ-Кихотъ" хочетъ искоренить католицизмъ, низвергнуть иконы и кресты, осквернить церкви и обратить испанцевъ въ свою протестантскую вѣру. Невѣжественный народъ вѣрилъ всѣмъ этимъ выдумкамъ духовенства и грозно волновался. Патріотизмъ воодушевлялъ всѣ сословія. Помѣщики, купцы, военные жертвовали своимъ послѣднимъ достояніемъ; епископы вооружали цѣлые полки монаховъ, разбойники и контрабандисты выходили изъ своихъ убѣжищъ на спасеніе отечества, женщины и дѣти готовили боевые и съѣстные припасы, а колокола безчисленныхъ церквей и монастырей оглашали своими набатными звуками всю страну. Въ виду всеобщей ярости противъ врага, трусы принуждены были держаться храбрецами, а люди равнодушные притворяться патріотами. Малѣйшее подозрѣніе въ измѣнѣ или сочувствіи къ французамъ приводило чернь въ звѣрскую ярость и подозрѣваемые погибали въ ужасныхъ мученіяхъ. Началась шестилѣтняя народная война. Французовъ истребляли, гдѣ только встрѣчалась малѣйшая къ тому возможность; ихъ отравляли ядомъ, распинали на крестахъ, распиливали пополамъ, жарили на огнѣ, зарывали живыми въ землю. Народъ превратился въ дикаго звѣря. Разбиваемый въ регулярныхъ битвахъ, онъ бросалъ свои поля, сожигалъ деревни, бѣжалъ

изъ городовъ и, ведя кочевую жизнь, истощалъ всѣ силы непріятеля своими партизанскими набѣгами. Жестокости этой народной войны были, однакожъ, только одною изъ темныхъ сторонъ ея. Испанскія войска были изъ рукъ вонъ плохи, а между тѣмъ испанцы считали свои военныя средства превосходными, почти вовсе не заботились объ ихъ усовершенствованіи и увѣряли себя, что они способны совершенно истребить Францію! „Для насъ, говорили испанскіе патріоты, — ничего не значатъ войска антихриста, эти подонки жалкаго острова Корсики. Великая и столь прославленная сила Наполеона теперь уже химера. Трепещи, корсиканское отродье, проклятіе природы! Мы, 500,000 испанскихъ львовъ, выступимъ противъ васъ и терпящей васъ націи на ея смерть и разрушеніе. Фивы, Іерусалимъ, Пальмира — все будетъ слабымъ очеркомъ того, что станется съ вами. Чужеземцы, которые стекутся искать васъ, въ изумленіи воскликнутъ: „вѣдь здѣсь была когда-то Франція! Что-же сдѣлалось съ первою изъ націй?“ Эти защитники отечества нерѣдко сами превращались въ разбойниковъ, грабя и сожигая то, что еще оставалось цѣлымъ отъ французовъ. Такъ, напр., едва только французы оставили городъ Квенку, какъ въ него вторглись испанцы и начали хозяйничать по-разбойнически. Черезъ три дня пришло 800 валенсійскихъ воиновъ, которые въ недѣлю выбили изъ жителей 90,000 реаловъ. Затѣмъ прибыли 400 аррагонцевъ и вымогли 36,000 реаловъ. Но лишь только приблизился французскій отрядъ, эти герои бѣжали сначала, увлекая съ собою жителей, потомъ вернулись въ опустѣвшій городъ и, разграбивъ его, бѣжали снова при наступленіи врага!.. Вся страна была повергнута въ невообразимый хаосъ. Въ городахъ, въ провинціяхъ, даже въ селахъ—вездѣ возникали народныя хунты, каждая изъ нихъ распоряжалась по-своему, всѣ онѣ соперничали между собою, поддерживали междоусобицу, разстраивали общее дѣло и кое-какъ, наконецъ, могли согласиться относительно учрежденія центральной хунты. Не-

вѣжество, вѣковое провинціальное и сословное раздѣленіе, отупѣніе націи, какъ неизбѣжный результатъ прежней системы, обнаружились при этомъ вполнѣ. За что съ такимъ непонятнымъ упорствомъ, съ такою львиною храбростью дрался этотъ народъ? Онъ дрался за свою страну, разоренную его повелителями столько-же, сколько и внѣшними врагами; онъ дрался за погубившее его католическое духовенство, за всю старую систему, за своего „возлюбленнаго короля“, который мучится въ плѣну у нечестивыхъ французовъ. Имя Фердинанда VII было лозунгомъ войны наравнѣ съ именемъ св. Яго. Народъ дрался отчаянно, а Наполеонъ, бѣжавшій изъ Россіи въ 1812 г. и затѣмъ устремившій всѣ свои силы противъ союзниковъ, принужденъ былъ отказаться отъ окончательнаго подавленія испанцевъ, которымъ вдобавокъ помогали еще англичане.

Между тѣмъ „возлюбленный“ король, „мученикъ“ поживалъ въ Валансэ, въ плѣну у французовъ. Лакеи, камердинеры и монахи составляли его избранное дружеское общество. Его набожность доходила до того, что онъ собственноручно вышивалъ церковныя одежды, а его монахи занимались даже поддѣлкою чудесъ. Испанцы очень хлопотали, чтобы достать себѣ „возлюбленнаго“, а „возлюбленному“ очень хотѣлось улизнуть въ Испанію и возсѣсть на престолѣ отцовъ своихъ. Но только въ 1814 г. обстоятельства позволили осуществиться этимъ обоюднымъ желаніямъ, и Фердинандъ отправился въ отечество, однакожъ не съ веселымъ сердцемъ. Испанія не была уже той Испаніей, какою онъ оставилъ ее. Что она была разорена и опустошена непріятелемъ и доведена почти до поголовной нищеты, это, конечно, мало трогало сердце Фердинанда и его прислужниковъ; горе ихъ заключалось въ томъ, что страну волновалъ гордый духъ свободы.

Когда управленіе страной очутилось въ рукахъ хунтъ, то всѣ благонамѣренные испанцы со страхомъ увидѣли, что на сцену выступило множество людей съ совершенно новыми

стремленіями. Умственное движеніе XVIII вѣка и частыя столкновенія съ иностранцами породили цѣлую партію либераловъ, видѣвшихъ единственное средство для спасенія Испаніи въ коренныхъ реформахъ, сообразныхъ съ духомъ вѣка. Поэтъ, публицистъ и членъ правительства Квинтана въ своемъ манифестѣ о созваніи кортесовъ вполнѣ выразилъ политическія идеи либеральной партіи. „Уже три вѣка миновало съ тѣхъ поръ, какъ пали спасительные законы, на которыхъ покоилась защита націи противъ нападеній тиранніи. Наши отцы не могли упрочить свободу, это драгоцѣнное наслѣдіе, оставленное имъ предками. Голосъ разума и справедливости утратилъ свою силу и съ тѣхъ поръ законы стали лишь тиранническимъ выраженіемъ воли одного человѣка. Въ эти три вѣка бѣдствій тщетно добрая воля государя порой старалась изцѣлить ту или другую рану. Тщетно и возрастающее образованіе Европы внушало нашимъ государственнымъ людямъ планы полезныхъ реформъ. На пескѣ не построишь ничего путнаго! За минутой счастливаго вдохновенія слѣдуетъ господство самыхъ дурныхъ инстинктовъ. Духъ бережливости и порядка смѣняется духомъ расточительности. Разсудительнаго и доброжелательнаго министра вытѣсняетъ бездарный и своекорыстный временщикъ... И колеблется государственный корабль, лишенный кормила, неруководимый твердымъ принципомъ, разумной и прочной системой... Хунта должна не только защитить націю отъ врага, но и утвердить ея счастье на прочныхъ основахъ. Послѣ доблестнаго окончанія нынѣшней борьбы испанецъ долженъ воскликнуть съ справедливой гордостью: „Отцы оставили мнѣ рабство и бѣдствіе; я завѣщаю моимъ потомкамъ свободу и славу“. Мы должны отнять у нашихъ клеветниковъ предлогъ къ нашему униженію. Они говорятъ, что мы ослѣплены, что мы боремся за наше старое зло, за закоренѣлые недостатки нашего растлѣннаго правительства. Пусть-же узнаютъ, что цѣль нашихъ усилій— и внѣшняя независимость, и внутреннее счастье отечества.

Пусть увидятъ, что впредь вы не желаете зависѣть отъ колебаній воли, отъ измѣнчивости нрава одного человѣка; что вы уже не хотите быть игрушкой неправеднаго двора, наглаго временщика или необузданной женщины. Пусть узнаютъ, что вы желаете возстановить великое зданіе вашихъ старыхъ законовъ и тѣмъ создать ненарушимый оплотъ, который защититъ ваши права отъ убійственнаго произвола. Испанцы! этотъ оплотъ—хорошая конституція. Безъ конституціи всякая реформа непрочна, всякое счастье непостоянно. Безъ нея силы общества идутъ не на возможно широкое развитіе благосостоянія всѣхъ его членовъ, а на исключительное служеніе гордости и ослѣпленію немногихъ. Испанцы! Эта конституція должна быть главнымъ предметомъ вашихъ стремленій, утѣшеніемъ въ переносимыхъ вами бѣдствіяхъ, наградой вашей храбрости, надеждой на побѣду. Эта конституція должна быть противоположностью байонской бумагѣ, продиктованной деспотомъ (т. е. наполеоновской конституціи). Хунта призоветъ къ свободному выраженію своихъ мыслей всѣхъ знатоковъ отечественной исторіи, всѣхъ политиковъ. Она разсмотритъ ихъ проекты и торжественно представитъ этотъ плодъ высшей опытности и разумѣнія на обсужденіе націи, собранной въ лицѣ всеобщихъ кортесовъ".

Въ то время, какъ масса народа по-прежнему оставалась невѣжественною и суевѣрною и проливала свою кровь за католическое духовенство да возлюбленнаго короля, либеральное движеніе среднихъ и высшихъ классовъ усиливалось со дня на день. Когда въ 1810 году собрались учредительные кортесы, то либералы и по своей численности, и по своимъ способностямъ, и по своему умственному развитію оказались гораздо сильнѣе сторонниковъ стараго порядка. Они смѣлою рукою принялись за реформу. Крѣпостное право было однимъ изъ первыхъ золъ, разрушенныхъ кортесами, которые обратили полное вниманіе на ужасное положеніе крестьянъ и на убійственное вліяніе крѣпостничества на всѣ отрасли народ-

ной жизни. Государству принадлежало только 17,000,000 акровъ земли, а 28,000,000 акровъ состояло подъ властью дворянства, да 9,000,000 находилось въ обладаніи церкви. Феодальные налоги нерѣдко были болѣе государственныхъ въ 26, даже въ 59 разъ. Были мѣстности, гдѣ $^5/_6$ всей жатвы забирались духовными и свѣтскими господами. Безмѣрные налоги превращали крестьянъ въ нищихъ, а произволъ господъ доводилъ ихъ до состоянія жалкихъ, забитыхъ животныхъ. Оппозиція крѣпостниковъ оказалась безсильною передъ напоромъ сторонниковъ освобожденія. И нужно отдать послѣднимъ полную справедливость за то, что они энергически и честно стояли за крестьянскую эманципацію при тѣхъ-же условіяхъ и въ то-же самое время, когда въ другихъ европейскихъ странахъ, сохранявшихъ еще крѣпостное право, правители и господа народа, пользуясь его силами для ниспроверженія наполеоновскаго ига, старались по-прежнему удержать его въ рабствѣ. Въ августѣ 1811 года испанскіе крестьяне были освобождены и вся страна приняла эту мѣру съ восторгомъ и ликованіемъ; только дворянство и духовенство, недовольныя совершившейся реформой и опустошеніемъ своихъ кармановъ, еще болѣе, чѣмъ прежде, стали употреблять всѣ усилія на противодѣйствіе новому духу. Но ихъ время еще не пришло. Кортесы освободили печать отъ угнетавшихъ ее стѣсненій, уничтожили инквизицію, создали и ввели въ дѣйствіе демократическую конституцію 1812 года. Въ силу этой конституціи, всѣ верховныя права принадлежатъ одному только народу, который самъ издаетъ законы, необходимые для защиты свободы и благосостоянія каждаго. Народъ не можетъ быть собственностью ни отдѣльнаго лица, ни какой-бы то ни было фамиліи. Онъ облекаетъ короля исполнительною властью. Безъ согласія кортесовъ король не можетъ даже ни жениться, ни выѣзжать за границу. Кортесы распоряжаются престолонаслѣдіемъ и воспитаніемъ наслѣднаго принца. Въ случаѣ неспособности короля или нарушенія имъ своей клятвы въ вѣрно-

сти конституціи, кортесы низлагаютъ его. Послѣ трехъ veto, наложенныхъ королемъ на постановленіе кортесовъ, это постановленіе дѣлается закономъ и безъ королевскаго согласія. Въ опредѣленный срокъ кортесы собираются сами собой, даже если ихъ не созываетъ король. Во время ихъ роспуска ихъ замѣняетъ избранная ими комиссія. Въ кортесахъ только одна палата, членомъ которой можетъ быть каждый испанецъ не моложе 25 лѣтъ, а избирателемъ каждый испанецъ не моложе 21 года. Гарантируя независимость суда и мѣстнаго самоуправленія, конституція освящала неприкосновенность личности отъ произвола, вводила равенство податей и повинностей между сословіями и, требуя коренного преобразованія всей системы народнаго просвѣщенія, постановляла, что первоначальное образованіе должны получать всѣ испанцы. Наконецъ, эта конституція, распространяясь на колоніи, уравнивала послѣднія съ метрополіей.

Все, что было либеральнаго какъ въ Испаніи, такъ и въ остальной Европѣ, все преклонялось передъ этой конституціей, за введеніе которой въ Португаліи, Сициліи, Неаполѣ, Сардиніи бились туземные революціонеры и которая была идеаломъ испанскихъ либераловъ вплоть до 1848 года. За то всѣ ретрограды, всѣ сторонники и эксплуататоры рабства, начиная съ босоногаго монаха, агитировавшаго чернь въ предмѣстьяхъ Мадрида или въ горахъ Бискайи, до иностранныхъ дворовъ, — всѣ были противъ испанской конституціи. Даже въ самыхъ учредительныхъ кортесахъ реакціонная партія уже заявляла себя совершенно открыто и очень энергично противъ новаго порядка. Благодаря этой оппозиціи, благодаря начинавшейся уже пропагандѣ поповъ объ еретичествѣ кортесовъ, послѣдніе принуждены были признать неприкосновенными всѣ традиціи католицизма, кромѣ уничтоженной ими инквизиціи. Въ замѣнъ послѣдней, судъ надъ еретиками былъ предоставленъ епископамъ, безъ дозволенія которыхъ нельзя было печатать ничего о религіи, а единствен-

ной дозволенной религіей оставался по-прежнему католицизмъ. Но и при этихъ уступкахъ духовенство не могло примириться съ либеральными кортесами, отнявшими у него инквизицію и опору королевскаго самодержавія. Попы и монахи начинали уже открыто бунтовать противъ нововведеній и привлекать къ себѣ послушную имъ невѣжественную массу. Помѣщики, лишенные своихъ господскихъ правъ, растлѣнное чиновничество, всѣ, кому такъ хорошо и привольно жилось при старыхъ порядкахъ, соединялись съ духовенствомъ и, составивъ партію такъ-называемыхъ *рабовъ*, раскинули по всей странѣ сѣти реакціоннаго заговора и ждали только удобнаго момента, чтобы начать борьбу на жизнь и смерть съ обновителями своего отечества. Фердинандъ-же, посвящавшій все свое время ханжеству, разврату да бесѣдамъ съ своими камердинерами, постоянно мечтавшій о побѣгѣ и въ то-же время пресмыкавшійся передъ Наполеономъ, Фердинандъ не только согласился на конституцію, но даже принесъ предварительную присягу на вѣрность ей и отправился, по опредѣленному кортесами маршруту, въ Мадридъ, гдѣ онъ обязанъ былъ торжественно присягнуть конституціи и затѣмъ только вступить въ свои права.

22 марта 1814 года „возлюбленный“ вступилъ на испанскую почву и былъ восторженно принятъ *рабами*, а кортесы предписали устроить всюду благодарственныя молебствія и иллюминаціи. Чѣмъ далѣе углублялся король во внутренность страны, тѣмъ болѣе убѣждался онъ, что вся народная масса стоитъ за старый порядокъ и знать не хочетъ конституціи, которой не зналъ ни король, ни его друзья, такъ-какъ они не потрудились даже прочесть ее. Народъ, агитируемый монахами, возилъ карету короля на себѣ, преклонялъ колѣна, повергался во прахъ и заявлялъ передъ „вожделѣннымъ“ тѣ фанатическія чувства покорности, которыми давно уже славилась испанская нація. Въ то-же время монахи и рабы не переставали внушать королю рѣшимость покончить съ консти-

туціей и приготовляли къ перевороту народонаселеніе Мадрида. Монашеская газета „Аталайя“ разжигала народный фанатизмъ противъ всѣхъ либераловъ, „этихъ враговъ Бога и человѣчества, желавшихъ искоренить католическую религію, разрушить тронъ и истребить патріотовъ“. Силы и упорство реакціонеровъ были такъ велики, что либералы совершенно растерялись и не знали, что предпринять для своей самозащиты. Фердинандъ разогналъ кортесы, отмѣнилъ конституцію, бросилъ въ тюрьмы двадцать либеральныхъ депутатовъ, а чернь, предводимая монахами, неистовствовала по улицамъ Мадрида, сожигала конституціонныя доски, опустошала зданіе кортесовъ, осаждала тюрьму, въ которой сидѣли либералы, и неистово требовала головъ ихъ. Въ провинціяхъ совершалось то-же самое. Монахи и въ своихъ возмутительныхъ проповѣдяхъ, и въ своей „Аталайѣ“ праздновали побѣду и возбуждали народъ самою безсовѣстною ложью. „Три года стонали мы, говорилъ этотъ поповскій органъ, — подъ игомъ безбожія и безвѣрія, которыя, овладѣвъ верховной властью, поклялись не успокоиться, пока не искоренится у насъ религія и монархія. Это доказываетъ послѣдняя статья конституціи, въ которой сказано, что члены собранія подготовятъ народъ къ уничтоженію королевской власти и въ извѣстный день бросятся внезапно на короля и на всѣхъ священниковъ“. До какой степени монахи успѣвали внушить народу самыя звѣрскія, безсмысленныя и рабскія чувства, это видно уже изъ одного того обстоятельства, что фанатизированная чернь, неистовствуя противъ либераловъ, распѣвала сочиненный монахами куплетъ —

Vivan las cadenas!
Viva la opresion!
Viva el rey Fernando!
Muera la nacion!

Т. е.: „да здравствуютъ цѣпи, да здравствуетъ угнетеніе, да здравствуетъ король Фердинандъ, да умретъ нація!..“ И этотъ куплетъ не былъ фразою. Весь средній классъ, образованные

рабочіе, все народонаселеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городовъ стояли за конституцію, противъ которой были только король, его приближенные, барство и духовенство, руководившее обезсмысленною чернью. И реакціонеры далеко не прочь были истребить всю либеральную часть націи. Они жаловались, что правительство не воздвигаетъ висѣлицъ „по всѣмъ улицамъ городовъ“. Они возбуждали короля на жестокость и вражду, дѣлали ему самыя безчеловѣчныя внушенія. „Мы не можемъ не объяснить вашему величеству, говорила „Аталайя“,—что вся нація громко требуетъ примѣрнаго наказанія всѣхъ враговъ религіи и престола. Вѣдь нисколько не уменьшится число вашихъ подданныхъ, если 3 или 4 тысячи враговъ вашихъ будутъ отправлены частію на костеръ, частію на пустынный островъ“.

Фердинандъ и его приближенные какъ нельзя болѣе годились быть исполнителями подобныхъ требованій и инсинуацій. „Возлюбленный“ былъ изъ такихъ тирановъ, какихъ мало встрѣчалось въ новѣйшей исторіи Европы. Онъ былъ живымъ вмѣстилищемъ всѣхъ золъ, недостатковъ и пороковъ, отъ которыхъ такъ много страдала Испанія впродолженіи долгихъ столѣтій. Въ душѣ своей совершенно равнодушный къ религіи, по наружности Фердинандъ былъ образцовымъ ханжей. У него не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда какихъ бы то ни было нравственныхъ правилъ; онъ не довѣрялъ положительно никому и губилъ вечеромъ самыхъ близкихъ къ нему людей, которымъ не далѣе, какъ утромъ, клялся въ своей неизмѣнной дружбѣ; естественно, что не было человѣка, который-бы, зная „возлюбленнаго“, довѣрялъ ему. Вся жизнь Фердинанда состояла изъ длиннаго ряда коварствъ и измѣнъ. Онъ измѣнилъ отцу, составивъ заговоръ противъ него; онъ измѣнилъ народу, предавшись Наполеону; измѣнилъ Наполеону, затѣмъ вторично измѣнилъ націи, которая спасла его, измѣнилъ конституціи, въ вѣрности которой торжественно клялся; всю свою жизнь онъ измѣнялъ всѣмъ

и каждому, думалъ только о своей собственной выгодѣ и преслѣдовалъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ враговъ своихъ съ жестокостью, вполнѣ достойною древнихъ тирановъ. Духовенство прославляло его, какъ „второго Камбиза“, который сдиралъ кожу съ живыхъ измѣнниковъ, а ораторы англійскаго парламента клеймили его названіями «злодѣя, презрѣннаго и мерзкаго тирана, африканскаго дея, проклятой и безчувственной твари». Въ Испаніи же духовенство, реакціонное дворянство и обманываемая ими народная масса гремѣла хвалами «возлюбленному, вождѣленному, благословенному, великому» Фердинанду.

„Рабы“ были достойны своего господина. Дворъ Фердинанда состоялъ изъ сотоварищей его плѣна, невѣжественныхъ лакеевъ, камердинеровъ, доносчиковъ, съ которыми по ночамъ Фердинандъ шатался по притонамъ разврата. Во главѣ этихъ господъ стояли монахи и въ особенности нѣкій Остолаца, который, будучи инспекторомъ сиротскаго дома, перепортилъ ввѣренныхъ ему дѣтей, за что его принуждены были отставить отъ должности, но дали при этомъ пенсію въ 10,000 реаловъ. Духовенство просто боготворило Остолацу и называло его *безсмертнымъ*. „Рабы“, составлявшіе камарилью, были такими-же измѣнниками всѣхъ партій, какъ и правитель ихъ. Они хлопотали объ одной только наживѣ и, занявъ всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, замѣстили остальныя своими креатурами. Правительственная система сдѣлалась сцѣпленіемъ самыхъ гнусныхъ интригъ. Запугивая короля разными выдумками, внушая ему, что такія-то лица или очень любимы народомъ, или признаются имѣющими вліяніе на короля, камарилья губила всѣхъ своихъ враговъ и дѣлала что хотѣла. Фердинандъ-же, не желая даже въ глубинѣ своей деспотической души сознаться, что онъ подчиняется вліянію кого-бы то ни было, проявлялъ свое могущество совершенно неожиданнымъ образомъ. Нерѣдко среди задушевной бесѣды съ лицомъ приближеннымъ

онъ внезапно уничтожалъ его, — арестовывалъ, бросалъ въ тюрьму, ссылалъ людей, передъ властью которыхъ дрожала вся Испанія.

Отмѣнивъ конституцію, возстановивъ безчисленное множество старинныхъ бюрократическихъ учрежденій и наполнивъ ихъ людьми, которые хотѣли жить и наживаться, Фердинандъ объявилъ государственными измѣнниками всѣхъ, кто какимъ-бы то ни было образомъ заявитъ свое сочувствіе къ ниспровергнутому либеральному порядку или свое недовольство реставраціей. Всѣмъ подобнымъ «злодѣямъ», какъ выражался его декретъ, угрожала смертная казнь. Свобода слова была уничтожена, всѣ періодическія изданія, кромѣ правительственной „Газеты", запрещены, литература убита. Наконецъ, возстановлено и «святое учрежденіе инквизиціи», причемъ король заявилъ свое «намѣреніе усовершенствовать это учрежденіе такъ, чтобы оно приносило наибольшую пользу подданнымъ». Уничтоженные монастыри возобновлены, изгнанные іезуиты снова допущены въ Испанію; король увеличилъ доходы духовенства на 300,000,000 реаловъ ежегодно. Возстановляя въ совершенной красѣ и цѣлости прежній порядокъ, правительство дѣятельно преслѣдовало либераловъ и другихъ подозрительныхъ лицъ. Самъ король превратился въ сыщика и проводилъ цѣлыя ночи въ обыскахъ да арестахъ. Инквизиція неистовствовала еще болѣе, чѣмъ свѣтское правительство. Тысячи испанцевъ заключались въ тюрьмы, ссылались, разстрѣливались. Шпіонство и интрига дошли до невообразимой наглости. Въ 1808 г. въ Валенсіи была выбита медаль для отличившихся въ войнѣ съ французами. Ее носили многіе либералы. На ней была изображена женская фигура съ аттрибутами испанской монархіи. Доносчики показали королю копію съ нея, на которой упомянутые аттрибуты были уничтожены и фигура приняла видъ, напоминавшій дѣвъ на медаляхъ французской революціи. Носившихъ медаль либераловъ обвиняли по этому въ республиканскомъ заговорѣ! Это были

4*

тѣ двадцать депутатовъ, которыхъ король при ниспроверженіи конституціи заключилъ въ тюрьму. Онъ хотѣлъ во что-бы то ни стало обвинить ихъ въ государственной измѣнѣ и наряжалъ надъ ними нѣсколько судовъ, но не одинъ изъ нихъ не находилъ ни малѣйшаго предлога къ обвиненію. Суды одинъ за другимъ оправдывали прогрессистовъ, объ освобожденіи ихъ хлопотали иностранныя правительства, но Фердинандъ не могъ разстаться съ своими жертвами и, продержавъ ихъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, самъ произнесъ надъ ними судебный приговоръ, присудивъ ихъ къ ссылкѣ и къ громаднымъ денежнымъ штрафамъ, поступившимъ въ собственное королевское распоряженіе. Многіе были осуждены на безсрочное заключеніе въ монастырѣ или въ крѣпости. Истребивъ однихъ, сославъ или заточивъ другихъ и напугавъ на время остальныхъ либераловъ, правительство, подъ вліяніемъ придворныхъ интригъ, съ такимъ-же ожесточеніемъ начало преслѣдовать свою собственную партію, т. е. «рабовъ». Совѣты и просьбы иностранныхъ дворовъ объ ослабленіи этихъ неистовствъ оставались голосами, вопіющими въ пустынѣ.

Водворяя такъ-называемый „законный порядокъ", эта клика ретроградовъ не заботилась ни о чемъ другомъ, кромѣ наживы. А такъ-какъ страна была совсѣмъ истощена, а государственное казначейство пусто, то взяточничество и грабежъ достигли небывалыхъ размѣровъ. Даже дворъ открыто бралъ взятки; за освобожденіе несправедливо обвиненнаго генерала Алавы онъ получилъ съ ходатайствовавшихъ за него сословій 2,000,000 реаловъ. Когда, вслѣдствіе нелѣпаго слуха о появленіи Карла IV, въ Барцелонѣ произошелъ бунтъ, то губернаторъ, укротивъ возстаніе, взялъ съ города 1,500,000 пезовъ въ пользу двора. Министръ Гарай получилъ съ приморскихъ городовъ 40, а съ Мадрида 20 милліоновъ реаловъ, захватилъ въ Кадиксѣ пришедшій изъ Перу корабль съ цѣнностями на 15,000,000. Правительство слѣдило за каждымъ возникающимъ капиталомъ и овладѣвало имъ, коль

скоро онъ достигалъ значительной суммы. Мадридскіе банки раздавали деньги вкладчикамъ, боясь держать ихъ у себя. Ихъ директоры нерѣдко получали приказанія или тотчасъ-же доставить королю такую то сумму, или отправляться въ тюрьму. Отъ одной только филиппинской компаніи взяли 146,000,000! И все это тратилось на придворныя увеселенія, на любовницъ, на духовенство и на награды „рабовъ". А между тѣмъ страна, совершенно опустошенная во время войны съ французами и лишившаяся тогда 250,000 однихъ только домовъ, на сумму 1,200,000,000 реаловъ, — пришла въ крайнюю нищету. Земледѣліе, торговля, промышленность, флотъ, общественныя сооруженія, училища — все было въ развалинахъ, все рушилось. Голодающія и полунагія народныя ополченія, воевавшія съ французами, превращались въ многочисленныя шайки разбойниковъ, равносильныя правительственнымъ войскамъ. Солдаты и офицеры по цѣлымъ годамъ не получали жалованья, ходили босикомъ, въ лохмотьяхъ, спали на сырой землѣ, умирали съ голода. Нѣкоторые гарнизоны питались тѣмъ, что аттаковывали городскіе рынки и захватывали съѣстные припасы. На жалобы офицеровъ отвѣчали совѣтомъ: «обѣдайте въ монастыряхъ съ нищими!». Армія, повидимому, более всего необходимая Фердинанду, была заброшена имъ; онъ не только плохо содержалъ ее, но и пренебрегалъ ею и обратился къ ней лишь тогда, когда пришлось посылать ее на усмиреніе возставшихъ колоній. Но оказалось, что у испанцевъ нѣтъ даже флота для перевозки войскъ. За огромную сумму купили русскую эскадру, которая кое-какъ доползла только до Испаніи и оказалась негодною не только къ войнѣ, но даже къ переѣзду черезъ океанъ!

Посланники Россіи, Австріи, Пруссіи настойчиво хлопотали, чтобы открыть глаза ослѣпленному правительству и повернуть его на другой путь. Въ городскомъ народонаселеніи и во всей арміи господствовало крайнее недовольство и вся

Испанія покрывалась сѣтью тайныхъ обществъ, большинство которыхъ желало возстановленія конституціи 1812 г. Заговоры и мятежи усиливались. Правительство то начинало либеральничать со страху, то ожесточалось и само наводило страхъ на либераловъ. Наконецъ, въ 1820 г., войска, собранныя въ Кадиксѣ для отправки въ Америку, совершили военную революцію и провозгласили конституцію 1812 г. Мадридъ, имѣвшій титулъ „превѣрноподданѣйшаго", возсталъ за конституцію, подобно многимъ другимъ городамъ. Масса народа относилась равнодушно къ политическому перевороту, но со всею яростью своего стариннаго фанатизма она *въ первый разъ* возстала противъ ненавистнѣйшаго изъ монашескихъ учрежденій. Она разрушала зданія и тюрьмы инквизиціи, истребляла ея архивы, ломала орудія пытки, убивала инквизиторовъ. Это было насиліе, но насиліе вызванное самимъ правительствомъ, и при второй реставраціи Фердинандъ, при всемъ своемъ желаніи, не посмѣлъ уже возстановить инквизиціи. Спасая свой тронъ и свою жизнь, Фердинандъ снова торжественно клялся передъ народомъ въ вѣрности конституціи. Изъ каторги, изъ изгнанія возвращались патріоты. Собраны были кортесы, и снова пошла такая-же либеральная дѣятельность, какъ и въ 1812 г. Введена свобода слова, уничтожены маіораты, даровано областное самоуправленіе, уничтожены многіе монастыри и проданы ихъ имущества, отмѣнены внутреннія пошлины и торговыя монополіи, народное представительство вошло въ полную силу; кортесы ввели безплатное и свободное народное образованіе, основанное на естествовѣденіи, и создали небывалую въ Испаніи систему среднихъ учебныхъ заведеній.

Вообще, какъ люди, участвовавшіе въ революціи, такъ въ частности и кортесы, показали, что старая, средневѣковая Испанія уже совсѣмъ разложилась, что въ ней идетъ сильное прогрессивное развитіе, захватывающее все больше и больше людей. Въ то время, какъ ретроградная партія попрежнему пробавлялась средневѣковыми понятіями и не могла выста-

вить ни одного хоть сколько-нибудь способнаго и даровитаго дѣятеля, на сторонѣ прогрессивнаго движенія мы видимъ все, что только было талантливаго и образованнаго въ Испаніи. Кортесы по своей развитости стояли вполнѣ въ уровень съ вѣкомъ и руководились чувствами истиннаго патріотизма, просвѣщеннаго знаніемъ. Но независимо отъ ихъ практической неопытности, они имѣли передъ собой такую массу золъ, накопленныхъ и освященныхъ вѣками, борьба съ которою не могла кончиться полною побѣдой прогрессивнаго принципа. Реформѣ не предшествовала никакая подготовительная работа просвѣщающей народъ литературы. Попы попрежнему оставались владыками умовъ массы, а кто-же болѣе инквизиторовъ могъ ненавидѣть всякихъ реформаторовъ? Уничтоживъ маіораты и дворянскія привилегіи, кортесы вооружили противъ себя безчисленное дворянство Испаніи. Вводя во всѣ провинціи однообразное либеральное самоуправленіе, прогрессивные представители націи возмущали партикуляристическій патріотизмъ тѣхъ мѣстностей, которыя имѣли еще старинное, патріархальное самоуправленіе. Въ особенности фанатическая Наварра и земля полудикихъ басковъ въ такой-же степени пылали ненавистью къ реформаціонному духу, въ какой послѣдній воодушевлялъ собою южныя провинціи, въ особенности Кадиксъ. Этотъ партикуляризмъ интересовъ и въ двадцатыхъ годахъ, и всегда болѣе всего вредилъ дѣлу реформы. „Природа и исторія, говоритъ Баумгартенъ,— дружно работали надъ тѣмъ, чтобы испанецъ сталъ въ весьма непрочныя отношенія къ государству. Все, пережитое имъ со временъ Габсбурговъ, могло внушить ему лишь глубокое равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Онъ существовалъ скорѣе вопреки государству, чѣмъ помощію его. Общественная жизнь сдѣлала чрезвычайно мало, чтобы породить въ немъ гражданскую доблесть, чувство гражданскаго долга. Каждой личности, общинѣ, провинціи гораздо чаще приходилось защищать свои

отдѣльные интересы противъ преобладанія государства, чѣмъ поддерживать попеченія послѣдняго. Черствый эгоизмъ, тупое равнодушіе—вотъ естественныя послѣдствія этого. Масса людей жила лишь своими исключительными заботами". Но когда обстоятельства доводили до революціоннаго взрыва, какъ это было въ 1820 г., то партикуляризмъ переходилъ во взаимное ожесточеніе. Провинція ссорилась съ провинціей, сословіе съ сословіемъ, одни революціонеры съ другими. Терпимости чужихъ мнѣній, склонности къ уступкамъ, къ взаимному соглашенію, стремленій къ объединенію ради общихъ интересовъ почти не было. Революціонеры, взявъ верхъ, водворяли такой-же терроръ надъ противниками, какъ и реакціонеры, когда побѣда доставалась имъ. Вдобавокъ ко всему этому, масса революціонеровъ была не свободна отъ того національнаго тщеславія и псевдопатріотической увѣренности въ своихъ силахъ, которыя заражали собою и старую Испанію. Старые испанцы считали себя самымъ лучшимъ и самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ. Новые испанцы, прогрессисты, не обращая вниманія на неопреодолимыя трудности, съ которыми имъ приходилось бороться, считали свое дѣло какъ нельзя болѣе легкимъ. Это обычная участь прогрессистовъ всѣхъ странъ, въ которыхъ нѣтъ никакой возможности развиться политическимъ силамъ на открытомъ полѣ свободной практической дѣятельности. Они судятъ о положеніи дѣлъ не на основаніи данныхъ, болѣе или менѣе точныхъ, а на основаніи болѣе или менѣе фантастическихъ соображеній, развивающихся подъ вліяніемъ благороднаго гражданскаго чувства. Многіе изъ главныхъ дѣятелей 1820 г. вовсе не сознавали существенныхъ недостатковъ своей націи и громили, какъ измѣнниковъ, тѣхъ, которые осмѣливались доказывать, что испанскій народъ въ настоящее время неспособенъ ни къ какому раціональному перевороту. Мало этого, прогрессисты мечтали и громко заявляли даже о томъ, что, „имѣя въ своемъ распоряженіи 25,000,000 испанцевъ, они не боятся никого на всемъ

пространствѣ отъ Невы до Гарельяно“ и могутъ обновить всю Европу могуществомъ того прогрессивнаго духа, которымъ проникнута Испанія. Какъ во время оно испанцы хотѣли покорить міръ игу своего католицизма, такъ и теперь, съ такимъ-же фанатическимъ чувствомъ, но съ гораздо меньшею основательностью, многіе революціонеры заявляли, что „революція еще не началась въ Испаніи, что она теперь должна ударить на колоссы тиранніи, на убійцъ отечества, на любимцевъ короля, а потомъ распространить по всей Европѣ свои ужасы, отъ которыхъ волосы встанутъ дыбомъ...“ Военныя возстанія въ Неаполѣ, Сициліи и Португаліи, сопровождавшіяся провозглашеніемъ испанской конституціи 1812 г., а равно и полное сочувствіе къ испанцамъ всѣхъ либераловъ Европы еще болѣе поддерживали ихъ революціонную кичливость. И только тогда, когда волны реакціи грозно поднялись со всѣхъ сторонъ, —только тогда революціонеры убѣдились въ своей слабости и совершенно пали духомъ.

Еще въ то время, когда революція вполнѣ торжествовала въ центрѣ страны, на окраинахъ ея уже собирались реакціонныя силы католическаго духовенства, фанатизированныхъ крестьянъ, изгнанныхъ чиновниковъ, наемныхъ разбойниковъ, безпріютныхъ бродягъ и полудикихъ воинственныхъ басковъ, которыхъ революція лишила ихъ старинной обособленности и до крайности раздражила ихъ фанатизмъ. Попы устрояли всюду заговоры и проповѣдывали „священную войну противъ еретиковъ, за злодѣйства коихъ небо караетъ Испанію моровой язвой и неурожаями“. Началась междоусобная борьба, сопровождаемая съ обѣихъ сторонъ такими-же варварскими жестокостями, какими испанцы прославились нѣкогда въ Америкѣ. Фердинандъ, который такъ недавно своимъ конституціоннымъ лицемѣріемъ обманулъ народъ въ такой степени, что ему чуть не молились, какъ представителю прогрессивнаго движенія, теперь уже замѣтно для всѣхъ готовился къ перевороту и поощрялъ войну „за освобожденіе короля отъ

безбожныхъ революціонеровъ“. Онъ посредствомъ своей гвардіи хотѣлъ побѣдить либераловъ въ столицѣ. Посылая солдатъ избивать либераловъ, онъ собственноручно раздавалъ имъ вино и сигары и уговаривалъ ихъ не щадить „этихъ собакъ“. Но когда либералы передъ самымъ дворцомъ обратили враговъ въ бѣгство, то Фердинандъ вышелъ на балконъ и, указывая на своихъ бѣгущихъ защитниковъ, закричалъ либераламъ: „бейте ихъ, бейте этихъ трусливыхъ негодяевъ, желающихъ отнять у насъ конституцію!“ а потомъ началъ угощать виномъ и сигарами враговъ-побѣдителей съ такимъ-же радушіемъ, съ какимъ за полчаса передъ тѣмъ онъ угощалъ своихъ, теперь побѣжденныхъ, друзей. Отъ такого двоедушнаго правителя можно было ожидать всякой измѣны отечеству, которому онъ измѣнялъ уже столько разъ. И, дѣйствительно, онъ измѣнилъ ему снова. Будучи не въ силахъ окончательно подавить революцію собственными средствами, онъ вступилъ въ тайные переговоры съ иностранными дворами и просилъ у нихъ войскъ противъ своихъ подданныхъ. Въ Европѣ въ это время господствовала меттерниховская реакція, и тѣ-же самыя правительства, которыя за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ убѣждали Фердинанда быть либеральнѣе, теперь требовали отъ него совершенно противнаго. Сто тысячъ французовъ, подъ предводительствомъ герцога ангулемскаго, вступили въ Испанію и помогли Фердинанду совершить реакціонный переворотъ. Духовенство, дворянство и народная масса, такъ недавно и съ такимъ ожесточеніемъ бившіяся съ французами за сохраненіе своихъ національныхъ правъ, теперь ратовали вмѣстѣ съ ними противъ этихъ правъ.

Реакціонеры обнаружили такую безчеловѣчную жестокость, что даже герцогъ ангулемскій былъ вынужденъ противодѣйствовать имъ, а иностранныя правительства поручили своимъ посланникамъ „сдерживать благородные, но, быть можетъ, неблагоразумные порывы“ Фердинанда. Въ августѣ 1824 г. казнено было 600 политическихъ преступниковъ, въ сентябрѣ—

800, въ октябрѣ—1,200!.. Всѣ честные и либеральные дѣятели должны были ежеминутно опасаться за свою жизнь. Знаменитый предводитель движенія 1820 г., Ріего, спасшій тогда жизнь короля, былъ подвергнутъ позорной казни, бывшей праздникомъ для духовенства и одичалой толпы, которая кричала при этомъ: „да здравствуетъ религія, да здравствуетъ абсолютизмъ!“ Вся Испанія была наводнена шпіонами, усѣяна военносудными комиссіями, а духовенство получило отъ короля повелѣніе „о принесеніи Богу каждою общиною со всѣми чиновниками жертвы благочестія и раскаянія“, при этомъ духовенство должно было очистить свои ряды посредствомъ заключенія въ монастыри лицъ, совращенныхъ „въ безбожную партійку“ и устроить миссіи, какъ для преодолѣнія „вредныхъ ученій“, такъ и для вкорененія въ умахъ католической нравственности. Военносудныя комиссіи захватили въ свои руки всю судебную власть и начали преслѣдовать цѣлый народъ по доносамъ и требованіямъ монаховъ. Кто имѣлъ у себя портретъ Ріего или не успѣлъ истребить оставшейся отъ революціи какой-нибудь либеральной брошюры, кто не кланялся прелату, кто навлекалъ на себя подозрѣніе своими дѣйствіями или словами въ революціонный періодъ—всѣ преслѣдовались и наказывались, какъ жесточайшіе злодѣи и преступники. Комиссіи грабили подсудимыхъ, разтрѣливали, вѣшали, казнили ихъ, а одичавшій народъ упивался торжествомъ „религіи“, возилъ на себѣ разукрашенную карету боготворимаго короля и оглашалъ страну дикими криками: «да здравствуетъ св. инквизиція, да здравствуютъ цѣпи, смерть либераламъ!»

Указы короля отмѣнили рѣшительно все, что было сдѣлано „такъ-называемымъ конституціоннымъ правленіемъ“, о которомъ они говорили, какъ о „постыднѣйшей измѣнѣ, самой преступной трусости и возмутительнѣйшемъ вѣроломствѣ злодѣевъ, низвергшихъ отеческое правленіе, при которомъ испанцы жили согласно съ мудрыми, умѣренными и достойными

законами, столько вѣковъ доставлявшими счастье ихъ предкамъ“. Дореволюціонный режимъ возстановлялся во всей своей цѣлости. Когда, при возстановленіи ценза 1803 г., оказалось, что въ Испаніи уже больше 11,000,000 жителей, то король повелѣлъ считать народонаселеніе въ 10,000,000, какъ это было до введенія конституціи!.. Сознавая, что образованіе можетъ возбуждать только презрѣніе къ такому правительству, Фердинандъ уничтожилъ всѣ университеты, и, какъ-бы въ насмѣшку, вмѣсто нихъ открылъ академію для изученія искуства драться съ быками! Духовенство овладѣло всѣмъ. Духовникъ короля былъ въ то-же время и первымъ министромъ. Страна покрылась церковными процессіями; камарилья, войска, министры, всѣ чиновники ходили изъ одной церкви въ другую, и даже самъ Фердинандъ, нелюбившій подобныхъ штукъ, принужденъ былъ участвовать въ нихъ. А между тѣмъ въ странѣ царствовали нищета и анархія. „Роялисты, писалъ возстановитель ихъ, герцогъ ангулемскій,—роялисты боятся всякаго порядка: они ищутъ только грабежа и воровства“. Разбойники, которыхъ еще до войны съ Наполеономъ считалось не менѣе 500,000, теперь чрезвычайно умножились и усилились, образовавъ весьма значительный контингентъ, всегда готовый къ услугамъ каждаго политическаго авантюриста. Дворъ истреблялъ на свои безконечныя удовольствія больше $^1/_3$ всѣхъ государственныхъ доходовъ. Прежній тарифъ почти вовсе прекратилъ явную торговлю и, превративъ ее въ контрабанду, развилъ въ корпораціи контрабандистовъ новый антигосударственный элементъ, готовый за деньги ко всякимъ переворотамъ. Страна лишилась промышленности и даже окрестности Мадрида на огромное разстояніе превратились буквально въ пустыню безъ всякаго жилья, даже безъ дорогъ! Разбойники держали въ своихъ рукахъ всѣ пути сообщенія и взимали пошлины съ проѣзжающихъ. Грабежи, убійства, развратъ сдѣлались обыденными явленіями. Армія голодала, а моряки, которые въ особенности отлича-

лись въ революцію, испытывали теперь всю тяжесть мести и ходили по-міру. „Вы голодны? говорилъ имъ Фердинандъ:— такъ пойте гимнъ Ріеги!“

Въ это время окончательно отдѣлились отъ Испаніи ея американскія колоніи. Это событіе лишило Испанію послѣднихъ важныхъ источниковъ дохода, подорвало навсегда нелѣпый патріотизмъ, мечтавшій объ огромной монархіи, и заставило страну, во избѣжаніе погибели, стараться выйти на общеевропейскій путь цивилизаціи. Положеніе дѣлъ было таково, что даже правительство Фердинанда нашлось вынужденнымъ ограничить свою реакціонную ярость и нѣсколько измѣнить свою политику. Несмотря на настоянія ультра-роялистовъ, Фердинандъ не рѣшился возстановить инквизицію и допустилъ даже совершеніе нѣкоторыхъ реформъ, неизбѣжныхъ ради одной уже финансовой необходимости. Но ни эти мѣры, ни терроръ не останавливали революціоннаго броженія. Съ одной стороны правительству угрожали заговоры и мятежи либераловъ и замыслы испанскихъ эмигрантовъ заграницей, съ другой стороны, вѣроломный Фердинандъ, который въ виду опасности способенъ былъ превратиться въ либерала, возбуждалъ отвращеніе даже въ ультра-роялистахъ, взоры которыхъ устремлялись на его брата Карла. Уже въ 1824 г. ультра-роялисты, называвшіеся апостолической партіей, сдѣлали возстаніе, лозунгомъ котораго было: „да здравствуетъ Донъ Карлосъ!“ Апостолисты вели сильную пропаганду противъ „масоновъ“, сосредоточившихся въ королевскомъ дворцѣ на погибель католической вѣры и испанской націи; католическая Каталонія возстала по призыву монаховъ; всюду составлялись заговоры и гремѣли проповѣди духовенства, призывавшія на защиту церкви. Когда-же Фердинандъ, уничтоживъ салическій законъ, назначилъ своей наслѣдницей новорожденную дочь Изабеллу и тѣмъ устранилъ отъ престола Дона Карлоса, когда вскорѣ послѣ этого онъ умеръ и регентша Марія-Христина, лишенная всякой поддержки реакціонеровъ, принуждена была опи-

раться на либераловъ, открыла университеты, ввела конституцію, — то тотчасъ вспыхнула многолѣтняя междоусобная война съ карлистами. Католическія Наварра и Каталонія и воинственные баски, за которыми ухаживали и привлекали къ себѣ реакціонеры всѣхъ эпохъ, возстали за дѣло старой Испаніи. Монастыри и епископы поддерживали войну своими капиталами, патеры, монахи и абсолютистическіе чиновники руководили движеніемъ, увлекая фанатическихъ крестьянъ и покупая сильную помощь контрабандистовъ, воровъ и разбойниковъ. Въ этой семилѣтней братоубійственной борьбѣ обѣ стороны превосходили одна другую своими жестокостями; одни только либералы потеряли 100,000 человѣкъ, а абсолютистско-религіозная партія истощила всѣ свои силы и въ значительной степени потеряла вліяніе на крестьянскую массу.

Мы не имѣемъ намѣренія излагать подробно дальнѣйшую исторію Испаніи и разсмотримъ ее только въ общихъ чертахъ до переворота 1868 года. Послѣднія сорокъ лѣтъ этой исторіи можно считать сплошной междоусобной борьбой партій. Въ Мехикѣ съ 1821 по 1861 г., впродолженіи сорока лѣтъ, тридцать шесть разъ измѣнялась конституція и семьдесятъ два раза перемѣнялся глава государства. Въ Испаніи было немногимъ лучше. Не проходило года безъ мятежа или государственнаго переворота. При малѣйшей возможности возставали карлисты. Правительство Христины и Изабеллы всегда стремилось къ абсолютизму, дворъ былъ во власти монаховъ и безчисленныхъ любовниковъ „непорочныхъ“ королевъ, которыя вмѣстѣ съ своей камарильей держались чисто-средневѣковыхъ понятій и политическихъ правилъ. Но въ обществѣ и особенно въ арміи всегда были элементы, изъ которыхъ возникали революціи. Либералы возставали, овладѣвали правленіемъ, вводили конституцію 1812 года или другую, производили реформы и дѣйствовали до тѣхъ поръ, пока реакціонныя партіи, собравшись съ силами, не низвергали ихъ. Тогда снова уничтожалась конституція, снова дворецъ напол-

нялся монахами и любовниками, а всѣ должности — абсолютистическими чиновниками, монастырямъ снова возвращались конфискованныя имущества, и реакція торжествовала до новаго либеральнаго переворота. Въ реакціонныхъ переворотахъ участвовали, главнымъ образомъ, духовенство, бюрократія, крестьяне, часть арміи, разбойники и другіе подобные бродячіе люди безъ опредѣленныхъ занятій; въ переворотахъ-же либеральныхъ дѣйствовали преимущественно войска и городское народонаселеніе. Многіе смотрятъ на эту непрерывную междоусобицу, какъ на признакъ окончательнаго разложенія Испаніи. Конечно, такое состояніе страны крайне безотрадно, но мы найдемъ его далеко не безнадежнымъ, если внимательно разсмотримъ тѣ результаты этой борьбы, которые, накопляясь постепенно, опредѣляютъ ея дальнѣйшее развитіе. Какіе элементы ослабляются и вымираютъ и какіе усиливаются въ испанскомъ народѣ, — вотъ вопросъ, посильное рѣшеніе котораго займетъ вторую половину нашей статьи.

IV.

Католическій фанатизмъ и преобладаніе духовенства справедливо считались кореннымъ зломъ Испаніи. И до сихъ поръ съ именемъ испанца непремѣнно соединяютъ понятіе ревностнаго, безусловно преданнаго духовенству католика, а Испанію представляютъ себѣ страной, наводненной попами и монахами. Но нѣтъ ничего ошибочнѣе этого общаго взгляда. Вотъ уже полтора столѣтія, какъ эта католическая страна постепенно и быстро освобождается отъ своихъ католическихъ традицій. Въ ней было:

	Народонаселенія.	Всего духовенства.	Религіозн. орденовъ.	Монастырей.	Монаховъ.
Въ 1690 г.	7,500,000	168,000	40	9,000	90,000
„ 1768 „	9,300,000	149,800	40	2,400	60,000

„	1797	„	10,500,000	134,500	—	—	—
„	1800	„	—	—	37	2,280	46,000
„	1820	„	11,660,000	118,000	37	2,280	33,50
„	1835	„	13,550,000	90,000	27	1,340	31,279
„	1859	„	16,000,000	58,563	8	41	719
„	1867	„	—	42,948	—	—	—

Соотвѣтственно этому уменьшенію монастырей и ослабленію авторитета католическаго духовенства развивались какъ матерьяльныя, такъ и нравственныя силы націи. Постепенная секуляризація церковныхъ имуществъ и отмѣна тягостныхъ налоговъ въ пользу церкви были такъ-же благодѣтельны для страны, какъ и освобожденіе крестьянъ и отмѣна маіората. Монастыри закрывались и ихъ имущества продавались государствомъ при каждомъ значительномъ успѣхѣ либеральной партіи, какъ, напр., при французахъ, въ 1812 и 1820 году, въ регентство Маріи-Христины, когда церковныхъ имуществъ было продано на сумму около 4 милліардовъ реаловъ. Съ реакціями монастыри возобновлялись и получали обратно свои имущества, но только тѣ, которыя оставались еще непроданными. То-же самое колебаніе, сопровождаемое тѣми-же самыми результатами, мы видимъ и въ вопросѣ объ офиціальной вѣротерпимости. Даже либеральная конституція 1812 г. признавала католичество государственной религіей и запрещала въ Испаніи всякое другое вѣроисповѣданіе. При послѣдующихъ революціяхъ свобода вѣроисповѣданій болѣе и болѣе становилась предметомъ желаній либераловъ и, наконецъ, утверждена переворотомъ 1868 г. Католицизмъ въ настоящемъ столѣтіи болѣе и болѣе терялъ власть надъ умами и народъ, постепенно разочаровываясь въ духовенствѣ, во времена великихъ общественныхъ смутъ обнаруживалъ страшную ненависть къ нему, столь-же сильную, какъ и та преданность, которую онъ оказывалъ ему раньше. Мы уже видѣли, что народъ разрушилъ главную опору католицизма—инквизицію, перебилъ отцовъ-инквизиторовъ и сдѣлалъ невозмож-

нымъ возстановленіе этого судилища даже во время фердинандовскаго террора. Прошло нѣсколько времени, и въ 1835 г. католическая Испанія, эта классическая страна фанатизма и суевѣрія, начала истребительную войну противъ монаховъ. По всему полуострову массы народа разрушали, грабили, сожигали монастыри и избивали всѣхъ попадавшихся имъ монаховъ. Ненависть къ монахамъ была такъ сильна, что народъ считалъ ихъ виновниками всякаго зла, поражавшаго его многострадальную голову. Въ концѣ 1833 г. въ Мадридѣ свирѣпствовала холера. Прежде, когда католицизмъ всевластно господствовалъ надъ умами, народъ въ подобныхъ случаяхъ стремился въ монастыри и церкви и просилъ помощи у духовенства. Теперь-же народъ, приписывая болѣзнь отравѣ, кромѣ монаховъ не нашелъ никого способнѣе быть отравителями, бросился на монастыри, опустошилъ ихъ и перебилъ множество монаховъ. Реставрація духовныхъ привилегій и монастырей всегда возбуждала страшное недовольство въ значительной части народонаселенія. Въ 1860 году, напр., происходило торжественное освященіе мадридской церкви св. Франциска, возстановленной въ силу конкордата и принадлежавшей упраздненному монастырю, монахи котораго въ торжественной процессіи встрѣтили Изабеллу „непорочную“. При извѣстіи объ этомъ возстановленіи своихъ враговъ толпы народа съ яростью бросились къ церкви, окружили королеву и духовенство и съ криками „долой монаховъ!“ осыпали ихъ камнями. „Непорочная“ вмѣстѣ съ монахами принуждена была скрыться. Эта ненависть къ духовенству развивалась въ народѣ, во-первыхъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что въ смутахъ настоящаго столѣтія онъ могъ непосредственно наблюдать и чувствовать, какіе вредные для него принципы защищало духовенство, какъ облегчалось положеніе массы въ тѣ періоды, когда либералы обуздывали деспотизмъ патеровъ, и какъ ухудшались дѣла, когда реакція снова поднимала значеніе поповъ и монаховъ. Столкновенія съ иностранцами и

вліяніе либеральной литературы еще болѣе содѣйствовали паденію церковнаго авторитета. По свидѣтельству Гарридо, присяжные почти никогда не обвиняли авторовъ за сочиненія, направленныя противъ католицизма. Преслѣдованіе этихъ сочиненій гласнымъ судомъ только вредило духовенству, пропагандируя въ массѣ враждебныя ему идеи. Въ 1855 г. Гарридо судился въ городѣ Леридѣ, въ Каталоніи, за одну брошюру. „До дня суда, разсказываетъ онъ,—я сидѣлъ въ тюрьмѣ, къ окнамъ которой собирались огромныя толпы крестьянъ, пришедшихъ на рынокъ и желавшихъ посмотрѣть на арестанта, о которомъ попы разсказывали имъ, какъ о врагѣ Бога, нравственности и религіи. Масса этихъ крестьянъ въ остроконечныхъ шляпахъ явилась на судъ. Нотаріусъ началъ читать преслѣдуемый памфлетъ, и слушатели съ самаго начала отнеслись къ нему хорошо; по мѣрѣ того, какъ чтеніе продолжалось, раздавались одобрительныя восклицанія, а при нѣкоторыхъ мѣстахъ памфлета крестьяне громогласно выражали свое сочувствіе и неистово рукоплескали. Когда-же присяжные единогласно оправдали меня, радость была всеобщая. Всѣ высказывали мнѣ самое радушное участіе, а окрестные крестьяне въ одну недѣлю раскупили 1,000 экземпляровъ памфлета, который впослѣдствіи выдержалъ множество изданій. Въ одномъ только 1859 г. его разошлось 27,000 экз.“. Анти-католическая пропаганда въ Испаніи велась во всѣ либеральные періоды настоящаго столѣтія и выясняла испанцамъ, какимъ тяжелымъ игомъ лежитъ католицизмъ на всей жизни народа и какъ религіозная нетерпимость заражаетъ собою всѣ отправленія національнаго организма. И благодаря этой пропагандѣ религіозная нетерпимость постепенно исчезаетъ въ Испаніи вмѣстѣ съ фанатическимъ суевѣріемъ. „Духовенство, говоритъ отличный знатокъ своей страны,—духовенство дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы снова возстановить свое прежнее вліяніе, но все напрасно, и *въ Испаніи вѣра мертва*... Вообще, испанцы уже не католики; они раздѣляют-

ся на деистовъ и невѣрующихъ, большинство же равнодушно къ религіи...“ Но изъ невѣрующихъ и деистовъ находится много такихъ, которые по личнымъ разсчетамъ прикрываются маскою лицемѣрной набожности. „Лицемѣріе, это порожденіе индиферентизма и безсовѣстности, всеобще. Оно свирѣпствуетъ главнымъ образомъ въ высшихъ и среднихъ классахъ. „Для насъ религія излишня, говорятъ они, — народъ долженъ имѣть религію, и мы должны подавать ему добрый примѣръ въ этомъ отношеніи“. Но народъ не умѣетъ лицемѣрить и не вѣритъ въ тѣ новокатолическія штуки, посредствомъ которыхъ его эксплуатируютъ“. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Бискайѣ и Наваррѣ, народная масса сохраняетъ еще старый католическій духъ. Въ остальномъ-же народонаселеніи нѣтъ и слѣдовъ прежняго фанатизма и средневѣкового суевѣрія. Большинство-же городскихъ рабочихъ и средняго класса питаетъ къ католическому духовенству и ко всей его системѣ одно только отвращеніе. Не болѣе десятой части этихъ людей посѣщаютъ костелы, да и то вовсе не по религіознымъ, а по эстетическимъ побужденіямъ. Внѣшнее великолѣпіе католическаго культа, музыка, пѣніе, живопись, цвѣты, золото, драгоцѣнные камни, возможность людей посмотрѣть и себя показать—вотъ мотивы тѣхъ, которые ходятъ въ костелы не по лицемѣрію. Что-же касается самой суевѣрной и фанатической массы въ Испаніи, то она состоитъ изъ бродячаго, полудикаго люда, находящагося въ полномъ разладѣ съ обществомъ или добывающаго свой хлѣбъ посредствомъ порока. Воры, разбойники, бродяги, проститутки — все это истинные католики въ средневѣковомъ вкусѣ. Они обвѣшиваются реликвіями, воздвигаютъ дома алтари, служатъ молебны. Необходимо прибавить, что значительная часть женщинъ, находящихся вообще въ невѣжествѣ и самомъ безотрадномъ положеніи, до сихъ поръ предана католицизму. За этими исключеніями, мнѣніе Гарридо, Баумгар-

тена и др. о томъ, что въ Испаніи католическая вѣра вымерла, совершенно справедливо.

Вмѣстѣ съ фанатизмомъ религіознымъ постепенно ослабѣвалъ и фанатизмъ политическій, который считалъ старинную абсолютную монархію божественнымъ учрежденіемъ. Оба эти фанатизма были однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, только устремленнымъ на два разныхъ предмета—на свѣтскую и духовную власть. Безусловная покорность и обожаніе авторитета были отличительными чертами старинной Испаніи, въ которой бывали, правда, и возмущенія, но народъ возмущался не противъ короля, считавшагося лицомъ неприкосновеннымъ, священнымъ и желающимъ одного добра своимъ подданнымъ, а противъ властей, будто-бы обманывающихъ короля и угнетающихъ народъ безъ его вѣдома. Въ настоящемъ-же столѣтіи не проходило двухъ лѣтъ сряду безъ какого-нибудь возстанія, причемъ испанцы нѣсколько разъ силою принуждали своихъ повелителей исполнять свою волю, изгнали двухъ королей и вообще перестали относиться къ власти съ тѣмъ суевѣрнымъ подобострастіемъ, какъ встарь. Въ 1854 г. Изабеллу встрѣчали уже враждебно въ театрахъ и концертахъ, а народные представители, являясь къ ней, не захотѣли держаться старинняго испанскаго обычая и цѣловать королевскую руку. При ея поѣздкахъ по Испаніи въ 1860 и 1861 гг. начальство принуждено было сгонять своихъ подчиненныхъ для встрѣчи „непорочной“, которую народъ не желалъ даже и видѣть, и въ то-же время въ Андалузіи возстало 10,000 крестьянъ съ криками: „да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Гарибальди, долой папу!“ Король въ старинномъ испанскомъ вкусѣ сдѣлался рѣшительно непопуляренъ и даже невозможенъ въ Испаніи, и если Амедей I хоть сколько-нибудь успѣлъ понравиться испанцамъ, то благодаря только крайней простотѣ своей жизни и полному отсутствію того напыщеннаго величія, какимъ отличались прежніе испанскіе властители. Либералы смотрятъ на короля, какъ на перваго между равными.

Паденіе католическаго авторитета въ Испаніи тѣмъ замѣчательнѣе, что до послѣдней революціи система народнаго образованія находилась въ очень плохомъ положеніи. Законъ 1856 г. имѣлъ своею цѣлью централизировать просвѣщеніе и попрежнему держать его подъ исключительнымъ вліяніемъ духовенства. Элементарное образованіе, обязательное для всѣхъ и даровое для бѣдныхъ, состояло въ низшихъ школахъ въ законѣ божіемъ, арифметикѣ и ремеслахъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ; а въ высшихъ школахъ къ этимъ предметамъ прибавляются еще основанія геометріи, землемѣрія, исторіи и географіи и необходимыя въ обыденной жизни понятія о физикѣ и естествознаніи. Среднее образованіе состоитъ изъ смѣси классическаго съ профессіональнымъ. На первомъ планѣ стоятъ законъ божій и древніе языки, а математика, физика и естествознаніе преподаются только для подготовки къ земледѣлію, бухгалтеріи, мореплаванію и другимъ профессіональнымъ знаніямъ. Затѣмъ высшее образованіе устроено болѣе или менѣе по общему плану европейскихъ университетовъ. Но манія классицизма такъ сильна, что въ медицинскомъ факультетѣ во главѣ предметовъ поставлены греческій языкъ и литература! Къ высшему-же образованію относятся училища инженерныя, лѣсныя, путей сообщенія, технологическія, изящныхъ искуствъ, земледѣльческія и т. д. Въ низшихъ и среднихъ заведеніяхъ преподаваніе производится по обязательнымъ учебникамъ. Учителя и профессоры непремѣнно должны быть испанцами и лицами несомнѣнной религіозности и нравственности. Иностранцы могутъ преподавать только языки да музыку. За образованіе каждый ученикъ ежегодно платитъ отъ 60 до 120, а въ высшихъ до 280 реаловъ. Кандидаты и доктора вносятъ за дипломъ до 3,000; аптекаря, инженеры, профессора, агрономы и т. д. отъ 300 до 3,000; повивальная бабка 800; рѣзакъ свиней 800; за дипломъ на подковку лошадей 600 реаловъ и т. д. Духовныя семинаріи наполнены одними бѣдняками и въ 1860 г. въ нихъ было только 21,000

учениковъ. Замѣчательно, что число школъ и учениковъ возрастаетъ по мѣрѣ уменьшенія духовенства. Въ Испаніи было:

	Народонаселенія.	Всѣхъ школъ.	Учениковъ.	Духовенства.
Въ 1797 г.	10,500,000	11,513	429,076	134,595
„ 1859 „	16,000,000	22,273	1,101,199	58,000

Народонаселеніе въ 61 годъ увеличилось на 50%, число учениковъ болѣе, чѣмъ на 150%, а духовенство уменьшилось болѣе, чѣмъ на 70%.

Въ 1867 г. было 26,332 школы и 1,425,339 учениковъ. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ считалось въ 1858 г. 14,890, въ 1861 г. 21,478, въ 1868 г. 25,288 учениковъ. Такъ-же быстро увеличивается и число студентовъ въ десяти испанскихъ университетахъ. Ихъ было въ 1859 г. 6,181, въ 1865 г. 9,704, въ 1868 г. 12,269. Такимъ образомъ, народное образованіе въ Испаніи, сравнительно съ другими европейскими государствами, нельзя назвать отсталымъ. Чтобы Россія, напримѣръ, со своимъ восьмидесятимилліоннымъ народонаселеніемъ, могла сравняться съ Испаніей, имѣющей только 16 милліоновъ жителей, ей должно имѣть—около 140,000 школъ, 8,000,000 учениковъ, 50 университетовъ и болѣе 60,000 университетскихъ студентовъ.

И выборъ предметовъ обученія, и рутинная метода преподаванія, и чрезвычайно строгая опека надъ школами—все было устремлено къ охраненію духа и порядковъ старинной Испаніи отъ вторженія въ страну прогрессивныхъ идей. Но ихъ не заслонишь китайской стѣной въ наше время быстрыхъ и общераспространенныхъ сообщеній между народами, прогрессивно идущими впередъ, и отсталыми. Между профессорами, которыхъ можно смѣнять только по суду, всегда въ настоящемъ столѣтіи бывали люди европейски-образованные, которые имѣли сильное вліяніе на цѣлое поколѣніе студентовъ. Нерѣдко эти профессора издавали даже книги, памфлеты и брошюры вполнѣ радикальныя и раціоналистическія. Прогрессив-

ная литература и прогрессивные профессора увлекали молодежь, а старомодные преподаватели со своимъ тяжелымъ надзоромъ только возбуждали въ молодыхъ поколѣніяхъ нелюбовь къ тому, что они защищали, поддерживали, скептицизмъ къ ихъ авторитетамъ и духъ противодѣйствія всякой опекѣ. Во всѣхъ школахъ шла болѣе или менѣе сильная вражда между офиціальными авторитетами и традиціями и раціонализмомъ. Даже народные учителя и учительницы, учащіеся въ нормальныхъ школахъ, выходили изъ нихъ съ совершенно противоположнымъ направленіемъ, чѣмъ то, которое обязательно и такъ настойчиво прививала къ нимъ офиціальная опека. Окончательнымъ-же результатомъ этихъ порядковъ было то, что уже въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія молодое поколѣніе приняло крайне матеріалистическое и радикальное направленіе, отвергало всѣ національныя основы испанскаго быта и отрекалось отъ всего, чѣмъ жила и гордилась старинная Испанія. И за это испанскій юмористъ Ларра прозвалъ этихъ людей *нигилистами*...

Испанскій нигилизмъ былъ явленіемъ вполнѣ прогрессивнымъ. Явившійся, какъ естественное противодѣйствіе отжившимъ традиціямъ, нелѣпымъ обычаямъ и невыносимымъ порядкамъ, онъ усомнился во всей старинѣ и началъ искать выхода на новую дорогу. Въ этомъ помогло ему вліяніе Европы, особенно Франціи. При второй реставраціи Фердинанда массы испанцевъ бѣжали за границу, были охвачены здѣсь либеральнымъ движеніемъ, начали вести отсюда научную и политическую пропаганду между своими соотечественниками и, въ порывѣ универсальнаго скептицизма, обличать, бранить, разбирать и отрицать все испанское. Въ то-же самое время и подъ тѣмъ-же европейскимъ вліяніемъ въ Испаніи развилась болѣе умѣренная, но все-таки очень прогрессивная литература, представителемъ которой слѣдуетъ считать сатирика Ларру. Онъ описываетъ Испанію, съ ея ханжествомъ, бюрократическими порядками, невѣжественнымъ и надутымъ дворянствомъ,

съ ея развалинами и полями, обращенными въ пустыню, съ ея ничтожною литературой, съ безсмысленною и тупою жизнью ея невѣжественнаго народонаселенія, которое на каждомъ шагу должно остерегаться шпіоновъ, „живущихъ тѣмъ, что другіе говорятъ". Ларра—тоже нигилистъ въ извѣстномъ отношеніи. Чувство разочарованія и отчаянія проникаетъ всѣ лучшія его произведенія. Онъ жалѣетъ живыхъ и завидуетъ мертвымъ. Мадридъ кажется ему однимъ огромнымъ кладбищемъ и онъ разсматриваетъ его гробницы, королевскій дворецъ съ трономъ католическаго величества, арсеналъ, въ которомъ покоится кастильская храбрость, различныя министерства, въ коихъ погребена одна половина Испаніи, убитая другою, и т. д. Наконецъ, переходитъ онъ на Пуэрта-дель-Соль, къ почтамту, въ улицу де-ла-Монтера. „Это не гробницы, восклицаетъ онъ,—а усыпальницы, въ которыхъ лежатъ перемѣшанными и въ дикомъ хаосѣ сложенными торговля, индустрія, дѣятельность, честность и вѣра!" Настоящіе-же покойники „живутъ, потому что они имѣютъ миръ, они имѣютъ свободу, которую даетъ имъ смерть; они не платятъ налоговъ, ихъ не захватываютъ въ армію, ихъ не садятъ въ тюрьмы, на нихъ не доносятъ..." Самъ Ларра кончилъ тѣмъ, что сдѣлался „свободнымъ",—онъ застрѣлился на 28 году своей жизни. Одновременно съ Ларрою возникло цѣлое поколѣніе талантливыхъ поэтовъ, прогрессивныхъ историковъ, публицистовъ и такихъ замѣчательныхъ ораторовъ, которымъ завидуютъ даже англичане. Періодическая печать развивалась въ Испаніи довольно быстро. По Кольбу (изд. 1871 года), было:

	Періодическ. изданій.	Изъ нихъ свѣтско-оффиціальн.	Религіозныхъ оффиціальн.
Въ 1808 г.	4	1	неизв.
„ 1859 „	279	58	52
„ 1861 „	373	неизв.	неизв.
„ 1868 „	468	119	11

Научная литература въ Испаніи во всѣхъ своихъ отрасляхъ

имѣетъ достойныхъ представителей, а приложеніе точныхъ знаній къ практическимъ цѣлямъ проявилось съ полнымъ блескомъ генія въ изобрѣтеніи Монтуріоля. Въ 1859 г. Монтуріоль построилъ корабль, который можетъ плавать подъ водой и съ величайшей точностью повинуется всѣмъ дѣйствіямъ распорядителя, погружается и поднимается, лавируетъ по всѣмъ направленіямъ и т. д. Его стѣны и окна способны сопротивляться страшному давленію десятковъ атмосферъ; въ немъ большіе запасы воздуха и средства для искуственнаго его добыванія; онъ освѣщается электричествомъ и освѣщаетъ имъ глубины моря и т. д. Изобрѣтатель сдѣлалъ съ своею моделью, въ которой могло помѣститься только 8 человѣкъ экипажа, 52 удачныхъ опыта въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Королева Изабелла предложила въ распоряженіе Монтуріоля государственный арсеналъ, чтобы изобрѣтатель могъ имѣть всѣ средства для постройки большого корабля. Но Монтуріоль-республиканецъ отказался отъ правительственнаго предложенія, „условія котораго онъ счелъ безчестными для себя“, и прибѣгнулъ къ помощи національной подписки. Писатель, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія и который писалъ свою книгу въ 1863 г., когда Монтуріоль предполагалъ кончить постройку своего корабля,—ничего не сообщаетъ о дальнѣйшей судьбѣ изобрѣтенія. Не палъ-ли изобрѣтатель одною изъ жертвъ „непорочной“ королевы?

Умственное развитіе Испаніи замѣтно и въ развитіи ея политической жизни. Долговременное существованіе абсолютистическаго принципа давно уже сдѣлалось невозможнымъ въ Испаніи и абсолютизмъ впродолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ вынужденъ былъ всегда прикрываться конституціонною маскою. Но лицемѣрная конституціонная партія умѣренныхъ имѣла сильную соперницу въ партіи конституціонныхъ радикаловъ и въ постепенно усиливавшейся партіи республиканцевъ. Съ 1854 года республиканцы каждый годъ, исключая 1860, двигали свою идею. Остальныя партіи забо-

тились только о власти, боролись за нее, старались утвердить ее за собою тѣми или другими средствами и думали о массѣ народа лишь на-столько, на-сколько имъ казалось неизбѣжнымъ и выгоднымъ привлекать его на свою сторону. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Испаніи было *три* абсолютистскихъ партіи—карлисты, новокатолики и изабеллисты; *четыре* конституціонныхъ партіи — умѣренные, либеральный союзъ, умѣренные прогрессисты, чистые прогрессисты, и *двѣ* демократическихъ—демократы и соціалисты. Само собою понятно, что чисто-роялистскія партіи спорили и дрались между собой не изъ-за принциповъ, которые у нихъ были общіе, а изъ-за власти, изъ-за того, которой изъ этихъ промышленныхъ компаній должна достаться Испанія. Конституціонныя-же партіи отличались отъ нихъ только тѣмъ, что понимали неизбѣжность реформъ и считали необходимымъ уступать духу времени, чтобы можно было удерживать власть за собою. Онѣ боролись другъ съ другомъ столько-же изъ-за принциповъ, сколько и изъ-за личныхъ разсчетовъ. Политическій антрепренеръ въ родѣ О'Доннеля или Прима вербовалъ себѣ партію, составлялъ программу, старался произвесть переворотъ и за будущую власть боролся съ другимъ такимъ-же антрепренеромъ, имѣвшимъ другую партію и другую программу дѣятельности. Въ войскѣ, во флотѣ, въ обществѣ всегда можно было найти людей для какой угодно партіи, людей, приверженныхъ безкорыстно или корыстно къ ея принципамъ.

Въ то время, какъ либерально-политическіе антрепренеры, совершая свои многочисленные перевороты, принуждены были сообразоваться съ духомъ времени и дѣлать ему значительныя уступки, вслѣдствіе чего они сами постепенно развивались и нѣсколько облагораживались, партіи стараго порядка оставались попрежнему чужды какому-бы то ни было развитію. Выродившаяся раса Бурбоновъ была рѣшительно неспособна управлять дѣлами. И при Христинѣ, и при Изабеллѣ дворъ занимался только мотовствомъ да разгуломъ. Въ минуты са-

мой серьезной опасности Христина удалялась въ Аранхуецъ и беззаботно разгуливала здѣсь съ своими любовниками, между тѣмъ какъ окружавшіе ее интриганы не думали ни о чемъ, кромѣ своихъ непосредственныхъ выгодъ. Изабелла, которой, какъ-бы въ насмѣшку, Пій IX прислалъ бѣлую розу, эмблему непорочности,—Изабелла оказалась еще плоше своей матери. Дворецъ наполняли перемѣнные любовники и монахи. Вліятельнѣйшею дамою двора была монахиня Патрочиніо, которая въ 1835 году была осуждена мадридскимъ судомъ за произведеніе подложныхъ чудесъ. Всѣ обитатели двора и вся ихъ партія старались прежде всего о томъ, чтобы набить свои карманы. И Христина, и Изабелла, какъ извѣстно, убѣгая изъ Испаніи, захватывали съ собою столько національнаго богатства, сколько попадалось имъ подъ руку. Либеральничая при каждомъ успѣхѣ революціонеровъ, это вялое и безразсудное правительство никогда не переставало интриговать въ пользу полной реставраціи старыхъ порядковъ. Оно разстрѣливало и ссылало цѣлыми тысячами своихъ политическихъ враговъ, заключало конкордаты съ папою, поддерживало духовенство, присуждало распространителей библіи на испанскомъ языкѣ къ каторжной работѣ лѣтъ на двѣсти [1]) и не хотѣло думать ни о какой искренней уступкѣ духу времени. Финансовая система постепенно истощала и банкротила страну. Государственные расходы, кромѣ провинціальныхъ и общинныхъ, составляли:

Въ 1830 году		675,000,000	реаловъ.
„ 1840	„	1,100,000,000	„
„ 1859	„	2,055,000,000	„
„ 1862	„	2,640,000,000	„

[1]) Испанскій уголовный кодексъ налагаетъ наказаніе за каждое отдѣльное преступное дѣйствіе виновнаго; убійца, напримѣръ, наказывается за каждаго убитаго имъ человѣка. Очень недавно нѣкто Рюицъ за подлоги и мошенничества былъ присужденъ на 1,443 г. галерныхъ работъ въ Африкѣ, на 190 лѣтъ такихъ-же работъ въ Испаніи, къ 5 мѣсяц. тюремнаго заключенія и къ 73,000 реаловъ штрафовъ.

Постоянные дефициты заставляли прибѣгать къ постояннымъ займамъ и лоттереямъ, развратившимъ даже крестьянское сословіе. И всѣ эти деньги употреблялись самымъ непроизводительнымъ образомъ. Въ 1867 г. въ Испаніи было 308,323 чиновника съ жалованьемъ въ 720,000,000 р., да 54,000 пенсіонеровъ съ содержаніемъ въ 160,000,000 р. Это чиновничество и пенсіонеры, значительная часть которыхъ состоитъ изъ монаховъ упраздненныхъ монастырей, составляютъ великую обузу страны, такъ-какъ не только истощаютъ ея средства самымъ непроизводительнымъ образомъ, но и служатъ опорою каждой реакціи. Разоряя Испанію, правительство Изабеллы даже и не замѣчало той пропасти, которую оно само себѣ вырыло. Даже предводители революціи 1868 г. были неспособны анализировать положеніе дѣлъ. Начиная возстаніе, они думали только совершить обыкновенный военный переворотъ. Но вслѣдъ за ними возстала нація и совершила революцію, нагнавшую страхъ и на Серрано, и на Прима. Пять лѣтъ, протекшія со времени переворота, показали, что Испанія выходитъ, наконецъ, на ту дорогу, по которой только и возможно достигнуть свободы, умиротворенія и благоденствія.

V.

Въ безчисленныхъ политическихъ переворотахъ, волновавшихъ Испанію втеченіи настоящаго столѣтія, выработался особый политическій типъ революціоннаго антрепренера или „хунтеро“. „Типъ этотъ, говоритъ испанскій писатель Месонеро-Романосъ,—охватываетъ безразлично всѣ классы и возрасты; но полнѣйшіе его представители являются изъ промежуточной среды между зрѣлой юностью и полной возмужалостью, между людьми небогатыми и очень бѣдными. Отставные военные, журналисты безъ подписчиковъ, медики безъ практики,

адвокаты безъ кліентовъ, прожектеры и всѣ отставленные отъ должностей предыдущимъ переворотомъ, — вотъ кандидаты всякой будущей хунты, урожденные, такъ-сказать, представители всякаго внутренняго волненія. Ихъ обычное мѣстопребываніе — одна изъ плохихъ кофеенъ города, куда и отправляется за ними въ назначенную минуту возставшая масса; она отторгаетъ ихъ отъ ихъ пуншеваго стакана, какъ Цинцината отъ плуга, чтобы усадить въ курульскія кресла и ввѣрить имъ бразды этого разлагающагося общества. Хунтеро, предвидѣвшій или, лучше сказать, подготовившій все это, очутившись въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, вынимаетъ изъ кармана стереотипную программу, въ которой говорится о правахъ человѣка, о колесницѣ деспотизма, о мечѣ закона и т. п. На эту пустозвонную трескотню заученныхъ фразъ отвѣчаетъ гортанный крикъ тѣхъ, которые изображаютъ собою народъ, съ обычными vivas и съ извѣстнымъ энтузіазмомъ, „который невозможно описать". И вотъ нашъ хунтеро — отецъ отечества; первымъ дѣломъ онъ объявляетъ ниспровергнутыми всѣ власти и взамѣнъ ихъ образуетъ изъ себя и своихъ пріятелей новое правительство, всестороннее и всемогущее, независимое и неотвѣтственное, геройское и либеральное"...

Это было писано въ 1848 г. Съ тѣхъ поръ типъ хунтеро хотя и не исчезъ совершенно, но выродился, измельчалъ, потерялъ всякое значеніе. Политическое предпріятіе 1868 г., начатое Серрано и его друзьями съ цѣлью низвергнуть Изабеллу и замѣнить ее герцогомъ Монпансье, оказалось необдуманнымъ. Не только городское народонаселеніе, но въ значительной степени даже крестьяне воспользовались этимъ военнымъ мятежомъ для совершенія переворота. Хотя этотъ переворотъ не былъ достаточно подготовленъ и партія дѣйствія не была организована какъ слѣдуетъ, но все-таки страна оказалась до такой степени созрѣвшею политически, что, даже застигнутая врасплохъ, она не отдалась попрежнему

въ руки Серрано и К°. Демократическіе комитеты и клубы возникли во множествѣ и въ городахъ, и въ селахъ. Посредствомъ газетъ, брошюръ и рѣчей странствующихъ ораторовъ прогрессивныя идеи начали сильно распространяться въ народной массѣ. Юноши, учившіеся во Франціи, эмигранты, возвратившіеся изъ-за границы политическіе изгнанники и осужденные прежними реакціонными правительствами примкнули къ той политической партіи, которая по уму, образованности, честности стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ и которой принадлежитъ будущее Испаніи. Мы сообщимъ здѣсь въ общихъ чертахъ характеръ главныхъ представителей этой партіи.

Эмиліо Кастеляръ, бывшій профессоръ исторіи въ мадридскомъ университетѣ, потомъ эмигрантъ, человѣкъ съ серьезнымъ научнымъ образованіемъ, считается первостепеннымъ ораторомъ не только Испаніи, но и всей современной Европы. Каждая рѣчь его—тщательно обработанное художественное произведеніе. Но во время самыхъ бурныхъ порывовъ на трибунѣ онъ до того сохраняетъ внутреннее спокойствіе духа и способность наблюденія, что замѣчаетъ все за своими противниками и, сообразно съ замѣченнымъ, не нарушая нисколько стройности напередъ приготовленной рѣчи, дополняетъ ее блестящими импровизаціями. Самые искренніе изъ его противниковъ увлекаются его замѣчательнымъ талантомъ. Онъ убѣжденъ, что только одна федеративная республика можетъ спасти Испанію отъ внутреннихъ междоусобій, отъ политическихъ интригъ всевозможныхъ партій и „тѣхъ мучительныхъ потугъ“, которыми такъ долго страдаетъ Испанія. „Я знаю, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—я знаю въ Испаніи федеративную республику по крайней мѣрѣ съ 1848 года, ужь если не говорить о республиканской кадикской партіи, о республиканской партіи въ Аликанте и Валенсіи, о республиканской партіи Барцелоны, которыя имѣли свою организацію, свои хунты, свои газеты. Въ 1848 г.

въ Парижѣ былъ открытъ конгрессъ федеральныхъ республиканцевъ романской расы и на этотъ конгрессъ депутатомъ отъ республиканской партіи Испаніи былъ посланъ одинъ изъ редакторовъ «El Eco del Comercio». Пи-и-Маргаль въ своей газетѣ «La Razon» и въ своихъ сочиненіяхъ также защищалъ федеральную республику. Вступивъ въ 1848 г. въ редакцію «La Soberania», я пропагандировалъ въ ней ту-же федеральную республику. Гарридо въ 1855 г. издалъ свою «La republica federal, предисловіе къ которой написано мною. Затѣмъ я продолжалъ распространять эту идею посредствомъ двухъ газетъ. Съ своей университетской кафедры я защищалъ федеральную республику, какъ лучшую форму правленія, болѣе всего пригодную для Испаніи, болѣе всего согласную съ ея исторіей и съ ея преданіями“ (Aus Spaniens Gegenwart. Lauser. Leipzig. 1872). Возвратившись послѣ переворота на родину, Кастеляръ началъ самую дѣятельную и обширную пропаганду своихъ идей, разъѣзжая по всей странѣ отъ Пиринеевъ до Кадикса. До этого времени онъ считался краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ, а теперь сдѣлался самымъ любимымъ ораторомъ народа. „Народъ, говоритъ Лаузеръ,—чувствовалъ, что въ немъ бьется великое, теплое сердце, желающее блага и свободы своей родинѣ. И благодаря ему, главнымъ образомъ, народъ понялъ сущность либеральныхъ обѣщаній возставшихъ въ Кадиксѣ генераловъ, рѣшился осуществить ихъ, и всѣ большіе города, кромѣ одной только столицы, послали въ кортесы республиканскихъ представителей“. Въ Мадридъ Кастеляръ явился уже общепризнаннымъ трибуномъ народа и вслѣдъ за тѣмъ всѣ замѣтили, какое громадное вліяніе имѣетъ онъ на массы. Это было въ концѣ января 1869 г., когда монахи убили бургосскаго губернатора, описывавшаго церковныя имущества. Народъ былъ такъ возмущенъ этимъ, что монахамъ угрожало такое-же поголовное истребленіе, какое случилось въ 1835 г.: Кастеляръ съумѣлъ успокоить эту бурю. Затѣмъ онъ одержалъ

блестящую побѣду въ парламентѣ при дебатахъ о свободѣ вѣроисповѣданій. Ультрамонтанскій депутатъ каноникъ Монтерола началъ пренія обычными софизмами и невѣжественными разсужденіями, доказывая, что католицизмъ есть единственное основаніе всѣхъ наукъ, а нѣмецкая наука ничто иное, какъ собраніе противорѣчій и безсмыслицы; что преслѣдованіе іудеевъ было только справедливымъ возмездіемъ за ихъ злодѣянія, въ особенности-же за умерщвленіе христіанскихъ младенцевъ; что отдѣленіе церкви отъ государства неминуемо повлечетъ за собой распространеніе магометанства, многоженства, язычества и пагодъ. Три часа говорило это ультра-католическое дѣтище старой Испаніи и чуть было не усыпило всѣхъ. Ему отвѣчалъ Кастеляръ, разбивая его на каждомъ пунктѣ своимъ блестящимъ анализомъ, своими цитатами то изъ библіи, то изъ отцовъ церкви, то изъ ораторовъ и писателей французской революціи. На положеніе Монтеролы, что католическая церковь прежде всѣхъ и всегда поддерживала начало свободы, равенства и братства, Кастеляръ привелъ между прочимъ выдержку изъ инвентаря монастыря св. Даміана, въ которомъ въ числѣ имущества значилось 50 кобылъ, 20 мавританокъ и 30 мавровъ. На замѣчаніе, что не инквизиція, а гражданская власть умерщвляла еретиковъ, Кастеляръ воскликнулъ: „Это все равно, если-бы убійца оправдывался тѣмъ, что не онъ, а его кинжалъ причинилъ смерть!“ Мантерола выразился, что Кастеляръ лучше-бы думалъ о Римѣ, если-бы былъ въ немъ. „Да, я былъ въ Римѣ, отвѣчалъ Кастеляръ,— и видѣлъ тамъ слѣдующее: въ дворцовой залѣ, расписанной Бассари, находится фреска, изображающая посланниковъ короля Франціи, вручающихъ папѣ голову Колиньи, — вмѣстѣ съ другими церковными достопримѣчательностями тамъ находится апотеоза палача и убійцы варфоломеевской ночи!“ Относительно-же евреевъ Кастеляръ говорилъ: „вѣритъ-ли г. Мантерола въ ужасное ученіе, что дѣти отвѣтственны за грѣхи отцовъ? Думаетъ-ли онъ, что нынѣшніе іудеи умертвили

Христа? Я не вѣрю этому, и поэтому я болѣе христіанинъ, чѣмъ онъ. Великъ Богъ на Синаѣ въ раскатахъ грома и въ землетрясеніи, но еще болѣе великъ онъ въ смиренномъ образѣ у креста, на масляничной горѣ, когда онъ молится о прощеніи враговъ своихъ, невѣдающихъ, что они творятъ. Велика религія силы, но еще болѣе велика религія любви, велика любовь къ непреложной справедливости, но выше ея— религія состраданія и прощенія, и я, во имя этой религіи, которая должна быть и вашей, во имя вашего евангелія, требую, чтобы вы во главѣ вашихъ законовъ поставили свободу вѣроисповѣданій, т. е. свободу, равенство и братство всѣхъ людей". Даже консерваторы увлекались этимъ искреннимъ и задушевнымъ краснорѣчіемъ оратора, даже они рукоплескали ему; они спѣшили къ Кастеляру съ заявленіями своего сочувствія, и на опустѣвшихъ скамьяхъ правой стороны остались только Монтерола съ двумя епископами и тремя другими ультрамонтанскими депутатами; немного погодя и они съ поникшими головами покинули залу. Побѣда была полная. Тысячи телеграмъ изъ всѣхъ мѣстностей Испаніи привѣтствовали великаго оратора; болѣе сотни городовъ избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

На-ряду съ Кастеляромъ стоитъ патріархъ республиканской партіи, Орензе, эмигрировавшій въ 1823 г. въ Англію, гдѣ онъ впродолженіи многихъ лѣтъ пріобрѣлъ серьезныя и обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ государственныхъ и соціальныхъ наукъ. Онъ участвовалъ во многихъ либеральныхъ движеніяхъ Испаніи, удалялся заграницу, снова возвращался на родину и, пріѣхавъ въ нее послѣ сентябрскаго переворота, со всѣмъ пыломъ лучшихъ дней своей юности началъ работать, чтобы приготовить испанскій народъ къ принятію той государственной формы, которую онъ считаетъ единственно возможною и цѣлесообразною въ Испаніи. Онъ изъѣздилъ всю страну, говоря рѣчи, основывая журналы и клубы, собирая митинги и организуя республиканское дви-

женіе. Орензе замѣчательный ораторъ и практическій государственный человѣкъ. Для него федеральная республика не только необходимо вытекаетъ изъ исторіи и географіи Испаніи, не только служитъ единственною возможною основою для слитія Португаліи съ Испаніей, но и служитъ единственнымъ средствомъ для примиренія и полнаго удовлетворенія тѣхъ провинціяльныхъ и мѣстныхъ интересовъ, которые никогда не могутъ примириться ни съ монархіей, ни съ централизаціей. Для Орензе, какъ и для Кастеляра, какъ и для другихъ членовъ ихъ партіи, республика въ Испаніи — самая естественная форма верховной власти народа, санкціонированной конституціей, единственное средство для разрѣшенія запутанныхъ экономическихъ задачъ, оставленныхъ монархіей. Орензе предсказываетъ, что конституціонные доктринеры, которые такъ долго защищали бурбонскую династію отъ республиканцевъ и все-таки кончили тѣмъ, что, прогнавъ Бурбоновъ, приняли нѣкогда гонимые и осмѣянные ими демократическіе принципы, — что эти доктринеры силою обстоятельствъ и общественнаго мнѣнія, болѣе и болѣе склоняющагося на сторону республики, принуждены будутъ искать въ федеральной республикѣ самаго консервативнаго рѣшенія политическихъ вопросовъ и признаютъ ее за самый логическій, разумный и практическій выводъ изъ сентябрской революціи.

Республиканская дѣятельность Фигуераса начинается съ 1850 г. Въ 1854 г. вмѣстѣ съ 19 другими депутатами онъ вотировалъ противъ реставраціи Бурбоновъ, а въ 1869 г. мы видимъ его однимъ изъ 70 республиканскихъ представителей въ кортесахъ. Фигуерасъ съ блестящимъ образованіемъ соединяетъ еще превосходную политическую опытность и обширныя практическія свѣденія. Кастеляръ характеризуетъ его такъ: „если нашъ горизонтъ омрачается, если море бушуетъ, если со всѣхъ сторонъ видны затрудненія, тогда мы невольно обращаемъ свои взоры на Фигуераса, будучи увѣрены, что этотъ опытный кормчій спасетъ насъ среди кораблекрушенія.

Какимъ проницательнымъ взоромъ обладаетъ онъ, открывая слабое мѣсто своего врага; съ какимъ искуствомъ онъ поселяетъ раздоръ въ рядáхъ его! Какую замѣчательную память обнаруживаетъ онъ, приводя такіе историческіе факты, которые болѣе всего говорятъ противъ поражаемаго имъ правительства. А главное—какое въ немъ присутствіе духа! Онъ вызываетъ бурю на скамьяхъ противниковъ съ такою-же легкостью, съ какою онъ очаровываетъ скамьи своихъ друзей!"

Одною изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ характерныхъ рѣчей Фигуераса въ кортесахъ была его рѣчь противъ нынѣшней конституціи. „Вы хотите королевско-демократической конституціи; но въ вашемъ проектѣ я вижу только монархію, а не демократію. Либеральный союзъ и прогрессисты хлопочутъ только о парламентскомъ всемогуществѣ, о министерскомъ всемогуществѣ; то и другое допускается конституціей; они сохраняютъ солдата, который долженъ стеречь покой ихъ пищеваренія; они поддерживаютъ патера, который долженъ убѣждать народъ заниматься только небесными дѣлами и не думать о томъ, что человѣкъ имѣетъ высокое предназначеніе и на землѣ. Вы нарушили равенство, сохранивъ привилегированную религію; вы говорите о некатоликахъ какъ о потерянныхъ людяхъ, между тѣмъ какъ достоинство человѣка выражается не въ его вѣроисповѣданіи, а въ томъ, что онъ регулируетъ свои дѣйствія истинными принципами всеобщей морали... При такой конституціи можетъ царствовать самый реакціонный король, и вамъ не остается ничего болѣе, какъ отправиться къ Изабеллѣ II и смиренно умолять ее, дабы она соизволила вернуться съ своими монахами и любовниками въ нашъ Мадридъ".

Пи-и-Маргаль съ перваго-же своего появленія въ кортесахъ сталъ въ ряду первостепенныхъ ораторовъ. Подобно всѣмъ предыдущимъ, онъ славится своею ученостью, своими глубокими познаніями въ нѣмецкой философіи и политической экономіи. Самостоятельный мыслитель, замѣчательный публи-

цистъ, неутомимый работникъ, человѣкъ непреклоннаго характера, Пи-и-Маргаль въ особенности полезенъ своею компетентностью въ финансовыхъ дѣлахъ. Онъ первый обратилъ вниманіе на крайнюю необходимость для Испаніи основныхъ экономическихъ реформъ.

Фернандо Гарридо, знающій Испанію, какъ никто ея не знаетъ, лучшій публицистъ своей страны и любимѣйшій ораторъ народа, едва-ли не болѣе всѣхъ содѣйствовалъ торжеству своей идеи. Главною заботою его послѣ сентябрскаго переворота были организація своей партіи и примиреніе тѣхъ мѣстныхъ интересовъ, которые, благодаря злоупотребленіямъ прежняго режима, порождали взаимную остервенѣлую вражду провинцій, парализовавшую успѣхъ всякаго добраго дѣла. Гарридо явился истиннымъ миротворцемъ: онъ примирялъ противоположности, примирялъ партіи, училъ ихъ взаимной уступчивости и терпимости, и старался привлекать въ свою партію какъ можно больше демократовъ и прогрессистовъ. Несмотря на свои соціалистическія убѣжденія, Гарридо дѣятель вполнѣ практическій. Когда въ Испанію явился Бакунинъ со своимъ универсальнымъ рецептомъ искоренить всякую государственность и, разбивъ страну на ея отдѣльные атомы, положить основаніе новымъ соціальнымъ порядкамъ, Гарридо только посмѣялся надъ этимъ проектомъ, а Бакунинъ провозгласилъ его измѣнникомъ.

Гарція Лопецъ, Санхецъ Руано, ученикъ и другъ Кастеляра, Арбацуца дополняютъ собою эту группу первостепенныхъ политическихъ дѣятелей лѣвой стороны, на которой мы видимъ всѣ таланты, всѣхъ серьезно образованныхъ людей Испаніи. Лаузеръ, человѣкъ вполнѣ безпристрастный, предсказываетъ этой партіи торжество надъ всѣми остальными, потому что на ея сторонѣ не только сила таланта и науки, но и сила честности. „Рѣзче всего она отличается отъ всѣхъ другихъ партій Испаніи своимъ безкорыстіемъ и отсутствіемъ

всякаго личнаго соперничества". Ни одна партія также не проявляетъ такой религіозной и политической терпимости, какъ республиканская. Она не разъ хлопотала даже объ амнистіи карлистамъ. Въ кортесахъ она превосходитъ каждую изъ остальныхъ партій, взятую отдѣльно, а въ странѣ пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ между всѣми слоями современнаго испанскаго общества. Населеніе большихъ городовъ даетъ самое большое число членовъ этой партіи, но приверженцы ея встрѣчаются и въ сельской массѣ.

Обращаясь къ ретрограднымъ политическимъ партіямъ, мы не видимъ на ихъ сторонѣ ни такихъ талантовъ, ни такого безкорыстія, какъ на лѣвой сторонѣ. Во главѣ ихъ нужно поставить крайнихъ реакціонеровъ-карлистовъ, которые, постепенно слабѣя, все-таки могутъ еще набирать достаточно силъ между монахами, бродягами, разбойниками и невѣжественнымъ крестьянствомъ. Какими средствами духовенство вербуетъ приверженцевъ Донъ-Карлосу, можно судить по слѣдующему факту. Патеры и монахи проповѣдуютъ по деревнямъ, что Богъ посредствомъ явнаго знаменія на небѣ возвѣщаетъ близкую побѣду законнаго короля; стоитъ только вечеромъ выйти въ поле, подольше посмотрѣть на заходящее солнце, потомъ отвернуться и закрыть глаза—и станетъ ясно, какъ съ неба дождемъ падаютъ карлистскія красныя шапки. Крестьяне дѣлаютъ опытъ, и возбужденное въ ихъ глазахъ солнечнымъ свѣтомъ видѣніе движущихся красныхъ пятенъ принимаютъ за чудесное знаменіе! Впрочемъ, такихъ дураковъ немного находится даже и между крестьянами. Что-же касается городского населенія всѣхъ классовъ, то оно питаетъ къ карлистамъ такую вражду, что либеральная партія вынуждена всѣми силами удерживать его отъ истребительной войны противъ нихъ. Въ парламентѣ-же карлисты поражаютъ всѣхъ своимъ невѣжествомъ и тупоумнымъ упорствомъ, непонимающимъ, что дѣло ихъ проиграно окончательно. Въ

первую сессію было только два карлистскихъ депутата, рѣчи и притязанія которыхъ возбуждали одинъ смѣхъ.

На-ряду съ карлистами выступаютъ двѣ другія реакціонныя партіи, изъ коихъ одна стоитъ за сына Изабеллы, Альфонса, другая за герцога Монпасье. Отъ карлистовъ они отличаются не принципами, а только своими кандидатами на престолъ. Въ числѣ ихъ депутатовъ считаются лучшими и блестящими свѣтилами церкви каноникъ Монтерола, епископъ Монцесцилло и архіепископъ Сантьяго. Они отличились въ первый разъ во время преній по религіозному вопросу. Вся Испанія хохотала надъ ихъ невѣжествомъ и надъ ихъ нелѣпой софистикой. Монтерола говорилъ на тему — или католичество, какъ государственная религія, или атеизмъ. По вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства онъ изрекъ, что „прелаты всегда стоятъ выше парламента, выше Испаніи, выше цѣлаго міра!“ Такъ-какъ его рѣчи въ кортесахъ возбуждали гомерическій хохотъ, то онъ вынужденъ былъ перенести свою дѣятельность съ парламентской трибуны на церковную каѳедру, съ которой онъ проповѣдывалъ священную войну противъ либераловъ, пока полиція не запретила этихъ безобразій. Нисколько не лучше его и епископъ Монцесцилло. Онъ требовалъ отмѣны всѣхъ законовъ, изданныхъ относительно іезуитовъ, монахинь и семинарій, возвращенія всѣхъ конфискованныхъ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, передачи духовенству всего народнаго образованія, какъ низшаго, такъ средняго и высшаго. Онъ заявлялъ, что Испанія имѣетъ научное вліяніе на весь міръ, и съ презрѣніемъ говорилъ о „полномъ гордыни“ парижскомъ университетѣ. „Кортесы должны знать, восклицалъ онъ, — что такъ-называемая нѣмецкая наука происходитъ не изъ Германіи. Германія не производитъ ничего, кромѣ тумана и мечтательныхъ нелѣпостей; все, что есть въ Германіи хорошаго, она получила отъ св. Хуана делакрузскаго, отъ св. Людовика Гранадскаго“. Въ заключеніе этотъ тупоумный монахъ заявлялъ, что 3,000

человѣкъ письмен но выражали ему пламенное желаніе пожертвовать своею кровью для защиты католицизма отъ безбожныхъ либераловъ.

Къ чисто-реакціоннымъ партіямъ принадлежатъ также уніонисты и умѣренные (moderados). Это большею частью личности въ родѣ тѣхъ хунтеро, о которыхъ мы говорили. Чтобы судить о характерѣ ихъ управленія, достаточно указать на слѣдующій фактъ. Одинъ разъ на кораблѣ, плывшемъ въ Гавану, очутилось разомъ три чиновника, опредѣленныхъ на одну и ту-же должность; двое изъ нихъ были назначены даже въ одинъ день; назначенный прежде всѣхъ заявилъ своимъ соперникамъ, что такъ-какъ онъ не смѣненъ, то и будетъ защищать свое право съ оружіемъ въ рукахъ. Само собою понятно, что должность была продана поочередно тремъ этимъ господамъ. Выдающейся личностью уніонистской партіи является Серрано, составившій свою карьеру въ качествѣ любовника Изабеллы. Ни талантами, ни знаніями онъ обладаетъ. Начавъ революцію во имя династическаго переворота, онъ вскорѣ принужденъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ. Но какъ политическій интриганъ и антрепренеръ, онъ возбуждаетъ опасеніе. Серрановскій сподвижникъ адмиралъ Топете — жалкая посредственность, воображающая себя государственнымъ человѣкомъ. Онъ бросился въ политическій переворотъ единственно съ цѣлью воцарить Монпасье. Неудача совершенно раздражила его и онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, компрометируя тѣмъ своихъ товарищей, а послѣдніе, ради его успокоенія, начали трубить на всѣ лады, что революція обязана своимъ успѣхомъ главнымъ образомъ Топете. Но Топете, вслѣдствіе этого еще болѣе возмнилъ о себѣ. Не менѣе жалкую роль играетъ и даровитый ренегатъ либеральной партіи, Олоцаго. Когда онъ возвратился изъ изгнанія, то населеніе Мадрида приняло его съ восторгомъ, какъ испытаннаго бойца за свободу. Но этотъ испытанный боецъ началъ противодѣйствовать уничтоженію рабства, свободѣ вѣроисповѣданій и

всюду заявлялъ, что цѣлью революціи было только низверженіе Изабеллы. Единственнымъ мотивомъ дѣйствій Олоцаго служитъ честолюбіе, то неизмѣримое честолюбіе, которому служилъ и даровитѣйшій представитель партіи движенія, Примъ, этотъ второй экземпляръ Наполеона III. Что-же касается большинства уніонистовъ и прогрессистовъ, то его должно считать вовсе не политической партіей, а организаціей хунтеро, толпой политическихъ антрепренеровъ, стремящихся нажиться посредствомъ власти и въ большинствѣ случаевъ до того малоспособныхъ, что они отдаются совершенно въ распоряженіе своихъ вождей, въ родѣ Сагасты или Прима, и идутъ за ними всюду.

Карлисты, уніонисты, прогрессисты, конечно, создадутъ еще не мало препятствій для дальнѣйшаго развитія Испаніи, но остановить его они не могутъ. На сторонѣ прогрессивнаго движенія и его представителей умъ, образованность, всѣ дѣятельныя и здоровыя силы націи. Политическое воспитаніе народа идетъ безостановочно. Рабочіе по вечерамъ съ своими семействами собираются въ безчисленные клубы читать газеты и брошюры, слушать ораторовъ, толковать о политикѣ. Десятки тысячъ крестьянъ выѣзжаютъ въ города изъ своихъ деревень, чтобы послушать Гарридо или Кастеляра. Книжные магазины и библіотеки для чтенія, столь рѣдкіе при Бурбонахъ, возникаютъ теперь всюду. Самые нравы народа видимо смягчаются. Борьба политическихъ партій далеко уже не имѣетъ той звѣрской страстности, какою она отличалась лѣтъ десять, пятнадцать назадъ. Даже революціонные перевороты производятся съ такимъ порядкомъ, съ такою сдержанностью, что внушаютъ невольное уваженіе къ характеру этого народа. „Однажды", разсказываетъ Лаузеръ,—въ полночь я вошелъ въ редакцію одной мадридской радикальной газеты. Я изумился, увидѣвъ, что комната редакціи наполнена копьями, саблями, ружьями, знаменами, а въ углу стояла небольшая пушка, обвязанная веревками такъ, чтобы ее можно было черезъ

окно спустить на улицу. Редакторы и нѣкоторые изъ ихъ друзей молча сидѣли вокругъ стола, на которомъ была разложена карта города; отъ времени до времени тотъ или другой изъ нихъ иглою обозначалъ на картѣ какой-нибудь пунктъ, предназначенный для постройки баррикады. Черезъ часъ они ожидали сигнала для возстанія... Я отправился на Пуерта-дель-Соль, гдѣ думалъ встрѣтить какое-нибудь чрезвычайное движеніе. Но вмѣсто него я увидѣлъ, въ большемъ только числѣ, чѣмъ обыкновенно, прогуливающихся съ самымъ беззаботнымъ по наружности видомъ; не зная заранѣе, никто-бы не повѣрилъ, что каждый изъ нихъ скрываетъ подъ своимъ плащемъ оружіе и готовъ стать на баррикады". Въ другомъ мѣстѣ Лаузеръ описываетъ революцію въ небольшой деревнѣ. Гудитъ набатъ, призывая всѣхъ способныхъ носить оружіе людей, и отряды вооруженныхъ крестьянъ спѣшатъ на призывъ его. Правительство объявляется низложеннымъ. Къ ратушѣ, гдѣ засѣдаетъ революціонная хунта, прибита ея прокламація, требующая повиновенія ей, какъ единственной законной власти. „Члены хунты приняли насъ самымъ дружескимъ образомъ. Предсѣдатель объявилъ намъ, что въ этотъ часъ вся геронская провинція возстала... Порядокъ, сдержанность и приличіе, царившіе въ этой деревенской хунтѣ, возбуждали величайшее уваженіе. Эти необразованные крестьяне, безъ шума, безъ самохвальства, безъ оскорбленія своихъ противниковъ, въ одинъ часъ свергли старый порядокъ, и хунта тотчасъ-же издала строгое запрещеніе наносить обиды кому-бы то ни было". Правда, въ кортесахъ однажды была настоящая драка, но за этимъ единственнымъ исключеніемъ ни въ одномъ европейскомъ парламентѣ нѣтъ такого порядка, приличія, отсутствія личныхъ оскорбленій и такого полнаго уваженія къ свободѣ слова, какъ въ кортесахъ. Самые ожесточенные политическіе противники ни при защитѣ, ни при нападеніи не дозволяютъ себѣ ничего оскорбительнаго. Самый скучный и нелюбимый ораторъ можетъ разглагольство-

вать хоть цѣлый день, и никто не прерветъ его, а всѣ считаютъ своею обязанностью дать ему полную свободу говорить сколько хочетъ. Монархисты и республиканцы нерѣдко являются въ залу кортесовъ и покидаютъ ее подъ руку другъ съ другомъ; будучи противниками въ парламентѣ, въ частной жизни многіе изъ нихъ знакомы и дружны между собой. Вообще, за послѣдніе четыре года общественные нравы видимо начали смягчаться. Кровавыя зрѣлища бычьихъ боевъ встрѣчаютъ уже сильное противодѣйствіе со стороны республиканской партіи, которая хлопочетъ о запрещеніи ихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ женщины высшаго и средняго сословія уже не посѣщаютъ этихъ варварскихъ зрѣлищъ, находя ихъ неприличными. Въ ущербъ-же бычьимъ боямъ усиливается театральное искуство. Въ каждомъ незначительномъ городкѣ Испаніи есть театръ. Послѣ 1868 г. театръ сдѣлался преимущественно орудіемъ либеральной пропаганды. Политическія пьесы не сходятъ со сцены. Вотъ, напр., содержаніе одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Кто будетъ королемъ?“ Сцена представляетъ пограничную мѣстность въ Пиринеяхъ. На сценѣ „Испанія“. Она сидитъ на тронѣ и предлагаетъ народу избрать короля. Нѣкоторые возражаютъ на это, но Испанія отвѣчаетъ имъ, что нельзя-же обойтись безъ главы государства. Стучатъ въ дверь. Прислуга докладываетъ, что какой-то иностранецъ желаетъ имѣть аудіенцію. Входитъ одинъ изъ кандидатовъ на престолъ, англійскій матросъ (герцогъ кэмбриджскій), пьяный до того, что не можетъ сказать ни одного слова. Вслѣдъ за нимъ является торговецъ апельсинами (герцогъ Монпасье), съ сильнымъ французскимъ акцентомъ восхваляетъ свое занятіе и, оставивъ рекламу отъ своей фирмы, уходитъ, обѣщаясь вскорѣ вернуться. За нимъ является молодой фатъ (Амедей), который дѣлаетъ глазки хорошенькимъ испанкамъ; потомъ проходитъ по сценѣ португалецъ (Фердинандъ), опирающійся на двухъ танцовщицъ; наконецъ, является молодой парень въ дѣтскихъ штанишкахъ, въ

задній прорѣзъ которыхъ выставился подолъ рубашки; этому претенденту (Донъ-Карлосъ) отъ времени до времени подтираютъ носъ; его ведетъ за руку мужчина въ іезуитской шляпѣ, который въ сладкой рѣчи рекомендуется народу, какъ истинный другъ свободы, но котораго вскорѣ узнаютъ по его тонсурѣ и выталкиваютъ въ шею, и т. д. Особенною популярностью пользуются пьесы, направленныя противъ духовенства, напримѣръ драма „Фанатикъ“, изображающая козни и ужасы инквизиціи. „Возбужденность публики, говоритъ Лаузеръ, — возрастала съ каждымъ актомъ представленія, на которомъ я присутствовалъ; громкіе возгласы противъ патеровъ, изображенныхъ въ пьесѣ, раздавались со всѣхъ сторонъ, а когда Карлосъ II, догадавшись о козняхъ, учиненныхъ надъ нимъ его духовникомъ, закричалъ послѣднему: „чертовскій попъ“, то раздался настоящій громъ одобренія; бутылки, шляпы, трости, все, что было подъ руками у зрителей, все полетѣло въ голову несчастнаго актера, игравшаго роль духовника... Въ заключеніе пьесы этого духовника закалываетъ любовникъ дѣвушки, преданной имъ въ руки инквизиціи, и затѣмъ занавѣсъ падаетъ; три раза по требованію публики снова поднимался занавѣсъ и три раза этотъ патеръ долженъ былъ умирать подъ кинжаломъ своего противника“.

Изъ представленнаго нами очерка читатель видитъ, что отчаяваться за будущее Испаніи нѣтъ основанія. Какъ ни мрачно и печально ея прошлое, но оно уступаетъ мало-помалу тому общечеловѣческому движенію, которое невольно тянетъ за собою отсталые народы къ умственному и соціальному возрожденію. Вмѣстѣ съ умственнымъ прогрессомъ мы видимъ здѣсь развитіе и матеріяльнаго благосостоянія. Не приводя подробныхъ и длинныхъ статистическихъ таблицъ, скажемъ только, что желѣзныя дороги, торговля, промышленность—все развивается въ Испаніи. „Благосостояніе народа поднимается“, говоритъ Кольбъ (Statistik, Ausgabe von 1871).

Въ 1858 — 1864 гг., напр., потребленіе сахару приходилось среднимъ числомъ на каждаго испанца въ годъ $4,_{33}$ фунта, а въ 1865—1868 уже $5,_{33}$ фунта; потребленіе кофе возрасло отъ $0,_{13}$ до $0,_{23}$ на человѣка; потребленіе вина не увеличилось. По исчисленію Гаррído, „производство средствъ жизни въ Испаніи далеко превосходитъ ихъ потребленіе, и въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы политико-экономы безпокоятся отношеніемъ средствъ пропитанія къ количеству населенія, въ Испаніи народонаселеніе можетъ удвоиться и все-таки найдетъ достаточно средствъ для своего прокормленія". Тотъ-же писатель вычисляетъ, что испанецъ ежедневно потребляетъ 20 унцовъ хлѣба, 8 унцовъ овощей, 4 унца мяса, 8 унцовъ вина, всего 40 унцовъ, между тѣмъ какъ на каждаго жителя Франціи приходится только 20 унцовъ этихъ питательныхъ веществъ. Въ Испаніи нѣтъ такой бѣдности, какую мы видимъ, напр., во Франціи или въ Англіи; но при всемъ этомъ экономическое положеніе страны, по отношенію къ ея необыкновеннымъ естественнымъ богатствамъ, нищенское. Громадное количество земель до сихъ поръ остается въ рукахъ богатаго дворянства, и система крупнаго землевладѣнія приводитъ къ своимъ обычнымъ результатамъ: земли обрабатываются плохо, а крестьяне превращаются въ пролетаріевъ. Земледѣльцевъ-поденьщиковъ въ 1860 году было 2,354,110 человѣкъ. Уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе крупнаго землевладѣнія—настоятельная необходимость для Испаніи. Вторая задача, которой занимается прогрессивная партія,—это уменьшеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ. Какъ ни сильно уменьшилось число духовенства въ Испаніи, но его все еще остается множество, и оно отягощаетъ собою государственное казначейство. Монахи закрытыхъ монастырей получаютъ пожизненную пенсію, а кромѣ монаховъ въ 1860 году было еще 18,819 монахинь. На 26,000 патеровъ государство ежегодно расходуетъ 173,000,000 реаловъ, на монаховъ 6,000,000, на монахинь 13,000,000 р.

Въ Бургосѣ, имѣющемъ 14,000 жителей, 1,500 духовныхъ потребляютъ болѣе, чѣмъ производитъ почва всей провинціи. Послѣ экономическихъ реформъ стоитъ на очереди коренное преобразованіе арміи, предположенное еще министерствомъ Зорильи. Главная задача этого преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать армію слугою отечества и лишить ее того преторіанскаго характера, благодаря которому такъ часто дѣлали ее своимъ слѣпымъ орудіемъ политическіе спекуляторы. До послѣдняго времени деньги, отпускаемыя на армію, тратились главнымъ образомъ на высшихъ военныхъ чиновниковъ. Въ 1862 г., напр., въ Испаніи было ни болѣе, ни менѣе, какъ 142 фельдмаршала. Наконецъ, Испаніи предстоитъ еще одна важная реформа—это окончательное уничтоженіе рабства негровъ, о которомъ уже давно хлопочетъ прогрессивная партія. Рабство поддерживаютъ, во-первыхъ, сами рабовладѣльцы, потомъ работорговцы, генералъ-капитаны и другіе чиновники колоній, которымъ такъ привольно живется въ послѣднихъ и которые непосредственно или посредственно участвуютъ въ выгодахъ рабовладѣльцевъ; наконецъ; за рабство стоятъ и испанскіе фабриканты, главною потребительницею которыхъ служитъ рабовладѣльческая аристократія острова Кубы. Въ 1859 г. въ американскихъ колоніяхъ (Кубѣ, Порто-Рико и др.) на 1,703,000 жителей приходилось рабовъ 404,000, но это по офиціальнымъ даннымъ, на самомъ-же дѣлѣ, говорятъ, рабовъ не менѣе 600,000, составляющихъ капиталъ въ 3,600,000,000 франковъ и купленныхъ въ Африкѣ не болѣе, какъ 90,000,000 франковъ. Рабъ покупается въ Африкѣ за 100 или 150 фр., а въ колоніяхъ онъ продается за 4,500—7,000 франковъ. Такъ-какъ рабство ведется контрабандой, то испанская администрація за дозволеніе работорговли получаетъ въ видѣ взятокъ среднимъ числомъ по 250 фр. за негра. Генералъ-капитаны Кубы наживаютъ, такимъ образомъ, милліоны. Извѣстенъ только одинъ совершенно безкорыстный генералъ-капитанъ, Балдесъ, управлявшій Кубой

во время трехлѣтняго регентства Эспартеро. Онъ жилъ какъ спартанецъ, почти все свое жалованье раздавалъ бѣднымъ и не имѣлъ даже денегъ для обратнаго переѣзда въ Испанію, которыя и были собраны для него по подпискѣ. Еще въ 1817 г. Испанія обязалась международнымъ трактатомъ прекратить работорговлю, но съ 1825 по 1860 г. она ввезла въ свои колоніи до 600,000 негровъ. Въ одномъ только 1860 г. ввезено было около 50,000 рабовъ. Этимъ выгоднымъ промысломъ занимаются нерѣдко самыя важныя лица. Положеніе негровъ ужасное. Днемъ они работаютъ подъ ударами бичей, а ночь проводятъ въ отвратительныхъ погребахъ, подъ карауломъ бѣлыхъ и собакъ. Большинство ихъ не имѣетъ ни женъ, ни семействъ. Рабы-же, живущіе въ городахъ, въ извѣстномъ отношеніи пользуются нѣсколько лучшимъ положеніемъ, чѣмъ фабричные рабочіе Европы. Нужно также замѣтить, что испанцы и въ законахъ своихъ, и на практикѣ относятся къ рабамъ мягче, чѣмъ другіе европейцы. По закону рабъ имѣетъ право выкупиться на свободу или заставить своего господина продать его. Законъ обязываетъ давать рабу клочекъ земли и одинъ день въ недѣлю для его обработки. Число откупившихся негровъ очень значительно и они почти вполнѣ равноправны съ бѣлыми. Въ 1870 г., благодаря усиліямъ республиканской партіи, объявлены свободными: 1) всѣ дѣти рабынь, родившіяся послѣ изданія закона, которыя, впрочемъ обязаны безплатно работать на своихъ господъ до 18-лѣтняго возраста, а съ 18 до 22 лѣтъ за половинную плату обыкновеннаго поденьщика; 2) всѣ дѣти, родившіяся со дня революціи 17 сентября 1868 г. по день изданія закона, съ выкупомъ отъ правительства по 125 пезатъ за ребенка; 3) рабы, которые во время кубанскаго возстанія держали сторону правительства; 4) всѣ государственные рабы и 5) всѣ достигшіе шестидесятилѣтняго возраста. Наказаніе кнутомъ уничтожено, а продажа малолѣтнихъ отдѣльно отъ матерей и супруговъ другъ отъ друга запрещена.

СУДЬБЫ ИРЛАНДІИ.

J. A. Froude, the English in Ireland in the XVIII century, in 2 volumes, 1872.—H. J. Jervis. Ireland under the British Rule, 1868. — Gustave de Beaumont, l'Irlande sociale, politique et religieuse, 7-me édition, précédée d'une notice sur l'état présent de l'Irlande, 2 volumes, 1863. — W. H. Lecky, the Leaders of public opinion in Ireland, 1871.—John Stuart Mill, Chapters and Speeches on the irish land question, 1870. — Gerald Fitzgibbon, the Land Difficulty in Ireland with an effort to solve it. 1869. — O'Connon Morris, Letters on the Land Question in Ireland. 1870.—John George Mac Carthy, Irish Land Questions plainty stated and answered, 1870.—Land Tenures and their consequences, Westminster Review, № LXXIII. — W. N. Molesworth, the History of England from the year 1830, in 2 volumes, 1872. — F. Broemel, O'Connel, въ Staats-Lexicon von Rotteck und Welcker. — Cobden, Club Essays, 1 and 2 volumes, 1872.—The Jrish National School System, British Quarterly Review, 1869.—The Ministry and University Education in Ireland, Quaterly Review 1873, january.— D-r Macaulay, Ireland in 1872, 1873. — Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ, собраніе статей современныхъ экономистовъ. Спб. 1871.— Новое хозяйство. Кооперативное земледѣліе. Издалъ Баллинъ. Спб. 1872. — С. Трэнчъ. Очерки ирландской жизни, пер. съ англійскаго. Спб. 1873.

I.

Исторія несчастной страны, о судьбахъ которой мы хотимъ говорить, начинается тысячи за двѣ лѣтъ до нашего времени. „Зеленый островъ" находился тогда въ состояніи первобытной дикости; дѣвственная земля его была покрыта непроходимыми лѣсами и болотами; дожди и туманы дѣлали его климатъ чрезвычайно сырымъ и нездоровымъ. Неизвѣстно.

кто были первые жители этой небольшой страны, на почвѣ которой суждено было рѣшаться впродолженіи столѣтій самымъ важнымъ вопросамъ политики и соціальныхъ отношеній. Но еще задолго до первыхъ нашествій англичанъ въ южной части острова поселились иберійскія племена, а на сѣверѣ скотты. Когда они размножились и разсѣялись по странѣ, то хотя и начали посредствомъ постепеннаго смѣшенія сливаться въ одну націю, но все-таки отдѣльные роды находились въ состояніи постоянной борьбы между собой за землю, которая, по причинѣ своей первобытной дикости, могла доставлять средства существованія только немногимъ жителямъ. Предпринимая разбойничьи набѣги на Шотландскіе острова и Валлисъ, гдѣ они захватывали много рабовъ, ирландцы, въ свою очередь, подвергались частымъ набѣгамъ скоттовъ, датчанъ и нормановъ. Но нездоровый климатъ зеленаго Эрина, его лѣса и болота препятствовали завоевателямъ прочно утвердиться на островѣ. Даже Агрикола съ своими легіонами, призываемый однимъ изъ ирландскихъ вождей въ 82 г. по Р. Х., не рискнулъ двинуться въ глубь острова для покоренія этой страны, суровость и дикость которой не мѣшали, однакожь, христіанскимъ миссіонерамъ дѣлать въ ней свое дѣло. Очень рано здѣсь возникли христіанскія общины и школы, сдѣлавшіяся первыми на всемъ Западѣ и привлекавшія многочисленныхъ учениковъ даже изъ Британіи и Галліи. Но религіозные раздоры, возбужденные римскими агентами, обвинившими ирландцевъ въ VI в. въ ереси, и потомъ въ IX в. нашествіе нормановъ повели за собой паденіе зарождавшейся христіанской цивилизаціи. Хотя въ Дублинѣ и другихъ мѣстахъ продолжали существовать церкви и епископства, но даже сами епископы не соображались съ уставами римской церкви, а масса народа, хотя и обращаемая номинально въ христіанство, оставалась въ сущности языческою. Народъ раздѣлялся на племена, которыя выбирали себѣ вождей, давали имъ поземельные участки, раздѣляли остальную землю между всѣми

законнорожденными и незаконнорожденными родичами и управлялись своимъ обычнымъ правомъ, хранителями котораго были брегоны—жрецы-барды въ родѣ друидовъ. Границы родовыхъ земель то расширялись, то съуживались, смотря по способностямъ и воинской предпріимчивости вождей. Культура страны находилась на самой низкой ступени развитія. Занимаясь скотоводствомъ, ирландцы жили въ гористыхъ мѣстностяхъ или около озеръ въ убогихъ лачугахъ изъ плетня, обмазаннаго глиной. Въ минуты опасности они бросали эти лачуги и перебирались въ сосѣдніе лѣса. Ихъ копья, длинные ножи, еще болѣе длинные боевые топоры и лодки были крайне плохи, а употребленія сѣделъ они вовсе не знали. Въ XII в. на всемъ островѣ было не больше 300,000 жителей. Первый городъ былъ основанъ только въ IX столѣтіи норманами. Страшная непріятелямъ своимъ климатомъ, лѣсами, болотами и туманами, Ирландія не имѣла политической силы. Междоусобія родовъ дополнялись еще междоусобіями королей, какъ назывались наиболѣе значительные вожди. Четыре провинціи, Лейнстеръ, Мюнстеръ, Ульстеръ и Коннотъ, управлялись каждая своимъ королемъ. И хотя одинъ изъ этихъ королей считался главою всей Ирландіи, но его власть была только номинальная. Вслѣдствіе своей политической разъединенности, ирландцы не могли оказывать надлежащаго сопротивленія непріятельскимъ нашествіямъ, и когда, въ половинѣ IX в., на нихъ напали датчане, то они хотя и успѣли отстоять свою независимость, но оказались не въ силахъ окончательно вытѣснить враговъ съ своего острова. Датчане поселились во многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, основавъ здѣсь торговыя конторы и города Дублинъ, Уатерфордъ, Уэксфордъ.

При слабости свѣтской власти, народъ все болѣе и болѣе подчинялся вліянію католическаго духовенства. Но это духовенство долго не было поставлено въ такую зависимость отъ Рима, какой требовалъ послѣдній. Въ XII в. папская власть

начала энергически хлопотать объ организаціи и обычной эксплуатаціи ирландской церкви. Въ то-же время ирландскіе набѣги на Валлисъ и морскіе разбои заставили англичанъ серьезно подумывать о покореніи острова, сосѣдство котораго невыгодно отзывалось на Англіи и которому суждено было быть втеченіи многихъ столѣтій самымъ больнымъ мѣстомъ могучаго британскаго государства. Папа Адріанъ IV, англичанинъ по происхожденію, рѣшился покорить островъ англійскому королю, а черезъ него и своей верховной власти. Въ 1156 году своею буллою онъ подарилъ Ирландію Генриху II, который, по словамъ лѣтописца, „считалъ завоеваніе дѣломъ легкимъ, зная, что ирландцы народъ невѣжественный и дикій“. Но этотъ разсчетъ оказался совершенно неосновательнымъ. Завоеваніе началось въ 1169 году и кончилось только въ 1603 году, т. е. черезъ четыреста слишкомъ лѣтъ. Внутреннія дѣла самой Англіи и ея иностранныя отношенія, дикость Ирландіи, ея губительный климатъ, независимый духъ ея жителей, патріотизмъ въ соединеніи съ религіознымъ одушевленіемъ, несостоятельность англійской системы колонизаціи и управленія—все мѣшало покоренію острова. Англичане легко овладѣли извѣстною частью страны, но покорить ее всю не могли втеченіи столѣтій. Вплоть до царствованія Елисаветы покоренная территорія, называвшаяся *палисадникомъ*, по причинѣ палисадовъ и укрѣпленій на ея границахъ, не обнимала болѣе одной трети Ирландіи. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ туземцами, пространство полисадника то увеличивалось, то уменьшалось иногда до такой степени, что въ 1406 г. ирландцы безнаказанно могли опустошать предмѣстья Дублина, а въ половинѣ царствованія Генриха VIII палисадникъ занималъ не болѣе 20 кв. миль.

Генрихъ II, начавшій завоеваніе Ирландіи, не могъ покорить и удержать ее безъ своихъ вассаловъ; имъ слѣдовало платить за службу, а такъ-какъ платить было нечѣмъ, то, по феодальному обычаю, Генрихъ, получившій Ирландію въ

подарокъ отъ духовнаго владыки міра, началъ дѣлить ее между своими сподвижниками. Такіе раздѣлы и передѣлы, продолжавшіеся до конца XVII в., вели за собой феодальное переустройство Ирландіи. Господа, получившіе отъ королей громадныя земли, дѣлались сюзеренами, въ зависимости отъ которыхъ стояли второстепенные бароны. Прежде земля принадлежала народу, который часть ея уступалъ своимъ вождямъ во временное пользованіе; теперь она переходила въ полную собственность феодаловъ и народъ за пользованіе ею былъ обязанъ платить обременительные налоги и повинности; если туземцы не покорялись ненавистному для нихъ порядку вещей, то они бросали свою родную землю, которую въ такомъ случаѣ феодалы старались заселить переселенцами изъ Англіи. И народъ и вожди скоро воспитали въ себѣ наслѣдственную ненависть къ феодальной системѣ, съ представителями которой они не переставали бороться и въ войнахъ, и въ открытыхъ мятежахъ, и посредствомъ частныхъ убійствъ, поджоговъ, отгона скота и т. п. Вѣковая борьба ирландцевъ за свою землю и независимость не могла имѣть желаннаго успѣха уже по одному тому, что ихъ племена и роды не соединялись во имя общаго національнаго дѣла, а, напротивъ, продолжали раззорять несчастную родину своими междоусобицами, которыя сопровождались ужасными жестокостями. Когда, напримѣръ, Мак-Мурро разбилъ банды своего заклятаго врага Мак-Джилли Пэтрика, то въ видѣ трофея ему было представлено 300 человѣческихъ головъ; узнавъ въ одной изъ нихъ голову особенно ненавистнаго ему человѣка, Мурро отсѣкъ ей носъ и уши. Англійскіе сеньоры, завоевавшіе Ирландію, вели дѣла не лучше ирландскихъ вождей. Нѣкоторые изъ нихъ, владѣя обширными землями, жили съ королевскою роскошью посреди своихъ многочисленныхъ вассаловъ, посвящали сами въ рыцари, имѣли свои собственные суды и даже королевскіе чиновники не допускались въ ихъ владѣнія. Король не жилъ въ Ирландіи и его власть не могла обуздывать своево-

лія феодаловъ, которые, вслѣдствіе этого, постоянно дрались другъ съ другомъ не на животъ, а на смерть. Въ XVI в. въ Лейнстерѣ, Мюнстерѣ, Клэрѣ, Килькенни и на сѣверѣ пользовались верховнымъ владычествомъ четыре фамиліи. Подъ ихъ властью страна была раздѣлена между 60 ирландскими вождями старой крови и 30 „великими шефами изъ благороднаго англійскаго народа". Каждый изъ этихъ 90 предводителей имѣлъ среднимъ числомъ около 800 мечей и занимался единственно грабительскими войнами съ своими сосѣдями. Иногда само правительство поддерживало эти пагубныя распри и, не имѣя возможности какъ слѣдуетъ обуздать непокорнаго феодала, поднимало противъ него другихъ бароновъ, обѣщая его владѣнія тому, кто отниметъ ихъ. Желающихъ оказывалось, конечно, много — и начиналась кровавая война, переходившая обыкновенно въ неменѣе кровавыя междоусобицы этихъ соперниковъ, которые мѣшали другъ другу овладѣть призомъ. Среди этой феодальной анархіи, которая въ Ирландіи была сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, жизнь и благосостояніе человѣка ежеминутно находились въ опасности. Почти ни одинъ изъ ирландскихъ вождей не умиралъ естественною смертью. Въ 1422 г. анархія дошла до того, что, спасаясь отъ нея, землевладѣльцы, ремесленники, купцы ежедневно выселялись въ Англію.

„Право каждаго воевать, когда захочется, съ своимъ сосѣдомъ было великою хартіей ирландской свободы", говоритъ Фраудъ. Англичане впродолженіи цѣлыхъ столѣтій не могли замѣнить этой хартіи своими законами. Они принесли сюда свою хартію и судъ присяжныхъ, они составляли законы въ ирландскомъ парламентѣ, состоявшемъ изъ лордовъ и представителей общинъ, они ставили судей и администраторовъ, издавали строгія постановленія противъ нарушителей общественнаго мира, но ничто не обуздывало анархіи. Короли не жили въ Ирландіи и втеченіи четырехъ сотъ лѣтъ только трое изъ нихъ пріѣзжали сюда не надолго. Вице-короли-же были

обыкновенно или слишкомъ могущественны, или совершенно безсильны. Если они выбирались изъ ирландскихъ феодаловъ, то держали ихъ сторону противъ короля; въ противномъ-же случаѣ, не имѣя подъ собой твердой почвы во враждебной странѣ, они не оказывали никакого вліянія на сильныхъ вассаловъ и старались только о томъ, какъ-бы поскорѣе и побольше нажиться отъ своей должности. При этомъ и вице-короли, и всѣ другіе чиновники, и крупные землевладѣльцы пріѣзжали изъ Англіи только на-время и старались какъ можно скорѣе вернуться съ полудикаго зеленаго острова въ свое цивилизованное отечество. Почти всѣ англо-норманы, получившіе земли въ Ирландіи, владѣли вмѣстѣ съ тѣмъ значительными помѣстьями въ самой Англіи и жили въ нихъ или въ Лондонѣ, рѣдко заглядывая въ свои ирландскія имѣнія и заботясь только о томъ, какъ-бы больше получать доходовъ съ своихъ ирландскихъ арендаторовъ. Англійское правительство боролось противъ этого абсентеизма не менѣе, чѣмъ противъ феодальной анархіи. При Эдуардѣ I оно заявляло, что страна волнуется и страдаетъ вслѣдствіе отсутствія крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не живутъ въ ней и не защищаютъ ее. Ричардъ II обложилъ абсентеистовъ податью. Генрихъ VIII постановилъ конфисковать двѣ трети земель ихъ въ пользу короны. Но всѣ подобныя строгости были больше на словахъ и на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и англійское правительство прибѣгало къ подобнымъ угрозамъ только по временамъ, отличаясь большею частью слабостью, естественною при его безсиліи. Англія никогда не могла твердо и долгое время держаться одной извѣстной политики относительно Ирландіи. Прибѣгая по временамъ къ строгостямъ и деспотизму, она вслѣдъ за тѣмъ перемѣняла характеръ насильственнаго управленія, сознавая его дороговизну, надѣясь, что оно болѣе не нужно, или-же признавъ его ошибкою. Слѣдовали ослабленіе, компромиссы, уступки; затѣмъ возобновлялись прежнія смуты и волненія и правительство снова обращалось

къ строгимъ мѣрамъ, пока не проходилъ припадокъ его суровой раздражительности, вызванной обстоятельствами.

Постоянные бунты и междоусобія ирландцевъ, отсутствіе короля и крупныхъ феодаловъ, распри второстепенныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ—все это мѣшало утвержденію въ странѣ англійской власти и культуры. Всѣ усилія англинизировать Ирландію не вели ни къ чему. Изъ Англіи сюда выселялось не мало колонистовъ, которые большею частью жили по городамъ, занимаясь торговлей и промышленностью. Эти городскія общины получали извѣстныя привилегіи и составляли изъ себя муниципальныя корпораціи, въ которыя ирландцы не имѣли доступа. Повидимому, это былъ элементъ самый годный для англинизированія страны; но подобно тому, какъ потомки англичанъ, поселившихся въ Шотландіи, превратились въ шотландцевъ и храбро бились потомъ за шотландскія права во главѣ шотландскихъ клановъ, такъ и эти англо-ирландцы быстро акклиматизировались въ своемъ новомъ отечествѣ. „Англичане въ Ирландіи, говорится въ одномъ оффиціальномъ документѣ XIV в.,—превратились совершенно въ ирландцевъ по языку, именамъ, обычаямъ и всему образу жизни; оставивъ свои родные законы, они подчинились законамъ ирландцевъ, съ которыми они, посредствомъ браковъ и другими способами, входятъ постоянно въ союзы, угрожающіе паденіемъ колоніи“. Англійское правительство энергично вооружалось противъ такого превращенія и старалось остановить его законами, столько-же нелѣпыми, сколько и жестокими. Эдуардъ III объявилъ неспособными быть землевладѣльцами всѣхъ англичанъ, родившихся въ Ирландіи, и замѣнилъ ихъ выходцами изъ Англіи. Этотъ король, посредствомъ парламента, составленнаго изъ его креатуръ, издалъ и такъ-называемые килькеннійскіе статуты. Вступленіе въ какой-бы то ни было союзъ съ ирландцами, подчиненіе ихъ законамъ, вступленіе съ ними въ бракъ объявлялись государственной измѣной, и при Эдуардѣ IV графъ Десмондъ

былъ казненъ смертью за свою женитьбу на ирландкѣ. Конфискація имущества и тюремное заключеніе угрожали каждому англичанину, который жилъ по ирландскому обычаю, носилъ, какъ ирландецъ, усы и не брилъ верхней губы, „по крайней мѣрѣ, однажды въ двѣ недѣли“, ходилъ въ разноцвѣтномъ платьѣ, назывался ирландскимъ именемъ или говорилъ по-ирландски. Англичанинъ, дозволявшій на своихъ земляхъ пастись ирландскому скоту, тѣмъ самымъ совершалъ преступленіе. Принимать ирландцевъ въ общественную и государственную службу было строжайше воспрещено. Туземцы, желавшіе пользоваться покровительствомъ англійскихъ законовъ, должны были жить на англійской территоріи и превращаться во всѣхъ отношеніяхъ въ англичанъ. Жившіе внѣ границъ англійской колоніи назывались „ирландскими врагами короля“. Англичанамъ запрещено было даже посѣщать ихъ и торговать съ ними. Ирландецъ, зашедшій на территорію англійской колоніи, подлежалъ аресту и суду, какъ шпіонъ. Каждому „вѣрноподданному“ дано было право убивать каждаго ирландца, котораго онъ считалъ „завѣдомымъ воромъ“, хотя-бы и не поймалъ его на мѣстѣ преступленія. Эти законы большею частію были рѣшительно невыполнимы при тогдашнихъ условіяхъ и возмущали почти одинаково обѣ стороны— и англійскихъ колонистовъ, и ирландцевъ. Правда, туземцы не всегда жили въ мирѣ съ англо-ирландцами, но за то послѣдніе всегда соединялись съ ними общимъ чувствомъ недовольства англійскимъ управленіемъ. Англо-ирландцы особенно возмущались тѣмъ, что вице-короли, созывая парламенты по своему произволу, заставляли ихъ издавать законы, служившіе только интересамъ партій или отдѣльныхъ лицъ и нерѣдко лишенные малѣйшихъ признаковъ справедливости. На жалобы ирландцевъ правительство отвѣчало въ 1494 г. такъ-называемымъ Poining's Act'омъ, въ силу котораго ирландскому парламенту было предоставлено осужденіе только тѣхъ мѣръ и биллей, которые одобрены англійскимъ кабинетомъ.

Но заботясь о расширеніи правъ и конституціонныхъ вольностей, англо-ирландцы имѣли въ виду исключительно себя. Устраненные изъ городскихъ общинъ, туземцы вообще ненавидѣли всякое англійское право и жили по своимъ древнимъ обычаямъ, по-прежнему выбирали своихъ вождей, дрались между собой и съ англичанами. Англійскіе бароны, съ своей стороны, учинявшіе всевозможные безпорядки и безмѣрно угнетавшіе ирландцевъ, тоже препятствовали распространенію на послѣднихъ покровительства англійскаго права. Англійская культура не прививалась къ ирландцамъ, которые даже въ XVI в., какъ и до нашествія англичанъ, жили въ землянкахъ, ѣздили безъ сѣделъ, жили вмѣстѣ съ скотомъ даже въ нѣкоторыхъ графскихъ замкахъ, а дочери знаменитѣйшихъ ульстерскихъ вождей не стѣснялись показываться посѣтителямъ въ костюмѣ Евы до грѣхопаденія. Англичане, стараясь отдѣлить туземныхъ вождей отъ народной массы, хлопотали о цивилизованіи первыхъ. Много труда имъ стоило убѣдить этихъ дикарей носить шелковые штаны и чулки, ѣздить на сѣдлахъ, не держать министрелей, не ѣсть за однимъ столомъ и изъ одной чашки съ своей прислугой и т. д. Вѣковая связь вождей съ народомъ и зависимость отъ послѣдняго мѣшали своекорыстнымъ цивилизаторскимъ попыткамъ англичанъ, вожди чрезвычайно туго превращались въ аристократовъ, а народная масса тѣмъ болѣе оставалась при своихъ старыхъ понятіяхъ и обычаяхъ. Лѣса и болота покрывали страну; дорогъ было мало и между многими провинціями не было сообщенія. Торговля находилась въ самомъ плачевномъ положеніи, угнетаемая множествомъ пошлинъ. Вмѣсто денегъ уплачивали скотомъ. Торговать съ Англіей было опасно, вслѣдствіе морскихъ разбоевъ. Торговать съ ирландцами часто запрещалось, за что они мстили ограбленіемъ купцовъ, встрѣчая, однакожъ, въ этихъ разбояхъ сильныхъ соперниковъ—англо-ирландскихъ бароновъ.

II.

Впродолженіи четырехъ столѣтій своего владычества англичане успѣли занять не больше одной трети ирландской территоріи, и правительство, имѣя въ Ирландіи только горсть вѣрноподданныхъ англичанъ, должно было бороться съ безусловно враждебною массою туземцевъ и съ непокорнымъ народонаселеніемъ англо-ирландской колоніи. Но что не удавалось втеченіи четырехъ вѣковъ, то было совершено въ сто лѣтъ; Генрихъ VIII, Елисавета и Кромвель обратили на несчастный островъ всѣ силы Англіи и Ирландія была окончательно завоевана.

Ко всѣмъ остальнымъ мотивамъ ожесточенной вѣковой борьбы двухъ странъ и ихъ взаимной ненависти присоединился еще новый—религія.

Англійская реформація была дѣломъ государственнымъ. Сущность ея заключалась не въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ римско-католическихъ обрядовъ и догматовъ, а въ выходѣ англійской церкви изъ-подъ власти папы. Главою англиканской церкви и ея непогрѣшимымъ папою сдѣлался король. Переворотъ совершенъ имъ при помощи аристократіи, которая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы присвоить себѣ богатыя монастырскія имущества. Англиканская церковь, высшее духовенство которой поставлено въ первыхъ рядахъ аристократіи, сдѣлалась опорою аристократическихъ учрежденій страны. 39 параграфовъ ея кодекса возведены на степень государственныхъ узаконеній, нарушеніе которыхъ преслѣдуется поэтому свѣтскимъ уголовнымъ закономъ. Объявивъ себя господствующею церковью, англиканство отказалось признавать церковью на ряду съ собою какъ католицизмъ, такъ и дѣйствительно реформаторскія вѣроисповѣданія пуританъ, квакеровъ и другихъ сектантовъ. Въ великой религіозной борьбѣ, раздѣлив-

шей Европу на два враждебныхъ лагеря, Англія приняла на себя дѣятельную защиту протестантства, между тѣмъ какъ Ирландія осталась католической и сдѣлалась еще болѣе враждебной Англіи, чѣмъ прежде. Эта вѣчно возбужденная страна, непризнававшая англійскаго короля ни своимъ государемъ, ни главою церкви, должна была сдѣлаться протестантскою и собственностью англійскихъ протестантовъ. Столь враждебныя между собою англиканская монархія и протестантская республика относительно Ирландіи слѣдовали одной политикѣ и горѣли религіозною ненавистью къ католикамъ,— ненавистью, которая сливалась съ жаждою власти и присвоенія ирландской земли. Но если религіозный фанатизмъ былъ такъ силенъ въ Англіи, то въ Ирландіи онъ былъ еще сильнѣе; здѣсь онъ соединялся съ вѣковой враждой къ англичанамъ, съ патріотизмомъ, съ упорнымъ желаніемъ сохранить національную независимость и право собственности на землю. Въ Ирландіи не было подготовлено никакой почвы для протестантства, которое даже въ своей англиканской формѣ соединяется съ извѣстною свободою мышленія и основано на научномъ изслѣдованіи. Но англичане, старавшіеся обезсилить Ирландію посредствомъ раззоренія и бѣдности, не только не заботились объ умственномъ развитіи ирландцевъ, но даже преднамѣренно удерживали ихъ въ состояніи глубокаго невѣжества. При Генрихахъ V и VI ирландскіе студенты были изгнаны изъ англійскихъ университетовъ, которые съ тѣхъ поръ перестали принимать ирландцевъ. Въ 1311 и 1465 гг. были сдѣланы попытки основать ирландскій университетъ, но попытки эти не удались и вся система народнаго образованія по-прежнему ограничивалась немногими монастырскими школами. Умами народа безусловно управляло католическое духовенство, масса котораго равнялась своимъ невѣжествомъ съ народомъ, а образованнѣйшіе представители были воспитанниками іезуитовъ Испаніи и Италіи. Агенты католическихъ правительствъ, папскіе эмиссары, отряды ино-

странныхъ католиковъ постоянно волновали Ирландію и надежда на помощь заграничныхъ единовѣрцевъ поддерживала ея духъ даже въ критическіе моменты. Правовѣрные ирландцы считали папу своимъ верховнымъ владыкою, а возстаніе противъ англійскаго короля—подвигомъ вѣры и благочестія. Пуританская республика, принципы революціи и вытекшаго изъ нея конституціоннаго режима были для нихъ такъ-же ненавистны, какъ и 39 пунктовъ англиканскаго символа. Реставрація абсолютной монархіи была ихъ завѣтной мечтой, а, въ случаѣ успѣха, искорененіе протестантской ереси—первою обязанностью.

При такихъ условіяхъ одна изъ этихъ странъ неизбѣжно должна была покорить другую. Генрихъ VIII, Елисавета, Кромвель не пожалѣли ни людей, ни денегъ, чтобы завоевать Ирландію и сдѣлать ее протестантскою. Цѣлое столѣтіе войнъ привело, наконецъ, къ покоренію всего острова; ирландскій парламентъ, составленный изъ клевретовъ Англіи, призналъ англійскаго короля верховнымъ владыкою страны, англиканская церковь объявлена господствующей, католицизмъ—преступною ересью, а вся земля—собственностью протестантовъ. Немногіе туземные вожди, примирившіеся съ вѣрою и властью англичанъ, передавали свои права въ руки короля, а онъ потомъ жаловалъ имъ земли ихъ племенъ и, облекая ихъ всѣми привилегіями феодальныхъ бароновъ, тѣмъ самымъ отдѣлялъ ихъ отъ массы народа и сливалъ съ англійской аристократіей. Но такихъ личностей было немного; большинство-же ирландскихъ вождей стояло за свою вѣру и за свой народъ, а потому и лишилось вмѣстѣ съ послѣднимъ всѣхъ своихъ земель.

Усмиряя „мятежи“ ирландцевъ, Елисавета первая положила основаніе системѣ конфискаціи всей ирландской земли. Въ провинціи Мюнстеръ она конфисковала 600,000 акровъ и раздала ихъ въ собственность своимъ любимцамъ и другимъ лицамъ на различныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное состоя-

ло въ томъ, что эти новые бароны не должны были имѣть на своей землѣ никакихъ земледѣльцевъ или фермеровъ ирландскаго происхожденія. Туземные собственники этой территоріи принуждены были удалиться въ дикіе лѣса и въ горы, негодные къ воздѣлыванію. Здѣсь, отвыкая отъ земледѣлія, они превращались въ охотниковъ, скотоводовъ, воинственныхъ партизановъ, которые, постепенно увеличиваясь въ числѣ посредствомъ естественнаго размноженія и переселенія новыхъ изгнанниковъ и бѣглецовъ, дѣлались грозою англійскихъ колоній. Яковъ I, воспользовавшись мнимымъ или дѣйствительнымъ заговоромъ нѣсколькихъ ирландскихъ вождей, конфисковалъ въ шести сѣверныхъ графствахъ около 500,000 акровъ земли и началъ раздавать ее въ собственность англичанамъ и шотландцамъ, принадлежащимъ къ господствующей церкви. Но этого показалось мало, и Яковъ учредилъ комиссію для повѣрки правъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Толпа законовѣдовъ бросилась на Ирландію, начала разсматривать старые пергаменты и граматы, открывать въ нихъ подлоги, формальную несостоятельность и объявлять недѣйствительными основанныя на нихъ владѣльческія права. Такимъ образомъ было конфисковано еще 450,000 акровъ. Англійское общество съ жадностью бросалось на эти земли. Офицеры, всевозможные авантюристы, любимцы двора, прислужники аристократовъ и чиновниковъ—всѣ стремились сдѣлаться ирландскими землевладѣльцами. Въ виду такого запроса, при Карлѣ I вицекороль, лордъ Страффордъ, рѣшился конфисковать цѣлую обширную провинцію Коннотъ. При Елисаветѣ открылось, что коннотское дворянство не имѣетъ никакихъ формальныхъ правъ на занимаемую имъ землю; за извѣстную плату Елисавета дала имъ эти права; но такъ-какъ они не были надлежащимъ образомъ оформлены, то при Яковѣ I землевладѣльцевъ принудили просить о подтвержденіи ихъ правъ новыми патентами. Они заплатили 3,000 ф. ст. за надлежащую регистрацію ихъ патентовъ, но правительство, взявъ деньги,

опять не выполнило этой формальности. Страффордъ отнялъ у нихъ всѣ земли. Онъ отправился въ Коннотъ съ юристами и солдатами. Первые доказывали несостоятельность землевладѣльческихъ актовъ и правъ, а послѣдніе сгоняли землевладѣльцевъ съ земель, которыя юристы объявляли коронною собственностью. Въ одномъ только графствѣ Галвей Страффордъ встрѣтилъ оппозицію своимъ захватамъ, которымъ онъ желалъ придать видъ легальности, и отдалъ дѣло на судъ двѣнадцати присяжныхъ, предоставивъ имъ рѣшить, принадлежитъ-ли земля графства королю Англіи. Ни подкупъ, ни угрозы—ничто не могло заставить присяжныхъ и шерифа Дэрси дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Вице-король наложилъ на шерифа штрафъ въ 1,000 ф. ст., арестовалъ его и вмѣстѣ съ присяжными отправилъ въ Дублинъ, гдѣ ихъ подвергли ужаснымъ пыткамъ: жгли раскаленнымъ желѣзомъ, прокалывали языкъ иголками, обрѣзали уши, наложили штрафъ по 4,000 ф. ст. на каждаго, такъ-какъ они не захотѣли исполнить судебнаго приговора и признать свое рѣшеніе преднамѣренно лживымъ. Страффордъ требовалъ казни шерифа, но послѣдній скоро умеръ въ тюрьмѣ, и новый составъ присяжныхъ призналъ, что Галвей, какъ и вся коннотская провинція, принадлежитъ королю. Для подавленія матежа 1641 года англичане заняли у многихъ частныхъ лицъ 1,750,000 ф. ст. и въ уплату этого долга роздали имъ 2,500,000 акровъ ирландской земли. Реставрація Карла II заставила трепетать этихъ новыхъ землевладѣльцевъ, состоявшихъ большею частію изъ кромвелевскихъ солдатъ и ярыхъ республиканцевъ. Карлъ началъ жестоко преслѣдовать ирландскихъ католиковъ и, чтобы отдѣлаться отъ ихъ жалобъ, безусловно запретилъ имъ выѣзжать изъ Ирландіи въ Англію, бросая въ тюрьмы и объявляя бунтовщиками тѣхъ, которые послѣ этого осмѣливались показываться въ Лондонѣ. Въ Ирландіи былъ открытъ судъ жалобъ (court of claims) для возстановленія правъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые были незаконно лишены ихъ во время пре-

дыдущихъ конфискацій. Судъ началъ возстановлять многихъ въ правахъ ихъ, но невинныхъ оказалось такое множество, что правительство принуждено было прекратить дѣятельность этого суда, и Карлъ продолжалъ прежнюю систему конфискацій. Его фаворитъ Ормондъ получилъ земли, приносившія въ годъ 70,000 ф. ст. дохода; герцогу іоркскому было дано 120,000 акровъ; даже придворные лакеи и ихъ жены участвовали въ выгодахъ конфискаціи. При Вильгельмѣ III четыре тысячи ирландскихъ сторонниковъ изгнаннаго изъ Англіи Якова II были объявлены измѣнниками и ихъ земли, составлявшія 1,600,000 акровъ, конфискованы.

Путемъ этихъ систематическихъ конфискацій изъ 11,000,000 акровъ ирландской земли къ началу XVIII вѣка во владѣніи католиковъ осталось около 1,000,000 акровъ, да и тѣ принадлежали не болѣе, какъ пяти-шести католическимъ фамиліямъ англійскаго происхожденія. Передъ мятежомъ 1641 г. въ Ирландіи считалось 2,200,000 жителей, изъ нихъ 220,000 англійскихъ поселенцевъ, болѣе 100,000 шотландцевъ и 1,100,000 англо-ирландцевъ, изъ которыхъ болѣе 800,000 были католиками. Во время мятежа погибло и эмигрировало около 500,000 ирландцевъ и англо-ирландцевъ и 112,000 англичанъ. Всѣ мѣры были приняты, чтобы сдѣлать Ирландію протестантскою, но, въ концѣ концовъ, на 1 протестанта все-таки приходилось 8 католиковъ. Чтобы обезпечить за протестантами власть и значеніе, конфискованныя и неконфискованныя земли были заселены такъ, чтобы самыя выгодныя и важныя мѣстности оставались въ рукахъ протестантовъ, а чтобы парализировать мятежныя силы ирландцевъ, со временъ Елисаветы было принято переселять и разселять ихъ въ перемежку съ протестантами. Когда эта система оказалась недостигающею цѣли, то рѣшились переселить всѣхъ ирландцевъ въ одну провинцію, а три остальныхъ провинціи острова сдѣлать исключительно протестантскими. Составителемъ этого чудовищнаго плана былъ Кромвель, который „нашелъ крайне затруднитель-

нымъ окончательное искорененіе ирландскаго народа, замышляемое имъ сначала, и рѣшился замѣнить его переселеніемъ", говоритъ одинъ старинный историкъ. Провинція Коннотъ, увеличенная присоединеннымъ къ ней графствомъ Клэръ, была объявлена единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ дозволялось жить ирландскимъ католикамъ. Всѣ раззоренные войной, всѣ преслѣдуемые, всѣ нежелавшіе измѣнять своей вѣрѣ и даже по наружности быть англичанами, вся ирландская бѣдность со своими лохмотьями, со своимъ фанатизмомъ и любовью къ родинѣ, бросились въ Коннотъ, обратный переходъ границы котораго имъ былъ запрещенъ. Каждаго ирландца, встрѣченнаго на лѣвомъ берегу рѣки Шаннонъ, бывшей границею, могъ убить всякій совершенно безнаказанно. Заперѣвъ католиковъ въ одну провинцію, англичане сочли необходимымъ и въ этой провинціи утвердить господствующее вліяніе протестантовъ. Оставивъ католикамъ деревни, они рѣшили сдѣлать протестантскими города, населенные исключительно англичанами католическаго вѣроисповѣданія. Республиканскій генералъ Кутъ живо „очистилъ города" и изгналъ всѣхъ буржуа изъ домовъ ихъ, оставивъ только въ Галвеѣ нѣсколько преклонныхъ и больныхъ стариковъ, которыхъ невозможно было выгнать въ тогдашнее холодное время; но правительство Кромвеля предписало ему изгнать и ихъ, коль скоро наступитъ менѣе суровая погода. Изгнанные были замѣнены новыми горожанами, преимущественно солдатами и офицерами кромвелевской арміи. Что-же касается остальныхъ трехъ провинцій, то онѣ были отданы исключительно англійскимъ и шотландскимъ протестантамъ, среди которыхъ дозволено было селиться кальвинистамъ и другимъ протестантскимъ эмигрантамъ континента. Въ разное время изъ этихъ выходцевъ составился въ ирландскихъ городахъ довольно значительный контингентъ промышленнаго народонаселенія, составлявшаго вмѣстѣ съ кромвелевскими колонистами лучшую и наиболѣе развитую часть протестант-

скихъ переселенцевъ, остальная масса которыхъ состояла изъ людей самой сомнительной репутаціи, разныхъ спекуляторовъ, прихвостней сильныхъ англійскаго міра, плутоватыхъ барышниковъ и такъ-называемыхъ „авантюристовъ", которые ссужали правительство деньгами на завоеваніе и усмиреніе Ирландіи и въ уплату получали ирландскія земли.

Такимъ образомъ, Ирландія сдѣлалась протестантскою собственностью: протестанты владѣли землей въ качествѣ феодаловъ, протестанты господствовали въ городскихъ общинахъ, протестанты выбирали протестантскихъ депутатовъ въ ирландскій парламентъ, а протестантско-англиканская церковь, содержимая на счетъ католической Ирландіи, сдѣлалась государственною. Но при всемъ этомъ ирландцы не обратились въ протестантовъ и, въ довершеніе всѣхъ ужасовъ, несчастная страна болѣе двухъ столѣтій принуждена была выносить всю тяжесть систематическаго религіознаго гоненія. Вѣроисповѣданіе господствующихъ классовъ и религіозная политика Англіи измѣнялись нѣсколько разъ, но при каждой перемѣнѣ находились предлоги къ угнетенію ирландскихъ католиковъ. Ихъ преслѣдовали даже тайные написты Стюарты, а Вильгельмъ III, сторонникъ вѣротерпимости, вынужденъ былъ поступать съ ними такъ-же жестоко, какъ и ярые фанатики кромвелевской республики. Во всѣхъ этихъ случаяхъ къ религіозному фанатизму присоединялись своекорыстные политическіе, сословные и частные интересы, удовлетворять которымъ было такъ удобно подъ предлогомъ искорененія богопротивной ереси. Предлогъ-же этотъ всегда можно было найти, благодаря фанатизму и постояннымъ мятежамъ ирландцевъ. Религіозно-національные мятежи и усмиренія ихъ сопровождались не только конфискаціей земли, но и истребленіемъ и раззореніемъ значительной части народа. Ирландское духовенство, папскіе эмиссары, высадки испанскихъ и французскихъ войскъ, интриги низложенныхъ Стюартовъ поддерживали народный фанатизмъ, который и безъ того имѣлъ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы не

быть подавленнымъ англійскимъ игомъ. Но причины мятежей, какъ увидимъ ниже, невозможно объяснить однимъ религіознымъ фанатизмомъ, который, подобно фанатизму протестантовъ-завоевателей, соединялся съ политическими интересами, съ стремленіями національнаго чувства, и покрывалъ ихъ своимъ священнымъ знаменемъ.

Такъ-называемые „мятежи" или борьба ирландцевъ за національную независимость значительно усилились и приняли характеръ священной войны съ тѣхъ поръ, какъ Англія сбросила съ себя иго папы. Война противъ англійскихъ еретиковъ сдѣлалась религіозною обязанностью, а окончательное истребленіе ихъ проповѣдывалось съ церковныхъ кафедръ и обсуждалось на соборахъ ирландскаго духовенства. Первый общій мятежъ былъ при Елисаветѣ и война продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Четыре ирландскихъ провинціи возставали сначала по-одиночкѣ и были усмиряемы, потомъ онѣ возстали всѣ разомъ, поддерживаемыя иностранными католиками, и снова были усмирены, раззорены, залиты кровью. Второй великій мятежъ начался въ 1641 г., будучи вызванъ политическимъ гнетомъ и угрозами англійскаго парламента искоренить въ Ирландіи католичество. Въ октябрѣ мѣсяцѣ всѣ ульстерскіе ирландцы, которыхъ согналъ съ ихъ земель Яковъ I, чтобы замѣнить ихъ протестантами, возстали подъ предводительствомъ О'Нейля и дали клятву не оставить въ странѣ ни одного англичанина. Сначала они ограничивались только изгнаніемъ протестантовъ и отнятіемъ ихъ имущества, но сопротивленіе скоро довело ихъ до самыхъ варварскихъ жестокостей. Они начали избивать протестантовъ, не щадя ни пола, ни возраста, насилуя женщинъ, разможжая головы дѣтей, сожигая фермы, избивая коровъ и овецъ безъ всякой пользы для себя. Захвативъ плѣнниковъ, они нерѣдко запирали ихъ въ какое-нибудь зданіе, зажигали его и, подъ вопли несчастныхъ жертвъ, пожираемыхъ пламенемъ, предавались адской радости. Многихъ плѣнниковъ топили въ рѣкахъ. Ирландскіе

священники поощряли бойню. Женщины осыпали несчастныхъ англичанъ своими проклятіями и обагряли руки въ крови ихъ. Даже дѣти, руководимыя безсильною злобой, пробовали свое желѣзо на груди беззащитнаго протестанта" (Leland). Въ первый годъ мятежа было истреблено не менѣе 37,000 англичанъ. Множество ихъ, избѣгнувъ смерти отъ руки мятежниковъ, бѣжало въ города, преимущественно въ Дублинъ, умирая дорогой съ голоду, холоду, наполняя городскія улицы и разнося съ собою смертоносную эпидемію, жертвами которой въ одномъ только Дублинѣ было наполнено два новыхъ кладбища. Возмущенное общественное мнѣніе Англіи требовало „истребленія злодѣйскаго народа". Религіозный фанатизмъ и національная ненависть готовили смертоносную войну Ирландіи, а жажда поживы имуществами мятежниковъ доходила до того, что лордъ, судья Ирландіи, Парсонсъ съ своими товарищами преднамѣренно раздувалъ мятежъ и старался запутать въ него какъ можно болѣе лицъ, чтобы поживиться ихъ конфискованными богатствами. Англійскій парламентъ, торжественно заявивъ, что онъ не потерпитъ больше папизма въ Ирландіи, отправилъ въ нее 50,000 англичанъ и шотландцевъ. Комиссары парламента въ своихъ инструкціяхъ начальству этой арміи предписывали „поражать, убивать, истреблять всѣхъ бунтовщиковъ, ихъ соучастниковъ и приверженцевъ; сожигать, опустошать, раззорять, грабить, разрушать всѣ мѣста, города, дома, въ которыхъ мятежники находятъ убѣжище или помощь, истреблять въ нихъ съѣстные припасы, убивать и уничтожать каждаго, носящаго оружіе, встрѣченнаго въ этихъ мѣстахъ". Инструкціи исполнялись точно. Ирландцы имѣли подъ ружьемъ больше 200,000 человѣкъ, но ихъ силы были разсѣяны и ослаблены обычными раздорами. Англичане, подъ предводительствомъ Кромвеля, имѣли рѣшительный успѣхъ, поголовно избивая жителей взятыхъ съ бою городовъ, оскверняя святыя мѣста, разбивая и грабя могилы, превращая въ казармы и конюшни католическіе церкви и мо-

настыри. Гарнизонъ Дрогеды, послѣ упорной защиты сдавшійся на честное слово, что ему будетъ сохранена жизнь, по приказанію Кромвеля былъ перебитъ до одного человѣка. Разсвирѣпѣвшіе солдаты, покончивъ съ гарнизономъ, начали рѣзать беззащитныхъ жителей и умертвили тысячу человѣкъ, искавшихъ убѣжища въ церкви. Точно такъ-же было поступлено съ гарнизономъ и жителями Уэксфорда. Страхъ, внушенный Кромвелемъ, былъ таковъ, что города, лежавшіе миль за пятьдесятъ отъ его пути, посылали къ нему заявленія покорности и предлагали подъ его конюшни свои церкви. Страна была раззорена. Многіе жители проданы въ рабство въ Вестъ-Индію по 25 ф. за душу. Однажды разомъ схватили 1,000 молодыхъ дѣвушекъ и отправили ихъ для продажи на Ямайку. Мятежъ 1641 года и его усмиреніе стоили Ирландіи около 600,000 человѣческихъ жизней. Черезъ сорокъ лѣтъ слѣдовало новое общее возстаніе, когда Ирландія поднялась во имя изгнаннаго изъ Англіи и принятаго ею Якова и была усмирена Вильгельмомъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Мятежи, поддерживаемые сначала Стюартами, а потомъ иностранными государствами, продолжались вплоть до половины XVIII вѣка, когда они потеряли свой преимущественно-религіозный характеръ.

При усмиреніи этихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ мятежей и заговоровъ ирландскіе католики гибли тысячами, въ конецъ раззорялись, умирали съ голода, бѣжали за границу, но не вымирали окончательно, а, напротивъ, разножались, превращаясь въ плотную революціонную націю, непереставшую вызывать своихъ англійскихъ властителей на смертельную борьбу. Искорененіе католичества силою оружія оказалось невозможнымъ и для содѣйствія этой силѣ пустили въ ходъ еще другую—силу законовъ, которая должна была окончательно подавить Ирландію. Начиная съ Генриха VIII и до конца XVIII вѣка, ирландскіе католики были подчинены системѣ такъ-называемыхъ уголовныхъ законовъ. Съ самаго

начала реформаціи католическій культъ былъ запрещенъ въ Англіи подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, и хотя этотъ законъ никогда не прилагался къ дѣлу въ Ирландіи, но упомянутая система и здѣсь стремилась къ совершенному искорененію католичества. Къ 1-му мая 1698 года всѣ архіепископы, епископы и другія духовныя лица высшаго сана должны были навсегда покинуть Ирландію, чтобы католическій культъ палъ самъ собою, какъ скоро вымрутъ всѣ наличные священники. Если кто изъ изгнанныхъ оставался въ Ирландіи послѣ упомянутаго срока, то подлежалъ тюремному заключенію, а затѣмъ пожизненной ссылкѣ на острова или въ другое мѣсто. Возвратившійся въ отечество подвергался смертной казни. Тяжкія наказанія, начиная съ денежныхъ штрафовъ и кончая изгнаніемъ, ожидали каждаго, кто помогалъ этимъ лицамъ или скрывалъ ихъ въ своемъ жилищѣ. За открытіе этихъ лицъ полагалась награда: за архіерея 50, за школьнаго учителя 10 фунтовъ и т. д. Иностранному духовенству былъ строжайше воспрещенъ въѣздъ въ Ирландію, въ которой могли существовать только тѣ немногіе приходскіе священники, которые давали клятву отреченія отъ Стюартовъ, вносили залогъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ, съ обязательствомъ не выходить за границу своего графства и служить только въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ они были утверждены правительствомъ. Колокольный звонъ и религіозныя процессіи были запрещены безусловно; чудотворныя иконы, кресты, стоявшіе внѣ зданій, святыя могилы подлежали истребленію, а ходившіе покланяться имъ пилигримы—бичеванію. Нерегистрованные священники, которыхъ, несмотря на всѣ гоненія, въ Ирландіи было всегда гораздо больше, чѣмъ регистрованныхъ, навлекали на себя самыя ужасныя кары. Въ 1720 году ирландскій парламентъ постановилъ: каждому пойманному нерегистрованному попу выжигать на щекѣ особый знакъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но вскорѣ-же эта мѣра оказалась нецѣлесообразною, такъ-какъ ирландцы начали захватывать про-

тестантовъ и выжигать имъ на щекѣ такой-же знакъ. Тогда въ ирландской палатѣ лордовъ состоялся и былъ принятъ билль о томъ, чтобы кастрировать всѣхъ нерегистрованныхъ священниковъ, но этотъ чудовищный билль не былъ утвержденъ англійскимъ совѣтомъ... Всѣ католическія школы были закрыты, учителя изгнаны и въ случаѣ возвращенія подвергались смертной казни; ирландское юношество должно было или оставаться въ безграмотномъ невѣжествѣ, или обращаться въ протестантство. Посылать дѣтей заграницу для обученія было запрещено подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. Каждый чиновникъ имѣлъ право требовать отъ католика, чтобы тотъ представилъ ему своихъ дѣтей и тѣмъ доказалъ, что они не отосланы заграницу. Мировой судья могъ всегда потребовать отъ католика отчета, какъ онъ провелъ день, гдѣ былъ у обѣдни, кто служилъ ее и присутствовалъ на ней; если допрашиваемый не отвѣчалъ или показывалъ ложно, то подлежалъ штрафу въ 20 ф. стерлинговъ или же годичному тюремному заключенію. Католикъ не имѣлъ права ни наслѣдовать своимъ протестантскимъ родственникамъ, ни принимать отъ нихъ подарки, ни быть опекуномъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ дѣтей. Священникъ, повѣнчавшій католика и протестантку или наоборотъ, подлежалъ смертной казни. Сынъ католика, обратившись въ протестантство, дѣлался собственникомъ всего родительскаго имущества. Католикъ не могъ быть ни избирателемъ, ни избираемымъ въ члены парламента; не могъ занимать никакихъ государственныхъ и общественныхъ должностей, не могъ быть ни адвокатомъ, ни стряпчимъ, ни присяжнымъ. Не имѣя права быть поземельнымъ собственникомъ, католикъ могъ быть только арендаторомъ протестанта, и то не долѣе, какъ на срокъ въ тридцать одинъ годъ и съ платою за землю не менѣе $^2/_3$ валового дохода. Щедрая награда ожидала доносчика, который укажетъ правительству католика, арендующаго землю на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ. Торговля и промышленность были отданы въ руки муници-

пальныхъ корпорацій, изъ которыхъ были устранены всѣ католики. Католику было предоставлено свободно пользоваться только ремесломъ чернорабочаго поденщика. Если католикъ-рабочій отказывался работать въ праздникъ, непризнаваемый протестантами, то подлежалъ наказанію по произволу судьи. Католическій ремесленникъ не могъ держать больше двухъ учениковъ. Ни одинъ католикъ не имѣлъ права владѣть лошадью, стоющею больше 5 фунтовъ стерлинговъ, и каждый протестантъ могъ отобрать у него лошадь, стоющую хотя-бы 500 фунтовъ, вручивъ ему за нее 5 фунтовъ. Такимъ образомъ, католикъ долженъ былъ нанимать протестантскую землю, законы составлялъ для него протестантскій парламентъ, его судили протестантскіе судьи и присяжные, защищалъ адвокатъ протестантъ; его облагали государственными, провинціяльными, приходскими и городскими налогами протестантскія собранія, начиная съ парламента и кончая муниципальной корпораціей. Когда собиралась милиція, то лошадей для нея отбирали у католиковъ и содержали ее на счетъ католиковъ-же. Если въ извѣстной мѣстности усиливались воровства, разбои, поджоги, а виновныхъ не открывалось, то пострадавшія лица вознаграждались посредствомъ сбора съ графства католикозъ. Въ 1695 году католикамъ было строжайше запрещено имѣть оружіе, а оружейнымъ мастерамъ обучать католиковъ своему ремеслу, и этотъ Disarming Act постояно возобновлялся вплоть до половины XVIII вѣка. При Георгѣ III „паписты, отказывавшіеся выдавать начальству свое оружіе или объявлять, какое оружіе они имѣютъ, подлежали штрафу, тюремному заключенію или наказанію плетьми по опредѣленію суда“.

Таковы были законы, но преслѣдованіе и угнетеніе далеко не ограничивались ими. Дикій произволъ господствовалъ въ Ирландіи, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ протестантовъ, англійскихъ и ирландскихъ. Въ 1771 году вице-король готовъ былъ помиловать одного невинно осужденнаго

католика, но „я вижу, писалъ онъ,—что безусловно хотятъ его казни, и онъ долженъ умереть немедленно"; католикъ былъ казненъ. Грабежи и насилія солдатъ, казнокрадство и взяточничество чиновниковъ обрушивались всею своею тяжестью также на католиковъ, равно какъ и жестокій произволъ бароновъ. Католическая прислуга, католики-арендаторы, вообще всякіе паписты третировались протестантами съ крайнимъ презрѣніемъ, какъ нечистыя животныя. Законъ не запрещалъ католикамъ участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, но они не могли наслаждаться даже ими. Въ театральныхъ представленіяхъ, напр., ихъ вѣрованія и обычаи постоянно подвергались циническому осмѣянію, и они, естественно, не ходили въ театры смотрѣть.

Если-бы Англія могла поддерживать во всей строгости и безусловно выполнять изложенную нами въ общихъ чертахъ систему уголовныхъ законовъ, то окончательная погибель ирландскаго народа была-бы неизбѣжна. Но сила этой системa оказалась столько-же недѣйствительною, какъ и сила оружія. Невозможно было превратить въ острогъ цѣлую страну, въ арестантовъ цѣлую націю, въ сыщиковъ и неумолимыхъ тюремщиковъ всѣхъ жившихъ въ Ирландіи англичанъ. Законы выполнялись съ неумолимою строгостью во времена смутъ и особеннаго возбужденія національныхъ страстей. Но затѣмъ энергія протестантовъ ослабѣвала, а католики, посредствомъ интригъ, взятокъ, угрозъ и пользуясь ослабленіемъ гнета, обходили упомянутые законы, которые вдобавокъ ко всему нерѣдко противорѣчили одинъ другому и не достигали цѣли вслѣдствіе своей нелѣпости. Во время этихъ періодическихъ послабленій католики являлись въ роли адвокатовъ, купцовъ, землевладѣльцевъ; возобновлялись монастыри, снова звонили колокола католическихъ церквей, снова устраивались публичныя процессіи и пилигримства, страна наполнялась монахами, монахинями и нерегистрованными попами; архіепископы и епископы въ глазахъ правительства дѣлали

свое дѣло, толпы дѣтей посѣщали католическія школы, всякій истый ирландецъ имѣлъ на всякій случай достаточный запасъ оружія. Но каждый политическій переполохъ, каждый заговоръ папистовъ, возстаніе шотландцевъ въ пользу Стюартовъ, извѣстіе о высадкѣ въ Ирландію испанцевъ или французовъ возбуждали уснувшую энергію англичанъ; снова наставалъ терроръ; снова разрушались церкви, изгонялись священники, исполнялись во всей своей строгости уголовные законы, пока все это опять не кончалось новымъ послабленіемъ до какого-нибудь повода къ возобновленію террора. Но ни та, ни другая система управленія не примиряла ирландцевъ съ ихъ властителями. Терроръ только усиливалъ ихъ патріотическій и религіозный фанатизмъ, доводившій ихъ до бѣшеныхъ, отчаянныхъ мятежей, а временемъ послабленій они пользовались для организаціи болѣе правильныхъ возстаній и болѣе систематической борьбы съ англичанами. Уголовные законы, какъ и управленіе силою оружія, достигли только того, что примиреніе ирландцевъ съ англійскимъ владычествомъ сдѣлалось невозможнымъ, а Ирландія обратилась въ язву, ослаблявшую британское государство. Поднимали-ли свою голову Стюарты, замышляли-ли войну съ Англіей испанцы или французы— Ирландія тотчасъ волновалась и спѣшила къ нимъ на помощь. Ирландцы толпами стремились въ чужія католическія страны, преимущественно во Францію, гдѣ изъ нихъ состояла извѣстная своею храбростью ирландская бригада, которая принудила одного англійскаго короля воскликнуть: „да будутъ прокляты законы, лишающіе меня такихъ подданныхъ!“ Эти эмигранты были одними изъ главныхъ агитаторовъ и пособниковъ католическихъ государствъ противъ Англіи. Съ другой стороны, уголовные законы, раззоряя Ирландію, ожесточая туземцевъ, развивали въ нихъ нравственные недостатки и пороки, неизбѣжные у народа, угнетеннаго впродолженіи вѣковъ. У ирландцевъ выработалась та національная мораль, на основаніи которой они считаютъ дозволенными относи-

тельно англичанъ всякій обманъ, всякое преступленіе. „Эти законы, говорилъ Боркъ,—самое ловкое и самое сильное орудіе угнетенія, которое когда-либо изобрѣталъ развратный геній человѣка для того, чтобы раззорить, унизить, развратить народъ и заглушить въ немъ самые чистые источники человѣческой природы“. Но при всей своей развратительности, уголовные законы не могли искоренить въ ирландцахъ всѣ хорошія черты ихъ характера и порожденнымъ ими порокамъ и недостаткамъ народа придали то-же политическое направленіе, какое имѣли и его доблести.

III.

Уголовные законы, особенно въ XVIII столѣтіи, были не столько продуктомъ религіознаго фанатизма, сколько маскою совершенно мірскихъ, политическихъ разсчетовъ англійской политики, суть которой заключалась въ стремленіи обогатить и усилить Англію на счетъ Ирландіи. „Эти законы, говоритъ Артуръ Юнгъ,—направлены больше противъ имуществъ, чѣмъ противъ религіи католиковъ. По закону, напр., священникъ подлежитъ изгнанію за служеніе мессы, но ему дозволяютъ безнаказанно нарушать законъ. Пусть тотъ-же священникъ накопитъ денегъ отъ своихъ мессъ—и онъ немедленно сдѣлается предметомъ законнаго преслѣдованія“. То-же самое дѣлалось и относительно землевладѣнія, торговли, промышленности, политики. Религіозные предлоги служили къ достиженію самыхъ мірскихъ, самыхъ корыстныхъ цѣлей.

Конфискованныя земли Ирландіи, какъ мы видѣли, перешли въ собственность протестантовъ англійскаго, а частью шотландскаго и ирландскаго происхожденія. Явились громадныя помѣстья, владѣльцы которыхъ по-прежнему не жили въ нихъ, а предавались удовольствіямъ въ большихъ городахъ, въ Лондонѣ, Дублинѣ, заграницей. Абсентеизмъ совершенно узако-

нился въ жизни и уже не возбуждалъ противъ себя легальныхъ преслѣдованій. Въ 1682 году абсентеистамъ принадлежало до 800,000 акровъ земли. Въ 1779 году, по вычисленію Юнга, они получали съ Ирландіи до 732,000 фунтовъ стерлинговъ. Ихъ земли плохо обрабатывались и раззорялись управляющими. Большое количество земель, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, не воздѣлывалось и не приносило пользы ни имъ, ни народу, въ то время, какъ безземельные крестьяне нерѣдко тысячами погибали голодною смертью, дороги были покрыты нищими, а въ каждой хижинѣ былъ или мертвецъ, или умирающій. Правительство требовало, чтобы извѣстное количество акровъ въ каждомъ имѣніи было непремѣнно обработано, но неоднократныя повторенія этого требованія показываютъ, что оно плохо исполнялось. Выгодность скотоводческаго промысла на большихъ земляхъ заставляла крупныхъ собственниковъ бросать пашни и превращать ихъ въ пастбища, что въ XVI столѣтіи вызывало въ Англіи горькія жалобы Бэкона, Мура и другихъ мыслителей, видѣвшихъ, что „овцы сдѣлались источникомъ бѣдствій для Англіи и изгнали изъ страны земледѣліе". Такой-же точно переворотъ совершился и въ Ирландіи; огромное количество земель было обращено изъ пашень въ пастбища, а жившіе обработкою ихъ крестьяне очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи, такъ-какъ земледѣліе было единственнымъ, доступнымъ для нихъ, занятіемъ. Собственники старались сдавать свои земли крупнымъ фермерамъ, которые имѣли-бы достаточно средствъ для постройки каменныхъ домовъ, безопасныхъ отъ поджоговъ, и для содержанія многочисленныхъ работниковъ, которые могли-бы защищать фермы отъ нападеній враждебныхъ ирландцевъ. Земли поэтому были раздѣляемы на большіе участки, нерѣдко въ нѣсколько тысячъ акровъ каждый, и сдаваемы на продолжительные сроки. Но эти фермеры, не занимаясь сами обработкою всей земли, разбивали ее на мелкіе участки, сдавали ихъ ирландскимъ крестьянамъ и пре-

вращались въ откупщиковъ ренты, въ независимыхъ, праздныхъ джентльменовъ. Хотя долгосрочныя аренды были дозволены только протестантамъ, но и туземные ирландскіе аристократы имѣли возможность превращаться въ крупныхъ фермеровъ, обходя законъ разными путями или исполняя по наружности нѣкоторыя формальности, которыя давали имъ права протестантовъ. Въ XVIII вѣкѣ крупные фермеры этихъ двухъ сортовъ господствовали на всемъ пространствѣ трехъ южныхъ провинцій острова, и всѣ они, стремясь избавиться отъ заботъ крупнаго хозяйства, раздѣляли землю на мелкія аренды. Владѣлецъ каждой фермы, которую можно было раздробить на миніатюрные участки, дробилъ ее до послѣдней возможности, превращался въ ландлорда и жилъ на свою ренту. Сами крупные собственники, жившіе въ Дублинѣ, Лондонѣ или заграницей, имѣли возможность получать аристократическое воспитаніе и дѣлаться красою англійскаго барства. Но помѣщики, жившіе въ ирландскихъ захолустьяхъ, крупные фермеры, ирландское джентри, по выраженію поклонника британской аристократіи, Фрауда, „причиняли стыдъ и позоръ сословію, къ которому они любили принадлежать". Невѣжественные, пьяные, сварливые, они проводили время въ оргіяхъ, въ псовыхъ охотахъ, въ ссорахъ и дракахъ между собой, и для поддержанія такой жизни доводили мелкихъ арендаторовъ до самаго бѣдственнаго положенія. Крупные фермеры или откупщики ренты старались постепенно возвышать ее какъ можно больше. Фарнейская территорія, напримѣръ, была раздѣлена въ 1692 году на два участка, изъ которыхъ каждый давалъ 1,313 фунтовъ стерлинговъ ренты; въ 1769 г. на одномъ изъ этихъ участковъ рента была возвышена до 3,000, а на другомъ до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. Если мелкій арендаторъ не хотѣлъ или не могъ возвысить своей платы за землю, то его сгоняли съ нея. И независимо отъ этого, сколько гнета и униженія вынуждены были сносить ирландскіе крестьяне отъ своихъ протестантскихъ помѣщи-

ковъ! Вопреки закону, крупные землевладѣльцы имѣли въ своихъ владѣніяхъ тюрьмы, въ которыя и заключали, по своему произволу, людей низшаго класса. „Въ Ирландіи, говоритъ Юнгъ, бывшій въ ней въ 1778 году,—владѣтель земли, занятой католическими земледѣльцами, есть совершенный деспотъ; въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ онъ не признаетъ другого правила, кромѣ своего произвола. Нѣтъ приказанія, котораго его слуга или земледѣлецъ осмѣлился-бы не исполнить. Онъ требуетъ безусловной покорности и при малѣйшемъ ослушаніи безбоязненно употребляетъ бичъ и палку. Несчастный, который-бы осмѣлился оказать хоть признакъ сопротивленія, былъ-бы мгновенно повергнутъ и уничтоженъ подъ ударами. Такого рода убійства совершаются безъ опасенія суда присяжныхъ. Правда, такіе случаи теперь довольно рѣдки, потому что законъ сталъ смотрѣть на нихъ строже, но прежде они повторялись почти ежедневно.

Подавляя и преслѣдуя ирландскихъ католиковъ, Англія, какъ мы уже замѣчали, дѣйствовала подъ вліяніемъ не столько религіозныхъ мотивовъ, сколько своекорыстныхъ политическихъ разсчетовъ. Если-бы Ирландія не была католической, то система англійской политики относительно ея оставалась-бы въ сущности тою-же, какая мотивирована религіозными предлогами. Ирландія должна была обогащать Англію, а такъ-какъ она постоянно бунтовала, то ее слѣдовало обезсилить и смирить бѣдностью. Мы уже говорили, что ирландскимъ католикамъ былъ закрытъ доступъ къ обширнымъ промышленнымъ и торговымъ занятіямъ, которыя всѣ были захвачены протестантами, что городскія корпораціи, состоявшія исключительно изъ протестантовъ, заправляли всею торговлею, промышленностью, владѣли богатствами, пользовались кредитомъ и вліяніемъ, устраняя отъ всѣхъ этихъ выгодъ католиковъ. Но Англія, нежелавшая оставлять за католиками никакихъ земныхъ благъ, всегда косо смотрѣла на увеличеніе и развитіе ихъ даже въ рукахъ протестантскихъ жителей Ирлан-

діи. Промышленный прогрессъ Ирландіи былъ одинаково страшенъ и ненавистенъ Англіи, исходилъ-ли онъ отъ католиковъ или протестантовъ, и англійская торговая политика въ этомъ отношеніи почти одинаково давила тѣхъ и другихъ. Въ XVII вѣкѣ постепенно усиливавшійся вывозъ ирландскаго скота въ Англію былъ главнымъ источникомъ богатства Ирландіи. Но это было невыгодно англійскимъ землевладѣльцамъ, и вотъ актомъ 1663 года вывозъ скота изъ Ирландіи запрещенъ. До этого запрещенія торговля съ Англіей составляла цѣлыхъ $^3/_4$ всей ирландской торговли, а съ этого времени она не составляла уже и $^1/_4$. Въ то-же время на Ирландію были распространены всѣ стѣснительныя мѣры навигаціоннаго акта, въ силу котораго Ирландія не могла ни отправлять въ колоніи своихъ, ни получать оттуда ихъ товаровъ иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ, черезъ англійскіе порты, посредствомъ англійскихъ купцовъ. Вся торговля Ирландіи съ сѣверной Америкой была, такимъ образомъ, убита. Послѣ запрещенія вывозить скотъ ирландцы усиленно принялись за овцеводство, и шерстяныя мануфактуры ихъ, благодаря отличнымъ качествамъ шерсти, дешевизнѣ жизни, наплыву рабочихъ изъ Англіи, пріобрѣли скоро чрезвычайно важное значеніе и сдѣлались новымъ источникомъ богатства. Но англійскіе торговцы и промышленники не могли выносить столь убыточнаго и опаснаго для нихъ соперничества. Они громко требовали, чтобы „напомнить ирландцамъ, что они народъ завоеванный“; обѣ палаты парламента энергически просили короля о запрещеніи ирландской шерстяной торговли, и въ 1699 году эта торговля, а вмѣстѣ съ нею и шерстяныя мануфактуры Ирландіи получили смертельный ударъ въ актѣ запрещенія. Огромная масса народа обратилась въ нищихъ. Тысячи рабочихъ бѣжали заграницу и въ Америку. Западные и южные округи почти обезлюдѣли, въ странѣ водворился хроническій голодъ, и только благодаря сильному развитію контрабанды гибельность этого національнаго бѣдствія была

нѣсколько ослаблена. Въ Ирландіи начали развиваться полотняныя мануфактуры, но лишь только онѣ достигли важнаго значенія, какъ Англія уничтожила и ихъ, запретивъ вывозъ ирландскихъ полотенъ въ колоніи и обложивъ ввозимыя въ Англію такими пошлинами, которыя равнялись запрещенію. Точно также постепенно запрещалось вывозить изъ Ирландіи пиво, солодъ, стекло, производство котораго начинало-было развиваться, запрещалось и ввозить ихъ изъ другихъ странъ, кромѣ Англіи. Ирландія должна была заниматься исключительно земледѣліемъ и получать мануфактуры изъ Англіи,— таковъ смыслъ этихъ запретительныхъ законовъ, которые, по выраженію Кобдена, „напоминаютъ собою узкую и мелочную тираннію лавочника надъ своимъ бѣднымъ конкурентомъ, а не мѣры болѣе благородныя народа-побѣдителя“.

Ирландскій народъ, принужденный, такимъ образомъ, жить исключительно земледѣліемъ, лишенный своихъ земель и своихъ мануфактуръ, страдавшій подъ давленіемъ поземельной системы, на которую властители указывали ему, какъ на источникъ жизни и благосостоянія,—ирландскій народъ превратился въ массу нищихъ. Страна еще ранѣе была въ конецъ раззоряема войнами и мятежами. Послѣ войнъ Елизаветы лѣтописи такъ описывали положеніе Ирландіи: „страна, прежде богатая, плодородная, очень населенная, покрытая богатыми пастбищами, пашнями, садами, нынѣ сдѣлалась пустынна и безплодна. Она ничего не производитъ: нѣтъ болѣе жатвы на поляхъ, нѣтъ стадъ на пастбищахъ, нѣтъ птицъ въ воздухѣ, нѣтъ рыбы въ рѣкахъ“. Послѣ мятежа 1641 года Ирландія была буквально усѣяна развалинами. „Эпидемія и голодъ, говоритъ одинъ изъ кромвелевскихъ офицеровъ, — до того опустошили цѣлыя графства, что на протяженіи 20 или 30 миль не встрѣтишь никакого живого существа, ни человѣка, ни животнаго, ни птицы, — всѣ они мертвы или оставили эти опустошенныя мѣста“. Въ мятежѣ этомъ погибло до 600,000 человѣкъ. Во время и послѣ подобныхъ смутъ, а

также голода, эпидемій, народонаселеніе сильно уменьшалось. какъ вслѣдствіе естественной убыли, такъ и эмиграціи. Ирландцы все болѣе и болѣе выселялись на европейскій континентъ и въ Америку. И не одни только католики бѣжали съ несчастнаго острова: протестантскіе сектанты, пресвитеріане, пуритане, квакеры, притѣсняемые господствующей церковью, стремились въ Америку и устроялись тамъ въ вольныхъ общинахъ, развившихся впослѣдствіи въ великую республику. Страна пустѣла и по-прежнему оставалась мало-культурною. Масса ирландцевъ въ половинѣ XVII вѣка не знала употребленія бѣлья, была покрыта грязью и насѣкомыми, жила въ землянкахъ вмѣстѣ со скотомъ, при паханіи земли привязывала плугъ къ хвосту лошади. Доходы страны при Генрихѣ VIII не превышали 4,000 ф. ст. въ годъ. Въ 1555—1565 годахъ управленіе Ирландіею стоило Англіи 255,000 ф. ст., въ числѣ которыхъ ирландскихъ денегъ было только 30,000. Елизавета истратила на Ирландію 86,000,000 франковъ — громадную сумму для того времени. Усмиреніе Ирландіи во время великаго мятежа 1641 года стоило 9,000,000 ф. ст. Въ 1707 году Ирландія не имѣла средствъ даже для содержанія войска, а долгъ въ 100,000 возбуждалъ въ ней серьезное безпокойство. Невѣжество народа равнялось его бѣдности. Католическія школы были запрещены, а англійскія возбуждали въ католикахъ одно только отвращеніе, такъ-какъ онѣ служили орудіемъ протестантской пропаганды. Но и протестантскихъ школъ было мало—въ 1710 г. было только 30, а послѣ образованія народопросвѣтительной ассоціаціи въ 1719 году—130 школъ съ 3,000 учениковъ. Съ половины XVIII вѣка въ ремесленныя школы начали силою забирать католическихъ нищихъ и сиротъ обоего пола, воспитывать ихъ въ протестантскомъ духѣ и по окончаніи курса распоряжаться ими совершенно произвольно, отдавая ихъ въ подмастерья протестантскимъ ремесленникамъ. Ирландцы возмущались, этими школами тѣмъ болѣе, что въ нихъ господствовали страшныя злоупотребленія,

доходившія до того, что учителей не разъ публично сѣкли плетьми за растлѣніе ученицъ... Ирландцы, такимъ образомъ, оставались при своихъ немногихъ школахъ, а во время гоненій, когда приходилось закрывать и эти послѣднія, учились гдѣ-нибудь между развалинами или въ лѣсной чащѣ у своихъ жалкихъ учителей, профессія которыхъ была государственнымъ преступленіемъ. Культура и образованіе развивались только въ англійскихъ сферахъ. Дублинъ росъ и превращался въ европейскій большой городъ; ирландскіе ландлорды равнялись по своему свѣтскому образованію съ англійскими; протестантская провинція Ульстеръ была богаче всей остальной Ирландіи, въ которой если путешественникъ видѣлъ чистенькій городокъ, хорошо обработанныя земли, зажиточную ферму, то могъ быть увѣренъ, что они принадлежали англичанамъ; торговля и ремесла, превосходныя дороги, проложенныя въ XVIII вѣкѣ, театры, дворцы, дублинскій университетъ — все было создано протестантами и для протестантовъ, создано на деньги Ирландіи, которая, при своей бѣдности, при ужасающихъ дефицитахъ, вдобавокъ ко всему принуждена была еще платить на содержаніе англиканской церкви и пенсіи разнымъ особамъ.

Управленіе Ирландіей отличалось безпорядками и злоупотребленіями. Казнокрадство и взяточничество достигали ужасающихъ размѣровъ. Въ половинѣ XVIII вѣка, напр., муниципалитетъ и мэръ Дублина, пользуясь своею властью, совершенно произвольно арестовывали кого вздумается, выпускали на волю за деньги и эксплуатировали, какъ свои помѣстья, тюрьмы, торгуя въ нихъ водкой, взимая съ арестантовъ плату за входъ, за выходъ, за казенную пищу, за постель, не топя печей, моря заключенниковъ голодомъ въ смрадныхъ логовищахъ. Когда парламентъ возсталъ противъ этихъ безобразій, то въ 1732 году распорядились вмѣсто тюремнаго заключенія продавать арестантовъ колоніяльнымъ плантаторамъ. Конституція и парламентъ не имѣли другого значенія, кромѣ отя-

гощенія страны. Парламентъ управлялся англійскими министрами, масса католиковъ была безконтрольно подвластна ему, онъ состоялъ почти исключительно изъ послѣдователей высокой церкви, диссентеры-же попадали въ него очень рѣдко и въ ничтожнюмъ меньшинствѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка изъ 300 членовъ парламента 216 были представителями мѣстечекъ, созданныхъ Стюартами, и помѣстій, находившихся въ рукахъ немногихъ ландлордовъ; 200 депутатовъ выбирались какой-нибудь сотней избирателей и безъ участія народа. Въ 1784 году лордъ Шеннонъ имѣлъ въ парламентѣ 16 своихъ представителей, фамилія Понсонби 14, Гильсборо 9, герцогъ Лейнстеръ 7. Въ томъ-же году 130 членовъ зависѣли вполнѣ отъ правительства, будучи его чиновниками или пенсіонерами. Собственники мѣстечекъ, усердно поставлявшіе покорныхъ членовъ въ нижнюю палату, въ награду дѣлались пэрами и, такимъ образомъ, вышло, что 53 пэра верхней палаты назначали 123 члена въ нижнюю палату. Вслѣдствіе абсентеизма ландлордовъ, верхнюю палату наполняли преимущественно епископы, а нижняя стояла совершенно внѣ народнаго контроля, такъ-какъ обыкновенно одни и тѣ-же депутаты засѣдали въ ней впродолженіи цѣлаго царствованія, если только ихъ не распускалъ король. При Георгѣ II ирландскій парламентъ продолжался 33 года! Депутаты садились на скамьи оппозиціи для того только, чтобы получить подкупныя деньги. Въ 1769 году для проведенія одного важнаго для правительства билля было истрачено на подкупъ членовъ парламента до 1,000,000 ф. ст.... Въ 1767 году первые вельможи страны, наполнявшіе верхнюю палату, торговались съ вице-королемъ за свои голоса; одинъ просилъ сдѣлать его несмѣняемымъ лордомъ-судьей Ирландіи, другой соглашался оставить оппозицію, если двумъ его сыновьямъ дадутъ должности съ жалованьемъ по 500 ф. ст. въ годъ, и т. д. Въ 1759 году ирландскій канцлеръ казначейства вмѣстѣ съ однимъ членомъ парламента основали въ Дублинѣ частный банкъ, пустили въ

оборотъ казенныя деньги, нажились какъ слѣдуетъ, а потомъ объявили себя несостоятельными!.. Втеченіи пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ въ ирландскомъ парламентѣ не было ни одного даровитаго дѣятеля, ни одного замѣчательнаго оратора. Политическіе люди, адвокаты, медики, писатели—всѣ стремились въ Англію, оставляя Ирландію на произволъ ея продажнаго парламента.

IV.

Ирландскіе мятежи были періодическими взрывами народнаго недовольства, которое, выражаясь въ нихъ съ особенною силою, не переставало дѣйствовать и въ относительно мирное время. Борьба завоевателей съ побѣжденными не прекращалась ни на одно мгновеніе. Ирландцы, лишенные своихъ земель, торговли и промышленности, униженные безправіемъ, превратились въ закоренѣлыхъ ненавистниковъ всего англійскаго, у которыхъ убить, отравить, обворовать англичанина, изнасиловать англичанку, истребить или разграбить англійскую собственность считалось подвигами доблести и патріотизма. Какъ скоро дѣло касалось англичанъ, то пороки и добродѣтели народа дружно направлялись къ одной и той-же цѣли. Сгоняемые съ своихъ земель, вытѣсняемые изъ центровъ англійской культуры, одичавшіе въ своихъ лѣсныхъ и горныхъ захолустьяхъ, среди постоянныхъ мятежей, междоусобицъ, разбоевъ, ирландцы всѣхъ классовъ принимали участіе въ непрерывной борьбѣ съ англичанами. Гонимое духовенство, терпѣвшее одинаковую участь съ народомъ, зависимое отъ него и находившееся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ, стояло во главѣ движеній. Ирландскіе фермеры и крестьяне, сыновья и внуки старинныхъ обезземеленныхъ ирландскихъ фамилій, люди, составлявшіе воинственныя банды ирландскихъ вождей, всѣ раззоренные войнами, конфиска-

ціями, уголовными законами,—всѣ были противъ англичанъ. Убійства англичанъ, сожженіе англійскихъ фермъ, угонъ скота и тому подобныя преступленія, постепенно усиливаясь, въ XVIII вѣкѣ начали принимать форму систематической, организованной борьбы. Зимой 1711 года въ Коннотѣ начали дѣйствовать банды вооруженныхъ людей въ бѣлыхъ рубашкахъ, истреблявшія по ночамъ скотъ протестантскихъ фермеровъ. Всюду появились прокламаціи, заявлявшія, что началась война противъ гуртовщиковъ скота, которая не кончится до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены всѣ ихъ гурты. Каждую ночь слышались ревъ убиваемаго скота, ружейные выстрѣлы и крики разбойниковъ, которые къ утру словно сквозь землю проваливались и всѣ усилія открыть слѣды ихъ оставались напрасными. Въ Коннотѣ не осталось ни одного протестантскаго скотопромышленника: всѣ они были раззорены и выселились. Когда-же черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого одинъ лордъ снова вздумалъ заселить протестантами часть Коннота, то всѣ построенные для нихъ дома, амбары, сараи, скотскіе дворы вскорѣ-же были по-прежнему истреблены, а колонисты вытѣснены тѣми-же таинственными разбойниками. Въ 1760 году во всѣхъ провинціяхъ Ирландіи появились организованныя банды такъ-называемыхъ *бѣлыхъ парней* (whiteboys), носившихъ поверхъ платья бѣлыя рубашки. „Они, говоритъ Артуръ Юнгъ,—рыскаютъ по странѣ соединенные въ отряды, заставляютъ сельскихъ жителей давать клятву, что не выдадутъ ихъ, и принуждаютъ къ этой клятвѣ угрозами, которыя часто приводятъ въ исполненіе. Они выдаютъ себя за истребителей несправедливости, наказываютъ лицъ, спекулирующихъ землею или чрезмѣрно возвышающихъ арендную плату, заставляютъ хозяевъ облегчать положеніе работниковъ... Часто они сожигаютъ жилища и истребляютъ все движимое имущество своихъ враговъ. Совершаемыя ими варварства возмутительны“. Бѣлые парни рѣдко воровали; они брали только оружіе для своей партіи. Организація ихъ

была раскинута по всей странѣ. Каждый членъ ихъ общества обязывался, подъ страхомъ смертной казни, хранить тайну и безпрекословно исполнять данныя ему приказанія. Народъ былъ обложенъ налогомъ, который бѣлые парни собирали для покупки оружія, веденія процессовъ, найма адвокатовъ, подкупа свидѣтелей и обезпеченія тѣхъ, которые спеціально занимались ихъ профессіей. У нихъ были правильныя собранія, постановленія которыхъ оглашались посредствомъ прокламацій и приводились въ исполненіе назначенными для того агентами. Если землевладѣлецъ чрезмѣрно возвышалъ арендную плату, то могъ быть увѣренъ, что чрезъ нѣсколько дней на дверяхъ его будетъ прибито такое объявленіе: „Симъ вы извѣщаетесь, что мы не будемъ болѣе терпѣть несправедливости, обязывающей платить аренду, возвышенную вдвое противъ надлежащаго. Кто не приметъ во вниманіе сего заявленія, будетъ наказанъ съ примѣрною строгостью. Подписано: *Мать Террея*". Если гдѣ-нибудь работники получали слишкомъ низкую задѣльную плату, являлся таинственный декретъ: „Начиная съ сегодня, ни одинъ рабочій не будетъ работать менѣе, чѣмъ за 10 шиллинговъ въ день. Горе тому, кто согласится работать за меньшую плату!" Или-же повсюду появляются такія объявленія: „Долой десятины! долой десятины! долой десятины! Подумайте хорошенько о послѣдствіяхъ; если вы будете платить церковную десятину, то гробъ для васъ готовъ; останетесь-ли вы въ странѣ или покинете ее, ваша смерть неизбѣжна. Подписано: *капитанъ Рокъ*.—Гробъ" (*рисунокъ гроба*). Наказанія, налагавшіяся бѣлыми парнями, или преступленія, которыя они совершали надъ своими врагами, состояли въ убійствѣ, тѣлесномъ наказаніи, истребленіи собственности, въ похищеніи и изнасилованіи протестантскихъ дѣвицъ. Послѣднее, столь оригинальное преступленіе, въ половинѣ XVIII вѣка приняло ужасающіе размѣры. Шайки ирландцевъ, въ числѣ которыхъ находились юноши первыхъ аристократическихъ фамилій страны, силою врывались въ

дома, фермы и замки богатыхъ протестантовъ, захватывали дѣвушекъ, взбрасывали ихъ на сѣдла и мчали куда-нибудь въ глушь, гдѣ ихъ насиловали или вѣнчали при содѣйствіи католическаго попа. Подобныя умыканія и насильственные браки случались постоянно и поощрялись духовенствомъ, какъ одно изъ средствъ католической пропаганды. Нерѣдко случалось, что толпа вооруженныхъ ирландскихъ наѣздниковъ, среди бѣлаго дня, врывалась въ протестантскую церковь, захватывала всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, увозила ихъ, насиловала ихъ, а потомъ католическіе попы насильно-же вѣнчали похищенныхъ съ похитителями. Виновники этихъ преступленій большею частію были аристократы и ловко увертывались отъ отвѣтственности. Что-же касается плебейскихъ бѣлыхъ парней, то они не вѣнчались съ изнасилованными протестантками, а преслѣдованіе ихъ было положительно невозможно среди массы застращеннаго ими и враждебнаго англичанамъ народонаселенія. Судьи, присяжные, свидѣтели,— всѣ или боялись разбойниковъ, или держали ихъ сторону. Едва только начинался какой-нибудь процессъ по дѣлу о бѣлыхъ парняхъ, какъ вся ассоціація ихъ приходила въ движеніе и пускала въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать дѣйствію закона. Появлялись прокламаціи, заявленія, что „каждый свидѣтель противъ бѣлыхъ парней будетъ наказанъ смертью", что и выполнялось часто даже прежде, чѣмъ свидѣтель могъ дать свои показанія передъ судомъ. Правительство принуждено было, ради безопасности свидѣтеля, садить его подъ стражу, но по окончаніи процесса ему все-таки предстояло или быть убитымъ, или навсегда бѣжать изъ Ирландіи.

Движеніе бѣлыхъ парней, вызванное вѣковою анархіей, бѣдностью и голодомъ, не было уже движеніемъ католическимъ. Ксендзы проклинали ихъ ассоціаціи и страдали отъ нихъ не меньше, чѣмъ англиканскіе пасторы. Они боролись противъ землевладѣльцевъ и фермеровъ, а большинство послѣднихъ были католики. Къ этому движенію присоединились въ 1764

и 1772 годахъ и протестантскіе крестьяне сѣверныхъ провинцій, сгоняемые съ своихъ участковъ, обремененные арендой и протестантской десятиной. „Такъ-какъ южные бунтовщики были католики, говоритъ лордъ Чарльмонтъ, — то протестанты воображали, что всѣ эти движенія произведены золотомъ и интригами Франціи. Но не таковы дѣйствительныя причины волненій. Этими причинами, очевидно, были бѣдность, угнетеніе и голодъ народа“. Протестанты и католики, подъ одинаковымъ давленіемъ англійской системы, соединялись, и въ этихъ преступленіяхъ, и въ другихъ случаяхъ, для общей борьбы за свое существованіе. Англія запретила ирландскую торговлю, но, вопреки этимъ законамъ, вопреки таможнямъ и крейсерамъ, сторожившимъ берега острова, Ирландія продолжала тайно торговать съ иностранцами, преимущественно съ Франціей. Цѣлая нація вступила въ организованный союзъ противъ закона. Религіозныя различія были забыты и сопротивленіе закону сдѣлалось связью, соединявшею католика съ протестантомъ, ирландскаго кельта съ англійскимъ колонистомъ, богатаго ландлорда, имѣвшаго тысячи овецъ, съ таможеннымъ надсмотрщикомъ, муниципальнаго чиновника, погреба котораго были наполнены контрабандными винами, съ судьей, которому тоже выгодно было кривить совѣстью при разборѣ контрабандныхъ дѣлъ. Вся промышленность и торговля страны приняли это незаконное направленіе, и выгодами ихъ пользовались даже сами вице-короли Ирландіи. Контрабандой занимались цѣлыя вооруженныя банды; они отправлялись на хорошо вооруженныхъ корабляхъ: контрабандисты смѣло выдерживали нападеніе таможенныхъ солдатъ, жестоко карали доносчиковъ, убивали чиновниковъ, небоявшихся исполнять относительно ихъ свои обязанности. Правительство не имѣло силъ для борьбы съ этой системой, поддерживавшей въ націи и безъ того уже сильныя противозаконныя чувства и заставлявшей ее отожествлять съ своими насущными интересами сопротивленіе закону. Кромѣ того, контрабандная торговля велась

преимущественно съ врагами Англіи, французами, симпатіи къ которымъ у ирландцевъ вслѣдствіе этого укрѣплялись и которые въ своихъ постоянныхъ секретныхъ сношеніяхъ съ островомъ поддерживали въ немъ всеобщій духъ недовольства. И не одни поземельныя стѣсненія, не одна только торговая политика болѣе и болѣе соединяли противъ Англіи всѣхъ жителей Ирландіи, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданій. Выше мы уже говорили, каково было положеніе такъ-называемыхъ англо-ирландцевъ въ началѣ англійскаго владычества. Съ постепеннымъ возрастаніемъ числа ихъ ухудшалось и ихъ положеніе. Торговая система раззоряла ихъ наравнѣ съ ирландцами. Чтобы парализовать политическую силу англо-ирландцевъ, Стюарты создали множество зависимыхъ отъ короны мѣстечекъ (boroghs), превратили въ города и муниципальныя корпораціи мѣста, состоявшія изъ нѣсколькихъ нищенскихъ коттеджей, парламентскіе представители которыхъ были совершенно въ рукахъ вице-короля. Недовольство, возбуждаемое въ англо-ирландцахъ подобными мѣрами, побуждало, въ свою очередь, англичанъ относиться къ нимъ съ такою-же непріязнью, какъ и къ чистымъ ирландцамъ, подвергая ихъ одинаковому гнету съ послѣдними. Это повело къ постепенному сліянію партій. И католики и протестанты начали склоняться къ взаимнымъ уступкамъ, вѣротерпимости, сознавать необходимость отмѣны уголовныхъ законовъ, парламентской реформы и т. д. Распространеніе образованія повело за собой развитіе политической мысли и литературы. Когда въ 1698 году ирландская шерстяная торговля была убита, другъ Локка, Молине, издалъ первое по времени замѣчательное произведеніе ирландской политической литературы, „Ирландское Дѣло", въ которомъ онъ доказывалъ, что Ирландія должна управляться сама собой и получать законы только отъ своего парламента. Книга была сожжена рукою палача, но духъ ея продолжалъ дѣйствовать. Въ Ирландіи формировалась политическая интеллигенція, выставившая нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ.

Въ ряду этихъ талантовъ первое мѣсто по времени и по достоинству принадлежитъ великому англо-ирландцу Джонатану Свифту, этому О'Коннелю XVIII вѣка.

Въ 1720 г. появились его первые ирландскіе памфлеты, въ которыхъ онъ самыми яркими красками обрисовывалъ бѣдствія своей страны и съ демонскою ироніей совѣтовалъ нищимъ ирландцамъ ѣсть своихъ дѣтей, описывая способы приготовленія различныхъ блюдъ изъ дѣтскаго мяса. Призывая ирландцевъ на защиту общаго національнаго дѣла, онъ доказывалъ, что Ирландія не поправится до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожигать всего привозимаго изъ Англіи, кромѣ людей и угля. Духовенство должно проповѣдывать объ этомъ съ церковныхъ кафедръ. Вся нація должна соединиться для этого дѣла, для развитія туземной промышленности и изгнанія съ ирландскаго рынка какихъ-бы то ни было товаровъ. Первый изъ этихъ памфлетовъ былъ схваченъ правительствомъ, а такъ-какъ авторъ былъ неизвѣстенъ, то предали суду типографщика. Девять разъ присяжные выносили приговоръ „не виновенъ" и девять разъ судья отсылалъ ихъ назадъ, обсудить дѣло снова, но обвиненія все-таки не могъ добиться.

Въ 1723 году метреса короля, герцогиня Кендаль, нуждаясь въ деньгахъ, выхлопотала нѣкоему Вуду дозволеніе начеканить для Ирландіи новой монеты на 108,000 ф. ст. Отъ этой операціи Кендаль и Вудъ должны были получить барыша около 40,000 ф. ст. Вся Ирландія пришла въ волненіе, а Свифтъ началъ выпускать „Письма суконщика", подливавшія масло въ огонь. „Пускай, писалъ онъ, — Вудъ съ шайкою своихъ мѣдниковъ и литейщиковъ перечеканиваетъ все въ монету, пока не останется въ странѣ стараго котла; пусть онъ чеканитъ старую кожу, табачныя трубки, глину, уличную грязь и дастъ этому какое угодно названіе, — мы не будемъ принимать его монеты. По его милости мы и то уже платимъ 3 шиллинга за то, что стоитъ 1. Всѣ мы въ опасности быть съѣденными заживо этимъ деспотикомъ, насъ готовится сожрать жи-

выми крыса. Если Гэмпденъ согласился скорѣе идти въ тюрьму, чѣмъ платить 5 шиллинговъ Карлу I, то я предпочитаю лучше быть повѣшеннымъ, чѣмъ подвергать все существо мое обложенію по произволу и капризу достопочтеннаго мистера Вуда". Въ четвертомъ письмѣ къ монетѣ Вуда Свифтъ присоединилъ всѣ угнетенія Ирландіи и кончилъ такимъ воззваніемъ къ своимъ соотечественникамъ: „средство освобожденія у васъ въ рукахъ; я уклонился немного отъ своего первоначальнаго предмета только для того, чтобы оживить тотъ духъ, который поднялся теперь между вами, чтобы двинуть его впередъ, чтобы вы увидѣли, наконецъ, что, по законамъ Бога, природы, народовъ и вашей собственной страны, вы такой-же свободный народъ и должны быть такимъ-же свободнымъ народомъ, какъ и ваши братья въ Англіи". Вся Ирландія читала эти памфлеты и волновалась ими. Хотя всѣ знали, кто авторъ, но судить не смѣли, а книгопродавца присяжные оправдали. Волненіе усилилось до того, что правительство уничтожило патентъ Вуда. Послѣ этихъ писемъ Свифтъ пріобрѣлъ безграничное вліяніе на народъ. Вальполь хотѣлъ арестовать его, но его остановили вопросомъ: имѣетъ-ли онъ въ своемъ распоряженіи 10,000 человѣкъ, необходимыхъ для произведенія ареста? Когда сержантъ Беттесвортъ, оскорбленный сатирою Свифта, угрожалъ поколотить его, народъ добровольно составилъ стражу для его защиты. Когда примасъ Боултеръ укорялъ его въ возбужденіи народа, то Свифтъ возразилъ: „если-бы я для возбужденія поднялъ только одинъ палецъ, то васъ тотчасъ-же растерзали-бы въ клочки". „Онъ, говоритъ Лекки,—первый научилъ ирландцевъ полагаться на самихъ себя. Онъ велъ ихъ къ побѣдѣ въ то время, когда вѣковое угнетеніе и паденіе энергіи лишили ихъ всякой надежды. Онъ далъ голосъ ихъ нѣмымъ страданіямъ и начерталъ путь ихъ будущему прогрессу. Съ этого времени вопросы о свободѣ торговли и законодательной самостоятельности уже не оставляли умовъ ирландцевъ, а реформа

1779 г. и законодательная эманципація 1782 г. была развитіемъ идей Свифта. Уличныя баллады, которыя онъ писалъ для развлеченія, простота и прозрачность его памфлетовъ, богатый юморъ распространяли его вліяніе въ самыхъ низшихъ классахъ. Однажды онъ подарилъ горничной денегъ на платье, непремѣнно изъ ирландской матеріи. Черезъ нѣсколько времени, на упрекъ, что она не исполнила его желанія, дѣвушка показала купленный ею томъ его сочиненій, говоря, что лучше этой „ирландской матеріи“ она ничего не знаетъ“.

Не одинъ Свифтъ былъ представителемъ новаго времени. Одновременно съ нимъ общественными вопросами Ирландіи занимался извѣстный Беркелэ, имѣвшій также важное вліяніе на развитіе ирландской политической мысли. Въ 1747 г. въ Дублинѣ началъ выходить „Журналъ Гражданина“, печатавшій парламентскія пренія, обличавшій судебныя и административныя злоупотребленія, разрабатывавшій вопросы поземельный и торговый. Основателемъ и главнымъ публицистомъ этого журнала былъ Люкасъ, такъ смѣло писавшій о независимости Ирландіи и разоблачавшій англійскую политику, что въ 1749 г. былъ объявленъ ирландскимъ парламентомъ врагомъ отечества и бѣжалъ въ Англію. Возвратившись, онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Дублина и въ этой роли оживилъ парламентскую оппозицію, а своимъ журналомъ положилъ основаніе ирландской либеральной прессѣ. Въ то-же время появился на парламентской сценѣ первый по времени великій ораторъ Ирландіи, Генри Флудъ, организовавшій въ парламентѣ сильную оппозицію, а за стѣнами его направившій общественное мнѣніе на парламентскую реформу, независимое управленіе Ирландіи, образованіе конституціонной милиціи, отмѣну уголовныхъ и торговыхъ законовъ.

Вѣкъ мятежниковъ въ старинномъ духѣ кончился; начинался вѣкъ Граттановъ и О'Коннелей.

V.

Вліяніе Свифта и другихъ публицистовъ Ирландіи значительно усилилось, когда Америка возстала противъ британской имперіи. Колоніи вооружались противъ тѣхъ-же угнетеній, подъ давленіемъ которыхъ страдала и Ирландія, и это сходство отношеній повело къ сильному вліянію на ирландцевъ американскихъ идей. Въ англійскомъ парламентѣ не проходило ни одного пренія объ Америкѣ безъ того, чтобы не обратили вниманія на Ирландію. Съ одной стороны, сторонники правительства открыто заявляли, что Ирландію необходимо подчинить такому-же управленію и обуздывать тѣми-же средствами, какъ и колоніи. Съ другой стороны, члены оппозиціи, и между ними величайшіе ораторы Англіи, Беркъ, Питтъ, Фоксъ, Шериданъ, предсказывали, что англійское владычество неизбѣжно ведетъ несчастную Ирландію къ тѣмъ-же результатамъ, къ какимъ оно привело колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Даже въ продажномъ ирландскомъ парламентѣ нашлись люди, которые воспользовались американскими событіями для своихъ патріотическихъ цѣлей. Первый по времени ораторъ Ирландіи, Флудъ, въ это время былъ уже купленъ вице-королемъ, но его, еще болѣе замѣчательный, преемникъ Граттанъ горячо отстаивалъ интересы колоній и Ирландіи, поражая Флуда, который, „съ фразами на устахъ и съ подкупнымъ жалованьемъ въ карманѣ, борется противъ правъ Америки—этой единственной надежды Ирландіи“. Въ высшихъ и среднихъ классахъ Ирландіи недовольство англійскимъ владычествомъ росло съ каждымъ днемъ и поддерживалось новыми стѣснительными постановленіями. Въ 1776 году ирландцамъ запрещено вывозить съѣстные припасы иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ; въ 1778 г. вовсе запрещенъ вывозъ въ Англію. Католики и

протестанты, ирландцы и ирландскіе англичане соединились въ общемъ чувствѣ крайняго недовольства, которое искало выхода на пути, указанномъ американскими колонистами. Волненіе достигло высшей степени, когда Англія, воевавшая съ Америкой, Франціей и Испаніей, оказалась не въ силахъ даже защищать Ирландію отъ внѣшнихъ нападеній. Часть англійскихъ войскъ была отправлена въ Америку и ирландскимъ берегамъ ежедневно угрожала высадка непріятеля. Тогда общества, возникшія по всему острову и отказывавшіяся отъ покупки какихъ-бы то ни было англійскихъ товаровъ, чтобы добиться свободы торговли, начали быстро организоваться въ военные отряды. Національный энтузіазмъ охватилъ Ирландію; религіозная ненависть, племенное различіе, вѣковыя войны и междоусобицы,—все было забыто. Всюду организовались отряды *волонтеровъ*, избирали начальниковъ, вооружались, составляли правила дисциплины, входили между собою въ сношенія и составили, наконецъ, общую „ассоціацію волонтеровъ“ въ 60,000 человѣкъ, которая скоро достигла численности 100,000. Роль правительства въ этомъ дѣлѣ ограничивалась только раздачею оружія. Движеніе волонтеровъ было ничто иное, какъ революція подъ легальной формой защиты отъ внѣшняго врага. Они составили изъ себя родъ военнаго парламента, который собирался разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ, постановлялъ рѣшенія, выражалъ порицанія правительству и подавалъ ему петиціи на концахъ своихъ штыковъ. Во главѣ волонтеровъ стояла родовая, денежная и умственная аристократія страны. Ихъ президентомъ былъ лордъ Чарльмонтъ; въ числѣ ихъ офицеровъ числились такіе ораторы, какъ Флудъ и Граттанъ. Благодаря подобнымъ вождямъ, движеніе это удержало форму мирнаго возстанія и не дошло до открытой войны съ Англіей, къ которой стремилась извѣстная партія волонтеровъ. Во главѣ этой партіи стоялъ не какой-нибудь мятежный ирландецъ, а чистокровный англичанинъ, пэръ Англіи, епископъ государственной церкви, графъ

Бристольскій, епископъ деррейскій! Хорошо образованный, свободомыслящій, роскошный и тщеславный епископъ былъ въ сущности политическимъ авантюристомъ, и если-бы ему удалось сдѣлаться президентомъ волонтеровъ, то война съ Англіей была-бы неибѣжна и Ирландія снова подверглась-бы всѣмъ ужасамъ завоеванія. Но при всемъ томъ, что вожди движенія съумѣли удержать его въ границахъ мира, оно все-таки имѣло революціонный характеръ. Ихъ голоса за свободную торговлю и за отмѣну стѣснительныхъ законовъ раздавались все громче и громче. Ихъ пушки украшались грозною надписью: „свобода торговли или смерть!“ Они требовали независимости ирландскаго парламента и эманципаціи католиковъ. „Какъ люди“ говорятъ они въ одной изъ своихъ резолюцій,—какъ христіане и протестанты, мы желаемъ смягченія уголовныхъ законовъ, изданныхъ противъ нашихъ согражданъ, римскихъ католиковъ, и ждемъ отъ этой мѣры самыхъ счастливыхъ результатовъ для благосостоянія Ирландіи“. Страна грозно волновалась, не нарушая общественнаго порядка, хотя въ сущности порядокъ этотъ былъ уже на краю пропасти, что хорошо понимали предводители парламентской оппозиціи, особенно Граттанъ и Борхъ. Послѣдній, говоря о положеніи страны, воскликнулъ, обращаясь къ министрамъ: „не говорите мнѣ о мирѣ: это не миръ, а война. Англія въ своихъ законахъ посѣяла драконовы зубы и они взошли теперь вооруженными людьми“. Соединенное давленіе волонтеровъ и парламентской оппозиціи было неотразимо и Англія была принуждена уступить, подобно тому, какъ впослѣдствіи она соглашалась на реформы для Ирландіи всегда только наканунѣ междоусобной войны. Хотя англійскіе мануфактуристы единодушно возставали противъ свободной торговли, но, съ другой стороны, Ирландія требовала ея съ оружіемъ въ рукахъ, а ирландскій парламентъ поддерживалъ это требованіе, и въ 1780 г. торговля Ирландіи съ колоніями была объявлена свободною. Въ то-же время началась постепенная отмѣна уго-

ловныхъ законовъ. Ихъ отмѣняли подъ давленіемъ обстоятельствъ, точно такъ-же, безъ плана и безъ метода, какъ и вводили прежде. Сначала (въ 1778 г.) дозволили католикамъ арендовать землю и дали имъ наслѣдственныя права наравнѣ съ протестантами; потомъ (въ 1782 г.) возстановили всѣ ихъ имущественныя права, отмѣнили запрещенія, лежавшія на духовенствѣ, учителяхъ и богослуженіи, дозволили носить оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ирландскіе судьи были сдѣланы несмѣняемыми и на Ирландію распространенъ во всей своей широтѣ законъ о личной свободѣ (habeas corpus). Но этихъ уступокъ было мало; волонтеры хотѣли независимости, за нее-же стоялъ и вождь парламентской оппозиціи, одинъ изъ величайшихъ ораторовъ Европы, Граттанъ. По иниціативѣ послѣдняго парламентъ обратился къ королю съ деклараціей, въ которой онъ заявлялъ, что „его ирландскіе подданные—народъ свободный; что корона Ирландіи есть имперская корона, нераздѣльно соединенная съ короною Англіи связью, отъ которой зависятъ счастіе и интересъ обоихъ народовъ, но что Ирландія есть отдѣльное королевство, имѣющее свой парламентъ и свою законодательную власть; что никто въ мірѣ не вправѣ предписывать законовъ этой націи, кромѣ короля, лордовъ и общинъ Ирландіи“. Въ Англіи самыя противоположныя партіи сходились въ оппозиціи ирландской независимости, но угрожающее положеніе ста тысячъ ирландскихъ волонтеровъ, мятежи въ Дублинѣ, доходившіе до того, что бунтующая толпа врывалась въ парламентъ, настойчивость послѣдняго, — все заставляло Англію признать Ирландію самостоятельной. Въ 1782 г. былъ посланъ въ Дублинъ новый вице-король, герцогъ Портлэндъ, съ полномочіемъ уступить требованіямъ ирландцевъ, но только въ случаѣ крайней необходимости. Онъ постарался затянуть дѣло, но Граттанъ не согласился на отсрочку. Утромъ 16 апрѣля передъ зданіемъ парламента выстроились волонтерскіе полки; яркіе лучи солнца блестѣли на ихъ оружіи и на ихъ знаменахъ, а мимо рядовъ и среди во-

сторженныхъ криковъ ихъ шелъ въ парламентъ Граттанъ. чтобы провозгласить тамъ независимость своей страны. Своею блестящею рѣчью онъ кончилъ шестивѣковую борьбу, въ которой было потрачено столько ума и пролито столько крови. Ораторъ съ восторгомъ привѣтствовалъ зарю ирландской свободы; онъ сознавалъ, что еще много нужно сдѣлать для благоденствія страны, но онъ надѣялся на ея силы, значеніе которыхъ она доказала настоящею побѣдой. „Я обращаюсь теперь къ свободному народу, восклицалъ Граттанъ. — Это первая минута, въ которую вы, по прошествіи многихъ вѣковъ, можете назваться этимъ именемъ. Я такъ часто говорилъ о вашей свободѣ, что мнѣ уже нечего прибавлять къ сказанному, и я могу только удивляться тому, какъ вы неустанно шли впередъ до тѣхъ поръ, пока нація не напрягла всѣхъ своихъ силъ, чтобы совершить актъ самоосвобожденія. Я засталъ Ирландію стоящею на колѣняхъ; я наблюдалъ за ней съ отеческою заботливостью. Духъ Свифта, духъ Молине, вы побѣдили! Ирландія теперь нація. Я привѣтствую ее въ этой роли и, преклоняясь передъ нею, въ ея державномъ присутствіи говорю: да живешь ты во вѣки вѣковъ!“ Ирландія была объявлена независимымъ королевствомъ, состоящимъ въ федераціи съ Англіей, и, по выраженію Борка, ирландцы получили въ 1782 г. свой 1688 годъ. Парламентъ вотировалъ Граттану національный подарокъ въ 100,000 ф. ст., но онъ отказался принять его, и только послѣ долгихъ настояній взялъ половину этой суммы, чтобы всецѣло посвятить себя политикѣ, отказавшись отъ адвокатуры, на доходы которой онъ жилъ до тѣхъ поръ.

Достигнувъ независимости, ирландскій парламентъ не сдѣлался представителемъ даже протестантскаго народонаселенія, не говоря уже о массѣ католиковъ, которые уже вовсе не имѣли политическихъ правъ и жили подъ давленіемъ нѣкоторыхъ еще неотмѣненныхъ уголовныхъ законовъ. Независимый парламентъ состоялъ на содержаніи у Англіи, всегда имѣв-

шей за себя большинство, подкупленное пенсіями, должностями, титулами. „Система угнетенія кончилась, начала организоваться система развращенія“, говорилъ Граттанъ, который однажды въ полномъ собраніи парламента воскликнулъ: „ну-ка рѣшитесь отрицать эту продажность!“ — и никто не рискнулъ противорѣчить ему. Сумма ирландскихъ пенсій, составлявшая въ 1756 г. 44,000, въ 1793 г. поднялась до 120,000 ф. ст. Рѣдкій вице-король оставлялъ Ирландію безъ того, чтобы, кромѣ пенсіоннаго фонда, не израсходовать для тѣхъ-же цѣлей 200 или 300 тысячъ ф. ст. да не положить въ свой собственный карманъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ фунтовъ. „Продавая, по выраженію Граттана, прерогативы короны, чтобы покупать привилегіи націи“, правители Ирландіи смотрѣли на нее, какъ на статью дохода. Вице-короли не жили въ Ирландіи и ихъ замѣняли собой три лорда-судьи. Чтобы привлечь къ себѣ вліятельныхъ членовъ парламента, эти лорды отдавали въ ихъ распоряженіе всю администрацію,—раздачу пенсій, должностей и т. д. Управленіе Ирландіей, такимъ образомъ, сдавалось на подрядъ, и упомянутые дѣятели во всѣхъ тогдашнихъ актахъ называются *подрядчиками* (undertakers)!..

Парламентская реформа была въ то время однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ; о ней шли толки во Франціи, за нее боролись въ Англіи, въ важнѣйшихъ городахъ которой организовались реформатскія ассоціаціи, незамедлившія вступить въ сношенія съ ирландскими волонтерами. Въ 1783 г. волонтеры, соединенные въ *національномъ конвентѣ*, провозгласили необходимость парламентской реформы. Но они не могли уже дѣйствовать съ той-же энергіей, какъ въ дѣлѣ независимости, такъ-какъ ихъ раздѣлилъ на двѣ партіи вопросъ объ эманципаціи католиковъ. Лучшіе изъ протестантовъ, какъ въ парламентѣ, такъ и между волонтерами, даже нѣкоторыя лица изъ протестантскаго духовенства хлопотали о полной равноправности католиковъ; но англійское правительство, пар-

ламентское большинство, особенно раболѣпные лорды и фанатическіе епископы верхней палаты были противъ реформы и эманципаціи, а половина волонтеровъ хотѣла реформы и уничтоженія остальныхъ уголовныхъ законовъ противъ католиковъ, но ни за что не соглашалась дать имъ избирательныя права. Билли о реформѣ проваливались одинъ за другимъ въ ирландскомъ парламентѣ, а страна волновалась все больше и больше. Католики, стоявшіе долго вдали отъ движенія, начали втягиваться въ него, соединялись съ волонтерами, организовали клубы и ассоціаціи, подавали петиціи о реформѣ и эманципаціи. Даже многіе англійскіе епископы проповѣдывали вѣротерпимость и защищали католиковъ въ парламентѣ. Литература XVIII в., повліявшая и на ирландское общество, значительно ослабила въ немъ религіозный фанатизмъ и развила чувство терпимости, какъ въ протестантахъ, такъ и въ католикахъ, но, съ другой стороны, напоръ новыхъ идей и чувствъ привелъ въ сильное броженіе консервативные элементы. Католики волновались; въ разныхъ мѣстахъ острова вспыхивали бунты, ирландцы отказывались платить церковную десятину, совершали аграрныя преступленія противъ протестантскихъ землевладѣльцевъ. Въ 1785 г. протестанты начали составлять шайки „*дѣтей разсвѣта*" (peep-ofday boys), которыя нападали на католиковъ и преслѣдовали ихъ; католики, въ свою очередь, организовали отряды „защитниковъ", скоро перешедшіе изъ оборонительнаго состоянія въ наступательное. На сцену выходилъ народъ, на котораго до тѣхъ поръ не обращали вниманія ни правительство, ни волонтеры, ни лорды, ни политики въ родѣ Граттана. Всѣ волненія, вся политическая борьба, о которой мы говорили, всѣ эти вопросы о реформѣ парламента, объ его независимости отъ Англіи, объ эманципаціи католиковъ касались преимущественно поземельной аристократіи, духовенства да городского народонаселенія. Масса же народа оставалась чуждою политической жизни и только

вліяла на нее посредствомъ аграрныхъ преступленій да бунтовъ противъ сборщиковъ церковной десятины.

Даже вліяніе французской революціи мало коснулось основного вопроса въ жизни ирландскаго народа — аграрнаго вопроса, хотя и сильно измѣнило характеръ политическихъ идей въ Ирландіи. Въ 1792 г. составляется клубъ *соединенныхъ ирландцевъ* и вскорѣ затѣмъ въ эту организацію поступаютъ всѣ бывшіе волонтеры, которые теперь, подъ руководствомъ Тона, О'Коннора, Эммета и Мэкневина, устраняютъ изъ своей программы всѣ религіозныя различія, сливаютъ дѣло католиковъ съ дѣломъ протестантовъ и, придавъ ирландской политикѣ совершенно свѣтскій характеръ, дѣлаются служителями тѣхъ-же идей, которыя волновали въ то время и Францію, и извѣстную часть народонаселенія Англіи. Соединенные ирландцы удержали военную организацію волонтеровъ, но цѣли ихъ были совершенно различны. Волонтеры организовались для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ, а соединенные ирландцы открыто симпатизировали французамъ и нетерпѣливо ждали высадки французскихъ войскъ, чтобы съ ихъ помощью сбросить съ себя англійское иго. Они стояли въ открытой враждѣ съ вигами и съ ихъ проектами постепенныхъ реформъ; „если намъ не дадутъ полной, абсолютной реформы, говорили они, — если правительство не измѣнитъ всей своей системы, то слѣдуетъ разорвать союзъ съ Англіей и, отдѣливъ Ирландію, отрубить, такимъ образомъ, у Британіи ея правую руку". Соединенные ирландцы вошли въ дѣятельныя сношенія съ французами, и вождь ихъ, Вольфъ Тонъ, заключилъ въ Парижѣ договоръ съ правительствомъ французской республики, въ силу котораго генералъ Гошъ съ войсками долженъ былъ высадиться въ Ирландіи.

Между тѣмъ, независимо отъ движенія соединенныхъ ирландцевъ, ирландское джентри организовало католическую ассоціацію, которая начала всѣми силами работать въ пользу равноправности католиковъ. Междоусобная война была

снова неизбѣжна, если-бы только правительство не рѣшилось на существенныя уступки. Оно въ 1792 и 1793 г. открыло католикамъ доступъ къ адвокатурѣ и ко многимъ должностямъ, дало имъ право участвовать въ выборахъ, учить дѣтей въ католическихъ школахъ, жениться на протестанткахъ, отмѣнило всѣ законы, стѣснявшіе промышленность и вѣру католиковъ. Но этихъ уступокъ было мало и страну могли успокоить только полная эманципація католиковъ, коренная реформа парламента, уничтоженіе церковной десятины и улучшеніе быта народной массы. Среди этого хаоса мнѣній, требованій и стремленій начала организоваться реакція. Связь ирландцевъ съ побѣдоносной Франціей и ужасы французской революціи заставили массу ирландскаго духовенства отстать отъ движенія, и страшный призракъ республики произвелъ расколъ даже въ самой средѣ соединенныхъ ирландцевъ, часть которыхъ тоже отдѣлилась отъ общаго дѣла. Въ 1793 году духовенство, высшіе классы Ирландіи и виги, съ Гратtаномъ во главѣ, уже открыто дѣйствовали противъ всеобщей подачи голосовъ и другихъ принциповъ французской революціи, противъ которой въ англійскомъ парламентѣ гремѣлъ великій ирландецъ, Беркъ, теперь уже старый и подкупленный для роли офиціальнаго оратора. Поворотъ мнѣній совершался быстро и достигъ высшей степени въ обществахъ оранжистовъ, которые, будучи противниками всякихъ реформъ, хотѣли держать островъ подъ исключительнымъ владычествомъ протестантской аристократіи и англиканской церкви. Они убивали и изгоняли католиковъ, сожигали ихъ жилища, опустошали цѣлыя католическія графства; католики отплачивали имъ той-же монетой. Въ 1796 году Ирландія была объявлена на военномъ положеніи; жителей велѣно обезоружить, продажу оружія запретить, военныя организаціи, въ родѣ соединенныхъ ирландцевъ, распустить, клубы закрыть, митинговъ и собраній для обсужденія политическихъ дѣлъ не допускать. Вольфъ Тонъ, по порученію соединен-

ныхъ ирландцевъ, постарался ускорить помощь французовъ, но три экспедиціи послѣднихъ въ 1796 и 1798 годахъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не удались, и возставшіе въ 1798 году ирландцы не могли получить отъ нихъ никакой помощи. Мятежники не имѣли ни систематическаго плана, ни даже единства цѣли, такъ-какъ одни изъ нихъ стремились къ реформѣ, другіе къ революціи; пресвитеріане бились за республику, а католики за религіозную свободу. Послѣ многолѣтней ненависти другъ къ другу двухъ враждебныхъ партій и послѣ столкновенія ихъ начались жестокости съ той и другой стороны. Въ Вексвордѣ, напр., возставшіе католики, овладѣвъ городомъ, начали ужасную рѣзню протестантовъ. Изъ толпы тотчасъ образовался трибуналъ, который, засѣдая на вексфордскомъ мосту, рѣшалъ вопросъ о жизни или смерти своихъ враговъ. Всѣ осужденные немедленно бросались въ рѣку. Это возстаніе и его усмиреніе стоили 70,000 человѣческихъ жизней. Вся страна была раззорена и повергнута въ ужасъ католическимъ терроромъ. „Умы, писалъ лордъ Корнуэльсъ,—находятся теперь въ такомъ состояніи, что ничто, кромѣ крови, не можетъ удовлетворить ихъ. Даже за моимъ столомъ, несмотря на мое нерасположеніе къ этому, только и разговора, что о вѣшаніи, разстрѣливаніи, сожженіи и т. д.; вѣсть объ убійствѣ какого-нибудь пастора производитъ величайшую радость во всѣхъ собесѣдникахъ". Въ самое короткое время было казнено двѣсти мятежниковъ; но это были первыя жертвы, только усиливавшія чувство мести *). Арестованныхъ

---

*) Предводитель возстанія, Вольфъ Тонъ, былъ также приговоренъ къ смерти, но зарѣзался въ тюрьмѣ. Не задолго передъ этимъ, взятый въ плѣнъ на французскомъ кораблѣ, онъ былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смертной казни, которая должна была совершиться немедленно. Замѣчательно, что президентъ дублинскаго королевскаго суда, лордъ Кильварденъ, среди всеобщаго волненія сохранилъ то чувство формальной справедливости, которымъ вообще отличаются англійскіе судьи. Вина Тона была очевидна и онъ подле-

подвергали ужаснымъ пыткамъ, чтобы вынудить сознаніе. Независимо отъ казней, тюрьмы были переполнены осужденными, а на площадяхъ наказывали плетьми другихъ осужденныхъ. Англійская армія раззорила страну, истребила всѣ жатвы, подвергла Ирландію двухлѣтнему голоду и нанесла ей убытку болѣе, чѣмъ на 20,000,000 рублей. Англія-же принуждена была содержать въ Ирландіи регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ 111,209 человѣкъ, которые ежегодно стоили ей около 32,000,000 рублей.

Около ста лѣтъ до этихъ событій англійское правительство лелѣяло мысль объ уничтоженіи ирландскаго парламента и о полномъ присоединеніи Ирландіи къ Англіи. Но въ обыкновенное, относительно мирное время, осуществленіе этого плана было невозможно; теперь-же, когда страна, послѣ возстанія 1798 года, была раззорена и подавлена, серьезнаго сопротивленія присоединенію не предвидѣлось. Пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы подготовить успѣхъ биллю. Подкупленные адвокаты писали брошюры въ пользу союза; католиковъ соблазняли обѣщаніемъ эманципаціи, протестантамъ сулили расширеніе и поддержку привилегій господствующей церкви, раздавали должности, сыпали деньгами, возводили въ пэры. Всей этой махинаціей заправлялъ талантливый лордъ канцлеръ, Фицгиббонъ, который въ ирландскомъ парламентѣ открыто защищалъ систему подкупа, а въ англійскомъ—пыт-

жалъ за нее смертной казни, но военный судъ не могъ судить его. Знаменитый патріотъ и адвокатъ Курранъ, узнавъ объ этомъ, является въ засѣданіе королевскаго суда и проситъ лорда Кильвардена объ освобожденіи незаконно осужденнаго Тона. Лордъ приказываетъ изготовить *habeas corpus*, но вслѣдствіе замѣчанія Куррана, что, пока готовятъ этотъ актъ, Тона могутъ казнить, лордъ посылаетъ шерифа съ словеснымъ приказаніемъ главному военному судьѣ отсрочить казнь. Когда шерифъ вернулся и сказалъ: «судья говоритъ, что онъ можетъ повиноваться только маіору, а маіоръ—лорду Корнуэльсу», лордъ Кильварденъ всталъ и величественно воскликнулъ: «г. шерифъ, возьмите Вольфа Тона, арестуйте судью, арестуйте маіора и передайте генералу это распоряженіе!» Приказаніе было исполнено.

ки мятежниковъ 1798 года. Билль былъ внесенъ въ парламентъ въ 1799 г., но былъ отвергнутъ большинствомъ 109 противъ 104 голосовъ. Начались новые хлопоты, чтобы провести его въ слѣдующемъ году. Членамъ парламента было роздано подкупныхъ денегъ 1,500,000 ф. ст.; на подкупы при выборахъ истрачено 1,275,000 ф. ст.; каждому изъ богатыхъ собственниковъ, заправлявшихъ выборами въ гнилыхъ мѣстечкахъ, было дано по 15,000, что составляло 1,260,000 фун. ст.; дворянскіе титуты, епископскіе жезлы и пребенды, пенсіи и синекюры, производства въ чины по арміи и флоту сыпались, какъ дождь. Лѣтомъ 1800 года билль былъ снова внесенъ въ парламентъ, который получилъ въ пользу его петиціи съ 7,000 подписей, а противъ него съ 700,000 подписей. Въ народѣ было возбуждено страшное негодованіе, а въ парламентѣ началась борьба на жизнь и на смерть. Палата общинъ, въ полномъ своемъ собраніи и биткомъ набитая, представляла одно изъ самыхъ величественныхъ зрѣлищъ, когда противъ подкупленнаго большинства честное и талантливое меньшинство начало отчаянную борьбу за независимость Ирландіи, когда растворились ея двери и серьезно больной Граттанъ былъ введенъ подъ руки двумя своими друзьями. Величіе дѣла оживило его; онъ не могъ стоять на ногахъ, говорилъ сидя, но говорилъ съ своимъ обычнымъ жаромъ и силою. Рѣчь его длилась болѣе часа. „Вещь, которую хочетъ купить министерство, не можетъ быть продана: это—свобода цѣлой страны“, сказалъ онъ въ заключеніе. Когда онъ кончилъ, то всѣ его друзья чувствовали, что если-бы Ирландію можно было спасти краснорѣчіемъ, то Граттанъ спасъ-бы ее. Но скоро всѣ надежды патріотовъ рушились. Они увидѣли, что союзъ неизбѣженъ, но все-таки не падали духомъ. „Я знаю, говорилъ Гульдъ,—что министры будутъ имѣть успѣхъ, но я уйду отсюда не съ разбитымъ сердцемъ, ибо знаю, что правда, въ концѣ-концовъ, восторжествуетъ. Народъ долженъ теперь покориться, потому что невозможно сопротивляться

ста-двадцати-тысячной арміи; но наступитъ время, когда, какъ въ 1782 году, Англія будетъ слаба, а Ирландія достаточно сильна, чтобы возвратить себѣ свою свободу". „Конституція можетъ быть потеряна, снова говорилъ Граттанъ,—но характеръ народа не можетъ быть потерянъ. Министры короны увидятъ, наконецъ, что не такъ легко навсегда повергнуть ницъ древнюю и достославную націю посредствомъ государственнаго искуства, хотя и великаго, или посредствомъ развращенія, хотя и непобѣдимаго. Идея независимости возродится снова и съ удвоеннымъ жаромъ воодушевитъ страну. Законность—благородное, справедливое, плодотворное начало, но въ нашей странѣ законность, отдѣленная отъ свободы, не законность, а развращеніе. Союзъ—мудрая и основательная политическая мѣра; но союзъ безъ ирландскаго парламента есть союзъ безъ своего собственнаго принципа, безъ одинаковости положеній, есть нововведеніе, опасность, порабощеніе, а не союзъ. Сліяніе — солидное государственное начало, необходимое для сохраненія свободы и британской имперіи; но безъ союза сердецъ, съ отдѣльнымъ управленіемъ и безъ отдѣльнаго парламента, сліяніе есть разрушеніе, безчестіе, покореніе, а не сліяніе. Но я все-таки не отчаяваюсь въ своей странѣ. Я вижу ее въ обморокѣ, но она не умерла. Хотя она и лежитъ въ гробѣ безпомощная и недвижимая, но на устахъ ея замѣтенъ духъ жизни, а на щекахъ — румянецъ красоты... И я останусь при ней съ вѣрою въ ея счастіе, съ вѣрою въ ея независимость, съ вѣрою въ нее, павшую!" Билль былъ принятъ большинствомъ 118 голосовъ противъ 73. Когда, послѣ голосованія, вице-король, лордъ Кастльри, предложилъ палатѣ дать обычное постановленіе о выполненіи билля, одинъ членъ воскликнулъ: „что касается меня, то я требую, чтобы билль былъ сожженъ!", на что другой депутатъ отвѣтилъ: „да, и сожженъ рукою палача!" Въ англійскомъ парламентѣ противъ билля безуспѣшно боролись Шериданъ, а въ верхней палатѣ лордъ Байронъ, назвавшій присоединеніе Ирландіи „сою-

зомъ акулы съ своей жертвой“. Но всякое сопротивленіе было напрасно, и 1 августа утвержденный королемъ билль сдѣлался закономъ; „Ирландія была продана“, говорилъ народъ. Національный долгъ Ирландіи, составлявшій передъ союзомъ только 5 1/2 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, уже въ 1801 г. возросъ до 23,000,000!

Союзъ повергъ всю страну на нѣкоторое время въ безсильное отчаяніе. Только часть уцѣлѣвшихъ отъ погрома 1798 г. соединенныхъ ирландцевъ, подъ руководствомъ Роберта Эммета, составила обширный заговоръ, чтобы возстать одновременно съ условленною высадкою французовъ въ августѣ 1803 года. Нѣсколько сотъ заговорщиковъ, съ Эмметомъ во главѣ, должны были овладѣть дублинскою цитаделью и тѣмъ дать сигналъ къ общему возстанію. Но они потерпѣли рѣшительную неудачу, вслѣдствіе чего масса не поднялась, а Эмметъ и генералъ Россель сложили свои головы на эшафотѣ.

VI.

Въ XVIII вѣкѣ, благодаря реформамъ и сильному интеллектуальному движенію, положеніе Ирландіи нѣсколько улучшилось; пища и вообще жизнь земледѣльца совершенствовались и народонаселеніе стало быстро увеличиваться. Въ 1712 г. въ Ирландіи было 2,000,000 жителей, число которыхъ возрастало очень медленно до 1767 г. (2,554,276 человѣкъ), но съ этого года разноженіе пошло быстро и въ 1791 г. было уже 4,206,612 жителей. Распространеніе образованія, уничтоженіе деморализующаго вліянія уголовныхъ законовъ, дарованіе избирательныхъ правъ католикамъ, парламентская школа политическаго образованія, театръ, столь популярный въ Ирландіи XVIII в., нѣсколько писателей и великихъ ораторовъ, — все это содѣйствовало умственному развитію высшихъ и среднихъ классовъ общества. Союзъ съ Англіей утвер-

дилъ въ Ирландіи всѣ политическія права и учрежденія конституціонной страны,—независимость судей, судъ присяжныхъ, отвѣтственность чиновниковъ передъ судебной властью, право петицій, право сходокъ, неприкосновенность личности, прессы, ученія и т. д. Союзъ съ Англіей далъ сильный толчекъ развитію промышленности и торговли. Проложены новыя дороги, земледѣліе улучшилось, одежда, пища и жилища народа тоже стали получше, а доходы его съ 475,732 ф. въ 1800 г. поднялись въ 1829 г. уже до 1,979,780 ф. ст. Торговля съ Англіей развивалась такъ:

	въ 1801 г.	въ 1830 г.
привезено въ Ирландію на	3,270,350	7,048,963 ф. ст.,
вывезено	3,537,725	8,531,355 ф. ст.

Въ частности привезено изъ Англіи:

	въ 1801 г.	въ 1825 г.
бумажныхъ тканей	44,314	4,996,885 ярдовъ.
шерсти.	147,028	1,112,774 фунт.,
угля	315,345	738,453 тоннъ.

Въ 1806 г. Ирландія вывезла 3,611,236 ярдовъ полотна. въ 1830 г. 7,947,413 ярдовъ.

Англичане любятъ хвастать этими цифрами и хвалиться благодѣяніями, которыми они осыпали Ирландію. „Какое-бы то ни было разумное требованіе ирландцевъ было выполняемо съ полною готовностью, говоритъ Джервисъ.—Но никакія уступки, никакія благодѣянія не могли привлечь сердецъ ирландскаго народа. Напрасно тратились громадныя суммы на сооруженіе дорогъ въ горныхъ мѣстностяхъ, на осушку болотъ, на улучшеніе жилищъ и канальнаго судоходства“.

Но могло-ли и быть иначе?

Англія не сдѣлала ничего, чтобы ослабить вѣковую ненависть ирландцевъ и заставить ихъ забыть прошлое. Упомянутый прогрессъ приносилъ пользу только Англіи да высшимъ классамъ Ирландіи, что-же касается массы народа, то, не-

смотря на нѣкоторыя наружныя улучшенія, положеніе ея постепенно ухудшалось. Система землевладѣнія, о которой мы будемъ говорить ниже, превратила ирландцевъ въ націю нищихъ, полунагихъ, невѣжественныхъ, голодныхъ, умиравшихъ съ голода. Страна имѣла земледѣльческій характеръ; въ ней вовсе не было средняго класса, а были только бѣдняки-плебеи да насажденная Англіей богатая и могущественная аристократія, которая большею частью не живетъ въ своихъ имѣніяхъ. „Ирландская аристократія, къ несчастію, никогда не боялась и никогда не надѣялась на подвластный ей народъ; опираясь на Англію, солдаты которой всегда были готовы къ ея услугамъ, она могла беззаботно предаваться произволу. Эта аристократія поддерживала въ Ирландіи на счетъ католиковъ англиканскую государственную церковь и, въ свою очередь, пользовалась поддержкою послѣдней. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Ирландіи считалось около 800,000 протестантовъ и для нихъ существовало 4 церковныхъ провинціи, 32 епархіи, 1,390 бенефицій и 2,450 приходовъ. Были цѣлыя епархіи, населенныя исключительно католиками, что, однакожь, не мѣшало содержать въ нихъ полный штатъ англиканскаго духовенства. Въ 151 протестантскомъ приходѣ не было ни одного протестанта. Получая свои должности какъ синекюры, англиканскіе духовные сплошь и рядомъ не жили въ мѣстахъ своего мнимаго служенія. Въ 1830 году изъ 1,305 бенефиціантовъ 377 не жили въ своихъ приходахъ, а въ 1835 году было 500 бенефицій, въ которыхъ не жили ни пасторы, ни викаріи. Кромѣ церковной десятины, взимавшейся съ ирландцевъ, это духовенство съ 1800 г. стало получать отъ парламента ежегодно 782,061 ф. ст. Оно накопляло громадныя богатства и вело самую роскошную жизнь. Архіепископъ получалъ въ годъ жалованья до 100,000 рублей, епископъ отъ 75,000 до 25,000 р. Въ качествѣ аристократіи, это духовенство оказывало громадное вліяніе на управленіе страной, и множество принадлежавшихъ къ нему

лицъ занимало въ то-же время такія важныя должности, какъ, напр., мировыхъ судей. Въ рукахъ-же духовенства сосредоточивалось все народное образованіе, и ирландцы попрежнему должны были или оставаться невѣждами, или-же учиться въ протестантскихъ школахъ. Дублинскій университетъ существовалъ для протестантовъ и болѣе походилъ на духовную академію, чѣмъ на университетъ. Основанныя въ 1733 году мірскія школы для католиковъ сдѣлались орудіемъ протестантской пропаганды и потеряли всякую популярность. Съ 1733 по 1824 годъ изъ этихъ школъ вышло только 12,745 дѣтей, воспитаніе которыхъ стоило, однакожъ, 1,612,100 ф. ст.! Дѣти здѣсь не учились даже читать, а работали на своихъ учителей, которые обходились съ ними съ варварскою жестокостью. И за все это несчастные ирландскіе католики должны были содержать господствующую церковь, которая не имѣла никакихъ успѣховъ даже въ своей собственной миссіи, такъ-какъ въ 1672 году протестанты относились къ католикамъ какъ 3:7, а въ XIX вѣкѣ уже какъ 3:12. Англиканская церковная десятина, непопулярная даже между протестантами, возбуждала въ ирландскихъ католикахъ страшную ненависть и была причиною постоянныхъ мятежей. Большею частію ее приходилось взыскивать посредствомъ силы. Ирландцы съ примѣрнымъ упорствомъ защищались отъ десятины, вели тяжбы по всѣмъ инстанціямъ и часто издерживали на процессы гораздо больше, чѣмъ числилось на нихъ церковной недоимки. Судъ, конечно, никогда не рѣшалъ въ пользу должника. „Истецъ распоряжался захватить скотъ его, говоритъ Бомонъ,—но его не находятъ; онъ спрятанъ еще вчера. При помощи усиленныхъ розысковъ скотъ открываютъ; тогда собирается народъ и прогоняетъ сборщиковъ. Требуютъ полицейскую команду; но едва только она вступаетъ въ путь туда, куда ее звали, какъ сигналы на горахъ, условныя восклицанія, звуки пастушьихъ роговъ даютъ знать всей окрестности о приближеніи военной силы; эти звуки раскаты-

ваются всюду эхомъ, всѣ деревни въ движенiи, хижины волнуются; каждому извѣстенъ сборный пунктъ. Туда бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, собираются, толкуютъ, совѣтуются, поощряютъ другъ друга къ сопротивленiю; гудитъ набатъ; констэбли приближаются. Они пришли и съ ихъ помощью судебные пристава, наконецъ, овладѣваютъ добычей. Но пока они описываютъ захваченные предметы, народъ воспламеняется; жалѣютъ несчастнаго, который подвергся этой конфискацiи; семья плачетъ, жена и дѣти ухватываются за предметы, забранные полицiей; слышится громкiй говоръ о томъ, что причиною всѣхъ этихъ строгостей, этого несчастiя, этого горя служитъ протестантское духовное лицо, богатѣющее на счетъ бѣднаго католическаго народа; раздаются крики ужаса; негодованiе и гнѣвъ усиливаются, слышится страшный ропотъ народной мести; буря быстро приближается. И вотъ, въ одно мгновенiе агенты власти осыпаны градомъ ругательствъ, угрозъ, ударовъ... Тогда протестантскiй пасторъ, онъ-же и мѣстный мировой судья, появляется на сценѣ, читаетъ народу законъ о бунтахъ (the riot act) и приказываетъ констэблямъ стрѣлять въ народъ. Ему повинуются. Съ этого момента ярость толпы уже не знаетъ предѣловъ. Народъ, который считаютъ обезсиленнымъ и подавленнымъ, потому что онъ обезоруженъ, находитъ все-таки на землѣ, попираемой его ногами, оружiе, достаточно сильное, чтобы нанести вредъ непрiятелю. Послѣ кратковременной свалки половина констэблей остается на мѣстѣ, убитая ударами камней, а другая половина ретируется, оставляя толпу, опьянѣвшую отъ успѣха и отъ своей кровавой побѣды". Иногда даже военными командами невозможно было собрать десятины. Въ 1831 году за католиками было церковной недоимки 104,000 ф. ст., и изъ этой суммы, послѣ многихъ побоищъ и кровопролитiя, правительство могло взыскать только 12,000, истративъ на это взысканiе 15,000 ф. ст.! Иногда конфискуемые предметы католики отдавали безъ сопротивленiя, но ихъ никто

не покупалъ съ аукціона, а если кто изрѣдка осмѣливался купить, того убивали. Начали отправлять конфискованное въ Дублинъ, но его отбивали на дорогѣ. Начали эти поѣзды конвоировать войсками, вещи довозились до Дублина, но и здѣсь не находили ни одного покупателя. Тогда прибѣгли къ послѣднему средству: стали конфискованное имущество отправлять моремъ въ Англію; но и въ Ливерпулѣ ни одинъ англичанинъ не рисковалъ такой покупкой.

За исключеніемъ сѣвера Ирландіи, гдѣ народонаселеніе состоитъ изъ двухъ почти равныхъ половинъ, протестантской и католической, гдѣ народъ, какъ увидимъ ниже, относительно благоденствуетъ и распадется не на очень враждебные одинъ другому слои,—вся остальная Ирландія послѣ присоединенія, какъ и до него, представляла собою сплошной контрастъ протестантскаго богатства и католическаго нищенства. Масса землевладѣльцевъ состояла изъ протестантовъ, масса-же несчастныхъ земледѣльцевъ была католическая. Хотя уголовные законы были уничтожены, хотя католики получили избирательныя права, но ихъ безправность далеко еще не была изглажена и Ирландія продолжала существовать для протестантской аристократіи. Она имѣла въ парламентѣ только представителей протестантскихъ интересовъ, и обѣщаніе эманципаціи, данное католикамъ за поддержку союза, не было выполнено. Въ Дублинѣ сидѣлъ протестантскій вице-король, окруженный царскою пышностью и поддерживавшій интересы той ирландской аристократіи, которая продала страну Англіи и втеченіи столѣтій управляла ею на основаніи легальной фикціи, что *въ Ирландіи нѣтъ католиковъ*. Всѣ полицейскія и судебныя мѣста были заняты протестантами; католиковъ старались не допускать даже въ составъ присяжныхъ и рѣдко дозволяли имъ поступать въ корпорацію адвокатовъ. Судьи, присяжные, адвокаты большею частію были чужды подсудимымъ и по языку, и по національности, и по вѣрѣ, и по общественному положенію. Судебный процессъ поэтому пред-

ставлялъ собою зрѣлище двухъ враждебныхъ лагерей — судей и подсудимаго; народъ всегда принималъ сторону послѣдняго, а судъ опирался на сочувствіе аристократіи, солдатъ и констэблей. Народъ питалъ ярую ненависть и къ суду, и къ закону, и къ ихъ представителямъ, которые не могли ни ограждать своей личной безопасности, ни исполнять своихъ постановленій безъ помощи вооруженной силы. Внутреннее самоуправленіе страны имѣло такой-же характеръ, какъ и судъ. Вотъ, напр., большое жюри, которое рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду малаго жюри, управляетъ графствомъ и облагаетъ его налогами; члены его назначались шерифомъ изъ мѣстной аристократіи и служили интересамъ только протестантскихъ собственниковъ, взваливая на католиковъ всю тяжесть налоговъ и совершая такія злоупотребленія, которыя вошли въ Англіи въ пословицу. Тотъ-же принципъ господствовалъ и въ городскихъ корпораціяхъ, имѣвшихъ свою верхнюю палату (board of aldermen) изъ болѣе крупныхъ и нижнюю (common council) изъ менѣе крупныхъ протестантскихъ собственниковъ. Члены этихъ городскихъ олигархическихъ управленій доходили до того, что избирали другъ друга, назначали себѣ преемниковъ, продавали сами себѣ городскія земли, присвоивали себѣ городскую казну. Католики почти вовсе не допускались въ эти корпораціи, олигархическая малочисленность которыхъ доходила до того, что въ богатомъ и многолюдномъ Бельфастѣ городская корпорація состояла изъ 15 человѣкъ, подъ властью которыхъ находилось все остальное городское народонаселеніе. Тотъ-же олигархическій протестантскій характеръ носили и приходскія общины.

Такимъ образомъ, все существовало для протестантовъ, которые хотя и распадались на нѣсколько партій, но католики ко всѣмъ имъ относились болѣе или менѣе враждебно. Партія оранжистовъ, желавшая такого-же господства протестантовъ, какое существовало въ XVII в., состояла изъ людей крайне отсталыхъ, неостанавливавшихся ни передъ преступленіемъ, ни передъ

заговоромъ, и, въ случаѣ своего успѣла, не замедлила-бы подвергнуть Ирландію всѣмъ ужасамъ средневѣковыхъ религіозныхъ гоненій. Партія торіевъ стояла за сохраненіе statu quo и противъ эманципаціи католиковъ; въ составъ ея входили высшая аристократія и англиканское духовенство. Партія виговъ, въ родѣ Граттана и волонтеровъ, стремилась къ полной конституціонной свободѣ въ англійскомъ духѣ и къ религіозной равноправности. Наконецъ, радикальная партія,—пресвитеріане, остатки соединенныхъ ирландцевъ, часть мелкихъ фермеровъ,—сливалась съ ирландской демократической партіей и не меньше католиковъ была виновна въ аграрныхъ преступленіяхъ. Несмотря, однакожь, на то, что нѣкоторыя протестантскія партіи имѣли много общаго съ католиками, между послѣдними и протестантами продолжались вообще старая вражда и прежняя раздѣльность, доходившія до матеріяльной осязательности. Гостинницы, митинги, балы, обѣды, даже дороги, каналы и рѣки,—все раздѣлялось на протестантское и католическое. Между завоевателями и побѣжденными существовала пропасть, и послѣдніе, какъ всегда бываетъ съ народомъ въ ихъ положеніи, составляли прежде всего одну, національную партію, которая заботилась лишь о томъ, чтобы „Ирландія принадлежала ирландцамъ и управлялась согласно съ ирландскими идеями". Но въ этой, по наружности единой партіи существовали такія-же фракціи, какъ и между протестантами, — фракціи, которыя не замедлили-бы стать во враждебныя отношенія другъ къ другу тотчасъ-же по достиженіи общей національной цѣли. Старое туземное дворянство (old stock), воспитанное въ англійскомъ духѣ, стремилось къ самостоятельности и ненавидѣло протестантовъ, желая занять мѣсто и вступить въ права англійскихъ землевладѣльцевъ. Даже въ это время католическіе лэндлорды относились къ народу не лучше протестантскихъ. Католическая буржуазія, начавшая развиваться послѣ отмѣны уголовныхъ законовъ, энергически боровшаяся за свободу торговли и промышленности

и за эманципацію католиковъ, — стояла ближе къ народу, чѣмъ old stock, хотя и не имѣла на массу сильнаго вліянія. Силы этой буржуазіи и стараго дворянства были ничтожны сравнительно съ силами народной партіи, обнимавшей всю массу націи. Впродолженіи цѣлыхъ семи столѣтій народъ находилъ единственную нравственную опору и утѣшеніе въ своей церкви и ея духовенствѣ, которое пріобрѣло абсолютную власть надъ умами его. Въ другихъ странахъ католическое духовенство, имѣвшее одни интересы съ высшими классами, относилось къ народу свысока и католическое иго было самымъ невыносимымъ. Въ Ирландіи-же духовенство было гонимо высшими классами, оно страдало вмѣстѣ съ народомъ, жило на счетъ народа и интересы церкви сливались съ интересами народной массы. Хотя, какъ увидимъ ниже, вліяніе духовенства оказалось рѣшительною помѣхою умственному развитію націи, но въ настоящее время мы обращаемъ вниманіе только на то, что духовенство поддерживало демократическій характеръ страны, было единственною властью, которую признавалъ и любилъ народъ и которая, руководя имъ, всегда соображалась съ его существенными интересами, покорялась его стремленіямъ, старалась быть демократическою. Духовенство принимало самое дѣятельное участіе въ политической жизни народа, руководило выборами, политическими обществами, устраивало манифестаціи, предписывало сопротивленіе сборщикамъ протестантской десятины, возбуждало народныя страсти и, въ случаѣ надобности, усмиряло ихъ однимъ своимъ словомъ. Въ сущности, Ирландія была завоеванной, но постоянно волнующейся страной, верховное управленіе которой сосредоточивалось въ левитскомъ сенатѣ.

VII.

Въ такомъ положеніи былъ несчастный „зеленый островъ“ передъ той замѣчательной эпохой, исторія которой вполнѣ

слилась съ біографіей одного человѣка, имѣвшаго полное право сказать о себѣ: „Ирландія—это я“.

То былъ Даніель О'Коннель (родился 1775 г., умеръ 1847 г.), потомокъ древней ирландской фамиліи, игравшей немаловажную роль и извѣстной своими подвигами. То были не рыцарскіе подвиги континентальнаго барона, а отважныя предпріятія стариннаго ирландскаго аристократа, не походы въ Палестину для войны съ невѣрными, а борьба съ саксонскими завоевателями, не турниры, а контрабандная торговля, стычки съ таможенною стражей, участіе въ аграрныхъ преступленіяхъ. По странному совпаденію, гербъ этой фамиліи имѣлъ девизомъ «Oculus O'Connel Salus Hiberniae» (глазъ О'Коннеля—спасеніе Ирландіи), словно пророчество, которое вполнѣ сбылось, когда отъ этой фамиліи произошелъ тотъ, кого вся нація назвала своимъ освободителемъ... О'Коннель въ первый разъ выступилъ на общественное поприще въ роли адвоката. Когда парламентъ готовъ уже былъ продать Ирландію, когда задавленный народъ таилъ въ себѣ страшное негодованіе по поводу сдѣлки присоединенія, ирландскіе адвокаты собрались, подъ надзоромъ войска, въ зданіи дублинской биржи, чтобы протестовать противъ союза. Здѣсь-то О'Коннель произнесъ свою первую рѣчь, „содрагаясь отъ звуковъ своего собственнаго голоса“, какъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи. Въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности онъ уже составилъ программу, выполненію которой была посвящена вся его жизнь: пробудить энергію и политическое самосознаніе народа, добиться эманципаціи католиковъ, возстановить ирландскій парламентъ, уничтожить въ Ирландіи господствующую церковь, водворить полное религіозное равенство, совершить парламентскую реформу, ввести свободу торговли, всеобщую подачу голосовъ, тайную баллотировку, упразднить палату лордовъ. Для совершенія этого О'Коннель задумалъ приложить къ политикѣ силу католическаго духовенства, сдѣлать патеровъ правителями страны, а самому сдѣлаться

главою и руководителемъ патеровъ. Самъ О'Коннель былъ искреннимъ католикомъ, любилъ ирландскую церковь, считая ее ковчегомъ спасенія для своей націи, уважалъ духовенство, судьбы котораго были такъ тѣсно связаны съ судьбами народа. Но при всемъ томъ, въ немъ не было и тѣни католическаго ханжи. „Мы—ирландскіе католики, а не рабы Рима", говорилъ онъ; „сколько угодно обращайтесь въ Римъ за религіей, но отнюдь не за политикой". Самая трудная задача этого необыкновеннаго человѣка заключалась въ томъ, чтобы держать народъ въ состояніи конституціоннаго возбужденія до тѣхъ поръ, пока не будетъ выполнена его программа. Онъ хотѣлъ конституціонной войны, мира безъ малѣйшаго спокойствія, сопротивленія безъ насильственныхъ нарушеній закона. Онъ хотѣлъ сплотить всю націю въ одно общество, постоянно поддерживать ея грозное, взволнованное состояніе, но никогда не допускать до открытыхъ насильственныхъ столкновеній съ властью и учрежденіями, противъ которыхъ были направлены всѣ ея страсти. И О'Коннель выполнилъ эту повидимому-невыполнимую задачу; мало того, что, по выраженію новѣйшаго историка Англіи, „онъ съумѣлъ стать на самой границѣ государственной измѣны, не выходя изъ предѣловъ права", онъ еще съумѣлъ помѣстить на этой границѣ и удерживать на ней впродолженіи тридцати лѣтъ цѣлую націю. Одинъ изъ первыхъ законовѣдовъ и адвокатовъ своего времени, лучшій знатокъ своей страны и народа, О'Коннель былъ однимъ изъ величайшихъ ораторовъ новаго времени. „Онъ обладалъ голосомъ почти безпримѣрнаго совершенства, говоритъ Лекки.— Своими пріятными и мелодическими звуками онъ наполнялъ самую обширную аудиторію, передавая въ то-же время съ самою утонченною гибкостью малѣйшіе оттѣнки чувства". Онъ былъ одинаково силенъ какъ въ аргументаціи, такъ и въ способности дѣйствовать на чувство; его юморъ и остроуміе производили взрывы хохота, его сарказмы приводили слушателей въ бѣшенство, а чувствительность вызывала ры-

данія и слезы. Великій на трибунѣ адвоката и въ палатѣ общинъ, онъ былъ, однакожь, преимущественно народнымъ ораторомъ. „Десятки тысячъ слушателей, говоритъ тотъ-же авторъ,—были подъ полною властью его волшебнаго голоса, заливались слезами или помирали со смѣху, пылали самымъ нетерпѣливымъ энтузіазмомъ негодованія, но всегда были сдерживаемы въ извѣстныхъ границахъ, такъ что на этихъ многолюдныхъ собраніяхъ никогда не случалось ни мятежныхъ или незаконныхъ дѣйствій, ни пьянства, ни безпорядковъ. Геній его въ дѣлѣ контроля и управленія былъ еще болѣе великъ, чѣмъ въ дѣлѣ возбужденія. Не было струны въ сердцѣ человѣческомъ, на которой-бы не могъ играть онъ. Другіе ораторы изучали риторику, О'Коннель изучалъ человѣка". Идолъ народа, О'Коннель былъ страшилищемъ парламента, изящные джентльмены котораго въ особенности негодовали на рѣзкость его тона. Энергія и неутомимость О'Коннеля были изумительны: онъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ преніяхъ парламента, заправлялъ дѣлами и финансами учрежденнаго имъ патріотическаго общества, руководилъ выборами, искрещивалъ страну по всѣмъ направленіямъ, постоянно собиралъ митинги, сплошь и рядомъ говорилъ по нѣскольку рѣчей въ день, писалъ статьи въ газеты и т. д. Разсчитано, что втеченіи года не проходило ни одного дня, который не былъ-бы ознаменованъ рѣчью, газетной статьей, парламентскимъ преніемъ или письмомъ О'Коннеля. Правда, что съ такими громадными достоинствами въ немъ соединялись и крупные недостатки. Онъ любилъ свою власть надъ народомъ; получивъ хорошее воспитаніе во Франціи, онъ, однакожь, отличался грубостью, притворствомъ, невѣжливостью, способностью быстро переходить отъ самой приторной лести къ самой ожесточенной брани. Но почти всѣ эти недостатки были недостатками ирландскаго крестьянина и, аристократъ по происхожденію, О'Коннель съ этими недостатками былъ еще милѣе народу, чѣмъ былъ-бы

безъ нихъ. Народъ обожалъ его. На него были устремлены взоры всей Европы и ненависть враговъ равнялась обожанію его поклонниковъ. „Никогда, вѣроятно, не бывало человѣка, котораго-бы въ одно и то-же время такъ любили и такъ ненавидѣли, говоритъ Лекки,—и сомнительно, чтобы кто-нибудь другой изъ общественныхъ дѣятелей его времени былъ предметомъ столькихъ похвалъ и порицаній. Впрочемъ, послѣднихъ было гораздо больше. Впродолженіи многихъ лѣтъ вся англійская пресса и значительная часть ирландской не переставали нападать на него. Всѣ политическія партіи Англіи были соединены враждою къ нему, а въ парламентѣ онъ одинъ выносилъ всѣ нападки государственныхъ людей и ораторовъ, имѣвшихъ самыя различныя политическія мнѣнія". Не разъ эти столкновенія доходили до дуэлей. Въ 1815 г. О'Коннель убилъ на дуэли нѣкоего Д'Эстерре; въ томъ-же году ему сдѣлалъ вызовъ Пиль, но этотъ поединокъ успѣли разстроить. Въ числѣ враговъ О'Коннеля было множество сильныхъ и очень даровитыхъ личностей; но и между друзьями его были люди весьма способные и полезные ему. Таковы были замѣчательный ораторъ и политическій дѣятель Ричардъ Шиль, знаменитый проповѣдникъ и организаторъ обществъ трезвости патеръ Матью и задушевный другъ О'Коннеля Томъ Стиль, протестантъ, но завзятый ирландецъ, энтузіастъ, человѣкъ кроткій, умѣвшій добрымъ словомъ своимъ усмирять самую разъяренную толпу. Употребивъ свое состояніе на военную экспедицію противъ испанскихъ карлистовъ, Стиль прожилъ всю свою остальную жизнь бѣднякомъ около О'Коннеля, будучи его фактотумомъ, тѣлохранителемъ, посломъ, тѣнью, кучеромъ,—всѣмъ, чѣмъ угодно. Его любовь къ „руководителю и отцу отечества" была безгранична. „Если-бы О'Коннель сказалъ мнѣ, говоритъ онъ,— „сядь на мину, ее сейчасъ взорвутъ и ты потеряешь жизнь, но это нужно для блага Ирландіи", то я не замедлилъ-бы сдѣлать это".

Лишивъ Ирландію независимаго положенія, возбудивъ общее недовольство ея присоединеніемъ и не исполнивъ данныхъ обѣщаній относительно эманципаціи католиковъ, Англія, однакожъ, оставила Ирландіи всѣ средства для общественнаго развитія—свободу печати, сходокъ и ассоціацій, право петицій. Подавленіе мятежей 1798 и 1803 г., военное положеніе и отмѣна акта habeas corpus въ 1800, съ 1802 по 1805, съ 1807 по 1810, съ 1814 по 1817, съ 1822 по 1824 г. еще болѣе усиливали общее недовольство, проявленіями котораго они были вызываемы. Вопросъ объ эманципаціи католиковъ поднимался въ парламентѣ въ 1813, 1816, 1819, 1821, 1822, 1827 годахъ, но билли проваливались одинъ за другимъ, и это еще болѣе волновало умы ирландцевъ, которые настойчивѣе и настойчивѣе требовали эманципаціи, вмѣстѣ съ другими реформами, и даже расторженія (repeal) союза. Министры и парламентъ Англіи вели себя такъ, какъ-будто нарочно желали придать ирландскому движенію самое крайнее направленіе. „Желая расторженія союза, говоритъ О'Коннель въ 1813 г.,—я могу только радоваться, видя, какъ наши враги содѣйствуютъ достиженію этой великой цѣли. Да, они содѣйствуютъ неизбѣжному успѣху нашихъ желаній своею упорною враждою къ Ирландіи. Они оттягиваютъ эманципацію католиковъ, но щедро вознаграждаютъ насъ за это, подвигая впередъ дѣло возстановленія Ирландіи". Въ 1805 г. въ Ирландіи начали организоваться ассоціаціи расторженія союза. Въ 1806 г. снова начались аграрныя преступленія и мятежи противъ десятины. Въ то-же время положено начало и католической ассоціаціи, цѣлью которой было распространеніе религіознаго образованія и достиженіе эманципаціи мирными, легальными средствами—петиціями, митингами и т. д. Для подавленія мятежей въ Ирландіи введено было осадное положеніе (1807—1810, 1814—1817 гг.), а для обузданія агитаціи въ пользу равноправности католиковъ католическая ассоціація была объяв-

лена въ 1807 г. незаконною. Но она продолжала существовать и въ 1814 г. приняла названіе католическаго комитета, состоявшаго изъ католическихъ пэровъ, прелатовъ и выборныхъ представителей графствъ, по 10 отъ каждаго. Комитетъ тотчасъ-же былъ объявленъ незаконнымъ и принялъ названіе конвенціи. Въ 1814 г. запретили и конвенцію, но уже въ 1823 г. мы видимъ католическую ассоціацію въ полной силѣ. Парламентъ распустилъ ее въ 1825 г., но она тотчасъ-же организовалась вновь подъ именемъ національной ассоціаціи; потомъ она называлась всеобщей ассоціацией, обществомъ предшественниковъ и т. д. О'Коннель отлично умѣлъ пользоваться своей адвокатской изворотливостью и знаніемъ законовъ для того, чтобы, постоянно измѣняя организацію и названіе этого общества, избавлять его отъ прежнихъ запрещеній, относившихся къ нѣсколько другой организаціи и другому названію. Главнымъ организаторомъ этой ассоціаціи, обнимавшей весь народъ, былъ тотъ-же О'Коннель. Центральный комитетъ ассоціаціи, засѣдавшій открыто въ Дублинѣ и составленный изъ выборныхъ членовъ, регулярно собирался въ извѣстные сроки, обсуждалъ законы и правительственныя мѣры, велъ и обнародывалъ протоколы своихъ засѣданій, издавалъ постановленія, обязательныя для каждаго ирландца. Члены его избирались всеобщей подачей голосовъ и онъ былъ въ сущности настоящимъ парламентомъ. Когда правительство объявило его незаконнымъ, то каждое собраніе его стало облекаться въ легальную форму частнаго митинга. Ассоціація взимала съ ирландцевъ правильный налогъ на общее національное дѣло и имѣла своихъ сборщиковъ податей. Когда налогъ этотъ былъ запрещенъ, то его стали уплачивать въ формѣ частныхъ пожертвованій и собирать подъ видомъ частныхъ подписокъ. Кромѣ этого налога, ассоціація собирала еще національное жалованье О'Коннелю, которое онъ тратилъ и на свое содержаніе, и на общественныя дѣла, и которое въ разные годы составляло отъ 13,000

до 26,000 фун. стерл.; О'Коннель руководилъ этой ассоціаціей, а она управляла всей Ирландіей. Она оказывала и нравственную, и матерьяльную поддержку всѣмъ, кто не уплачивалъ десятины, въ особенности тѣмъ, кто, будучи въ состояніи уплатить ее, соглашался лучше идти въ тюрьму, чѣмъ платить. Нужно-ли было подать петицію въ парламентъ, подогрѣть энергію народнаго движенія, тотчасъ-же по волѣ ассоціаціи въ одинъ и тотъ-же часъ въ каждой баронін, въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ городѣ собирались митинги и дѣлали, что требовалось. Ассоціація при выборахъ составляла программы для кандидатовъ, рекомендовала ихъ народу, разъясняла ему его права и обязанности, нерѣдко запрещала на время выборовъ пьянство, и ни одной капли водки не было въ такихъ случаяхъ выпито на нихъ. Бѣдный ирландецъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за долги своему ландлорду, былъ освобожденъ имъ подъ условіемъ подать на выборахъ голосъ за торійскаго кандидата. Но когда онъ, поддавшись искушенію, явился въ избирательную залу, прибѣжала его жена и закричала ему: „опомнись, вспомни о своей душѣ и о свободѣ!“ Фермеръ подалъ голосъ по совѣсти и вернулся въ тюрьму. Ассоціація, въ своемъ торжественномъ засѣданіи, наградила его жену серебряною медалью, на которой были выбиты ея собственныя слова: „вспомни о своей душѣ и о свободѣ“. На однихъ выборахъ побитый кѣмъ-то ирландецъ жаловался другимъ, и на вопросъ: „почему ты не отвѣчалъ на удары ударами?“ — сказалъ: „да я думалъ, что это запрещено ассоціаціей“. Поддерживая „конституціонную инсуррекцію“ и руководя ею, ассоціація и О'Коннель всегда были врагами тайныхъ обществъ и аграрныхъ преступленій, противодѣйствуя имъ всѣми средствами, какими только удобно было дѣйствовать въ ихъ положеніи. „Совершающій преступленіе придаетъ силы врагу“, говоритъ О'Коннель. Дѣятельность ассоціаціи далеко не ограничивалась агитаторской сферой;

она основывала школы и благотворительныя заведенія, собирала налоги для нихъ, покровительствовала торговлѣ и промышленности и т. д.

Съ 1824 года ассоціація начала быстро рости и усиливаться, стремясь прежде всего къ равноправности католиковъ; для поддержки ея въ этомъ дѣлѣ организовались многочисленныя общества во Франціи, Германіи и Америкѣ. О'Коннель и Шиль носились по всей странѣ, воодушевляя народъ; всюду составлялись митинги, писались петиціи, агитировало духовенство. Въ 1828 г., когда вся Ирландія волновалась изъ конца въ конецъ, сдѣлалось вакантнымъ мѣсто депутата отъ графства Клэръ, и О'Коннель заявилъ себя кандидатомъ, къ общему изумленію всей Британіи, такъ-какъ, въ качествѣ католика, онъ не имѣлъ на это никакого права. Всѣ силы духовенства и ассоціаціи были пущены для поддержки его кандидатуры. Съ каждой церковной кафедры совѣтовали, убѣждали, умоляли католиковъ вотировать за „освободителя“, а несговорчивымъ угрожали анаѳемой и вѣчной погибелью душъ ихъ. О'Коннелевскіе агитаторы дѣлали то-же самое, хотя и въ другой формѣ. Стиль началъ свои операціи тѣмъ, что предложилъ дуэль каждому ландлорду, который вздумаетъ заправлять голосами своихъ фермеровъ. Съ другой стороны, вели не менѣе сильную агитацію ландлорды и протестанты; вся Англія волновалась „дерзостью“ католиковъ, пасторы проклинали ихъ, оранжисты разжигали религіозный фанатизмъ, Питтъ и Каннингъ пустили въ ходъ все свое вліяніе; но О'Коннель побѣдилъ, былъ выбранъ, и не явился въ парламентъ только потому, что онъ былъ почти пустъ, такъ-какъ сессія его кончалась. Ирландія торжествовала съ неописаннымъ восторгомъ свою первую побѣду, забитый народъ началъ сознавать свою силу и еще болѣе, чѣмъ прежде, обожать „освободителя“. О'Коннель постарался довесть этотъ энтузіазмъ до высшей степени. Въ 1829 г., во избѣжаніе междоусобной

войны, герцогъ Веллингтонъ внесъ билль объ эманципаціи католиковъ, который прошелъ въ парламентѣ не безъ борьбы, и сорока-шиллинговые арендаторы, поддержкѣ которыхъ, главнымъ образомъ, былъ обязанъ О'Коннель своимъ избраніемъ, были лишены права голоса. Эманципація далеко не удовлетворила ирландцевъ, которые были допущены въ парламентъ въ такомъ ограниченномъ числѣ, что не могли имѣть въ немъ никакого важнаго вліянія *). Они по-прежнему должны были содержать протестантскую церковь; въ городскихъ корпораціяхъ, графствахъ, приходахъ они по-прежнему оставались подъ давленіемъ протестантскаго меньшинства. Упраздненіе государственной церкви сдѣлалось вопросомъ дня; церковная десятина собиралась съ помощью штыковъ, но скоро и этимъ способомъ оказалось невозможнымъ собирать ее. За 1831 г. правительство вынуждено было выдать духовенству, вмѣсто несобранной десятины, 60,000 ф. ст., а въ слѣдующемъ году десятинная недоимка простиралась уже до 104,000 фунтовъ. Правительство рѣшилось само собирать ее, но оказалось, что издержки взиманія превышаютъ собранную сумму. Въ 1831 г. началось продолжительное возстаніе противъ десятины; убивали сборщиковъ, угрожали добровольнымъ плательщикамъ, сожигали фермы, истреб-

*) Въ верхней палатѣ:

Пэровъ Англіи.	391
» Шотландіи . .	28
» Ирландіи . . .	16

Нижняя палата:

	жителей.	избирателей.	депутатовъ.
Англія на . . .	15,000,000	771,840	500
Шотландія . . .	2,620,000	47,772	53
Ирландія	8,175,000	109,995	105

При пропорціональномъ равенствѣ должно было быть;

Въ Шотландіи . , ...	141,500	82
» Ирландія.	420,000	256

ляли пашни, избивали скотъ; въ 1832 г. подобныхъ преступленій было въ Ирландіи 9,000; однихъ только тайныхъ убійствъ было въ 1831 г. 247, въ 1832 г.—429, 1833 г.—387, 1834 г.—363; масса народа, средній классъ, даже часть аристократіи и все католическое духовенство участвовали въ движеніи. Военное положеніе 1833 и 1834 годовъ еще болѣе раздражало умы. Въ 1830 г. запрещенъ ввозъ оружія въ Ирландію, а въ 1834 г. запрещено имѣть его кому-бы то ни было безъ дозволенія властей. Всѣ старанія ирландцевъ уничтожить десятину и упразднить государственную церковь встрѣчали почти единодушный отпоръ въ средѣ англійскаго общества, въ которомъ быстро размножались ложи оранжистовъ, имѣвшія своимъ главою герцога кумберлэндскаго, брата короля, а своимъ девизомъ—„церковь въ опасности; долой папство!“ Въ Ирландіи оранжисты сплошь и рядомъ имѣли кровавыя столкновенія съ католиками, убивали даже дѣтей и женщинъ. Но ирландское волненіе все-таки было настолько сильно, что парламентъ вынужденъ былъ согласиться на нѣкоторыя уступки. Въ 1833 г. штаты господствующей церкви въ Ирландіи были сокращены, расходы уменьшены, многія должности упразднены,—тѣмъ дѣло и ограничилось. Доходы церкви все-таки простирались до 800,000 ф. ст.; одни только архіереи получали содержанія 60,000 ф. ст. и жили съ царскою роскошью. Вотъ какъ одинъ путешественникъ описываетъ обстановку бѣднѣйшаго изъ архіепископовъ, кашельскаго. „Его дворецъ окруженъ прелестными садами; здѣсь собрано все, что можетъ услаждать чувства; клумбы прекрасныхъ цвѣтовъ перемѣшаны съ самыми рѣдкими кустарниками; тамъ и здѣсь самыя разнообразныя растенія; далѣе—уединенныя рощицы, издающія всевозможныя благоуханія; еще далѣе—чудныя скалы, а на вершинѣ ихъ древнія величественныя руины посреди лавровъ, акацій и лилій. Сюда идетъ изъ садовъ секретный ходъ, по которому святой пастырь шествуетъ въ это величественное уединеніе, гдѣ онъ

размышляетъ о тлѣнности благъ міра сего". Вмѣсто упраздненія протестантской государственной церкви, англійское правительство хотѣло дать жалованье католическому духовенству Ирландіи, думая успокоить этимъ умы и разъединить духовенство съ народомъ. Но послѣдній возсталъ противъ этой мѣры, а духовенство съ достоинствомъ отказалось отъ такой сдѣлки. Между тѣмъ сборъ десятины сдѣлался совершенно невозможнымъ и въ 1838 г. она была замѣнена поземельнымъ налогомъ, который хотя и взимался не съ крестьянъ, а съ ландлордовъ, но послѣдніе-то все-таки выжимали его съ своихъ фермеровъ. Понятно, что подобныя полумѣры не могли успокоить народа, который былъ сильно фанатизированъ и началъ развиваться умственно. Въ 1800 г. въ ирландскихъ школахъ было 200,000, а въ 1824 г. 456,000 учениковъ. Развившаяся въ Англіи буржуазія не противодѣйствовала образованію народа и готова была даже помогать ему. Въ 1831 и 1832 гг. была введена новая система свѣтскихъ школъ, неимѣвшихъ никакого сектаторскаго духа; въ 1845 г. основаны для ирландцевъ три свѣтскихъ-же коллегіи; но даже эти вполнѣ цивилизаторскія предпріятія англійскаго правительства были встрѣчаемы католиками вполнѣ враждебно. Ирландское духовенство проклинало эти „безбожныя школы" и видѣло въ нихъ одну только прозелитскую затѣю протестантовъ, хотя то-же самое правительство основало мэйнутскую католическую духовную семинарію. Даже самъ О'Коннель былъ противъ этихъ школъ, какъ и противъ англійской системы благотворительности. Не будучи сторонникомъ коренной аграрной реформы, противодѣйствуя даже той ирландской партіи, которая стремилась къ ней, ставя на первомъ планѣ политическое возрожденіе своей страны, О'Коннель хлопоталъ о расширеніи благотворительной системы, о правительственномъ покровительствѣ эмиграціи народа, объ ограниченіи національнаго ирландскаго порока, пьянства, посредствомъ обществъ трезвости. Въ виду ужасной нищеты ирланд-

скаго народа, англичане въ тридцатыхъ годахъ открыли до сотни рабочихъ домовъ (workhouse) и ввели налогъ для бѣдныхъ. Но налогъ этотъ былъ принятъ, какъ новое отягощеніе. Начатая О'Коннелемъ въ 1838 г. агитація въ пользу церковной реформы не достигла своей цѣли, но за то хлопоты о реформѣ городскихъ общинъ увѣнчались успѣхомъ. Въ 1841 году англійская муниципальная реформа 1836 года была распространена на Ирландію; каждый городъ, имѣвшій болѣе 12,000 жителей, получилъ всѣ права самоуправленія и католики получили возможность занять въ городскихъ корпораціяхъ должное мѣсто. О'Коннель былъ выбранъ лордомъ-мэромъ города Дублина, совѣтъ котораго немедленно-же послалъ въ парламентъ петицію о расторженіи союза съ Англіей.

Агитація въ пользу расторженія союза началась за-долго до этого событія, и всѣ упомянутыя реформы были вынуждены у англійскаго парламента главнымъ образомъ этой агитаціей, которая не кончилась междоусобной войной только благодаря искуству и вліянію О'Коннеля. Мысль о расторженіи существовала еще до О'Коннеля, но онъ возвелъ ее въ политическій принципъ, онъ организовалъ „общество расторженія", онъ направилъ всѣ силы страны къ осуществленію своего завѣтнаго желанія видѣть Ирландію—

Великой, независимой и славной,
Первымъ цвѣткомъ на землѣ, лучшимъ перломъ морей *).

До О'Коннеля „расторженіе" увлекало собою только часть высшаго общества; онъ привилъ мысль о немъ массѣ всего народа, онъ воспользовался этою идеей, какъ средствомъ для политическаго и нравственнаго воспитанія народной массы. „Я понялъ, говоритъ онъ, — что такой раздѣленный народъ какъ ирландскій, не можетъ быть возрожденъ физическою

*) «Great, glorious and free,
First flower of the earth and first gem of the sea».

властью,—это можно сдѣлать только посредствомъ моральной силы. Я довелъ крестьянъ до нравственной организаціи и полагаюсь на нихъ и на ихъ духовныхъ вождей. Я горжусь ими, это лучшій народъ въ мірѣ. Они сдѣлались нравственными, интеллигентными, они отстали отъ пьянства". Мы уже видѣли на примѣрѣ католической ассоціаціи, какъ сильна была нравственная организація, о которой говоритъ О'Коннель. Еще сильнѣе проявилась она въ „обществѣ расторженія" (repeal society), образовавшемся въ тридцатыхъ годахъ и обнимавшемъ собою почти всю націю. Центромъ общества былъ Дублинъ; оно имѣло свой правильный налогъ, взимавшійся особыми „агентами расторженія" (repeal wardens); одинъ только Дублинъ уплачивалъ въ годъ до 9,000 ф. ст. этого налога. Всѣ силы, средства и формы католической ассоціаціи перешли въ это общество, обладавшее такой силой и такимъ превосходнымъ устройствомъ, что англичане, презиравшіе до тѣхъ поръ ирландцевъ, устроили по образцу его свою знаменитую лигу противъ хлѣбныхъ законовъ. Весной 1834 г. О'Коннель внесъ въ парламентъ билль расторженія и начались дебаты, продолжавшіеся девять ночей. Впродолженіи шести часовъ „освободитель" излагалъ исторію преступленій, совершенныхъ Англіей надъ его отечествомъ, и доказывалъ выгодность для обѣихъ странъ федеральнаго союза, съ отдѣльными парламентами, причемъ Ирландія сдѣлалась-бы вѣрнымъ другомъ Англіи „въ счастіи и несчастіи, переставъ быть ея позоромъ, ея слабостью, ея опасностью". Билль былъ, конечно, отвергнутъ подавляющимъ большинствомъ 485 голосовъ, но въ тоже время правительство сдѣлало заявленіе, что оно готовитъ для Ирландіи существенныя облегченія и реформы. О'Коннель убѣдилъ свою партію еще разъ испытать вѣрность обѣщаній и отложить агитацію расторженія на „шесть лѣтъ опыта" (6 years' experiment). Вмѣсто исполненія обѣщаній, какъ мы уже видѣли, въ Ирландіи только замѣнили церковную десятину поземельнымъ налогомъ въ пользу той-же церкви да ре-

формировали городскія корпораціи. О'Коннель-же крѣпко держалъ слово, рискуя потерять всю свою популярность, вооружался противъ тайныхъ обществъ. Шесть лѣтъ опыта прошли и О'Коннель тотчасъ возобновилъ дѣятельность общества расторженія въ 1840 г. Для вербовки членовъ этого общества и его организаціи онъ изъѣздилъ по Ирландіи болѣе 5,000 англійскихъ миль, и число членовъ ассоціаціи возросло до 3,700,000 человѣкъ. Вся Ирландія какъ-бы была покрыта сѣтью электрическихъ проволокъ, сосредоточивавшихся въ исполнительномъ совѣтѣ общества, въ Дублинѣ. „Зала этого совѣта, говоритъ современникъ,— длинная и низкая, была уставлена столами и скамьями. Вокругъ средняго стола сидѣли горячо разсуждающіе люди, а въ передней половинѣ комнаты—человѣкъ богатырскаго сложенія, въ шляпѣ съ широкими полями; за нимъ стояло зеленое знамя Ирландіи съ золотою надписью: „расторженіе“. На его усмотрѣніе предлагаются самые трудные вопросы; онъ рѣшаетъ недоразумѣнія, возникающія гдѣ-нибудь за сотни миль отъ него; ему передаются всѣ матеріялы для жалобъ, петицій и записокъ правительству. И онъ все рѣшаетъ съ волшебною быстротою, даетъ приказанія и совѣты, руководитъ всей страной, вноситъ систему въ движеніе, постоянно наблюдаетъ, чтобы никто не нарушалъ даже самаго маловажнаго закона. Никто не завидуетъ ему, потому что онъ стоитъ выше всякой конкуренціи“. Къ орудіямъ, бывшимъ до тѣхъ поръ въ рукахъ О'Коннеля, въ это время прибавилось еще новое — газеты. Въ каждомъ ирландскомъ городѣ, вездѣ, гдѣ жили ирландцы, въ Англіи, Шотландіи, Америкѣ общество расторженія имѣло свои печатные органы. Въ 1846 г. въ Ирландіи было 106 газетъ, и большая часть ихъ стояла за repeal, особенно „Нація“, основанная въ 1842 г., редакторъ которой, Деффи, вліялъ на народъ и своими статьями, и, еще болѣе, своими балладами, которыя съ 1845 по 1872 г. имѣли 38 изданій. Не менѣе популярны были и патріотическія баллады другого поэта, Де-

виса; это были ирландскія марсельезы. О'Коннель въ это время былъ на верху своей силы и славы, былъ, безспорно, первымъ человѣкомъ, на котораго устремлялись взоры всей Великобританіи. Ненависть къ нему англичанъ и особенно оранжистовъ была такъ велика, что нѣсколько разъ покушались на его жизнь, и О'Коннель выходилъ изъ дому не иначе, какъ съ конвоемъ волонтеровъ, которыхъ онъ называлъ своей полиціей. За то въ Ирландіи онъ достигъ безпредѣльнаго могущества. Народъ, лорды-мэры и мэры городовъ, муниципальныя корпораціи, духовенство—всѣ были за самостоятельность Ирландіи „подъ властью англійскаго государя, какъ короля Ирландіи, и съ ирландскимъ парламентомъ". О'Коннель составилъ уже проектъ выборовъ въ послѣдній и собиралъ деньги на постройку парламентскаго зданія. Монстръ-митинги 1844 года лучше всего выразили собою силу ирландскаго движенія. Не было ирландскаго графства, въ которомъ не собиралось-бы митинга. 13 марта былъ митингъ въ 30,000 человѣкъ въ Тримѣ, 14 мая въ 100,000 въ Мюллингарѣ, 16 августа въ 300,000 чел. въ десяти миляхъ отъ Тора, а наканунѣ, вокругъ священнаго историческими воспоминаніями торскаго холма, на которомъ нѣкогда короновались короли Ирландіи, собрался митингъ въ 1,200,000 человѣкъ! Эти митинги собирались обыкновенно по воскресеньямъ, утромъ, на открытомъ воздухѣ, на какомъ-нибудь холмѣ. На разсвѣтѣ здѣсь уже можно было видѣть безчисленную толпу, разбитую на отдѣльныя кучки, стоявшія на колѣняхъ вокругъ своихъ священниковъ; съ сотни простыхъ алтарей поднимался фиміамный дымъ и торжественная музыка мессы разносилась по вѣтру. О'Коннель стоялъ на платформѣ, окруженный духовенствомъ и приближеннѣйшими изъ своихъ послѣдователей. Передъ нимъ толпился безчисленный народъ, безъ всякаго шума, безпорядка, замѣшательства, организованный съ недосягаемымъ искусствомъ, проникнутый единодушнымъ энтузіазмомъ, управляемый умомъ одного человѣка. Правительство высылало на эти

митинги войска, но они не встрѣчали здѣсь и тѣни безпорядковъ; только разъ толпа нечаянно опрокинула балаганъ старой торговки пряниками. Народъ встрѣчалъ О'Коннеля съ величайшимъ энтузіазмомъ; ему кланялись всѣ, какъ королю; пѣли національный гимнъ (God save the king), въ которомъ слово *король* было замѣнено словомъ *О'Коннель;* женщины, встрѣчая его на дорогѣ, падали на колѣни и со слезами призывали благословеніе неба на освободителя Ирландіи.

3 октября 1843 г. былъ назначенъ у Клонтарфа, около Дублина, митингъ, который своей многочисленностью долженъ былъ превосходить всѣ предшествующіе. На этомъ митингѣ народъ Ирландіи долженъ былъ составить петицію королевѣ о расторженіи союза. Въ то-же время О'Коннель заявилъ, что онъ созоветъ въ Дублинѣ „совѣтъ трехсотъ", временной парламентъ, который, въ случаѣ отказа на петицію, приметъ на себя управленіе страной; а чтобы доказать способность Ирландіи къ самоуправленію, онъ учредилъ суды, тотчасъ пріобрѣвшіе общую популярность въ народѣ, который началъ обращаться съ своими дѣлами въ нихъ, а не въ королевскіе суды. Правительство узнало о митингѣ только наканунѣ, когда уже всѣ дороги были покрыты толпами, спѣшившими въ Клонтарфъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Предстояло столкновеніе войскъ съ народомъ, но О'Коннель убѣдилъ послѣдній покориться распоряженію и толпы мирно разошлись по домамъ. Парламентъ разрѣшилъ судебное преслѣдованіе О'Коннеля. О'Коннель, сынъ его и нѣсколько товарищей были арестованы и преданы суду, который собрался только для формы, съ единственнымъ намѣреніемъ обвинить во что-бы то ни стало. О'Коннеля приговорили къ годичному тюремному заключенію, къ штрафу въ 2,000 фунт. стерлинговъ и къ залогу въ 5,000 фунт., какъ гарантіи его хорошаго поведенія; его товарищи были приговорены къ девятимѣсячному заключенію, къ штрафу въ 50 и залогу въ 1,000 ф. съ каждаго. О'Коннель аппелировалъ въ палату лордовъ и

отправился въ тюрьму, передавъ президентство въ обществѣ расторженія знаменитому патріоту Смиту О'Бріену и увѣщевая ирландцевъ не нарушать спокойствія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его дѣло поступило на разсмотрѣніе палаты лордовъ, которую такъ оскорблялъ О'Коннель". Почти всѣ лорды были противъ О'Коннеля и никто не сомнѣвался, что его аппеляція будетъ отвергнута. Но, по обычаю верхней палаты, дѣло его, какъ юридическое, должно было обсуждаться не всѣми пэрами, а только тѣми изъ нихъ, которые были извѣстны, какъ знаменитые юристы; ихъ рѣшеніе остальные лорды должны были только утвердить и признать за рѣшеніе всей палаты. Дѣло разсматривали пять лордовъ, и трое изъ нихъ подали мнѣніе въ пользу О'Коннеля. Вышелъ громадный скандалъ: та-же самая палата, которая почти единогласно предала его суду, теперь оправдала его. Ирландія ликовала и волновалась до того, что угрожала возстаніемъ, но О'Коннель употребилъ все свое вліяніе, чтобы удержать ее отъ этой крайности. „Да, граждане, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—я сидѣлъ въ тюрьмѣ за васъ. Я страдалъ за отечество; я хотѣлъ-бы еще страдать... Объявляю вамъ, что примиреніе невозможно и что мы добьемся расторженія союза. Но я долженъ еще разъ предупредить васъ противъ страшныхъ послѣдствій тайныхъ обществъ. Смотрите на меня. Развѣ я работаю секретно для успѣховъ моего дѣла, этого великаго дѣла, которое также и ваше, и всего человѣчества? Нѣтъ, я работаю при дневномъ свѣтѣ, передъ лицомъ всевидящаго Бога, и нѣтъ ничего тайнаго въ моихъ дѣйствіяхъ. Дѣйствуйте и вы такъ". Одна ирландская деревня оказала сопротивленіе власти, и О'Коннель, въ наказаніе за это, велѣлъ исключить ее изъ общества расторженія. О'Коннель надѣялся достичь своихъ цѣлей совершенно мирными средствами, и, по выраженію Лекки, „если-бы во время его агитаціи началась война, если-бы онъ прожилъ долѣе десятью годами, если-бъ страшный голодъ не повергъ народа въ от-

чаяніе,—то кто можетъ утверждать, что его агитація не имѣла-бы успѣха?“

Впрочемъ, вскорѣ-же послѣ выхода изъ тюрьмы вліяніе О'Коннеля ослабѣло. Въ средѣ ирландцевъ впервые произошло серьезное раздѣленіе, благодаря развитію „молодой Ирландіи“, во главѣ которой стояли О'Бріенъ и Мегиръ, юноша съ великимъ ораторскимъ талантомъ. Молодые ирландцы были, въ противоположность О'Коннелю, свободны отъ вліянія католицизма и стремились къ цѣли не мирнымъ путемъ, котораго такъ строго держался О'Коннель, а путемъ открытаго сопротивленія. Въ то-же время нищета народа возрастала съ каждымъ днемъ, вызываемыя ею аграрныя преступленія усиливались, и, наконецъ, разразился надъ страной предсказанный О'Коннелемъ страшный голодъ 1846 г. Общество расторженія совершенно разстроилось, народъ пришелъ въ отчаяніе. О'Коннель палъ духомъ, былъ пораженъ страданіемъ мозга, поѣхалъ лечиться въ Италію и дорогою умеръ въ Генуѣ 15 мая 1847 г., 73 лѣтъ отъ роду. Каждый ирландецъ оплакивалъ его, какъ родного отца.

Хотя О'Коннель и не достигъ расторженія, но все-таки онъ принесъ неизмѣримую пользу Ирландіи, пробудивъ народъ и воспитавъ его для самостоятельной жизни, примиривъ съ его религіозностью чувство вѣротерпимости, развивъ въ немъ сознаніе собственной силы и достоинства и поставивъ въ этихъ отношеніяхъ нищихъ ирландцевъ впереди многихъ цивилизованныхъ націй. Черезъ годъ послѣ смерти О'Коннеля партія молодой Ирландіи, подъ предводительствомъ О'Бріена, взялась за оружіе и начала революцію во имя „земли и свободы“. И если это возстаніе не сдѣлалось поголовнымъ, то потому только, что страна была проникнута духомъ того, кого она называла отцомъ отечества. „Молодые ирландцы“, разошедшіеся съ О'Коннелемъ еще при его жизни, въ 1848 г., подъ вліяніемъ февральской революціи, отправили въ Парижъ О'Бріена съ другими депутатами просить времен-

ное правительство о помощи. Помощи этой они не получили, попытки увлечь „старую Ирландію“ не удались, вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, и все дѣло кончилось только незначительными вспышками.

VIII.

Экономическій прогрессъ Ирландіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія,—прогрессъ, которымъ гордятся англичане и о которомъ мы говорили выше, былъ крайне одностороненъ. Зло, посѣянное семью вѣками, оставило глубокіе слѣды. Лѣса давно уже истреблены въ Ирландіи; земля, которая принадлежала нѣкогда народу, владѣвшему ею на общинномъ правѣ, путемъ частыхъ конфискацій и наслѣдственной передачи перешла въ руки небольшого числа ландлордовъ англійскаго происхожденія. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Ирландіей владѣло только 8,000 собственниковъ, изъ которыхъ нѣсколькимъ сотнямъ человѣкъ принадлежало около $^2/_3$ всей ирландской земли. Между тѣмъ народу требовалось гораздо больше земли и онъ началъ подвергаться болѣе сильнымъ стѣсненіямъ въ пользованіи ею, чѣмъ прежде. Относительное замиреніе страны и разведеніе картофеля, который, по своей дешевизнѣ, сдѣлался національной пищей ирландцевъ, имѣли своимъ результатомъ быстрое размноженіе народа. Въ Ирландіи жителей было:

Въ 1672 г. . . .	1,320,000	1821 г. . . .	6,801,000
— 1706 „ . . .	2,309,000	1831 „ . . .	7,761,000
— 1792 „ . . .	4,088,000	1834 „ . . .	7,943,000
— 1811 „ . . .	5,937,000	1841 „ . . .	8,175,000

А такъ-какъ количество воздѣлываемой земли оставалось почти одно и то-же, то земля, по мѣрѣ размноженія народа, $^9/_{10}$ котораго жило исключительно земледѣльческимъ трудомъ,—земля неизбѣжно должна была все болѣе и болѣе раз-

дробляться на микроскопическіе участки. Чтобы увеличить доходность своихъ земель, ирландскіе ландлорды съ помощью англійскихъ издали законъ, воспрещавшій ввозъ чужестраннаго хлѣба (cornlaw). Законъ этотъ, поднявъ цѣны на хлѣбъ, увеличилъ доходы собственника, заставилъ земледѣльца питаться исключительно дешевымъ картофелемъ, а хлѣбъ сѣять только на продажу, для уплаты аренды. При этомъ масса нищихъ ирландцевъ могла снимать только самыя мелкія фермы, и вслѣдствіе усиленнаго спроса на нихъ, онѣ на 10 или 15% сдѣлались дороже крупныхъ. Хлѣбные законы довели Ирландію до ужаснаго состоянія. Высокія цѣны на хлѣбъ держались недолго и, странно сказать, хорошіе урожаи сдѣлались народнымъ бѣдствіемъ! Вслѣдствіе урожаевъ, цѣны на хлѣбъ падали такъ низко, что земледѣльцы не имѣли сбыта для своего хлѣба или-же продавали его такъ дешево, что не могли платить аренды. Произошелъ кризисъ 1815 г. Арендаторы не платили, откупщики, снимавшіе у ландлордовъ землю оптомъ, а потомъ раздававшіе ее отъ себя мелкими участками, раззорились и многіе изъ нихъ бѣжали; крупные землевладѣльцы понесли большіе убытки. Этотъ кризисъ повелъ за собой сильное и систематическое уменьшеніе количества пахотной земли. Ландлорды сочли выгоднымъ превратить пашни въ пастбища, чтобы откармливать на нихъ скотъ для англійскаго рынка. Для этого нужно было совершить *очистку* (clearing) помѣстій отъ фермеровъ, согнать ихъ съ земли, снести хижины и развести луга. Первый опытъ такой очистки en grand былъ сдѣланъ въ Ирландіи еще въ 1760 г., когда, въ видахъ выгодной продажи сыра и масла, начали сгонять фермеровъ и разводить вмѣсто нихъ скотъ. Затѣмъ, между 1815 и 1820 г., въ Шотландіи было очищено огромное имѣніе графини Сутерландъ, состоявшее изъ 400,000 гектаровъ земли. Разсказъ Сисмонди о томъ, какъ 15,000 жителей этого графства были согнаны съ своихъ земель, которыя потомъ превращены въ пастбища для барановъ,

взволновалъ всю Европу. Результаты этой операціи оказались чрезвычайно выгодными, и ту-же самую систему начали прилагать къ Ирландіи. Много помѣстій было очищено, но операція все-таки не могла достичь тѣхъ размѣровъ, въ какихъ ее предприняли ландлорды. Ирландцы оказали ей рѣшительное сопротивленіе; аграрныя преступленія увеличились. При всемъ томъ значительная часть земель была обращена въ пастбища, а оставшаяся подъ пашнями раздробилась еще на болѣе мелкіе участки, вслѣдствіе этой операціи и вслѣдствіе того, что народонаселеніе сильно прибывало. Чѣмъ бѣднѣе становился ирландскій народъ, тѣмъ сильнѣе плодился онъ. Человѣкъ, недошедшій до такого несчастнаго состоянія, хотя и бѣдный, напр. нѣмецкій крестьянинъ, прежде чѣмъ жениться, непремѣнно обзаводится чѣмъ-нибудь, хотя кроватью, столомъ да тремя парами бѣлья. Нищимъ-же ирландцамъ не на что было обзаводиться, они женились тотчасъ по достиженіи половой зрѣлости и обильно плодились. Съ размноженіемъ семейства, ферма разбивалась на мелкіе участки, которые отецъ раздавалъ своимъ сыновьямъ. Каждый изъ послѣднихъ владѣлъ четырьмя или пятью акрами вмѣсто двадцати, которые обрабатывалъ отецъ ихъ; вмѣсто одной хижины, на фермѣ стояло теперь нѣсколько жалкихъ мазанокъ. Каждый изъ этихъ сыновей точно также раздѣлялъ свой участокъ между своими дѣтьми, и это постепенное раздробленіе земли доходило до того, что каждое семейство жило обработкою клочка земли въ $1/_2$, $1/_4$, даже случалось—въ $1/_{16}$ акра!.. Въ 1784 г. ферма въ 208 акровъ была сдана одному арендатору, который раздробилъ ее между тремя своими сыновьями; а въ тридцатыхъ годахъ она была уже раздроблена между 26 родственными семействами. Земля въ 205 акровъ, отдававшаяся сначала двумъ фермерамъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія была уже раздѣлена на 422 участка! Такимъ образомъ, въ Ирландіи соединялись всѣ невыгоды обѣихъ крайностей—крупнаго землевладѣнія и мелкаго

фермерства. Нѣсколько милліоновъ акровъ земли оставались пустыми и необработанными, а между тѣмъ 5 ирландцевъ должны были жить воздѣлываньемъ того-же самаго количества земли, которое, при гораздо лучшей обработкѣ, кое-какъ удовлетворяло нужды только 2 англійскихъ земледѣльцевъ. Въ 1831 г. было:

	Земледѣльцевъ.	Акровъ обработанной земли.
Въ Великобританіи . .	1,055,982 . .	34,200,000
— Ирландіи	1,131,715 . .	14,600,000

Ландлорды попрежнему продолжали жить въ Англіи или заграницей, предоставляя свои имѣнія произволу управляющихъ. Независимо отъ другихъ причинъ, поддерживавшихъ абсентеизмъ, онъ объяснялся еще результатами системы, гибельными для самихъ землевладѣльцевъ. Жить въ Ирландіи имъ было трудно и опасно, и епископъ Дойль, просвѣщенный другъ Ирландіи, говорилъ: „я не осуждаю абсентеистовъ; я самъ сдѣлался-бы абсентеистомъ, если-бы было можно“. Отсутствующіе ландлорды вовсе не заботились объ улучшеніи своихъ имѣній, о которыхъ они знали только по наслышкѣ, и хлопотали только объ исправномъ полученіи арендной платы. Поэтому они сдавали свои земли на долгосрочный откупъ капиталистамъ (money lender), жившимъ также въ Англіи, а эти спекуляторы передавали ихъ, въ свою очередь, второстепеннымъ антрепренерамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *посредниковъ* (middllemen), которые раздавали ихъ уже мелкимъ фермерамъ, и послѣдніе, такимъ образомъ, кромѣ платы ландлорду, должны были еще уплачивать проценты откупщику-капиталисту, за выданныя имъ землевладѣльцу деньги, и барыши посреднику. Вдобавокъ ко всему, этихъ посредниковъ было по нѣскольку на каждой фермѣ. Землевладѣлецъ *А* сдавалъ свои 100 акровъ капиталисту *Б*, который отдавалъ ихъ посредникамъ *В* и *Г*, по 50 акровъ каждому, на 99 лѣтъ; *Г* отдавалъ свой участокъ *Д* и *Е*, на 31 годъ;

Е, въ свою очередь, пускалъ на землю фермеровъ *Ж*, *З* и *К*, срокомъ на 7 лѣтъ, а послѣдніе ежегодно дѣлили свои участки между толпою арендаторовъ самаго низшаго разряда, которые, кромѣ аренды дѣйствительному собственнику, доставляли еще доходы всѣмъ упомянутымъ посредникамъ. Какъ собственники, такъ и посредники заботились объ одномъ увеличеніи своихъ доходовъ и выжимали изъ земли все, что можно было выжать. Аренды страшно поднимались въ цѣнѣ, благодаря чрезвычайной конкурренціи бѣдныхъ фермеровъ. Такъ, одно имѣніе въ 1656 г. давало ренты 700 ф. ст., а въ 1840-хъ годахъ 43,000 ф. ст. Въ Фарнеѣ рента поднялась съ 8,000 до 46,395 ф. ст., которые уплачивали 41,107 человѣкъ, жившихъ на пространствѣ 24,938 десятинъ. Произвольно возвышаемыя и доведенныя до чрезмѣрности ренты получили въ Ирландіи энергическое названіе *rack rents*. „Rack rent, говоритъ Сисмонди,—обозначаетъ ренту, исторгаемую пыткой, и это названіе, невольно ужасающее насъ, очень выразительно: rack rent, дѣйствительно, плодъ пытки и зародышъ пытокъ“. Рента, увеличиваемая ландлордами и посредниками, увеличивалась еще болѣе злоупотребленіями управляющихъ или агентовъ. Трэнчъ въ своей превосходной, но плохо переведенной на русскій языкъ книгѣ разсказываетъ, какъ предшествовавшій ему агентъ, управлявшій фарнейскимъ имѣніемъ, „для ровнаго счета заставлялъ доплачивать все, чего не хватало до шиллинга, и если аренда была 6 ф. 10 ш. 2 пенса, онъ поднималъ ее до 6 ф. 11 ш.“. Народъ былъ доведенъ до отчаянія и требовалъ сбавки аренды. Тысячи фермеровъ, собравшись около замка, вызвали Трэнча и выразили ему свое желаніе. Трэнчъ, вставъ на стулъ, сказалъ имъ рѣчь, въ которой объяснилъ, что „ландлордъ пришелъ къ заключенію о ненужности сбавки арендной платы“. Мертвое молчаніе отвѣтило мнѣ, говоритъ Трэнчъ, когда я окончилъ рѣчь. Его прервалъ громовой голосъ: „Такъ вы не хотите сбавить аренду?“—„Я уже передалъ вамъ отвѣтъ ланд-

лорда“. — „На колѣни, ребята“, прогремѣлъ тотъ-же голосъ, и, къ моему неописанному ужасу и изумленію, вся толпа разомъ упала на колѣни. Настало снова мертвое молчаніе. То было страшное зрѣлище. На головахъ всѣхъ были шляпы, въ рукахъ палки; одни опирались на нихъ, стоя на колѣняхъ, другіе потрясали ими, крѣпко сжавъ въ рукахъ. Униженное, умоляющее положеніе, въ которое ихъ поставила высшая сила, смѣшивалось съ страшнымъ, злобнымъ вызовомъ.—„Мы просимъ васъ на колѣняхъ во имя Бога добыть намъ сбавку аренды“.—Я былъ сильно смущенъ. Я соскочилъ со стула, умолялъ ихъ встать, уговаривалъ ихъ, какъ могъ, и, совершенно подавленный этой сценой, хотѣлъ вернуться въ контору, чтобы передать все ландлорду. Но чуть я двинулся, толпа вскочила и окружила меня. Вдругъ раздался крикъ съ дальняго конца толпы: „давайте его сюда, давайте его сюда!“ Въ одинъ мигъ я былъ подхваченъ и вынесенъ на узкую дорогу, которая вела къ Карримакроссу. Меня пихали и били, сбили шляпу, рвали платье... Отъ толчковъ и побоевъ я ослабѣлъ и просилъ остановиться и дать мнѣ вздохнуть. Я никогда не забуду этой минуты. Я былъ на большой дорогѣ. Я оглядѣлся кругомъ, ища глазами хотя одно дружеское лицо, но я искалъ напрасно. Холмы были покрыты народомъ. Длинная лента дороги была покрыта сплошной массой людей... Я чувствовалъ, что силы покидали меня. Я просилъ, чтобы меня подвели къ валу на краю дороги, и, опершись на него, сталъ лицомъ къ тѣмъ, которые должны были сдѣлаться моими убійцами.—„Я не могу идти дальше; зачѣмъ вы привели меня сюда?“—„Мы хотимъ сбавки аренды, обѣщаете-ли вы ее намъ?“—„Чѣмъже вы удовлетворитесь?“ — „Мы не хотимъ платить болѣе половины настоящей аренды“. — „Въ такомъ случаѣ нечего и толковать: я никогда не обѣщаю вамъ этого!“—Наступило мертвое молчаніе. Я стоялъ обнаженный и избитый противъ нихъ. Они стояли противъ меня, стиснувъ въ рукахъ палки,

готовые бить меня. Я смотрѣлъ на нихъ, а они на меня. Они колебались. Никто не хотѣлъ первымъ ударить меня... Тяжелая пауза продолжалась. Наконецъ, раздался прежній громовой голосъ: „назадъ ребята; никто не тронетъ его, онъ все-таки хорошій человѣкъ!“ Въ мигъ я былъ окруженъ толпой новыхъ лицъ, которыя подняли меня на плечи, достали мнѣ воды и понесли меня почти безъ чувствъ въ Лауфи... Вечеромъ меня отвезли домой.“

Рента должна была быть совсѣмъ невыносимою, чтобы доводить народъ до подобныхъ отчаянныхъ вспышекъ. Кромѣ того, нанимая рабочихъ, собственники платили имъ не деньгами, а отводомъ небольшихъ земельныхъ участковъ или, другими словами, мелкіе фермеры уплачивали аренду извѣстнымъ числомъ дней своего труда; но такъ-какъ цѣнность труда опредѣлялась собственникомъ, то и выходило, что бѣдняки платили двойную аренду. Мало этого: получая пустую землю, фермеры обрабатывали и улучшали ее, рыли колодцы, проводили канавы, разводили сады, дѣлали изгороди и помѣщенія для скота, строили себѣ дома и мельницы, но, по закону, все это принадлежало не имъ, а ландлорду, и удаленный арендаторъ не имѣлъ никакого права на вознагражденіе за свой трудъ и израсходованный капиталъ. „Землевладѣлецъ, говоритъ Лавелэ,—ничего не сдѣлалъ для производительности земли—и однако онъ получаетъ съ нея чистый доходъ; арендаторъ сдѣлалъ землю производительной—и умираетъ съ голода“. Бароннія Джисгиль, помѣстье въ 30,000 акровъ, въ концѣ прошлаго столѣтія было сдано лордомъ Дигби 120 семействамъ въ долгосрочную аренду. Впродолженіи двухъ поколѣній эти арендаторы работали безъ устали, возвели отличныя строенія, осушили землю и сдѣлали ее производительной. Но когда лордъ Дигби умеръ, то оказалось, что арендные контракты не имѣли никакой силы, арендаторы никакихъ правъ, а все, что создано ихъ трудомъ, принадлежало наслѣднику феодальнаго маіората. Улучшеніе фермъ

раззоряло арендаторовъ еще и съ другой стороны, независимо отъ потери плодовъ труда ихъ. Чѣмъ болѣе обстраивалъ и улучшалъ арендаторъ свою ферму, тѣмъ болѣе она пріобрѣтала цѣнности, тѣмъ выше собственникъ поднималъ аренду, тѣмъ больше долженъ былъ платить фермеръ за пользованіе тѣмъ, что создалъ онъ. Нежелающій платить возвышенной аренды могъ убираться на всѣ четыре стороны, такъ-какъ собственникъ имѣлъ право всегда прогнать его. Прежде ландлорды заключали съ арендаторами долгосрочные контракты, но послѣ кризиса 1815 г. этотъ обычай началъ выходить изъ употребленія, такъ-какъ контракты были невыгодны землевладѣльцамъ, которые желали имѣть возможность произвольнаго возвышенія аренды и политическаго подчиненія себѣ фермеровъ, которые при О'Коннелѣ привыкли къ независимости на выборахъ и подавали голоса противъ своихъ ландлордовъ. Вслѣдствіе этого, землю начали сдавать не по контракту, а „по добровольному соглашенію" (tenancy at will), въ силу котораго ландлордъ имѣлъ право когда вздумается возвышать ренту, прогонять фермера и присвоять себѣ всѣ воздвигнутыя имъ постройки и сдѣланныя улучшенія. Впрочемъ, въ провинціи Ульстеръ и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ другихъ провинцій существуетъ съ древности обычное *право пользователя*—tenant right. Въ силу этого права, ландлордъ не имѣлъ права согнать фермера, пока тотъ платилъ аренду; никто не могъ нанять фермы, не заплативъ прежнему фермеру извѣстную сумму за пользованіе ею; отказывая фермеру, ландлордъ платилъ ему сумму за его tenant right и не могъ поднять аренды до такой суммы, которая поглощала-бы стоимость tenant right'а. Благодаря этому обычаю, Ульстеръ благоденствовалъ, между тѣмъ какъ остальная Ирландія ужасно бѣдствовала вслѣдствіе необезпеченности пользованія землей, insecurity of tenure. На нищихъ фермерахъ скоплялись громадныя недоимки—и ихъ сгоняли съ земель; ландлорды желали увеличить свою ренту—и фер-

меровъ тоже сгоняли съ земель. Приказъ объ очищенiи фермы какъ дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головою арендатора, которому послѣ изгнанiя оставалось только или умирать съ голода, или бѣжать въ Америку, а въ самыхъ благопрiятныхъ случаяхъ — арендовать худшую ферму и еще на худшихъ, чѣмъ прежде, условiяхъ. Эти приказы (notices of quit), это очищенiе фермъ были преступленiемъ, по словамъ Гладстона и лорда Дуферина,—воровствомъ, по выраженiю Милля и Лесли. Во многихъ частяхъ Ирландiи *driver*, чиновникъ, предназначенный для отнятiя скота у фермеровъ, неуплатившихъ аренды, и *process-server*, агентъ, облеченный властью изгонять арендаторовъ, служили необходимою принадлежностью каждаго помѣстья и получали хорошее жалованье. Но такъ-какъ изгоняемые фермеры рѣдко уходили безъ сопротивленiя, то на помощь упомянутымъ агентамъ часто требовались констэбли, солдаты и даже пушки. Аграрныя преступленiя усиливались и лучшiе изъ ландлордовъ (впрочемъ, весьма немногiе) нашли, наконецъ, выгóднымъ для себя очищать фермы отъ неплательщиковъ доставляя имъ средства эмигрировать въ Америку. Но и на это соглашались не всѣ. Трэнчъ разсказываетъ по этому поводу одну очень характерную исторiю. „Въ числѣ самыхъ упорныхъ и отчаянныхъ былъ Джо-Макъ-Ки. Онъ принадлежалъ къ пресвитерiанцамъ. Онъ снималъ большую ферму въ дикой мѣстности округа и не платилъ аренды цѣлыя пять лѣтъ. Частыя требованiя платить деньги, вызовы въ судъ и другiя повѣстки сыпались на него, но никто не рѣшался арестовать его. Онъ былъ силачъ, извѣстный своею храбростью и удалью, и хвалился тѣмъ, что никто въ мiрѣ не возметъ его въ плѣнъ... Первымъ моимъ шагомъ было добыть актъ для ареста его за долгъ и предложить 50 фунтовъ награды тому, кто арестуетъ его. Но я не нашелъ ни одного охотника.“ Трэнчъ отправился самъ убѣждать его сдать аренду и переселиться въ Америку. На замѣчанiе Трэнча, что онъ держитъ въ страхѣ

весь околотокъ и никто не смѣетъ взять его, Макъ-Ки отвѣчалъ: „а почему они должны брать меня? или, что еще хуже, почему они должны отнимать мой маленькій участокъ земли? Я выстроилъ большую часть дома своими руками; посмотрите на огородъ, продолжалъ онъ, открывая заднюю дверь,—я посадилъ каждый кустикъ, я снесъ каждый камень, я поставилъ каждый колъ изгороди; а меня травятъ теперь, чтобы я отдалъ имъ мой участокъ, и я отдамъ его только съ жизнью!“ Онъ былъ сильно взволнованъ, онъ задыхался отъ гнѣва. Во время переговоровъ онъ имѣлъ подъ рукой страшный косарь, а Трэнчъ держалъ пару заряженныхъ пистолетовъ. Тренчу удалось убѣдить Макъ-Ки; онъ сдалъ участокъ и черезъ мѣсяцъ умеръ съ горя.—Несмотря на сопротивленіе фермеровъ, частныя очистки земли производились довольно успѣшно. Съ 1838 по 1847 г. было согнано съ земель 713,970 фермеровъ.

Вычислено, что Ирландія можетъ прокормить больше 17,000,000 жителей, но совершенно безправное положеніе земледѣльца никогда не давало ему возможности развить какъ слѣдуетъ систему своего хозяйства и, въ частности, необезпеченность пользованія землей была причиною, что фермеры старались не употреблять своего капитала на улучшеніе земледѣлія. Какъ только земледѣлецъ извлекъ изъ земли средства, необходимыя для своего пропитанія, онъ старательно избѣгаетъ всякихъ улучшеній въ хозяйствѣ, ибо онъ боится, что плоды его трудолюбія будутъ похищены землевладѣльцемъ, который, по его мнѣнію, всегда слѣдитъ за увеличеніемъ производительности земли съ цѣлью немедленно возвысить ренту. Ирландскій земледѣлецъ, подобно египетскому феллаху, скорѣе закопаетъ свои деньги, чѣмъ употребитъ ихъ на земледѣліе. Ирландское земледѣліе съ незапамятныхъ временъ уже находится въ самомъ дурномъ положеніи. „Обыкновенный сѣвооборотъ состоитъ въ картофелѣ, пшеницѣ, овсѣ, которые садятъ и сѣютъ до тѣхъ поръ, пока земля

совершенно истощится и даже продолжительный отдыхъ не въ состояніи возстановить ея производительной силы. Лонгфильдъ очень вѣрно описываетъ грустное зрѣлище, представляемое мелкой ирландской фермой. Уголокъ земли даетъ скудную жатву, отравленную плевелами, а остальная земля брошена и покрыта терновникомъ да шильникомъ. Въ промежутокъ времени между садкой картофеля и его сборомъ земледѣлецъ предается праздности. У него есть земля и руки, и онъ не умѣетъ употребить ихъ въ дѣло. Это не лѣнь, а невѣжество; у него нѣтъ ни знаній, ни преданій о хорошей земледѣльческой системѣ. Онъ гибнетъ въ самой ужасной нищетѣ, тогда какъ могъ-бы (при другихъ условіяхъ) достигнуть нѣкотораго довольства и превратить всю страну въ садъ“ (Лавелэ). Земледѣлецъ не могъ и мечтать о пріобрѣтеніи въ собственность клочка земли уже по одному тому, что пошлинные расходы на покупку были чрезвычайно велики. Дурное состояніе земледѣлія невыгодно отзывалось и на ландлордахъ, которые, не употребляя ничего на улучшеніе земледѣлія, проматывая свои доходы, будучи стѣсняемы въ своемъ правѣ собственности маіоратомъ и субституціями, входили въ долги и во множествѣ закладывали свои имѣнія, которыя и поступали въ конкурсное управленіе, взимавшее съ него доходы въ пользу кредиторовъ. Въ 1829—1831 г. подъ залогъ имѣній ирландскимъ землевладѣльцамъ было выдано 2,448,000 ф. ст.

По свѣденіямъ 1833 г., въ Англіи 1,055,982 земледѣльца, обрабатывая 13,849,320 гектаровъ земли, получали продуктовъ на 4,000,500,000 франковъ; въ Ирландіи-же 1,131,715 земледѣльцевъ отъ обработки 5,257,625 гектаровъ получали только на 900,000,000 франковъ, т. е. ирландецъ получалъ въ 5 разъ меньше, чѣмъ англійскій земледѣлецъ. При этомъ изъ 900,000,000 франковъ, получавшихся отъ земледѣлія, болѣе 600,000,000 получали нѣсколько тысячъ ландлордовъ, а остальные 300,000,000 распредѣлялись на 6,500,000, что

составляло въ годъ 47 франковъ (*11 рублей 75 коп.*), а въ день $12\frac{1}{2}$ сантимовъ ($3\frac{1}{8}$ коп.) на каждаго жителя! Бѣдность страны была невообразимая. „У всѣхъ народовъ, писалъ тогда Бомонъ,—есть нищіе, но цѣлый народъ нищихъ—явленіе, неизвѣстное до Ирландіи... Свободнаго ирландскаго земледѣльца невозможно сравнивать даже съ англійскимъ пролетаріемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самый жалкій изъ бѣдняковъ Англіи лучше ѣстъ и лучше одѣтъ, чѣмъ счастливѣйшій земледѣлецъ Ирландіи". Въ 1832 г. офиціальныя изслѣдованія показали, что бѣдность народа все увеличивается, „пища становится хуже и скуднѣе, болѣзни многочисленнѣе, голода чаще, чѣмъ когда-нибудь. Прежде земледѣлецъ прибавлялъ къ своему картофелю сколько-нибудь молока, теперь-же онъ не ѣстъ ничего, кромѣ картофеля, да и то въ меньшемъ противъ прежняго количествѣ. При этомъ онъ вынужденъ употреблять самый дурной сортъ картофеля (the lumper), потому что онъ даетъ самый обильный урожай". Грановскій, кажется, замѣтилъ, что если-бы картофель не сдѣлался національною пищею ирландцевъ, то исторія Ирландіи приняла-бы другой оборотъ. Не отвергая важнаго вліянія пищи народа на ходъ его исторіи, мы думаемъ, что эта мысль совершенно ложна, что, наоборотъ, если-бы исторія Ирландіи приняла другой оборотъ, то картофель не сдѣлался-бы національною пищею ирландцевъ, пищею нищенской націи. Кромѣ своей малопитательности, картофель имѣетъ много другихъ недостатковъ: его трудно перевозить съ мѣста на мѣсто въ большихъ количествахъ, его невозможно сохранять, какъ хлѣбъ, на случай неурожайныхъ годовъ. Даже и этою дурною пищей ирландцы не могли пользоваться вдоволь. Одни ѣли три раза въ день, другіе два раза, болѣе несчастные только разъ въ день, но было много и такихъ, которые могли ѣсть лишь разъ въ два или три дня. Голодъ сдѣлался нормальнымъ явленіемъ въ Ирландіи: въ ней, по донесенію комиссіи 1835 г., было отъ 3 до 4 милліоновъ жи-

телей, которымъ ежегодно угрожала голодная смерть. Когда эта комиссія спросила епископа Дойля о положеніи страны, онъ отвѣчалъ, что „народъ, по обыкновенію, умираетъ съ голода“. Въ 1817 г. голодной лихорадкой болѣло 1,500,000 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 65,000 отъ недостатка питанія.

Не лучше пищи была и одежда ирландца. „Онъ, писалъ въ тридцатыхъ годахъ Бомонъ, — вообще или нагъ, или покрытъ лохмотьями, передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе. Во многихъ хижинахъ только по два платья, что заставляетъ священниковъ служить въ воскресенье по нѣскольку обѣденъ. Одни, отстоявъ первую обѣдню и вернувшись домой, раздѣваются и передаютъ платье другимъ, которые и идутъ въ немъ ко второй обѣднѣ“. Въ то-же время Брайтъ говорилъ въ парламентѣ: „люди, за неимѣніемъ одежды, не могутъ выходить изъ своихъ лачугъ, между тѣмъ какъ другіе, благодаря той-же причинѣ, не имѣютъ возможности выписываться изъ богадѣленъ. Мужчины носятъ женское платье, не имѣя возможности заработать на мужскую одежду. Нерѣдко можно встрѣтить мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сбившихся кучами подъ грудой жалкихъ лохмотьевъ; они лишены возможности подняться съ мѣста, такъ-какъ на нихъ нѣтъ никакой одежды“ (Избр. Рѣчи, 337).

Жилища массы ирландскихъ земледѣльцевъ состояли изъ кольевъ, переплетенныхъ древесными вѣтвями и смазанныхъ глиной; вмѣсто крыши набрасывалось нѣсколько пучковъ соломы; вмѣсто пола грязная, мокрая земля; дымъ очага нерѣдко не имѣлъ другого выхода, кромѣ дверей. Такія хижины считались неудобными даже для свиней, и лучшее мѣсто въ нихъ отводилось свиньѣ, которая откармливалась для уплаты аренды. Присутствіе свиньи въ хижинѣ не было однакожъ признакомъ крайней бѣдности: самые бѣдные фермеры жили безъ свиней... Бомонъ, путешествовавшій въ 1835 г., описываетъ одинъ приходъ въ графствѣ Майо. Изъ 11,761

жителей 9,837 не имѣли другихъ постелей, кромѣ соломы и травы; 7,531 не имѣли даже кроватей и спали на землѣ. Изъ 206 жителей одной изъ деревень прихода только у 39 было что-нибудь въ родѣ одѣяла; остальные спали безъ покрышки и по цѣлымъ ночамъ дрожали отъ холода, а многіе въ то-же время страдали и отъ голода.

Нарушенія закона усиливались. Фермеры не платили аренды и не очищали фермъ. „Всѣ силы закона, разсказываетъ Тренчъ,—были призваны, чтобы подавить ихъ упорство. Однимъ послали приказъ очистить ферму, съ другими начали процессъ за неплатежъ аренды, и сверхъ всѣхъ этихъ мѣръ, загонъ скота въ самыхъ широкихъ размѣрахъ былъ принятъ какъ наиболѣе быстрая и дѣйствительная мѣра заставить платить аренду. „Крохоборы“, „полицейскіе крючки“, судебные пристава, сторожа и загонщики ополчились по требованію ландлорда на фермеровъ... Но фермеры зорко слѣдили за этими приготовленіями, которыя скоро стали извѣстны въ цѣломъ округѣ, и приняли мѣры, чтобы сдѣлать ихъ тщетными. Для этой цѣли они организовали систему *Молли Мэгайръ*. Эти Молли Мэгайръ были дюжими, расторопными молодцами, одѣтыми въ женскія платья; иные закрывали лица чернымъ крепомъ, другіе чернили себѣ глаза, ротъ и щеки жженой пробкой самыми фантастическими узорами. Они въ такомъ видѣ нападали изъ-за угла на крохоборовъ, полицейскихъ крючковъ, сторожей, загонщиковъ или судебныхъ приставовъ и задавали имъ купанье въ болотѣ или самую немилосердную встрепку. Въ скоромъ времени Молли Мэгайръ сдѣлались ужасомъ всѣхъ служителей власти. Наконецъ, ни за какія деньги нельзя было найти ни крохоборовъ, ни полицейскихъ крючковъ, ни судебныхъ приставовъ, ни загонщиковъ для исполненія приказаній конторы, скрѣпленныхъ требованіями закона; никто не рѣшался стать лицомъ къ лицу съ безпокойными молодцами“. Господствующею мыслью крестьянства въ то время, говоритъ Тренчъ въ другомъ мѣстѣ,—

было, что *большая война* наступаетъ, и крестьяне готовились *взять оружіе*, какъ они говорили, и забирали оружіе всюду, гдѣ могли. Это повело къ сценамъ насилія и убійства. Многіе джентльмены лишились жизни, защищая свое оружіе, а иногда нападавшіе крестьяне были застрѣливаемы при своихъ попыткахъ захватить его... Мы обыкновенно брали съ собой оружіе и въ столовую, обѣдая съ пистолетами, лежавшими на столѣ, и ружьями, стоявшими у камина". Тайная организація была раскинута по всей странѣ, принимая разныя названія, въ родѣ *бѣлыхъ парней*, *молотильщиковъ*, *бѣлыхъ и черныхъ ногъ*, а чаще всего *оборванцевъ*, ribbonmen. Главною цѣлью оборванцевъ было обезпеченіе за фермерами постояннаго пользованія землей, которое въ послѣднее время нашло много парламентскихъ защитниковъ, но въ то время было провозглашаемо только на тайныхъ сходбищахъ риббонменовъ. Ихъ идеи и стремленія очень вѣрно и живо формулированы Бомономъ. „Мы живемъ одной только землей и должны крѣпко держаться за нее. Если собственникъ или его агентъ приказываютъ намъ оставить ферму, мы останемся; предпишетъ сдѣлать это судъ—мы все-таки останемся; придетъ вооруженная сила, чтобы принудить насъ, мы будемъ сопротивляться всѣми средствами... Всякій, кто непосредственно или посредственно содѣйствуетъ лишенію насъ фермъ, наказывается смертью",—ландлордъ или его агенты, изгоняющіе фермера или чрезмѣрно возвышающіе аренду, лицо, арендовавшее землю изгнаннаго фермера или купившее съ аукціона вещи, взятыя за долгъ, и т. д. Кромѣ убійства, кодексъ риббонменовъ предписывалъ и другія преступленія—поджоги, истребленіе скота и пашенъ, даже насилованіе женщинъ, близкихъ къ лицамъ, на которыхъ сосредоточивалась ненависть оборванцевъ. Все это совершалось систематически, по формальнымъ рѣшеніямъ, составленнымъ въ тайныхъ собраніяхъ риббонменовъ. Вотъ какъ, напр., „судили" Тренча. По всей окрестности были разосланы повѣстки

самымъ дѣятельнымъ и надежнымъ изъ риббонменовъ собраться ночью въ опредѣленное мѣсто *судить Трѐнча.* Они не ограничились законнымъ числомъ двѣнадцати (присяжныхъ)—ихъ собралось до пятнадцати человѣкъ. Предсѣдателемъ былъ хозяинъ фермы, человѣкъ, котораго я хорошо зналъ и который снималъ большой участокъ земли. Посреди просторнаго овина былъ поставленъ длинный столъ; вокругъ него разставлены скамьи и въ изобиліи припасена водка босоногой служанкой... Собраніе пило водку нѣсколько времени молча или переговариваясь шопотомъ. Когда всѣ довольно нагрузились, предсѣдатель, перескочивъ обычныя формальности обвиненія и допроса, даже вопросъ объ имени обвиняемаго, такъ-какъ все это было хорошо извѣстно присяжнымъ, прервалъ молчаніе и громкимъ голосомъ сказалъ: „Итакъ, молодцы, кто изъ васъ можетъ что-нибудь сказать въ защиту его?"—Настало короткое молчаніе; затѣмъ одинъ изъ заговорщиковъ сказалъ: „Онъ далъ мнѣ желѣзныя ворота къ фермѣ".—„Пусть твой скотъ свернетъ о нихъ себѣ шею".—„Онъ далъ черепицъ и досокъ покрыть мой домъ", сказалъ другой.—„Пусть крыша скорѣй сгніетъ и обвалится", отвѣчалъ президентъ.—„Онъ осушилъ мою землю", заявилъ третій.—„Пусть жатва сгніетъ въ глубинѣ ея", отвѣчалъ президентъ.—„Онъ далъ моему сосѣду вина для больного ребенка".—„Ребенокъ умеръ", отвѣчалъ президентъ. Всѣ снова умолкли.—„Виновенъ", произнесъ президентъ. „Молодцы, онъ долженъ умереть. Теперь кинемъ жребій, кому сдѣлать дѣло".—Страшное предложеніе было встрѣчено колебаніемъ присяжныхъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: „не зачѣмъ кидать жребій: люди, которые сдѣлаютъ дѣло, здѣсь; они готовы и охотно идутъ на дѣло".—Два убійцы были введены въ собраніе и поклялись умертвить Тренча. Только благодаря своей чрезвычайной осторожности, Тренчъ избѣжалъ смерти. Онъ не разставался съ оружіемъ, выѣзжалъ не иначе, какъ съ конвоемъ. „Я, говоритъ онъ,—не выходилъ иначе, какъ дер-

жа въ рукахъ пистолеты, и едва какой-нибудь прохожій показывался на улицѣ, я кричалъ ему, чтобъ онъ не двигался съ мѣста, если хочетъ быть живымъ. Я не разъ такимъ образомъ перепугалъ совершенно невинныхъ людей, незнавшихъ ничего объ этомъ дѣлѣ. Цѣлый годъ меня травили, пока убійцы не потеряли терпѣнія, и, поклявшись, что на моей сторонѣ чертовское счастіе, рѣшились „отказаться“ отъ меня и застрѣлить Пэдди Макъ Ардля, пристава“. Другимъ представителямъ ландлордскихъ интересовъ и самимъ ландлордамъ приходилось жить въ такомъ-же вооруженномъ и осадномъ положеніи, какъ Тренчъ, но преступленія все-таки выполнялись съ успѣхомъ. Въ 1832 г. всѣхъ преступленій въ Ирландіи было 9,002; изъ нихъ убійствъ 242, грабежей 1,179, воровства со взломомъ 401, поджоговъ 568, избіеній скота 290, мятежей 203, незаконныхъ обысковъ 353, рибонменскихъ приговоровъ и предостереженій 2,094, поврежденій собственности 796, нападеній на дома 723, выстрѣловъ съ цѣлью убить 328, отнятія оружія 117 и т. д. Убійства совершались среди бѣлаго дня, среди толпы людей, но убійцы все-таки скрывались, никто не хотѣлъ быть свидѣтелемъ, а присяжные оправдывали преступниковъ, виновность которыхъ была несомнѣнно доказана. Судьи предлагали имъ снова обсудить дѣло, но они снова выносили оправдательный вердиктъ; тогда „спеціальная судебная комиссія“, которая учреждается въ особенно важныхъ случаяхъ, передавала дѣло на обсужденіе другого состава присяжныхъ, но результатъ былъ тотъ-же. Какъ великъ былъ въ Ирландіи процентъ оправданныхъ, можно видѣть изъ того, что въ 1845—1859 г. среднимъ числомъ въ годъ было:

	Арестованныхъ.	Осужденныхъ.	Оправданныхъ.	Изъ 100 осуждено.	Изъ 100 оправдано.
Англія	24,600	18,660	5,940	$75^2/_3$	$24^1/_3$
Шотландія	3,945	2,982	963	$75^1/_2$	$24^1/_2$
Ирландія.	18,777	9,754	9,023	$52^1/_4$	$47^3/_4$

Въ частности, въ 1845 г. было:

Въ Англіи.	24,000	17,200	6,800	71³/₄	28¹/₄
» Шотландіи	3,537	2,710	827	76³/₄	23¹/₁
» Ирландіи	16,568	7,000	9,568	42¹/₄	57³/₄

Въ послѣдующіе годы, 1846—50, когда въ Англіи и Шотландіи оправданныхъ было только 22 или 23⁰/₀, въ Ирландіи ихъ было 53 или 54⁰/₀. Разница громадная, объясняемая только тѣмъ, что ирландцы привыкли стоять въ отрицательныхъ отношеніяхъ къ закону и не считать аграрныя преступленія преступленіями. Къ тому-же риббонмены наводили ужасъ и на свидѣтелей, и на присяжныхъ, угрожая имъ убійствомъ въ случаѣ, если-бы они рѣшились дѣйствовать противъ подсудимыхъ. Рѣдко доводилось судьямъ пріобрѣтать свидѣтелей, которыхъ берегли подъ стражей и потомъ отправляли подъ секретомъ въ Новый Свѣтъ, давая деньги на проѣздъ и на покупку земли. Рѣдко удавалось узнать тайны риббонменовъ отъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, которымъ обѣщали помилованіе. Риббонмены жестоко карали своихъ сочленовъ не только за измѣну, но и за менѣе важныя нарушенія ихъ устава. „Одинъ членъ этого общества, разсказываетъ Сеньоръ,—провинившійся передъ нимъ, былъ потребованъ передъ его трибуналъ. Его домъ былъ окруженъ, и два бѣлыхъ парня повели его въ мѣсто суда. Онъ явился передъ судьями и былъ приговоренъ къ смерти. Но такъ-какъ одинъ изъ судей защищалъ его и привелъ въ его пользу смягчающія обстоятельства, то смертную казнь замѣнили пожизненнымъ изгнаніемъ. Два члена общества проводили его до портоваго города, заплатили за его проѣздъ на кораблѣ, видѣли, какъ онъ уѣхалъ, и торжественно предостерегли его, что въ случаѣ возвращенія онъ будетъ застрѣленъ“.

Въ то время, какъ совершались всѣ эти ужасы и волненія, происходили убійства, очищались помѣстья и ландлорды хлопотали о томъ, чтобы уменьшить народонаселеніе Ирландіи посредствомъ эмиграціи, надъ страной разразилось небывалое

по своимъ размѣрамъ несчастіе, бывшее естественнымъ результатомъ аграрной системы.

Въ 1846 г. во многихъ мѣстахъ Европы и Америки появилась болѣзнь на картофелѣ, но хорошій урожай хлѣба спасъ эти страны отъ голода. Въ Ирландіи-же, гдѣ хлѣбъ воздѣлывался только на продажу, для уплаты аренды, и гдѣ урожай его въ упомянутомъ году былъ превосходный, весь хлѣбъ былъ сбытъ въ Англію *). Между тѣмъ весной 1846 г. ирландцы съ ужасомъ увидѣли, что весь посѣянный ими картофель быстро гніетъ, наполняя всю атмосферу тяжелымъ, удушливымъ запахомъ. Картофель погибъ, оставшійся для посѣва на слѣдующій годъ былъ съѣденъ, и насталъ всеобщій двухлѣтній голодъ. Мужчины, женщины, дѣти умирали всюду тысячами. Въ самый разгаръ голода, въ январѣ 1847 г., умирало отъ него 5,479 человѣкъ въ день, 228 въ часъ и 4 слишкомъ человѣка въ минуту! „Они, говоритъ очевидецъ Тренчъ,—умирали въ горныхъ долинахъ, они умирали на морскомъ берегу, они умирали на большихъ дорогахъ, они умирали на поляхъ, они брели въ города и умирали на улицахъ, они запирали двери своихъ хижинъ, ложились на кровати и умирали отъ голода у себя дома“. Другой очевидецъ, пасторъ, такъ описываетъ жилища голодавшихъ, которыя онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ докторомъ. „Въ одномъ домѣ, куда мы вошли, врачъ пошелъ прямо въ темный уголъ и, ощупавъ постель, сказалъ: „здѣсь лежатъ шесть человѣкъ“; дѣйствительно, тутъ лежали отецъ, мать и четверо дѣтей, неимѣвшихъ силъ подняться съ постели. Меня всего болѣе поразилъ вопросъ, сдѣ-

---

*) Съ 5 іюля 1845 по 5 января 1846 г. въ Англію было отпущено:

Пшеницы. . . .	223,116	квартеровъ
Ржи	66,863	»
Овса	703,314	»
Пшеничной муки.	605,917	»
Ржаной	452,144	»

Отпускъ продолжался и въ то время, когда уже былъ голодъ...

ланный врачемъ этимъ несчастнымъ: „есть-ли здѣсь мертвые?“ Не было ни одного мертвеца, но когда мы вышли, одинъ изъ нихъ умеръ... Въ четвертой хижинѣ, безъ двери, я видѣлъ умирающаго мужа, умирающую жену и мальчика, сидѣвшаго неподвижно съ лопнувшими отъ водяной ногами. Въ пятомъ домѣ я видѣлъ больного мужчину, отъ котораго шелъ особенно вонючій запахъ... Докторъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ погребеніи этого больного послѣ его смерти“. Въ другомъ округѣ тотъ-же пасторъ нашелъ въ одномъ домѣ мужа, жену и ребенка въ голодной лихорадкѣ. „У постели стояла кадушка воды. Четверо изъ членовъ семьи умерли... Въ четвертомъ домѣ я увидѣлъ молодого человѣка; онъ стоналъ и былъ уже въ агоніи. Семья состояла изъ пяти членовъ. Всѣ были больны, всѣ они были распухши. Джентльмены, бывшіе со мной, сказали: „ни одинъ изъ нихъ не можетъ жить“. Пятый домъ. Мы постучали. Никто не имѣлъ силы отворить. Двое маленькихъ дѣтей лежали на полу у огня, двое другихъ лежали блѣдные, какъ смерть... Седьмой домъ, Регона. Онъ умеръ, а жена его умирала; трое дѣтей умерло; жена страшно распухла... Грязь въ этихъ жилищахъ доходила до такой степени, какой я никогда не видалъ еще; навозъ кучами лежалъ не только передъ дверями хижинъ, но вплотную у самыхъ дверей, на нѣсколько футовъ выше порога жилищъ. Во многихъ хижинахъ солома была набросана на полу и человѣческія существа жили—я долженъ сказать это—какъ свиньи, въ самой отвратительной грязи... Только самые богатые люди пользовались гробами. Въ каждой деревнѣ плотники завалены работой, и я часто встрѣчалъ по проселочнымъ дорогамъ женщинъ, несшихъ на спинѣ гробы или доски для гробовъ. Въ Гленгарифѣ католическая капелла была обращена въ мастерскую для гробовъ... Въ Бентри я увидѣлъ въ одномъ углу улицы два гроба для бѣдныхъ; ихъ называли гробами съ отпускнымъ дномъ. Дно прикрѣпляется съ одной стороны петлями, съ другой крючкомъ и петлей. Въ такихъ гро-

бахъ отвозили бѣдняковъ въ могилу или, вѣрнѣе сказать, въ огромную яму и сваливали туда тѣла. Но большую часть умиравшихъ отвозили въ могилу безъ гробовъ. Мертвецовъ хоронили въ ихъ жалкихъ лохмотьяхъ; часто и эти лохмотья снимали съ трупа, чтобы прикрыть еще живого. Въ Бемендехибѣ въ день моего пріѣзда везли въ телѣгѣ пять мертвыхъ тѣлъ, едва прикрытыхъ соломой. Тѣла лежали по цѣлымъ недѣлямъ непохороненныя въ поляхъ, тамъ, гдѣ застигла смерть; они оставались непохороненными въ домахъ, пока ихъ не съѣдали крысы и не приходилось, для отвращенія заразы, жечь дома съ трупами... Видѣли женщину съ корзиной за плечами, къ которой было прикрѣплено снаружи изогнутое мертвое тѣло ребенка... Встрѣтили отца, который еле передвигалъ ноги по большой дорогѣ; черезъ плечо у него была веревка, а къ ней привязано двое мертвыхъ дѣтей, которыхъ онъ тащилъ по землѣ до могилы... Могилы рылись въ канавахъ, въ углахъ полей и въ огородахъ за лачугами"...

„Великость бѣдствія, говоритъ Тренчъ, парализовала всѣ усилія". По близости, гдѣ-нибудь въ сосѣднемъ округѣ, было много хлѣба, въ голодающемъ-же округѣ были и деньги, но не было людей съ достаточною энергіей и властью, чтобы организовать борьбу съ голодомъ. „Народъ умиралъ, а вблизи было пищи въ изобиліи, было много денегъ для покупки ея, было множество рыбы въ морѣ по сосѣдству, но не было ни сѣтей, ни лодокъ для ловли и никого, кто-бы могъ организовать самый простой способъ рыбной ловли; не было никого, кто-бы имѣлъ на-столько предусмотрительности, чтобы готовить припасы, ловить дичь, рыбу, перевезти хлѣбъ черезъ горы и сосредоточить въ одномъ мѣстѣ народъ и пищу". Въ самомъ началѣ голода правительство купило въ Америкѣ 100,000 четвертей пшеницы; открыло для голодающихъ всѣ военные хлѣбные магазины, съ ноября 1845 по февраль 1846 г. ассигновало вспоможеніе въ 852,000 ф. ст.; въ первые шесть мѣсяцевъ 1847 г. ввезло хлѣба на 8,764,000 ф. ст.; давало ра-

боту 700,000 человѣкъ, платя за нее до 776,000 ф. ст. въ мѣсяцъ, впродолженіи года буквально кормило 3,000,000 голодающаго народа; школы были превращены въ богадѣльни, въ которыхъ питалось 176,000 дѣтей; 283 временныхъ больницы были наполнены больными; частная благотворительность развилась до громадныхъ размѣровъ; но ничто не помогало, и народъ продолжалъ умирать съ голода и отъ болѣзней, порожденныхъ голодомъ. „Правительство, говоритъ Тренчъ,—устроило общественныя работы, чтобы дать народонаселенію средства къ жизни. Дороги были взрыты и выровнены, холмы снесены, ямы закиданы, и полная плата уплачивалась за половину и четверть работы,—но народъ умиралъ съ голода. Кухни для раздачи похлебки были устроены, свободная торговля допущена въ извѣстной степени, маисъ рѣкой полился въ Ирландію, частная филантропія разрослась въ громадномъ объемѣ, но народъ по-прежнему умиралъ съ голода. Многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Ирландіи, потомки благороднѣйшихъ родовъ, какъ мужчины, такъ и женщины, лишились жизни или получили неизлечимыя болѣзни отъ усилій предотвратить страшное бѣдствіе,—но народъ по-прежнему умиралъ съ голода. Мы дѣлали все, что могли, но всѣ наши усилія указывались не болѣе, какъ капля масла, брошенная въ океанъ окружавшей насъ нищеты,—народъ по-прежнему умиралъ голодною смертью“.

По мѣстамъ голодъ и порожденныя имъ болѣзни продолжались до 1851 г. Голодъ погубилъ около 1,000,000 человѣкъ. Ирландцы массами бросились эмигрировать, преимущественно въ Америку. До какой степени голодъ усилилъ эмиграцію, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Изъ Ирландіи эмигрировало:

Въ 1841 г.	16,000 чел.	Въ 1846 г.	105,000 чел.	Въ 1852 г.	220,000 чел.
» 1842 »	89,000 »	» 1847 »	214,000 »	» 1853 »	192,000 »
» 1843 »	37,000 »	» 1848	178,000 »	» 1854 »	150,000 »
» 1844 »	54,000 »	» 1849 »	214,000 »	» 1855 »	78,000 »
» 1845 »	74,000 »	» 1850 »	209,000 »	» 1856 »	90,000 »

Въ пять лѣтъ, предшествовавшія голоду, эмигрировало 270,000, а съ 1846 по 1861 г. 2,552,000 человѣкъ. Народонаселеніе Ирландіи съ 1841 по 1851 г. уменьшилось на 1,622,739 человѣкъ, и это уменьшеніе продолжается до настоящаго времени. Въ Ирландіи было:

	жителей.	семействъ.	обитаемыхъ домовъ.
Въ 1841 г. . . .	8,175,000	1,472,787	1,328,839
» 1851 »	6,551,000	1,204,319	1,046,223
» 1861 »	5,764,000	1,429,218	993,233
» 1871 »	5,402,000	— —	— —

Нищихъ, получавшихъ пособіе изъ благотворительныхъ учрежденій, было:

Въ 1844 г.	105,358	Въ 1847 г.	417,000	Въ 1850 г.	1,174,000
» 1845 »	114,205	» 1848 »	2,043,000	» 1851 »	755,000
» 1846 »	250,000	» 1849 »	2,142,000	» 1852 »	519,000

IX.

Голодъ 1846 г. произвелъ то, о чемъ безплодно мечтали англійскіе экономисты и чего напрасно добивались англійскіе ландлорды. Онъ „очистилъ“ Ирландію отъ излишняго будто-бы народонаселенія и положилъ начало сильной, непрерывной очисткѣ ея посредствомъ эмиграціи. Съ 1848 по 1864 г. переселившіеся ирландцы прислали своимъ соотечественникамъ около 13,000,000 ф. ст. За океаномъ возникла другая Ирландія, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ въ 1864 г. считалось *10,192,000* ирландцевъ. „Дѣти ирландскихъ эмигрантовъ, говоритъ Милль,—получаютъ американское воспитаніе и быстро пріобщаются благъ высшей цивилизаціи. Черезъ двадцать или тридцать лѣтъ они въ нравственномъ отношеніи ничѣмъ уже не отличаются отъ американцевъ“. Естественно, что всѣ симпатіи Ирландіи клонятся не къ Англіи, даже не къ Франціи, какъ прежде, а къ Америкѣ. „Вы помните, говорилъ однажды въ парламентѣ Брайтъ, — что когда

древнееврейскій пророкъ молился въ своемъ заточеніи, онъ молился съ открытымъ окномъ, обращеннымъ въ сторону Іерусалима. Вамъ извѣстно, что поклонники Магомета во время молитвъ обращаются лицомъ къ Меккѣ. Такъ и ирландскій крестьянинъ, прося себѣ пищи, свободы и благоденствія, устремляетъ свои взоры къ заходящему солнцу; страстные порывы его души перелетаютъ черезъ широкій океанъ и весь онъ принадлежитъ мыслью великой республикѣ запада". Эмиграція болѣе и болѣе доказываетъ ему, что онъ способенъ къ такой-же хорошей жизни и къ такому-же совершенствованію, какъ и другіе народы. Онъ сознаетъ свои недостатки и ненавидитъ тѣ условія, которыми они развиты и поддерживаются, видя, какъ при другихъ условіяхъ эти недостатки исчезаютъ и измѣняется къ лучшему даже самый характеръ народа. Мы остановимся здѣсь нѣсколько времени на сравнительной характеристикѣ ирландцевъ въ Ирландіи и заграницей.

Древніе ирландцы славились своимъ трудолюбіемъ, но англійское владычество совершенно изгладило изъ народнаго характера эту черту. Лѣность ирландцевъ вошла въ пословицу въ Англіи. „Ирландія лѣнива, говорилъ Брайтъ въ 1848 г.,— поэтому она и умираетъ съ голода; Ирландія умираетъ съ голода, поэтому и бунтуетъ". Семьсотъ лѣтъ ирландцу доказывали, что онъ не долженъ быть богатымъ, что своимъ трудомъ онъ долженъ только обогащать другихъ, и вотъ онъ чувствуетъ теперь отвращеніе отъ этого труда. На полѣ фермера чаще больше плевелъ, чѣмъ хлѣба или картофеля. „Мы такъ бѣдны", отвѣчаетъ ирландецъ на упреки въ лѣни, которою онъ еще усиливаетъ свою бѣдность, и съ тупой апатіей продолжаетъ жить въ грязи, которая наполняетъ его хижину; у него нѣтъ энергіи даже на-столько, чтобы выместь эту грязь. Вѣка притѣсненій отразились и на легко воспламеняющемся, порывчатомъ характерѣ народа и на его нравственныхъ правилахъ. „Ирландецъ, говоритъ Бомонъ,—лѣнивъ, лживъ, невоздерженъ, сильно склоненъ къ насиліямъ... Иногда онъ не

удовлетворяется поджогомъ, убійствомъ, а подвергаетъ свою жертву продолжительнымъ мученіямъ. Часто въ своей ярости онъ столько-же несправедливъ, какъ и жестокъ, и мститъ личностямъ, вовсе невиновнымъ въ томъ злѣ, какое причинено ему... Иногда онъ насилуетъ женъ и дочерей, чтобы ихъ позоромъ наказать ихъ мужей и отцовъ". Жестокій со слабыми, ирландецъ дѣлается льстивымъ и раболѣпнымъ передъ силою... Ложь и вѣроломство служатъ у него такими-же орудіями, какъ и жестокость. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, сущность ирландскаго характера остается все-таки неиспорченною. „Несомнѣнно, замѣчаетъ Тренчъ, что въ крови каждаго ирландца вмѣстѣ съ чуткой любовью къ справедливости обращается и способность къ возмущенію". Любовь къ справедливости, благодаря извѣстнымъ условіямъ, выражается въ формѣ ужасающихъ несправедливостей.

Но все сказанное нами относится только къ ирландцамъ, живущимъ въ отечествѣ. Тотъ-же Брайтъ, который порицаетъ ирландца за лѣность, говоритъ: „Все можно сдѣлать изъ него, только не на его родинѣ. Пройдя американскую школу, онъ является такимъ-же трудолюбивымъ, такимъ-же самостоятельнымъ, такимъ-же вѣрнымъ, такимъ-же добрымъ гражданиномъ американской республики, какъ и всякій другой, родившійся въ предѣлахъ владѣній этого государства... Праздность ирландскаго народа не его вина. По большей части, это праздность вынужденная, такъ-какъ извѣстно, что когда ирландцы являются въ Англію или эмигрируютъ въ Соединенные Штаты или въ колоніи, то они оказываются почти самымъ работящимъ народомъ въ свѣтѣ. Мы нанимаемъ ихъ въ Ланкашейрѣ и за хорошую плату они работаютъ такъ-же хорошо, они такъ-же достойны довѣрія, такъ-же спокойны и расположены подчиняться закону, какъ и народъ нашей страны". „Ирландцы въ Америкѣ, говоритъ авторъ The Irish in America,—постоянно развиваются, идутъ впередъ, улучшаютъ свое положеніе, и вообще, оставляя свое отечество, они очень много выигры-

ваютъ. Во всѣхъ отрасляхъ жизни они замѣтны здѣсь,—какъ купцы, банкиры, фабриканты, адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, литераторы, ученые, артисты, учителя, воины, какъ люди, мудрые въ совѣтѣ, и страшные въ битвѣ, какъ государственные мужи". Но и заграницей не всѣ ирландцы исправляютъ свои національные недостатки, а только тѣ, которые попадаютъ въ лучшія условія, чѣмъ въ отечествѣ. Д-ръ Маколэ, новѣйшій наблюдатель ирландской жизни (Ireland in 1872, London, 1873), говоритъ по поводу этого: „Ирландское народонаселеніе Манчестера, Ливерпуля, Гласгова, Лондона и другихъ большихъ городовъ Англіи и Шотландіи доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ. Большею частію это люди трудолюбивые и почтенные... Но въ то-же самое время во всѣхъ этихъ городахъ есть притоны нищеты и порока, въ которыхъ ирландскій характеръ проявляется со всѣми своими худшими чертами. Самые скверные кварталы обыкновенно тѣ, въ которыхъ живутъ ирландцы... Рабочій, который въ Ирландіи получаетъ 3 шиллинга въ день и проживаетъ ихъ, въ Англіи получаетъ 4 шиллинга, живетъ на 3 и пропиваетъ четвертый".

Таковы были результаты эмиграціи для эмигрантовъ. Что-же сталось съ Ирландіей вслѣдствіе „очистки" ея посредствомъ голода и эмиграціи?

Англичане говорятъ, что эта очистка весьма благотворно отозвалась на развитіи Ирландіи, и если послѣдняя продолжаетъ еще бѣдствовать, то оттого только, что все еще страдаетъ избыткомъ народонаселенія, все еще недостаточно „очищена"...

Убыль 3,000,000 народа изъ 8,000,000 должна была произвесть громадный переворотъ въ экономической жизни страны; и англичане доказываютъ, что переворотъ этотъ совершился къ лучшему. Съ 1848 г. правительство облегчило продажу заложенныхъ недвижимыхъ имѣній, которыхъ и продано до 1859 г. на сумму 25,190,839 ф. ст. Такимъ образомъ,

$^1/_5$ ирландской земли перешла отъ невѣжественныхъ, несостоятельныхъ и расточительныхъ ландлордовъ въ руки предпріимчивыхъ капиталистовъ, заботившихся о раціональной обработкѣ земли, которая распредѣлилась между большимъ числомъ владѣльцевъ: 3,000 имѣній, проданныхъ до 1858 г., были раздѣлены на 8,000. Вслѣдствіе этого, количество обработанныхъ земель съ 1841 по 1850 увеличилось съ 13,464,000 до 14,802,000 акровъ; поземельный доходъ, составлявшій въ 1841 г. 12,500,000, возвысился въ 1861 г. до 15,625,000 ф. ст. Въ 1841 г. въ Ирландіи было скота на 21,800,000, а въ 1861 г. на 41,700,000 ф. ст. Рабочая плата батракамъ, составлявшая въ 1841 г. 8—9 пенсовъ, поднялась до 1 шиллинга въ день. Вкладовъ въ ирландскіе банки было въ 1841 г. 6,250,000, а въ 1861 г. 15,625,000 ф. ст. Вслѣдствіе ежегоднаго ввоза 4,000,000 квартеровъ пшеницы и маиса, питаніе народа улучшилось не только качественно, но и количественно, такъ-какъ число ртовъ уменьшилось. „Островъ, говоритъ Лавелэ,—уже не представляетъ того однообразнаго характера раззоренія, который такъ грустно поражалъ путешественника тридцать лѣтъ назадъ. Нѣкоторые землевладѣльцы произвели на свой счетъ необходимыя работы, другіе заключили со своими арендаторами долгосрочные контракты, которые позволили послѣднимъ привести въ надлежащій порядокъ свои фермы. Поэтому въ настоящее время вы видите рядомъ обнаженныя, необработанныя пространства земли съ несчастными мазанками, разбросанными тамъ и сямъ, и великолѣпныя помѣстья, населенныя счастливыми земледѣльцами“. Въ послѣднее время въ особенности процвѣтаетъ провинція Ульстеръ, вслѣдствіе обезпеченности въ ней пользованія землей, о чемъ мы уже говорили. „Въ Ульстерѣ, говоритъ Ричардъ Адамсъ,—земледѣліе совершенствуется, торговля процвѣтаетъ, голодъ почти неизвѣстенъ, народъ хорошо ѣстъ, хорошо одѣвается, живетъ въ хорошихъ домахъ и получаетъ хорошее воспитаніе. Ульстеръ единственная провинція, въ которой ки-

питъ промышленность, въ которой кирпичныя красныя трубы, такъ ненавистныя артисту, пестрятъ ландшафтъ. Ульстеръ обѣщаетъ скоро сдѣлаться Манчестеромъ въ промышленности и Ливерпулемъ въ торговлѣ". Въ умственномъ и нравственномъ развитіи народа также замѣтна перемѣна къ лучшему. Книжные магазины, типографіи, новыя книги размножаются. Въ 1846 г. въ Ирландіи было 106 газетъ, въ томъ числѣ 1 ежедневная; въ 1872 г. было уже 137 газетъ, изъ нихъ 19 ежедневныхъ. Нравы народа значительно смягчились. Оргій, сопровождавшихъ прежде похороны, и плакальщицъ, которыхъ нанимали для провожденія покойниковъ, теперь уже нѣтъ. Ярмарки и приходскіе праздники, на которыхъ въ старину было столько пьянства, дракъ, убійствъ, боксированья, сдѣлались гораздо спокойнѣе и приличнѣе. Дуэли, кулачный бой, поголовное пьянство со всевозможными безобразіями также значительно ослабѣли.

Но какъ ни замѣтенъ ирландскій прогрессъ, онъ все-таки непроченъ, а главное—крайне одностороненъ. Послѣ голода, продажи заложенныхъ имѣній и исчезновенія „посредниковъ", въ Ирландіи начали уменьшаться въ своемъ количествѣ мелкія фермы и въ ущербъ имъ умножаться среднія. Почти всѣ заложенныя имѣнія перешли или къ ландлордамъ, или къ капиталистамъ средней руки. Мелкихъ-же фермеровъ выгоняли попрежнему, чтобы изъ соединенія нѣсколькихъ миніатюрныхъ арендъ сдѣлать одну средней руки. Въ одномъ только 1850 г. было согнано 75,000 фермеровъ. Въ одномъ имѣніи, въ графствѣ Клеръ, съ 1850 по 1869 г. было согнано 1,442 семейства. Въ 1866—68 г. было согнано около 4,500 фермеровъ. Мелкія фермы начали сильно уменьшаться въ своемъ числѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ таблицъ *):

*) Составлены по Лавелэ, К. Марксу и Маколэ; *н. ц.*—значитъ нѣтъ цифры.

	въ 1841 г.	въ 1861 г.	въ 1871 г.
Фермъ не болѣе 1 акра. . .	н. ц.	40,080	44,448
— отъ 1 до 5 акровъ .	310,436	85,461	74,809
— отъ 5 до 15 акровъ .	252,799	183,931	171,383
— отъ 15 до 30 акровъ .	79,342	141,252	138,647

По вычисленіямъ Маколэ, фермъ въ 1 акръ и менѣе съ 1841 по 1871 г. уменьшилось на 55%, а фермъ въ 15—30 акровъ съ 1841 по 1861 г. увеличилось почти вдвое. Еще таблица:

	въ 1864 г.		въ 1871 г.	
	Число фермъ.	Пространство ихъ въ акрахъ.	Число фермъ.	Пространство ихъ въ акрахъ.
Фермъ не болѣе 1 акра	48,653	25,394	44,448	25,334
— отъ 1 до 5 ак.	82,037	288,916	74,809	266,665
— отъ 5 до 15 ак.	176,368	1,836,310	171,383	1,798,178
— отъ 15 до 30 ак.	136,578	3,051,343	138,647	3,090,114
— отъ 30 до 50 ак.	71,961	2,906,274	72,787	2,938,351
— отъ 50 до 100 ак.	54,247	3,983,880	55,062	4,048,984

Такимъ образомъ, фермы менѣе 15 акровъ значительно уменьшились даже въ короткій промежутокъ между 1864 и 1871 гг., а фермы больше 15 акровъ умножились. Съ 1861 по 1871 г. первыхъ уменьшилось на 12,548. Дѣла, очевидно, идутъ къ тому, чтобы уничтожить мелкія аренды, въ особенности тѣ, которыя не превышаютъ 15 акровъ, заставить мелкихъ арендаторовъ выселиться или превратить ихъ въ батраковъ и передать всю землю въ руки крупныхъ арендаторовъ. „Сосредоточеніе хозяйствъ, говоритъ Марксъ, — уничтожило главнымъ образомъ аренды, непревышающія 15 акровъ. Прежде всего должны исчезнуть онѣ. Это дастъ 307,058 „излишнихъ“ арендаторовъ, считая-же среднимъ числомъ ихъ семейства состоящими изъ 4 человѣкъ,—всего 1,228,232 ч. Дѣлая невѣроятно преувеличенное предположеніе, что $1/4$ этихъ лицъ найдетъ себѣ занятіе въ странѣ по совершеніи

земледѣльческаго переворота, мы все-таки получаемъ 921,174 лица, которые должны эмигрировать. Фермы, начиная съ 15 и не выше 100 акровъ, какъ уже давно извѣстно въ Англіи, слишкомъ малы для капиталистическаго земледѣлія, для овцеводства-же представляютъ безконечно малыя величины. При такой-же невѣроятно высокой смѣтѣ числа оставшихся, какая сдѣлана выше, должно выселиться, слѣдовательно, еще 788,761 ч., а всего 1,709,532 ч. А такъ-какъ l'appetit vient en mangeant, то глаза рантьеровъ найдутъ, что Ирландія и съ $3 \frac{1}{2}$ милліонами жителей слишкомъ бѣдствуетъ, а бѣдствуетъ оттого, что чрезмѣрно населена, и потому народонаселеніе ея должно еще болѣе уменьшиться, чтобы она могла, наконецъ, выполнить свое истинное призваніе—быть англійской овчарней и пастбищемъ“. Впрочемъ, въ настоящее время мелкіе и средніе арендаторы (обрабатывающіе не больше 100 акровъ) все еще имѣютъ въ своихъ рукахъ $^8/_{10}$ ирландской земли, которая раздѣлена между 9,000 собственниковъ.

Часть согнанныхъ съ земель мелкихъ фермеровъ, неэмигрировавшихъ въ Америку, поступила въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ, а масса превратилась въ жалкихъ земледѣльческихъ батраковъ. „Они, говоритъ Милль,—живутъ въ величайшей бѣдности. Задѣльная плата, правда, значительно возвысилась, но въ то-же время значительно возвысилась и стоимость содержанія, такъ что номинальное улучшеніе вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“. Независимо отъ положенія народной массы, о которомъ мы будемъ говорить ниже болѣе подробно, вышеприведенныя статистическія данныя относительно ирландскаго прогресса далеко не подтверждаютъ тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаются изъ нихъ англійскими оптимистами. Количество обработанныхъ земель увеличивалось не долго и съ 1850 г. стало уменьшаться. Въ 1850 г. обработанныхъ земель было 14,802,581, а въ 1860 только 5,970,139 акровъ, затѣмъ 5,519,678 акровъ. Съ 1861 по 1865 г. количество земли, засѣянной хлѣбомъ, уменьшилось на 428,041.

а засѣянной картофелемъ уменьшилось на 107,984 акра. Въ 1860—1863 гг. пространство воздѣланной земли уменьшилось на 400,000, а пространство пастбищъ увеличилось на 500,000 акровъ. Въ 1869 г. пашенъ уменьшилось еще на 164,000 акровъ. Въ 1866 г. изъ 20,815,460 акровъ всей земли было подъ пастбищами 10,004,244, а подъ пашнями только 5,520,568 акровъ *). Льну было добыто въ 1866 г. 819,825 центнеровъ, на 2,049,562 ф. ст.; въ 1870 г.—615,500 центнеровъ, а въ 1871 г.—только 258,588 цент., на 727,481 ф. стерл. Всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ было въ 1859 г. на 39 милліоновъ ф. ст., въ 1860 г.—на 34 м., въ 1862 г.—на 29 мил., въ 1863 г.—на 27 мил. ф. стерл. По таблицамъ Маркса (томъ I, стр. 603—606) въ 1860—1865 гг. изъ 619,811 лошадей убыло 72,358, рогатаго скота убыло 116,626, а прибыло только 146,608 овецъ да 28,819 свиней. Производительность земли, вслѣдствіе истощенія, также падаетъ. Система земледѣлія, улучшенная только по мѣстамъ, въ большей части имѣній остается въ прежнемъ плохомъ состояніи, и, по вычисленію Лаверня, необходимо 320,000,000 ф. ст., чтобы обработанную ирландскую землю довести до такого-же совершенства, какимъ отличается земля другихъ цивилизованныхъ странъ!.. Въ 1847 г. пустыхъ, но способныхъ къ воздѣлыванью земель было 4,600,000 акровъ. Ихъ предлагали продать мелкими участками по 20 — 30 акровъ и, такимъ образомъ, создать крестьянъ-собственниковъ; но вмѣсто того, земли эти ушли подъ барановъ, хотя и въ настоящее время ихъ остается еще 1,000,000 акровъ. Въ одномъ, очень важномъ, отношеніи ирландское земледѣліе послѣ 1847

*) Писатели, доказывающіе прогрессъ Ирландіи, говорятъ, что въ 1841 г. пахотныхъ земель было 13,464,000 акровъ, а въ 1866 г. — 15,549,000 акровъ (Jervis, p. 306). Но это просто недобросовѣстный фокусъ. *Способной къ воздѣлыванью* земли, arable land, въ Ирландіи, дѣйствительно, около 16,000,000 акровъ, но *воздѣланной* только около 5½ милліоновъ.

года сдѣлало даже значительный шагъ назадъ. Голодъ 1846 года былъ слѣдствіемъ картофельнаго неурожая, и подобные голода будутъ угрожать странѣ до тѣхъ поръ, пока она не замѣнитъ хлѣбной пищей картофель, который нельзя запасать на случай неурожаевъ. Между тѣмъ Ирландія поступаетъ совершенно наоборотъ, увеличивая производство картофеля и уменьшая разведеніе пшеницы. Было посѣяно акровъ:

	пшеницы.	картофеля.
Въ 1847 г. . . .	743,000	284,000
— 1848 г. . . .	565,000	742,000
— 1852 г. . . .	353,000	876,000
— 1856 г. . . .	529,000	1,104,000
— 1859 г. . . .	465,000	1,200,000
— 1861 г. . . .	406,000	1,133,000

Слѣдовательно, Ирландія распорядилась своими производительными силами не такъ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія голода, а такъ, чтобы въ случаѣ этого несчастія еще болѣе усилить его сравнительно съ 1846—1847 гг. Другой важный источникъ народнаго питанія и обезпеченія на случай неурожаевъ, рыбныя ловли, также падаютъ. На ирландскихъ морскихъ водахъ было:

	ирландскихъ судовъ.	рабочихъ.
Въ 1846 г. .	19,883	113,073
— 1848 г. .	19,652	81,717
— 1852 г. .	11,789	58,789
— 1862 г. .	11,590	50,220
— 1871 г. .	8,999	38,629

Всѣ рыбныя ловли, вдобавокъ, монополизированы разными спекуляторами, а у народа нѣтъ для рыболовства ни судовъ, ни снастей. Мелкая торговля значительно уменьшилась. „Какъ ни мало индивидуальное потребленіе эмигрировавшихъ, говоритъ Марксъ,—въ общемъ итогѣ прекращеніе его оставляетъ на внутреннемъ рынкѣ пробѣлъ, отражаю-

щійся главнымъ образомъ на мелочныхъ лавочникахъ и ремесленникахъ и вообще на мелкихъ промышленникахъ. Выселеніе каждой новой партіи обращаетъ часть мелкаго средняго класса въ пролетаріевъ". Это можно видѣть изъ уменьшенія доходовъ (кромѣ арендаторскихъ) ниже 100 ф. ст. О'Коннoръ Морисъ, путешествовавшій по Ирландіи въ 1869 г., свидѣтельствуетъ, что почти всѣ города значительно пали съ 1846 г., несмотря на блестящія наружныя улучшенія, которыя бросаются въ глаза особенно въ Дублинѣ, несмотря на страшно увеличившееся потребленіе предметовъ роскоши. „Въ немногихъ городахъ, говоритъ онъ,—контрасты между бѣдностью и богатствомъ такъ рѣзки, какъ въ Дублинѣ". Къ тому-же и наружные успѣхи цивилизаціи, доки, желѣзныя дороги, телеграфы и т. п., произведены не столько ирландцами, сколько англійскими предпринимателями, въ пользу которыхъ и идутъ барыши, доставляемые ими.

За исключеніемъ немногочисленнаго контингента ландлордовъ и крупныхъ фермеровъ, масса народа попрежнему остается въ нищетѣ. „Богатые джентльмены и богатые фермеры, говоря вообще, чрезвычайно богаты, крестьяне-же и земледѣльческіе работники чрезвычайно бѣдны", говоритъ О'Коннoръ Морисъ. Случаи голодной смерти бываютъ постоянно. Тифъ, черная оспа и другія эпидеміи не перестаютъ поражать народъ, вслѣдствіе дурного питанія и отвратительныхъ помѣщеній, въ которыхъ люди живутъ вмѣстѣ со свиньями или „лошадь стоитъ въ одномъ углу хижины, а семья обѣдаетъ въ другомъ". Гораздо лучше земледѣльцевъ живутъ ирландскіе фабричные рабочіе, но посмотрите, какъ хороша и эта „лучшая" жизнь. „Во время моего послѣдняго обзора сѣвера Ирландіи, говорилъ одинъ фабричный инспекторъ,—меня поразили старанія одного искуснаго ирландскаго рабочаго дать образованіе своимъ дѣтямъ, несмотря на самыя убогія средства. Я привожу его показанія буквально, какъ слышалъ отъ него самого. Что онъ дѣйствительно искусный

работникъ, видно изъ того, что его употребляли при изготовленіи товаровъ для манчестерскаго рынка. „Я работаю съ 6 часовъ утра до 11 ночи, съ понедѣльника до пятницы; по субботамъ мы кончаемъ въ 6 часовъ вечера; 3 часа намъ дается на ѣду и отдыхъ. У меня пятеро дѣтей. Я получаю въ недѣлю 10 шиллинговъ 6 пенсовъ; жена моя также работаетъ и получаетъ въ недѣлю 5 шиллинговъ. Старшая, 12-лѣтняя, дочь смотритъ за домомъ; она наша кухарка и единственная помощница. Она приготовляетъ дѣтей въ школу. Жена моя вмѣстѣ со мною встаетъ и вмѣстѣ уходитъ. Дѣвочка, которая проходитъ мимо нашего дома, будитъ меня въ половинѣ 6-го часа. Передъ отправленіемъ на работу мы ничего не ѣдимъ. Двѣнадцатилѣтній ребенокъ смотритъ за младшими дѣтьми втеченіи дня. Завтракаемъ мы въ 8 часовъ и для этого ходимъ домой; чай у насъ бываетъ разъ въ недѣлю; въ другіе-же дни у насъ бываетъ каша, обыкновенно овсяная, а если есть возможность, то иногда и рисовая. Лѣтомъ мы собираемъ картофель, которымъ сами засѣваемъ клочекъ земли; когда-же онъ выйдетъ, то принимаемся опять за кашу. Такъ идетъ изо дня въ день, въ праздникъ и въ будни, круглый годъ. По вечерамъ, послѣ дневной работы, я всегда страшно устаю. Немного мяса мы ѣдимъ въ исключительныхъ случаяхъ, но очень рѣдко. Трое нашихъ дѣтей посѣщаютъ школу и мы платимъ за каждаго по 1 пенни въ недѣлю. Наемъ дома обходится въ недѣлю 9 пенсовъ, торфъ для топки составляетъ, по крайней мѣрѣ, 1 ш. 6 п. въ 2 недѣли“. Каково-же послѣ этого положеніе земледѣльческаго батрака, получающаго—самое большее—7 шиллинговъ въ недѣлю!.. Вотъ въ какомъ положеніи живетъ масса земледѣльцевъ, по свидѣтельству Реванса, секретаря комиссіи для изслѣдованія о бѣдныхъ (Irish poor law Enquiry Comission). „Каждое крестьянское семейство, неимѣющее достаточно земли для своего содержанія, поддерживаетъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ посредствомъ милостыни; понятно, что

оно съ радостью ухватывается за каждый клочекъ земли, который можно взять въ аренду, не обращая вниманія ни на плодородность почвы, ни на возможность или невозможность платить ренту. Ренту, на которую соглашаются эти бѣдняки, они почти никогда не въ состояніи уплачивать; вслѣдствіе этого они немедленно-же по снятіи земли дѣлаются должниками тѣхъ, у кого сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ всю сумму продуктовъ земли, за исключеніемъ извѣстнаго количества картофеля, необходимаго для ихъ пропитанія; но такъ-какъ урожай рѣдко равенъ цѣнности обѣщанной ренты, то долгъ ихъ постоянно возрастаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже наибольшее количество продуктовъ, какое только можетъ дать ихъ земля или какое, при своей системѣ земледѣлія, они могутъ добыть въ самое благопріятное для нихъ время, не можетъ окупить требуемой ренты. Слѣдовательно, если-бы крестьянинъ и исполнялъ свои обязательства, данныя ландлорду,—что онъ рѣдко можетъ сдѣлать,—то самъ онъ все-таки не получитъ никакой выгоды отъ обработки земли и только заплатитъ землевладѣльцу за позволеніе обработать ее. На морскомъ берегу рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ ткачи часто платятъ въ видѣ ренты больше, чѣмъ стоятъ по рыночнымъ цѣнамъ всѣ продукты арендуемой ими земли. Можно предполагать, что при такихъ условіяхъ они жили-бы лучше безъ земли. Но уловъ рыбы или запросъ на продукты ткацкихъ станковъ могутъ прекратиться на недѣлю или на двѣ, и, въ такомъ случаѣ, безъ земли они могутъ умереть съ голода. Впрочемъ, вся сумма аренды рѣдко уплачивается. Крестьянинъ постоянно остается въ долгу своему ландлорду; все его жалкое имущество—лохмотья, которыми прикрыты онъ и его семейство, два или три стула да нѣсколько горшковъ—не могутъ при продажѣ покрыть его вѣчнаго и постоянно возрастающаго долга. Большая часть крестьянъ въ долгу за годъ. Если когда-нибудь и выпадаетъ годъ чрезвычайно обильнаго урожая или, благодаря случай-

ности, крестьянинъ пріобрѣтаетъ что-нибудь лишнее, его жизнь все-таки не улучшается; его пища не становится ни лучше, ни изобильнѣе; ни онъ, ни жена его, ни дѣти не могутъ завести себѣ новой одежды. Пріобрѣтенное должно идти кредитору, у котораго онъ арендуетъ землю; случайно добытая лишняя сумма даетъ ему только возможность заплатить долгъ и избавиться отъ изгнанія съ фермы". Этотъ несчастнѣйшій разрядъ фермеровъ, эти „хижинщики" (cottiers) находятся въ такомъ положеніи, что, по замѣчанію Милля, „они не могли бы жить, если-бы ландлордъ вздумалъ когда-нибудь воспользоваться всѣми своими легальными правами".

Оптимисты утверждаютъ, что ирландскіе земледѣльцы должны пользоваться теперь гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ прежде, такъ-какъ задѣльная плата постепенно возвышается. Но дѣло въ томъ, что въ такой-же точно постепенности усиливается дороговизна жизни и поднимается цѣна ренты. Остальныя-же условія, которыми обстановлена жизнь крестьянина, до послѣдняго времени не измѣнились ни въ чемъ существенномъ. Въ то время, какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ изъ 6 жителей 1 поземельный собственникъ, въ Ирландіи 1 поземельный собственникъ приходился болѣе, чѣмъ на 600 человѣкъ. Несмотря на то, что трудъ ирландскаго земледѣльца продолжается въ годъ отъ 135 до 200 дней, смотря по обстоятельствамъ, остальное-же время остается у него незанятымъ, Ирландія все-таки существуетъ однимъ земледѣліемъ и, продавая Англіи свое сырье, деньги, полученныя за него, отдаетъ той-же Англіи въ видѣ поземельной ренты и платы за мануфактуры, сдѣланныя изъ ирландскаго сырья. Земледѣльческій элементъ, находящійся подъ давленіемъ землевладѣльческаго, играетъ главную роль и въ ирландскомъ самоуправленіи. Въ настоящее время считается:

	городскихъ избирателей.			сельскихъ избирателей.
Въ Англіи . . .	1,250,019	—	—	801,109
— Шотландіи . .	171,912	—	—	78,919
— Ирландіи . .	49,025	—	—	175,439

Арендаторы ирландскіе раздѣляются на два, рѣзко-отличающіеся одинъ отъ другого, разряда—капиталистовъ и крестьянъ-фермеровъ. Первые снимаютъ фермы, чтобы нажить барыши на капиталъ, затраченный на земледѣльческое предпріятіе, а вторые, чтобы какъ-нибудь прокормиться со своими семьями; первые договариваются съ ландлордами, какъ равная съ послѣдними экономическая сила, и всегда заключаютъ контракты на болѣе или менѣе продолжительные сроки; послѣдніе, подъ гнетомъ нужды, контрактовъ не заключаютъ, снимаютъ ферму на годъ, по „добровольному соглашенію“ (at will). Само собою понятно, что ландлорды предпочитаютъ сдавать землю на послѣднемъ условіи. По даннымъ 1870 г., изъ 682,148 фермъ 20,217 находились въ рукахъ собственниковъ, 135,392 въ арендѣ по контракту и 526,539 въ арендѣ безъ всякихъ условій, на доброй волѣ собственника. Ландлордъ попрежнему сгонялъ такихъ арендаторовъ, когда только хотѣлъ, и это, по выраженію Гладстона, „поддерживало хроническій недугъ, подтачивающій ирландское общество“. Право ландлордовъ на всѣ улучшенія, сдѣланныя арендаторомъ на фермѣ, упорно держалось и въ жизни, и въ юридической практикѣ. Если-бы это право не умѣрялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстными опасеніями, барскою небрежностью, гуманнымъ чувствомъ, то невозможно измѣрить глубину несчастій, въ которую оно повергло-бы ирландскихъ фермеровъ. Вотъ однажды Ок. Морисъ видитъ въ уединенномъ мѣстѣ отличный домъ съ тафельной крышей и спрашиваетъ арендатора, онъ-ли построилъ этотъ домъ. „О, нѣтъ, сэръ, отвѣчаетъ тотъ,—его выстроилъ мой предшественникъ; онъ теперь, бѣдный, въ Америкѣ“. Потомъ онъ прибавляетъ, бросая вокругъ себя взгляды ненависти и злобы:

„онъ долженъ былъ за годъ аренды 28 фунтовъ, а у него взяли домъ, который стоитъ 100 фунтовъ!“ Лесли разсказываетъ слѣдующую исторію: „Маркизъ Томандъ никогда не безпокоилъ своихъ арендаторовъ, не возвышалъ ихъ ренты и дозволялъ имъ производить всѣ работы, необходимыя для земледѣльческихъ улучшеній. Питая къ нему полное довѣріе, фермеры возводили строенія, осушали земли, производили всякія улучшенія; но маркизъ умираетъ, и его имѣнье продается; тогда несчастные фермеры потеряли все. Я видѣлъ, говоритъ одинъ свидѣтель,—несчастнаго земледѣльца, который собралъ все, что имѣлъ, для выкупа имъ самимъ созданныхъ предметовъ и, не успѣвъ въ этомъ, отправился въ Америку, затаивъ въ своемъ сердцѣ ненависть ко всему роду человѣческому“. Очищеніе фермъ совершалось въ большихъ размѣрахъ вплоть до 1870 г. Около этого времени корреспондентъ „Англійской Иллюстраціи“ писалъ, что „въ центральной Ирландіи вездѣ, въ горахъ, въ селахъ и вдоль дорогъ, вы встрѣчаете раззоренныя хижины; но въ графствѣ Майо вы проѣзжаете цѣлые округа, совершенно лишенные народонаселенія въ послѣднія шесть лѣтъ. Это теперь просто пустыня, и не видно ни людей, ни домашняго скота на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно существовали сотни маленькихъ фермъ. Въ окрестностяхъ Балибега обширныя болота превращены въ плодородную землю цѣною постояннаго труда нѣсколькихъ поколѣній; однако не пощадили и этой земли, завоеванной столь тяжкимъ трудомъ; многіе изъ обработавшихъ ее земледѣльцевъ были изгнаны“. Даже англійскіе судьи не стѣснялись гласно высказывать невыгодныя мнѣнія объ упомянутомъ правѣ ландлорда. Въ 1863 г. одинъ фермеръ, жалуясь на изгнаніе, заявлялъ, что онъ произвелъ на фермѣ такія улучшенія, которыя возвысили цѣнность ея на 900 ф. ст., а самъ онъ сдѣлался нищимъ. Судья отвѣчалъ: „бѣдный человѣкъ, вамъ невозможно помочь; правосудіе за васъ, но законъ противъ васъ!..“

Ненадежность пользованія землей и право ландлорда на улучшенія, сдѣланныя фермеромъ, были главною причиною ирландской нищеты. Гдѣ дѣйствовало упомянутое уже нами обычное *право пользователя* и земля сдавалась по контракту, тамъ не было и нищеты. Кучеръ Мориса справедливо замѣтилъ ему: „гдѣ вы видите довольство, тамъ, значитъ, существуетъ арендный контрактъ; гдѣ вы видите нищету, тамъ землевладѣлецъ въ немъ отказываетъ“. „Прекрасныя строенія, говоритъ Морисъ,—крытыя аспидомъ или черепицей, посреди хорошо обработанныхъ полей, хорошо откормленный скотъ и работники, чисто одѣтые, съ довольными лицами,—вотъ несомнѣнный признакъ, что земля сдана по контракту. Но вотъ рядомъ другая ферма: стоячая вода гніетъ, заражая воздухъ за неимѣніемъ стока. Нѣсколько полуразвалившихся хижинъ, подпертыхъ кольями, стоятъ посреди поросшихъ репейникомъ и сорными травами полей; чахлый скотъ свободно топчетъ ихъ, проходя черезъ поломанную изгородь. По дорогѣ навалены камни, которыхъ никто не потрудится прибрать. На скатѣ холма нѣсколько женщинъ въ лохмотьяхъ уныло роютъ лопатами поле для посѣва картофеля. Нищета ихъ дѣлаетъ еще болѣе мрачной эту картину запустѣнія“.

Что-же сдѣлала Англія для облегченія этой ужасающей нищеты? Она ввела налогъ въ пользу бѣдныхъ, стала собирать его съ милліоновъ нищихъ для содержанія нѣсколькихъ сотъ тысячъ другихъ нищихъ. Сборъ этотъ сдѣлался почти стольже ненавистенъ, какъ и протестантская десятина, и даже возбуждалъ мятежи. Въ 1858 г. налогъ этотъ составлялъ 413,000, а въ 1871 г. 685,000 ф. ст. Помогая немногимъ, онъ только усиливаетъ нищету остальныхъ.

Такимъ образомъ, поземельная система Ирландіи привела къ тому, что цѣлый 1,000,000 арковъ годныхъ къ воздѣлыванью земель не обрабатывается, а изъ остальной земли около $^2/_3$ лежитъ подъ пастбищами и только около $^1/_3$ подъ пашнями. „Эта система, говоритъ Макъ Кэрти,—сдѣлала ир-

ландскаго крестьянина самымъ несчастнымъ земледѣльцемъ въ Европѣ. Господство ея привело къ застою торговли, паденію мануфактуръ, обѣднѣнію городовъ и недовольству народа“.

X.

Всеобщее недовольство ирландскаго народа давно уже значительно измѣнило свой прежній характеръ религіозно-національной борьбы католическихъ кельтовъ съ саксонцами протестантскаго вѣроисповѣданія. Ирландскій вопросъ уже перешелъ въ соціально-политическій, и религіозныя отношенія занимаютъ въ немъ второстепенное мѣсто. Хотя до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Ирландіи почти всѣ землевладѣльцы протестанты, а всѣ фермеры и батраки католики, но вообще католическихъ ландлордовъ, а также фермеровъ и батраковъ протестантскаго вѣроисповѣданія довольно много. Послѣднимъ живется такъ-же плохо, какъ и католикамъ ихъ положенія; что-же касается католическихъ ландлордовъ, то „эти джентльмены, говоритъ Морисъ,—въ большинствѣ случаевъ нисколько не популярнѣе ихъ протестантскихъ собратій и хозяйничаютъ въ своихъ имѣніяхъ на одинаковыхъ съ последними основаніяхъ“. Чистой ирландской расы тоже почти уже нѣтъ, и ирландская кровь сильно смѣшана съ англійскою, шотландскою, французскою. Чистые кельты занимаютъ только западный уголъ страны, населяя большую часть графствъ Керри и Клэръ и береговую полосу въ графствахъ Гальвей и Майо. Сѣверъ и восточный берегъ заселенъ потомками шотландскихъ, норманскихъ и англійскихъ колонистовъ, а центръ страны—ирландцами, смѣшанными съ англосаксонцами и бельгійцами. Такимъ образомъ, ирландская національность изъ расовой формы перешла уже въ политическую, и народныя движенія приняли чисто-политическій характеръ. Главнымъ мотивомъ этихъ движеній служитъ

все тотъ-же злополучный аграрный вопросъ, этотъ гордіевъ узелъ, надъ завязываньемъ котораго трудились семь вѣковъ. Аграрныя преступленія продолжаются попрежнему, и замѣчательно, что аграріанизмъ особенно силенъ, между прочимъ, въ мѣстностяхъ, жители которыхъ или происходятъ отъ англичанъ, или имѣютъ въ своихъ жилахъ значительную примѣсь англійской крови, какъ, напр., въ Westmeath'ѣ. Ирландія все еще находится въ томъ несчастномъ, болѣзненномъ состояніи, по поводу котораго Синьоръ сказалъ: „въ Ирландіи два кодекса: одинъ, изданный парламентомъ и примѣняемый судьями, другой—составленный поселянами и исполняемый убійцами". Волненія, возбужденныя въ шестидесятыхъ годахъ усиленіемъ народныхъ нуждъ и сознаніемъ необходимости въ поземельной реформѣ, сопровождались и усиленіемъ аграрныхъ преступленій, которыхъ было:

Въ 1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.
88	123	160	767	1,329.

Что эти преступленія гораздо слабѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ право пользователя и обезпеченное владѣніе землей, доказываетъ слѣдующая таблица по даннымъ 1861 г:

	Число жителей.	Убійствъ.	Число убійствъ на 10,000 жит.	Угрожающихъ писемъ.
Въ Ульстерѣ.	1,760,420	42	0,24	845.
Въ остальной Ирландіи .	3,702,695	235	0,63	2,731.

Аграрныя преступленія служатъ результатомъ извращенныхъ страстей народа. Положеніе этого народа было-бы безнадежнымъ и отчаяннымъ, если-бы онъ участвовалъ въ насущномъ вопросѣ своей жизни только такимъ преступнымъ образомъ. Но независимо отъ аграріанизма, ирландскій народъ сознаетъ свои нужды и работаетъ мыслью надъ ихъ удовлетвореніемъ. Тотчасъ послѣ голода 1846—47 г. въ провинціи Мюнстеръ, въ графствѣ Типперари, составилась изъ

мелкихъ арендаторовъ и земледѣльцевъ „лига типперарскихъ фермеровъ“, которая и внесла въ свою программу, что „право ландлорда будетъ ограничено правомъ фермера. Ландлордъ будетъ получать свою ренту за землю, но фермеръ будетъ занимать эту землю на вѣчныя времена. Рента не будетъ больше назначаться произволомъ ландлорда или его агентовъ, но опытными присяжными или какимъ-нибудь трибуналомъ, положеніе котораго между ландлордомъ и фермеромъ было-бы совершенно безпристрастно“. О'Коннoръ Морисъ въ своемъ путешествіи убѣдился, что весь народъ, во всей Ирландіи, страстно, неудержимо, не допуская никакихъ возраженій, желаетъ правъ пользователя и *постояннаго владѣнія землей*, fixity of tenure (pages 25, 53, 65, 85, 313 и др). Желаніе пользоваться землей по долгосрочнымъ контрактамъ существовало уже сотни лѣтъ назадъ и, не будучи удовлетворено, расширило свои требованія. Одинъ собственникъ замѣтилъ Морису, что „теперь уже слишкомъ поздно удовлетворять его; ландлорды предпочитали держать своихъ фермеровъ въ порабощеніи, и я боюсь, что фермеры давно уже настолько деморализированы и возбуждены, что не удовлетворятся уступкою долгосрочныхъ контрактовъ“. Дѣйствительно, въ народѣ сильно уже развито стремленіе къ поземельной собственности и сознаніе права собственности. „Народъ Ирландіи, говоритъ Тренчъ,—положилъ въ это дѣло свою душу и готовъ драться до послѣдней капли крови, чтобы добыть себѣ снова старый законъ“. Молодая партія ирландскаго католическаго духовенства поддерживаетъ и подогрѣваетъ эти стремленія. Народъ еще помнитъ о своемъ старомъ брегонскомъ правѣ, когда у него существовала сельская община. И хотя теперь она давно уже не владѣетъ землей, но остатки сельской общины сохраняются по мѣстамъ до настоящаго времени въ формѣ такъ-называемаго joint tenancy, общиннаго фермерства. Вотъ, напр., деревня изъ 100 семей снимаетъ у ландлорда 200 акровъ и раздѣляетъ ихъ по 2 акра на семью; если ко-

торая семья не въ состоянiи платить аренды, то за нее платятъ остальныя. Поземельный вопросъ горячо обсуждался въ фермерскихъ клубахъ и на митингахъ и народъ болѣе и болѣе проникался сознанiемъ своихъ нуждъ и правъ. Въ клубахъ эти обсужденiя велись въ формѣ слѣдующихъ вопросовъ и отвѣтовъ. *В.* Слѣдуетъ-ли примѣнить fixity of tenure (постоянное пользованiе) и къ мелкимъ фермамъ?—*О.* Да.—*В.* Даже къ коттеджу и огороду работниковъ?—*О.* Да.—*В.* Если работникъ не захочетъ работать и станетъ красть мой овесъ, то въ правѣ-ли я прогнать его и взять другого? — *О.* Разумѣется; но вы не имѣете права отнять у него коттеджа и огорода.—*В.* Куда-же я помѣщу новаго работника? мнѣ придется строить для него новый домъ?—*О.* Я полагаю, что такъ.—*В.* Если новый работникъ умретъ, я не имѣю права отнять его домъ у вдовы? — *О.* Нѣтъ. — *В.* Такъ мнѣ придется строить третiй домъ?—*О.* Да, придется".—Волненiе народа, возбужденное этими вопросами, возрастало до 1870 г. со дня на день. Просвѣщеннѣйшiе люди Ирландiи и Англiи начали требовать реформы и предлагать проекты. Дублинскiй профессоръ Беттъ доказывалъ, что, наконецъ, необходимо „освободить рабовъ Ирландiи, давъ имъ аренды на срокъ не менѣе 60 лѣтъ за ренту, опредѣленную особой комиссiей экспертовъ". О'Брайанъ, главный шерифъ въ Лимерикѣ, писалъ, что „въ виду настоятельной необходимости, никакая жертва не должна казаться великою. Требованiе fixity of tenure — не утопiя мечтателей соцiалистовъ; она исходитъ изъ вѣрнаго сознанiя настоящихъ причинъ упадка земледѣлiя въ Ирландiи и нищеты ирландскаго народа". Джонъ Грей требовалъ распространенiя на всю Ирландiю ульстерскаго права пользованiя. Брайтъ проектировалъ созданiе класса крестьянъ-собственниковъ при денежномъ пособiи правительства. Покойный Милль въ своей брошюрѣ (Ireland and England) выяснилъ, что неизбѣжный переворотъ можно предупредить только превращенiемъ фермеровъ въ собственниковъ. „Земля Ирландiи,

говоритъ Милль,—принадлежитъ народу этой страны. Лица, называющіяся ландлордами, по правиламъ нравственности и справедливости, имѣютъ право только на ренту... Нѣтъ необходимости лишать ландлордовъ даже одного фартинга изъ стоимости ихъ легальныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы настоящіе замледѣльцы могли сдѣлаться въ Ирландіи тѣмъ-же, чѣмъ они дѣлаются въ Америкѣ,—собственниками земли, которую они воздѣлываютъ". Милль предлагалъ сдѣлать фермеровъ собственниками и обязать ихъ выплачивать ландлордамъ извѣстную аренду, гарантированную государствомъ. Въ родѣ этого-же былъ проектъ и профессора Роджерса.

Одновременно съ этимъ движеніемъ страну волновали и всѣ другіе вопросы, созданные англійской политикой. Уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи сдѣлалось настоятельною необходимостью подъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Съ 1852 г. все болѣе и болѣе возрастало неудовольствіе противъ такъ-называемыхъ національныхъ школъ въ Ирландіи, которыя снова сдѣлались орудіемъ протестантской пропаганды, равно какъ и рабочіе дома *). Множество католическихъ дѣтей, поступавшихъ въ эти дома, выходили изъ нихъ совращенными въ протестантство. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда національныя школы были чужды какой-бы то ни было религіозной пропаганды, католическое духовенство возбуждало противъ нихъ народъ, какъ противъ „училищъ безбожія и нечестія". Недостатки фиктивнаго самоуправленія, благодаря которымъ ирландскіе члены парламента подавлялись англій-

*) Въ Ирландіи было:

	Національн. школъ.	Учениковъ въ нихъ.
Въ 1834 г.	789	107,042
» 1852 »	4,875	544,604
» 1859 »	5,496	806,510
» 1870 »	6,806	998,999
» 1871 »	6,914	1,021,700

скимъ большинствомъ, возбуждали еще большее недовольство, чѣмъ національныя школы. „Я самымъ положительнымъ образомъ объявляю, что существующее нынѣ ирландское представительство есть обманъ, говорилъ Брайтъ въ парламентѣ.— Я думаю, что было-бы гораздо лучше, если-бы тамъ вовсе не было никакого представительства, такъ-какъ тогда народъ не былъ-бы вводимъ въ заблужденіе, что онъ имѣетъ представительное правленіе для защиты своихъ интересовъ. Число налоговъ, которые приходится народу платить для обезпеченія себѣ муниципальныхъ и парламентскихъ привилегій, такъ велико, что рѣшительно невозможно для представительныхъ корпорацій имѣть содержаніе, а для общественнаго мнѣнія (честнаго, дѣйствительнаго мнѣнія интеллигентныхъ классовъ Ирландіи) достигнуть приличной степени представительства въ великобританскомъ законодательствѣ... Вы сильно работали надъ этимъ ирландскимъ затрудненіемъ въ одну сессію за другою, и нѣкоторые изъ васъ почти изъ мальчиковъ сдѣлались сѣдовласыми старцами съ тѣхъ поръ, какъ оно въ первый разъ встрѣтилось вамъ на вашемъ законодательномъ поприщѣ; однакожъ, ни древняя, ни средняя исторія не представляетъ зрѣлища столь унизительнаго, какъ то, какое представляетъ міру Ирландія, и нѣтъ ни одного англійскаго джентльмена, который—если только онъ переправлялся нынѣ черезъ каналъ—не желалъ-бы избѣгать всякаго разговора съ иностранцами относительно положенія Ирландіи". О'коннелевская идея расторженія союза ожила въ Ирландіи съ новою силою. Партія „националистовъ", въ составъ которой входитъ туземная ирландская аристократія, ирландскіе торіи, заговорила о возстановленіи „ирландской справедливости", въ силу которой ирландская земля должна принадлежать ирландцамъ, Ирландія должна „управляться согласно съ ирландскими идеями" и имѣть свой парламентъ. Католики и протестанты дружно соединились для достиженія этой цѣли. Одинъ изъ вождей этого движенія, Геттъ предполагаетъ удержать феде-

ральную связь съ Англіей и учредить, кромѣ членовъ, засѣдающихъ въ англійскомъ парламентѣ, еще мѣстный ирландскій парламентъ изъ 300 депутатовъ въ Дублинѣ. Даже оранжисты не прочь пристать къ этой партіи, которая, эксплуатируя патріотическія стремленія народа, имѣетъ главною своею цѣлью перевесть землю отъ англичанъ въ руки ирландскихъ ландлордовъ и сквайровъ и, составивъ изъ себя главную силу мѣстнаго парламента, избавиться даже отъ тѣхъ умѣренныхъ аграрныхъ реформъ, какихъ можно ожидать отъ англійскаго правительства. Съ этой партіей соединилась католическо-республиканская партія, очень сильная въ Ирландіи и находящаяся подъ вліяніемъ духовенства, которое не перестаетъ поддерживать и раздувать, особенно посредствомъ своихъ школъ, паціональную ненависть къ Англіи. Книга для чтенія, напр., употребляемая въ католическихъ школахъ, содержитъ въ себѣ цѣлыхъ 23 разсказа изъ ирландской исторіи, описывающихъ тираннію англичанъ въ Ирландіи, Америкѣ и Индустанѣ. „Эти книги, говоритъ одинъ школьный инспекторъ,—самая дѣйствительная подготовка къ феніанизму, какую только можно найти". Наконецъ, духъ волонтеровъ 1782 г., соединенныхъ ирландцевъ 1798 и молодой Ирландіи 1848 г., подобно *фениксу*, возродился съ новою силою въ шестидесятыхъ годахъ въ организаціи *феніевъ*. Феніи, поддерживаемые сѣверо-американцами и проклинаемые патерами, состояли преимущественно изъ городскихъ жителей и стремились къ насильственному отторженію Ирландіи отъ Англіи. Какъ революціонеры и республиканцы, они не пользовались сочувствіемъ націоналистовъ; что-же касается аграріанизма, то хотя феніанизмъ и имѣлъ одно съ нимъ начало, однакожъ фермеры и земледѣльцы, какъ классъ, не участвовали въ феніанскомъ движеніи; изъ 1,000 взятыхъ въ плѣнъ феніевъ только 10 на 100 принадлежали къ земледѣльческому классу и болѣе 50 на 100 были купцы, мелкіе торговцы, ремесленники, фабричные рабочіе. Но при всемъ

томъ нельзя сказать, что земледѣльцы враждебно относились къ феніямъ; они даже смотрѣли на нихъ съ симпатіей и надеждою, хотя и энергически предостерегались патерами отъ союза съ ними. Если-бы феніи имѣли какой-нибудь значительный успѣхъ, то масса крестьянъ, по всей вѣроятности, пристала-бы къ нимъ. И наоборотъ: подавленіе феніевъ влекло за собой то, что феніанскія стремленія начали переходить въ аграріанизмъ. По мѣрѣ того, какъ слабѣли первыя, усиливался второй. Въ Ирландіи было:

	Въ 1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.
Политическихъ преступл.	813	836	126	63	—
Аграрныхъ	88	123	160	767	1,329

Такъ волновалась Ирландія въ шестидесятыхъ годахъ, и Милль въ парламентскую сессію 1868 г. заявлялъ отъ лица компетентныхъ знатоковъ ирландскихъ дѣлъ, что положеніе ихъ „такъ опасно, какимъ не бывало еще никогда до сихъ поръ“. Опасность эта не въ заговорѣ феніевъ, а въ томъ, что волненіе Ирландіи опирается на нѣсколько милліоновъ ирландцевъ, живущихъ въ Америкѣ. „Въ Америкѣ, говорилъ Брайтъ на одномъ митингѣ 1867 г.,—существуетъ другая Ирландія, но Ирландія, небоящаяся англійскаго правительства, Ирландія, пылающая негодованіемъ на то, что представители ея называютъ бѣдствіемъ своей родины. Многіе изъ этихъ ирландцевъ люди способные, отчаянные; они привыкли къ оружію и крови втеченіи страшной, жестокой междоусобной войны, и потому неудивительно, что, покончивъ съ этою войной, они обращаютъ свои практическія знанія на дѣло, которое считаютъ патріотическимъ. Если-бы правительство Англіи было правительствомъ государственныхъ людей, то неужели оно допустило-бы дѣла до такого положенія? Въ какомъ положеніи мы находимся? Весь образованный міръ указываетъ на насъ пальцами!..“ Снова Ирландія была на военномъ положеніи; снова пошли въ ходъ „спеціальныя комиссіи“, нѣчто въ родѣ военныхъ судовъ, снова ан-

глійская олигархія устами графа Дерби заявляла, что „только самыя суровыя репрессивныя мѣры“ могутъ успокоить Ирландію. Суровыя мѣры, мало того, что только подливали масла въ огонь, онѣ еще были очень убыточны для Англіи. Для „обузданія“ она принуждена содержать въ Ирландіи 25,000 солдатъ и 15,000 констэблей да въ Канадѣ 15,000 солдатъ, чтобы защищать эту страну отъ американскихъ феніевъ. Эта дорогая пятидесяти-пяти-тысячная армія нѣсколько сдерживала,—да и то до поры до времени—наружный порядокъ, но внутреннее броженіе возрастало съ такою силою, что Англія увидѣла, наконецъ, тотъ крайній предѣлъ, до котораго она всегда доводила свое упорство относительно Ирландіи и за которымъ были неизбѣжны междоусобная война, а во избѣжаніе ея—уступки со стороны Англіи.

XI.

Многіе ландлорды, епископы, чиновники, парламентскіе дѣятели, духовные ирландской господствующей церкви были такъ ослѣплены своими личными и сословными интересами, что далеко не сознавали опасности положенія дѣлъ. Малѣйшія реформы выставлялись ими страшилищами, подрывающими „священныя основы общества“, а такіе умѣренные дѣятели, какъ покойный Милль, опаснѣйшими новаторами, соціалистами, революціонерами. Ирландскій судья, Джерольдъ Фицгиббонъ, отъ имени консерваторовъ говорилъ въ заключеніи одной своей брошюры („The Land Difficulty of Ireland“, 1868): „Одинъ генералъ передъ началомъ битвы сказалъ своимъ солдатамъ, указывая на непріятеля: „перебейте ихъ или они перебьютъ васъ!“ Государю, который желаетъ въ полной безопасности возсѣдать на древнемъ тронѣ Англіи,—пэрамъ, которыхъ гордость заключается въ томъ, чтобы окружать этотъ тронъ, а долгъ—защищать его отъ самой отдаленной опасно-

сти,—всѣмъ, кто попрежнему желаетъ пользоваться благодѣяніями нашей трисоставной законодательной власти во всей ея конституціонной цѣлости,—я даю теперь краткій совѣтъ: сокрушите эту революціонную партію, которая такъ бушуетъ, и эту политику, которая разрушаетъ конституціонную свободу. или эта партія и эта политика сокрушатъ васъ самихъ!"

Но, несмотря на оппозицію, государственная церковь въ Ирландіи была уничтожена въ 1868 г., а въ 1870 г. министерство Гладстона, воспользовавшись трудными политическими обстоятельствами, провело свой поземельный билль. Этотъ пресловутый билль оказался ни болѣе, ни менѣе, какъ жалкой полумѣрой, неудовлетворившей никого. Только въ Ульстерѣ онъ узаконилъ обычное право пользователя. Онъ оставилъ за собственникомъ право изгонять фермера, но ограничилъ это право тѣмъ, что приказы объ изгнаніи (notices to quit) обложилъ пошлиной и обязалъ ландлорда платить изгоняемому за всѣ сдѣланныя имъ по фермѣ улучшенія. Это вознагражденіе фермеру обратно пропорціонально величинѣ аренды. Фермеръ, платящій 10 ф. ренты, получаетъ вознагражденіе, равное семилѣтней арендѣ,—70 ф. ст.; платящій отъ 10 до 50 ф. получаетъ вознагражденіе, равное пятилѣтней арендѣ, отъ 50 до 100—трехлѣтней, свыше 100 ф.—двухлѣтней. На это вознагражденіе не имѣютъ никакого права фермеры, отдающіе свои участки въ аренду или изгоняемые за неплатежъ ренты, хотя-бы этотъ неплатежъ зависѣлъ отъ случайныхъ несчастій, неурожая, скотскаго падежа, торговаго кризиса и т. п. Кромѣ того, ландлордъ можетъ избавиться отъ обязанности вознагражденія, если онъ заключитъ съ фермеромъ контрактъ не менѣе, какъ на 31 годъ, но при этомъ, для огражденія мелкихъ арендаторовъ, всѣ контракты ниже 100 ф. ренты, въ которыхъ фермеры отказывались-бы отъ вознагражденія, объявлены недѣйствительными.

Вотъ сущность новаго закона. Главное достоинство его въ томъ, что онъ ограничилъ право собственника на улучшенія,

сдѣланныя фермеромъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ онъ вполнѣ несостоятеленъ. Онъ не обезпечилъ народу пользованія землей, онъ не защитилъ массу несчастныхъ земледѣльцевъ, которые не въ состояніи выплачивать аренды; онъ далъ ландлорду средство избавляться отъ обязанности вознагражденія, заключая съ фермеромъ контрактъ; онъ нисколько не улучшилъ положенія массы батраковъ, обязавъ только хозяевъ давать имъ по *полъ-акра земли да по хижинѣ*. А между тѣмъ, по свидѣтельству инспектора рабочихъ, „работники на фермахъ—люди, положеніе которыхъ наиболѣе бѣдственно въ этой странѣ, особенно тѣхъ, которые живутъ на фермахъ, какъ слуги. Вообще, они получаютъ самую низкую плату, самый скверный уголъ и такую-же пищу. Вслѣдствіе этого, въ нихъ развиваются презрѣніе къ жизни и отчаянность, которая дѣлаетъ ихъ готовыми орудіями преступленія или готовыми членами тайныхъ обществъ“. Естественно, что билль, обманувъ надежды народа, не въ состояніи былъ утишить его недовольства. Многіе клубы фермеровъ протестовали противъ новаго закона; газеты и брошюры разбивали его въ пухъ и прахъ; партія націоналистовъ и духовенство до сихъ поръ пользуются этимъ случаемъ, чтобы возбуждать народъ противъ „обманщиковъ саксонцевъ“. „Въ Ирландіи, говоритъ въ одной своей лекціи извѣстный историкъ Фраудъ,— законъ еще не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Фермеръ можетъ быть вознагражденъ, если его прогонятъ, но его все-таки могутъ прогнать. Ландлордъ, желающій отдѣлаться отъ фермера, долженъ заплатить ему сумму аренды за нѣсколько лѣтъ, но я знаю ирландскихъ крестьянъ, которые такъ любятъ свои фермы, что не согласились-бы оставить ихъ за вознагражденіе, равное даже столѣтней рентѣ“. На одномъ митингѣ 1872 г. ораторъ-священникъ называлъ гладстоновскій законъ „нарушеніемъ правъ страны и той заповѣди, которая запрещаетъ присваивать себѣ то, что принадлежитъ ближнему“. На другомъ митингѣ, другой патеръ, на-

зывая новый законъ „пустяками, чепухой, позоромъ“, говорилъ: „я вѣрю, что, съ помощью Божiей, фермеры воспользуются своею силою и въ каждомъ графствѣ зажгутъ пожаръ, который не потухнетъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ всѣ слѣды феодализма въ нашей странѣ. Они проведутъ въ парламентъ фермеровъ,—людей, у которыхъ вдесятеро больше мозга, чѣмъ у жирныхъ ландлордовъ, и создадутъ фонды для поддержки этихъ депутатовъ“. Вотъ чувства и мысли, которыя возбудилъ гладстоновскiй законъ... Аграрныя преступленiя уменьшились, фенiанизмъ подавленъ, но недовольство только скрылось внутрь и ирландскiй вопросъ только снова отложенъ до поры до времени... Идея расторженiя крѣпнетъ и живетъ въ крови народа; она принята всѣми партiями, она проявляется въ самыхъ, повидимому, мирныхъ формахъ, напр. въ ирландской выставкѣ, бывшей въ Дублинѣ въ 1872 году. Исполнительный совѣтъ и комитетъ этой выставки, по выраженiю Маколэ, были настоящимъ прообразомъ будущаго ирландскаго парламента. Ту-же идею выражали собою всѣ отдѣлы выставки, особенно „нацiональная портретная галлерея“, въ которой противъ портретовъ англiйскихъ правителей, въ родѣ Кромвеля и Вильгельма III, красовались сотни изображенiй ирландскихъ знаменитостей. Тутъ были Робертъ Эмметъ, вождь соединенныхъ ирландцевъ, казненный въ 1798 году; Томасъ Мигеръ, одинъ изъ передовиковъ движенiя 1848 года, изгнанный изъ отечества и служившiй генераломъ сѣверной армiи во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ; Томасъ Дэвисъ, поэтъ Молодой Ирландiи. Тутъ были Фицджеральды, Пленкеты, Берклей, Боркъ, Гольдсмитъ, Каннингъ, Свифтъ, Шериданъ, Флудъ, Курранъ, Граттанъ, Шиль, О’Коннель, Томасъ Муръ и около сотни другихъ ирландскихъ знаменитостей; тутъ были и представительницы ирландской красоты. „По своему историческому интересу, говоритъ Маколэ,—эта портретная галлерея была настоящимъ нацiональнымъ трiумфомъ, какого еще не видыва-

ла Ирландія“. Англичане просто лицемѣрятъ, когда говорятъ, что Ирландія наслаждается миромъ и благоденствіемъ вслѣдствіе послѣднихъ реформъ. Докторъ Маколэ, не будучи ни другомъ Ирландіи, ни врагомъ англійскаго владычества здѣсь и внимательно изучавшій Ирландію въ 1872 г., говоритъ: „Рядомъ съ замѣтнымъ прогрессомъ здѣсь существуетъ масса бѣдности и нищенства, несчастій и недовольства, на которыя прогрессъ не имѣетъ никакого вліянія. Народъ, мирный и покорный въ этомъ году, въ слѣдующемъ можетъ снова возстать. Аграрныхъ преступленій мало, но очень возможно, что скоро потребуется во многихъ графствахъ введеніе осаднаго положенія. При всѣхъ своихъ естественныхъ достоинствахъ и живомъ умѣ, масса народа все еще заражена грубѣйшими суевѣріями и стоитъ такъ-же низко, какъ жители наименѣе развитыхъ странъ южной Европы. Ирландія спокойна, но все-таки $^1/_5$ британской арміи должна квартировать здѣсь, какъ въ непріятельской странѣ *). Ирландія развивается, однакожь она все-таки остается затрудненіемъ и отчаяніемъ для государственныхъ людей Англіи“.

Ирландскіе сепаратисты раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стремится къ безусловному отдѣленію отъ Англіи, а другая—къ расторженію союза въ смыслѣ О'Коннеля, къ самоуправленію въ федераціи съ Англіей и Шотландіей. Успѣхъ первой партіи возможенъ только въ случаѣ ожесточенной и невыгодной для Англіи войны съ Соединенными Штатами; но даже этотъ успѣхъ можетъ быть только временнымъ и Англія не упуститъ воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы снова подчинить себѣ враждебную и опасную сосѣдку. Успѣхъ второй партіи, федерально-сепаратистской, несомнѣненъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ

*) Кромѣ солдатъ, въ Ирландіи есть еще 13,968 констэблей; содержаніе ихъ, покрываемое на половину мѣстными ирландскими средствами, стоитъ въ годъ около *6,000,000 руб. сер.* (952,282 ф. ст.)!..

будущемъ, какъ несомнѣнно и рѣшеніе аграрнаго вопроса въ смыслѣ народныхъ требованій. Конечно, много силъ еще будетъ потрачено на замѣну теперешняго союза федеральнымъ, и еще болѣе силъ и времени должно пойти на рѣшеніе основнаго, земельнаго вопроса. Коль скоро Ирландія достигнетъ самостоятельнаго управленія, теперешній, временной союзъ ея партій распадется. Націоналисты и оранжисты съ одной стороны и народная масса съ католическимъ духовенствомъ во главѣ съ другой стороны неминуемо начнутъ внутреннюю борьбу за свои, столь противоположные, интересы. Стремленія народа и духовенства, конечно, восторжествуютъ, и тогда Ирландія, освобожденная отъ всѣхъ другихъ давленій, останется подъ однимъ, но самымъ безотраднымъ игомъ,—игомъ католическаго духовенства. Англія своею политикою нанесла Ирландіи, пожалуй, самый существенный вредъ тѣмъ, что своими религіозными гоненіями сдѣлала ирландцевъ чисто-клерикальнымъ народомъ. „Чѣмъ болѣе вы порождали въ Ирландіи причинъ къ неудовольствіямъ противъ королевскаго управленія, говорилъ Брайтъ въ парламентѣ, — тѣмъ сильнѣе вы укрѣпляли власть Рима надъ народонаселеніемъ этого острова. Теперь я надѣюсь, что ни одинъ католическій членъ этой палаты не оскорбится, если я скажу, что, по моему мнѣнію, одно изъ величайшихъ бѣдствій міра составляетъ то, что во многихъ странахъ цѣлые милліоны католическаго населенія въ своемъ образѣ дѣйствій и часто даже въ своей политикѣ подпадаютъ вліянію и направленію со стороны своихъ епископовъ и духовенства изъ самаго центра Рима. Я считаю это несчастіемъ и тормазомъ для свободы человѣчества“. Дѣйствительно, Ирландіи гораздо легче будетъ достигнуть самоуправленія и порѣшить свой земельный вопросъ, чѣмъ освободиться изъ-подъ нравственнаго ига своихъ епископовъ и ксендзовъ, которыхъ она такъ любитъ и которымъ, по своему невѣжеству, подчиняется съ такою покорностью. Англичане совершенно справедливо говорятъ, что если-бы Ирландія сдѣ-

лалась самостоятельной, то патеры на долго истребили-бы въ ней всѣ зачатки научнаго развитія—этой основы прогресса и цивилизаціи. Но Англія сама виновата, запутавъ свои отношенія къ несчастной Ирландіи до того, что всѣмъ своимъ существеннымъ потребностямъ ирландцы удовлетворяютъ съ боя и въ то-же время упорно отвергаютъ несомнѣнно благодѣтельныя для нихъ мѣры, которыя предлагаются Англіей. Народъ въ этомъ случаѣ увлекается національною ненавистью; народъ ненавидитъ все англійское и боится всего англійскаго: timeo Danaos et dona ferentes... Но народомъ руководитъ духовенство, и въ этомъ случаѣ руководитъ имъ съ своекорыстными цѣлями касты. Духовенство, какъ мы уже говорили, всегда боролось противъ національныхъ школъ; когда въ эти школы проникала протестантская пропаганда, духовенство проклинало ихъ, какъ еретическія; въ послѣднее время эти школы сдѣлались совершенно чуждыми духа секты, но духовенство еще сильнѣе проклинаетъ ихъ, какъ „училища безбожія“. Оно проклинаетъ и всѣ свѣтскія коллегіи, заведенныя въ Ирландіи правительствомъ, проклинаетъ и королевскій „еретическій“ университетъ въ Дублинѣ. Министерство Гладстона давно уже ведетъ борьбу за преобразованіе ирландскихъ университетовъ, желая сдѣлать ихъ чисто-свѣтскими заведеніями и соглашаясь на уничтоженіе каѳедръ не только теологіи, но даже этики, философіи и новѣйшей исторіи, какъ предметовъ, затрогивающихъ живую струну той или другой секты. Протестантскій дублинскій университетъ противится этому, желая сохранить свои исключительныя корпоративныя права, а католическое духовенство гремитъ проклятіями противъ такого „безбожнаго“ плана. Билль не проходитъ, и Ирландія остается въ рукахъ патеровъ, которые просвѣщаютъ ее въ своихъ семинаріяхъ да въ дублинскомъ католическомъ университетѣ, основанномъ по благословенію папы въ 1850 г. для противодѣйствія успѣхамъ протестантскаго и мірского образованія. Канцлеръ этого университета—кардиналъ; совѣтъ

состоитъ изъ 4 архіепископовъ и 8 епископовъ. Въ 1866 и 1868 гг. духовенство требовало отъ правительства пособія для своего университета и при этомъ высказало всѣ свои стремленія относительно высшаго образованія. „Безопасность вѣры и нравственности въ университетѣ, говорили епископы въ своей запискѣ правительству,—можетъ быть гарантирована только въ томъ случаѣ, если епископы будутъ членами университетскаго сената и за ними одними будетъ утверждено право, признаваемое католиками, право авторитетнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ вѣры и нравственности. Это право принадлежитъ имъ, и только имъ однимъ... А такъ-какъ вѣра и нравственность могутъ быть подрываемы инославными ученіями профессоровъ, лекторовъ и другихъ должностныхъ лицъ или введеніемъ въ университетскую программу вредныхъ книгъ, то для противодѣйствія такому злу епископы имѣютъ абсолютное право, какъ относительно запрещенія такихъ книгъ, такъ и относительно отказа лицамъ, желающимъ занять кафедру, и удаленія отъ должности профессоровъ, признанныхъ епископами опасными для вѣры и нравственности“. Эти пожеланія давно уже осуществлены въ дублинскомъ католическомъ университетѣ, этомъ разсадникѣ ультрамонтанскаго изувѣрства. „Хорошо воспитанный католическій джентльменъ въ Ирландіи—исключеніе, и если вы встрѣтите такого, то онъ учился или въ дублинскомъ королевскомъ, или въ какомъ-нибудь иностранномъ университетѣ“. Вообще, высшіе и средніе классы Ирландіи крайне невѣжественны сравнительно съ англійскими. „Образованіе, получаемое ими въ римско-католическихъ школахъ,—жалкое образованіе, и если они не дополняютъ его университетскимъ курсомъ, то скоро превращаются въ грубыхъ деревенскихъ сквайровъ, необладающихъ ни знаніями, ни независимостью характера“ (Macolay). Въ первоначальныхъ католическихъ, а по мѣстамъ даже въ смѣшанныхъ или „національныхъ“ школахъ патеры пользуются также безусловнымъ вліяніемъ. Почти все образованіе ограничивается

здѣсь заучиваньемъ нѣсколькихъ молитвъ, безъ пониманія ихъ значенія. Какъ мало старается духовенство о религіозномъ образованіи, можно видѣть изъ того, напр., что ирландская библія была издана только два раза, въ 1685 и въ 1817 гг., а евангеліе въ 1681 и 1811 гг.!.. Въ послѣднее время ирландскій католицизмъ даже регрессируетъ. О'Коннель говорилъ: „Мы католики, но не рабы Рима", и той-же идеи держалось духовенство его времени. Теперь-же духовенство сдѣлалось ультрамонтанскимъ и покорно служитъ велѣніямъ непогрѣшимаго папы. Ультрамонтаны съ одной стороны и оранжисты съ другой—вотъ истинная язва Ирландіи...

Въ то время, какъ ксендзы, захватывая въ свои руки народное просвѣщеніе, затмеваютъ народный умъ, несчастный народъ привязывается къ нимъ болѣе и болѣе, видя, что они все готовы сдѣлать для него. Дѣйствительно, они много содѣйствовали уничтоженію уголовныхъ законовъ, эманципаціи католиковъ, парламентской реформѣ, свободѣ торговли; теперь они работаютъ въ пользу расторженія союза, правъ народа на землю, даже въ пользу ирландской республики; они служатъ народу, будучи въ то-же время его владыками; они стараются свергнуть власть Англіи, но за тѣмъ только, чтобы, забравъ ее въ свои руки, снова сдѣлать Ирландію „островомъ святыхъ", какимъ была она во дни св. Патрика.

Впрочемъ, если-бы они даже и вполнѣ достигли своей цѣли, то ихъ владычество, хотя и на долго задержитъ развитіе Ирландіи, все-таки не остановитъ его, какъ не остановило абсолютное господство патеровъ развитія Испаніи... Мало того, что Ирландія не можетъ быть совершенно изолирована отъ просвѣтительнаго вліянія Америки и Европы, ея жители и по собственной своей иниціативѣ должны рано или поздно измѣнить свои отношенія къ католическому духовенству. Преданность и любовь къ патерамъ вытекаютъ въ Ирландіи не столько изъ невѣжества и суевѣрія, сколько изъ исторической роли духовенства, которое столько страдало вмѣстѣ съ наро-

домъ, жило для народа и шло впередъ во главѣ народа. Но такую роль оно играло благодаря только англійской политикѣ, и чѣмъ далѣе послѣдняя будетъ вліять на Ирландію или держаться своихъ старыхъ принциповъ, тѣмъ крѣпче будетъ утверждаться духовный авторитетъ. Но коль скоро духовенство, освободившись отъ всѣхъ другихъ соперниковъ, сдѣлается силою въ странѣ, изъ руководителя народа превратится въ его владыку, вмѣсто того, чтобы вести народъ впередъ, будетъ сдерживать его и подвигать назадъ, — тогда неминуемо должна возникнуть и оппозиція ему, тѣмъ болѣе, что элементы для такой оппозиціи уже давно есть въ протестантскомъ народонаселеніи Ирландіи. Мы говоримъ, конечно, не объ оранжистахъ-фанатикахъ, которые не перестаютъ до сихъ поръ нападать на католиковъ съ истинно-средневѣковымъ варварствомъ, мы говоримъ не о горячихъ приверженцахъ англиканской церкви, а о пресвитеріанахъ, пуританахъ и той массѣ образованныхъ протестантовъ, мысль которыхъ давно уже секуляризировалась и которые съ эпохи волонтеровъ и соединенныхъ ирландцевъ стараются идти рука объ руку съ либеральными католиками.

ИНДУСТАНЪ И АНГЛИЧАНЕ.

Empire in Asia; how we came by it; a book of confessions. By W. *Torrens*. 1872.—The indian Musalmans. By W. W. *Hunter*. 1872.—Orissa, or the vicissitudes of an indian province under native and english rule. By W. W. *Hunter*, 2 vol. 1872.—Das Pendschab. Von *Merk*. 1869. — Nach und aus Indien. Von *Baierlein*. 1873.—L'Inde Anglaise en 1872, въ «Revue des Deux Mondes», 1872, 1 mars.—Geschichte des englischen Reiches in Asien, von K. *Neumann*. 2 B. 1857.

I.

По обширности и населенности своихъ владѣній, разбросанныхъ по всѣмъ частямъ свѣта, Англія занимаетъ первое мѣсто между современными государствами. Англичане съ гордостью называютъ себя цивилизаторами міра, а извѣстный историкъ Нейманъ посвящаетъ свою исторію англійскаго владычества въ Азіи англо-саксонскому народу, какъ „носителю и распространителю высшей человѣчности въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи". Съ другой стороны, безпристрастная исторія разсказываетъ намъ, какъ эти „просвѣщенные мореплаватели", постепенно проникая во всѣ уголки міра, употребляли всѣ силы своего ума, всѣ средства своей цивилизаціи для того, чтобы эксплуатировать міръ ради личныхъ выгодъ своего господствующаго класса. Англичанинъ убѣжденъ, что міръ или, по крайней мѣрѣ, значительная часть его су-

ществуетъ ради величія и славы Англіи. И такъ думаютъ не одни какіе-нибудь обыкновенные буржуа, невѣжественные матросы или надменные и недалекіе аристократы,—нѣтъ: тѣхъ-же убѣжденій держатся и первостепенные представители англійскаго народа, первые защитники его правъ и свободы. Когда Беркъ защищалъ возставшихъ американцевъ, то доказывалъ только невозможность покорить ихъ и необходимость уступить имъ, чтобы удержать ихъ въ подчиненіи метрополіи. Вся политика „великаго коммонера", Питта старшаго, имѣла цѣлью то-же самое „могущество и величіе, богатство и силу, свободу и славу англійскаго народа". Прочтите Маколэ, особенно его монографіи о Клайвѣ и Гэстингсѣ, и вы увидите, что этотъ талантливый историкъ преисполненъ того-же самаго національнаго своекорыстія. Онъ готовъ оправдывать всякій деспотизмъ, всевозможныя злодѣянія людей, въ родѣ Гэстингса, потому только, что они принесли пользу Англіи, т. е. ея родовой и денежной аристократіи (см., напр., Маколэ, IV, 264). Но эти передовые люди націи, всѣ эти Берки, Питты, Маколэ, увлекаясь страстями національнаго эгоизма, до извѣстной степени обуздываютъ его и въ самихъ себѣ, и въ обществѣ. Упомянутые-же передовые политики очень хорошо понимали, что безграничная эксплуатація и безконечная тираннія въ концѣ-концовъ могутъ довести только до того, что эксплуатировать будетъ некого, потому что эксплуатируемые или въ конецъ раззорятся, или освободятся отъ своихъ эксплуататоровъ... Урокъ, данный Америкой, отдѣленіе которой принесло большую пользу торговлѣ и промышленности Англіи, во имя которыхъ послѣдняя хотѣла держать американцевъ въ рабствѣ,—урокъ, данный Америкой, совершенно измѣнилъ политику государства относительно колоній съ преобладающимъ англійскимъ населеніемъ. Англичане дали своимъ колоніямъ такую свободу самоуправленія, что послѣднимъ не изъ-за чего отдѣляться отъ метрополіи. Въ этомъ отношеніи англійскій народъ, дѣйствительно, можетъ быть

названъ распространителемъ свободы и цивилизаціи по лицу земли. Урокъ, данный Америкой, пошелъ впрокъ.

Но относительно тѣхъ владѣній, которыя населены не европейцами, относительно Индустана, которымъ Англія владѣетъ уже болѣе ста лѣтъ, и относительно Китая, который она забираетъ въ свои руки по частямъ, англичане до сихъ поръ держатся своей старинной политики—грабежа и обмана. Съ этой стороны они не получили ни одного такого внушительнаго урока, какъ американскій, и хотя многіе, подобно Берку и Питту, указываютъ на неизбѣжность такого урока, но масса англійскаго общества не слушаетъ ихъ и заботится объ однихъ только барышахъ, извлекаемыхъ изъ этихъ странъ. Передъ нами лежатъ „Essays by members of the birmingham speculative club"; въ нихъ помѣщена статья одного джентльмена о колоніяхъ. Джентльменъ доказываетъ, что Англія должна заботиться о сохраненіи за собою своихъ колоній потому, во-первыхъ, что это выгодно; во-вторыхъ, потому, что англичанинъ, объѣхавшій міръ, получаетъ величайшее наслажденіе, слыша вездѣ свой родной языкъ и видя всюду гордо развѣвающійся державный флагъ Великобританіи. Эти путешествія сильно развиваютъ англичанъ умственно и поддерживаютъ ихъ здоровье. „Даже тѣ, которые сидятъ дома, подвергаются вліянію этихъ путешествій. Они съ жадностью слушаютъ разсказы о разныхъ странахъ, подвластныхъ намъ, о душной атмосферѣ Калькутты, о блестящихъ минаретахъ Бенареса, о равнинахъ Австраліи... Наши свѣденія расширяются; мы вспоминаемъ, что маорисы, брамины и санталы наши соподданные (fellow subjects), и научаемся цѣнить все величіе своей страны. Множество военныхъ и гражданскихъ должностей въ Индіи помогаетъ этому практическому воспитанію англичанъ. Отдайте Индію анархіи или русскимъ, французамъ, нѣмцамъ,—и мы отвернемся отъ этой страны и она не будетъ уже внушать намъ тѣхъ благородныхъ чувствъ, какъ теперь". Впрочемъ, этотъ джентльменъ, смотрящій на

міръ, какъ помѣщикъ на свое помѣстье, какъ на источникъ дохода и наслажденій Великобританіи,— убѣжденъ, что послѣдняя, управляя своими азіятскими царствами, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ благо подданныхъ.

Мы покажемъ читателю, сколько правды заключается въ подобныхъ похвальбахъ. Но при этомъ мы пишемъ свой очеркъ не въ видахъ обличенія. Мы хотимъ показать, что политика англійской націи въ Азіи была своекорыстною, но при этомъ высшая цивилизація народа-властителя оказывала неизбѣжное вліяніе на побѣжденныхъ, и, даже помимо воли и желанія владыкъ, эта цивилизація постепенно охватываетъ туземцевъ, распространяетъ между ними новыя идеи и подготовляетъ будущее возрожденіе Востока. Передовые люди Индіи уже сознаютъ всю безплодность борьбы своей дряхлой цивилизаціи съ цивилизованными европейцами; они уже сознали, что успѣшная борьба возможна будетъ только тогда, когда сама Индія сдѣлается цивилизованной. И эта идея выработана ими въ тяжелой школѣ англійскаго владычества, отчасти она даже внушена и поддержана самими англичанами.

II.

Впродолженіи долгихъ тысячелѣтій боролся человѣкъ съ мощной природой Индустана, и въ концѣ концовъ покорялся ей и терялъ энергію. Великіе горные хребты, громадныя рѣки, непроходимые лѣса и болота, тростники, подобные нашимъ лѣсамъ, засухи, наводненія, болѣзни и дикіе звѣри—все препятствовало здѣсь окончательной побѣдѣ цивилизаціи. Прошло много тысячелѣтій съ тѣхъ поръ, какъ проникло сюда арійское племя индусовъ и завоевало страну; прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ и самихъ индусовъ преемственно покоряли греки, персы, арабы, англичане, но, несмотря на то, ни одна изъ этихъ цивилизацій, зарождавшихся въ Инду-

станѣ, не коснулась его туземцевъ. Во время индусскаго завоеванія часть туземцевъ удалилась въ горы и лѣса и обитаетъ въ нихъ до настоящаго времени, во всей своей первобытной дикости. Другая, болѣе многочисленная часть этого народа была покорена, обращена въ рабство и легла въ основаніе низшихъ, отверженныхъ кастъ, составлявшихъ громадное большинство народонаселенія. Индусскія государства были основаны силою оружія и поддерживались силою вѣры, представители которой, брамины, стали во главѣ общества. Эксплуатируя суевѣріе народа, браминъ сдѣлался въ его глазахъ „земнымъ богомъ", „господиномъ всего творенія". Масса-же побѣжденнаго народа была отлучена даже отъ всякаго участія въ браминской религіи; судры поставлены въ іерархіи существъ на ряду съ нечистыми животными, ниже слона и лошади; еще ниже судровъ стояли чандаласы, которымъ запрещено было даже появляться въ индусскихъ поселеніяхъ; умерщвленіе блохи считалось грѣхомъ, а убійство чандаласа добрымъ дѣломъ. При всемъ этомъ чандаласъ не могъ имѣть никакихъ сношеній съ еще болѣе отверженной кастой пуліевъ, жившихъ въ лѣсахъ, подобно дикимъ звѣрямъ. Милліоны этихъ дикарей впродолженіи тысячелѣтій работали въ пользу своихъ покровителей—браминовъ, феодаловъ и частію средняго, купеческаго сословія. Они воздѣлали страну, построили многолюдные города, воздвигли чудовищные храмы и дали высшимъ сословіямъ достаточно досуга для развитія того, что называется индійской цивилизаціей. Основанная на убійственномъ кастальномъ раздѣленіи и поголовномъ рабствѣ народной массы, эта цивилизація не имѣла никакихъ задатковъ для прогресса и развитія, тѣмъ болѣе, что вся она была проникнута браминскимъ религіознымъ принципомъ, въ силу котораго цѣль человѣческой жизни заключается въ самоуничтоженіи личности. Буддизмъ, отвергшій касты и провозгласившій братство и равенство всѣхъ людей, не могъ утвердиться въ Индіи, да и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ ему удалось

водвориться, онъ выродился въ такую-же чудовищную систему нелѣпыхъ суевѣрій и жреческаго деспотизма, какъ и браманство, основный принципъ котораго — самоуничтоженіе личности — былъ принятъ и буддистами. При такихъ условіяхъ индійскія науки и искуства, философія, астрономія, математика, естествознаніе, достигнувъ предѣла, поставленнаго религіей, не могли идти далѣе и окаменѣли въ этомъ состояніи. Будучи монопольной профессіей привилегированнаго класса, они не могли подвергаться благотворному вліянію потребностей и стремленій народной жизни и служили исключительно интересамъ аристократіи.

Раздѣленность народа на касты и на множество мелкихъ деспотическихъ государствъ дѣлала Индустанъ легкою добычею каждаго предпріимчиваго завоевателя. Со временъ глубокой древности разные воинственные народы старались завладѣть этимъ земнымъ раемъ. Вслѣдъ за первымъ появленіемъ магометанства сюда устремились воинственныя племена арабовъ, а потомъ монголы, и впродолженіи шести столѣтій значительная часть Индустана была покорена магометанскому владычеству. Индусы отошли на второй планъ и ко всѣмъ враждебнымъ элементамъ страны прибавился еще новый — религіозное различіе монотеистовъ побѣдителей отъ идолопоклонниковъ побѣжденныхъ. Въ Индустанѣ возникла имперія, имѣвшая нѣкоторое сходство съ старинной германской имперіей, раздѣленной на множество государствъ. Магометанское владычество во многихъ отношеніяхъ оказалось лучше деспотизма выродившихся туземныхъ властителей. Въ числѣ магометанскихъ государей было не мало такихъ образцовыхъ личностей, которыя и по своей честности, и по уму далеко превосходили всѣхъ современныхъ имъ государей Европы. Таковъ былъ, напр., въ XIII в. Назрединъ Махмудъ, который, будучи императоромъ, не дозволялъ себѣ держать ни одной прислуги и жилъ только собственнымъ трудомъ переписчика. Другой султанъ ставилъ главною цѣлью своей дѣя-

тельности „защиту земледѣльцевъ отъ всякой несправедливости и угнетенія, потому-что они кормильцы народа и источникъ земного благосостоянія". Основатель династіи тимуридовъ, переставшей царствовать только послѣ возстанія 1857 г., Баберъ, вступившій на престолъ въ 1494 г., былъ, безспорно, первымъ государемъ своего времени. Впродолженіи долголѣтняго его царствованія никто не былъ наказанъ за оскорбленіе величества, никого не преслѣдовали за религіозныя вѣрованія, по поводу которыхъ вся Европа заливалась тогда человѣческою кровью. Баберъ презиралъ обрядовое ханжество, не имѣлъ никакихъ сношеній съ монашествующей братіей, наводнявшей страну; окруженный просвѣщенными друзьями, вникая въ нужды народа, онъ старался облегчить положеніе низшихъ сословій, улучшалъ пути сообщенія, учредилъ государственныя почты, старался завести торговыя сношенія съ отдаленною Москвой, которая по своей дикости приняла его пословъ не совсѣмъ хорошо. Еще выше Бабера стоитъ одинъ изъ его преемниковъ, знаменитый реформаторъ Индіи, Акберъ. Впродолженіи тысячелѣтій индійской исторіи ни одинъ государь не предпринималъ такихъ трудовъ для народнаго блага, какъ онъ. До его времени земледѣльцы находились въ совершенно безвыходномъ положеніи подъ деспотизмомъ феодаловъ и чиновниковъ. Акберъ раздѣлилъ всю страну на 38 намѣстничествъ, правители которыхъ стояли подъ его непосредственнымъ, неусыпнымъ надзоромъ. Кругъ власти каждаго чиновника былъ опредѣленъ; судъ сдѣланъ независимымъ отъ администраціи и слѣдственная часть отдѣлена отъ суда; обращеніе въ рабство плѣнниковъ уничтожено; работорговля и сожженіе вдовъ съ трупами мужей ихъ запрещены. Всѣ многочисленные и тягостные налоги, въ родѣ подушной подати съ иновѣрцевъ, уничтожены и замѣнены однимъ только поземельнымъ налогомъ. Для совершенія этой великой реформы вся земля была измѣрена, оцѣнена, раздѣлена на классы и налогъ опредѣленъ соразмѣрно съ ея производительностью.

Акберъ заботился не объ одномъ только матеріяльномъ довольствѣ народа. Чуждый суевѣрія и нетерпимости, равно ненавидя и безчеловѣчный браманизмъ и безсмысленное суевѣріе магометанъ, онъ поддерживалъ полную свободу вѣроисповѣданій и хлопоталъ о научномъ образованіи народа. Онъ дошелъ даже до того, что въ школахъ зубреніе корана и его толкователей замѣнилъ изученіемъ физическихъ наукъ, исторіи, математики и философіи. Онъ открылъ много профессіональныхъ училищъ, школу живописи и т. д. Въ ряду окружавшихъ его ученыхъ первое мѣсто занимали два его брата, изъ которыхъ одного, Абулъ Фазиля, Нейманъ ставитъ наряду съ Лейбницемъ.

Но ни Акберъ, ни Абулъ Фазиль, ни другіе подобные имъ магометанскіе государи и мыслители не были въ состояніи цивилизовать народную массу, и все созданное ими погибало при ихъ глупыхъ и деспотическихъ преемникахъ, грабившихъ страну и дозволявшихъ грабить ее другимъ, проводившихъ все свое время въ гаремныхъ удовольствіяхъ, находившихся въ рукахъ придворной челяди и фанатическаго духовенства, подъ вліяніемъ котораго начинались самыя ожесточенныя преслѣдованія противъ всѣхъ иновѣрцевъ. При такихъ условіяхъ индійская имперія, естественно. превратилась въ обыкновенное восточное государство съ безграничными деспотами, дворцовыми переворотами, рабствомъ и невѣжествомъ всѣхъ подданныхъ. Къ этому присоединялись еще постоянныя нашествія иностранныхъ войскъ или набѣги воинственныхъ индійскихъ племенъ, въ родѣ маратовъ. Сожигались города, опустошались цѣлыя области, избивались жители; но такова производительная сила Индустана, что его не могли окончательно разорить никакія опустошенія. Едва проходило нѣсколько лѣтъ послѣ истребительнаго вражескаго набѣга, какъ опустошенная мѣстность была уже покрыта снова пашнями, садами, снова красовались на ней многолюдные города и кипѣла попрежнему жизнь до новаго опустошенія. Къ этому присоеди-

нялись еще внутренніе безпорядки и раздоры. Различныя племена враждовали между собой не на животъ, а на смерть; каждый вассалъ и намѣстникъ делійскаго императора старался сдѣлаться независимымъ отъ послѣдняго; правители Декана, Ауда и Бенгала успѣли достигнуть почти полной самостоятельности, хотя и не отвергали своей номинальной зависимости отъ Дели.

Такимъ образомъ, вся соціальная жизнь Индіи была составлена изъ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ элементовъ. Отверженная масса народа, отупѣвшая въ тысячелѣтнемъ рабствѣ, работала изъ-подъ палки на своихъ властителей, равнодушно относилась къ каждой перемѣнѣ правительства и къ каждому нашествію иностранцевъ. Высшія касты соперничали одна съ другой, магометане враждовали съ индусами, вассальные набобы интриговали другъ противъ друга и противъ сидѣвшаго въ Дели властителя. Но въ Европѣ мало знали объ этой постоянной анархіи. Въ Европѣ знали только о баснословныхъ богатствахъ Индіи и чудесахъ ея природы. Корыстолюбивыя мечты объ индійскихъ алмазахъ, о несмѣтномъ количествѣ золота и серебра, скопленныхъ во дворцахъ владѣтелей, о роскошныхъ индійскихъ матеріяхъ, слоновой кости, изумрудахъ и жемчугѣ—волновали воображеніе европейцевъ еще задолго до Колумба, который, отправившись въ Индію, попалъ въ Америку. Тотчасъ-же послѣ открытія Новаго Свѣта европейцы цѣлыми толпами устремились въ новыя страны за добычей. Въ Индію бросились португальцы, голландцы, французы, наперерывъ стараясь овладѣть этою богатою страной. Но никто изъ нихъ не былъ способенъ осуществить своихъ завоевательныхъ плановъ. Невѣжественные португальцы не умѣли даже производить такихъ насилій, которыя-бы давали болѣе или менѣе прочные результаты. Первымъ дѣломъ они завели въ Индіи святую инквизицію, и нигдѣ на землѣ она не свирѣпствовала такъ, какъ въ Гоа. Это былъ организованный грабежъ, прикрытый религіей и направленный преимущественно противъ богатыхъ.

Правители колоній и толпы чиновниковъ пріѣзжали сюда только для наживы. Что оставалось отъ чиновниковъ, то грабили монахи, число которыхъ нерѣдко превосходило число португальскихъ войскъ и вообще простиралось до 30,000 человѣкъ. Безнравственность и развращенность португальцевъ приводили въ изумленіе даже туземцевъ, привыкшихъ ко всякимъ безобразіямъ. „Португальцы, говоритъ одинъ безпристрастный очевидецъ,—живутъ безъ чести, безъ стыда и справедливости; повсюду царствуетъ обманъ, жестокость и самое необузданное сладострастіе. Тайныя отравы и явныя убійства принадлежатъ къ обыденнымъ явленіямъ; мужчины и женщины знаменитѣйшихъ фамилій злоупотребляютъ своими рабами и рабынями самымъ скотскимъ образомъ“. Эти вялые, невѣжественные, развращенные люди могли держаться въ Индіи только до появленія серьезнаго соперника.

Еще опустошительнѣе дѣйствовала голландская остъ-индская компанія, имѣвшая на своей службѣ до 60,000 человѣкъ и утвердившаяся на островахъ индійскаго архипелага. Хитрые купцы являлись къ туземцамъ не завоевателями или миссіонерами, какъ португальцы, а мирными торговцами, заключали дружественные договоры, прибирали къ рукамъ всю промышленность, и когда туземцы, почувствовавъ тяжесть этого новаго ига, возставали, то голландцы избивали ихъ массами, иногда поголовно, и превращали въ пустыню цѣлые острова. „Исторія голландскаго колоніяльнаго хозяйства представляетъ безпримѣрную картину измѣнъ, подкуповъ, убійствъ, подлостей“ (Raffles). Чтобы овладѣть Малаккой, голландцы подкупили португальскаго губернатора. Въ 1641 г. онъ впустилъ ихъ въ городъ. Они тотчасъ-же убили его, чтобы не заплатить ему подкупныхъ 21,875 ф. ст. Они составили цѣлую мошенническую организацію, которая похищала людей съ Целебеса и продавала ихъ въ рабство на Яву. Въ провинціи Баюнги въ 1750 г. было 80,000, а въ 1811 только 8,000 жителей.

Мягче другихъ европейцевъ дѣйствовали въ Индіи французы, но за то ихъ остъ-индская компанія не приносила почти никакихъ барышей...

Въ то время, какъ каждая изъ второстепенныхъ европейскихъ націй старалась завладѣть какой-нибудь заморскою богатою страной, въ Англіи быстро развивалось среднее торговое сословіе и заводило связи съ отдаленными государствами. Въ XVI вѣкѣ англійскіе купцы торгуютъ уже съ Москвой и основываютъ гудзонбайскую компанію, проникаютъ въ Турцію, стремятся въ Китай и знакомятся по слухамъ съ богатой Индіей. Всѣ эти предпріятія начинаются самими гражданами, а не по инициативѣ правительства, какъ въ другихъ странахъ, и имѣютъ совершенно мирныя, купеческія цѣли. Въ 1599 г. въ Лондонѣ составилось общество съ капиталомъ въ 30,000 фунтовъ стерлинговъ для монопольной и безпошлинной торговли съ Индіей. Елисавета утвердила привилегіи этого общества „ради чести и обогащенія націи, для поощренія своихъ предпріимчивыхъ подданныхъ, для расширенія судоходства и законной торговли". Первыя торговыя экспедиціи имѣли полный успѣхъ. Начальствовавшій ими Ланкастеръ заключилъ торговые договоры съ владѣтелями Ачина—на Суматрѣ и Бантама—на Явѣ. Эти договоры замѣчательны тѣмъ, что до позднѣйшаго времени служили образцами всѣхъ подобныхъ договоровъ остъ-индской компаніи. Англичане выговорили себѣ право безпошлинно ввозить и вывозить товары, пріобрѣтать земли подъ факторіи, судиться по своимъ законамъ и жить по своимъ обычаямъ; при этомъ они умѣли уговаривать туземцевъ признавать испанцевъ, португальцевъ, французовъ и голландцевъ „общими врагами обоихъ договаривающихся народовъ". Эти экспедиціи сильно возбудили въ Англіи жажду добычи. Акціонеры получили по 95% чистаго барыша. Ланкастеръ и его спутники разсказывали чудеса объ индійскихъ богатствахъ, о слабости туземныхъ правительствъ, о внутреннихъ раздорахъ Индіи, о подкупности чиновниковъ,

отъ которыхъ за взятку можно получить все. Компанія начала уже хлопотать о новыхъ привилегіяхъ и о расширеніи своихъ дѣлъ, но встрѣтила сильный отпоръ въ общественномъ мнѣніи. Масса купечества, неучаствовавшая въ ея выгодахъ, но тоже жаждавшая добычи, энергически протестовала противъ ея монополіи и требовала свободной торговли съ Индіей. Компанія подкупала королевскихъ любимцевъ, подкупала членовъ парламента, но долго не имѣла успѣха. Съ нея брали и свѣтскіе, и духовные лорды, и знаменитые ораторы палаты общинъ, но для нихъ было выгодно какъ можно дальше оттягивать окончательное утвержденіе ея привилегій и доить эту корову, пасшуюся на тучныхъ пастбищахъ Индіи. Въ добавокъ ко всему, въ 1633 г. правительство утвердило другую остъ-индскую компанію, и борьба этихъ соперницъ, выгодная для правительства, продолжалась вплоть до 1702 г., когда, при содѣйствіи королевы Анны, обѣ компаніи соединились въ одну, получившую на вѣчныя времена права монопольно торговать съ Индіей, пріобрѣтать въ ней земли, основывать поселенія, управляться совѣтомъ своихъ директоровъ.

Такимъ образомъ, Индустанъ былъ проданъ „на вѣчныя времена“ обществу англійскихъ капиталистовъ.

Заключая торговые договоры съ индійскими владѣтелями, построивъ Мадрасъ и Бомбей, проникнувъ въ Бенгалъ, Багеръ и Ориссу, воздвигая торговыя факторіи и прикрывая ихъ военными укрѣпленіями, англичане расширяли предѣлы своихъ комерческихъ операцій и постепенно вытѣсняли изъ Индіи другихъ европейцевъ, возбуждая противъ нихъ подозрительность туземныхъ правителей, разрушая ихъ факторіи, захватывая ихъ корабли. Съ неменьшею жестокостью преслѣдовала компанія и тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые осмѣливались торговать съ Индіей, несмотря на ея привилегіи. Она овладѣвала ихъ кораблями, казнила ихъ смертью, замаривала до смерти въ душныхъ темницахъ. При этомъ она не обращала никакого вниманія на англійскіе законы и

совѣтъ директоровъ предписывалъ своимъ правителямъ Индіи „соображаться не съ ними, а съ предписаніями директоровъ. Англійскіе законы ничто иное, какъ масса безсмысленнаго матеріяла, составленнаго невѣжественными людьми, которые не знаютъ никакого толка не только въ сложныхъ торговыхъ операціяхъ, но даже въ собственныхъ домашнихъ дѣлахъ“. Это наставленіе, данное еще въ 1693 г., легло въ основу всей дальнѣйшей дѣятельности компанейской администраціи: въ Индіи дѣйствовали не англійскіе законы, а инструкціи директоровъ и произволъ губернаторовъ.

Акціонеры и директоры, незнакомые съ политическими условіями Индіи, имѣли въ виду только мирную торговую эксплуатацію страны. Но это оказалось рѣшительно невозможнымъ. Внутреннія междоусобицы, интриги французовъ и голландцевъ, набѣги воинственныхъ племенъ, дворцовыя революціи—все дѣлало необходимымъ защищать торговыя факторіи посредствомъ военныхъ укрѣпленій, гарнизоновъ и военныхъ кораблей. Подъ защитою англійскаго оружія не только безопасно жили агенты компаніи, но поселялись и туземцы, армянскіе купцы, евреи и т. д. Вскорѣ компанія увидѣла, что она можетъ извлечь громадныя выгоды изъ внутреннихъ междоусобицъ страны, которыя помогутъ ей утвердиться въ Индіи въ качествѣ первостепенной военной силы. Увеличивъ армію, воздвигнувъ нѣсколько фортовъ, построивъ военныя суда, компанія начала дѣятельно вмѣшиваться во внутреніе раздоры, вступать въ оборонительные и наступательные союзы съ туземными владѣтелями, покорять города и завоевывать територіи. Съ началомъ XVIII вѣка власть делійскаго императора окончательно пала, и англичане начали дѣятельнѣе вмѣшиваться въ дѣла его полунезависимыхъ вассаловъ, помогая претендентамъ завладѣвать престолами, помогая однимъ владѣтелямъ побѣждать другихъ и получая за эту помощь условленную плату въ видѣ денегъ, привилегій и територій. Но ихъ военные успѣхи долго оставались сомнительными. На

Индію напалъ персидскій шахъ, взялъ Дели, ограбилъ всѣ сокровища и разорилъ страну. За персами слѣдовали афганы. Воинственное племя маратовъ своими постоянными набѣгами опустошало значительную часть Индустана. Война Англіи съ Франціей шла и на индійской почвѣ. Французы, въ союзѣ съ нѣкоторыми набобами, взяли Мадрасъ и нѣсколько другихъ англійскихъ укрѣпленій и всюду имѣли рѣшительный успѣхъ. Правитель Бенгала, Сераджа-ед-Даула, въ іюлѣ 1756 г. взялъ Калькутту, губернаторъ которой съ частью жителей бѣжалъ на корабли. 146 англичанъ попались въ плѣнъ и были посажены въ *чорную яму*, земляную тюрьму въ 20 квадратныхъ футовъ. Ихъ вогнали сюда саблями и дверь была немедленно заперта. Узники тотчасъ-же почувствовали чрезвычайный потъ, за которымъ слѣдовали невыносимая жажда и боль въ груди. Началась общая агонія. Заключенные просили воды, а караульные только дразнили ихъ, подавая ее въ самомъ ничтожномъ количествѣ. За глотокъ воды, за возможность дохнуть черезъ два небольшихъ отверстія арестанты дрались, затаптывали другъ друга до смерти, богохульствовали, умоляли стражу стрѣлять въ нихъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ часовымъ деньги, чтобы они отперли дверь, но часовые отвѣчали, что ничего нельзя сдѣлать безъ набоба, который спитъ и очень разсердится, если кто-нибудь его разбудитъ. Между тѣмъ жаръ въ тюрьмѣ дѣлался все невыносимѣе; многіе уже умерли и ихъ трупы, разлагаясь съ поразительною скоростью, душили живыхъ своимъ зловоніемъ; наконецъ, попадали и всѣ живые. Когда пьяный набобъ проснулся утромъ и велѣлъ освободить заключенныхъ, то въ ямѣ оказалось 123 вонючихъ трупа и только 23 человѣка еле пережили эту ужасную катастрофу, возбудившую неописанный ужасъ и въ Индіи, и въ Европѣ.

Индію сохранилъ для англичанъ только военный геній Клайва, который изъ простого писца быстро поднялся до степени первостепеннаго полководца. Отнявъ всѣ англійскія владѣнія,

завоеванныя французами и ихъ союзниками, и завоевавъ нѣсколько новыхъ, Клайвъ уничтожилъ французское владычество и положилъ прочный фундаментъ британской имперіи въ Азіи. Онъ участвовалъ въ придворныхъ революціяхъ, возводилъ за деньги разныхъ проходимцевъ на престолы набобовъ, заключалъ фальшивые договоры, дѣлалъ все „ради чести и богатства англійскаго народа" и достигъ блестящихъ результатовъ. Сераджа Даула былъ сверженъ и англичане овладѣли добычей въ 2,230,000 ф. ст. Набобомъ Бенгала, Багора и Ориссы Клайвъ сдѣлалъ Миръ Джафара, съ котораго онъ для себя, для войска и для своихъ чиновниковъ получилъ до 2,750,000 ф. ст. Кромѣ того, онъ взялъ еще для себя лично добавочный подарокъ въ 160,000 ф. ст.

Операція была сдѣлана на славу. Французская компанія уничтожена; англичане овладѣли лучшими землями Индіи, управляя ими подъ именемъ созданныхъ ими набобовъ; компанія обогатилась военной добычей. Въ 1760 г. Клайвъ прибылъ въ Лондонъ и увѣнчанъ лаврами. Директоры поднесли ему бриллiантами украшенную шпагу; Георгъ III возвелъ его въ пэры, Питтъ сказалъ ему превосходный панегирикъ, палата общинъ съ глубочайшимъ уваженіемъ приняла его въ число своихъ членовъ, въ которые онъ попалъ, накупивъ гнилыхъ мѣстечекъ за деньги, награбленныя въ Индіи.

Въ то время, какъ Клайвъ наслаждался въ Англіи плодами трудовъ своихъ, въ Индіи президентъ Калькутты Вантиссартъ и его совѣтники успѣли уже запродать престолъ Миръ Джафара его пасынку Касиму. Президентъ, во главѣ войска, овладѣлъ Джафаромъ, объявилъ его низложеннымъ и посадилъ на его мѣсто Касима, который уступилъ за это компаніи округи Бурдуанъ, Миднапоръ и Читтагонгъ. За эту операцію Миръ Касимъ уплатилъ Вантиссарту 58,000, Гольвеллю 30,937, Семнеру 28,000, генералу Кэллоду 22,916 фунтовъ стерлинговъ и кромѣ того остальнымъ членамъ совѣта, каждому по чину его. Обдѣлавъ дѣльцо, компанейскіе чиновники захва-

тили въ свои руки всю торговлю страны, которую они вели безданно и безпошлинно. Когда таможенные надсмотрщики набоба рѣшались требовать пошлинъ, ихъ арестовывали, заковывали въ цѣпи, наказывали палками. Въ каждой деревнѣ, на каждомъ базарѣ компанейцы черезъ своихъ агентовъ торговали первыми жизненными потребностями, заставляя туземцевъ и покупать у нихъ, и продавать имъ по цѣнѣ, произвольно назначаемой самими компанейцами. Страна быстро разорялась. Протесты Миръ Касима оставались безъ послѣдствій и онъ рѣшился защищать свой народъ оружіемъ, но потерпѣлъ неудачу, бѣжалъ, а англичане продали за 120,000 ф. ст. тронъ его малолѣтнему сыну, который обязался содержать въ своихъ номинальныхъ владѣніяхъ часть англійскаго войска. „Впродолженіи пяти лѣтъ, говоритъ Маколэ,—прошедшихъ съ отъѣзда Клайва изъ Бенгала, злоупотребленія англичанъ достигли степени, которая едва кажется совмѣстною съ существованіемъ общества. Англичане превзошли римскихъ проконсуловъ, которые втеченіи года или двухъ выжимали изъ ввѣренныхъ имъ областей средства для постройки мраморныхъ дворцовъ на берегахъ Кампаньи, чтобы пить изъ янтарныхъ сосудовъ, утолять голодъ пѣвчими птицами, содержать арміи гладіаторовъ и цѣлыя стада камелопардовъ; они превзошли и испанскихъ вице-королей, которые, сопровождаемые проклятіями Мехики и Лимы, возвращались въ Мадридъ съ длиннымъ цугомъ позолоченныхъ каретъ и вьючныхъ лошадей, подкованныхъ и обвѣшанныхъ серебромъ“. Эти тираны, эти грабители были преимущественно молодые люди, почти мальчики, которыхъ родители сбывали въ Индію на нѣсколько лѣтъ въ качествѣ писцовъ и прикащиковъ и которые возвращались назадъ съ грудами золота, развращенные властью, истощенные развратомъ. Служба въ Индіи сдѣлалась мечтой для англійской молодежи, въ особенности для тѣхъ кутилъ и шелопаевъ, отъ которыхъ отступались ихъ аристократическіе родственники. Но компанія не могла быть доволь-

на такими служителями, которые, захвативъ въ свои руки почти всю торговлю, окончательно подорвали ея доходы. Съ каждымъ кораблемъ, приходившимъ изъ Индіи, получались тревожныя извѣстія о безобразіяхъ этихъ искателей легкой наживы, о разстройствѣ компанейскихъ дѣлъ, о волненіяхъ туземцевъ.

Компанія рѣшила, что одинъ только Клайвъ можетъ спасти ее. Клайвъ былъ очень радъ и до того расчувствовался, что, принимая вновь свою должность, писалъ: „именемъ великаго существа, которое видитъ всѣ сердца и которому, если только есть загробная жизнь, мы должны будемъ дать отчетъ,— клянусь, что я ѣду съ помыслами превыше всякаго подкупа и что я рѣшился или истребить это великое и возрастающее зло, или погибнуть въ попыткѣ“. Таковъ былъ на словахъ этотъ Кортецъ Индіи, нажившій въ ней громадное состояніе и положившій начало самой коварной и недобросовѣстной политикѣ. „Съ азіятами, говорилъ этой герой,—не слѣдуетъ поступать по европейскимъ законамъ, по европейскимъ понятіямъ о правѣ и чести; это коварные, безсовѣстные люди, которымъ слѣдуетъ платить тою-же монетою“. Коварство и безсовѣстность сдѣлались основными принципами управленія Индіей и при Клайвѣ, и послѣ него. Онъ первый также рекомендовалъ утверждать власть надъ Индіей посредствомъ обольщаемыхъ и обманываемыхъ туземныхъ владѣтелей. „По индійской государственной мудрости, говоритъ онъ,—у жителей Индустана сущность состоитъ въ формѣ. Коль скоро мы собираемъ налоги, то мы уже дѣйствительные владѣтели страны. За набобами остаются только названіе и тѣнь власти. Намъ необходимо и полезно оказывать наружное уваженіе къ этой тѣни, чтобы подъ кровомъ ея священности успѣшно вести свои дѣла“. Что-же касается реформы, для которой Клайвъ былъ вторично посланъ въ Бенгалъ, то онъ не могъ совершить ее. Компанія требовала, чтобы ея служители не брали взятокъ и не вели торговли, и въ то-же время, по своей

купеческой скаредности, ни за что не соглашалась давать имъ значительнаго жалованья. Клайвъ началъ преслѣдовать и взятки, и частную торговлю, но обратилъ въ пользу чиновниковъ монопольную продажу соли,—этой первой послѣ хлѣба потребности народа,—и самъ пустился въ эту торговлю. Клайвъ обуздалъ враждебные замыслы индійцевъ и указывалъ своимъ соотечественникамъ на неизбѣжность и необходимость покоренія всего Индустана. „Мы, говорилъ онъ,—достигли критическаго періода, который я уже давно предвидѣлъ, и намъ необходимо теперь рѣшить, должны-ли мы забрать все; безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что завтра-же вся имперія моголовъ можетъ быть нашей. Послѣ всего, что мы дѣлали, индійскіе государи должны считать наши намѣренія безпредѣльными; они видѣли столько примѣровъ нашего честолюбія, что не могутъ считать насъ способными къ умѣренности. Даже тѣ набобы, которыхъ мы поддерживаемъ, не довѣряютъ нашей власти. Мы должны сами сдѣлаться набобами въ дѣйствительности, если не по имени“. Въ 1765 г. Клайвъ заставилъ делійскаго падишаха подписать трактатъ, которымъ онъ уступалъ англичанамъ право собирать подати съ Бенгала, Багора и Ориссы, уплачивая ему за это ежегодно около 3,000,000 рублей! Англичане сдѣлались фактическими владыками Индіи. Отъ имени падишаха они собирали подати, творили судъ, издавали законы, заключали договоры съ другими государствами, присвояли себѣ новыя владѣнія посредствомъ вынужденныхъ у шаха граматъ. Снова начались тѣ-же административныя безобразія, искоренять которыя пріѣхалъ Клайвъ. Съ 1757 по 1766 г. компанія и ея чиновники заставили индійцевъ подарить себѣ 6,000,000 ф. ст. Сборщики податей буквально грабили народъ, наживались сами и увеличили доходы компаніи до того, что она могла возвысить свой дивидендъ съ 6 до 10%. Ни одинъ туземецъ не осмѣливался жаловаться суду на послѣдняго англичанина. Компанейскіе агенты дошли до того, что обратили въ свою моно-

полію всю хлѣбную торговлю и заставляли туземцевъ продавать имъ даже сѣмяна, назначенныя для будущаго посѣва. Въ нѣсколько лѣтъ страна была разорена, усилились преступленія и работорговля, несчастные туземцы продавали цѣлыя толпы своихъ дѣтей и малолѣтнихъ родственниковъ въ рабство, нищенство увеличилось въ чрезвычайной степени. Жатвы дѣлались скудными, цѣны на хлѣбъ поднимались, а его все продолжали вывозить за-границу, и подати собирались съ усиленною строгостью. Насталъ голодный 1770 годъ. „Смертность и нищенство превзошли всякое описаніе, говоритъ очевидецъ.— Больше одной трети жителей погибло голодною смертью". „Нѣжныя и стыдливыя женщины, никогда неподнимавшія покрывала передъ взглядами толпы, выходили изъ внутреннихъ покоевъ, въ которыхъ восточная ревность хранила ихъ красу, бросались на землю передъ прохожими и съ громкими воплями вымаливали горсть риса для своихъ дѣтей. Рѣка Угли ежедневно сносила тысячи труповъ къ дворцамъ и садамъ англійскихъ завоевателей. Самыя улицы Калькутты были завалены умиравшими и мертвыми. Оставшіеся въ живыхъ, исхудалые и слабые, не имѣли довольно силы, чтобы относить тѣла своихъ родственниковъ къ костру или къ святой рѣкѣ, ни даже для того, чтобы отгонять шакаловъ и коршуновъ, которые при дневномъ свѣтѣ пожирали трупы. Число погибшихъ считали милліонами" (Маколэ). Англійскіе правители не только не предпринимали никакихъ мѣръ противъ этого бѣдствія, но еще усиливали его, продолжая свои злоупотребленія и собирая съ живыхъ всѣ налоги, яко-бы слѣдовавшіе и съ умершихъ. Изъ слѣдующихъ въ налогъ 1,380,269 ф. ст. въ голодный годъ было оставлено въ недоимкѣ только 65,355 ф.!..

Клайвъ въ это время былъ въ Англіи, гдѣ правительство только-что возобновило привилегіи компаніи, заставивъ ее платить себѣ изъ индійской добычи по 400,000 ф. ст. ежегодно. Но ни продажный парламентъ, ни наемные панегиристы Клайва, ничто не могло подкупить общественнаго мнѣнія въ поль-

зу компаніи и этого героя, столь превознесеннаго Маколэ. Правительство и буржуазія завидовали компанейскимъ барышамъ, злоупотребленія агентовъ компаніи и голодъ 1770 г. возмущали общественную совѣсть, а многочисленные англійскіе набобы, нажившіеся въ Индіи, составили изъ себя такой барскій классъ, къ которому относились аристократы съ гордымъ презрѣніемъ, а друзья свободы съ боязнью, въ виду его политическаго вреднаго вліянія. Мы говорили уже, что на службу компаніи поступали толпы юношей, которые, наживая въ Индіи въ самое короткое время громадныя богатства, окончательно развращались здѣсь, привыкая къ деспотизму и самодурству, заводя себѣ цѣлые гаремы, предаваясь пьянству, пріобрѣтая гибельную привычку курить опіумъ, дѣлаясь коварными, жестокими и надменными. Возвращаясь въ Англію, они строили замки, дивили міръ безумною роскошью, накупали гнилыхъ мѣстечекъ, поступали въ парламентъ, развратничали публично и распространяли свою нравственную заразу. Впродолженіи тридцати лѣтъ литература всѣхъ партій и направленій не переставала бичевать этихъ набобовъ. Ненависть противъ нихъ еще болѣе усилила недовольство Клайвомъ, который, даже по сознанію его защитника, Маколэ, „былъ набобъ по преимуществу, самый способный, самый извѣстный, самый богатый изъ всѣхъ набобовъ“. „Неблагодарное отечество“ привлекло его къ суду, но судъ кончилъ тѣмъ, что заявилъ подсудимому благодарность отечества! Но Клайвъ уже не возвращался въ Индію: онъ постепенно превращался въ идіота, вслѣдствіе своей страсти къ опіуму, и застрѣлился 49 лѣтъ отъ роду.

Остъ-индская компанія къ концу клайвовскаго управленія дошла до того, что ея расходы далеко не могли покрываться доходами. Совѣтъ директоровъ обратился къ правительству съ просьбой о займѣ въ $1 \frac{1}{2}$ милліона фунтовъ. Правительство дало, но за то принудило компанію сдѣлать нѣкоторыя реформы въ управленіи Индіей и признать надъ собой верхов-

ную власть короны. Все управленіе было сосредоточено въ рукахъ генералъ-губернатора, получавшаго въ годъ 25,000 ф. ст., и четырехъ совѣтниковъ съ жалованьемъ по 8,000 каждому.

Генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Уорренъ Гэстингсъ, уже извѣстный своею прежнею службою въ Индіи. Потомокъ древняго разорившагося рода, человѣкъ желѣзнаго характера, сильнаго ума, съ обширнымъ образованіемъ и съ замѣчательнымъ военнымъ талантомъ, но съ сердцемъ, въ которомъ даже его горячій защитникъ Маколэ не могъ найти ни малѣйшихъ слѣдовъ гуманнаго чувства,—Гэстингсъ былъ такимъ-же „великимъ человѣкомъ", какъ Клайвъ, и безъ него англійское дѣло въ Индіи, вѣроятно, погибло-бы, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на долгое время.

Гэстингса отправили въ Индію главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы добывать деньги для компаніи. Онъ уменьшилъ на 160,000 фунтовъ пенсію, которую англичане обязались платить набобу бенгальскому, отнялъ у него два округа и продалъ ихъ аудскому набобу за 500,000 ф., перевелъ сборъ податей окончательно въ руки англичанъ и немногихъ благонадежныхъ туземцевъ и увеличилъ ежегодный доходъ компаніи на 400,000 ф. Подати собирались при помощи самыхъ варварскихъ истязаній. Сборщикъ и судья округа Динагпура, имѣвшаго около 1,000,000 жителей, Деви-Сингъ въ нѣсколько лѣтъ совершенно разорилъ эту богатую область. „Кто не могъ уплачивать произвольно возвышенныхъ налоговъ, того бросали въ тюрьму; все его имущество, домъ, утварь, пашня, скотъ, платье продавались за безцѣнокъ и скупались Деви-Сингомъ посредствомъ его агентовъ. Неприкосновенность гарема постоянно нарушалась. Матерей и дочерей нагихъ вытаскивали на улицу, насиловали и посредствомъ ужасныхъ истязаній старались выпытать у нихъ, гдѣ лежатъ скрытыя сокровища. Соски грудей ихъ ущемляли въ расколотомъ бамбукѣ и вырывали". Вмѣстѣ съ переходомъ сбора налоговъ въ

руки англійскихъ агентовъ было уничтожено и туземное судопроизводство, патріархальное, дешевое, допускавшее даже въ извѣстныхъ случаяхъ участіе присяжныхъ. Въ Калькуттѣ основанъ англійскій верховный судъ. Гэстингсъ, съумѣвшій освободиться изъ-подъ законнаго вліянія совѣта и сдѣлавшійся неограниченнымъ администраторомъ, владѣлъ и верховнымъ судомъ, тѣмъ болѣе, что главный судья, безчестный Элія Импи, былъ его стариннымъ другомъ. Нелѣпая система англійскихъ законовъ и безнравственность британскихъ подъячихъ въ рукахъ Гэстингса и Импи сдѣлались орудіями невообразимой тиранніи. Судъ навербовалъ себѣ особенную шайку полицейскихъ сыщиковъ, которая буквально занималась дневными грабежами во имя закона; судъ содержалъ цѣлыя толпы шпіоновъ, ябедниковъ, продажныхъ лжесвидѣтелей и, съ помощью ихъ, дѣлалъ что хотѣлъ. Богатѣйшіе люди страны, по малѣйшему извѣту, были заключаемы въ тюрьму, служившую тяжкимъ наказаніемъ для самыхъ жестокихъ злодѣевъ; здѣсь одни умирали отъ духоты, погрязая въ собственныхъ своихъ нечистотахъ, другіе погибали голодною смертью, а имущество ихъ разграблялось судьями. Живыхъ допрашивали на неизвѣстномъ языкѣ, судили по неизвѣстнымъ законамъ и приговаривали, къ чему вздумалось. Даже сами англичане подвергались произволу этихъ юристовъ-кляузниковъ, для содѣйствія хищническимъ набѣгамъ которыхъ всегда была готова военная сила. Этотъ судъ спасъ Гэстингса, когда однажды его положеніе сдѣлалось шаткимъ и его готовы были уже смѣнить. Прослышавъ о критическомъ положеніи генералъ-губернатора, индусы рѣшились употребить всѣ средства, чтобы избавиться отъ него. Во главѣ ихъ стоялъ браминъ Нункомаръ, равнявшійся съ Гэстингсомъ и своимъ умомъ, и своею безнравственностью. Нункомаръ передъ калькутскимъ совѣтомъ началъ обвинять Гэстингса, что онъ беретъ взятки, продаетъ должности, освобождаетъ за деньги преступниковъ. Гэстингсъ не могъ опровергнуть ни одного обвиненія. Вмѣсто опроверже-

нія онъ подыскалъ свидѣтеля, обвинившаго Нункомара въ подлогѣ, совершенномъ будто-бы за шесть лѣтъ назадъ. Браминъ былъ арестованъ и судъ приговорилъ его къ смерти, на основаніи одного англійскаго закона. Смерть Нункомара нагнала ужасъ на всю Индію, а его убійца, избавившись отъ бѣды, укрѣпился на своемъ генералъ-губернаторскомъ креслѣ.

Компанія, конечно, не одобряла подобныхъ неистовствъ. Корыстолюбивые, но мирные купцы воображали, что истощенный и ограбленный Индустанъ можно эксплуатировать „честнымъ" и мирнымъ образомъ. Они предписывали Гэстингсу держаться мирной политики и не дѣлать завоеваній. Но это было положительно невозможно. Въ Индіи была армія, и эта армія хотѣла участвовать въ общемъ грабежѣ. Удовлетворяя ненасытной жадности администраторовъ и судей, благоразумный правитель долженъ былъ позаботиться и о солдатахъ. Война обѣщала ему самому и славу, и поживу; война-же могла доставить и средства, чтобы заткнуть ненасытную глотку лондонскихъ директоровъ, которые чуть не съ каждою почтою требовали отъ него больше и больше денегъ.

Около границъ Ауда жило племя роилловъ, этихъ швейцарцевъ Индіи. Воинственные, свободные, они жили, однакожъ, не грабежемъ, а производительными занятіями. Ихъ страна управлялась лучше всѣхъ другихъ, была прорѣзана ирригаціонными каналами, покрыта цвѣтущими пашнями и садами. Аудскому визирю захотѣлось присоединить ее къ своимъ владѣніямъ и онъ нанялъ у Гэстингса англійскую бригаду, обязавшись уплатить всѣ издержки войны, да сверхъ того 400,000 ф. ст. и 20,000 самому Гэстингсу. Войска набоба и англичане вторглись въ прекрасный Рошекондъ. Роиллы представляли свою невинность, умоляли, предлагали выкупъ, но ихъ избивали почти поголовно и грабили до тла страну, истребляя огнемъ все, чего нельзя было захватить съ собой. „Роиллы должны быть уничтожены", писалъ Гэстингсъ въ одномъ своемъ письмѣ, и аудская шайка, съ помощью англичанъ,

избивала всѣхъ, кто попадался ей. Болѣе ста тысячъ человѣкъ бѣжало въ болота и тростниковыя заросли, притоны тигровъ и лихорадокъ. Болѣе тысячи поселеній было превращено въ пепелъ. Что уцѣлѣло отъ войны, то вскорѣ погибло отъ грабежа и деспотизма аудскаго набоба, которому Гэстингсъ продалъ на убой этотъ даровитый и счастливый народъ.

Истребленіе роилловъ возбудило въ Англіи негодованіе. Правительство заставило директоровъ смѣнить Гэстингса, но послѣдній не сдалъ должности, удержалъ ее за собой и черезъ нѣсколько времени снова былъ утвержденъ въ ней. Онъ, дѣйствительно, былъ незамѣнимъ въ Индіи въ это критическое для Англіи время, когда возстала противъ нея Америка, когда Испанія, Голландія и Франція готовы были къ войнѣ съ ней, когда въ самой Индіи начались смуты, воинственные мараты угрожали англійскому владычеству и основатель майсарскаго царства, Гайдеръ Али, одерживая одну побѣду за другою, готовился окончательно изгнать „рыжихъ варваровъ“. Гэстингсъ спасъ Индію для своихъ соотечественниковъ, и послѣдніе простили ему за то всѣ его злодѣянія.

Между тѣмъ онъ замышлялъ уже новые грабежи. Богатѣйшимъ городомъ Индіи былъ тогда Бенаресъ, въ который ежегодно стекались сотни тысячъ богомольцевъ съ своими приношеніями и множество кораблей, нагруженныхъ богатыми товарами. Владѣлецъ Бенареса, раджа Чеитъ-Сингъ платилъ компаніи ежегодную дань по договору. Но этого было мало. Гэстингсъ, по его собственнымъ словамъ, рѣшился помочь затруднительнымъ обстоятельствамъ компаніи посредствомъ богатствъ раджи. Сверхъ дани Гэстингсъ началъ ежегодно требовать съ него по 50,000 ф., и когда раджа запротестовалъ, то онъ наложилъ на него штрафъ въ 10,000 ф., отправивъ войска для взысканія денегъ, съ небольшой стражей вторгся въ Бенаресъ и арестовалъ раджу. Народъ возсталъ, но революція была подавлена, Бенаресъ присоединенъ къ компаніи,

ежегодный доходъ которой увеличился вслѣдствіе этого на 200,000 ф., а армія получила въ добычу около 250,000 ф. ст.

Этого было мало и для Гэстингса, и для солдатъ, и для компаніи. Генералъ-губернаторъ, въ рукахъ котораго находился набобъ аудскій, вошелъ съ послѣднимъ въ соглашеніе ограбить его мать и бабку, мирно жившихъ въ своихъ богатыхъ надѣлахъ. На нихъ взвели ложное обвиненіе въ революціонныхъ замыслахъ, отрядъ войска занялъ ихъ имѣнія, арестовали всѣхъ приближенныхъ къ нимъ лицъ, начали пытать ихъ и морить голодомъ, чтобы узнать о количествѣ богатства княгинь. Гэстингсу во всемъ этомъ помогалъ упомянутый судья Импи, и соединенными усиліями этихъ Ирода и Пилата было отнято у княгинь 1,200,000 ф. ст.

Директоры компаніи дѣлали Гэстингсу строгіе офиціальные выговоры и въ то-же время сообщали ему, что они вполнѣ довольны его управленіемъ. Гэстингсъ притворялся обиженнымъ выговорами и съ наглостью заявлялъ, что все, что онъ ни дѣлалъ въ Индіи, клонилось „къ выгодамъ компаніи и къ чести отечества“!.. Но общественное мнѣніе Англіи и парламентская оппозиція, руководимая Беркомъ, Фоксомъ, Шериданомъ, успѣли, наконецъ, свергнуть Гэстингса и привлечь его къ суду, столь знаменитому въ лѣтописяхъ Великобританіи по талантамъ обвинителей и по интригамъ защитниковъ этого „генералъ-капитана несправедливости“.

Первый ораторъ того времени, Эдмундъ Беркъ, бывшій самымъ горячимъ защитникомъ Индіи и обличителемъ злодѣяній Гэстингса, раскрылъ въ глазахъ Европы и Америки тѣ тайныя и никому неизвѣстныя преступленія, которыя совершались англійскимъ правительствомъ въ Индіи. Поводомъ къ этому разоблаченію послужилъ билль Фокса. Въ 1783 г. Фоксъ внесъ въ парламентъ свой билль, предлагавшій отнять у компаніи управленіе Индіей и вручить его комитету, зависящему отъ парламанта. Рѣчь Берка въ защиту этого билля принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Доказывая,

что предлагаемая реформа не должна быть полумѣрою, что необходимо измѣнить всю систему, что всякая мѣра, защищающая Индію отъ угнетенія, въ то-же самое время предохраняетъ отъ порчи конституцію Англіи, Беркъ блистательно разбиваетъ своекорыстныя возраженія своихъ противниковъ. Послѣдніе вопіяли, что реформаторы „посягаютъ на человѣческія права, утвержденныя хартіями“. „Права человѣка, т. е. естественныя права рода человѣческаго, отвѣчалъ Беркъ,— вполнѣ священны, а подтверждающія ихъ великія хартіи вполнѣ справедливо могутъ быть называемы хартіями правъ человѣческихъ. Но могутъ быть, и дѣйствительно существуютъ, хартіи, не только отличныя по своей сущности, но и основанныя на принципахъ, совершенно противоположныхъ упомянутымъ. Къ этому разряду принадлежитъ и хартія остъ-индской компаніи. Англійская великая хартія служитъ для обузданія власти и разрушенія монополіи, остъ-индская-же хартія установляетъ монополію и создаетъ власть. А политическая власть и комерческая монополія вовсе не права человѣка; напротивъ, онѣ-то, въ концѣ концовъ, болѣе всего подавляютъ естественныя права рода человѣческаго. Подобную-то хартію нарушаетъ предлагаемый билль. Но, опредѣливъ характеръ утвержденныхъ хартіей правъ, которыхъ касается билль, я безъ всякаго затрудненія признаю существованіе этихъ правъ въ полномъ ихъ объемѣ. Они принадлежатъ, безспорно, компаніи и утверждены за ней общественной санкціей всякаго рода. Они запечатлѣны согласіемъ короля; они запечатлѣны согласіемъ парламента; они были куплены за деньги,—за деньги, честно и точно уплаченныя. Поэтому я признаю за остъ-индской компаніей ея притязаніе устранять всѣхъ другихъ людей отъ торговли съ половиною земного шара. Я признаю за нею право распоряжаться ежегоднымъ мѣстнымъ доходомъ въ 7,000,000 ф. ст.; командовать арміей въ 60,000 человѣкъ и располагать жизнью и состояніемъ 30,000,000 людей. Все это, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ ей по хар-

тіи и по актамъ парламента. Но дѣлая такую уступку защитникамъ компаніи, надѣюсь, что они, въ свою очередь, согласятся со мною, что всякая политическая власть, утвержденная надъ людьми, такъ или иначе должна приносить имъ пользу. Всякая политическая власть и политическая привилегія, не составляя первоначальныхъ или основныхъ правъ и будучи даваемы не для однихъ только выгодъ лицъ, облекаемыхъ ими, въ строгомъ смыслѣ служатъ довѣренностью (trust); поэтому онѣ подлежатъ отчетности, какъ того требуетъ самая сущность всякой довѣренности, и могутъ быть даже вовсе уничтожаемы, какъ скоро онѣ удаляются отъ цѣлей, ради которыхъ онѣ и могутъ имѣть легальное существованіе". Поэтому остъ-индская компанія должна подлежать контролю парламента, отъ котораго она получила свою власть. „Что власть, которою она такъ явно и такъ сильно злоупотребляетъ, была куплена у насъ — это вѣрно. Но это обстоятельство, которымъ пользуются какъ аргументомъ противъ билля, служитъ новымъ мотивомъ для нашего вмѣшательства; въ противномъ случаѣ о насъ имѣютъ полное право думать, что изъ одного только низкаго желанія денежной выгоды мы продали кровь милліоновъ людей. Мы продали все, что могли продать, т. е. нашу власть, но не нашъ контроль. Мы не имѣемъ никакого права торговать своими обязанностями. Я основываюсь на принципѣ, что если злоупотребленіе доказано, то контрактъ нарушенъ и мы снова вступаемъ въ свои права и въ отправленіе всѣхъ своихъ обязанностей... Мы должны отмѣнить хартію, подъ покровомъ которой совершено столько злоупотребленій и водворены во всей своей полнотѣ такой деспотизмъ, тираннія и развращеніе; мы должны дать другую хартію, которая доставила-бы дѣйствительную гарантію человѣческихъ правъ, попранныхъ подъ владычествомъ первой. Этотъ билль и другіе, соединенные съ нимъ, и имѣютъ цѣлью быть для Индустана великой хартіей".

Громадная територія Индіи, населенная вчетверо сильнѣе,

чѣмъ Великобританія, и обладавшая высокой цивилизаціей уже въ то время, когда предки европейцевъ еще жили въ лѣсахъ, по своему политическому устройству имѣетъ нѣкоторое сходство съ германской имперіей. Эта-то богатая и цивилизованная страна сдѣлалась ареной безпримѣрныхъ злодѣяній. „Во-первыхъ, я заявляю, что на всемъ пространствѣ отъ горъ Имаусъ, подъ 29 градусомъ широты, и до мыса Коморинъ, подъ 8 градусомъ, нѣтъ рѣшительно ни одного государя, котораго не *продала-бы* компанія. Во-вторыхъ, я заявляю, что нѣтъ ни одного государя или сословія, которые, довѣрившись компаніи, не были-бы окончательно погублены ею“.

„Первый государь, проданный компаніей за деньги, былъ Великій Моголъ, потомокъ Тамерлана, человѣкъ высокоуважаемый, любезный, почитаемый за свое благочестіе и отлично знакомый со всей литературой Востока. Ничто не могло спасти его отъ общей продажи. Съ его вензелемъ чеканилась монета, отъ его имени отправлялось правосудіе, за него молились во всѣхъ храмахъ, которыми усѣяна страна,—но онъ былъ проданъ. Ему были оставлены во владѣніе двѣ области, Кора и Аллагабадъ. Но, удержавъ ежегодную дань въ 260,000 ф. ст., которую компанія, въ силу хартіи, полученной отъ этого государя, торжественно обязалась уплачивать ему, она продала эти области главному министру Могола. Потомокъ Тамерлана теперь нуждается почти въ первыхъ потребностяхъ жизни, и мы даже изъ состраданія не хотимъ дать ему малѣйшую частицу того, что все принадлежитъ ему по справедливости“.

„Затѣмъ, тому-же самому министру былъ проданъ весь народъ роилловъ, проданъ для совершеннаго *истребленія*, за 400,000 ф. ст. Гафизъ Рахметъ, самый значительный вождь роилловъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ людей своего времени, извѣстный по всему Востоку изяществомъ и поэтическимъ духомъ своихъ литературныхъ произведеній, подвергся нападенію стотысячной арміи и одной англійской бригады. Онъ палъ,

храбро сражаясь за свою страну во главѣ немногочисленнаго войска. Его голова была отрублена и продана за деньги одному варвару. Его жена и дѣти, какъ нищіе, бродили по англійскому лагерю, выпрашивая горсть рису. Весь народъ, за немногими исключеніями, былъ перебитъ или изгнанъ. Страна была опустошена огнемъ и мечемъ. Эта страна, стоявшая выше большей части другихъ областей по своей обработанности и богатству, почти вся превращена теперь въ печальную пустыню, покрытую тростникомъ, терновникомъ да густымъ лѣсомъ, полнымъ дикихъ звѣрей“.

„Въ Бенгалѣ Сераджа Даула былъ проданъ Миръ Джафару, Миръ Джафаръ былъ проданъ Миръ Касиму, а Миръ Касимъ былъ снова проданъ Миръ Джафару. Наслѣдіе Миръ Джафара было продано его старшему сыну, а второй сынъ его былъ проданъ его мачихѣ и т. д.

„Мое второе положеніе состоитъ въ томъ, что компанія не заключила ни одного такого договора, котораго-бы она не нарушила. Постоянное, систематическое нарушеніе договоровъ ввело на Востокѣ въ пословицу англійскую честность... Договоръ съ Моголомъ, въ силу котораго мы обязались уплачивать ему ежегодно по 260,000 ф., былъ нарушенъ и компанія не заплатила ему ни одного шиллинга. Она нарушила и другой свой договоръ съ нимъ, по которому слѣдовало платить по 400,000 ф. въ годъ Субагѣ бенгальскому. Она условилась съ Моголомъ платить за услуги жалованье Ньюджифъ Коуну и не выполнила этого условія. Она нарушила свои договоры съ Низамомъ и съ Гайдеръ Али. Что-же касается маратовъ, то она заключила съ главнымъ вождемъ и съ каждымъ изъ ихъ предводителей столько противорѣчащихъ одинъ другому трактатовъ, что, по общему убѣжденію, невозможно было соблюдать ни одного изъ этихъ условій, не нарушая тѣмъ самымъ остальныхъ. Было замѣчено, что если-бы всѣ эти договоры были строго соблюдаемы, то въ одно и то-же время двѣ англійскихъ арміи должны были въ открытомъ полѣ

драться между собою на смерть. Войны, опустошающія Индію, ведутъ свое начало отъ самаго гнуснаго нарушенія съ нашей стороны политическихъ договоровъ. Во время глубокаго мира войска компаніи вторглись въ територію маратовъ и завладѣли сальсетскимъ островомъ и крѣпостью. Мараты, однакожь, остались вѣрны мирному договору, доставлявшему столько важныхъ выгодъ компаніи. Но этотъ договоръ, подобно всѣмъ другимъ, вскорѣ былъ нарушенъ компаніей, которая снова вторглась во владѣнія маратовъ. Это неудачное предпріятіе кончилось новымъ договоромъ. Вся компанейская армія принуждена была сдаться этому оскорбленному, обманутому и обиженному народу. Хотя мараты и были исполнены справедливаго негодованія, но предписанныя ими условія мира были разумны и умѣренны, а ихъ обращеніе съ плѣннымъ войскомъ отличалось въ высшей степени гуманнымъ характеромъ. Но гуманность маратовъ была не въ состояніи заставить компанію соблюдать условія, продиктованныя умѣренностью. Война возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-либо, и такова была у компаніи ненасытная жажда грабежа, что она не согласилась-бы на миръ ни на какихъ условіяхъ, если-бы съ маратами не соединились другіе возставшіе народы. Умиротвореніе страны генералъ-губернаторомъ Гэстингсомъ сопровождалось тѣми-же жестокостями и тѣмъ сознательнымъ вѣроломствомъ, которыми отличалась компанія вообще, а въ особенности Гэстингсъ, который прямо заявлялъ, что уловка и обманъ лежатъ въ основѣ заключеннаго имъ договора“.

Англійское управленіе Индіей гораздо гибельнѣе для послѣдней всѣхъ предшествовавшихъ ему иноземныхъ нашествій. „Частыя вторженія въ Индію арабовъ, татаръ и персовъ были большею частію жестоки, кровопролитны и опустошительны въ высшей степени; мы-же, овладѣвая этой страной, проливали вообще мало крови и дѣйствовали не столько открытою силою, сколько хитростью, обманами и тѣмъ, что лов-

ко пользовались заклятою, слѣпою и безсмысленною враждою, которая господствовала между различными властями этой страны. Но азіятскіе завоеватели скоро оставляли свою жестокость, потому что дѣлали покоренную страну своимъ отечествомъ. Они возвышались и падали съ возвышеніемъ и паденіемъ обитаемой ими територіи. Отцы возлагали здѣсь надежды на свое потомство, а дѣти сохраняли памятники отцовъ. Съ этою страною была окончательно связана ихъ судьба, и естественнымъ желаніемъ всѣхъ ихъ было, чтобы дурное состояніе страны не отзывалось на нихъ самихъ". „Конечно, и тогда были грабежи, злоупотребленія, тираннія; но все-таки источники пріобрѣтенія не изсякали, а промышленность и торговля страны находились въ цвѣтущемъ состояніи... Англійское-же владычество ниспровергло всѣ эти порядки. Татарское завоеваніе нанесло вредъ Индіи, а наше покровительство окончательно губитъ ее. Наше управленіе такъ-же люто теперь, какимъ было оно и въ первый день. Туземцы почти никогда не видывали сѣдой головы англичанина. Молодые люди (почти мальчики) управляютъ этой страной, безъ всякой общительности съ туземцами и безъ малѣйшей симпатіи къ нимъ. Одержимые всею жадностью вѣка и всѣмъ пыломъ юности, они стремятся сюда одинъ за другимъ, волна за волною, и передъ взорами туземцевъ нѣтъ ничего, кромѣ безконечной, безнадежной перспективы прилета все новыхъ и новыхъ стай этихъ хищныхъ и перелетныхъ птицъ... „Каждая рупія, пріобрѣтенная англичаниномъ, навсегда потеряна для Индіи", которая, кромѣ вреда и разоренія, ничего не видѣла отъ англичанъ. Англія не воздвигала здѣсь ни храмовъ, ни больницъ, ни дворцовъ, ни школъ; Англія не построила здѣсь ни одного моста, не проложила ни одной значительной дороги, не сдѣлала ничего для судоходства, не вырыла ни одного резервуара. Всѣ другіе завоеватели оставили послѣ себя памятники роскоши или благотворительности. Но если-бы насъ выгнали изъ Индіи сегодня, то въ ней не

осталось-бы ничего, напоминающаго, что въ періодъ нашего безславнаго владычества ею владѣли существа, которыя хоть чѣмъ-нибудь лучше орангъ-утанга или тигра. Что-же касается мальчиковъ, которыхъ мы посылаемъ въ Индію, то они ничѣмъ не хуже тѣхъ мальчиковъ, которыхъ сѣкутъ въ нашихъ школахъ. Но такъ-какъ англійскіе юноши въ Индіи упиваются ядовитымъ напиткомъ власти и господства прежде, чѣмъ ихъ головы могутъ выносить его, и такъ-какъ они достигаютъ полныхъ успѣховъ въ своей карьерѣ задолго до того, когда созрѣваютъ ихъ нравственные принципы, то ни природа, ни разумъ не въ состояніи удерживать ихъ отъ злоупотребленій преждевременной властью. Результаты ихъ поведенія, которые въ добрыхъ душахъ,—а нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, добры,—могутъ производить раскаяніе и исправленіе,—остаются незамѣтны для нихъ, вслѣдствіе скорости ихъ полета. Награбленная добыча переносится въ Англію, а вопли Индіи, разносимые волнами и вѣтрами, теряются въ пространствахъ безпредѣльнаго и глухого океана. Разорители цѣлыхъ государствъ, прибывъ въ Англію, съ открытыми объятіями принимаются въ лучшемъ обществѣ. Здѣсь мануфактуристъ и земледѣлецъ дружески пожимаютъ ту руку, которая въ Индіи тащила матеріи съ ткацкаго станка, отнимала скудную порцію риса и соли у бенгальскаго крестьянина или вымогала у него тотъ опіумъ, въ которомъ онъ находилъ забвеніе и своихъ страданій, и своихъ угнетателей. Они женятся въ вашихъ семействахъ, они вступаютъ въ вашъ сенатъ, они способствуютъ успѣхамъ вашихъ дѣлъ посредствомъ займовъ, они помогаютъ и покровительствуютъ вашимъ родственникамъ, попеченіе о которыхъ для васъ такъ тягостно“.

Изложивъ общій характеръ системы англійскаго управленія Остъ-Индіей, Беркъ перешелъ къ дѣятельности тогдашняго генералъ-губернатора, знаменитаго Гэстингса. Вскорѣ послѣ того, какъ англійскія войска заняли аудское королевство, аудскій набобъ представилъ Гэстингсу, что его вла-

дѣнія въ конецъ разоряются англичанами. Довѣренный агентъ генералъ-губернатора вполнѣ подтверждалъ справедливость жалобъ набоба. Но Гэстингсъ по-прежнему продолжалъ разореніе Ауда. Всюду возникали безпорядки и неистовства, которые подавлялись другими безпорядками и неистовствами. Народъ цѣлыми толпами бѣжалъ изъ страны, границы которой были оцѣплены войсками, не для того, чтобы отражать непріятеля, а для того, чтобы мѣшать бѣгству ея жителей. Такими-то мѣрами въ какихъ-нибудь четыре года эта нѣкогда роскошная и цвѣтущая страна, дававшая ежегодно болѣе 3,000,000 ф. стерлинговъ, дошла теперь до того, что доходы ея упали ниже 1,300,000, да и тѣ выжимаются изъ нея при помощи всевозможныхъ жестокостей. Въ довершеніе всего жалкіе остатки этихъ доходовъ заложены и отданы въ руки бенаресскихъ ростовщиковъ почти за тридцать процентовъ въ годъ... Однимъ изъ обыкновенныхъ источниковъ доходовъ компаніи служатъ выдуманные ею мятежи. Какъ только дѣлается извѣстнымъ, что въ такомъ-то мѣстѣ скоплено много денегъ, владѣльцы ихъ немедленно обвиняются въ заговорѣ и ихъ преслѣдуютъ до тѣхъ поръ, пока они не освобождаются разомъ и отъ своихъ денегъ, и отъ взведеннаго на нихъ обвиненія. Съ отнятіемъ денегъ, прекращаются тотчасъ и обвиненія, и судъ, и наказанія. Это столь обыкновенный источникъ дохода, что я удивляюсь, отчего о немъ умалчиваютъ директоры компаніи въ своихъ отчетахъ... Компанія воспользовалась этимъ ресурсомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, когда она обвинила двухъ старыхъ женщинъ въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ Индіи, гдѣ нѣтъ никакихъ цѣлей и побужденій къ безпорядкамъ, — обвинила, какъ участницъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью изгнаніе англичанъ, въ покровительствѣ которыхъ, купленномъ за деньги и гарантированномъ трактатомъ, эти женщины имѣли послѣднюю надежду своего существованія. Но компанія нуждалась въ деньгахъ—и эти старухи необходимо должны были быть виновны въ за-

говорѣ. Ихъ обвинили въ мятежѣ, а уличили въ богатствѣ. Дважды вымогали отъ нихъ громадныя суммы и дважды гарантировали за ними остальное честнымъ британскимъ словомъ. Былъ посланъ отрядъ англійскихъ войскъ, чтобы взять замокъ, въ которомъ жили эти беззащитныя женщины. Ихъ главные евнухи, которые, въ силу восточныхъ обычаевъ, были ихъ агентами, ихъ стражами, ихъ покровителями, лицами высокаго положенія, брошены въ тюрьмы, чтобы заставить ихъ открыть спрятанныя сокровища княгинь. Земли, предназначенныя для ихъ содержанія, были заняты и конфискованы. Ихъ драгоцѣнности и пожитки были отняты, проданы якобы на аукціонѣ въ одномъ темномъ мѣстѣ и куплены по такимъ цѣнамъ, какія заблагоразсудилось дать покупателю. И никакого отчета не было дано ни о предметахъ, ни о выручкѣ этой продажи... Даже цѣлая половина бумагъ по этому дѣлу была преднамѣренно скрыта... Не менѣе безчеловѣчно и безчестно поступилъ Гэстингсъ съ раджей города Бенареса, Чеитъ Сингомъ. Мистеръ Гэстингсъ говоритъ, что ему было *донесено* о томъ, что отецъ Чеитъ Синга оставилъ ему 1,000,000 ф. ст. и что онъ самъ ежегодно дѣлалъ новыя прибавки къ этому капиталу. „Столь громадное богатство не могло быть невиннымъ", и Гэстингсъ порѣшилъ безъ малѣйшихъ формальностей и доказательствъ, что раджа виновенъ въ государственномъ преступленіи. Самъ Гэстингсъ готовъ сознаться, что въ этомъ случаѣ онъ былъ несправедливъ, но въ то-же время думаетъ вполнѣ оправдать себя тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это въ пользу компаніи, желая „извлечь изъ его вины средства, необходимыя для поправленія ея разстроенныхъ обстоятельствъ". Онъ говоритъ, что хотѣлъ „заставить Чеитъ Синга или щедро заплатить за свое прощеніе, или жестоко отмстить ему за прежній проступокъ". Гэстингсъ объясняетъ далѣе, что „такъ-какъ его богатства были громадны, а нужды компаніи настоятельны, то онъ считалъ справедливымъ и политичнымъ наложить на него значительный денеж-

ный штрафъ для удовлетворенія нуждъ компаніи"... Несчастный раджа былъ изгнанъ, а его еще болѣе несчастная страна порабощена и разорена... Завѣдомый разбойникъ и плутъ Уссоръ Сингъ, котораго до тѣхъ поръ держали какъ ястреба въ клѣткѣ, чтобы потомъ спустить на этотъ народъ, былъ сдѣланъ правителемъ... Его также низложили вскорѣ безъ всякихъ церемоній и бросили въ тюрьму. Но чтобы довершить позоръ этого народа и заставить его еще глубже почувствовать свое унизительное рабство и всю его горечь, дворецъ Бенареса, который такъ уважался персидскими и татарскими завоевателями, хотя и магометанами, что даже во время полнаго процвѣтанія ихъ могущества, гордости и ханжества ни одинъ магометанскій чиновникъ не входилъ въ него,—дворецъ Бенареса былъ переданъ англійскими руками магометанину, и Али-Ибрагимъ-Ханъ введенъ властью компаніи, съ правомъ жизни и смерти, въ это святилище индусской религіи". Точно также была разорена и цвѣтущая страна Карнатикъ, имѣющая около 46,000 кв. миль. „Можно утверждать, что во всей этой области теперь не осталось ни одного зажиточнаго или богатаго человѣка, владѣющаго значительною собственностью земельной, торговой или денежной, кромѣ двухъ или трехъ банкировъ, участвующихъ въ общемъ грабежѣ... Политика компаніи заключалась здѣсь въ томъ, чтобы считать большія суммы денегъ преступленіемъ, умѣренные сборы обманами подвластныхъ государей, а малѣйшее стараніе послѣднихъ освободиться отъ платежей, требуемыхъ сверхъ установленныхъ налоговъ,—бунтомъ. И вотъ, всѣ замки, одинъ за другимъ, были разграблены и уничтожены, туземные владѣтели изгнаны, больницы обращены въ развалины, водохранилища заброшены, купцы, банкиры и мануфактуристы исчезли, и по этимъ нѣкогда цвѣтущимъ провинціямъ распространились опустошеніе, нищета и безлюдство". Въ Бенгалѣ Гэстингсъ ограбилъ и разорилъ всѣхъ жителей страны въ самое короткое время. Въ 1772 г., во время ужаснаго

голода, „поземельная собственность цѣлаго королевства, равняющагося Франціи, была продана съ молотка... Землевладѣльцы разорились сами и разорили своихъ арендаторовъ... Пенсія, назначенная имъ взамѣнъ земель, была потомъ отнята, а во владѣніе наслѣдственными землями ихъ вступили слуги англичанъ“.

Вообще господствующая система управленія Индіей заключается въ отрицаніи всякаго права и въ замѣнѣ его „подавляющимъ, произвольнымъ и хищнымъ деспотизмомъ“, первымъ представителемъ котораго является генералъ-губернаторъ Гэстингсъ. „Впродолженіи четырнадцати лѣтъ, съ небольшимъ перерывомъ, онъ управлялъ всѣми дѣлами компаніи съ абсолютною властью. Онъ имѣлъ всѣ средства для скопленія себѣ несмѣтныхъ богатствъ, и во все продолженіе этого періода счастіе сотенъ людей зависѣло отъ его улыбки или нахмуренныхъ бровей. Его окружали двѣсти пятьдесятъ молодыхъ джентльменовъ, въ числѣ которыхъ были юноши изъ лучшихъ фамилій Англіи и которые стремились только къ тому, чтобы вернуться въ отечество съ громадными богатствами и въ первую пору своей молодости. Такимъ образомъ, онъ держалъ у себя двѣсти пятьдесятъ вашихъ дѣтей, какъ заложниковъ вашей благосклонности къ нему. Осыпаемый впродолженіи многихъ лѣтъ проклятіями туземцевъ, выговорами директоровъ компаніи и постановленіями этой палаты, онъ до сихъ поръ сохраняетъ еще самую деспотическую власть, неизвѣстную до него даже въ Индіи... Прибавьте ко всему этому, что, начиная съ высшихъ должностей и до самыхъ низшихъ, всѣ британскіе подданные, хлопотавшіе объ открытіи злоупотребленій, были погублены. Они изгнаны изъ Индіи. Когда они приносили жалобы на это, ихъ не слушали; когда они хотѣли вернуться, ихъ не пускали. Никакое ухищреніе обмана, никакое насиліе власти не были пропущены, чтобы погубить ихъ“... Туземнымъ обвинителямъ доставалось еще хуже. „Раджа Нункомаръ, въ поруганіе все-

му, что Индія считаетъ достойнымъ и священнымъ, былъ повѣшенъ въ глазахъ всего своего народа судьями, которыхъ вы послали покровительствовать этой націи; онъ былъ повѣшенъ за мнимое преступленіе въ то самое время, какъ обвинялъ мистера Гэстингса. Обвинителя повѣсили, а обвиненный восторжествовалъ посредствомъ убійства,—убійства не одного только Нункомара, но всѣхъ живыхъ свидѣтелей и даже свидѣтелей, еще неродившихся. Съ этого времени не слышно уже никакихъ жалобъ туземцевъ на своихъ правителей".

Краснорѣчіе Берка помогло биллю Фокса быстро пройти черезъ нижнюю палату, но въ верхней онъ потерпѣлъ крушеніе. Но ни Беркъ, ни Фоксъ не оставили своихъ благородныхъ заботъ объ Индіи; теперь они сосредоточили ихъ на преслѣдованіи генералъ-губернатора Гэстингса. Этотъ даровитый, но безнравственный человѣкъ, спасшій и утвердившій англійское владычество въ Индіи, обогатившій компанію, любимецъ короля, любимецъ аристократіи, возмущалъ до глубины души всѣхъ честныхъ людей. Идея преданія его суду впродолженіи многихъ лѣтъ неотступно преслѣдовала Берка; ни важныя политическія событія, ни паденіе министерствъ, ни домашнія несчастія, ни даже взрывъ французской революціи,—ничто не могло отклонить Берка отъ этой цѣли. „Онъ, говоритъ Маколэ,—посвятилъ годы усиленнаго труда на служеніе народу, съ которымъ не былъ связанъ ни кровью, ни языкомъ, ни религіей, ни обычаями,—народу, отъ котораго онъ не могъ ожидать никакого вознагражденія, ни изъявленій благодарности, ни рукоплесканій". „Я, говоритъ онъ самъ въ заключеніе своей рѣчи о биллѣ Фокса,—я счастливъ уже тѣмъ однимъ, что дожилъ до этого дня; я чувствую себя вознагражденнымъ за всѣ мои восемнадцатилѣтніе труды, получивъ теперь возможность участвовать моимъ слабымъ голосомъ въ разрушеніи тиранніи, существующей на позоръ нашей націи и на погибель столь громадной части рода чело-

вѣческаго“. Плодомъ этихъ восемнадцатилѣтнихъ трудовъ было полное и всестороннее знакомство съ Индіей. „Индія и ея жители, говоритъ краснорѣчивый Маколэ, — не были для него, какъ для большинства англичанъ, простыми названіями и отвлеченностями, но были дѣйствительною страною и дѣйствительнымъ народомъ. Палящее солнце, необыкновенное произростаніе пальмъ и кокосовыхъ деревъ, рисовое поле и резервуаръ съ водою, огромныя деревья, древнѣе монгольской имперіи, и происходящія подъ ними сходки поселянъ; соломенная крыша крестьянской хижины и богатыя украшенія мечети, гдѣ молится имамъ, обратившись лицомъ къ Меккѣ, барабаны, знамена и блестящіе идолы, богомолецъ, кружащійся въ воздухѣ, граціозная дѣвушка съ кувшиномъ на головѣ, спускающаяся по ступенямъ къ берегу рѣки, черныя лица, длинныя бороды, желтыя полосы сектъ, чалмы и широкія развѣвающіяся одежды, копья и серебряныя палицы, слоны съ ихъ парадными балдахинами, пышный паланкинъ принца и носилки благородной дамы,—всѣ эти предметы представлялись ему такъ-же живо, какъ обстановка, въ которой протекла его собственная жизнь. Вся Индія находилась предъ глазами этого человѣка, начиная съ залы, гдѣ тяжущіеся клали золото и благовонія къ ногамъ государей, и до дикаго болота, гдѣ разбивали свой лагерь цыгане. Угнетеніе въ Бенгалѣ было для него совершенно равнозначуще угнетенію на улицахъ Лондона“. Только послѣ долголѣтнихъ, напрасныхъ стараній Берку удалось въ 1786 г. внести въ палату рядъ обвиненій противъ Гэстингса. Въ этомъ ему помогали и Фоксъ, и Френсисъ, авторъ писемъ Юніуса, и Шериданъ, двухдневная обвинительная рѣчь котораго произвела необыкновенное броженіе во всемъ Лондонѣ. Главная-же обвинительная рѣчь Берка, произнесенная при самой торжественной обстановкѣ въ палатѣ лордовъ и отъ лица нижней палаты, продолжалась цѣлыхъ четыре засѣданія. Онъ обвинялъ Гэстингса, какъ узурпатора абсолютной власти, которой ему

никто не давалъ и не могъ дать, какъ систематическаго нарушителя всякой нравственности и всякаго права, какъ убійцу и грабителя, какъ чудовищнаго деспота и разорителя индійскаго народа, доведеннаго до того, что „эти злополучные остатки крѣпостныхъ землевладѣльцевъ, спины которыхъ истерзаны бичемъ фермера, потомъ вторично изсѣчены до живого мяса концессіонеромъ, которые отданы на жертву преемственнаго и хотя кратковременнаго, но тѣмъ болѣе хищнаго деспотизма, которыхъ бичуютъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока въ ихъ жилахъ останется послѣдняя капля крови, пока отъ нихъ не вымучатъ послѣдняго зерна рису". На замѣчаніе, что индусы уважаютъ Гэстингса и даже выстроили въ честь его храмъ, Беркъ отвѣчалъ, что тутъ удивляться рѣшительно нечему: что индусы поклоняются нѣкоторымъ богамъ изъ любви, а другимъ точно такъ-же служатъ изъ страха, что они воздвигаютъ храмы не однимъ благодѣтельнымъ божествамъ свѣта и изобилія, но и злымъ, во власти которыхъ находятся оспа и убійства, и что онъ, Беркъ, нисколько не оспариваетъ правъ мистера Гэстингса на занятіе мѣста въ подобномъ пантеонѣ. Изложивъ подробности обвиненія, Беркъ возвысилъ свой голосъ, такъ что онъ загудѣлъ въ древнихъ сводахъ палаты лордовъ, и сказалъ въ заключеніе: „а потому и повелѣно мнѣ палатою общинъ Великобританіи обвинить Уоррена Гэстингса въ великихъ преступленіяхъ и проступкахъ. Я обвиняю его во имя палаты общинъ парламента, довѣріе котораго онъ употребилъ во зло; я обвиняю его во имя англійскаго народа, древнюю честь котораго онъ запятналъ; я обвиняю его во имя народа Индіи, права котораго онъ попиралъ ногами и отчизну котораго онъ обратилъ въ пустыню; наконецъ, во имя самой человѣческой природы, во имя обоихъ половъ, во имя каждаго возраста, во имя всякаго званія, я обвиняю общаго врага и притѣснителя".

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было безпримѣрное. Дамы громко рыдали; жена Шеридана упала въ обмо-

рокъ и была вынесена изъ залы; сторонники Гэстингса были поражены силою берковскаго краснорѣчія, и нѣкоторые изъ нихъ плакали, даже самъ Гэстингсъ, этотъ непоколебимый человѣкъ съ желѣзнымъ сердцемъ, былъ смущенъ страстной энергіей обвинителя. „Впродолженіи цѣлаго полчаса, сознавался онъ потомъ,—я смотрѣлъ на оратора съ благоговѣйнымъ изумленіемъ и дѣйствительно чувствовалъ, что я величайшій преступникъ на землѣ; но потомъ я обратился къ собственному своему духу и въ немъ нашелъ сознаніе, которое поддерживало меня среди всего, что я слышалъ и переносилъ“.

Судъ надъ Гэстингсомъ продолжался восемь лѣтъ; онъ и его многочисленные сторонники употребили всѣ средства для оправданія; 20,000 фунтовъ стерлинговъ было употреблено на подкупъ одной только журналистики; наконецъ, Гэстингса оправдали. Король, набобы, продажная пресса, акціонеры компаніи, друзья Гэстингса—все поддерживало его. И нужно замѣтить, что эти судьи, эти представители аристократіи, буржуазіи и компанейскихъ набобовъ поступили-бы возмутительно, если-бы осудили этого злодѣя, исполнявшаго ихъ собственные планы.

Администрація Гэстингса съ 1772 г. по 1785 возвысила акціонерскій дивидендъ съ 668,371 фунта стерл. до 1,002,678 фунт., но въ то-же время увеличила долги компаніи съ 1,850,866 ф. до 12,500,000 фунт. стерл.!.. Дѣло въ томъ, что эта администрація грабила Индустанъ и обворовывала компанію...

Управленіе основателей британской имперіи въ Остъ-Индіи, Клайва и Гэстингса, было системою завоеваній и грабежей. Правительство постепенно ограничивало самостоятельность компаніи, подчиняло ее коронѣ и въ послѣднее время вовсе уничтожило; но завоевательная система въ духѣ Гэстингса продолжала господствовать до нашихъ дней. Она была неизбѣжна и вслѣдствіе туземныхъ войнъ, и вслѣдствіе

стремленій къ територіальнымъ пріобрѣтеніямъ и къ военной добычѣ. Заключая по-прежнему договоры съ владѣльцами и нарушая ихъ, вмѣшиваясь во внутренніе раздоры, усмиряя бунты и нерѣдко возбуждая ихъ, англичане пользовались каждымъ случаемъ, чтобы увеличить свои владѣнія и пограбить. Когда майсарскій владыка, Типпо Саибъ, началъ свою опустошительную войну съ англичанами (1786—1799 г.), то послѣдніе постарались возбудить еще больше раздоровъ между туземными государствами, вооружая однихъ противъ другихъ и ловя рыбу въ этой мутной водѣ. Лордъ Корнуэльсъ заключилъ съ маратами и Низамомъ договоръ относительно раздѣла владѣній Типпо; оставивъ страну Низама безъ всякой помощи и доведши ее до анархіи, занялъ ее войсками; разбивъ Типпо, отнялъ у него территорію въ 24,000 кв. миль и увеличилъ ежегодный доходъ компаніи на 395,000 ф. Съ Траванкора было взято 300,000 ф. и раздѣлено между офицерами, участвовавшими въ операціи, за которую Корнуэльса пожаловали въ маркизы. При слѣдующемъ генералъ-губернаторѣ, Уэльсли, Типпо Саибъ лишился и жизни, и всѣхъ своихъ владѣній, компанія получила большія деньги, изъ военной добычи на долю лорда Уэльсли пришлось 100,000 ф., но онъ уступилъ ихъ солдатамъ, а компанія назначила ему значительную пожизненную пенсію. При этомъ генералъ-губернаторѣ владѣнія компаніи простирались уже на 220,000 кв. миль. Затѣмъ начались набѣги противъ маратскихъ племенъ (1802—1805), и отняты у нихъ Куттакъ, Баласаръ, Варда, вся страна между Джумной и Гангомъ; одна только область Ахмеднагаръ увеличила ежегодный доходъ компаніи на 100,000 ф. ст. Сциндіа и Галькаръ (1814—1817), Пейшва (1818—1823), афганцы (1835—1841), Эмиры Сцинде (1843—1844), Пенджабъ и Пегу (1845—1852), Аудъ и другія владѣнія постепенно подчинялись вліянію или полному владычеству англичанъ, при помощи тѣхъ-же средствъ, какія были въ ходу еще во времена Клайва и Гэстингса. Такъ,

напр., когда въ 1854 г. умеръ магараджа нагпурскій, то англичанамъ ужасно захотѣлось свергнуть его преемника и покорить Нагпуръ. Были приняты мѣры къ занятію этой области и посредствомъ шпіоновъ составлены подробныя описи богатствъ магараджа. Въ октябрѣ англійскій отрядъ захватилъ магараджу, все его семейство было заключено въ тюрьму вмѣстѣ съ нѣсколькими банкирами, область присоединена къ Англіи, во дворцѣ однихъ только регалій и драгоцѣнностей награблено на 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ, и 12 октября 1855 г. въ калькутскихъ газетахъ было помѣщено огромное объявленіе:

„Гамильтонъ и К°

„симъ честь имѣютъ объявить, что, по порученію правительства, они будутъ распродавать съ аукціоннаго торга всѣ

нагпурскія драгоцѣнности,

составляющія самую обширную и богатѣйшую коллекцію, какъ-то: (слѣдуетъ длинный списокъ бриллiантовъ и т. д.).

Подобныя продажи награбленнаго—не рѣдкость въ Индіи. Такъ, напр., въ 1858 г. былъ свергнутъ раджа дгарскій и всѣ его драгоцѣнности, на 80,000 ф. стерлинговъ, были проданы съ аукціона, а деньги раздѣлены между солдатами, участвовавшими въ походѣ. При этомъ необходимо замѣтить, что большинство этихъ свергнутыхъ и ограбленныхъ раджей не были ни въ чемъ виноваты передъ англичанами, многіе были даже ихъ искренними благопріятелями и ихъ права были гарантированы торжественными договорами. Но ихъ земли слѣдовало присоединить, ихъ сокровища были соблазнительными, и добыча обѣщала выгоды всѣмъ: величайшій въ мірѣ алмазъ, *гора свѣта*, былъ добытъ, при покореніи Пенджаба, изъ короны князя и препровожденъ королевѣ Викторіи... Впрочемъ, англичане не всегда могли такъ хозяйничать во вновь покоренныхъ странахъ. Въ бирманской имперіи и въ Индо-Китаѣ они имѣли дѣло съ болѣе сильнымъ и воинствен-

нымъ народонаселеніемъ и не могли такъ деспотствовать, какъ на западномъ индійскомъ полуостровѣ. Здѣсь они дѣйствовали больше путемъ территоріяльныхъ покупокъ, торговыхъ договоровъ и т. д. Такъ, капитанъ Френсисъ Ляйтъ, женившись на дочери одного малайскаго князя и получивъ въ приданое богатые острова Пинангъ, въ 1786 г. продалъ ихъ компаніи, которая потомъ присоединила къ нимъ покупкою часть берега полуострова Малакки.

Созданіе англійской имперіи въ Азіи еще не кончено. Западный индійскій полуостровъ составляетъ только половину проектированнаго зданія, крайніе пункты котораго обозначены Цейлономъ, Сингапуромъ, Гонконгомъ. Все, что находится внутри проектированной черты, рано или поздно будетъ принадлежать англичанамъ, которые и теперь уже имѣютъ здѣсь преобладающее вліяніе.

III.

Люди, возмущавшіеся злодѣяніями англичанъ въ Индіи, обыкновенно указывали главную причину ихъ въ монополіи остъ-индской компаніи и стремились уничтожить ее. При своихъ громадныхъ доходахъ, компанія никакъ не могла поддерживать баланса въ своемъ бюджетѣ и входила въ неоплатные долги. Въ грабительское правленіе маркиза Уэльсли, которое такъ обогатило компанію, дефициты росли сильнѣе прежняго, а долги, которые въ 1793 г. составляли 16,962,000, въ 1810 г. возвысились уже до 41,233,000 ф., а въ 1859 г. до 95,856,000 фунтовъ стерлинговъ!.. Проценты на эти долги принуждены были выплачивать тѣ-же бѣдные жители Индустана, которые платили и произвольно возвышаемый дивидендъ акціонерамъ. Независимо отъ этихъ безобразій, компанія возбуждала всегда сильную вражду въ буржуазіи, которая не могла участвовать въ выгодахъ ея монополіи и которой

хотѣлось добиться свободы эксплуатировать Индію, забрать въ свои руки все ея сырье, отравлять опіумомъ Китай, раздѣлить съ компаніей выгоды чайной торговли съ Китаемъ. Несмотря на частыя попытки лишить компанію ея привилегій и подчинить Индустанъ коронѣ, эта страна все-таки снова и снова отдавалась компаніи въ 1773, 1783, 1794, 1813, 1833, 1853 годахъ, только правительство пріобрѣтало при этомъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ компанейскихъ дѣлахъ. Компанія употребляла подкупъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и посредствомъ него сохраняла свои привилегіи. У нея было много друзей и сторонниковъ. Всѣ англійскіе набобы съ своими клевретами, всѣ чиновники, разжившіеся въ Индіи, всѣ тѣ, которые стремились и надѣялись разжиться въ ней,—держали сторону компаніи. До лорда Корнуэльса въ Индію ѣхали служить большею частію бѣдные люди, но онъ повернулъ дѣло такъ, что индійская служба сдѣлалась средствомъ обогащенія младшихъ сыновей англійской аристократіи. Съ 1813 по 1833 г. этихъ барчуковъ отправилось въ Индустанъ 5,092, а съ 1834 по 1852 г.—5,284 да 1,440 юношей не столь знатныхъ фамилій. Со времени лорда Корнуэльса принято также награждать индійскихъ чиновниковъ богатѣйшимъ жалованьемъ и пенсіями, чтобы, съ одной стороны, доставить имъ пожизненный доходъ, сообразный съ ихъ высокимъ происхожденіемъ, а съ другой стороны, чтобы умѣрить ихъ хищническія наклонности. Въ концѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія индійскіе чиновники, служившіе въ самой Англіи, получали въ годъ 800,000 рублей, а каждая должность въ индійскомъ министерствѣ среднимъ числомъ давала ежегоднаго жалованья 88,000 р. сер. Однихъ только прогонныхъ денегъ въ Индію получали генералъ-губернаторъ больше 30,000 рублей, губернаторъ около 16,000, каждый членъ совѣта около 7,500 рублей! Генералъ-губернаторъ получалъ въ годъ жалованья больше 150,000, губернаторъ—75,000, совѣтники отъ 37,000, до 50,000 руб-

лей сер. Подарки и взятки, участіе въ торговлѣ увеличивали эти суммы иногда въ нѣсколько разъ, и индійскіе чиновники вплоть до послѣдняго времени жили съ восточною пышностью и какъ-бы считали своею обязанностью разыгрывать передъ туземцами роль грубыхъ, надменныхъ, недоступныхъ деспотовъ. Мнѣніе Клайва, что всѣ туземцы подлецы и имъ нужно платить тою-же монетою, было постоянно основнымъ принципомъ англо-индійской политики и презрѣніе къ жителямъ Индіи, выражавшееся на каждомъ шагу, служитъ до сихъ поръ одною изъ главныхъ причинъ ихъ недовольства и ненависти къ своимъ повелителямъ. Англичане постоянно оскорбляли самыя священныя чувства жителей съ самымъ безсердечнымъ цинизмомъ. Когда въ началѣ настоящаго вѣка они утвердились на Цейлонѣ и возбудили здѣсь, по обыкновенію, междоусобія, чтобы эксплуатировать ихъ въ свою пользу, то даже ихъ наемные солдаты и малайцы, служившіе у нихъ, почувствовали отвращеніе къ этимъ разбойникамъ. Опустошивъ богатую провинцію Сафраганъ, разрушивъ въ ней всѣ храмы и набравъ столько денегъ, что не могли увезти ихъ, англичане обратились къ врагамъ буддійскихъ туземцевъ, къ индусамъ и мусульманамъ съ предложеніемъ: „берите, сколько хотите“. Но эти азіяты посовѣстились даже войти въ разрушенный храмъ враждебной имъ религіи и отвѣчали съ достоинствомъ: „мы не желаемъ навлекать подобнаго позора на себя и на свои семейства!“ Скромностью, нестяжательностью, гуманностью отличались въ Индіи весьма немногіе правители, почти только двое: генералъ-губернаторъ Бентинкъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше, и правитель Пенджаба, Лауренсъ. Послѣдній не соблюдалъ англо-индійскаго этикета, рѣшалъ дѣла въ рубашкѣ, былъ доступенъ туземцамъ, ходилъ, не имѣя позади себя лакея съ зонтикомъ. Все чиновничество вопіяло, что Лауренсъ унижаетъ свое званіе, поблажаетъ туземцамъ, разрушаетъ обаяніе власти. Но когда вспыхнулъ мятежъ 1857 г., то

Лауренсъ, благодаря своей популярности, одинъ, безъ всякаго войска, только своимъ нравственнымъ вліяніемъ поддерживалъ порядокъ во всемъ Пенджабѣ! Такіе правители были въ Индіи счастливыми случайностями. Масса чиновниковъ до послѣдняго времени пріѣзжала сюда лишь за тѣмъ, чтобы нажиться, и занималась дѣлами лишь на-столько, насколько было необходимо для достиженія упомянутой цѣли. Дѣла были предоставлены собственному теченію, а народъ— разнымъ эксплуататорамъ, въ родѣ туземныхъ сборщиковъ податей и полицейскихъ сыщиковъ. До какой степени англійскіе правители Индіи мало знали страну и ея жизнь, показалъ 1857 годъ. Мятежъ организовался на широкую ногу, всюду дѣлались денежные сборы, запасались боевые припасы, фанатики проповѣдывали на улицахъ священную войну, туземныя газеты печатали зажигательныя прокламаціи, индусы, служившіе у англичанъ и привыкшіе къ нимъ, умоляли ихъ возвращаться на родину, въ виду грозящей бѣды, народъ шумѣлъ и волновался, а правители наслаждались въ своихъ раззолоченныхъ дворцахъ и прекрасныхъ виллахъ и на тревожные запросы изъ Англіи рапортовали, что все обстоитъ благополучно!

Немедленно послѣ подавленія мятежа парламентъ 1858 г. уничтожилъ привилегіи компаніи и подчинилъ Индустанъ коронѣ. Затѣмъ слѣдовали присоединенія новыхъ территорій, конфискаціи, аукціонныя продажи, усиленіе арміи и увеличеніе долга, простиравшагося уже въ 1860 г. до 98,000,000 фунтовъ стерлинговъ, на которые однихъ процентовъ платилось 4,461,000 фунт.

Уничтоженіе компанейской монополіи принесло выгоды одной только англійской буржуазіи. Администрація не измѣнила своего стараго характера, власть по-прежнему опиралась на вооруженную силу, торговая эксплуатація усилилась, налоги по-прежнему постепенно увеличивались, презрѣніе правителей къ туземцамъ и ненависть послѣднихъ къ первымъ

остались по-старому и Индустанъ сохранилъ характеръ оброчной статьи торгово-промышленныхъ классовъ Великобританіи.

IV.

Переходъ власти надъ Индіей въ руки правительства не избавилъ страну отъ деспотизма: ею неограниченно начало управлять индійское министерство, контролировать дѣйствія котораго парламентъ не въ состояніи. Новые правители ни въ чемъ существенномъ не измѣнили старой системы, и уничтоженіе компаніи вовсе не было кореннымъ переворотомъ для Индіи.

Военные грабежи, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ, медленно, но постепенно регулировались и переходили въ мирную и систематическую эксплуатацію страны. Чиновникамъ назначалось громадное жалованье, акціонерамъ выдавался произвольно возвышенный дивидендъ, остъ-индское управленіе все больше и больше входило въ долги и платило за нихъ милліоны процентовъ, численность арміи увеличилась и содержаніе ея въ 1871 г. стоило уже 16,500,000 фунтовъ. Система налоговъ, изобрѣтенная англичанами по отношенію къ Индіи, ничѣмъ не уступала тѣмъ „денежнымъ набѣгамъ“, которые совершалъ Гэстингсъ. Главные доходы въ Индіи получаются съ земли и съ монополій соли, опія и другихъ предметовъ; разныя случайности, напр., неурожаи, засухи подвергаютъ количество этихъ доходовъ сильнымъ колебаніямъ. Поэтому англичане постоянно отыскивали новые и новые предметы обложенія и возвышали сборы до такой степени, что нерѣдко доводили народъ до открытаго бунта. Въ 1810 г. лордъ Минто ввелъ налогъ на окна. Народъ заволновался. Жители Бенареса, индусы и мусульмане, брамины и судры, женщины и дѣти, даже всѣ уличные воры, въ

въ числѣ 200,000 человѣкъ, заперли лавки и прекратили рѣшительно всѣ занятія, объявивъ, что они не возвратятся къ нимъ, пока несправедливый налогъ не будетъ отмѣненъ. Его принуждены были отмѣнить. Лордъ Торрингтонъ, въ свое кратковременное управленіе Цейлономъ (1847—1850 г.), возвысилъ гербовыя пошлины, обложилъ крупными налогами собакъ, охотничьи ружья, лавки, магазины и ввелъ поголовную дорожную повинность натурой. Все это произвело кровопролитное возстаніе 1848 г. Въ Ориссѣ исторія англійскаго владычества началась грабежами и народными волненіями. Каждый годъ правительство получало длинные списки собственниковъ, которые отбивались отъ сборщиковъ съ оружіемъ въ рукахъ или бѣжали отъ нихъ въ лѣса и тростниковыя заросли. Въ 1830 г. администрація Ориссы стоила 150,000, а въ 1870 году—316,852 ф. ст. Въ такой-же степени увеличились и налоги. Нѣкоторые изъ нихъ сильно возвышаютъ цѣны на первыя жизненныя потребности. Таковъ налогъ на соль. Въ Бенгалѣ соль стоитъ собственно около 6 копеекъ центнеръ, а налогъ на нее составляетъ 2 рубля 62 копейки! Народъ, вслѣдствіе этого, употребляетъ очень мало соли, а это вредно отзывается на благосостояніи всего населенія. Вообще индійскіе расходы въ 1856 г. составляли 33,378,000 ф. ст., а въ 1870 г. возвысились до 50,782,000 фунтовъ. Въ такой-же степени возросли налоги и увеличилась бѣдность. Съ перваго взгляда сумма индійскихъ налоговъ не велика, потому что, раздѣливъ ее на число жителей, оказывается, что каждый изъ нихъ платитъ въ годъ не болѣе 7 шиллинговъ, т. е. 2 рублей и 14 коп., между тѣмъ какъ каждый англичанинъ уплачиваетъ ежегодно не меньше 19 рублей. Но надо принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Англія, производительность которой опредѣляется въ 900,000,000 ф. ст., платитъ налоговъ 72,000,000, а Индія, производя ежегодно меньше, чѣмъ на 300,000,000, уплачиваетъ болѣе 50,000,000. Слѣдовательно, съ каждаго

фунта стерлинговъ уплачивается въ Индіи 3 ш. 4 пенса, а въ Англіи 1 ш. 8 п. Эта разница становится еще ощутительнѣе оттого, что $^{19}/_{20}$ англійскихъ налоговъ снова обращаются въ тотъ-же народъ, съ котораго взяты, а большая часть денегъ, взимаемыхъ съ Индіи, увозится въ Англію. Кромѣ налоговъ, съ Индіи выжимается ежегодно отъ 6 до 8 милліоновъ процентовъ за долгъ, не говоря уже о тѣхъ неисчислимыхъ, но громадныхъ убыткахъ, которые терпитъ бѣдный народъ, входя въ долги для уплаты податей и попадая вслѣдствіе этого въ кабалу къ сборщикамъ и другимъ спекуляторамъ, сосущимъ эту страну.

Налоги разорили народную массу еще во второй половинѣ прошлаго вѣка, и лордъ Корнуэльсъ настаивалъ на необходимости коренной реформы, которая „могла-бы возстановить благоденствіе страны и дать ей возможность приносить существенныя выгоды британскимъ интересамъ и власти въ этой части міра".

Была произведена поземельная реформа. Во многихъ мѣстностяхъ южной и западной Индіи до сихъ поръ сохранилась еще сельская община. Первоначально вся индійская земля находилась въ общинномъ владѣніи и считалась собственностью обрабатывавшихъ ее лицъ. Община управлялась сама собой, выбирала свои власти, вступала въ союзы съ другими общинами для отраженія непріятеля и уплачивала правительству $^1/_6$, $^1/_8$ или $^1/_{12}$ своихъ продуктовъ, смотря по производительности земли. Мусульманскіе завоеватели, считавшіе государя единственнымъ владѣльцемъ земли, значительно измѣнили эту систему землевладѣнія. Для сбора налоговъ они назначали или выборныхъ, или опредѣленныхъ правительствомъ чиновниковъ, которые назывались *земиндарами* или *талукдарами*. Нѣкоторымъ изъ нихъ жаловались земли; другіе завладѣвали землями сами, взимали вынужденную дань и, наконецъ, вступивъ въ соглашеніе съ правительствомъ, вступали въ роль управителей; третьи, благодаря смутамъ и зло-

употребленіямъ, изъ простыхъ сборщиковъ податей превращались въ феодальныхъ деспотовъ; четвертые, взявъ на откупъ налоги, также присвояли себѣ власть надъ подвѣдомственною землею. Всѣ эти сборщики, правители, арендаторы и помѣщики стремились превратить свои права въ наслѣдственныя, хотя собственно въ теоріи никогда не признавалось за ними права собственности и землею владѣлъ обрабатывавшій ее народъ.

Англичане рѣшились воспользоватьсяземиндарами, чтобы реформировать Индію по своему аристократическому шаблону и ввести въ нее крупное землевладѣніе. Исполнителемъ этой реформы былъ выбранъ лордъ Корнуэльсъ, который сначала безуспѣшно боролся противъ освобожденія Соединенныхъ Штатовъ, а потомъ порабощалъ Ирландію. Въ 1793 г. 30,000,000 жителей Бенгала, Багора и Ориссы однимъ почеркомъ пера лишены были земель, которыми владѣли они и ихъ предки. Сборщики и откупщики податей, лица, считавшіяся владѣтелями земли, благодаря восточной анархіи и обману, обращены въ наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ представлять англичанамъ всѣ налоги съ земледѣльцевъ, низведенныхъ въ жалкое положеніе арендаторовъ. На югѣ полуострова, гдѣ мусульмане никогда не достигали полнаго господства и гдѣ древнеиндійскія общинныя учрежденія сохранились въ цѣлости, англичане, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могли найти даже и такой тѣни крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ земиндары. Здѣсь стали давать землевладѣльческія права каждому, кто соглашался принять ихъ вмѣстѣ съ обязанностью принять однажды навсегда установленный налогъ. Народъ былъ ограбленъ и его земля отдана разнымъ кулакамъ и тунеядцамъ. Это возмутило даже мирныхъ и раболѣпныхъ индусовъ. Они упорно отказывались повиноваться вновь испеченнымъ помѣщикамъ, не платили имъ налоговъ и начинали съ ними нескончаемыя тяжбы, несомнѣнно доказывавшія, что всѣ мнимыя права этихъ ланд-

лордовъ основаны на произвольномъ захватѣ, на недоразумѣніи и обманѣ. Дѣла запутались въ высшей степени. Противъ одного геминдара велось однажды 3,000 процессовъ!.. Земледѣльцы не платили; геминдары тоже оказывались несостоятельными передъ правительствомъ, и ихъ права продавались новымъ землевладѣльцамъ, власть которыхъ надъ земледѣльцами была значительно расширена. Народъ былъ окончательно разоренъ. Крупные землевладѣльцы жили въ большихъ городахъ, а ихъ агенты опустошали помѣстья и въ ихъ, и свою пользу. Народъ разбѣгался въ разныя стороны, усилились разбои, начались голодовки.

Несмотря на это, система Корнуэльса съ нѣкоторыми видоизмѣненіями была введена почти во всѣ индійскія провинціи,—въ Аудѣ и Бенгалѣ заведены крупные землевладѣльцы; въ сѣверо-западныхъ и центральныхъ провинціяхъ — менѣе крупные; въ Пенджабѣ—мелкопомѣстные, и только въ Мадрасѣ да Бомбеѣ владѣльцами земли оставлены большею частію сами крестьяне, за опредѣленный налогъ.

Крупные землевладѣльцы, накупивъ какъ можно больше земли, почти никогда не посѣщаютъ своихъ помѣстій, а живутъ въ большихъ городахъ, окруженные всею роскошью, выписанною изъ Парижа и Лондона. Само собою понятно, что ихъ прикащики и управляющіе не церемонятся съ народомъ. Но послѣднему въ крупныхъ помѣстьяхъ все-таки нѣсколько лучше, чѣмъ въ мелкихъ, на которыя больше и больше раздробляется индійская земля. Помѣщики дѣлятъ свои земли между родственниками, отказываютъ ихъ монастырямъ и другимъ религіознымъ учрежденіямъ, жалуютъ ихъ во временное пользованіе своимъ служителямъ, любовницамъ и т. д. Въ концѣ концовъ выходитъ страшная путаница: одной и той-же землей пользуется на разныхъ правахъ нѣсколько владѣльцевъ; арендные участки до того мельчаютъ, что крестьянинъ дѣлается арендаторомъ двухъ-трехъ помѣщиковъ; бѣднѣетъ народъ, бѣднѣютъ землевладѣльцы. Въ провинціи Орисса было:

	Помѣстій.	Владѣльцевъ и занесенныхъ въ перепись совладѣльцевъ.
Въ 1805 г.	2,275	2,517
„ 1829 „	2,380	3,651
„ 1850 „	3,623	8,020
„ 1870 „	5,134	14,232

Къ числу самыхъ крупныхъ и самыхъ вредныхъ землевладѣльцевъ принадлежитъ духовенство. Въ Ориссѣ нѣтъ почти ни одной деревни, часть земли которой не принадлежала-бы монастырю или храму. Сотни монастырей въ провинціи владѣютъ землями, стоющими не менѣе 4,000,000 фунт. и получаютъ съ нихъ ежегоднаго дохода болѣе 150,000 ф. Кромѣ того есть цѣлыя деревни, съ лучшими въ странѣ угодьями, которыя до сихъ поръ принадлежатъ аристократическимъ браминскимъ фамиліямъ.

Такимъ образомъ, Индія подвергнута всѣмъ невыгодамъ и бѣдствіямъ крупнаго и мелкаго помѣщичьяго землевладѣнія.

Земледѣльцы раздѣляются на арендаторовъ и наемниковъ. Крестьяне дѣлятся на наслѣдственныхъ и временныхъ или перехожихъ (migratory). Первые пользуются землей на правахъ наслѣдованія, но за то и платятъ больше, чѣмъ пришлые. Кромѣ аренды, съ нихъ взимаются еще и другіе налоги, число которыхъ въ округѣ Чилка простирается до 23. Если сынъ или дочь помѣщика вступаютъ въ бракъ, крестьянинъ платитъ; онъ платитъ, когда помѣщикъ умираетъ; платитъ ему за право сходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ, за право развести сахарный тростникъ, воздвигнуть какую-нибудь постройку и т. д. Перехожіе или кочующіе землепашцы вовсе не имѣютъ дома или имѣютъ его въ другой деревнѣ и за право построить его платятъ особый налогъ; землевладѣлецъ можетъ всегда согнать ихъ съ земли; они даже за плату не могутъ пользоваться принадлежащими деревнѣ пастбищами и

топливомъ. Еще хуже положеніе многочисленныхъ безземельныхъ пролетаріевъ, число которыхъ постепенно увеличивается и часть которыхъ работаетъ на пашнѣ въ качествѣ поденьщиковъ. Народъ плохо питается, живетъ въ дурныхъ помѣщеніяхъ, скотъ плохъ до того, что во многихъ мѣстахъ два вола не въ силахъ тащить плуга. Подати и налоги выплачиваются съ грѣхомъ пополамъ. Крестьяне входятъ въ неоплатные долги разнымъ кабалителямъ. Въ деревняхъ живутъ обыкновенно хлѣботорговцы и ихъ прикащики, которые скупаютъ или забираютъ за долгъ весь хлѣбъ, еще неснятый съ поля. Даже защитникъ англо-индійской системы, Гентеръ, сознается, что всѣ эти эксплуататоры—„продуктъ британскаго управленія". Англичане хвалятся, что они прорыли великій индійскій и другіе каналы, проложили новые пути сообщенія, прорѣзали страну желѣзными дорогами; но все это, увеличивъ вывозъ индійскаго сырья и въ частности хлѣба, самымъ гибельнымъ образомъ отозвалось на народной массѣ и усилило значеніе упомянутыхъ спекуляторовъ. „Скупщики хлѣба, говоритъ тотъ-же Гентеръ,—воспользовались англійскою предпріимчивостью. Новые капиталы были пущены въ это дѣло. Вывозъ увеличивается съ каждымъ годомъ и страна лишается запаса необходимаго для такихъ бѣдственныхъ эпохъ, какъ голодный 1866 годъ". Большинство землепашцевъ живетъ въ неоплатныхъ долгахъ у этихъ скупщиковъ, у землевладѣльцевъ и у деревенскихъ ростовщиковъ.

Положеніе землепашцевъ еще не самое худшее. Милліоны индійскаго безземельнаго пролетаріата живутъ подъ ежедневнымъ страхомъ голодной смерти. Они принадлежатъ къ многочисленнымъ, болѣе или менѣе презираемымъ кастамъ, напр., солеваровъ, кожевниковъ, кузнецовъ, гончаровъ и т. д. Въ округѣ Пури такихъ отверженныхъ кастъ 57 названій, въ Баласорѣ—49 и т. д. Все это люди крайне бѣдные, полунагіе, большею частію бездомные. Они работаютъ какъ вьючныя животныя и получаютъ за это нищенскую плату. Впро-

чемъ, задѣльная плата постепенно возвышается. Въ Баласорѣ поденьщикъ-земледѣлецъ получалъ въ сутки въ 1850 году около $3\frac{1}{2}$ копеекъ, а въ 1871 г. $7\frac{1}{2}$ коп., плотникъ 1850 г. получалъ $7\frac{1}{2}$ коп., а въ 1871 г.—$12\frac{1}{2}$ коп., кузнецы и каменьщики въ 1850 г.—8 коп., а теперь—15 коп. Но это возвышеніе платы только призрачное, потому что въ то-же время болѣе чѣмъ удвоились цѣны на всѣ жизненныя потребности. Поденьщикъ-земледѣлецъ, получавшій въ 1850 г. отъ 12 до 15 фунтовъ хлѣба, и теперь получаетъ столько-же. Плата натурой не увеличилась, а денежная, въ сущности, даже нѣсколько уменьшилась при всемъ своемъ номинальномъ возвышеніи. Въ Баласорѣ, напр., втеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ цѣнность народной пищи почти *удвоилась*, а задѣльная плата увеличилась *на одну треть* съ небольшимъ... Въ настоящее время сотни тысячъ этихъ пролетаріевъ заняты на общественныхъ работахъ, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, при рытьѣ каналовъ и т. д. Что будетъ съ ними, когда кончатся эти временно-усиленныя работы? Даже голодная смерть и эпидеміи не въ состояніи избавить отъ нихъ Индію. Во время голода въ 1866 г. нѣкоторыя касты вымерли *вовсе*, а изъ пролетаріевъ вообще умерло *больше половины*; но теперь уже всѣ погибшіе замѣщены новыми. Вообще, несмотря на всѣ бѣдствія, народонаселеніе Индустана увеличивается. Въ Ориссѣ, напр., въ 1822 г. было жителей 1,296,000, а въ 1869 г.—2,319,000.

Такимъ образомъ, поземельная реформа во многихъ отношеніяхъ ухудшила положеніе народа сравнительно съ періодомъ, предшествовавшимъ англійскому владычеству. Такъ, напр., была превращена чуть не въ пустыню цвѣтущая земля роилловъ. Майзоръ, по словамъ знаменитаго историка Индіи, „подъ властью Типпо Саиба былъ самою обработанною страною, а его жители самымъ счастливымъ народомъ въ Индіи. Подъ англійскимъ-же управленіемъ жители Карнатика и Ауда сдѣлались самыми несчастными людьми на землѣ, и даже

Бенгалъ подвергся всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ навлечь самое дурное правительство“ (Mill). „Мусульмане, говоритъ Шоръ, —гораздо больше заботились о благѣ народа, чѣмъ мы. Одинъ только султанъ Фирусъ Тохлакъ построилъ 50 рѣчныхъ плотинъ для орошенія полей, 40 мечетей, 30 учебныхъ заведеній, 100 каравансараевъ, 30 бассейновъ для сохраненія воды внутри страны, 100 больницъ, 150 мостовъ, 100 общественныхъ бань и множество двугихъ полезныхъ заведеній. Его примѣру слѣдовали Акберъ, Шахъ Джеханъ и др. Всѣ эти учрежденія подъ англійскимъ владычествомъ превратились въ развалины“. Съ тѣхъ поръ англичане кое-что сдѣлали въ этомъ отношеніи, но далеко еще не вознаградили страну за разрушенныя ими магометанскія сооруженія. Они занимаются главнымъ образомъ дорогами и каналами, выгодными преимущественно для торгующаго класса, и мало обращаютъ вниманія на плотины, отводные и оросительные каналы, запасные водные бассейны, безусловно необходимые для предотвращенія вредныхъ послѣдствій засухъ и наводненій, весьма частыхъ въ Индіи. Въ Баласорѣ, на памяти живущаго тепэрь поколѣнія, было четыре гибельныхъ засухи, въ 1836, 1839, 1840 и 1865 гг. Въ Каттакѣ наводненія, сопровождаемыя ужаснымъ голодомъ, были въ 1832, 1835, 1849, 1852, 1857, 1858, 1863, 1867 гг., а менѣе ужасныя засухи въ 1834, 1837, 1840, 1841, 1866 гг.! Голодовки, производимыя этими естественными бѣдствіями и человѣческими злоупотребленіями, не имѣютъ ничего подобнаго себѣ въ новой исторіи. Въ 1870 году въ Бенгалѣ умерло съ голода около *10,000,000* человѣкъ и треть страны опустѣла на цѣлые двадцать лѣтъ. Въ 1865—1866 г. въ одной только провинціиОриссса изъ 2,600,000 жителей умерло отъ голода *болѣе 1,000,000 человѣкъ*.

Другой ужасный бичъ народа — болѣзни, эпидемическія и эндемическія. Главная причина ихъ въ экономическомъ запустѣніи страны и народной бѣдности. Вотъ, напр., округъ

Пури. Жители пьютъ вонючую воду, вовсе не ѣдятъ мяса и почти вовсе—масла; соли, по ея дороговизнѣ, потребляютъ очень мало; одежда состоитъ изъ лохмотьевъ, едва прикрывающихъ тѣло. Вслѣдствіе этого одна часть народонаселенія постоянно страдаетъ изнурительными лихорадками, другая неизлечимо поражена элефантіазисомъ, третья ежегодно страдаетъ кровавымъ поносомъ, четвертая ежегодно погибаетъ отъ холеры, пятая часто подвергается оспѣ. Эпизоотіи похищаютъ нерѣдко отъ 50 до 90% скота.—Округъ Баласоръ. Гигіеническія условія народной жизни тѣ-же самыя, и вотъ результаты:

Больныхъ	элефантіазисомъ	отъ 25 до 50%
„	водяной грыжей	25%
„	сифилисомъ	40%

Независимо отъ этого въ сильной степени и постоянно свирѣпствуютъ лихорадки, ревматизмы, поносы, такъ-что на каждаго жителя среднимъ числомъ приходится не менѣе двухъ серьезныхъ болѣзней, кромѣ эпидемическихъ!.. Всѣ эти болѣзни поражаютъ преимущественно низшіе классы народа. Холера, эта ужасная и постоянная гостья Индіи, приписывается дурной рисовой пищѣ, которая, превращаясь въ экскременты, дѣлаетъ ихъ заразительными. Дурная-же пища и питье порождаютъ и большую часть другихъ болѣзней, которыя свирѣпствуютъ съ особенною силою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе скучивается народа. Въ этомъ отношеніи разныя религіозныя празднества и пилигримства служатъ одною изъ главныхъ причинъ смертоносныхъ эпидемій. Такъ, напр., на праздники въ Пури стекается отъ 50 до 300 тысячъ пилигримовъ. Они живутъ и питаются здѣсь очень скудно, и отправляются назадъ почти нагими, безъ куска хлѣба. Отъ голода и эпидемій въ Пури и на обратномъ пути ежегодно умираетъ ихъ отъ 10 до 50 тысячъ... А такихъ благословенныхъ мѣстъ, такихъ праздниковъ и такой религіозной смертности въ Индіи не мало!

Поземельная реформа, водворившая въ странѣ экономическую неурядицу и бѣдность, не могла быть осуществлена вполнѣ. Семьдесять лѣтъ англичане поддерживали ее всѣми правдами и неправдами и все-таки, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что она и неосуществима, и вредна, какъ для народа, такъ и для финансовыхъ цѣлей самого правительства. Общинное землевладѣніе—правда, въ измѣненной и испорченной формѣ—было возстановлено въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и Пенджабѣ. Но зло, произведенное поземельной реформой, до сихъ поръ продолжаетъ тяготѣть надъ большею частью Индіи. Не менѣе зла нанесла послѣдней и торговая политика Англіи. Вся торговля съ Индустаномъ, какъ и съ другими колоніями, была захвачена англичанами, которые постарались сдѣлать индійцевъ своими поставщиками сырья и покупателями своихъ мануфактурныхъ издѣлій, выдѣланныхъ большею частью изъ того-же индійскаго сырья. До англійскаго владычества Индія славилась своими мануфактурами. Выдѣлкою тканей, и грубыхъ, и самыхъ утонченныхъ, занималась цѣлая половина жителей Индустана. Англичане погубили всю эту промышленность, которая давала жизнь цвѣтущимъ городамъ и средства для существованія милліонамъ людей. Они обложили тяжелыми налогами всѣ машины, всѣ орудія производства. „Маслобойня, печь гончара, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, пила лѣсопильщика, наковальня кузнеца, топоръ плотника, ткацкій станокъ, лодка рыбака—все было подвергнуто налогу. Не пропущена ни одна какая-бы то ни было машина“ (Кэри). Облагая самыми высокими пошлинами индійскія мануфактуры, не допуская въ Индію никакихъ англійскихъ техниковъ, Англія, наконецъ, вовсе запретила ввозъ машинъ въ нее. Индійскія мануфактуры были окончательно убиты и народъ принужденъ былъ сосредоточить весь свой трудъ на земледѣліи, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ аристократической поземельной реформы. Городская жизнь развита очень плохо, и въ то время, какъ сельское

населеніе увеличивается, городское во многихъ случаяхъ уменьшается. Даже Калькутта до настоящаго столѣтія была сборищемъ нѣсколькихъ деревень (Hunter, II, 131, Appendix, 11). Въ главномъ городѣ Баласора до сихъ поръ преобладаетъ сельская жизнь и каждый почти житель имѣетъ за городомъ свою пашню.

Систематическое уничтоженіе мануфактурной и промышленной дѣятельности въ Индіи отдало страну въ безусловное распоряженіе англійскихъ фабрикантовъ. Индіецъ отдавалъ англичанину фунтъ хлопка за $1\,^1/_2$ копейки и получалъ его обратно въ переработанномъ на англійскихъ фабрикахъ видѣ за 45—50 коп. Обработка дешеваго сырья и дорогая плата за англійскія мануфактуры разорили Индію не менѣе, чѣмъ поземельная реформа. „Такія бѣдствія едва-ли когда-нибудь бывали въ исторіи торговли; равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчатой бумаги“, писалъ въ 1835 г. генералъ-губернаторъ. За то сбытъ британскихъ произведеній въ Индію возрасталъ съ изумительною силою. Въ нее ввозилось:

въ 1838 г.	въ 1858 г.
на 5,077,000 ф. ст.	16,782,000 ф. ст.

Изъ Индіи-же вывозилось:

въ 1838 г.	въ 1858 г.
на 11,774,000 ф. ст.	27,453,000 ф. ст.

Въ томъ числѣ для Китая вывезено опія:

въ 1839—1848 г.	въ 1849—1858 г.
на 3,692,000 ф. ст.	на 6,578,000 ф. ст.

Англійская юстиція также не мало содѣйствовала разоренію и угнетенію Индіи. Судебный произволъ временъ Гэстингса и Импи не повторялся болѣе въ такихъ размѣрахъ, но взяточничество и торговля правосудіемъ не исчезли даже вплоть до настоящаго времени. „Лжеприсяга, говоритъ Гентеръ,—была существенною принадлежностью каждаго процесса. Одинъ, обвиняемый въ убійствѣ, подсудимый заявляетъ,

что его обвинитель подкупленъ 36-ю центнерами риса, и потомъ требуетъ, чтобы онъ въ доказательство своего доноса подержалъ руку въ кипящемъ маслѣ. Въ другомъ судебномъ документѣ читаемъ: „уплачено одной браминской женщинѣ за свидѣтельство подъ присягой, по приказанію комитета, 9 фунтовъ 10 шиллинговъ“. Одинъ судья вовсе заперъ судъ и, получая жалованье, занимался торговлею; другой всегда рѣшалъ дѣла въ пользу той стороны, которая представляла ему болѣе длинную просьбу; судьи сплошь и рядомъ брали съ обѣихъ сторонъ и обвиняли ту, отъ которой получали меньше; судьи и полиція находились въ стачкѣ съ ворами и разбойниками и т. д. Туземцы избѣгали суда, потому что онъ былъ слишкомъ дорогъ, медленъ и несправедливъ, а англійскіе законы, въ большинствѣ случаевъ, шли въ разрѣзъ съ индійскими обычаями и понятіями. Въ 1834 г. была образована въ Лондонѣ комиссія для составленія индійскаго кодекса; но эти законы, выработанные знатоками индійской жизни, не были введены въ практическую жизнь, благодаря противодѣйствію компаніи. Теперь по уголовнымъ дѣламъ европейцы въ Индіи судятся по англійскимъ, а туземцы по индійскимъ законамъ, съ участіемъ присяжныхъ изъ туземцевъ, которые даютъ свой приговоръ и по многимъ гражданскимъ дѣламъ. Суды высшей инстанціи состоятъ изъ англичанъ, а низшихъ инстанцій—или изъ англичанъ и туземцевъ, или изъ однихъ туземцевъ. Европейскіе судьи назначаются исключительно изъ воспитанниковъ юридической коллегіи въ Гэлэбери. Адвокаты держатъ весьма серьезный экзаменъ въ комиссіи, состоящей изъ индійскихъ и туземныхъ юристовъ.

Англичане не могутъ нахвалиться, что они уменьшили въ Индіи разбои, въ особенности морскіе. Дѣйствительно, они разрушили множество поселеній морскихъ разбойниковъ и тѣмъ до нѣкоторой степени водворили миръ на морѣ; но, съ другой стороны, они и голландцы, своими притѣсненіями со-

здавая многочисленный пролетаріатъ, заставляли его удаляться изъ общества и тѣмъ чрезвычайно усилили разбойничьи шайки малайскаго моря. Что-же касается материка, то здѣсь воровства и разбои не только не уменьшились, но по временамъ даже усиливались. Такъ, напр., въ первой половинѣ настоящаго столѣтія по всему Индустану раскинула свою организацію каста *таговъ*, или воровъ, состоявшая изъ отщепенцевъ всѣхъ кастъ, имѣвшая свой особый языкъ, свои школы, даже свою богиню,—богиню смерти. Разбои и убійства таговъ, таинственность, которою была облечена вся жизнь ихъ, дикій видъ этихъ совершенно нагихъ людей, вооруженныхъ кинжалами, наполнили ужасомъ всю страну. „Ужели не укоряетъ тебя совѣсть за убійство стольких невинныхъ людей?“ спросили одного атамана таговъ.—„Нисколько, отвѣчалъ онъ.—Развѣ можетъ человѣкъ чувствовать угрызенія совѣсти при отправленіи своего ремесла? Не указало-ли Провидѣніе особое ремесло каждому изъ насъ? Я никогда не убивалъ: я только орудіе чьей-то воли, которая присуждаетъ къ смерти за грѣхи“.—„Я никого не обижалъ, говорилъ другой разбойникъ,—кто добровольно отдавалъ мнѣ свое имущество. Если-же онъ сопротивлялся, то я наказывалъ его и убивалъ. Развѣ вы, англичане, поступаете иначе? Мы дѣлаемъ въ малыхъ размѣрахъ то-же самое, что вы въ большихъ; вѣдь вся ваша власть основана на произволѣ и насиліи!..“

Успѣхи христіанскихъ миссій въ Индіи до сихъ поръ также ничтожны, какъ и въ Японіи и въ Китаѣ. Христіанскіе миссіонеры являлись въ Индіи еще въ первые вѣка нашей эры и не оставили послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ. Католическіе миссіонеры, пришедшіе съ португальцами, также не могли подѣлать ничего, и, имѣя въ виду главнымъ образомъ только распространеніе власти своей церкви, начали поддѣлываться къ индійскимъ понятіямъ и обычаямъ. Такъ, напр., іезуитъ Нобили (1577—1656), принявъ имя *всевѣдущаго* (Tatwa Bodhi), выдавая себя за брамина и раджу, под-

дѣлалъ будто-бы древній санскритскій документъ, доказывающій, что римскіе брамины старше индійскихъ и происходятъ по прямой линіи отъ Брамы. Нобили велъ жизнь брамина, толковалъ Веды, творилъ чудеса и, перемѣшивая браманизмъ съ христіанствомъ, проповѣдывалъ ученіе какой-то четвертой Веды, будто-бы открытой имъ. Другіе католическіе миссіонеры дѣйствовали подобнымъ-же образомъ и своими наглыми обманами возбуждали въ индусахъ только одно отвращеніе къ себѣ. Католицизмъ рѣшительно не прививался къ Индіи. Протестантскіе секты, миссіонеры которыхъ чрезвычайно распространились въ Индіи съ конца прошлаго столѣтія, также не имѣли успѣха, хотя и находили усердную поддержку въ правительствѣ. Дошло до того, что, назначая въ Индію епископовъ и другихъ духовныхъ, правители заставляли магометанъ, индусовъ и буддистовъ содержать ихъ! На Цейлонѣ въ 1848 г. туземцы платили на содержаніе англиканскаго духовенства 10,220, а на училища только 8,817 ф. ст. Въ 1851 г. жители Индустана, браманисты и магометане, уплачивали въ пользу того-же духовенства 112,425, а на школы только 66,993 фунт. Духовенство Англіи, такимъ образомъ, получало извѣстную долю въ индійской добычѣ... Обращенныхъ въ христіанство такъ мало, что даже сами миссіонеры откровенно признаютъ безплодность своихъ трудовъ. Брамины и муллы противодѣйствуютъ имъ на каждомъ шагу, возбуждая фанатизмъ въ народной массѣ и распространяя между людьми образованными индусскіе переводы сочиненій Штрауса и Ренана... Безплодныя усилія миссіонеровъ только поддерживаютъ фанатическую ненависть туземцевъ къ англичанамъ и содѣйствуютъ тому, что каждое возстаніе принимаетъ характеръ священной войны противъ невѣрныхъ. Поэтому лучшіе знатоки Индіи всегда совѣтовали правительству не раздражать народъ съ этой самой чувствительной стороны и не поддерживать миссіонерской дѣятельности.

V.

Угнетеніе и разореніе страны давно уже поселили въ туземцахъ заклятую ненависть къ британцамъ. Возстанія идутъ черезъ всю исторію англійскаго владычества и значительная часть двухсотмилліоннаго народонаселенія находится въ постоянномъ, традиціонномъ заговорѣ противъ „рыжихъ варваровъ“. Различныя племена и вѣроисповѣданія Индіи питаютъ другъ къ другу самую фанатическую ненависть, но англійское владычество значительно ослабило эту взаимную вражду и обратило на себя соединенныя силы всѣхъ вѣроисповѣданій. Жители Цейлона, подъ сѣнію своего палладіума, зуба Будды, совершали серьезные мятежи въ 1817, 1823, 1834, 1843 и 1848 годахъ, причемъ буддистское духовенство стояло всегда во главѣ возстанія. Племя сейковъ также исповѣдывало всегда религію войны противъ невѣрныхъ. Вялые индусы до сихъ поръ ненавидятъ христіанъ, считая ихъ нечистыми животными, отверженными Брамой. Одинъ браминъ, сопровождавшій путешественника Бернса, по своемъ возвращеніи былъ отвергнутъ обществомъ, какъ нечистая тварь, какъ парія. Еще сильнѣе фанатическая ненависть магометанъ къ англичанамъ. Кромѣ общихъ причинъ, возбуждающихъ эту ненависть во всѣхъ жителяхъ Индіи, мусульмане имѣютъ еще много особенныхъ побужденій къ заклятой ненависти къ британскимъ гяурамъ. Мусульманская аристократія, владѣвшая и управлявшая прежде страной, теперь отодвинута англичанами на задній планъ. Ни въ военной, ни въ гражданской службѣ магометане не получаютъ видныхъ должностей. Въ 1871 г. въ Бенгалѣ, напр., изъ 2,111 гражданскихъ чиновниковъ было европейцевъ 1,338, индусовъ 681 и мусульманъ только 92. Отчасти религіозные предразсудки, отчасти распоряженія самого правительства повели къ тому, что магометане несравненно меньше индусовъ поль-

зуются средствами народнаго просвѣщенія. Въ 1860—1862 г. въ англо-индійскихъ школахъ на 10 индусовъ приходился только 1 магометанинъ. Англичане, на деньги, завѣщанныя однимъ мусульманиномъ на „благочестивыя дѣла", основали гуглійскую коллегію, въ которой нѣсколько лѣтъ назадъ изъ 300 воспитанниковъ не было и 3-хъ мусульманъ! Калькутская магометанская коллегія, существующая уже девяносто лѣтъ, также не принесла мусульманамъ никакой существенной пользы. Въ 1819 г., вслѣдствіе злоупотребленій магометанскаго начальства, начальникомъ коллегіи назначенъ англичанинъ, потомъ заведеніе значительно преобразовано. Оно до сихъ поръ остается лучшимъ и высшимъ въ Индіи учебнымъ заведеніемъ для мусульманскихъ юношей. Но послѣдніе выходятъ изъ него такими-же невѣждами и фанатиками, какими и поступаютъ въ него. Они считаютъ верхомъ премудрости и абсолютной истиной все, чему учатъ арабскія логика, право и грамматика. Они знаютъ, что самыя обширныя страны: во-первыхъ Аравія, потомъ Англія, Франція и Россія, и послѣ Мекки, Медины и Каира самый обширный городъ Лондонъ; наконецъ, что англичане—собаки и на томъ свѣтѣ будутъ корчиться на самомъ горячемъ огнѣ. Мусульмане не расположены учить своихъ дѣтей ни въ индусскихъ, ни въ англійскихъ народныхъ школахъ, а своихъ школъ у нихъ очень мало. Невѣжество поддерживаетъ фанатизмъ, равнодушіе англичанъ къ мусульманскимъ школамъ возбуждаетъ въ магометанахъ сильное недовольство, а существующія мусульманскія школы только поддерживаютъ въ народѣ фанатизмъ и невѣжество.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ воинственный фанатикъ основалъ магометанскую колонію, лежащую въ неприступныхъ мѣстностяхъ на границахъ Пенджаба. Въ эту колонію стекались со всей Индіи тысячи недовольныхъ мусульманъ и на нее до настоящаго времени обращены взоры всѣхъ индійскихъ поклонниковъ Магомета. Колонисты пользовались

каждымъ случаемъ, чтобы начинать священную войну противъ невѣрныхъ англичанъ и индусовъ. Эта война начиналась въ 1820—1824, 1827, 1828—1830, 1852, 1857—1858, 1863, 1868 годахъ и нерѣдко ставила англичанъ въ самое затруднительное положеніе. Но не столько страшна для правительства колонія этихъ бунтовщиковъ, сколько то вліяніе, какое она имѣетъ на магометанское народонаселеніе Индіи. По всей странѣ путешествуютъ или живутъ постоянно агенты этой колоніи, проповѣдуя священную войну, пророчествуя объ ея успѣхѣ и собирая на нее постоянный и организованный налогъ со всѣхъ магометанъ. Эта пропаганда породила цѣлую обширную литературу, которая въ формѣ богословскихъ и юридическихъ трактатовъ, прокламацій, стихотвореній проповѣдуетъ, что „священная война есть обязанность всѣхъ мусульманъ и дѣло въ высшей степени выгодное; какъ дождь приноситъ пользу всѣмъ людямъ, животнымъ и растеніямъ, такъ и всѣ правовѣрные должны участвовать въ выгодахъ священной войны противъ невѣрныхъ“. Эти революціонныя сочиненія открыто продаются въ городахъ и селахъ. Еще опаснѣе для англичанъ агитація проповѣдниковъ войны, проникающихъ въ самыя отдаленныя захолустья. Опасность тѣмъ больше, что этотъ непрерывный мусульманскій заговоръ тѣсно соединенъ съ реформаціоннымъ ученіемъ вагабитовъ, которые очистили магометанство отъ всей обрядовой и церковной внѣшности и возвели его до чистаго деизма. Вагабитское движеніе давно уже идетъ по всей Азіи, а въ Индіи оно имѣетъ чисто-демократическій характеръ. Въ Индіи, какъ и вездѣ, клерикальные и землевладѣльческіе интересы взаимно связаны, и магометанскій землевладѣлецъ такой-же ревностный приверженецъ мечети, какъ англійскій—государственной церкви. Вагабиты-же, это—анабаптисты въ религіи, радикалы въ политикѣ. Они ведутъ войну и противъ мечетей, и противъ землевладѣльцевъ, какъ магометанскихъ, такъ и индусскихъ; исповѣдуя полное равенство людей и происходя главнымъ образомъ изъ низ-

шихъ классовъ народа, они имѣютъ самыя крайнія стремленія. Благодаря только тому, что ихъ направленіе возбуждаетъ реакцію въ высшихъ магометанскихъ классахъ, пропаганда ихъ до сихъ поръ не имѣла блестящихъ успѣховъ. Ужасный мятежъ 1857 г. показалъ, что не только магометанскія секты, но даже магометане съ индусами могутъ примиряться на-время для войны съ британцами *). Возстаніе потоплено въ крови мятежниковъ, но это только усилило ненависть туземцевъ къ побѣдителямъ, и съ тѣхъ поръ не проходило года, чтобы правительство не открывало болѣе или менѣе обширнаго магометанскаго заговора, въ которомъ участвовали лица всѣхъ классовъ общества. По-прежнему агитаторы собирали революціонные налоги, проповѣдывали священную войну и т. д., а правительство судило ихъ, ссылало, казнило, отмѣнило въ 1868 г. дѣйствіе акта habeas corpus и тѣмъ открыло возможность своимъ агентамъ злоупотреблять властью. Полиція начала выдумывать измѣны и заговоры, чтобы только обогащаться на счетъ обвиняемыхъ. Это еще болѣе возбуждало народную ненависть. Въ 1871 г. одинъ мусульманинъ убилъ главнаго судью Бенгала, а въ 1872 г. самъ вице-король, лордъ Майо, погибъ подъ ножомъ другого мусульманина. Англичане успокоились тѣмъ, что, по судебному слѣдствію, эти два убійцы оказались фанатиками, непринадлежащими ни къ какому заговору. Но это только показываетъ, что даже магометане, непринадлежащіе ни къ какому заговору, исполнены того-же враждебнаго духа къ англичанамъ, которымъ одержимы заговорщики и который волнуетъ все мусульманское народонаселеніе. Въ 1871 г. должна была начаться поголовная священная война. Вопросъ о ней разбирался и въ Индіи, и въ Меккѣ первостепенными магометанскими теологами и законовѣдами. Вслѣдствіе упомянутой уже оппозиціи вагабитамъ съ одной

*) Объ этомъ возстаніи читатель найдетъ не мало интересныхъ статей въ русскихъ журналахъ 1858 и 1859 годовъ.

стороны и вслѣдствіе сознанія неблагопріятныхъ для успѣха обстоятельствъ съ другой стороны, вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно, но въ такомъ смыслѣ, что магометане должны *пока* повиноваться англійскому правительству. Но это повиновеніе только временное и даже въ самыхъ благопріятныхъ для англичанъ отвѣтахъ заявляется, что священная война обязательна для всѣхъ магометанъ, какъ скоро обстоятельства измѣнятся и магометанству будетъ грозить опасность. Возстаніе, такимъ образомъ, отсрочено лишь до тѣхъ поръ, пока магометанскіе авторитеты не найдутъ возможнымъ заявить, что религіи ихъ угрожаетъ опасность...

Но не одни магометане, какъ мы уже говорили, готовы воспользоваться каждымъ благопріятнымъ случаемъ для возстанія. „Чувства недовольства и оппозиціи господствуютъ во всѣхъ классахъ общества, какъ между европейцами, такъ и между туземцами, по поводу постояннаго возвышенія налоговъ, писалъ въ концѣ 1870 г. генералъ-губернаторъ, лордъ Майо.—Я убѣжденъ, что это составляетъ величайшую политическую опасность. Мы никогда, даже на одну минуту, не могли разсчитывать на сохраненіе спокойствія; но я думаю, что положеніе дѣлъ въ настоящее время серьезнѣе, чѣмъ когда-нибудь“... Серьезность этой опасности заключается лишь въ томъ, что возстаніе произведетъ страшное потрясеніе и разстройство индійскихъ дѣлъ. Что-же касается возможности скораго сверженія англійскаго ига, то въ нее не вѣрятъ ни англичане, ни тѣ туземцы, которые свободны отъ фанатическихъ увлеченій. Но при всемъ этомъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ освобожденіе Индустана отъ англичанъ представляется неизбѣжнымъ. Европейская цивилизація, развивающаяся въ Индіи, даетъ ей силы для борьбы и самостоятельнаго существованія.

VI.

Въ средѣ англійскаго народа всегда было не мало личностей, которыя совершенно правильно смотрѣли на англійскую политику въ Индіи и старались направить ее на должный путь. „Провидѣніе, говоритъ Чарльзъ Грантъ,—даровало намъ власть надъ Индіей совершенно для другихъ цѣлей, чѣмъ обыкновенно думаютъ наши лорды. Мы должны воспитать этотъ народъ для цивилизаціи. Индусы и мусульмане подъ нашимъ руководствомъ должны постепенно пріучиться къ самоуправленію". „Задерживать народъ въ его стремленіи къ цивилизаціи совершенно недостойно просвѣщеннаго правительства и великой націи, говоритъ Камеронъ.—Остановить такое стремленіе даже невозможно. Напротивъ, слѣдуетъ заботиться о примиреніи и равенствѣ побѣжденныхъ съ побѣдителями. Если индусы, буддисты, мусульмане, цивилизовавшись, захотятъ избавиться отъ нашей власти, то тѣмъ лучше: всемірно-историческая задача Великобританіи заключается въ томъ, чтобы рождать и воспитывать народы".

Хотя англійскіе правители, за исключеніемъ лорда Бентинка, никогда систематически не держались этихъ принциповъ, но при всемъ томъ англичане неизбѣжно должны были вносить въ Индію свою цивилизацію и просвѣщать туземцевъ. Во всѣхъ покоренныхъ ими странахъ они уничтожали рабство, и хотя разные спекулянты продолжали еще долго послѣ того поддерживать его въ формѣ добровольной кабалы, но въ 1842—1844 гг. всѣ рабовладѣльческія права и работорговля были окончательно запрещены. Поддерживая полную свободу совѣсти, англичане внесли въ Индію принципъ вѣротерпимости, который, съ помощью цивилизаціи, постепенно водворяется въ образованныхъ слояхъ общества. Въ 1872 году въ Индіи введенъ гражданскій бракъ, и въ него вступаютъ уже многіе разновѣрцы. Во многихъ мѣстностяхъ ан-

гличане совершенно искоренили варварскій обычай избивать дѣтей, особенно женскаго пола. Сожженіе вдовъ съ трупами мужей ихъ было однимъ изъ самыхъ упорныхъ обычаевъ индійской жизни. Даже сами женщины были за сохраненіе этой религіозной традиціи и борьба противъ нея англичанъ возбуждала серьезное волненіе въ странѣ; но они такъ энергически взялись за дѣло, что вдовосожженіе, постепенно ослабѣвая, теперь почти вовсе прекратилось въ Индіи. Каналы, желѣзныя дороги, почты и телеграфы, приводя туземцевъ въ постоянныя сообщенія съ европейцами, имѣютъ большое цивилизующее вліяніе. Живя рядомъ съ англичанами и путешествуя въ Европу, туземцы мало-по-малу усвоиваютъ понятія, привычки и обычаи цивилизованнаго міра. Вотъ, напр., дикіе жители Деканала, ходящіе полунагими. Въ 1871 г. магараджа Деканала, уже достаточно цивилизованный, убѣдилъ ихъ носить бѣлье и платье. Нѣсколько сотъ семействъ получило отъ него одежду даромъ. Вслѣдъ затѣмъ къ англійскому резиденту является 1,900 женщинъ со множествомъ дѣтей и заявляетъ желаніе также ходить въ платьѣ. Правительство одѣло всѣхъ ихъ. Такъ цивилизація увлекаетъ даже дикихъ жителей горъ и лѣсовъ. Что-же касается горожанъ, то въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества европеецъ встрѣчаетъ множество банкировъ, землевладѣльцевъ, медиковъ, адвокатовъ, ученыхъ, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ англичанъ или нѣмцевъ, занимающихся тѣми-же профессіями. Даже женщины начинаютъ освобождаться изъ своего восточнаго рабства. Въ Калькуттѣ есть эманципаціонное общество, издается на индійскомъ языкѣ эманципаціонный журналъ „Другъ Женщинъ", а нѣкоторыя индуски начали даже читать публичныя лекціи объ освобожденіи и образованіи женщины. Участіе туземцевъ въ управленіи страной постепенно усиливается, хоть и встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны англичанъ. Лордъ Бентинкъ во время своего управленія первый постарался открыть туземцамъ до-

ступъ ко всѣмъ профессіямъ. Въ настоящее время мы видимъ туземцевъ судьями, адвокатами, членами губернаторскихъ совѣтовъ, акцизными и полицейскими чиновниками, медиками, аптекарями, инженерами, учителями, смотрителями тюремъ и богоугодныхъ заведеній и т. д. Большая часть этихъ чиновниковъ—индусы, но теперь англичане хлопочутъ уже о такомъ-же привлеченіи на службу и магометанъ, равно какъ и о правѣ туземцевъ на занятіе всѣхъ должностей безъ исключенія, чего до сихъ поръ еще нѣтъ. Ограниченность служебныхъ правъ возбуждаетъ въ туземцахъ, особенно въ магометанахъ, сильное неудовольствіе, для устраненія котораго правительство уже рѣшилось уничтожить послѣднія служебныя привилегіи европейцевъ.

Мы уже видѣли, что низшія и высшія магометанскія школы не столько развиваютъ, сколько отупляютъ учащихся, набивая ихъ головы нелѣпостями допотопныхъ учебниковъ и тонкостями мусульманской схоластики. Не въ лучшемъ положеніи находятся индусскія школы, посредствомъ которыхъ брамины распространяютъ въ народѣ свои суевѣрія и покоряютъ умы своей безграничной власти. Магометанство и браманизмъ, при всѣхъ своихъ различіяхъ, въ концѣ концовъ приводятъ къ одному результату—къ умственному и политическому рабству. Своекорыстные англійскіе политики прежнихъ дней понимали это и старались противодѣйствовать распространенію европейскаго образованія между своими индійскими подданными. Въ парламентѣ не разъ раздавались самыя горячія рѣчи, доказывавшія, что индусовъ учить ничему не слѣдуетъ. Образованные индусы, говорилось, напр., въ 1853 г. въ палатѣ общинъ,—злѣйшіе противники христіанства и враги нашего владычества. Изучивъ исторію и узнавъ, какими способами мы утвердили свою власть надъ Индіей, европейски образованные индусы начинаютъ краснѣть отъ стыда за позоръ своего отечества. Жажда свободы и мести наполняетъ сердца ихъ, когда они видятъ, что милліоны индійцевъ управляют-

ся какими-нибудь 50,000 христіанъ и вся ихъ страна эксплуатируется въ пользу метрополіи. Если мы лишимся Индіи, то въ этомъ будутъ виноваты учебныя заведенія". Во время компанейскаго управленія подобныя тенденціи были въ большомъ ходу и много приходилось бороться съ ними друзьямъ Индіи. При лордѣ Уэльсли были основаны высшее учебное заведеніе въ Калькуттѣ и коллегія въ фортѣ Уильяма для англичанъ и азіятовъ. Въ 1819 г. была открыта индусская коллегія въ Пунѣ. Просвѣтительная дѣятельность лорда Бентинка началась съ того, что при его содѣйствіи многіе индусы начали ѣздить въ Англію для изученія медицины и естественныхъ наукъ, а потомъ открыты для туземцевъ медицинскія академіи въ Калькуттѣ и Бомбеѣ (1826 г.). Вскорѣ появились на разныхъ индійскихъ нарѣчіяхъ оригинальныя и переводныя сочиненія по медицинѣ и естествознанію. При Бентинкѣ-же основано много общеобразовательныхъ школъ, на поддержаніе которыхъ индусы дѣлали богатыя пожертвованія. Потомъ были открыты училища для инженеровъ и архитекторовъ въ Рурки, Мадрасѣ, Бомбеѣ. Среднеучебныхъ коллегій и профессіональныхъ школъ, медицинскихъ, юридическихъ, техническихъ теперь довольно много во всѣхъ значительныхъ городахъ Индіи *). Для высшаго образованія служатъ университеты въ Калькуттѣ, Бомбеѣ, Мадрасѣ. Въ коллегіяхъ туземцы изучаютъ европейскую литературу, исторію, математику, географію, туземные и европейскіе языки, философію. Вотъ, напр., какія темы даются имъ для сочиненій: комментаріи на Гамлета; значеніе Бэкона; о землевладѣніи въ Индіи; англійскія партіи въ XVI вѣкѣ и т. д. Какъ благотворно дѣйствуютъ на туземцевъ эти заведенія, можно видѣть изъ слѣдующаго письма одного воспитанника гуглійской коллегіи: „Распространеніе

*) Въ Бенгалѣ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ еще въ 1852 г. было 40 учительскихъ семинарій, а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ училось на казенный счетъ до 24,000 туземцевъ.

англійскаго языка въ Индіи есть одно изъ самыхъ знаменательныхъ событій нашего вѣка. Посредствомъ англійскаго языка нашъ народъ воспитывается и знакомится съ науками. Индія была нѣкогда колыбелью цивилизаціи... Распространеніе англійскаго языка служитъ средствомъ для ея возрожденія. Мы уже испытываемъ вліяніе на нашъ духъ Шекспировъ, Мильтоновъ и Бэконовъ. Это вліяніе сдѣлалось уже неискоренимымъ; оно будетъ все усиливаться и распространяться по всей обширной странѣ отъ Гималая до океана. Знакомство съ англійскою литературой научило насъ, индусовъ, свободно мыслить и порядочно жить. Это счастливое столкновеніе замѣчательныхъ способностей нашей націи съ міросозерцаніемъ, свѣденіями и стремленіями мощнаго европейскаго духа будетъ имѣть чрезвычайныя послѣдствія не только для самой Индіи, но и для прогресса всего рода человѣческаго. Знакомство съ англійскимъ языкомъ и литературой сдѣлаетъ насъ современемъ способными на все“...

Достаточно было появиться въ Индіи такому просвѣщенному и гуманному человѣку, какъ лордъ Бентинкъ, чтобы внушить туземцамъ высшихъ и среднихъ классовъ сильное стремленіе къ европейскому образованію. Но въ массѣ народа европейскія школы до сихъ поръ возбуждаютъ одно только фанатическое отвращеніе, поддерживаемое духовенствомъ всѣхъ туземныхъ вѣроисповѣданій. Къ тому-же и сами англичане не очень заботятся о народныхъ школахъ. Вслѣдствіе этого, такихъ училищъ чрезвычайно мало и большинство народа по-прежнему остается подъ невѣжественной и хищной опекой муллъ и браминовъ, а милліоны пролетаріевъ чужды даже и этого жалкаго образованія. Въ Ориссѣ, при 3,000,000 жителей, въ 1849 г. было только 9 школъ и 279 учениковъ, въ 1869 г.— 63 школы и 4,043 ученика, въ 1871 г.—121 школа.

Просвѣтительное вліяніе коллегій, университетовъ и профессіональныхъ училищъ дополняется множествомъ ученыхъ и литературныхъ обществъ, въ которыхъ участвуютъ индусы,

парсы и европейцы. Цѣль этихъ обществъ — знакомство съ европейскою литературою и распространеніе полезныхъ свѣдѣній. На индійскихъ нарѣчіяхъ давно уже есть переводы замѣчательныхъ произведеній европейской поэзіи и науки,— Шекспиръ, Вольтеръ, Гиббонъ, англійская энциклопедія и т. д. Періодическая печать въ Индіи начала развиваться послѣ того, какъ въ 1838 г. на эту страну было распространено дѣйствіе закона о свободѣ слова. Вмѣстѣ съ англійскими явились многіе и туземные журналы, какъ, напр., „Индійское Солнце“, на языкахъ персидскомъ, индійскомъ, англійскомъ, урдускомъ и бенгальскомъ *).

За исключеніемъ немногихъ личностей, англичане не очень хлопотали о распространеніи въ Индіи европейскаго образованія. Но сами индусы сознали его необходимость и оно уже привело ко многимъ результатамъ, вовсе не желательнымъ для тѣхъ англичанъ, которые желаютъ продлить свое господство надъ Индіей, опираясь на невѣжество и отупленіе массы. Въ основѣ индійской цивилизаціи лежитъ браминская религія. Европейская наука постепенно подрываетъ ее, и британцы тревожно смотрятъ на быстро увеличивающееся число образованныхъ индусовъ, отстающихъ отъ своей религіи и непристающихъ ни къ какой другой. Изъ этихъ индиферентистовъ составляются разныя общества, занимающіяся не одной только философіей, но и политикой. Даже истые поклонники Брамы превращаются подъ европейскимъ вліяніемъ въ скептиковъ, которые уже не удовлетворяются нелѣпостями браманизма и смѣло нападаютъ на привилегіи браминской касты. Въ многочисленныхъ туземныхъ памфлетахъ давно уже требуется секуляризація монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, доходы съ которыхъ должны быть обращены на устройство больницъ, богадѣленъ и школъ для бѣдныхъ. Ро-

---

*) Еще въ 1851 г. въ Индіи вышло 110 оригинальныхъ туземныхъ сочиненій, а въ Калькуттѣ было 40 туземныхъ типографій.

скошь и развращенность браминовъ возбуждаютъ сильное негодованіе въ обществѣ. Въ 1868 году въ Ориссѣ, этой святой землѣ Индустана, составилась исключительно изъ туземцевъ комиссія для изслѣдованія монастырскихъ и церковныхъ имуществъ. Въ своемъ докладѣ правительству комиссія говоритъ, что монастыри совершенно уклонились отъ своего первоначальнаго назначенія, что имущества, пожертвованныя имъ для помощи больнымъ, бѣднымъ и пилигримамъ, расточаются монахами на развратъ и роскошь и что индійское общество, исполненное чувствъ глубочайшаго негодованія, не можетъ болѣе терпѣть такихъ безобразій...

Возникшее подъ вліяніемъ европейской мысли прогрессивное движеніе началось въ Индіи болѣе семидесяти лѣтъ назадъ. Первымъ представителемъ его былъ браминъ Рамогунъ Рой (род. въ 1774 г.). Познакомившись еще въ ранней молодости съ языками арабскимъ и персидскимъ и изучивъ коранъ, онъ отвергъ нелѣпое браманское язычество во имя чистаго монотеизма мусульманъ. Аристотель, Эвклидъ, Птоломей, хотя и въ арабскихъ передѣлкахъ, дали дальнѣйшій толчокъ его умственному развитію. Шестнадцати лѣтъ онъ уже издалъ сочиненіе противъ идолопоклонства и кастъ. Отправившись въ Тибетъ для изученія буддизма и вернувшись вполнѣ разочарованнымъ въ этой религіи, Рамогунъ началъ изучать языки: еврейскій, латинскій, греческій и англійскій, чтобы познакомиться съ европейской наукой и съ развитіемъ христіанства. Въ 1814 г. онъ публично выступилъ въ Калькуттѣ въ качествѣ реформатора, окруженный многими сторонниками, изъ которыхъ Дварканатъ дѣлалъ громадныя пожертвованія на устройство больницъ, учебныхъ заведеній и развитіе туземной промышленности. Въ своихъ проповѣдяхъ, памфлетахъ и богослужебныхъ гимнахъ Рамогунъ пропагандировалъ чистый монотеизмъ, равенство всѣхъ людей и уничтоженіе кастъ. Ненависть браминовъ, муллъ и англійскихъ пасторовъ не устрашала его. Въ 1831 году Рамо-

гунъ отправился въ Англію. Весь Индустанъ ужаснулся отъ такого нарушенія закона браминомъ; вся Англія удивлялась его уму и образованности. Іеремія Бентамъ и другіе замѣчательные люди того времени сдѣлались его искренними поклонниками и друзьями. Въ своихъ показаніяхъ передъ парламентской комиссіей, въ своихъ докладныхъ запискахъ королю и парламенту Рамогунъ указывалъ на необходимость для Индіи коренныхъ реформъ, европейскаго образованія, свободы печати, улучшенія быта крестьянъ и т. д. Чрезмѣрные труды разрушили его здоровье и въ 1833 г. онъ умеръ, оставивъ множество послѣдователей. Изъ нихъ Дварканатъ также отправился въ 1843 году въ Англію, чтобы хлопотать объ европейскомъ образованіи своего народа. „Мы, говорилъ онъ,—имѣемъ теперь въ разныхъ городахъ Индіи пятнадцать школъ; я и мои друзья жертвовали для нихъ много денегъ; но толку все-таки мало: у нихъ нѣтъ порядочныхъ учебниковъ, нѣтъ хорошихъ учителей. Европа обязана помочь намъ. Если ежегодно тысячи полторы нашихъ молодыхъ браминовъ будутъ поступать въ ваши университеты, то Индія снова сдѣлается столь-же великою и цивилизованною, какою она была въ древности... Намъ необходимы свои чиновники, свое собственное законодательное собраніе, свой парламентъ“. Достиженію всего этого содѣйствуетъ англійское владычество. Англичане прекратили въ Индіи всѣ внутреннія, племенныя междоусобицы и обезопасили ее отъ внѣшнихъ враговъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я, говоритъ Дварканатъ,—частью собственнымъ наблюденіемъ, а частью изъ книгъ, познакомился съ разными странами европейскаго материка, я считаю поистинѣ счастливымъ, что нахожусь подъ владычествомъ Великобританіи. Мы пользуемся безусловной свободой печати; Индія имѣетъ теперь 40 газетъ, издающихся на туземныхъ языкахъ; въ дѣлахъ вѣры мы совершенно предоставлены самимъ себѣ. Долго еще мой народъ будетъ нуждаться въ руководствѣ Англіи,— по крайней мѣрѣ еще сто лѣтъ, пока онъ не будетъ въ со-

стоянiи управляться самъ собой и вступить равноправнымъ членомъ въ среду цивилизованныхъ націй“. Уже во времена Рамогунъ Роя и Дварканата браминскіе правовѣры потеряли преобладающее значеніе во всѣхъ большихъ городахъ Индіи, и съ каждымъ подростающимъ поколѣніемъ увеличивалось число людей европейски-цивилизованныхъ и свободомыслящихъ. Подобное-же движеніе и въ то-же самое время началось между богатыми и сравнительно образованными парсами Индіи. Банкиръ Джамседжи Джиджибгой истратилъ много милліоновъ на больницы, школы, на изданіе газетъ и книгъ, на распространеніе европейской цивилизаціи между племенами Индіи. Въ 1842 г. правительство сдѣлало его пэромъ Англіи, а парсы поднесли ему собранную по подпискѣ значительную сумму на изданіе переводовъ лучшихъ европейскихъ сочиненій. Джиджибгой, истратившій на подобныя предпріятія почти все свое громадное состояніе, прибавилъ къ этой суммѣ еще 30,000 ф. Раціональный деизмъ, вѣротерпимость, идея равенства и братства, признаніе науки главнымъ факторомъ народнаго развитія — вотъ главныя черты того умственно-религіознаго движенія индійскихъ парсовъ, однимъ изъ первыхъ представителей котораго былъ Джиджибгой. Это движеніе имѣетъ тотъ-же характеръ и направленіе, какъ и движеніе браманскихъ послѣдователей Рамогунъ Роя. Въ магометанствѣ, какъ мы уже видѣли, представляется подобное-же революціонное движеніе въ ученіи и пропагандѣ вагабитовъ. Но мусульмане вообще и вагабиты въ частности до сихъ поръ мало тронуты европейскимъ вліяніемъ, и вагабитизмъ, поэтому, не имѣетъ еще тѣхъ стремленій къ общечеловѣческой цивилизаціи, какія мы видимъ между индусами и парсами и какія неизбѣжно должны возникнуть въ мусульманствѣ при дальнѣйшемъ сближеніи магометанъ съ европейцами и съ образованными туземцами Индіи.

Умственное преобразованіе индійскаго общества вело за собой развитіе соціальной и политической жизни. Передъ во-

зобновленіемъ привилегій остъ-индской компаніи, въ 1852 и 1853 гг., англичане были сильно встревожены тою напряженною политическою дѣятельностью, какая обнаружилась между туземцами Индіи. Во всѣхъ значительныхъ городахъ возникли политическіе клубы, начались митинги, явились ораторы; множество новыхъ газетъ, брошюръ, памфлетовъ и изслѣдованій о положеніи индійскихъ дѣлъ наводнили страну; мѣстныя управленія и парламентъ были завалены петиціями индусовъ, парсовъ, мусульманъ, армянъ. Въ этомъ движеніи, въ этихъ митингахъ, этихъ петиціяхъ туземцы обнаруживали такую-же практическую опытность, умственное развитіе и политическія способности, какъ и сами англичане въ домашнихъ дѣлахъ. Они просили о реформѣ налоговъ и землевладѣнія, о мѣрахъ къ развитію туземной промышленности, объ основаніи школъ и университетовъ, о возобновленіи оросительныхъ сооруженій, павшихъ со времени магометанскаго владычества, о проведеніи дорогъ и каналовъ, о прекращеніи компанейскихъ монополій, о запрещеніи торговли опіемъ, о самоуправленіи. „До сихъ поръ, говорилось въ одной изъ этихъ петицій, — милліоны жителей Индіи страдаютъ подъ игомъ самой хищной олигархіи, которая давитъ ихъ налогами, презираетъ и дурно управляетъ ими,—олигархіи, которая, сложившись изъ самыхъ отвратительныхъ подонковъ общества, обладаетъ только въ самой ничтожной степени талантами, опытностью и честностью великой англійской націи“. Парламентъ удовлетворилъ только немногимъ просьбамъ. Привилегіи остъ-индской компаніи были возобновлены. Въ Калькуттѣ и другихъ городахъ начались многочисленныя сборища, шумные митинги, революціонныя рѣчи. Правительство обвиняли въ коварствѣ, въ преднамѣренной лжи, въ томъ, что даже лучшіе изъ англичанъ считаютъ необходимымъ управлять Индіей деспотически и эксплуатировать ее въ пользу Великобританіи. Волненіе охватило и крестьянъ, и туземныя войска, а въ 1857 году послѣдовалъ окончательный взрывъ.

Побѣда англичанъ надъ мятежемъ, усиливъ ненависть къ нимъ туземцевъ, убѣдила вожаковъ общественнаго мнѣнія въ томъ, что независимости можно достичь только посредствомъ цивилизаціи. Нѣкоторыя реформы, произведенныя правительствомъ, новыя учебныя заведенія, новыя тысячи европейски образованныхъ туземцевъ значительно подвинули съ тѣхъ поръ цивилизацію Индіи и еще больше усилили стремленіе къ независимости. Успѣхъ этого стремленія несомнѣненъ, но только тогда, когда Индустанъ сдѣлается вполнѣ цивилизованной страной. Въ этомъ убѣждены и англичане, и индусы. Двадцать лѣтъ назадъ лордъ Элленборо говорилъ въ парламентѣ о необходимости обратить серьезное вниманіе на новыя опасности, угрожающія англичанамъ въ Индіи. Эти опасности заключаются въ воспитаніи и образованіи туземцевъ. „Однажды я сказалъ Дварканату, говорилъ онъ,—что какъ скоро вполнѣ удадутся хлопоты тѣхъ господъ, которые стараются теперь о распространеніи цивилизаціи въ Индіи, то мы не процарствуемъ надъ ней и трехъ мѣсяцевъ“.—„Тогда вы не процарствуете надъ ней и трехъ недѣль“, возразилъ мнѣ Дварканатъ, мудрость и знанія котораго извѣстны всѣмъ. Возвышать туземцевъ на степень господствующаго народа противорѣчитъ всѣмъ государственнымъ разсчетамъ. Цивилизованный народъ не снесетъ нашего владычества“.

Но стремленіе къ цивилизаціи такъ уже укоренилось въ индійскомъ обществѣ, что благоразумные политики Англіи считаютъ необходимымъ постепенно уступать ему, чтобы на возможно долгое время продлить свою власть надъ Индіей... Ея будущая независимость болѣе и болѣе начинаетъ входить въ общее сознаніе вмѣстѣ съ идеей о возрожденіи Востока. Предполагаемый трупъ начинаетъ оживать, и старая теорія о старчествѣ и смерти народовъ получаетъ рѣшительный подрывъ. Японія становится цивилизованной страной, вводитъ у себя даже представительное правленіе. Китай начинаетъ ежегодно посылать въ Америку и Европу сотни мужчинъ и жен-

щинъ для образованія. Обѣ эти, до послѣдняго времени столь изолированныя, страны захватываются потокомъ всемірной цивилизаціи и заимствуютъ отъ христіанскихъ народовъ только ихъ умственную и общественную культуру... Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ Японія, Китай и Индустанъ сдѣлаются центрами общечеловѣческой цивилизаціи на Востокѣ...

ЭДМУНДЪ БЁРКЪ *).

I.

Въ ноябрѣ 1688 г. на берегъ Англіи высадился избранный парламентомъ новый король Вильгельмъ. Шабашъ реставраціи кончился, революція совершилась; въ темную декабрьскую ночь, среди густого тумана, Іаковъ II, послѣдній англійскій государь „божіею милостью", бѣжалъ изъ вайтгольскаго дворца и на маленькомъ рыбачьемъ суднѣ переправился во Францію.

Правительственная система, павшая вмѣстѣ съ Іаковомъ, была крайнимъ абсолютизмомъ, стремившимся искоренить всѣ древнеанглійскія вольности. Система эта гласила, что англійскіе короли пользуются своею властью „милостью божіею", что они даже получили эту власть посредствомъ законнаго унаслѣдованія по прямой линіи отъ Адама; что „Всевышній смотритъ на наслѣдственную неограниченную монархію съ особенною благосклонностью, какою не пользуется ни одна изъ остальныхъ формъ правленія; что право наслѣдства по порядку первородства есть божественное учрежденіе, предшествующее христіанству и даже моисееву закону, что никакая земная человѣческая власть, никакой законодательный парламентъ, никакая узурпація, хотя-бы она длилась десять столѣтій, не могутъ лишить законнаго монарха свыше данныхъ

*) English Premiers, by J. Ch. Earl, 2 volumes, 1871. — The Works of E. Burke, 2 vol. 1864. — Life of E. Burke, by J. Prior, 1867. — Четыре Георга, Тэккерея.—Маколэ.—Bancroft.

ему правъ; что власть его необходима и всегда абсолютна; что законы, которыми въ Англіи ограничивается прерогатива короны, есть ничто иное, какъ уступки, добровольно сдѣланныя монархомъ, и что онъ можетъ оставить или взять назадъ эти уступки во всякое время по своему благоусмотрѣнію; что парламентъ обязанъ своими правами одной только милости королевской; что всякій договоръ, заключаемый монархомъ съ подданными, есть только объявленіе его временной воли, а не контрактъ, связывающій навсегда обѣ стороны, не контрактъ, исполненія котораго можно требовать отъ короля во всякое время". Еще рельефнѣе выражаетъ эту доктрину одинъ изъ позднѣйшихъ абсолютистовъ Англіи. „Царствующій государь есть существо, вооруженное высшею физическою силою отъ руки и съ согласія Провидѣнія; въ силу этого качества, онъ хозяинъ нашей собственности, властелинъ нашей жизни, источникъ чести, податель закона, передъ которымъ каждый подданный долженъ слагать съ себя волю и дѣйствовать по его желанію, — который, когда заблуждается, то заблуждается какъ человѣкъ, а не какъ государь, и отвѣчаетъ за это не передъ человѣкомъ, а передъ Богомъ". Съ революціи и изгнанія Стюартовъ короли Англіи принуждены были отказаться отъ притязаній на божественное происхожденіе своей власти и сдѣлались государями „волею народа". Королевство изъ учрежденія божественнаго превратилось въ человѣческое, и власть, лишившись санкціи сверхъестественнаго права, должна была подчиниться законамъ. Революціонный принципъ, ограничивъ власть посредствомъ закона, въ томъ-же самомъ законѣ далъ полную гарантію жизни, свободы и собственности каждаго гражданина. „Бѣднѣйшій человѣкъ, говорилъ нѣкогда старшій Питтъ, — можетъ вооружить противъ себя всѣ силы природы; хижина его можетъ развалиться, ея кровля грозитъ паденіемъ, вѣтеръ можетъ дуть въ ея щели, надъ ней могутъ разыграться буря и непогода, — но она безопасна отъ короля Англіи; вся его власть

разбивается о порогъ хижины". Революція утвердила верховныя права парламента, право выборовъ и петицій для гражданъ, право свободы сужденій для представителей націи, она лишила короля возможности содержать постоянную армію, возвышать подати и объявлять войну безъ согласія парламента, предоставивъ послѣднему опредѣлять сумму королевскаго жалованья; она улучшила судъ, много послужила дѣлу вѣротерпимости и гарантировала всѣ эти вольности свободою слова — драгоцѣннѣйшимъ и самымъ благодѣтельнымъ правомъ англичанина. „Дайте министрамъ, говоритъ великій англійскій ораторъ,—деморализованную верхнюю палату, дайте имъ продажную палату общинъ, дайте имъ властолюбиваго и деспотическаго короля, дайте имъ пресмыкающійся дворъ, но оставьте намъ свободную печать,—и я вызываю ихъ хоть на волосъ нарушить вольности Англіи!" Революція нетолько обезпечила за страною свободу умственнаго развитія, но и сдѣлала очень много для популяризаціи знаній въ массѣ общества. Открывались школы, учреждались библіотеки, начали издаваться дешевыя народныя газеты и популярныя научныя сочиненія; народъ воспитывался для самоуправленія, а наука и литература Англіи поднялись до всемірнаго значенія.

Но при всемъ этомъ революція далеко не осуществила всей своей программы; она только положила основаніе англійской свободѣ и, предоставивъ будущимъ поколѣніямъ дальнѣйшее ея развитіе, оставила въ цѣлости множество такихъ законовъ и учрежденій, которые неминуемо должны были вступить въ отчаянную борьбу со свободой. Королевская власть при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ могла подвергнуть величайшей опасности все зданіе конституціи. Уже при преемницѣ Вильгельма, Аннѣ, королевскій абсолютизмъ началъ сильно угрожать англійской свободѣ. Но благодаря тому, что Анна была женщина крайне тупая, преданная пьянству и попала въ руки супруговъ Мальборо, стоявшихъ во главѣ вигской партіи,—гроза миновала. Послѣ ея смерти, къ величай-

шему счастью націи, англійскій престолъ впродолженіи почти пятидесяти лѣтъ былъ занятъ двумя ганноверскими нѣмцами, которые были рѣшительно неспособны подвергать опасности конституцію и только повременамъ выражали свою безсильную досаду на то, что „въ Англіи королями не короли, а министры“. Георгъ I не зналъ ни слова по-англійски, не имѣлъ понятія ни о нравахъ, ни о законахъ, ни о конституціи Англіи, которую онъ не любилъ и считалъ ниже Гановера. Окруженный постоянно нѣмцами, онъ проводилъ съ ними все время и поощрялъ ихъ какъ можно рачительнѣе наживаться англійскими деньгами, говоря: „на всѣхъ насъ хватитъ!“ Любовницы, придворные, повара, конюхи, даже вывезенные изъ Германіи два негра короля—всѣ грабили и наживались. Георгъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы англійскіе министры не были взяточниками, и вообще смотрѣлъ на власть, какъ на источникъ дохода. Отъ министровъ онъ требовалъ одного: чтобы они защищали на континентѣ его ганноверскіе интересы, а во всемъ остальномъ предоставлялъ имъ полную свободу дѣйствій. Георгъ II былъ не умнѣе, но гораздо забавнѣе своего папаши. При своей тупости, маленькомъ ростѣ, красной и пучеглазой физіономіи, онъ любилъ разыгрывать только двѣ роли — грознаго воина и ловкаго соблазнителя. Онъ наморщивалъ брови, кидалъ сердитые взгляды, изрыгалъ самыя страшныя ругательства, но все это возбуждало не страхъ, а только смѣхъ. По примѣру родителя, онъ окружалъ себя любовницами, выбирая не только глупыхъ, но даже физически уродливыхъ женщинъ. Онъ приходилъ въ бѣшенство при видѣ книгъ, болѣе всего любилъ заниматься пересчитываньемъ своихъ денегъ, презиралъ Англію и утверждалъ, что англійскіе повара не умѣютъ готовить, англійскіе кучера править, что англійскія лошади хуже нѣмецкихъ, что англійское дворянство хуже ганноверскаго, что въ Англіи вовсе не умѣютъ порядочно воспитывать дѣтей.

Англичане не любили первыхъ двухъ Георговъ и, благодаря

ихъ неспособности, постепенно привыкали смотрѣть на бездѣятельность королевской власти какъ на естественный порядокъ вещей. Въ обществѣ образовалось понятіе, что страной долженъ управлять не король, а министры, отвѣтственные передъ парламентомъ. Георгамъ особенно не благоволили всѣ сторонники стараго порядка, всѣ торіи, все духовенство, ненавидѣвшее ихъ за равнодушіе къ интересамъ англиканской церкви. Реакціонеры продолжали уповать на Стюартовъ и интриговать въ пользу ихъ реставраціи. Гановерская династія, поэтому, опиралась почти исключительно на прогрессивную партію виговъ, сорокапятилѣтнее управленіе которыхъ было очень благопріятно для англійскаго прогресса, а въ рукахъ великаго Питта-отца возвело Британію на небывалую степень могущества и славы. Но при всемъ томъ этотъ періодъ англійской исторіи былъ весьма опасенъ для народной свободы и для политическаго прогресса страны, вслѣдствіе того обстоятельства, что верховная власть, которой не могли удержать короли, перешла въ руки олигархіи. Революція не только не поколебала могущества англійской аристократіи, но даже до извѣстной степени возвысила послѣднюю въ глазахъ народа, такъ-какъ она много сдѣлала для національной свободы. Безъ содѣйствія бароновъ Англія не получила-бы въ средніе вѣка великой хартіи, а революція 1688 г. не могла быть успѣшною безъ помощи дворянства. Старшій Питтъ говорилъ однажды въ палатѣ лордовъ: „вашимъ предкамъ, милорды, англійскимъ баронамъ, обязаны мы нашими законами, обязаны мы тѣмъ, что у насъ господствуетъ законъ. Добродѣтели ихъ были грубы и неразвиты, но велики и искренни. Ихъ умъ, подобно нравамъ, не отличался утонченностью, но у нихъ было достаточно мужества, чтобы отличить право отъ безправія, достаточно ума, чтобы отличить истину отъ лжи. Они понимали права человѣка и мужественно стояли за нихъ. Они заставили королей признать права народа; они не думали объ однихъ себѣ, они заботились о благѣ всего народа“. Дѣйстви-

тельно, во время борьбы королей съ аристократіей, послѣдняя, желая привлечь на свою сторону народъ, обезпечивала за нимъ разныя права и вольности; но все-таки, въ концѣ концовъ, англійская конституція оказалась выгодною главнымъ образомъ дворянству и духовенству. Масса народа, постепенно доводимая до пролетаріата, не принимала никакого самостоятельнаго участія въ управленіи страной. Даже буржуазія не вполнѣ еще сравнялась въ политическихъ правахъ съ первыми двумя сословіями. Выборное право было привилегіей богатыхъ и знатныхъ и распредѣлялось съ чудовищною неравномѣрностью. Нѣкоторые изъ самыхъ важныхъ городовъ не имѣли представителей въ парламентѣ, а ничтожныя мѣстечки, зависимыя отъ лордовъ, имѣли ихъ даже не по одному каждое. Парламентъ былъ аристократической корпораціей, которая нерѣдко пыталась управлять страной такъ-же произвольно и деспотически, какъ и короли. Лорды и общины совершенно поглощали собою народъ. Не только верхняя палата, состоявшая изъ пэровъ, но и нижняя были наполнены аристократами. Свобода личности, слова и совѣсти была утверждена конституціей, высшая власть сдѣлалась отвѣтственною передъ парламентомъ, но парламентъ не сдѣлался отвѣтственнымъ передъ націей и съ возмутительнымъ цинизмомъ торговалъ своими верховными правами. Кандидаты покупали голоса у избирателей и за пенсіи, хлѣбныя должности для себя или своихъ родственниковъ, за чистыя деньги и обѣщанія высокой протекціи продавали свои голоса министрамъ, устраивая сплошь и рядомъ фальшивыя оппозиціонныя тревоги и тѣмъ поднимая цѣну платы за поддержку министерской политики. Система парламентскихъ подкуповъ вошла въ такое всеобщее употребленіе, что ею не гнушались даже лучшіе люди XVIII в. „Всѣ эти люди имѣютъ свою цѣну“, совершенно справедливо замѣтилъ однажды Р. Вальполь, указывая на членовъ парламента. Питтъ старшій, при всемъ своемъ личномъ отвращеніи къ этой торговлѣ, вынужденъ былъ смотрѣть на

нее сквозь пальцы, когда въ ней съ наглостью мелкаго лавочника упражнялся его товарищъ по министерству, герцогъ Ньюкэстль. Подкупъ, по выраженію Питта младшаго,—„росъ съ возрастаніемъ Англіи, усиливался съ ея усиленіемъ, только не уменьшался съ ея умаленіемъ, не слабѣлъ съ ея ослабленіемъ“. Къ подкупу прибѣгали не только такіе негодяи, какъ лордъ Бютъ, но и такіе друзья народа, какъ геніальный Фоксъ, бывшій однимъ изъ трехъ величайшихъ бойцовъ за англійскую свободу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже стоявшій выше и Питта старшаго, и Берка. Когда Фоксъ попалъ въ министерство, то его квартира превратилась въ настоящую биржу для покупки голосовъ. Одинъ за другимъ являлись къ нему въ кабинетъ члены палаты для секретныхъ переговоровъ, и каждый изъ нихъ уносилъ съ собою банковый билетъ самое меньшее въ 200 ф. ст. Въ одно только утро было уплачено такимъ образомъ продажнымъ представителямъ 25,000 ф. ст. Парламентъ вслѣдствіе этого былъ орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій, которыя постоянно боролись за власть и, овладѣвъ ею, посредствомъ парламента управляли и королемъ, и націей. Безконтрольное самовластіе парламента вполнѣ обезпечивалось тѣмъ, что его засѣданія были закрытыми и не печаталось подробныхъ отчетовъ объ его дѣятельности, такъ что избиратели не знали, за что и противъ чего вотируютъ уполномоченные ими представители. При этой олигархической анархіи, при этой остервенѣлой борьбѣ за право на добычу, доставляемую властью, люди группировались по партіямъ не столько на основаніи политическихъ принциповъ, сколько ради своихъ чисто-личныхъ и фамильныхъ разсчетовъ. Они хотѣли только повелѣвать и устраивать свои домашнія дѣлишки, и при Георгѣ I партіи перемѣшались до того, что виги превратились въ торіевъ, а торіи въ виговъ! Тѣ и другіе увѣряли, что они вѣрны политическимъ принципамъ своихъ предковъ, а между тѣмъ „виги, которыхъ Сидней презиралъ-бы, какъ рабовъ, вели смертельную борьбу съ торіями, которыхъ

Джефрисъ перевѣшалъ-бы, какъ республиканцевъ“ (Маколэ). При этомъ большинство представителей власти отличалось недалекостью и неспособностью. Графъ Кларендонъ, напр., назначенный Анной правителемъ американскихъ колоній, вообразилъ себѣ, что, будучи намѣстникомъ *королевы*, онъ долженъ непремѣнно ходить въ женскомъ платьѣ, и во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ являлся не иначе, какъ въ юбкѣ! Когда у герцога Ньюкэстля, перваго министра, побывалъ съ визитомъ алжирскій посланникъ, то замѣтилъ, что онъ болѣе „не удивляется преуспѣянію англійской націи, видя, что ею управляетъ совѣтъ сумасшедшихъ, — людей, которыхъ всѣ добрые мусульмане считаютъ вдохновленными свыше“. Лордъ Бютъ былъ также недалекъ, но его сотоварищъ по министерству, канцлеръ казначейства, Дэшвудъ, былъ до того неспособенъ, что, какъ говорили тогда, „сумма изъ пяти цифръ была для него непроницаемой тайной“. Вообще, говоритъ Маколэ,— можно привести длинный списокъ государственныхъ канцлеровъ, незнавшихъ принциповъ толкованія закона, первыхъ лордовъ адмиралтейства, непонимавшихъ основаній навигаціи, министровъ колоній, которые не могли перечесть ихъ названій, лордовъ казначейства, которые не знали разницы между фондированнымъ и нефондированнымъ долгомъ, и секретарей индійскаго совѣта, незнавшихъ навѣрное, были-ли мараты магометане или индусы“. Эти бездарные, невѣжественные олигархи съ толпами своихъ прихвостней думали главнымъ образомъ о наживѣ и съ прожорливостью акулы поглощали каждый попадавшійся имъ лакомый кусокъ. Даже Фоксъ, самъ великій Фоксъ былъ нечистъ на руку,—до того была развратительна общественная обстановка, среди которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Продавались должности свѣтскія и церковныя, продавались права и привилегіи, чиновники богатѣли посредствомъ казнокрадства и взяточничества, а парламентъ, который покупалъ голоса избирателей и продавалъ свои голоса вмѣстѣ съ совѣстью тѣмъ, которые платили до-

роже, доходилъ до того, что при Георгѣ III покупалъ у городскихъ общинъ благодарственные себѣ адресы по 500 ф. ст. за штуку и предлагалъ Лондону за такой адресъ 14,000 ф., но столица не согласилась. Огромныя суммы, получаемыя сильными міра изъ разнообразныхъ источниковъ, тратились ими на самыя грубыя удовольствія. Пьянство было ужасное. Случалось, что члены парламента, упившіеся до безчувствія, валялись по улицамъ. Большинство отправлялось въ парламентъ, уже заложивши за галстукъ. Фоксъ, по словамъ г-жи Дюдефанъ, „былъ постоянно подъ хмѣлькомъ". Законъ, опасаясь ввѣрять жизнь человѣка отобѣдавшимъ джентльменамъ, еще при Вильгельмѣ постановилъ, что военный судъ можетъ произносить смертные приговоры только съ 6 часовъ утра до 2 пополудни. Георгъ IV, будучи еще принцемъ, прославился, какъ первостепенный пьяница; шесть бутылокъ бордосскаго послѣ обѣда производили едва замѣтную перемѣну въ физіономіи его высочества. Циническіе скандалы, развратныя оргіи, ссоры и драки, и цѣлые потоки отборной брани наполняли пьяную жизнь англійскихъ джентльменовъ. Азартныя игры были главнымъ удовольствіемъ государственныхъ и свѣтскихъ людей. Фоксъ проигралъ около 1 ½ мил. руб. сер. Въ игорныхъ домахъ шулерничали даже пэры Англіи.

Деспотизмъ министровъ и парламента, не имѣя возможности разыграться въ полную свою волю надъ гражданами Англіи и членами государственной церкви, обрушивался всею своею тяжестью на иновѣрцевъ, Ирландію и колоніи. Вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, Вильгельмъ Оранскій не могъ утвердить въ Англіи полной свободы вѣроисповѣданій. Вплоть до 1828 г. продолжали дѣйствовать акты Test и Corporation, въ силу которыхъ лица, вступающія въ какую-либо правительственную должность, должны были торжественно присягать королю и пріобщаться по обряду англиканской церкви. Этотъ духъ нетерпимости съ особенною свирѣпостью неистовствовалъ въ Ирландіи, вся земля которой посредствомъ

конфискацій и другихъ подобныхъ насилій была захвачена англійской олигархіей, а несчастные ирландскіе католики были обязаны содержать у себя ненавистную имъ государственную церковь. Разоривъ въ XVII вѣкѣ всю Ирландію и упитавъ почву ея католическою кровью, англійское правительство отдало страну въ собственность и въ управленіе своей аристократіи, ограничило избирательныя права католиковъ, лишило ихъ возможности быть судьями, адвокатами, прокурорами, присяжными, отняло у нихъ право голоса даже въ приходскихъ дѣлахъ. Католикъ не могъ жениться на протестанткѣ, и священникъ, повѣнчавшій такой бракъ, подлежалъ смертной казни черезъ повѣшеніе. У католиковъ не было своихъ школъ; они не могли быть частными учителями подъ страхомъ ссылки и даже смерти; ребенокъ, отосланный для воспитанія заграницу, терялъ всѣ свои наслѣдственныя права, а его имущество дѣлилось между доносчикомъ и правительствомъ; ирландцамъ было запрещено употребленіе оружія; католическое богослуженіе стѣснено до крайности, а ирландская торговля совершенно подавлена законами, запрещавшими странѣ торговать съ кѣмъ-бы то ни было, кромѣ англичанъ. Свободные британцы были безчеловѣчными деспотами въ Ирландіи, но въ Индіи они были хищными звѣрями, и компанія англійскихъ торгашей свирѣпствовала въ этой обширной странѣ, какъ шайка самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. Управленіе Индустаномъ было основано на грабежѣ и разореніи народа ради обогащенія англійскихъ купцовъ и вельможъ, ради величія и славы Англіи.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на престолъ вступилъ Георгъ III, который для самыхъ требовательныхъ торіевъ могъ замѣнить собою Стюартовъ блаженной памяти. Это былъ уже не гановерецъ, а вполнѣ англичанинъ; онъ былъ поумнѣе, по крайней мѣрѣ похитрѣе, отца и дѣда, не развратничалъ, жилъ прилично, даже въ его фигурѣ, физіономіи и пріемахъ не было тѣхъ смѣшныхъ и отталкивающихъ

сторонъ, которыми отличались первые два короля ганноверской династіи. Его приверженность къ англиканской церкви привлекла на его сторону и духовенство, и всѣхъ вѣрныхъ чадъ его. „Немудрено поэтому, замѣчаетъ Маколэ, — что чувство преданности,—чувство, казавшееся столь-же несогласнымъ съ вѣкомъ, какъ вѣра въ колдуновъ или обычай пилигримства,—начало оживать съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ. Торіи въ особенности, привыкшіе къ поклоненію королямъ и давно мучившіеся отъ неимѣнія предмета для обожанія, были такъ-же довольны, какъ жрецы Аписа, когда этимъ послѣднимъ удавалось найти новое божество взамѣнъ того, которое умерло“. Вдобавокъ ко всему, старое божество торіевъ, претендентъ-Стюартъ, дѣйствительно умеръ въ Италіи, а его ничтожный сынъ спился съ круга и влачилъ свою жалкую жизнь по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Между Георгомъ и церковью образовался тѣснѣйшій оборонительный и наступательный союзъ. „Божественное и неотъемлемое право короля сдѣлалось любимымъ предметомъ разсужденій, при чемъ совершенно забыли о несовмѣстимости такого ученія съ отношеніями царствующаго короля къ парламенту“ (Campbell). „Слово прерогатива сдѣлалось самымъ моднымъ словомъ“, говоритъ Горасъ Вальполь. Воспитанный въ понятіяхъ абсолютизма, Георгъ мечталъ возстановить павшую королевскую власть и считалъ себя способнымъ на такое дѣло. Скорбный умомъ, онъ обладалъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое еще поддерживала въ немъ его мать со своимъ любовникомъ лордомъ Бютомъ, имѣвшимъ и во время своего министерства, и въ отставкѣ сильное ретроградное вліяніе на короля. Лозунгомъ новаго правительства были: прерогатива короны и уничтоженіе всеобщей подкупности. Но никогда подкупъ не имѣлъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ въ это царствованіе, которое торжественно заявляло о безкорыстіи представителей власти. Подкупалъ король, подкупалъ Бютъ, подкупали всѣ другіе министры, и пу-

темъ подкуповъ была составлена изъ продажныхъ сателлитовъ партія „друзей короля". Эти пресмыкающіеся политики, занимая прибыльныя и легкія должности, готовы были бороться съ кѣмъ угодно и противъ кого угодно за интересы короны, кормившей ихъ и защищавшей ихъ своимъ покровительствомъ. Они парализировали всякую дѣятельность министровъ, клонившуюся къ благу страны, и всѣми силами содѣйствовали каждой мѣрѣ, выгодной для усиленія королевской власти. Вдобавокъ ко всему и лордъ Бютъ, и его коронованная любовница, и друзья короля, и почти всѣ министры отличались такою-же бездарностью, какъ и самъ Георгъ, обладавшій какимъ-то идіотскимъ отвращеніемъ ко всему великому и прекрасному. Онъ не любилъ даже Шекспира и его драмамъ предпочиталъ пошлые фарсы и площадные фокусы, помирая со смѣха при видѣ того, напримѣръ, какъ паяцъ глоталъ морковь или сосиски. Геніальныхъ политиковъ своего времени, двухъ Питтовъ, Берка и Фокса онъ ненавидѣлъ, какъ только могла ненавидѣть его злая душа. Изъ людей даровитыхъ онъ однажды допустилъ въ министерство Питта, но и то потому только, что Питтъ измѣнилъ своему прежнему направленію. „При такихъ обстоятельствахъ, говоритъ Беркъ,— вопросъ уже былъ не въ томъ, кто-бы могъ лучше вести государственныя дѣла, но въ томъ, кто-бы могъ взяться вести ихъ хоть какимъ-нибудь образомъ. Люди даровитые и безкорыстные не хотѣли принимать мѣстъ, на которыхъ имъ не дозволяли ни слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, ни проявлять правоту своихъ чувствъ". Гибельное вліяніе двора отразилось и на парламентѣ. До Георга III верхняя палата была положительно выше нижней по образованности, либерализму и независимости своихъ членовъ. Георгъ, возведши въ пэрское званіе множество лицъ, отличавшихся только богатствомъ да усердіемъ къ трону, совершенно уронилъ верхнюю палату и сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ своихъ реакціонныхъ затѣй. Впрочемъ, это имѣло впослѣдствіи тотъ хорошій результатъ,

что первенствующее значеніе вполнѣ перешло отъ лордовъ къ палатѣ общинъ.

При такомъ составѣ правительства, при дворѣ продолжали держаться старинные варварскіе обычаи; даже первые министры преклоняли свои колѣна предъ королемъ и лобзали его десницу. Страной правилъ фаворитъ, постоянно получавшій изъ королевскаго кошелька подачки отъ 40,000 до 95,000 ф. ст. Правительство явно высказывало свое стремленіе къ абсолютизму и поддерживало самыя позорныя злоупотребленія. Георгъ III, напр., всѣми силами старался поддерживать торговлю неграми и предписывалъ губернаторамъ Америки „подъ опасеніемъ его сильнѣйшей немилости не соглашаться ни на какой законъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи воспрещающій или стѣсняющій ввозъ рабовъ“. Тотъ-же Георгъ со всей своей компаніей, будучи заклятымъ врагомъ всякихъ нововведеній, всякаго народнаго права, косо смотрѣлъ на свободную печать, ждалъ только случая, чтобы обуздать ее, и сильно хлопоталъ объ искорененіи гласности парламентскихъ засѣданій. „Въ высшей степени необходимо, писалъ онъ, — положить предѣлъ этому странному и противозаконному обыкновенію печатать пренія въ газетахъ. Не есть-ли палата лордовъ лучшее мѣсто для суда надъ этими *злодѣями?*“

Все это производило сильное впечатлѣніе на общество. Въ то время, какъ реакціонная партія употребляла всѣ усилія, чтобы повернуть страну назадъ, въ Англіи совершалось то великое умственное движеніе, которое, перейдя потомъ во Францію, осѣменило міръ идеями великаго возрожденія. Въ Англіи возникали воскресныя школы, библіотеки, дешевые политическіе журналы, клубы и общества преній о политикѣ, а въ 1769 г. состоялся первый политическій митингъ. Общественное мнѣніе было возбуждено. Въ общемъ ропотѣ, въ парламентской оппозиціи, въ клубныхъ рѣчахъ, въ шумныхъ демонстраціяхъ народа, сожигавшаго изображенія Бюта и проклинавшаго его,—оно требовало перемѣны правительства.

Министерство Бюта вышло въ отставку и замѣнилось министерствомъ Гренвиля, желавшаго, чтобы парламентъ могъ деспотически управлять королемъ и націей. Гренвиль былъ немногимъ лучше Бюта и началъ свою дѣятельность тѣмъ, что объявилъ войну печати. Членъ парламента и издатель „Сѣвернаго Британца“ Уильксъ за свои статьи о правительствѣ былъ незаконно подвергнутъ обыску и посаженъ въ Тоуэръ. Судъ оправдалъ его, но раболѣпная палата исключила его изъ своихъ членовъ, осудила и приказала сжечь его сочиненія чрезъ палача. Народъ не допустилъ этого, а Уильксъ бѣжалъ на-время во Францію. Началась многолѣтняя борьба между правительствомъ и обществомъ. Нѣсколько разъ палата исключала Уилькса, но его снова выбирали въ парламентъ; наконецъ, палата дошла до того, что вмѣсто Уилькса самовольно назначила его соперника. Поднялась буря. Весь Лондонъ находился почти въ открытомъ возстаніи противъ правительства и въ торжественной депутаціи представилъ королю совершенно революціонный адресъ, угрожая правительству судьбою Стюартовъ. „Позвольте, государь, замѣтить, говорилъ въ своей рѣчи королю лордъ-меръ,—что всякій, кто уже осмѣлился или впослѣдствіи осмѣлится посредствомъ коварныхъ совѣтовъ или внушеній отнять расположеніе в. в—ва у вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, есть врагъ лично в. в—ва и вашего семейства, нарушитель общественнаго мира и измѣнникъ нашей счастливой конституціи, учрежденной во время славной и необходимой революціи“. Въ то-же время начали одно за другимъ появляться зажигательныя „Письма Юніуса“, анонимный авторъ которыхъ почти открыто призывалъ народъ къ возстанію. „Вы, говорилось въ нихъ правительству по поводу Уилькса,—соединили противъ себя страну на защиту великаго конституціоннаго вопроса, отъ рѣшенія котораго безусловно зависитъ существованіе наше, какъ народа свободнаго... Мы не можемъ дальше обольщаться номинальными отличіями. Имя Стюартовъ само по себѣ только

презрительно, но ихъ принципы дѣлаются страшными, какъ скоро они облекаются верховною властью. Государь, подражающій имъ въ своихъ поступкахъ, долженъ быть предупрежденъ ихъ примѣромъ; гордясь основательностью своихъ правъ на корону, онъ долженъ, однако, помнить, что какъ она пріобрѣтена посредствомъ одной революціи, такъ можетъ быть потеряна посредствомъ другой". „Если искренняя и, могу сказать, сильная ревность къ общественному благу имѣетъ вѣсъ въ вашихъ глазахъ, говорилъ Юніусъ англійскому народу,—то я убѣждаю и заклинаю васъ не оставлять безъ рѣшительнаго и упорнаго сопротивленія ни одной нападки на ваше общественное устройство, какъ-бы она ни казалась вамъ незначительной. Одинъ примѣръ производитъ другой; они быстро накопляются и становятся закономъ; что вчера было фактомъ, сегодня дѣлается доктриной. Будьте увѣрены, что законы, защищающіе насъ и наши гражданскія права, происходятъ изъ конституціи и съ ней должны пасть или процвѣтать. Я не сомнѣваюсь, что вы единодушно будете желать свободныхъ выборовъ и настаивать на вашемъ исключительномъ правѣ избирать своихъ представителей... Внушите своимъ дѣтямъ, что свобода прессы есть оплотъ всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ англичанина и что право присяжнаго суда высказывать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ общій приговоръ о винѣ или невинности есть существенная часть вашего государственнаго устройства, которая не должна быть ограничиваема судьями и подвергаема сомнѣнію законодателями. Власть короля, лордовъ и общинъ вовсе не есть власть произвольная. Они повѣренные, а не собственники государства. Мы даемъ имъ это положеніе".

Письма Юніуса, начавшія появляться въ министерствованіе Гренвиля, не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Притязанія абсолютизма, борьба противъ печати, новые налоги, замышляемые правительствомъ,—все возбуждало страну и порождало оппозицію даже въ верхней палатѣ, въ которой

лордъ Чатамъ говорилъ: „нигдѣ, милорды, тираннія не бываетъ столь страшною, какъ тамъ, гдѣ она присвоена и приводится въ дѣйствіе множествомъ тирановъ. Это не конституція, милорды, потому что, какъ всѣ мы знаемъ, главное правило конституціи состоитъ въ томъ, что подданный не долженъ былъ управляемъ произволомъ какого-либо одного лица или корпораціи, но извѣстными законами, на которые онъ далъ свое согласіе". Въ довершеніе смутъ Гренвиль со своей обычной недальновидностью рѣшился обложить налогами Америку, исполняя между тѣмъ желаніе короля и аристократіи, которая имѣла въ виду посредствомъ американскихъ денегъ облегчить тяжесть налоговъ, падавшихъ на ея собственныя имущества. Въ Америкѣ это возбудило всеобщее волненіе, грозившее перейти въ войну противъ метрополіи,—войну, которой боялась вся англійская буржуазія, торговавшая съ колоніями. Въ попыткѣ министерства обложить налогами англійскихъ подданныхъ безъ согласія на то ихъ представителей либералы справедливо указывали нарушеніе основного принципа британской конституціи. „Обложеніе сборами, говорилъ Питтъ,—не принадлежитъ ни правительству, ни законодательной власти,—подати только добровольный даръ и уступка общинъ. Эта палата представляетъ общины Великобританіи,—слѣдовательно, когда мы въ ней даемъ и уступаемъ, то даемъ и уступаемъ нашу собственность; но можемъ-ли мы давать и уступать собственность общинъ Америки? Это явная нелѣпость".

Американцы не покорились закону о гербовой пошлинѣ и вслѣдъ за этимъ Гренвиль палъ. Министерство было поручено въ 1765 г. вигу Рокингему, хорошему знатоку лошадей, но плохому дѣльцу. Министерство Рокингема отмѣнило штемпельный налогъ съ Америки и пошлину съ сидроваго вина, возбуждавшую сильное неудовольствіе въ Англіи, объявило общую амнистію за американскіе безпорядки, запретило произвольные аресты и обыски, поощряло политическіе

митинги, изгнало изъ практики подкупъ, не покупало голосовъ, не продавало должностей и пользовалось довѣріемъ страны, хотя существовало всего одинъ годъ.

Душою этого министерства былъ частный секретарь лорда Рокингема, Эдмундъ Беркъ.

II.

Въ ряду великихъ умовъ XVIII вѣка Берку (род. въ 1730 году) принадлежитъ, безспорно, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Съ своей энциклопедической эрудиціей, съ своимъ всеобъемлющимъ талантомъ, онъ былъ рѣдкимъ явленіемъ даже въ свое время, столь богатое геніями. „Кругъ познаній, обнятыхъ его геніяльнымъ умомъ, былъ громаденъ. Его могучая любознательность обложила данью всю природу и собрала богатства со всѣхъ царствъ творенія и всѣхъ областей искуства“ (R. Hall). „Если-бы я, говорилъ однажды Фоксъ въ палатѣ общинъ,—положилъ съ одной стороны всѣ политическія знанія, какія я заимствовалъ изъ книгъ и пріобрѣлъ съ помощью науки, и все то, чему научило меня знакомство съ міромъ и мірскими дѣлами, а съ другой—сумму всѣхъ тѣхъ свѣденій, какія я извлекъ изъ поучительной бесѣды съ моимъ достопочтеннымъ другомъ, то я не могъ-бы рѣшить, которой изъ двухъ суммъ должно отдать предпочтеніе“. Юристы отзывались о Беркѣ, какъ о первостепенномъ философѣ-политикѣ; первые живописцы того времени считали его „лучшимъ знатокомъ въ картинахъ“; художники и эстетики преклонялись передъ нимъ, какъ передъ „однимъ изъ тѣхъ удивительно обширныхъ, вселенскихъ умовъ, которые способны обнять всѣ отрасли искуства, современнаго и древняго, національнаго и иностраннаго“; филологи говорили, что „чрезвычайно трудно найти человѣка, знающаго философію, исторію и происхожденіе языковъ или начала этимоло-

гическаго вывода лучше, чѣмъ Беркъ“; послѣ первой бесѣды съ Беркомъ основатель политической экономіи, Ад. Смитъ, сказалъ ему: „вы единственный человѣкъ, думающій объ этихъ предметахъ безъ предварительнаго сообщенія со мною точно такъ-же, какъ я“; онъ былъ хорошо знакомъ съ классическими и новыми литературами, съ естественными науками, даже съ практикой сельскаго хозяйства. По дару слова и богатству воображенія онъ былъ рѣшительно первымъ изъ ораторовъ и усовершенствовалъ свой талантъ краснорѣчія подъ руководствомъ лучшаго актера своего времени. Его жизнь была жизнью непрерывнаго труда, изученій, хлопотъ, несокрушимой энергіи и пылкой страсти, съ которыми онъ преслѣдовалъ всѣ свои цѣли. Лучшій собесѣдникъ, вѣжливый джентльменъ, одинъ изъ самыхъ добродушныхъ и гуманныхъ людей своего времени, Эдмундъ Беркъ при каждой несправедливости, лжи, интригѣ, наносившихъ вредъ общественнымъ интересамъ, исполнялся такого негодованія и начиналъ борьбу съ такою страстной энергіей, какъ-будто защищалъ свою собственную жизнь. Гуманное общественное чувство было въ этомъ человѣкѣ могучею страстью, которой онъ жертвовалъ всѣми своими личными интересами. „Я знаю, говорилъ онъ однажды въ парламентѣ,—я знаю карту Англіи не хуже, чѣмъ благородный лордъ или кто-нибудь другой, и знаю, что путь, которымъ я иду, не ведетъ къ возвышенію“.

Общественная дѣятельность Берка началась небольшимъ анонимнымъ сочиненіемъ объ „естественномъ обществѣ“, „Vindication of Natural Society“, 1754, которое на первыхъ порахъ всѣ приписывали лорду Болингброку. Но это была только чрезвычайно искусная пародія на Болингброка, въ которой Беркъ, съ болингброковскими пріемами и его слогомъ, старался довести до абсурда его идеи. Въ томъ-же году онъ издалъ „Философское изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ идей о возвышенномъ и прекрасномъ“, ставшее на ряду съ первостепенными философскими произведеніями. Сдѣлавшись

секретаремъ министра Рокингема, а потомъ членомъ парламента, Беркъ всецѣло отдался политической дѣятельности и бодро бился за свободу вплоть до французской революціи. Его дѣятельность имѣла громадное значеніе для многихъ поколѣній. Въ соціальномъ отношеніи онъ ничто иное, какъ либеральный буржуа, сынъ своего времени и своей коммерческой страны; но, какъ политикъ, онъ до сихъ поръ остается на той высотѣ, которой достигъ при жизни, благодаря своему могучему генію. Мы думаемъ, что въ обзорѣ его дѣятельности читатель найдетъ не мало поучительнаго для себя.

Въ 1765 г. Беркъ вступилъ членомъ въ нижнюю палату, гдѣ сразу-же обратилъ на себя всеобщее вниманіе и содѣйствовалъ проведенію тѣхъ мѣръ, которыми ознаменовалось управленіе Рокингема. Но уже въ 1766 г. Рокингемъ удалился и старшій Питтъ, сдѣлавшійся теперь лордомъ Чатамомъ, взялся составить министерство изъ самыхъ разнородныхъ и большею частью негодныхъ людей. „Онъ, говоритъ Беркъ,—сложилъ зданіе, грубо отдѣланное и причудливо сложенное; здѣсь кусокъ чернаго камня, а подлѣ кусокъ бѣлаго; патріоты и царедворцы, друзья короля и республиканцы, виги и торіи, коварные друзья и открытые враги; на все это очень любопытно посмотрѣть, но въ высшей степени не безопасно прикасаться къ этому произведенію или вставать на него“. Дѣйствительно, лордъ Чатамъ ничего не могъ сдѣлать путнаго со своими министрами, впалъ въ тяжкую душевную болѣзнь, перессорился со всѣми своими товарищами и надолго удалился отъ дѣлъ, хотя и продолжалъ все-таки числиться первымъ министромъ. „Не было ни одного принципа внѣшней, внутренней и колоніяльной политики, дорогого сердцу Чатама, говоритъ Маколэ, — котораго-бы втеченіи того времени, когда его духъ находился въ затмѣніи, не нарушило министерство имъ-же образованное“.

Въ то время, какъ слава Питта падала все ниже и ниже, на политическомъ горизонтѣ поднималось быстро новое свѣ-

тило. Въ 1769 г. Беркъ издалъ разборъ гнусной книги о „Состояніи народа“, написанной ради прославленія гренвилевскаго министерства. Рядомъ цифръ и фактическихъ доказательствъ, обнаружившихъ въ немъ самое скрупулезное знаніе дѣлъ, онъ разбилъ Гренвиля въ пухъ и прахъ. Въ слѣдующемъ, 1770 г., онъ издалъ одно изъ лучшихъ своихъ сочиненій—„Мысль о причинахъ нынѣшнихъ недовольствъ“.

„Всѣ согласны, говоритъ Беркъ,—что правительство въ одно и то-же время подвергается и презрѣнію, и угрозамъ; что законовъ вовсе не уважаютъ и не боятся; что ихъ бездѣйствіе служитъ предметомъ насмѣшекъ, а ихъ выполненіе возбуждаетъ омерзѣніе; что наши внѣшнія дѣла такъ-же разстроены, какъ и внутреннія; что зависящія отъ насъ земли потеряли привязанность къ намъ и вышли изъ повиновенія; что мы не знаемъ, ни какъ удержать ихъ за собой, ни какъ привести въ покорность; что рознь и хаосъ въ управленіи, въ партіяхъ, въ семействахъ, въ парламентѣ, въ цѣломъ народѣ далеко превосходятъ собою безпорядки всѣхъ прежнихъ временъ. И такое положеніе вещей тѣмъ болѣе замѣчательно, что нація не подверглась никакимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ, ни чумѣ, ни голоду, ни утѣснительнымъ налогамъ, ни безуспѣшной войнѣ“. Сторонники правительства старались доказать, что причины всѣхъ этихъ безпорядковъ заключаются не въ законахъ, не во властяхъ, а въ томъ, что самъ народъ, „сдѣлавшись гордымъ, грубымъ и необузданнымъ“, началъ потрясать всѣ основы государственной жизни. „Я, отвѣчаетъ на это Беркъ,—я не изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что народъ никогда не дѣлаетъ несправедливостей: онъ дѣлалъ ихъ такъ часто и такъ неистово, какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ нашей. Но я говорю, что во всѣхъ распряхъ между нимъ и его правителями предпочтеніе должно быть дано народу. Когда народное недовольство достигаетъ большой силы, то вполнѣ основательно можно утверждать и доказать, что есть какое-нибудь зло или въ самой конститу-

ціи, или въ поведеніи правительства. Народъ не имѣетъ никакого интереса въ безпорядкахъ. Если онъ поступаетъ несправедливо, то это его заблужденіе, а не преступленіе. Но далеко не такъ должно смотрѣть на дѣйствія представителей власти; намѣренно-ли, по ошибкѣ-ли, они, во всякомъ случаѣ, производятъ зло. „Революціи, совершающіяся въ большихъ государствахъ, порождаются не случаемъ и не капризомъ народовъ. Народъ возстаетъ вовсе не по желанію бунтовать, но вслѣдствіе невыносимыхъ страданій". Таковы слова великаго мужа (Сюлли), министра, ревностнаго защитника монархіи. Они относятся къ системѣ фаворитизма, принятой Генрихомъ III французскимъ, и къ ужаснымъ ея послѣдствіямъ. То, что говоритъ онъ о революціяхъ, вполнѣ относится и ко всякой большой тревогѣ".

„Со времени революціи не было слышно ни одного голоса противъ существованія парламента; для двора удобно имѣть что-нибудь, что стоитъ между министрами и народомъ; народъ крѣпко держится за необходимость своего представительства и палата общинъ сама стремится къ тому, чтобы имѣть какъ можно больше власти, потому что, чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ дороже могутъ стоить ея голоса". Но одного существованія парламента недостаточно для свободы. „Власть короны, убитая и разрушенная какъ прерогатива, поднялась снова—менѣе ненавидимая, но съ большею твердостью—подъ именемъ вліянія,—вліянія, которое въ тиши дѣлаетъ свое дѣло безъ шуму и безъ насилія и превращаетъ, однако, величайшихъ противниковъ власти въ ея произвольное орудіе, одинаково пользуясь для своихъ корыстныхъ цѣлей счастіемъ и несчастіемъ страны. И это вліяніе короны со дня-на-день дѣлается опаснѣе. Фридрихъ, принцъ валлійскій, впервые сковалъ эти планы, а сынъ его, Георгъ, все смѣлѣе и смѣлѣе выполняетъ ихъ. Главное средство состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить сословія другъ отъ друга; вельможъ и богатыхъ

стращаютъ пугаломъ правленія черни, а народъ возбуждаютъ указаніями на аристократическую тираннію.

„Корона имѣетъ явное намѣреніе усилить себя на счетъ государственной власти. Приверженцы этой вредной новой системы называютъ себя *друзьями короля*, какъ-будто всѣ прочіе подданные враги его... И не забавно-ли, что *друзья короля* имѣютъ на это названіе не болѣе права, чѣмъ какой-нибудь помѣщикъ, проживающій въ Кумберлендѣ или Корнуэлѣ. Государь видитъ ихъ только тогда, когда они лобзаютъ его руку за должности, пенсіи и подарки, которые они выманиваютъ отъ его благосклонности“. Занимая второстепенныя, но прибыльныя и вліятельныя должности, они образуютъ изъ себя тайное, безотвѣтственное правительство и заправляютъ всей администраціей, существующей для вида. „Система, которая проводитъ столь рѣзкое раздѣленіе между тайнымъ управленіемъ друзей короля и явнымъ управленіемъ министерства, называется обыкновенно *двойнымъ кабинетомъ*... Вотъ главная причина настоящаго народнаго движенія... Вотъ источникъ всѣхъ тѣхъ горькихъ водъ, которыя изъ сотенъ разнообразныхъ каналовъ мы пили до тѣхъ поръ, что готовы лопнуть. Корона создала систему, которая, не нарушая прямо буквы закона, противодѣйствуетъ духу цѣлой конституціи. Парламентъ обязанъ устранить это зло. Народъ свободнаго государства, такъ старательно заботящійся о томъ, чтобы его законы исходили изъ общаго согласія всѣхъ, не можетъ быть такъ безуменъ, чтобы поручать исполненіе этихъ законовъ людямъ неотвѣтственнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, до послѣдняго времени первой заботой парламента всегда было то, чтобы не давать правительству пособій до тѣхъ поръ, пока власть не поступитъ въ руки министерства, которое пользуется довѣріемъ парламента и народа. Потому что важнѣйшая часть нашей конституціи есть именно та, что народъ, имѣющій черезъ своихъ депутатовъ и лордовъ законодательную власть, подчиняется надзору посредствомъ отрицательнаго права ко-

роля, а король, имѣющій право выбора и назначенія лицъ исполнительной власти, подчиняется надзору посредствомъ отрицательнаго права народа, т. е. посредствомъ отказа въ парламентскихъ пособіяхъ. Если взаимный этотъ надзоръ прекращается, то вся конституція погибла"... Въ частности, „палата общинъ представляетъ собою *контроль*, выходящій непосредственно изъ народа... Сила, духъ и сущность ея состоятъ въ томъ, что она служитъ выраженіемъ чувствъ націи. Она установлена не для контроля *надъ* народомъ, какъ недавно проповѣдывала это доктрина, отличающаяся самыми вредными тенденціями. Она должна быть контролемъ *отъ* народа. Палата общинъ никогда не имѣла назначенія поддерживать спокойствіе и покорность. Слѣдить бодрымъ и ревнивымъ взоромъ за исполнительною и судебною властью; ревностно заботиться объ общественной казнѣ, быть вполнѣ доступною и внимательною къ желаніямъ народа,—таковы ея дѣйствительныя обязанности. Но палата общинъ, подносящая адресы, и нація, подающая прошенія; палата общинъ, преисполненная довѣрія, между тѣмъ какъ народъ погруженъ въ отчаяніе; палата общинъ, идущая рука-объ-руку съ министрами, на которыхъ народъ смотритъ съ крайнимъ отвращеніемъ; палата, вотирующая благодарность въ то время, какъ общественное мнѣніе требуетъ преданія суду; палата, которая во всѣхъ распряхъ между народомъ и правительствомъ предпочитаетъ дѣйствовать противъ народа, которая наказываетъ народъ за всѣ безпорядки, но отказывается изслѣдовать то, что возбуждало ихъ,—это неестественное, чудовищное состояніе дѣлъ при нашей конституціи. Подобное собраніе можетъ быть великимъ, мудрымъ, почтеннымъ сенатомъ, ни никоимъ образомъ не можетъ быть палатою общинъ, служащею народному дѣлу.

Подобное превращеніе парламента изъ контроля *отъ* народа въ контроль *надъ* народомъ совершенно извратило назначеніе парламента. „Испорченъ бываетъ и отступаетъ отъ сво-

его назначенія всякій парламентъ—во-первыхъ, когда онъ поддерживаетъ безразлично всѣхъ министровъ, потому что этимъ онъ уничтожаетъ свою цѣль контроля; а во-вторыхъ, когда онъ противится свободнымъ выборамъ, потому что этимъ онъ подкапываетъ свободное полномочіе, которое даетъ палатѣ общинъ ея существованіе. Въ послѣднее время парламентъ не разъ совершалъ обѣ эти ошибки. Не только каждый министръ, кто-бы онъ ни былъ, съ увѣренностью распоряжается большинствомъ для всѣхъ своихъ мѣръ, но въ послѣднемъ засѣданіи друзья короля сдѣлали наглую попытку измѣнить даже самое избирательное право. Палатѣ общинъ хотѣли сообщить власть и право исключать по собственному произволу извѣстныя сословія и лица, которыя-бы ей не понравились, и принимать вмѣсто нихъ другія, которыя не были-бы избраны ни посредствомъ большинства, ни посредствомъ какого-нибудь признаннаго закона. Уильксъ обнаружилъ сильную оппозицію придворной интригѣ и сдѣлался предметомъ ненависти двора и всеобщей любви народа. Ожесточенное преслѣдованіе его придворной партіей и упорное покровительство ему народа тотчасъ сдѣлались не вопросомъ объ одномъ человѣкѣ, но состязаніемъ двухъ партій. Придворная интрига хотѣла создать прецедентъ, доказывающій, что *расположеніе народа не даетъ даже народнымъ любимцамъ и уполномоченнымъ такой вѣрной опоры, какъ расположеніе двора.* Упорное сопротивленіе каждому незаконному дѣйствію власти; духъ независимости, доходящій до нѣкоторой степени энтузіазма; пытливое расположеніе къ изслѣдованію и смѣлое желаніе къ разоблаченію каждаго безобразія и каждой ошибки правительства,—таковы качества, требуемыя отъ лица, избираемаго въ палату общинъ при дѣйствительно народныхъ выборахъ; равнодушный и пассивный характеръ, наклонность хорошо думать обо всѣхъ дѣйствіяхъ представителей власти и жить съ ними во взаимной пріязни, расположенность къ тому, чтобы скорѣе благопріятствовать каждому усиленію власти, чѣмъ

какой-бы то ни было вольности народа,—таковы качества, неблагопріятныя для кандидата въ члены парламента... Но палата общинъ допустила не только измѣненіе, а даже совершенное извращеніе этого принципа. Въ то время, какъ всѣ проступки, совершенные ради усиленія власти, были смягчаемы и, наконецъ, прощаемы, всѣ сильныя проявленія свободнаго духа, имѣвшія цѣлью или пріобрѣтеніе любви народа, или-же защиту народныхъ правъ и привилегій, наказывались не только со всею буквальною строгостью закона, но и произвольно-административнымъ порядкомъ. Популярность сдѣлалась если и не прямо уголовно наказуемою, то и, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени опасною. Расположеніе народа можетъ даже лишить права быть его представителемъ! Оппозиція власти затворила двери палаты общинъ одному человѣку, угодничество-же и раболѣпіе никому!.. Конечно, никто изъ живущихъ теперь людей не вѣритъ, чтобы Уильксъ былъ наказанъ за безнравственность своихъ сочиненій *), — эта безнравственность была только предлогомъ, чтобы отнять у народа единственнаго любимца его, виновнаго въ благородныхъ стремленіяхъ, хотя и омрачаемыхъ пороками, въ непоколебимой твердости, въ рѣшительномъ, неутомимомъ и упорномъ сопротивленіи деспотизму“.

Вопросъ, возбужденный дѣломъ Уилькса, касается всего народа; это вопросъ о томъ, „долженъ-ли быть запятнанъ человѣкъ, осмѣлившійся оспаривать существующую власть, и въ состояніи-ли народъ защищать отъ подобной несправедливости друзей и поборниковъ своихъ правъ и вольностей? Народъ, оставляющій эту власть, оставляетъ самого себя. Гдѣ-же потомъ найдетъ онъ защитниковъ своей свободы? Всѣ чины парламента, стоящіе на сторонѣ двора, утопаютъ въ богатствѣ и

---

*) Предлогомъ къ осужденію Уилькса и къ сожженію его сочиненій было его скандалезное стихотвореніе о женщинѣ, котораго онъ даже не распространялъ въ публикѣ.

пышности, имѣютъ много случаевъ пріобрѣсти себѣ расположеніе и приверженцевъ въ народѣ, посредствомъ раздачи денегъ и разнаго рода покровительствъ. Члены-же оппозиціи находятся совершенно въ другомъ положеніи. Такимъ образомъ, если народъ не можетъ облегчить ихъ тяжелыхъ обязанностей и предохранить ихъ отъ безпрестанныхъ заботъ и оскорбленій, то эти обязанности становятся дѣломъ невыполнимымъ. И что сдѣлается, наконецъ, при такихъ обстоятельствахъ изъ самаго парламента? Можетъ-ли палата общинъ быть контролемъ для другихъ вѣтвей управленія, когда она сама не контролируется своими избирателями и когда права этихъ избирателей могутъ быть уничтожены или нарушены самой палатой? Если сама палата вмѣшивается въ избирательное право, то она уже не исходитъ больше изъ народа, а стоитъ надъ нимъ и составляетъ свободную, совершенно независимую власть.

„Эти ужасные безпорядки должны быть остановлены, если парламенту и конституціи не суждено сдѣлаться чистымъ вздоромъ и мишурой. Какъ самое удобное средство для этого предлагаютъ по большей части сократить продолжительность парламента и удалить изъ него всѣхъ государственныхъ чиновниковъ или, по крайней мѣрѣ, большую часть ихъ. Я, съ своей стороны, мало довѣряю и трехлѣтнему сроку парламента, и биллю противъ государственныхъ чиновниковъ. Главнымъ дѣломъ и необходимѣйшимъ основаніемъ для каждаго проекта улучшенія остается возстановленіе свободнаго избирательнаго права и, послѣ этого возстановленія выборовъ, постоянное и внимательное наблюденіе народа за поведеніемъ отдѣльныхъ членовъ парламента. Подача ихъ голосовъ должна быть объявляема публично. Если посредствомъ этого народъ дѣйствительно заявитъ себя основою и главой парламента, то парламентъ самъ собою возвратится къ своему естественному назначенію. Онъ отброситъ отъ себя всю ложную мишуру незаконной власти, какъ клеймо рабства, онъ не

потерпитъ, чтобы правительственная власть поручалась людямъ непользующимся довѣріемъ народа и общественнаго мнѣнія; вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ правительства, онъ снова сдѣлается его контролемъ. И этимъ снова возстановится правильное отношеніе, состоящее въ томъ, что министерство отвѣтственно передъ палатой общинъ, а палата общинъ передъ народомъ".

Но для достиженія этого необходимо парализировать тѣ вредные результаты, которые произвела во всемъ народѣ коварная политика друзей короля. Эта разрушительная система постаралась разстроить всѣ честные, почтенные и полезные союзы въ королевствѣ. Эта интрига съ большимъ успѣхомъ пропагандировала доктрину, приписывающую имъ характеръ измѣны. Доктрина гласитъ, что всѣ политическіе союзы по самой природѣ своей имѣютъ цѣлью возмущеніе, а поэтому должны быть разсѣеваемы и разрушаемы. Такое рѣшеніе было торжественно заявлено главою придворной партіи, самимъ графомъ Бютомъ, въ рѣчи его въ 1766 г. Нисколько не удивительно, что подобныя личности дѣлаютъ подобныя заявленія. Что союзъ и возмущеніе термины равнозначущіе, это всегда заботливо проповѣдывали всѣ неконституціонные государственные люди. Дѣйствительно, если люди соединяются, то они легко и скоро сообщаютъ другъ другу тревожное настроеніе при видѣ каждаго худого намѣренія. Они могутъ изслѣдовать его въ общемъ совѣтѣ и воспротивиться ему соединенною силою. Но когда они раздѣлены, не имѣютъ согласія, порядка или дисциплины, сообщеніе между ними невѣрное, совѣтъ труденъ, а сопротивленіе неосуществимо". Поэтому необходимо, чтобы въ самомъ народѣ организовалась правильная оппозиція произволу. „Когда дурные интриганы соединяются между собой, то и хорошіе также должны ассоціироваться, въ противномъ случаѣ они, одинъ за однимъ, падутъ никѣмъ неоплаканною жертвою безславной борьбы"... Самъ народъ долженъ вступиться въ дѣло; въ противномъ-же слу-

чаѣ „современное положеніе вещей будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до неистовой междоусобицы или все не погрузится въ мертвый покой деспотизма“.

Таково существенное содержаніе книги, которая до настоящаго времени служитъ обязательною программою для каждаго истаго вига. Въ ней, какъ и во всѣхъ своихъ другихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ, Беркъ является преимущественно практикомъ, который, пользуясь данными условіями жизни, старается сдѣлать все возможное ради пользы народа. Онъ слѣдуетъ не отвлеченнымъ выводамъ философіи, не принципамъ права, а мнѣніямъ и желаніямъ народа. „Мудрость гражданская или политическая, говоритъ онъ, — не можетъ быть очерчена никакими неизмѣнными чертами. Сущность ея не подлежитъ точному опредѣленію. Политика должна примѣняться не къ человѣческимъ умствованіямъ, а къ человѣческой природѣ. Народу стоитъ только высказать свои потребности въ общемъ и обширномъ смыслѣ, а мы—опытные художники или искусные рабочіе, обязанные придать этимъ желаніямъ совершенную форму и приспособить орудіе къ надлежащему употребленію. Народъ — это больной, высказывающій симптомы болѣзни, а мы узнаемъ, въ какомъ именно мѣстѣ находится недугъ, и умѣемъ лечить его сообразно съ правилами науки. Какъ ужасно было-бы, если-бы мы стали обращать свое искуство на зловредныя и рабскія ухищренія, съ тѣмъ, чтобы уклониться отъ нашей обязанности и обманомъ лишить тѣхъ, чьи интересы мы должны оберегать,—лишить предмета ихъ справедливыхъ ожиданій“. „Слѣдовать общественному настроенію, а не насиловать его, давать направленіе, образъ, техническую форму и особую санкцію преобладающимъ воззрѣніямъ общества—таково истинное назначеніе законодательной власти“. Беркъ такъ крѣпко держался этого принципа, что въ 1772 г., по поводу одного билля о вывозѣ хлѣба, онъ сказалъ: „Въ настоящемъ случаѣ я полагаю пропустить этотъ билль, не потому, чтобы я одобрялъ

такую мѣру саму по себѣ, но потому, что я считаю полезнымъ уступить духу времени. Народъ желаетъ этой мѣры и представители его не должны ему въ томъ отказывать. Впрочемъ, я не могу не высказать моего протеста противъ общихъ политическихъ началъ, на которыхъ билль основанъ, потому что я считаю ихъ весьма опасными". Поэтому одною изъ главныхъ заботъ Берка было доставить народу полную возможность свободно развивать и свободно высказывать свои мысли и чувства. Онъ уже въ самомъ началѣ своей парламентской дѣятельности заявилъ себя сторонникомъ полной свободы слова и въ рѣчи о преслѣдованіи пасквилей говорилъ палатѣ: „Я не понимаю тѣхъ, которые возстаютъ противъ всякаго нарушенія общественнаго спокойствія; я желаю, чтобы вездѣ слышался крикъ, гдѣ существуетъ злоупотребленіе. Пожарный набатъ въ полночь прерываетъ вашъ сонъ, но предохраняетъ васъ отъ опасности сгорѣть въ постели. Судебные процессы по дѣламъ о воровствѣ нарушаютъ спокойствіе графства, но служатъ къ охраненію собственности во всей провинціи.

При дальнѣйшимъ обзорѣ берковской дѣятельности мы будемъ имѣть много случаевъ поближе познакомиться съ его общими воззрѣніями на политику и парламентскую реформу, а теперь перейдемъ къ его участію въ американскомъ вопросѣ.

III.

„Отмѣна гербовой пошлины научила-ли американцевъ повиновенію? Наша снисходительность внушила-ли имъ чувство умѣренности? Въ то время, какъ они отвергаютъ нашу законную власть облагать ихъ пошлиною, должно-ли согласиться на ихъ незаконное притязаніе и отмѣною закона отказаться отъ этой власти? Нѣтъ, приличнѣе всего пользоваться пра-

вомъ обложенія пошлиною именно въ то время, когда его отвергаютъ. Отсрочивать—значитъ уступать, и если не поддержать власти метрополіи теперь, то она въ сущности будетъ навсегда потеряна. О совершенной отмѣнѣ нельзя думать до тѣхъ поръ, *пока Америка не упадетъ къ ногамъ нашимъ*".

Такова была программа лорда Норта, ставшаго во главѣ министерства въ 1770 г. Онъ, будучи сторонникомъ абсолютизма, рѣшился удержать незначительную пошлину на чай, чтобы только укрѣпить верховное право короля надъ его непокорными подданными и право метрополіи надъ колоніями. Георгъ III, злѣйшій врагъ американцевъ, хотѣлъ во что-бы то ни стало выбить изъ нихъ бунтовскій духъ и тѣмъ дать поучительный урокъ для своихъ подданныхъ въ Англіи. Его дружно поддерживали въ этомъ намѣреніи всѣ враги свободы, всѣ королевскіе друзья, всѣ торіи, все англиканское духовенство. „Торіи, писалъ Беркъ Фоксу въ 1777 г.,—торіи вообще полагаютъ, что все ихъ могущество и значеніе зависитъ отъ успѣха въ этомъ американскомъ дѣлѣ. Духовенство съ удивительнымъ жаромъ предается ему, а какую силу имѣютъ торіи, когда они дѣйствуютъ въ полномъ составѣ и заодно съ естественною главою своею, королевскою властью, и еще возбуждаются духовенствомъ,—это никто не можетъ знать лучше васъ". Попытка подчинить американцевъ закону о налогахъ вызвала сопротивленіе во всей Америкѣ. Колоніи возстали противъ тиранніи и въ 1774 г. началась война, въ которой войска Англіи терпѣли пораженія и покрывались позоромъ. „Британія, писалъ Франклинъ,—убила 150 янки въ эту кампанію и истратила на это 3,000,000 фунтовъ, т. е. по 20,000 ф. на голову. Въ то-же самое время въ Америкѣ родилось 60,000 дѣтей,—разсчитайте-же, сколько понадобится времени и денегъ, чтобы убить насъ всѣхъ!" Англія покупала за большія цѣны подданныхъ герцога Брауншвейгскаго, ландграфа и принца гес-

сенъ-кассельскихъ и посылала ихъ истреблять американцевъ, а въ смѣтѣ расходовъ на войну, представленной правительствомъ парламенту, была статья на пріобрѣтеніе „пяти гроссовъ ножей для скальпированія". Но всѣ усилія покорить колоніи были безуспѣшны и въ самой Англіи дѣло американцевъ находило многихъ защитниковъ. Вслѣдствіе американскихъ волненій, Ливерпуль, Бристоль, Лидсъ, Манчестеръ почти разорились; ихъ фабриканты обанкротились, а рабочіе остались безъ работы и безъ куска хлѣба. Англійскіе купцы имѣли на американцахъ 4,000,000 ф. долга, а война стоила Англіи громадныхъ суммъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ буржуазія была рѣшительно противъ политики правительства и требовала примиренія съ Америкой. Къ тому-же стремилась и оппозиція въ парламентѣ, руководимая Питтомъ старшимъ, Беркомъ и Фоксомъ. Всѣ честные друзья свободы стояли за дѣло колоній, понимая, что американская война должна рѣшить участь обѣихъ странъ, что побѣда королевской партіи въ колоніяхъ неизбѣжно поведетъ за собой побѣду ея надъ конституціей во всей Англіи. Поэтому-то Фоксъ вмѣстѣ со многими другими желалъ, чтобы побѣда осталась за американцами. Поэтому-то Питтъ старшій радовался, что Америка успѣшно борется съ Англіей. „Я очень радъ, что Америка устояла, говорилъ онъ;—три милліона людей, настолько заглушившихъ въ себѣ чувство свободы, чтобы добровольно сносить рабство, могли-бы сдѣлаться пригоднымъ орудіемъ для обращенія въ рабство и остальныхъ. Духъ нынѣшняго возмущенія въ Америкѣ противъ вашихъ налоговъ есть тотъ-же самый, который въ Англіи противился корабельной подати, это тотъ самый духъ, который тогда поднялъ на ноги всю Англію и биллемъ о правахъ пересоздалъ конституцію. Этотъ славный духъ виговъ одушевляетъ въ Америкѣ три милліона людей, предпочитающихъ бѣдность со свободою раззолоченнымъ цѣпямъ и позорному богатству; защищая свои права, они умрутъ какъ люди и притомъ какъ люди свобод-

ные. Какъ англичанинъ по рожденію и принципамъ, я признаю за американцами верховное и неотчуждаемое право на ихъ собственность, а этимъ правомъ оправдывается защита ихъ до послѣдней крайности". Питтъ доказывалъ, что война не можетъ быть успѣшна, а способъ веденія ея покрываетъ Англію позоромъ. „Милорды, вы не можете завоевать Америку; мы будемъ принуждены, наконецъ, отказаться отъ нея; откажемся-же теперь, когда мы можемъ сдѣлать это безъ принужденія. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ непремѣнно уничтожить насильственныя и стѣснительныя постановленія; они должны быть отмѣнены, вы отмѣните ихъ, я ручаюсь въ этомъ моею честью; вы принуждены будете, наконецъ, отмѣнить ихъ, ручаюсь въ этомъ моимъ добрымъ именемъ; пусть считаютъ меня идіотомъ, если въ концѣ концовъ они не будутъ отмѣнены!... Умножайте, сколько хотите, ваши издержки, напрягайте ваши силы, собирайте и посылайте какія угодно подкрѣпленія, которыя можете занять или купить, входите въ сдѣлки и торгуйтесь съ каждымъ жалкимъ нѣмецкимъ князькомъ, который продаетъ и посылаетъ своихъ подданныхъ на убой въ пользу иностранныхъ государей,— всѣ ваши старанія окажутся напрасными и безсильными, безсильными вдвойнѣ—вслѣдствіе наемной помощи, на которую вы опираетесь, и потому еще, что помощь эта раздражаетъ до непримиримой ненависти души вашихъ враговъ. Какъ, напустить на нихъ наемныхъ хищниковъ и грабителей, обречь ихъ и ихъ владѣнія въ жертву оплаченнаго вами хищничества! О, если-бъ я былъ американцемъ, а не англичаниномъ, то не положилъ-бы оружія, пока хотя одинъ иностранный батальонъ оставался-бы на территоріи моей родины. Никогда, никогда, никогда! Но, милорды, каковъ-же долженъ быть человѣкъ, который, въ довершеніе постыдныхъ и злодѣйскихъ дѣйствій нашей арміи, осмѣлился дозволить присоединеніе къ нашему оружію томагаука и скальпировальнаго ножа дикарей! Допустить въ цивилизованный союзъ свирѣпаго

и безчеловѣчнаго дикаря, натравить на наши колоніи, на нашихъ родственниковъ, нашихъ прежнихъ друзей безжалостнаго канибала, жаждущаго крови мужчинъ, женщинъ, дѣтей; опустошить ихъ страну, предать запустѣнію ихъ жилища, искоренить ихъ племя, ихъ имя, при помощи дикой воинственности этихъ адскихъ псовъ! Милорды, такія вопіющія крайности громко взываютъ о возмездіи и наказаніи. Это нарушеніе конституціи. Я полагаю, что это противозаконно." Питтъ требовалъ мира съ Америкой. „Пусть Англія, говорилъ онъ,—приметъ роль доброй и снисходительной матери. Можетъ настать время, когда эта мать будетъ нуждаться во всѣхъ тѣхъ пособіяхъ, какія получаются отъ благодарныхъ и привязанныхъ дѣтей. Благоденствіе Англіи, милорды, всегда было величайшею радостью, при всѣхъ перемѣнахъ моей судьбы было мнѣ отраднѣйшимъ утѣшеніемъ. Если рука Провидѣнія не позволитъ мнѣ принести мою бѣдную и слабую помощь въ день ея бѣдствія, то всегда молитва моя будетъ за ея счастіе. Долгота дней да будетъ одесную ея, богатства и честь ошую ея! Да будутъ пути ея—пути радости и всѣ стези ея—стези мира!"

Такъ умирающій Питтъ, приносимый въ парламентъ завернутымъ въ фланель и на носилкахъ, боролся въ верхней палатѣ за американское дѣло, пока среди его послѣдней рѣчи не сразилъ его апоплексическій ударъ. Въ это время въ палатѣ общинъ съ такою-же силою и съ такимъ-же блескомъ, какъ Питтъ, ораторствовалъ Беркъ. Его первыя рѣчи въ 1766 г. за отмѣну гербовой пошлины съ Америки наполнили удивленіемъ всю столицу и Питтъ указывалъ на него, какъ на величайшаго оратора. Правда, что его краснорѣчіе подчасъ переходило въ напыщенную риторику, его манеры нерѣдко отзывались театральностью, его рѣчи продолжались обыкновенно по нѣскольку часовъ и часто были наполнены множествомъ цитатъ и цѣлыми рядами цифръ, которыя онъ безъ малѣйшей ошибки приводилъ на память, но все-таки его ораторскій геній

имѣлъ неодолимое обаяніе даже на его враговъ. Знаніемъ-же дѣлъ, о которыхъ говорилъ Беркъ, онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ такъ ревностно и такъ долго занимался американскимъ вопросомъ, что люди вполнѣ компетентные видѣли въ немъ „человѣка, который знаетъ Америку гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные члены парламента, вмѣстѣ взятые“. Въ своей рѣчи 1774 г. онъ подробно разбираетъ весь ходъ американскаго вопроса и указываетъ столько нелѣпостей, противорѣчій, несообразностей въ дѣятельности министерства, что послѣднее оказывается совершенно неспособнымъ „къ веденію большихъ дѣлъ“. Что-же касается послѣдняго налога, то „это налогъ софистовъ, налогъ педантовъ, налогъ раздора, налогъ войны и мятежа, налогъ, приносящій взимателямъ все, что угодно, кромѣ пользы“. Уничтоживши значительную часть пошлины на чай, понизивъ ее съ шиллинга до трехъ пенсовъ, этимъ самымъ только раздражили американцевъ. „Никто, конечно, не сомнѣвается, что прибыль, доставляемая чайной торговлей, можетъ вынести налогъ въ три пенса. Но никакая прибыль не потерпитъ трехъ пенсовъ, не потерпитъ даже одного пенни, когда всѣ чувства людей возмущены и два милліона народа рѣшились не платить налога. А эти чувства колонистовъ были нѣкогда чувствованіями Великобританіи. Они были чувствованіями Гэмпдена, когда съ него потребовали налогъ въ 20 шиллинговъ. Ужели 20 шиллинговъ разорили-бы Гэмпдена? конечно, нѣтъ, но уплата даже половины этой суммы, на томъ основаніи, въ силу котораго требовали ее, сдѣлала-бы его рабомъ“... „Во всякомъ случаѣ, до окончанія этой сессіи вамъ необходимо принять ту или другую систему. Думаете-ли вы обложить Америку податями и извлекать изъ нея прибыльный доходъ? Если такъ, то выскажите это; поименуйте, опредѣлите, обозначьте этотъ доходъ; установите его количество, обозначьте его цѣли, и воюйте, когда вамъ будетъ за что воевать; умерщвляйте и грабьте, бейте и завладѣвайте; но не разыгрывайте роль сума-

сшедшихъ и убійцъ, свирѣпыхъ, мстительныхъ, кровожадныхъ мучителей, дѣйствующихъ безъ опредѣленной цѣли. Но да руководятъ вами лучшія внушенія! Возвратитесь, возвратитесь къ вашимъ собственнымъ принципамъ, ищите мира и найдете его, предоставьте Америкѣ самой облагать себя налогами. Я не вхожу здѣсь въ различіе правъ и не пытаюсь опредѣлять обязанностей. Я не вдаюсь въ эти метафизическія различія; я ненавижу самый звукъ ихъ. Оставьте американцевъ на прежнемъ положеніи, и всѣ эти различія, порожденныя нашимъ несчастнымъ столкновеніемъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ нимъ навсегда. Они и мы, ихъ и наши предки были счастливы при такой системѣ. Пусть-же исчезнетъ навсегда самая память обо всѣхъ дѣйствіяхъ, противныхъ этому доброму старому порядку. Не давите американцевъ налогами, — вы не дѣлали этого съ самаго начала, и пусть это послужитъ вамъ основаніемъ необложенія. Но если, по своей неумѣренности, неблагоразумію, злополучности вы будете заниматься софизмами и отравлять самый источникъ управленія, настаивая на ненавистныхъ управляемымъ утонченныхъ дедукціяхъ и послѣдствіяхъ безпредѣльной, неограниченной природы верховной власти, то этимъ вы только заставите ихъ подвергнуть опасности саму верховную власть. Если верховная власть и ихъ свобода не могутъ быть примирены, то что останется имъ дѣлать? Они бросятъ вамъ въ лицо вашу верховную власть! Никого нельзя обратить въ рабство аргументами. Пусть несогласные со мною джентльмены призовутъ на помощь всю свою ловкость; пусть лучшій изъ нихъ встанетъ и скажетъ мнѣ, какой это свободой обладаютъ американцы и какого клейма рабства не носятъ они, когда вся ихъ собственность и промышленность стѣснены всевозможными путами, какіе вы только можете придумать для коммерціи, и въ то-же время изъ нихъ дѣлаютъ вьючныхъ лошадей для всякаго налога, какому вамъ только заблагоразсудится подвергнуть ихъ, не дѣлая имъ ни малѣйшей уступки. Въ то время, какъ они несутъ иго безграничной

монополіи, вы хотите наложить на нихъ еще иго безграничнаго налога. Англичанинъ въ Америкѣ сознаетъ, что это рабство и что съ этимъ *легальнымъ* рабствомъ не могутъ примириться ни его чувства, ни его умъ.

„Говорившій недавно благородный лордъ выразился, что американцы наши дѣти, а какъ могутъ дѣти возставать противъ родителей. Онъ говорилъ, что если они несвободны въ своемъ теперешнемъ положеніи, то несвободна и Англія, потому-что Манчестеръ и другіе значительные города не имѣютъ представителей въ парламентѣ. Такимъ образомъ, потому, что нѣкоторые города въ Англіи не имѣютъ представителей, Америка не должна вовсе имѣть ихъ! Американцы „наши дѣти"; но когда дѣти просятъ хлѣба, вѣдь мы не подаемъ имъ камня. Колоніи желаютъ уподобиться своей матери и съ сыновнимъ сходствомъ воспріять прекрасный образъ британской свободы,— ужели мы повернемся къ нимъ срамными частями своей конституціи, дадимъ имъ нашу слабость для ихъ силы, наше безславіе для ихъ славы, и ярмо рабства, отъ котораго мы не можемъ избавиться, предложимъ имъ вмѣсто ихъ свободы? Въ такомъ случаѣ, задайтесь вопросомъ, будутъ-ли они довольны такимъ рабскимъ положеніемъ? Если нѣтъ, то посмотрите на результаты. Размыслите, какъ вы будете управлять народомъ, который думаетъ, что онъ долженъ быть свободенъ, и видитъ, что онъ несвободенъ? Ваша система не даетъ никакого дохода, она не производитъ ничего, кромѣ ненависти, безпорядковъ, неповиновенія.... И пока вы не вернетесь къ прежней системѣ, до тѣхъ поръ не будетъ мира для Англіи.

Въ сессію слѣдующаго, 1775 года, въ парламентъ былъ внесенъ билль о примиреніи съ колоніями. Рѣчь Берка, сказанная по этому поводу, стоитъ того, чтобы остановиться на ней подольше.

„Предлагается миръ, говорилъ онъ, — не миръ посредствомъ войны, не миръ, проведенный чрезъ лабиринтъ интригъ и безконечныхъ переговоровъ, не миръ, устроенный

юридическимъ рѣшеніемъ запутанныхъ вопросовъ; это простой миръ, миръ, желаемый въ духѣ мира, и основанный на чистомирныхъ началахъ. Я предлагаю, устранивъ причину раздора и возстановивъ прежнее дружественное довѣріе колоній къ метрополіи, дать существенное удовлетвореніе вашимъ народамъ, примирить ихъ другъ съ другомъ однимъ и тѣмъ-же актомъ и узами того-же самаго интереса, который миритъ ихъ съ британскимъ управленіемъ... Послѣ всего, что мы испытали, хотимъ-ли мы или нѣтъ, но мы должны управлять Америкой сообразно съ ея природою и съ обстоятельствами, а не по нашимъ собственнымъ измышленіямъ, не по абстрактнымъ идеямъ права, не по какимъ-бы то ни было общимъ теоріямъ управленія, обращаться къ которымъ въ нашемъ настоящемъ положеніи—значитъ заниматься чистѣйшей ерундой. Я постараюсь здѣсь изобразить современное состояніе Америки.

„Жителей въ колоніяхъ считается 2,000,000. Выше или ниже эта цифра дѣйствительной—это не имѣетъ большого значенія. Сила, съ которою народонаселеніе увеличивается въ этой части міра, такъ велика, что вы можете опредѣлять численность жителей какими угодно высокими цифрами,—и пока будетъ продолжаться вашъ споръ, преувеличеніе уже исчезнетъ. Между тѣмъ какъ мы теряемъ время на споры о способѣ управленія двумя милліонами, къ нимъ прибавится еще милліонъ жителей. Но народонаселеніе этой страны, великое и сильно возрастающее народонаселеніе, не имѣетъ, однакожь, столько значенія, какъ если разсматривать его въ связи съ другими обстоятельствами. Торговля нашихъ колоній развивается несравненно сильнѣе народонаселенія. Въ 1704 г. Англія вывозила въ колоніи товаровъ на 569,000 ф., а въ 1772 г. на 6,022,122 ф. ст. Такимъ образомъ, торговля усилилась въ двѣнадцать разъ. Но это еще не все. Въ 1772 г. въ однѣ только колоніи вывозилось на сумму, равную вывозу изъ Англіи во всѣ страны, вмѣстѣ съ колоніями, въ 1704 г. Вся-

кое разсужденіе о нашихъ отношеніяхъ къ колоніямъ слабо, шатко и софистично, если оно не основано на этомъ обстоятельствѣ... Колоніяльное земледѣліе въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что кромѣ удовлетворенія потребностямъ постоянно возрастающей туземной массы, оно уже нѣсколько лѣтъ назадъ давало возможность вывозить хлѣба болѣе чѣмъ на 1,000,000 ф. Въ началѣ настоящаго столѣтія нѣкоторыя колоніи получали хлѣбъ изъ метрополіи. Прошло нѣсколько времени—и Старый Свѣтъ началъ питаться хлѣбомъ Новаго. Недостатокъ продовольствія, который испытывали мы, превратился-бы въ опустошительный голодъ, если-бы это дитя не поднесло къ устамъ истощенной матери своей груди, полной юношескаго изобилія. Что-же касается колоніяльныхъ богатствъ, извлекаемыхъ изъ моря посредствомъ рыболовства, то они возбуждаютъ вашу зависть, а духъ предпріимчивости, руководящій этимъ промысломъ, долженъ, думаю, внушать вамъ удивленіе и почтеніе. Ни жары экватора, ни ужасная зима полюсовъ — ничто не роняетъ духа американцевъ. Въ то время, какъ одни изъ нихъ спускаютъ свой линь и мечутъ гарпунъ у береговъ Африки, другіе мчатся по меридіану и преслѣдуютъ свою гигантскую добычу вдоль береговъ Бразиліи. Нѣтъ моря, котораго-бы не волновали ихъ рыболовы; нѣтъ климата, который не былъ-бы свидѣтелемъ ихъ трудовъ. Ни стойкость Голландіи, ни дѣятельность Франціи, ни искусное и твердое благоразуміе англійскихъ предпринимателей никогда не доводили этой опасной и трудной промышленности до тѣхъ размѣровъ, до какихъ расширилъ ее этотъ молодой народъ. Когда я смотрю на все это, когда я знаю, что колоніи почти ничѣмъ не обязаны нашимъ заботамъ и что онѣ выросли до своего настоящаго счастливаго положенія не потому, чтобы состояли подъ опекой бдительнаго и во все вникающаго правительства, а потому, что, благодаря мудрой и спасительной невнимательности послѣдняго, ихъ благородная природа могла идти по свойственному ей пути къ усовершен-

ствованію, — когда я размышляю объ этихъ результатахъ, когда я вижу, какъ полезны они были намъ, то я чувствую, что вся гордость силы падаетъ и вся увѣренность въ мудрости человѣческихъ соображеній исчезаетъ во мнѣ. Моя суровость смягчается. Я прощаю духу свободы.

„Но, говорятъ, Америка драгоцѣнный предметъ, она стоитъ, чтобы сражаться за нее. Конечно, такъ, если-бы только завоеваніе народа было лучшимъ средствомъ привлечь его къ себѣ. Я-же предпочитаю силѣ болѣе благоразумныя средства; я считаю силу не отвратительнымъ, но слабымъ орудіемъ для удержанія въ выгодномъ и подчиненномъ союзѣ съ нами народа столь многочисленнаго, дѣятельнаго, даровитаго и такъ быстро развивающагося, какъ американцы. Во-первыхъ, позвольте мнѣ замѣтить, что польза силы можетъ быть только *временною*. Народъ можно покорить, но это отнюдь не устранитъ необходимости покорять его снова, а нельзя управлять націей, которую приходится постоянно завоевывать. Во-вторыхъ, дѣйствіе силы *неблагонадежно*. Ужасъ не всегда бываетъ результатомъ силы, а вооруженное состояніе еще не побѣда. Если вы не будете имѣть успѣха, то останетесь безъ ресурсовъ, ибо, при неудачѣ примирительныхъ мѣръ, остается еще сила, но при неудачѣ силы нѣтъ уже никакой надежды на примиреніе. Далѣе, употребляя силу, вы портите тотъ предметъ, который желаете сохранить посредствомъ ея... Наконецъ, мы никогда не прибѣгали къ опыту управленія колоніями посредствомъ силы. Ихъ величіе и ихъ полезность обязаны своимъ развитіемъ совершенно противоположной системѣ. Наше прежнее снисхожденіе къ нимъ было, говорятъ, ошибкою. Пускай и такъ; но мы знаемъ, что наша ошибка болѣе сносна, чѣмъ наше покушеніе исправить ее, а нашъ грѣхъ былъ спасительнѣе нашего раскаянія.

„Самый характеръ американскаго народа говоритъ въ пользу моего предложенія еще больше, чѣмъ его численность и промышленность. Преобладающею чертою этого характера,

которая опредѣляетъ и отмѣчаетъ всѣ остальныя его стороны, служитъ любовь къ свободѣ. Гордый духъ свободы въ англійскихъ колоніяхъ, вѣроятно, сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ міра. Народъ этихъ колоній происходитъ отъ англичанъ, Англія-же такая нація, которая, надѣюсь, еще до сихъ поръ уважаетъ, а нѣкогда обожала свою свободу. Колонисты эмигрировали отъ васъ въ то именно время, когда этотъ духъ наиболѣе господствовалъ. Поэтому, они не только преданы свободѣ, но свободѣ, проникнутой англійскими идеями и основанной на англійскихъ принципахъ. Отвлеченной свободы нѣтъ, какъ нѣтъ и другихъ абстракцій. Свобода обитаетъ въ какомъ-нибудь осязаемомъ объектѣ, и каждый народъ создаетъ себѣ извѣстный любимый предметъ, который по преимуществу дѣлается критеріемъ его счастія. Вы знаете, что великія столкновенія за свободу въ нашей странѣ возникали съ древнѣйшихъ временъ изъ-за вопроса о налогахъ. Надъ этимъ вопросомъ у насъ работали самые даровитые писатели, самые краснорѣчивые ораторы, за него сражались и страдали величайшіе умы. Цѣною неимовѣрныхъ трудовъ они возвели на степень основнаго принципа то правило, что въ монархіяхъ народъ долженъ имѣть дѣйствительное право соглашаться или не соглашаться на уступку своихъ денегъ въ видѣ налоговъ, и что, въ противномъ случаѣ, не можетъ существовать и тѣни свободы. Колоніи вмѣстѣ со своей кровью получили отъ васъ эти идеи и принципы. Ихъ любовь къ свободѣ, какъ и у васъ, сосредоточивается на этомъ спеціальномъ пунктѣ обложенія податями. Свобода можетъ быть гарантирована или подвергнута опасности въ двадцати другихъ отношеніяхъ, не возбуждая въ нихъ большой радости или чрезмѣрной тревоги. Но въ этомъ пунктѣ онѣ ощущаютъ ея пульсъ, и, смотря потому, какъ бьется онъ, онѣ находятъ себя больными или здоровыми. Я не буду разсуждать, правы или неправы онѣ, прилагая къ своимъ дѣламъ ваши принципы, хотя нужно замѣтить, что нельзя превращать въ

монополію теоремы и выводы. Но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что онѣ прилагаютъ ваши принципы къ себѣ, а вашъ способъ управленія ими — вслѣдствіе снисходительности или безпечности, мудрости или ошибки — утвердилъ ихъ въ той мысли, что и онѣ, вмѣстѣ съ вами, имѣютъ интересъ въ этихъ общихъ принципахъ. Въ этой мысли ихъ поддерживала и самая форма ихъ провинціяльныхъ и законодательныхъ собраній... Народное представительство въ колоніяхъ популярно въ высшей степени, и это участіе народа въ своемъ управленіи внушаетъ ему сильное отвращеніе ко всему, что можетъ лишить его такого существеннаго значенія.

„Одною изъ главныхъ причинъ свободнаго духа колонистовъ является ихъ религія. Они держатся протестантскаго вѣроисповѣданія, которое болѣе всѣхъ другихъ противно безпрекословной покорности ума. Это вѣроисповѣданіе не только благопріятно для свободы, но и основано на ней. Всякій протестантизмъ, даже самый спокойный и пассивный, есть родъ раскола (dissent). Но религія, преобладающая въ нашихъ сѣверныхъ колоніяхъ, есть крайнее выраженіе принципа сопротивленія; это самый раскольническій расколъ и самый протестантскій протестантизмъ. Эта религія распадается на множество сектъ, которыя сходятся между собою только въ общеніи духа свободы, и преобладаетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ до такой степени, что англиканская церковь, несмотря на свои легальныя права, въ сущности является незначительной сектой, къ которой принадлежитъ не болѣе десятой части народонаселенія. Колонисты оставили Англію въ то время, когда этотъ духъ свободы былъ силенъ въ диссентерахъ, а въ эмигрантахъ онъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ комъ-бы то ни было. Къ тому-же потокъ иностранцевъ, постоянно стремившійся въ эти колоніи, большею частію состоялъ изъ людей также недовольныхъ учрежденіями своихъ странъ,—людей, обладавшихъ такимъ-же направленіемъ и характеромъ, какъ и тотъ народъ, съ которымъ они смѣшивались... Правда, что

въ южныхъ колоніяхъ преобладаетъ англиканская церковь. Но вліянію ея достаточно противодѣйствуетъ другое обстоятельство, благопріятное для духа свободы. Въ Виргиніи и Каролинахъ колонисты владѣютъ множествомъ рабовъ. А при рабствѣ люди свободные вездѣ гордятся своей свободою и ревниво оберегаютъ ее. Свобода для нихъ составляетъ родъ ранга и привилегіи. Я не считаю подобнаго чувства нравственнымъ, но я не могу искажать природы человѣка. Фактъ вѣренъ, и жители южныхъ колоній привязаны къ свободѣ еще болѣе, чѣмъ народъ сѣверныхъ. Таковы были и всѣ классическія государства; таковы были наши готическіе предки, таковы были въ наши дни поляки и таковы всѣ тѣ господа рабовъ, которые сами не бываютъ рабами. Въ подобномъ народѣ надменность господства, соединяясь съ духомъ свободы, укрѣпляетъ его и дѣлаетъ непреоборимымъ.

„Позвольте мнѣ упомянуть еще объ обстоятельствѣ, далеко не маловажномъ въ дѣлѣ развитія колоній и усиленія этого непокорнаго духа. Я говорю объ ихъ просвѣщеніи. Нигдѣ въ мірѣ право не служитъ такимъ всеобщимъ предметомъ изученія, какъ здѣсь. Корпорація юристовъ здѣсь многочисленна и могущественна и стоитъ во главѣ большей части провинцій. Большинство посланныхъ на конгрессъ депутатовъ состояло изъ юристовъ. Всѣ грамотные люди стараются пріобрѣсть хоть какія-нибудь свѣденія въ правѣ. Послѣ богословскихъ сочиненій въ колоніи болѣе всего вывозится юридическихъ книгъ. Комментаріи Блэкстона расходятся въ Америкѣ почти такъ-же сильно, какъ въ Англіи. Генералъ Гэджъ утверждаетъ, что весь народъ въ его губернаторствѣ состоитъ изъ юристовъ или изъ людей хоть что нибудь да смыслящихъ въ правѣ. А занятіе юриспруденціей дѣлаетъ людей догадливыми, проницательными, ловкими, готовыми къ нападенію, способными къ защитѣ, богатыми рессурсами борьбы. Въ другихъ странахъ, народъ менѣе развитый судитъ объ извѣстномъ дурномъ принципѣ въ управленіи только тогда, когда узнаетъ

на опытѣ его вредныя послѣдствія; здѣсь-же народъ предугадываетъ зло и судитъ объ его вредоносности по его принципу. Онъ узнаетъ дурную правительственную мѣру на далекомъ разстояніи и чувствуетъ приближеніе тиранніи по ея заразительному дыханію.

„Послѣдняя причина этого непокорнаго духа въ колоніяхъ не менѣе могущественна, чѣмъ остальныя, ибо она глубоко залегаетъ въ естественномъ устройствѣ вещей. Три тысячи миль океана лежатъ между нами и ими. Катятся волны и проходятъ мѣсяцы между отдачею приказанія и его исполненіемъ, а невозможность быстраго истолкованія какого-нибудь одного пункта можетъ потрясти цѣлую систему... Такова участь всѣхъ обширныхъ государствъ, въ которыхъ дѣйствіе власти неизбѣжно ослабляется на окраинахъ. Такъ постановила природа... Таковъ непреложный, вѣчный законъ для обширныхъ государствъ.

....„Отъ всѣхъ упомянутыхъ причинъ развился гордый духъ свободы. Онъ росъ съ возрастаніемъ народа въ вашихъ колоніяхъ, усиливался съ усиленіемъ ихъ богатства, и, столкнувшись съ властью Англіи, хотя и законною, но непримиримою съ какими-бы то ни было идеями свободы, а тѣмъ болѣе съ американскими,—зажегъ то пламя, которое готово поглотить насъ... Вопросъ вовсе не въ томъ, заслуживаетъ-ли этотъ духъ похвалы или порицанія, но скажите, ради Бога, что намъ дѣлать съ нимъ?...“ Настоящая система ведетъ за собой только анархію и ожесточеніе. „Доказывая, что американцы не имѣютъ никакого права на свои вольности, мы ежедневно стараемся подрывать тѣ принципы, которые предохраняютъ весь духъ нашихъ собственныхъ вольностей. Доказывая, что американцы не должны быть свободными, мы должны унижать значеніе самой свободы, и въ распрѣ съ ними мы не можемъ достигнуть малѣйшаго успѣха, не нападая на тѣ самые принципы и не оскорбляя тѣхъ самыхъ

чувствъ, за которые наши предки проливали кровь свою"... Остается избрать одинъ изъ слѣдующихъ путей: „или измѣнить этотъ духъ, или преслѣдовать его уголовными мѣрами, или примириться съ нимъ, какъ съ необходимостью"...

Для искорененія свободнаго духа предлагается много мѣръ. „Такъ-какъ сильное размноженіе народа въ колоніяхъ, очевидно, служитъ одною изъ причинъ ихъ сопротивленія, то въ послѣднюю сессію въ обѣихъ палатахъ люди вліятельные предлагали, и выслушивались не безъ рукоплесканій, для устраненія этого зла прекратить раздачу земель... Но если вы сдѣлаете это, то народъ будетъ занимать земли своевольно, какъ онъ уже и занимаетъ ихъ во многихъ мѣстахъ. Не можете-же вы содержать гарнизоны въ каждой части этихъ пустынь. Если вы выгоните народъ изъ одной мѣстности, онъ со своими табунами и стадами немедленно займетъ другую. Нѣкоторые колонисты уже живутъ въ совершенно изолированныхъ поселеніяхъ. Они уже достигли вершинъ апалачскихъ горъ и имѣютъ передъ собой необозримую, обширную, богатую равнину въ 500 миль ширины. Они будутъ кочевать по ней безъ всякихъ стѣсненій; они перемѣнятъ свои нравы на другіе, сообразные съ ихъ жизнью; они скоро забудутъ правительство, отнявшее у нихъ ихъ собственность; они превратятся въ орды англійскихъ татаръ и, высылая на ваши беззащитныя границы свою храбрую и непобѣдимую конницу, сдѣлаются повелителями вашихъ губернаторовъ и вашихъ совѣтниковъ, вашихъ сборщиковъ податей и вашихъ контролеровъ и всѣхъ соединенныхъ съ ними рабовъ ихъ. Таково будетъ, и будетъ въ непродолжительномъ времени, послѣдствіе попытки запретить, какъ преступленіе, и преслѣдовать, какъ зло, заповѣдь и благословеніе Промысла „плодиться и размножаться". Таковъ будетъ счастливый результатъ сохранять для жительства дикихъ звѣрей эту землю, которую Господь отдалъ всѣмъ сынамъ человѣческимъ."

„Гораздо удобнѣе было-бы разорить колоніи вообще и въ частности остановить развитіе ихъ морской предпріимчивости. Мы уже заявили свое расположеніе къ подобнаго рода системѣ, считая себя соперниками нашихъ колоній и будучи убѣждены, что съ помощью этого средства мы получимъ все, что потеряютъ онѣ". Можетъ быть, колоніи и не въ состояніи будутъ сопротивляться силѣ Англіи. „Но когда я знаю, что мы держали колоніи не для чего иного, какъ для того, чтобы онѣ были выгодны намъ, то моему бѣдному разумѣнію кажется немного нелѣпымъ дѣлать ихъ невыгодными для насъ, чтобы только держать ихъ въ повиновеніи! Вѣдь это ничто иное, какъ старая и уже отвергнутая система тиранніи истощать своихъ подданныхъ для приведенія ихъ въ рабское состояніе. Но вспомните, что если ваша система разоренія и удастся, то природа не перестанетъ отъ этого производить своимъ обычнымъ порядкомъ, что ненависть къ вамъ будетъ возрастать вмѣстѣ съ бѣдностью и что въ судьбѣ всѣхъ государствъ случаются такіе критическіе моменты, когда тѣ, которые слишкомъ слабы для содѣйствія вашему преуспѣянію, оказываются довольно сильными для того, чтобы помочь вашему полному паденію.

„Я думаю, что никакое человѣческое искуство не въ состояніи измѣнить духа и характера, которые господствуютъ въ нашихъ колоніяхъ. Мы не можемъ сдѣлать подлога въ родословной этого гордаго народа и убѣдить его, что онъ не происходитъ отъ націи, въ жилахъ которой течетъ кровь свободы. Языкъ, на которомъ вы будете разсказывать имъ эту сказку, изобличитъ васъ во лжи и ваша рѣчь выдастъ васъ. Англичанинъ — самое неспособное существо на землѣ для того, чтобы убѣдить другого англичанина обратиться въ рабство. Я думаю, что мы такъ-же не въ состояніи измѣнить ихъ республиканскую религію, какъ и свободное происхожденіе. Инквизиція и драгонады вышли изъ моды даже въ Старомъ Свѣтѣ и невозможно надѣяться на дѣйствительность ихъ въ

Новомъ. Образованіе американцевъ такъ-же неизмѣнимо, какъ и ихъ религія. Вы не можете убѣдить ихъ сжечь свои книги, посвященныя любознательной наукѣ, изгнать своихъ юристовъ или отказаться отъ выбора въ законодательныя собранія лицъ наиболѣе знакомыхъ съ ихъ правами и вольностями. Не менѣе непрактично помышлять о совершенномъ уничтоженіи этихъ народныхъ собраній, въ которыхъ засѣдаютъ упомянутые законники. Войско, посредствомъ котораго мы будемъ управлять вмѣсто нихъ, будетъ для насъ несравненно убыточнѣе, гораздо недѣйствительнѣе, и, можетъ быть, въ концѣ концевъ дойдетъ до того, что даже и его трудно будетъ удерживать въ повиновеніи.

„Относительно аристократическаго духа Виргиніи и вообще южныхъ колоній предлагалось обуздать его, объявивъ общее освобожденіе рабовъ. Но рабы часто бываютъ привязаны къ своимъ господамъ. Иногда рабовъ такъ-же трудно убѣдить быть свободными, какъ и уговорить свободныхъ людей обратиться въ рабство. И болтая объ освобожденіи, ужели мы не понимаемъ, что американскіе рабовладѣльцы также могутъ дать его и вооружить своихъ рабовъ на защиту свободы? Къ подобной мѣрѣ не однажды прибѣгали, и не безъ успѣха, другіе народы въ критическіе моменты своей жизни. Да и самые рабы, эти несчастные черные люди, ужели они безъ малѣйшаго подозрѣнія отнесутся къ дарованію свободы той самой націей, которая продала ихъ настоящимъ ихъ владѣльцамъ! Любопытно будетъ видѣть какого-нибудь гвинейскаго капитана, который публикуетъ въ одно и то-же время и свою прокламацію о свободѣ, и свое объявленіе о продажѣ рабовъ!..

„Но предположимъ, что всѣ эти моральныя трудности преодолѣны. Остается еще океанъ. Вы не въ состояніи его высушить, и пока онъ будетъ покоиться на своемъ настоящемъ ложѣ, то до тѣхъ поръ будутъ дѣйствовать всѣ причины, которыя ослабляютъ власть по мѣрѣ разстоянія...

„Остается преслѣдовать этотъ духъ въ его проявленіяхъ, какъ уголовное преступленіе... Но слишкомъ глупо и педантично прилагать обыкновенныя идеи уголовнаго права къ такимъ великимъ народнымъ столкновеніямъ. Я не понимаю, какъ можно начинать судебное преслѣдованіе цѣлаго народа. Я недостаточно созрѣлъ для того, чтобы допускать судебные приговоры надъ самыми важными общественными учрежденіями, облеченными обязанностями величайшей важности и достоинства и заботящимися, въ силу того-же основанія, какъ и я, о благосостояніи своихъ согражданъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что для людей разсудительныхъ это несправедливо, для людей честныхъ — непристойно, для сердецъ, проникнутыхъ гуманностью, жестоко и безчеловѣчно.... Я не могу представить себѣ ничего неблагоразумнѣе тѣхъ отношеній, когда высшая власть утверждаетъ, что отрицается весь авторитетъ ея, если, противъ ея желанія или распоряженій, просятъ о какой-нибудь вольности,—тотчасъ провозглашаютъ о мятежѣ, бьютъ тревогу и объявляютъ провинившіяся провинціи въ осадномъ положеніи!... Не значитъ-ли это внушать провинціямъ, что правительство, въ глазахъ котораго желаніе свободы равнозначительно государственной измѣнѣ, есть такое правительство, покорность которому равносильна рабству?... Да, мы должны серьезно и хладнокровно разсудить, чего достигли мы всѣми нашими угрозами, которыя были многочисленны и ужасны? Что выиграли мы своими карательными законами, которыхъ издавалось много и которые были жестоки? Подвинулись-ли мы хотя на шагъ къ своей цѣли, пославъ въ колоніи войско? Уменьшились-ли безпорядки? Нисколько.

„Если, такимъ образомъ, уничтожить причинъ американскаго духа свободы невозможно и если идея уголовнаго преслѣдованія его невыполнима и въ высшей степени нецѣлесообразна, то остается одно—примириться съ этимъ духомъ, какъ съ необходимостью, или, если вамъ угодно, подчи-

ниться ему, какъ необходимому злу... Колоніи жалуются, что онѣ лишены отличительной черты и печати британской свободы, что ихъ облагаетъ налогами тотъ парламентъ, въ которомъ онѣ не имѣютъ своихъ представителей. Если вы желаете удовлетворить ихъ вполнѣ, то вы должны удовлетворить этой жалобѣ. Если вы думаете примириться съ народомъ, то дайте ему то, чего проситъ онъ"... Предлагается отмѣнить всѣ законы, вызвавшіе возстаніе, дать полную самостоятельность національнымъ собраніямъ колоній и предоставить имъ самимъ облагать себя налогами. „Это будетъ узами, легкими, какъ воздухъ, но крѣпкими, какъ желѣзо. Пусть колоніи всегда считаютъ свои гражданскія права соединенными съ вашимъ управленіемъ, и никакая земная сила не будетъ въ состояніи вырвать ихъ изъ такого союза".

„Рѣчь о примиреніи съ Америкой", которую мы сейчасъ изложили въ сокращенномъ видѣ, упрочила славу Берка, какъ великаго оратора и государственнаго человѣка. „Читайте эту рѣчь днемъ, и размышляйте о ней ночью, говорилъ въ парламентѣ Фоксъ,—перечитывайте ее снова и снова, изучайте ее, внѣдрите ее въ своихъ умахъ, напечатлѣйте ее въ своихъ сердцахъ, — она убѣдитъ васъ, что истинное народное представительство есть лучшее средство противъ всякаго зла". Въ сокращенномъ изложеніи эта рѣчь, какъ и всѣ рѣчи Берка, теряетъ многое. Но кто прочтетъ ее всю, тому, дѣйствительно, захочется перечитать ее снова и снова. Беркъ, понимая, что ни краснорѣчіе, ни самые убѣдительные доводы отвлеченныхъ теорій не въ состояніи отклонить кого-бы то ни было отъ дѣйствій, приносящихъ непосредственный личный или корпоративный интересъ, становится на совершенно практическую почву и разсматриваетъ всѣ дѣйствія и планы съ точки зрѣнія полезности. Онъ ненавидитъ теоріи политиковъ и юристовъ, потому что эти мнимые теоретики упражняются только въ томъ, чтобы посредствомъ

утонченныхъ выводовъ и софизмовъ окружить ореоломъ истины свои корыстные планы. Цѣлью политики должна быть не истина, а польза,—вотъ существенный смыслъ всей дѣятельности Берка. Во имя этой-то общенародной пользы онъ и требовалъ примиренія съ колоніями, доказывая, что всѣ противоположныя дѣйствія наносятъ существенный вредъ всей англійской націи. Въ своемъ „Письмѣ къ бристольскимъ шерифамъ" (1777 г.) онъ разъясняетъ вредное вліяніе войны на умы и нравы самой Англіи. Война пріучаетъ къ деспотизму и миритъ съ нимъ. „Война съ Америкой производитъ много такихъ золъ, которыя отличаютъ ее отъ всякой другой войны. Она не только извратила нашу политику и разъединила нашу имперію, но и совершенно совратила съ пути духъ нашего права и нашего законодательства. Мы воюемъ съ колоніями не однимъ только оружіемъ, но и законами. А такъ какъ враждебность и право не весьма-то солидарныя идеи, то каждый шагъ нашъ въ этомъ дѣлѣ сопровождается попираніемъ какого-нибудь правила справедливости или извѣстнаго основнаго принципа мудраго управленія... Если-бы принципы подобныхъ дѣйствій прежде всего осуществлялись на почвѣ Англіи, то, вѣроятно, они потеряли-бы всякую силу при первомъ-же своемъ проявленіи. Но будучи удалены отъ насъ лично, они пустили корни въ нашихъ законахъ и наше потомство вкуситъ плоды ихъ. Но это еще не худшая бѣда, что вслѣдствіе неестественнаго раздора повреждены наши *законы*. Если *нравы* при этомъ остаются цѣлыми, то они исправятъ пороки права. Но мы съ сожалѣніемъ должны сознаться, что въ большинствѣ послѣднихъ судебныхъ дѣлъ можно было замѣтить только весьма мало слѣдовъ благородства, гуманности и достоинства ума, которыя прежде характеризовали націю. Война пріостанавливаетъ дѣйствіе правилъ нравственной обязанности, а что не дѣйствуетъ впродолженіи долгаго времени, то подвергается опасности вовсе выйти изъ употребленія. Гражданскія войны глубже всего поражаютъ нравы націи. Онѣ

портятъ политику народа, развращаютъ его нравственность, искореняютъ даже естественную любовь къ равенству и справедливости. Въ то время, какъ мы пріучаемся смотрѣть враждебно на извѣстную часть нашихъ согражданъ, для насъ постепенно дѣлается менѣе дорогою и вся совокупность нашего народа“... Горячка гражданскихъ междоусобицъ производитъ даже такое затмѣніе умовъ, что произведенному ими злу начинаютъ радоваться, какъ благу. „Ничто, конечно, не возбуждаетъ такого сожалѣнія въ людяхъ, помнящихъ цвѣтущіе дни нашего государства, какъ зрѣлище безумной радости, которой предаются извѣстнаго сорта люди посреди того позорища нашихъ дѣяній и подвиговъ, которое возбуждаетъ презрѣніе Европы. Мы низвели свою родину до рабской зависимости отъ ея сосѣдей; сдѣлали то, что она вступаетъ въ дружественные союзы, которымъ не вѣритъ, жалуется на обиды, отомщать которыя не смѣетъ, она безполезна для своихъ союзниковъ, надменна съ своими подданными и покорна своимъ врагамъ; въ то время, какъ либеральное правительство этой свободной націи поддерживается наемнымъ оружіемъ нѣмецкихъ крестьянъ и вассаловъ, три милліона подданныхъ Великобританіи ищутъ въ оружіи Франціи защиты своихъ англійскихъ вольностей!“... Англію ведутъ по пути къ погибели и деспотизму. И кто ведетъ?—невѣжи, руководимые только своими необузданными страстями. „Самая бѣдная тварь, пресмыкающаяся по землѣ и желающая спастись отъ несправедливости и угнетенія, достойна всякаго уваженія передъ лицомъ Бога и человѣка. Но я не могу представить себѣ какого-нибудь другого существа подъ небомъ, болѣе ненавистнаго и гнуснаго, чѣмъ безсильное, безпомощное созданіе, безъ гражданской мудрости и безъ военныхъ способностей, достигающее власти только благодаря своему раболѣпству, надутое чванствомъ и гордостью, требующее битвъ, въ которыхъ само не сражается, стремящееся къ тираніи, осуществить которой оно не въ состояніи, и совершенно удовлетворяющее-

ся тѣмъ, что, будучи само ничтожнымъ и жалкимъ, дѣлаетъ другихъ презрѣнными и подлыми"... Королевская партія, доведшая дѣла до такого безотраднаго положенія, встрѣтила въ обществѣ довольно сильную поддержку со стороны торіевъ и духовенства. Но эти сторонники королевской политики оказались на дѣлѣ такими-же своекорыстными, ничтожными интриганами, какъ и „друзья короля". „Въ подаваемыхъ ими адресахъ (о подавленіи мятежа) они жертвовали своими личностями, а на дѣлѣ ограничивались тѣмъ, что нанимали нѣмцевъ. Они обѣщали свои богатства, а закладывали свою страну. Они пользуются всѣми заслугами волонтеровъ, не рискуя своими особами, не участвуя въ тяжести военныхъ расходовъ. Когда-же безчувственная рука чужестранной солдатчины льетъ какъ воду родственную имъ кровь, они ликуютъ и торжествуютъ, какъ-будто самолично совершили какой-нибудь замѣчательный подвигъ... Все это болѣе и болѣе отучаетъ умы отъ нашихъ природныхъ убѣжденій... Свобода подвергается опасности, сдѣлавшись непопулярною въ Англіи. Сражаясь за воображаемую власть, мы начинаемъ вырабатывать въ себѣ духъ господства и теряемъ любовь къ честному равенству. Принципы отцовъ нашихъ сдѣлались подозрительными для насъ, потому что мы видимъ, какъ они одушевляютъ сопротивленіе нашихъ дѣтей. Ошибки, проистекающія отъ изобилія свободы, кажутся намъ несравненно отвратительнѣе тѣхъ гнусныхъ пороковъ, которые порождаются окрѣпшимъ рабствомъ. Малѣйшее сопротивленіе власти въ нашихъ глазахъ становится болѣе непростительнымъ, чѣмъ величайшія злоупотребленія власти. Вся ненависть къ постоянной арміи превращается въ какую-то суевѣрную панику. Весь позоръ призыва иностранцевъ и дикарей на помощь въ гражданской войнѣ исчезаетъ. Мы дѣлаемся равнодушными къ тѣмъ неизбѣжнымъ лично для насъ послѣдствіямъ, которыя вытекаютъ изъ плана управлять половиной государства посредствомъ меча, да еще наемнаго. Мы научились думать,

что желаніе господства надъ нашими земляками есть любовь къ нашей родинѣ; что ненавидящіе гражданскую войну склонны къ мятежу, что дружественныя и примирительныя добродѣтели кротости, умѣренности и снисходительности къ правамъ людей, зависящихъ отъ нашего государства, есть ничто иное, какъ родъ государственной измѣны!..“

Читатель видитъ, что хотя рѣчи Берка за Америку не заключаютъ въ себѣ ничего теоретическаго и всецѣло посвящены рѣшенію отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ, но при всемъ томъ, и въ своей общей идеѣ, и въ своихъ подробностяхъ онѣ въ высшей степени поучительны для нашего времени, такъ часто страдающаго отъ системъ и политиковъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ съ такимъ умомъ разоблачалъ Беркъ. Его предсказанія вполнѣ оправдались: Америка завоевала свою независимость, англійская торговля была почти уничтожена, вся промышленность пришла въ разстройство, англійское имя покрылось позоромъ, государство нажило долгъ въ 140,000,000 ф. ст. и лишилось самыхъ обширныхъ и драгоцѣнныхъ колоній въ мірѣ. Но если-бы королевской партіи удалось подчинить Америку военному деспотизму, то, говоритъ Беркъ, совершенное разстройство нашихъ финансовъ было-бы далеко не худшимъ изъ послѣдствій этой побѣды. „Эта власть сдѣлалась-бы удобнѣйшимъ, сильнѣйшимъ и самымъ надежнымъ орудіемъ для ниспроверженія и здѣсь нашей свободы“. Даже обезсиленная неудачной борьбой съ американцами, реакціонная партія все-таки не оставляла своей прежней губительной и коварной политики. Для этихъ „благонамѣренныхъ“ членовъ англійскаго общества весь вопросъ жизни заключался въ упроченіи такихъ порядковъ, которые-бы обезпечивали за ними свободу и безнаказанность ихъ хищническихъ и противозаконныхъ дѣйствій. Они держали колоніи, чтобы обирать ихъ. Лишившись колоній, они продолжали грабить Индустанъ, разорять Ирландію, расхищать государственное казначейство, подкапывать конституцію, подавлять всякое свободное обществен-

ное движеніе. Но, какъ увидимъ далѣе, каждое изъ этихъ дѣйствій встрѣчало мощнаго противника и безжалостнаго обличителя въ Эдмундѣ Беркѣ, пока его геніальный умъ не помрачился и не былъ увлеченъ мутнымъ общественнымъ потокомъ въ отчаянную борьбу противъ принциповъ, лучшимъ защитникомъ которыхъ онъ былъ прежде.

IV.

Беркъ былъ адвокатомъ угнетенныхъ націй. Съ тѣмъ-же энтузіазмомъ, съ той-же энергіей, съ какими онъ противодѣйствовалъ притѣсненію Америки, онъ старался ослабить и эксплуатацію Индіи тѣми-же англичанами. Впродолженіи двадцати лѣтъ Беркъ разоблачалъ своекорыстную политику остъ-индской компаніи и преслѣдовалъ генералъ-губернатора Гастингса, этого „генералъ-капитана несправедливости“ *). Въ то-же время горячее участіе возбуждало въ немъ его отечество, Ирландія, страдавшая своимъ старымъ недугомъ подъ игомъ уголовныхъ и торговыхъ законовъ *). Беркъ защищалъ ирландское дѣло такъ усердно, что возбудилъ сильное неудовольствіе въ своихъ бристольскихъ избирателяхъ. Онъ объяснилъ имъ, какъ вредна для самой Англіи ирландская политика, какъ она подрываетъ ея могущество, какъ нелѣпо „преслѣдовать цѣлую націю“, какъ безнравственно поддерживать свое владычество шайками наемныхъ сыщиковъ. „Джентльмены, говорилъ онъ бристольцамъ,—дурные законы—худшій видъ тиранніи. Въ такой странѣ, какъ Англія, они хуже всего на свѣтѣ, гораздо хуже, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Они обращаютъ во зло даже самую мудрость и глубокій смыслъ другихъ нашихъ учрежденій. По очень понятнымъ

---

*) Подробности объ этомъ см. выше, въ ст. «Индустанъ и Англичане».

**) См. выше «Судьбы Ирландіи».

причинамъ вы не можете полагаться на правительство, которое самопроизвольно распоряжается каждымъ изъ вашихъ законовъ. Впрочемъ, какъ-бы ни было дурно правительство, но, практикуя свою произвольную власть, оно всегда будетъ различать обстоятельства и людей: оно обыкновенно оставляетъ въ покоѣ тѣхъ, кто не мѣшаетъ его благосостоянію. Наемный-же исполнитель закона не дѣлаетъ никакого различія. При такой системѣ управленія, народъ не только зависитъ отъ произвола правительства, но и отъ произвола каждаго отдѣльнаго лица; имъ распоряжается, какъ хочетъ, не только вся община, но и каждая часть ея, и, какъ обыкновенно бываетъ, самые дурные и безпощадные люди тѣ, доброй волѣ которыхъ онъ предоставленъ. Въ такомъ ненормальномъ состояніи люди не только дрожатъ отъ насупившихся бровей суроваго правителя, но боятся самаго вида его. Сѣмена разложенія таятся во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, во всѣхъ соціальныхъ привычкахъ... Всѣ средства, данныя Провидѣніемъ для того, чтобы сдѣлать жизнь безопасной и спокойной, обращаются въ орудія террора и мученій".

Односторонніе взгляды бристольскихъ торгашей, стоявшихъ за подавленіе ирландской торговли и промышленности, выводили Берка изъ себя. „Не говорите мнѣ о купцѣ, воскликнулъ онъ однажды;—купецъ одинъ и тотъ-же во всемъ мірѣ: золото—его богъ, бухгалтерская книга—его библія, конторка—его алтарь, биржа—его церковь, и онъ не вѣритъ ни въ кого, кромѣ своего банкира". Въ 1780 г. Беркъ отказался быть представителемъ Бристоля и былъ выбранъ депутатомъ отъ Мальтона. Но дѣятельное сочувствіе Ирландіи причинило Берку еще болѣе серьезныя непріятности, чѣмъ его столкновеніе съ бристольскими избирателями. Благодаря своей вѣротерпимости и заботамъ объ облегченіи участи ирландскихъ католиковъ, онъ прослылъ у ярыхъ протестантовъ іезуитомъ, врагомъ отечества, измѣнникомъ. Когда лѣтомъ 1780 г. фанатики возстали въ Лондонѣ подъ предводительствомъ полу-

съумасшедшаго лорда Гордона, зажгли городъ, разрушали костелы и тюрьмы, истребляли католиковъ, нападали даже на парламентъ,—жизнь Берка находилась въ опасности, но онъ спасся въ домѣ одного изъ своихъ друзей.

Угнетая Индію, злоупотребляя своей властью въ Ирландіи, стараясь поработить Америку, англійское правительство въ то-же время покровительствовало самому худшему виду рабства—охотѣ за неграми и ихъ продажѣ колоніальнымъ плантаторамъ. Георгъ III открыто покровительствовалъ невольничеству и, по выраженію Банкрофта, въ то время, какъ судебныя мѣста рѣшили, „что всякій рабъ становится свободнымъ, какъ только ступитъ на англійскую землю, король англійскій противился прогрессу человѣчества и представлялъ собою опору торговли рабами“. Беркъ стоялъ за уничтоженіе невольничества и работорговли, которая „начинается безчеловѣчною войною, сопровождаемою неслыханными жестокостями, продолжается во время переѣзда черезъ океанъ самымъ тяжкимъ заключеніемъ, кончается вѣчною каторгою, безнадежнымъ рабствомъ и является столь ужаснымъ промысломъ, что въ защиту ея нельзя привести ни одного сколько-нибудь состоятельнаго аргумента“. Беркъ возмущался жестокостью англійскаго уголовнаго кодекса и настаивалъ на преобразованіи его; онъ стоялъ за отмѣну варварскихъ законовъ о несостоятельности, вооружался противъ пожизненности солдатской службы, нападалъ на право судей въ процессахъ по дѣламъ печати рѣшать вопросъ о виновности, предоставляя присяжнымъ только вопросъ о фактѣ изданія, требовалъ существенныхъ финансовыхъ реформъ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ Беркъ стоялъ далеко впереди своихъ современниковъ, и реформы, которыхъ онъ требовалъ, были совершены долго спустя послѣ его смерти.

Мы остановимся здѣсь на его рѣчи о финансовыхъ преобразованіяхъ, въ которыхъ онъ развилъ общій планъ экономической реформы, осуществившейся вполнѣ только во вре-

мена Кобдена и Роберта Пиля. Нападая на частное и оффиціальное хищничество въ финансовой системѣ Англіи, онъ старался убѣдить своихъ современниковъ въ томъ, что развращающее вліяніе этой системы разоряетъ страну и убиваетъ ея производительныя силы. „Мы, говорилъ онъ, обращаясь къ парламенту,—имѣемъ нѣкоторыя официіальныя должности, съ которыми соединяется дѣйствительная служба, но у насъ много и такихъ офиціальныхъ мѣстъ, которыя оплачиваются дорогимъ жалованьемъ, не принося обществу ни малѣйшей пользы. У насъ есть такія официіальныя положенія, которыя существуютъ только для публичной выставки. Въ нашихъ законахъ и учрежденіяхъ есть много такихъ нелѣпыхъ формальностей, которыя обходятся столь-же дорого народу, сколько безполезны ему въ самой сущности“. Возставая противъ продажности общественныхъ должностей, произвольной раздачи мѣстъ и привилегированныхъ положеній, онъ резюмируетъ свои требованія въ слѣдующемъ видѣ: „Во-первыхъ, всѣ судебныя должности, оплачиваемыя такъ дорого и ведущія не столько къ правосудію, сколько къ угнетенію и систематическому подкупу, должны быть уничтожены. Во-вторыхъ, всѣ государственныя владѣнія, установленныя не столько для увеличенія доходовъ, сколько съ цѣлію притѣсненія, деморализаціи и подчиненія тѣхъ, кто содержится на ихъ счетъ, должны быть проданы; этого требуетъ какъ экономическій принципъ, такъ и уваженіе къ политической свободѣ. Въ-третьихъ, всѣ официіальныя должности, которыя болѣе обременяютъ, чѣмъ приносятъ выгоды государству, и которыя могутъ быть упрощены и соединены въ одно цѣлое, въ первомъ случаѣ должны быть упразднены, а въ послѣднемъ—преобразованы. Въ-четвертыхъ, всѣ должностныя мѣста, парализующія общій контроль финансовой системы, должны быть рѣшительно уничтожены. Министръ, помимо котораго могутъ дѣлаться расходы, никогда не можетъ поручиться ни за равновѣсіе бюджета, ни за предполагаемыя имъ сбереженія. Въ-пятыхъ, необходимо установить самый

точный и правильный порядокъ въ выдачѣ денегъ; это уничтожитъ пристрастіе въ раздачѣ наградъ и будетъ служить оцѣнкой и вознагражденіемъ служебныхъ обязанностей не по личнымъ нуждамъ каждаго чиновника, а по степени пользы или справедливости его заслугъ. Въ-шестыхъ, необходимо поставить каждое учрежденіе и каждую отдѣльную часть учрежденія въ совершенную извѣстность относительно денежныхъ расходовъ; это составляетъ душу всякаго порядка и добраго управленія. Въ-седьмыхъ, всѣ второстепенныя казначейскія кассы, какъ питомники дурного финансоваго управленія, выжимающія въ свою пользу столько денегъ, сколько могутъ, и расходующія ихъ такъ, какъ только хотятъ, должны быть закрыты. Онѣ-то и вносятъ безпорядокъ въ распоряженіе общественными суммами и возбуждаютъ подозрѣніе правительства даже больше того, чѣмъ злоупотребляютъ его довѣріемъ".

„Вотъ тѣ принципы, на авторитетѣ и вліяніи которыхъ я хотѣлъ-бы основать свой реформаціонный планъ. Я вовсе не желаю измѣнять того, къ чему нельзя примѣнить этихъ принциповъ вполнѣ или только отчасти. Экономически-устроенная конституція служитъ базисомъ для экономической администраціи".

„На первомъ планѣ у насъ стоитъ верховная юрисдикція. Въ этомъ отношеніи я долженъ замѣтить, что, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на наше обширное королевство, оно покажется каждому наблюдателю совершенно цѣльнымъ, единымъ и твердымъ связующимъ звеномъ подъ монархическимъ началомъ. Повидимому, всѣ второстепенныя развѣтвленія судебной власти есть ничто иное, какъ лучи, истекающіе изъ одного центра. Но это кажется такъ только на первый взглядъ; наблюдая-же болѣе внимательно, мы увидимъ, что въ этой системѣ господствуютъ полнѣйшій хаосъ и неурядица. Въ строгомъ смыслѣ, у насъ нѣтъ монархическаго единства. Какъ въ періодъ владычества саксовъ Англія была *гептархіей*, такъ теперь она представляетъ *пентархію*. Она дѣлится на

пять различныхъ управленій, кромѣ верховнаго центра. Все различіе отъ стараго саксонскаго режима только въ томъ, что чисто-внѣшнія, такъ-сказать парадныя проявленія власти, ради поддержанія наружнаго единства, перенесены отъ разныхъ частей государства на верховнаго правителя его; такимъ образомъ нашъ монархъ представляетъ собою на этой парадной эстрадѣ не только главныя, но и всѣ второстепенныя части пьесы. Онъ вездѣ, но на самомъ дѣлѣ нигдѣ. Перейдите вотъ этотъ ручей, и вы теряете изъ виду короля Англіи... Идите на сѣверъ, и тамъ вы увидите его превращеннымъ въ герцога Ланкастерскаго; обратитесь къ западной сторонѣ этого сѣвера, и тамъ онъ является вамъ подъ скромнымъ титуломъ графа Честерскаго: еще нѣсколько миль дальше—и графъ Честерскій исчезаетъ изъ виду, а король представляется передъ вами въ новомъ видѣ графа Ланкастерскаго палатината. Если вы перейдете за горный хребетъ Эджекомба, онъ опять въ новомъ инкогнито, съ титуломъ герцога Корнуальскаго. Такимъ образомъ, вы, утомленные этимъ арлекинскимъ разнообразіемъ, безконечно радуетесь, когда возвращаетесь къ его собственному величію, въ его простомъ, незамаскированномъ и естественномъ положеніи дѣйствительнаго монарха Англіи.

„Въ каждой изъ этихъ пяти частей, съ различными титулами и институтами, во всѣхъ этихъ герцогствахъ, графствахъ, палатинатахъ есть свое финансовое управленіе, свои расходы и бюджеты, съ преобладающимъ вліяніемъ, съ своимъ особеннымъ государственнымъ механизмомъ, съ своей особенной юрисдикціей... Корнуаль лучшая часть изъ нихъ, но когда вы сравните его расходы съ приходомъ, то увидите, что онъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Палатинатъ Ланкастерскій, какъ я имѣю основаніе полагать, въ общемъ итогѣ, за четыре года, не доставилъ англійскому казначейству и четырехъ тысячъ фунтовъ ежегоднаго взноса. Что-же касается Уэльса и графства Честерскаго, то они едва-ли доставляютъ

что-нибудь. А между тѣмъ каждый казначей будетъ утверждать, что доходы этихъ провинцій расходуются наидобросовѣстнѣйшимъ образомъ“.

Тотъ-же хаосъ, ту-же систему эксплуатаціи денежныхъ средствъ страны Беркъ видѣлъ и въ отдѣльныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Каждое изъ нихъ старалось захватить какъ можно больше суммъ и какъ можно меньше употребить ихъ на общее дѣло. Создавалось-ли какое-нибудь новое министерство, при немъ учреждалась особая касса, и министръ съ К° старался истребовать на свое управленіе громадныя суммы, которыми онъ распоряжался почти безотчетно. Особенно дорого обходилось Англіи содержаніе такъ-называемыхъ *дядюшкиныхъ должностей*. Это были такія теплыя мѣстечки, на которыя опредѣлялись друзья, родственники и разные протеже высшихъ сановниковъ. Въ новой должности не было никакой надобности, но она создавалась для того, чтобы опредѣлить на нее какого-нибудь племянника лорда или промотавшагося джентльмена, которому хотѣлъ помочь его высокородный покровитель. Эти дядюшкины должности возросли до такой степени, что въ концѣ прошлаго столѣтія, по мнѣнію Фокса, можно было-бы уничтожить въ одномъ Лондонѣ до 30,000 безполезныхъ мѣстъ и употребить этотъ легіонъ праздныхъ чиновниковъ на что-нибудь годное для страны. Какъ Индія была отдана на расхищеніе младшимъ сыновьямъ англійскихъ аристократическихъ фамилій, связанныхъ закономъ маіоратнаго наслѣдства, такъ и государственный бюджетъ былъ предоставленъ на расхищеніе дядюшкиныхъ должностей. „А между тѣмъ, говоритъ Беркъ,—эти народныя крохи, питающія тунеядцевъ, эти деньги, собираемыя съ бѣднаго углекопа и фермера, съ честнаго торговца и художника, однимъ доставляютъ пріятную и роскошную, но совершенно безполезную жизнь, а другимъ угрожаютъ періодическимъ голодомъ. Народъ оплачиваетъ эти непроизводительные расходы своимъ тяжелымъ трудомъ, своей страшной нищетой, и я не увѣ-

ренъ, чтобы мой слабый голосъ въ защиту его не былъ здѣсь перетолкованъ въ смыслѣ оскорбленія величества,—такъ далека отъ насъ всякая справедливость, когда намъ напоминаютъ о безпорядочномъ распоряженіи нашими финансами. Я знаю, что въ Англіи на сто семействъ только одно можетъ научить своихъ дѣтей читать и писать; всѣ мы знаемъ, что у насъ въ большихъ промышленныхъ городахъ на цѣлыя тысячи населенія нѣтъ ни одной школы, а между тѣмъ мы находимъ десятки и сотни милліоновъ на веденіе безполезнѣйшихъ войнъ, на содержаніе никому и ни на что ненужныхъ должностей, на безчисленное множество такихъ предпріятій, которыя умный и практическій хозяинъ назвалъ-бы плодомъ не разума, а болѣзненной фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать эту разорительную и кляузную судебную процедуру, которая оплачивается тысячами, благодаря тѣмъ нелѣпымъ формальностямъ, которыми она загромождена? И какое-же это правосудіе, доступное лишь богатому и невозможное для бѣднаго? Чтобы отстоять нѣсколько вершковъ земли, отнимаемой у бѣднаго фермера, ему надо истратить на веденіе процесса въ десять разъ больше, чѣмъ стоитъ вся его земля. И эти тучные представители правосудія, эти почтенные парики и мантіи, украшающіе нашихъ адвокатовъ, обходятся народу дороже, чѣмъ бѣдствіе, постигающее его въ неурожаѣ, пожарахъ и наводненіяхъ. Поэтому я спрашиваю васъ, имѣю-ли я право требовать преобразованія нашихъ судебныхъ учрежденій, упраздненія безполезныхъ должностей? Если управленіе страной стоитъ такъ дорого народу, то пусть-же, по крайней мѣрѣ, оно соотвѣтствуетъ своимъ достоинствомъ дорогой цѣнѣ. Но такъ-ли это? Допустило-ли-бы хорошее управленіе отложиться отъ Англіи Америкѣ? Вовлекло-ли-бы оно насъ въ ужасную войну, стоившую намъ такого-же позора въ глазахъ свѣта, какъ и опустошеніе нашей казны? Могло-ли-бы оно отдать Индію въ руки такого хищника, какъ Уэрренъ Гэстингсъ, и Ирландію оставить на произволъ судьбы? Нѣтъ,

дорого стоющее правительство должно лучше поступать, лучше предвидѣть, больше знать и честнѣе управлять страной. Въ противномъ случаѣ оно не стоитъ и шилинга“...

„Теперь я прошу вашего особеннаго вниманія и въ то-же время снисхожденія, почтенные лорды; — о снисхожденіи я прошу потому, что дѣло очень близко касается васъ, вашихъ фамильныхъ правъ и привилегій, вашихъ старинныхъ прерогативъ и не менѣе старыхъ злоупотребленій, освященныхъ обычаемъ и закономъ. Я знаю отчасти по опыту, какъ неудобно задѣвать интересы господствующаго класса, идти противъ господствующаго общественнаго мнѣнія, но я рѣшаюсь на это, увѣренный, что меня выслушаютъ тѣ благородные люди, которые, кромѣ своихъ привилегій, умѣютъ понимать и сочувствовать общему благу. Притомъ въ настоящемъ случаѣ я говорю не однимъ высокообразованнымъ и богатымъ лордамъ, но всей странѣ, всѣмъ, кто можетъ меня слышать и понимать. Кромѣ *золотой* Англіи, которой удивляется весь свѣтъ, есть еще другая Англія, сермяжная, бѣдная, невѣжественная, вѣчно работающая и постоянно голодная. Это Англія безземельная, неимѣющая права считать своимъ даже тотъ клочекъ земли, который она обработываетъ, поливаетъ своимъ потомъ и удобряетъ костями своихъ предковъ... Кто не знаетъ—и однакожь всѣ умѣютъ молчать въ этомъ случаѣ,—что страшное, закоренѣлое зло нашей конституціи заключается въ обезземеленіи англійскаго народа. Въ немъ, въ этомъ обезземеленіи, скрывается источникъ величайшихъ несправедливостей и злоупотребленій, которыя грозятъ намъ въ будущемъ неизбѣжными потрясеніями, а въ настоящемъ кладутъ пятно на добрую славу Англіи. Давно уже въ стѣнахъ этого парламента раздаются одинокіе и скромные голоса противъ нашей крупной поземельной собственности, какъ послѣдняго остатка отъ феодальнаго безправія. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое, какъ не безправіе, какъ не продолжающееся насиліе кулачной расправы завоевателя, что это такое, какъ

не худшее рабство изъ всѣхъ его видовъ—обезземеленіе народа и захватъ всей территоріи, со всѣми ея естественными богатствами, ничтожной горстью людей?. Съ одной стороны нѣсколько лордовъ-землевладѣльцевъ, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ всѣ наши экономическія средства, а съ другой — масса населенія, неимѣющаго, что-называется, ни кола, ни двора, необезпеченная въ самыхъ насущныхъ своихъ нуждахъ и существующая только благодаря милости крупныхъ землевладѣльцевъ. И если-бъ они могли составить единодушный заговоръ и сказать этой обезземеленной массѣ: „мы не даемъ тебѣ больше земли для обработки ея и прокормленія твоихъ дѣтей“, то нѣсколько милліоновъ англійскаго населенія вдругъ остались-бы безъ куска хлѣба, безъ пріюта, жалкими нищими и бродягами. Въ ихъ распоряженіи было-бы одно море, чтобы сѣсть на корабли и отправиться въ пустыни Австраліи или на берега Америки. Законъ не защищаетъ ихъ; парламентъ противъ нихъ; подкупленная пресса молчитъ, когда дѣло касается ихъ интересовъ, и никто не видитъ или, лучше, не хочетъ видѣть въ этомъ глубоко-развращающемъ положеніи ни опасности, ни несправедливости. Всѣ, однакожъ, чувствуютъ, что такой порядокъ вещей не можетъ быть названъ нормальнымъ. Создать поголовный пролетаріатъ, отнять у народа его неотъемлемое право на существованіе, на землю, пріобрѣтенную его трудами, — это значитъ вести постоянную внутреннюю войну, безъ надежды на миръ и побѣду; это значитъ раздувать постоянно тлѣющее пламя революціи, вносить дисгармонію и вѣчный разладъ во всѣ отправленія государственнаго организма. Что искажаетъ и запутываетъ нашу финансовую систему, какъ не поземельная собственность, покоющаяся столько вѣковъ на безправіи завоевателя? Что создало нашу гибельную систему налоговъ, поражающихъ въ самомъ источникѣ производительныя силы Англіи? Что вызвало на свѣтъ эту кляузную и недоступную народу юрисдикцію, это дорого оплачиваемое пра-

восудіе, всегда готовое обвинить бѣднаго и оправдать богатаго? Опять та-же поземельная собственность. А эти нескончаемыя столкновенія землевладѣльцевъ и ихъ арендаторовъ съ безземельнымъ пролетаріатомъ. Все это плодъ той-же поземельной собственности, о которую, какъ о подводную скалу, разбиваются всѣ лучшія административныя, законодательныя и политическія преобразованія. Когда, въ эпохи народныхъ бѣдствій, какъ-то голода и экономическихъ потрясеній, эти милліоны обезземеленнаго населенія кричатъ намъ, своимъ представителямъ: „хлѣба! хлѣба!“— мы кладемъ руку на конституціонный кодексъ и клянемся, что хлѣба нѣтъ, что вся земля, съ ея разнообразными произведеніями, принадлежитъ не намъ, а нѣсколькимъ богатѣйшимъ лордамъ. Мы лицемѣримъ передъ Богомъ, передъ міромъ, передъ самими собой, благодаря этой ложной и своекорыстной системѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пока она существуетъ, нашъ политическій прогрессъ невозможенъ, наше могущество будетъ чистымъ призракомъ и рано или поздно мы или наши потомки убѣдятся, что истинные наши враги не по ту сторону канала, не за океаномъ, а дома, около насъ, въ самомъ сердцѣ нашей страны; это враги столько-же многочисленные, какъ и непримиримые, пока мы не постараемся примириться съ ними. Еще недавно была высказана мысль въ этомъ почтенномъ собраніи, что управлять страной, раздѣленной на два враждебные, лагеря, не только трудно, но и опасно. Какъ-бы ни были дальновидны наши государственные люди, но кто-же изъ нихъ возьмется предсказать, когда эта опасность наступитъ, когда кризисъ застанетъ насъ врасплохъ? Мы только-что потеряли лучшія свои колоніи въ Америкѣ, потеряли ихъ съ величайшими пожертвованіями и, скажу болѣе, съ горькимъ позоромъ для англійскаго имени; но кто-же изъ нашихъ мудрецовъ предвидѣлъ эту страшную катастрофу? Напротивъ, многіе-ли изъ нихъ, въ самый разгаръ войны и ея бѣдствій, понимали сущность дѣла и зна-

ченіе потери? Напротивъ, не они-ли до послѣдней минуты держались того мнѣнія, что Англія должна бороться до истощенія своихъ послѣднихъ силъ? Кому-же теперь неизвѣстно, чѣмъ все это кончилось? Точно такъ-же нечаянно и непредвидѣнно можетъ застать насъ и поземельный кризисъ. Когда разразится гроза, поздно будетъ думать о предупредительныхъ мѣрахъ. Не то правительство мудро, которое плетется позади своего народа, руководствуясь только насущными его нуждами, а то, которое можетъ предугадывать, какъ искусный кормчій, предстоящія бури и опасные подводные рифы. Я далекъ отъ того, чтобы брать на себя роль пророка или рѣшителя этого серьезнѣйшаго вопроса; еще менѣе я вѣрю въ его немедленное разрѣшеніе, но я убѣжденъ, что на обязанности нашего поколѣнія лежитъ разъясненіе его и приготовленіе къ будущей реформѣ; я настаиваю только на томъ, что закрывать глаза на такую внутреннюю язву, разъѣдающую все тѣло Англіи, недостойно ни мудраго правительства, ни хорошаго общества. Кто-то сказалъ здѣсь изъ почтенныхъ лордовъ, что намъ нѣтъ дѣла до того, что будетъ занимать нашихъ потомковъ; но этотъ лордъ, очевидно, думаетъ по числамъ прошлогодняго календаря и смотритъ въ будущее не дальше завтрашняго обѣда. Такіе совѣтники уже не разъ губили и болѣе сильныя правительства и ставили государства на краю пропасти. Я не преувеличу, если скажу, что такіе совѣтники — худшіе изъ нашихъ враговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы избѣжали-бы многихъ народныхъ бѣдствій, если-бы не слушали такихъ совѣтовъ и умѣли-бы читать свою исторію не только въ прошломъ, но и въ будущемъ. Я напомню при этомъ одинъ случай и надѣюсь, что въ этомъ напоминаніи никто не усмотритъ намѣреннаго укора высокоуважаемому собранію, въ которомъ я имѣю честь засѣдать. Бѣдствія и народныя волненія, раздирающія бѣдную Ирландію, давно уже тревожатъ насъ, возмущаютъ нашу совѣсть, какъ мы ни стараемся заглушить

ее,—и лучшіе изъ государственныхъ людей горячо желали-бы закрыть эту кровавую рану, которая заражаетъ насъ всѣхъ. Теперь эту рану залечить не легко, но было время, когда наши предки могли предвидѣть ее и не открывать; для этого имъ стоило только послушать не тѣхъ, которые думаютъ по прошлогоднему календарю, а тѣхъ, которые оцѣниваютъ великія событія на основаніи не только настоящихъ, но и будущихъ судебъ Англіи. Будемъ-же благоразумны прежде, чѣмъ опасность наступила, и справедливы не по необходимости, а по чувству долга и по разуму!"

Такимъ образомъ, Беркъ предложилъ билль за лучшую организацію гражданскихъ учрежденій и нѣкоторыхъ общественныхъ должностей, за ограниченіе наградъ и пенсіоновъ, за уничтоженіе разныхъ безполезныхъ, ненужныхъ, но дорого оплачиваемыхъ мѣстъ, за такую финансовую реформу, которая-бы строго размѣряла денежныя траты, по всѣмъ отраслямъ управленія, съ общественными нуждами,—иначе говоря, Беркъ требовалъ, чтобы *личное* управленіе финансами страны было замѣнено *общественнымъ*". Далѣе онъ требовалъ отмѣны тѣхъ старыхъ и ненавистныхъ привилегій, которыя подкапываютъ въ самомъ корнѣ экономическія силы страны. „Я увѣренъ, заключаетъ онъ свою рѣчь,—что нѣтъ человѣка, который-бы такъ пламенно былъ приверженъ къ правамъ и преимуществамъ нашего парламента, особенно къ его неотъемлемому праву наблюдать и контролировать финансовое управленіе, какъ я. Но я также убѣжденъ и въ томъ, что лорды ни въ какомъ случаѣ и никакого права не имѣютъ на произвольное распоряженіе народнымъ кошелькомъ. Я никогда не думалъ оспаривать у нихъ власти провѣрки, исправленія и преслѣдованія злоупотребленій казенными суммами; но мы самую палату лордовъ считаемъ безполезнымъ учрежденіемъ. Такъ думали наши отцы назадъ тому столѣтіе; такъ думаютъ многіе изъ насъ и теперь. Все бремя предполагаемой реформы лежитъ *на насъ* и мы не хотѣли-бы обманывать надеждъ націи, которая кое-чего лучшаго ожидаетъ

для себя отъ нашей честности. Если не всѣ одинаково сознаютъ эту обязанность, лежащую на насъ, то будьте увѣрены, что всѣ одинаково ожидаютъ исполненія реформы. Почтенное молчаніе тѣхъ, которые разсчитываютъ на вашу добрую волю, такъ-же грозно должно дѣйствовать на васъ, какъ и крики тѣхъ, которые требуютъ вашего служенія странѣ, какъ своего права... А требуютъ этого именно тѣ, которые вполнѣ принадлежатъ народу, которые желаютъ возвратить васъ къ вашему *собственному* долгу, къ вашимъ обязанностямъ и чести, поставить васъ въ совершенно спокойное, твердое и безобидное положеніе. Вѣдь нельзя не признаться, что мы сами виноваты въ томъ, что англійскій народъ ропщетъ. Намъ надо очистить себя отъ тѣхъ людей, которые если не набрасываютъ на насъ тѣнь неблаговидныхъ поступковъ, то не дѣлаютъ намъ и особенной чести; намъ нужно устранить изъ своего поведенія все, что увеличиваетъ народное недовѣріе и возбуждаетъ его справедливое негодованіе; мы должны съ полнымъ презрѣніемъ отбросить отъ себя всѣ эти пустыя и эфемерныя выраженія любви, на которыя мы такъ падки, всѣ эти предметы роскоши, браслеты, табакерки, миніатюрныя живописныя вещицы, великолѣпныя куафюры, всѣ эти цацы и брелоки, которые служатъ признакомъ нашего нравственнаго упадка и останутся памятникомъ нашего позора. Дайте намъ возможность возвратиться къ нашимъ лучшимъ предпріятіямъ законнымъ порядкомъ—и всѣ эти распри и кляузы окончатся полнымъ миролюбіемъ; дайте возможность парламенту быть не представителемъ личныхъ и карманныхъ интересовъ извѣстнаго сословія, а интересовъ всего народа. Барьеръ, отдѣляющій насъ отъ націи, столько-же противоестественный, сколько и задерживающій нашу дѣятельность. Однимъ словомъ, мы должны вплотную слиться съ народомъ и жить одною съ нимъ жизнію. Если мы будемъ относиться съ уваженіемъ къ себѣ, то и весь міръ будетъ уважать насъ. Въ настоящій-же моментъ все волнуется, негодуетъ, омрачается, какъ извнѣ, такъ и внутри страны;

но эта буря разчистить атмосферу и плодотворный свѣтъ снова озаритъ насъ... Я увѣренъ искренно, что эти чувства одушевляютъ насъ всѣхъ, и я желалъ-бы, чтобы, пока еще можно думать и дѣйствовать, эти чувства не охладились въ насъ, и мы приступили-бы прямо и искренно къ осуществленію предложенной мною спасительной реформы".

Финансовые проекты Берка не были приняты, но когда въ 1782 г. онъ сдѣлался главнымъ военнымъ казначеемъ въ министерствѣ Рокингама, онъ отчасти успѣлъ осуществить свои планы и произвелъ сокращеніе даже въ собственномъ своемъ жалованьѣ.

V.

XVIII вѣкъ съ его треволненіями, съ его великой революціей погубилъ не только много жизней, но и много умовъ. Сумасшествія замѣтно увеличились численно, особенно въ средѣ людей государственныхъ. Въ Англіи, гдѣ политическая борьба хотя и не дошла до открытаго междоусобія, но тѣмъ не менѣе была сильна и упорна,—въ Англіи горькой участи психическаго разстройства подверглись три самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятеля. Питтъ старшій одно время сходилъ съ ума; Георгъ III провелъ въ сумасшествіи послѣдніе годы своей жизни; не уцѣлѣлъ и Беркъ. Революціонный терроръ ужасалъ его и возбуждалъ въ немъ отвращеніе къ французскому перевороту. Въ это самое время умеръ его нѣжно-любимый сынъ, въ которомъ онъ видѣлъ преемника своей славы. „Жизнь моя идетъ обратнымъ порядкомъ, писалъ онъ послѣ этого удара.—Тѣ, которые должны были наслѣдовать мнѣ, умерли прежде меня. Тѣ, которымъ слѣдовало быть для меня потомствомъ, заняли мѣсто предковъ. Буря сразила меня, и я палъ, подобно одному изъ старыхъ дубовъ, разбросанныхъ вокругъ меня послѣднимъ ураганомъ. Я лишенъ всего, чѣмъ красовался, я вырванъ съ корнями и лежу, поверженный, на

землѣ". Въ декабрѣ 1788 г. Беркъ произнесъ въ парламентѣ рѣчь, поразившую всѣхъ своей странностью, и кончилъ ее „совсѣмъ какъ помѣшанный". Онъ началъ оскорблять своихъ лучшихъ друзей и разрывалъ съ ними всякую связь, коль скоро замѣчалъ ихъ сочувствіе къ Франціи. Въ 1791 г. въ парламентѣ давнишній другъ его, Фоксъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ политическіе принципы, провозглашенные французами, а Беркъ проклиналъ ихъ. Фоксъ со слезами на глазахъ замѣтилъ, что, съ перемѣною мнѣній своего друга, онъ надѣется, по крайней мѣрѣ, не лишиться его дружбы, но Беркъ грубо отвѣчалъ, что онъ жертвуетъ чести даже дружбою. Въ тотъ-же вечеръ, возвращаясь домой съ однимъ другомъ въ каретѣ послѣдняго, Беркъ, до тѣхъ поръ крайне вѣжливый, былъ взбѣшенъ симпатіями своего друга до того, что потребовалъ, чтобы его немедленно выпустили изъ экипажа среди ночи и при проливномъ дождѣ, такъ какъ онъ считалъ оскорбительнымъ для себя сидѣть подлѣ человѣка, расположеннаго къ революціонному движенію французовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ („Размышленія о франц. революціи," „Письма о цареубійственномъ мирѣ" и др.) и въ своихъ рѣчахъ Беркъ доходилъ до неистовства, сыпалъ проклятіями, искажалъ факты, чернилъ благороднѣйшихъ людей, въ родѣ Кондорсе и Лафайета, которыхъ онъ называлъ „злодѣями", фанатиками атеизма" и т. д. Всѣ остальные французы были для него „націей убійцъ, кровожадными атеистами, шайкой разбойниковъ, гнуснѣйшимъ народомъ въ мірѣ" и т. д. Франція—это „замокъ людоѣдовъ, адъ, республика убійцъ"; правительство ея состоитъ изъ „самыхъ грязныхъ, низкихъ, подлыхъ и гнусныхъ крючкотворцевъ", національное собраніе—изъ „безбожниковъ" и т. д. Францію слѣдуетъ предать забвенію, необходимо прекратить всякія сношенія съ нею, ее слѣдуетъ стереть съ лица земли. Съ той-же изумительной энергіей, съ какой онъ преслѣдовалъ нѣкогда Гэстингса, Беркъ проповѣдывалъ теперь крестовый походъ противъ Франціи, цѣлью котораго должно быть „со-

вершенное истребленіе отчаяннаго скопища людей, произведшихъ это своеволіе". Война, говорилъ Беркъ,—должна быть ведена упорно до тѣхъ поръ, пока не достигнется эта цѣль; „она должна быть долгою войною; я настаиваю на этомъ и желаю, чтобы слова мои были замѣчены,—*долгою войною*". Но внѣшнею войною онъ не ограничивался, требуя, чтобы основою всей политики Англіи былъ сдѣланъ „принципъ безусловной вражды къ французской государственной системѣ, *внутри государства и внѣ его.*

Эти рѣчи Берка и его послѣднія сочиненія доставили ему славу перваго борца за старый порядокъ. Екатерина II и другіе государи осыпали его самыми лестными комплиментами, Людовикъ XVI переводилъ его „Размышленія" на французскій языкъ, а Георгъ III, раньше такъ ненавидѣвшій этого человѣка, теперь пожелалъ сблизиться съ нимъ и назначилъ ему пенсію. Благородный, свободолюбивый Беркъ сдѣлался слугою реакціи, которая возникла подъ вліяніемъ ужаса, объявшаго англійскихъ консерваторовъ при громовыхъ раскатахъ революціи и ея отголоскахъ въ Англіи. Питтъ младшій шелъ противъ принциповъ своего покойнаго отца, Беркъ вооружался противъ своихъ собственныхъ принциповъ, за которые онъ боролся въ лучшую эпоху своей жизни. Ирландія была въ открытомъ возстаніи, въ Англіи всѣ либеральные и прогрессивные люди готовы были до послѣднихъ силъ защищать конституціонную свободу, которую, пользуясь обстоятельствами, хотѣла подавить правительственная партія. Либеральныхъ писателей преслѣдовали, ссылали, сажали въ тюрьмы; публичные митинги разгонялись и запрещались; библіотеки были стѣснены до крайности; „всякій домъ, комната или мѣсто, говорилъ законъ,—которые будутъ открыты или употребляемы, какъ мѣсто собранія для чтенія книгъ, брошюръ, газетъ или другихъ изданій, должны быть признаны *за развратный домъ* и содержатель долженъ быть наказанъ, какъ того требуетъ законъ о содержаніи развратныхъ домовъ". Habeas cor-

pus былъ то и дѣло отмѣняемъ: всѣ публичныя мѣста были наполнены шпіонами, по доносамъ которыхъ Питтъ арестовывалъ множество людей, противозаконно держалъ ихъ въ крѣпости, потомъ выпускалъ, или, предавая суду, назначалъ присяжныхъ по выбору. По мѣрѣ того, какъ реакція ожесточалась, сопротивленіе ей общества усиливалось и дѣла принимали чрезвычайно тревожный оборотъ. „Я, писалъ Фоксъ въ 1793 г.,—совершенно убѣжденъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ или это правительство будетъ совершенно абсолютнымъ, или произойдутъ такого рода смуты, которыхъ нужно столько-же опасаться, какъ и самого деспотизма". Въ 1795 году Фоксъ заявилъ въ парламентѣ, что если предлагаемые постыдные билли и будутъ утверждены вопреки волѣ націи и выполнены во всей ихъ строгости, и „если-бы нація спросила моего мнѣнія о томъ, должна-ли она повиноваться подобнымъ законамъ, то я-бы отвѣтилъ, что это повиновеніе уже не составляетъ вопроса нравственнаго долга и обязанности, а только практическаго разсчета. Дѣйствительно, это былъ-бы случай такой крайности, которая одна только можетъ оправдать сопротивленіе правительству, и вопросъ былъ-бы только въ томъ, можно-ли разсчитывать на успѣхъ сопротивленія". Къ счастію, Англія до открытой борьбы не дошла. Масса англійскаго общества оказалась столь выдержанною въ политическомъ отношеніи, что парализовала стремленія крайней реакціонной партіи, и черезъ тридцать лѣтъ доставила побѣду дѣлу реформы.

Беркъ умеръ въ 1797 г. Странная судьба этого человѣка. Въ первый періодъ своей дѣятельности онъ былъ передовымъ представителемъ прогрессивныхъ идей, и хотя его гуманныя и просвѣщенныя стремленія не осуществились при его жизни, но все-таки онъ имѣлъ большое вліяніе на политическое развитіе общества и подготовилъ реформы настоящаго вѣка. Пораженный ужасами революціи, Беркъ вооружился противъ тѣхъ самыхъ идей, которыя онъ такъ еще недавно пропагандировалъ, и хотя его умъ въ это время уже помрачился,

но все еще сохранилъ настолько силы, что Беркъ сдѣлался однимъ изъ влiятельнѣйшихъ людей консервативной партiи и началъ истреблять то, что онъ нѣкогда сѣялъ. Беркъ перваго перiода сдѣлался классическимъ политикомъ для прогрессистовъ, Беркъ второго перiода до сихъ поръ остается классикомъ для консерваторовъ. Но его рѣчи и сочиненiя перваго перiода несравненно сильнѣе и талантливѣе послѣднихъ. Рѣчи объ Америкѣ, объ Остъ-Индiи, о Гэстингсѣ и экономической реформѣ ставятъ Берка на ряду съ величайшими ораторами новой исторiи. И мы довольны будемъ, если наше изложенiе дастъ читателю хотя нѣкоторое понятiе о силѣ этого таланта.

ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ВЪ АНГЛІИ.

(The Newspaper Press, its Origin, Progress and Present Position. By James Grant. 2 volumes. London. 1871.)

I.

Періодическая печать—одно изъ величайшихъ созданій новѣйшей цивилизаціи, одинъ изъ главныхъ двигателей всемірнаго прогресса. Она просвѣщаетъ массы, возбуждаетъ и поддерживаетъ ихъ мыслительную дѣятельность, объединяетъ партіи и народы, дѣлаетъ читателя участникомъ и свидѣтелемъ всемірной человѣческой жизни и дѣятельности. Всѣ отправленія народной жизни тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ журналистикой и газета служитъ такою-же потребностью образованнаго человѣка, какъ пища и воздухъ. Недавно въ прусскомъ парламентѣ, по поводу конфискаціи нумеровъ нѣсколькихъ берлинскихъ газетъ, одинъ депутатъ совершенно основательно замѣтилъ, что по отношенію къ читателямъ конфискація точно такое-же тяжкое лишеніе, какъ отнятіе обѣда или завтрака. Торговля, промышленность, наука, искуство, политика—все это въ настоящее время живетъ и дышетъ журналами, которые служатъ такими-же необходимыми *органами* общественнаго тѣла, какъ глаза, уши и языкъ въ отдѣльномъ организмѣ. Трудно представить себѣ, какой безпорядокъ, какой хаосъ, какое смятеніе водворилось-бы на землѣ, если-бы

какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ прекратились вдругъ всѣ газеты и журналы!

Само собою понятно, что наши слова относятся къ періодической печати цѣлаго міра и въ особенности къ журналамъ передовыхъ и развитыхъ странъ. Народы варварскіе и невѣжественные живутъ безъ журналистики. Однообразная, стоячая, какъ болото, ихъ жизнь не нуждается въ періодической печати, какъ мертвый не нуждается въ живыхъ впечатлѣніяхъ. Интересы такой жизни такъ ничтожны и мелочны, монотонный и рутинный ходъ ея такъ медленно и апатично совершается, что общество мало или вовсе не интересуется настоящимъ, всего менѣе всматривается въ будущее и, обыкновенно, живетъ однимъ прошедшимъ... Въ Китаѣ, гдѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ издается придворная пекинская газета, прекращеніе ея не принесло-бы особеннаго вреда населенію и не было-бы большимъ бѣдствіемъ для поднебесной имперіи. Но чѣмъ болѣе развивается народъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ настоятельную потребность въ возбужденіи своей мысли, въ наблюденіи событій, совершающихся вокругъ него и въ цѣломъ мірѣ, тѣмъ болѣе періодическая печать становится однимъ изъ существенныхъ отправленій его жизни, а потому тѣмъ болѣе онъ заботится объ ея благосостояніи и процвѣтаніи.

Характеръ, степень развитія и вліятельности печати вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру и степени развитія народа. Въ неподвижномъ Китаѣ существуютъ только однѣ офиціальныя газеты, только одни органы правительства. Въ Римѣ также составлялись „Ежедневные Акты“ (Acta Diurna) о военныхъ дѣлахъ и разсылались въ провинціальныя войска; впослѣдствіи въ нихъ стали помѣщать извѣстія о разныхъ происшествіяхъ въ Римѣ, торжествахъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, замѣчательныхъ явленіяхъ природы. Послѣ паденія Рима, періодическія изданія являются впервые въ половинѣ XVI в. въ Венеціи, гдѣ они и получаютъ названіе *газеты*, по имени

той мелкой монеты, за которую онѣ продавались. Газеты быстро начали пріобрѣтать такую популярность въ Венеціи, что правительство испугалось ихъ распространенія и долгое время не дозволяло печатать ихъ, а допускало только письменное изданіе. То-же самое было и въ Германіи, гдѣ первыя газеты появились въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ. Въ Англіи первыя газеты появляются въ началѣ XVII столѣтія и большинство ихъ носитъ странныя названія, какъ, напримѣръ: „Шотландскій Голубь“, „Парламентскій Коршунъ“, „Секретная Сова“, „Человѣкъ на Лунѣ“ и т. д. Сначала всѣ эти изданія выходили въ рукописяхъ, и первая печатная газета, „Еженедѣльныя Новости“, была основана въ 1622 г. Число этихъ первоначальныхъ газетъ далеко превышало запросъ на нихъ, такъ что многія изданія жили только втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже недѣль; были и такія, которыя прекращались на первомъ-же нумерѣ. Вслѣдствіе малочисленности подписчиковъ, журналисты старались ловить ихъ на перебой, и всякая газета вела ожесточенную войну со всѣми другими, осыпая ихъ всевозможною бранью, обвиняя во лжи и превознося до небесъ достовѣрность и интересъ извѣстій, сообщаемыхъ ею. Но недостатокъ подписчиковъ не долго затруднялъ издателей. Запросъ на газеты постепенно возрасталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число ихъ. Въ 1660 году въ Лондонѣ издавалось уже до 12 газетъ, а въ 1688 году больше 70.

Первыя газеты удовлетворяли, главнымъ образомъ, обыденному, житейскому любопытству общества, тому любопытству, которое въ нашихъ полудикихъ селахъ и городишкахъ порождаетъ столько сплетень. Въ этихъ изданіяхъ не было ни направленія, ни руководящихъ статей; это были только періодическіе сборники извѣстій, интересныхъ для тогдашняго общества. О характерѣ этихъ извѣстій читатель можетъ судить по слѣдующимъ извлеченіямъ. Въ 1642 году „Морской Меркурій“ сообщалъ „истинный разсказъ о чудесномъ появленіи

на рѣкѣ Темзѣ человѣка-рыбы, съ мушкетомъ въ одной рукѣ и съ просьбой въ другой, — разсказъ, достовѣрно переданный шестью моряками, которые сами видѣли это чудовище и говорили съ нимъ". Въ 1653 г. газеты извѣщали о „морской дѣвѣ", проплывшей мимо Гринвича, и подробно описывали ея наружность. Самыми интересными извѣстіями изъ дѣйствительной жизни были придворныя новости. Еще до появленія газетъ разные лорды и значительные джентльмены имѣли въ Лондонѣ своихъ агентовъ, которые за извѣстное вознагражденіе доставляли имъ ежедневно извѣстія о придворной жизни и правительственной дѣятельности. Газеты были тѣмъже для массы публики, чѣмъ были письма упомянутыхъ корреспондентовъ для важныхъ господъ. Но матеріяловъ для наполненія газетныхъ листовъ было такъ мало, что они выходили очень рѣдко и притомъ въ неопредѣленные сроки, большею частію раза два въ мѣсяцъ. Если извѣстій не доставало на цѣлый листъ, то для наполненія его печатали главу изъ библіи *). Частныя объявленія появляются еще въ то время, когда газеты выходили въ рукописи. Издатели оставляли въ каждомъ нумерѣ пустое мѣсто, на которомъ купившій газету читатель могъ помѣщать свои новости или объявленія и потомъ передавать или продавать этотъ нумеръ другимъ. Объявленія о газетахъ дѣлались въ такомъ тонѣ: „Если какой-нибудь джентльменъ желаетъ обязать своего корреспондента или друга, живущихъ не въ столицѣ, сообщеніемъ извѣстій объ общественныхъ дѣлахъ, то онъ можетъ получить эти извѣстія за столько-то, тамъ-то и отъ того-то, на листѣ прекрасной

*) «Times» иногда дѣлаетъ это до сихъ поръ. Во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ извѣстно, не принято оставлять пустого мѣста на листахъ, и *на затычку*, какъ выражаются типографщики, непремѣнно что-нибудь помѣщается; въ журналахъ большею частію помѣщаются стихи. Въ одной русской газетѣ, редакторъ которой былъ примѣрнымъ лѣнтяемъ и никогда не заботился о приготовленіи *затычекъ*, типографія обыкновенно помѣщала на затычку постоянно хранившійся въ ней наборъ замѣтки подъ заглавіемъ: «*Еще дитя, съѣденное свиньею*».

бумаги, половина котораго оставлена бѣлою, чтобы на ней можно было писать о своихъ домашнихъ дѣлахъ или сообщать новости дня".

При тѣхъ сильныхъ умственныхъ и общественныхъ движеніяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ совершались въ англійскомъ обществѣ, газеты не могли долго оставаться только однимъ средствомъ для удовлетворенія любопытства. Общество увидало ихъ пользу и постаралось превратить ихъ въ орудія для достиженія своихъ цѣлей. Купцы и промышленники помѣщали въ нихъ объявленія и посредствомъ ихъ привлекали покупателей. Духовенство начало издавать свой органъ, „Церковный Меркурій или Сіонскія Новости". Медики основали „Медицинскій Меркурій, Высшее Исцѣленіе для Нашихъ Больныхъ Временъ". Появились газеты, спеціально посвященныя литературѣ и мореплаванію. Люди, стоявшіе во главѣ общественныхъ движеній, вскорѣ-же послѣ перваго появленія газетъ начали писать въ нихъ о политическихъ сюжетахъ и приготовлять націю къ тому перевороту, который положилъ основу свободы и величія современной Англіи. Таковы были, напримѣръ, Даніель Дефо и Мильтонъ. Гласность, какъ ни была она невинна въ первое время журнальной прессы, и безцеремонныя замѣчанія газетчиковъ о лицахъ и событіяхъ создали юной прессѣ множество враговъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ даже нѣкоторыхъ передовыхъ людей того времени, напримѣръ Бенъ-Джонсона. Еще болѣе вражды и ненависти къ себѣ возбуждали газеты въ тѣхъ людяхъ и корпораціяхъ, которые считали себя властителями страны, а свои кабинеты — недоступными для обыкновенныхъ смертныхъ святилищами, въ которыхъ они совершали политическія таинства. Правда, что тогдашнія газеты не помѣщали даже извѣстій о засѣданіяхъ парламента и продажность всѣхъ почти безъ исключенія газетчиковъ доходила до послѣднихъ предѣловъ безсовѣстности, но при всемъ томъ, писатели, въ родѣ Мильтона и Дефо, своею неподкупною честностью и своимъ пламеннымъ

желаніемъ служить дѣлу англійской свободы постоянно возбуждали противъ себя и противъ журналовъ ожесточенныя правительственныя гоненія. При Кромвелѣ журналистика вздохнула свободно. Но лишь только возсѣлъ на престолъ Карлъ II, какъ, не думая долго, однимъ почеркомъ пера уничтожилъ всю періодическую печать и дозволилъ издавать одну офиціальную „Лондонскую Газету", которая сообщала подданнымъ его величества о нѣкоторыхъ иностранныхъ событіяхъ, о пожарахъ, пѣтушьихъ бояхъ, печатала королевскіе манифесты, адресы вѣрноподданныхъ торіевъ и т. п. Изданіе частныхъ газетъ впослѣдствіи было допущено, но не иначе, какъ съ особаго королевскаго разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Періодическая пресса становилась общественною силою и помѣщичье правительство Карла принимало строжайшія мѣры для подавленія этой силы. Газеты были отданы подъ надзоръ журналиста Роджера Летранджа, который долгое время торговалъ либерализмомъ въ своихъ изданіяхъ, былъ горячимъ поборникомъ свободы слова, просидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ и четыре года въ Ньюгетѣ приговореннымъ къ смертной казни. Перебѣжавъ на сторону реставрированнаго короля и получивъ мѣсто главнаго инспектора надъ періодическими изданіями, онъ объявилъ имъ въ своей газетѣ, что имъ пощады не будетъ. За непозволительную, по его мнѣнію, статью онъ преслѣдовалъ и наказывалъ и автора, и редактора, и поставщика бумаги, и словолитчика, доставившаго шрифтъ, наборщиковъ, плотниковъ—всѣхъ, кто посредственно или непосредственно участвовалъ въ изданіи и распространеніи газеты. За проступки и преступленія по дѣламъ печати тогда существовали безчеловѣчныя, ужасныя наказанія, какія только могъ выдумать самый безцеремонный деспотизмъ,—смертная казнь, изувѣченіе, тюремное заключеніе, изгнаніе, выставка къ позорному столбу, выставка подъ висѣлицей, наказаніе палками, бичеваніе, каторжная работа въ рудникахъ, штрафы до 10,000 ф. ст. и т. д. Но Летранджу было мало этихъ

наказаній и онъ измышлялъ новыя... Несмотря на усиленныя преслѣдованія и жестокія наказанія, во все время реставраціи находилось не мало друзей свободы, которые во имя ея безстрашно подвергались мученіямъ, шли подъ кнутъ, въ тюрьму и подъ висѣлицу, но все-таки не измѣняли своимъ убѣжденіямъ и утверждали въ обществѣ тѣ свободныя традиціи, которыя сдѣлались силой и гордостью англійской печати. Но общее положеніе газетной прессы все-таки сильно ухудшилось. Число лондонскихъ газетъ уменьшилось съ шестидесяти до двадцати. Многія изъ нихъ начали колебаться и прислуживаться, несмотря на то, что такое поведеніе возбуждало въ публикѣ негодованіе. Тонъ газетъ значительно понизился и содержаніе ихъ сдѣлалось далеко не такъ интереснымъ и серьезнымъ, какъ было при Кромвелѣ. Нѣкоторыя извѣстія тогдашнихъ газетъ чрезвычайно характеристичны для общества реставраціи, для этого грубаго, невѣжественнаго, развратнаго общества, старавшагося искоренить послѣдніе остатки англійской свободы. Кулачные и пѣтушиные бои, постоянные скандалы, драки, грабежи, объявленія Карла II объ отысканіи его украденной собачонки, побои извѣстныхъ писателей, наносимые имъ на улицѣ людьми враждебныхъ имъ партій,—вотъ что составляло содержаніе тогдашней прессы. Дѣятельность парламента оставалась тайною для читающей публики. За то личность короля доводилась до апотеоза и газеты не упускали случая извѣщать о чудесныхъ проявленіяхъ той почіющей на немъ божественной силы, которую Карлъ II приписывалъ себѣ, какъ непремѣнную прерогативу. Вмѣстѣ со множествомъ объявленій разныхъ медицинскихъ шарлатановъ, въ газетахъ помѣщались объявленія Карла II, въ которыхъ онъ извѣщалъ своихъ вѣрноподданныхъ, что можетъ исцѣлять ихъ отъ свирѣпствовавшей тогда оспы однимъ только прикосновеніемъ своей королевской руки. Впрочемъ, это дѣлалъ не одинъ Карлъ II, а также и нѣкоторые изъ послѣдующихъ королей. Въ молитвенникѣ, напечатанномъ при королевѣ Аннѣ, англій-

ское духовенство санкціонировало это вѣрованіе въ чудодѣйственную королевскую силу. Даже лучшіе медики того времени посылали толпы своихъ паціентовъ во дворецъ для принятія исцѣленія отъ руки короля.

II.

Втеченіи XVIII и начала XIX вѣка газетная пресса быстро развивается и пріобрѣтаетъ то важное значеніе, какое она имѣетъ въ настоящее время. Въ 1702 году появилась первая ежедневная газета. Въ 1753 г. въ Англіи, имѣвшей тогда 6,186,336 жителей, выходило въ годъ 7,411,757 нумеровъ періодическихъ изданій, а черезъ тридцать лѣтъ это число возрасло до 13,000,000. Распространенность газетъ имѣла сильное воспитательное вліяніе на общество, пропагандируя въ немъ знанія и прогрессивныя идеи, возбуждая мысль и давая ей солидные матеріялы для дѣятельности. Даже заклятый врагъ журналовъ, д-ръ Джонсонъ, все-таки признавалъ громадное значеніе газетъ и говорилъ, что „эти историки минуты, презираемые составителями объемистыхъ сочиненій, необходимы для націи. Для насъ, получающихъ новости каждое утро и каждый вечеръ и снабжаемыхъ изо дня въ день матеріялами для бесѣды, трудно понять, какъ можетъ существовать человѣкъ безъ газеты или что можетъ интересовать общество въ тѣхъ обширныхъ областяхъ земли, которыя не имѣютъ ни хроникъ, ни магазиновъ, ни газетъ, ни журналовъ, ни вечернихъ почтъ. Всѣ иностранцы замѣчаютъ, что знанія массы народа гораздо выше въ Англіи, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. И этимъ превосходствомъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны тѣмъ ручейкамъ знаній, которые непрерывно струятся между нами и изъ которыхъ каждый можетъ пользоваться“. Въ газетахъ участвовали лучшіе писатели своего времени—Стиль, Аддисонъ, Болингброкъ, Свифтъ, Беркъ, Кольриджъ и др. Исторія газетной прессы этого времени въ

высшей степени поучительна. Журналисты съ упорною настойчивостью добиваются расширенія сферы дѣятельности для печати и дѣлаютъ ее однимъ изъ главныхъ факторовъ общественнаго прогресса. Они цѣною многихъ усилій получаютъ доступъ въ парламентъ и регулярно начинаютъ извѣщать страну о дѣятельности палатъ, которыя до тѣхъ поръ скрывались отъ общества и съ этою цѣлью даже ввели въ обычай засѣдать по ночамъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія въ газетахъ появляются первыя, очень краткія и сухія извѣстія о засѣданіяхъ парламента. Репортеры передавали эти извѣстія съ такою осторожностью, что не только имена парламентскихъ членовъ обозначали лишь однѣми начальными буквами, но даже палату лордовъ называли не иначе, какъ *п. л—въ*, а палату общинъ—*п. о—нъ*!.. Несмотря на это, парламентъ испугался такой гласности, объявилъ ее въ 1729 г. нарушеніемъ своихъ привилегій и постановилъ подвергать „жесточайшимъ наказаніямъ“ всѣхъ виновныхъ въ обнародованіи извѣстій объ его засѣданіяхъ. Но настойчивое желаніе общества знать о дѣятельности своихъ представителей и правителей было такъ сильно, что для удовлетворенія ему, несмотря ни на какія запрещенія, журналисты постоянно проникали въ залу засѣданій, подслушивали у ея дверей, собирали окольными путями свѣденія о парламентскихъ засѣданіяхъ и удовлетворяли любопытству публики. Парламентъ то-и-дѣло обращалъ на это вниманіе и угрожалъ тяжкими карами нарушителямъ своей привилегіи засѣдать по ночамъ и измѣнять дѣлу того народа, представителемъ котораго онъ былъ. Редакторъ одного журнала, Кевъ, употреблявшій всевозможныя уловки, чтобы присутствовать на парламентскихъ засѣданіяхъ или, по крайней мѣрѣ, подслушивать, что говорилось на нихъ, во избѣжаніе отвѣтственности, объяснялъ читателямъ, что передаваемыя имъ извѣстія касаются воображаемаго парламента въ странѣ лиллипутовъ. Но въ 1747 г. его и издателя „Лондонскаго Магазина“, Астлея, арестовали и предали

суду за обнародованіе дѣла одного лорда, судившагося своими пэрами по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Кевъ и Астлей, впрочемъ, не особенно пострадали: имъ сдѣлали строгій выговоръ, присудили къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, заставили раскаяться въ своемъ поведеніи, испросить прощеніе лордовъ и дать обязательство не нарушать впредь парламентской привилегіи. Вскорѣ затѣмъ оба эти издателя возобновили свою репортерскую дѣятельность, при чемъ Астлей, говоря о парламентѣ, называлъ его римскимъ сенатомъ и всѣмъ членамъ его давалъ латинскія прозвища. Въ виду подобныхъ дѣйствій журналистики, парламентъ то-и-дѣло угрожалъ ей „жесточайшими наказаніями“, но ни однажды не осмѣлился прибѣгнуть къ жестокости, опасаясь общества, которое ревностно стояло за журнальную гласность. Онъ привлекалъ журналистовъ къ суду, но ограничивался тѣмъ, что дѣлалъ имъ выговоры, налагалъ денежные штрафы и заставлялъ ихъ испрашивать прощеніе, стоя на колѣняхъ. Палата лордовъ сплошь и рядомъ предавала журналистовъ суду и налагала на нихъ большіе штрафы за то, что они въ своихъ газетахъ дерзали „упоминать имена ея членовъ“! Но журналисты были безстрашны и честно служили своему дѣлу. Однажды, въ половинѣ прошлаго вѣка, парламентъ вздумалъ-было показать примѣръ строгости на редакторѣ „Лондонской Вечерней Почты“, предалъ его суду и приказалъ арестовать. Но лордъ-мэръ призналъ этотъ арестъ незаконнымъ и освободилъ редактора. Палата общинъ взбѣсилась по поводу такого непризнанія ея власти, и не было тѣхъ ужасныхъ наказаній, которыми-бы не угрожали лорду-мэру члены ея во время продолжительныхъ и бурныхъ преній, возбужденныхъ этимъ казусомъ. Но въ концѣ концовъ палата все-таки вынуждена была покориться общественному мнѣнію, и газетная публикація парламентскихъ преній была допущена безусловно и навсегда, хотя и не санкціонирована положительнымъ закономъ.

Тѣмъ-же путемъ многолѣтней упорной борьбы англійская

журналистика завоевала себѣ и всѣ другія льготы. Мы уже говорили, что съ самаго начала реставраціи прессу старались запугать, обезсилить и, что еще хуже, обезсмыслить посредствомъ жестокихъ наказаній. Эта суровая опека, эти преслѣдованія позорятъ собою почти всю исторію XVIII вѣка. Сколько выстрадалъ за свои сатиры и политическія статьи одинъ только Дефо: его бросали въ тюрьму, его съ веревкою на шеѣ выставляли къ позорному столбу, но, сидя въ тюрьмѣ, онъ составлялъ новые памфлеты, а стоя у позорнаго столба, задумывалъ новыя сатиры. Еще болѣе, чѣмъ Дефо, вынесъ наказаній редакторъ „Наблюдателя“, Джонъ Тетчинъ. Извѣстный своими жестокостями и злодѣяніями судья Джефрейзъ приговорилъ его за статью о Монмутѣ къ бичеванію въ нѣсколькихъ городахъ западной Англіи. Наказаніе было столь ужасно, что Тетчинъ предпочиталъ ему смертную казнь; но напрасно умолялъ онъ Джефрейза разомъ покончить съ нимъ, отославъ на висѣлицу; его нещадно сѣкли въ нѣсколькихъ городахъ западной Англіи. Извѣстный Стиль за двѣ „возмутительныя“ газетныя статьи, въ которыхъ онъ „изображалъ въ превратномъ видѣ характеръ ея величества и нападалъ на поведеніе администраціи“, былъ присужденъ къ позорному изгнанію изъ палаты общинъ. Впослѣдствіи тому-же наказанію былъ подвергнутъ депутатъ Уильксъ, который въ „Сѣверномъ Британцѣ“ за 1763 годъ смѣло напалъ на все тогдашнее правительство. Издатель, типографщикъ и редакторъ газеты были арестованы, но судъ освободилъ Уилькса, признавъ, что членъ парламента не можетъ подлежать аресту за свои памфлеты. Король и продажный олигархическій парламентъ не захотѣли уступить общественному мнѣнію, съ негодованіемъ относившемуся къ преслѣдованію Уилькса; его статьи были сожжены рукою палача, а самъ онъ изгнанъ изъ палаты общинъ и объявленъ лишеннымъ покровительства законовъ. Но графство Мидльсексъ и Лондонъ нѣсколько разъ выбирали его своимъ парламентскимъ депутатомъ, и общественное движеніе, возбужденное

его дѣломъ, много содѣйствовало утвержденію независимости англійской печати. Писателей перестали уже сѣчь, уродовать и подвергать другимъ безчеловѣчнымъ наказаніямъ, какъ это было въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Общество стояло за журналистику и постепенно обезпечивало за нею возможность свободнаго развитія. Нерѣдко случалось, что суды оправдывали писателей отъ самыхъ серьезныхъ обвиненій, возбужденныхъ правительствомъ. Послѣднее постепенно пріучалось къ терпимости, хотя по временамъ развертывало всѣ свои силы для преслѣдованія періодическихъ изданій. Во все царствованіе Георга III политическіе журналы подвергались самымъ ожесточеннымъ, непрерывнымъ гоненіямъ, и не было тогда ни одного смѣлаго и честнаго издателя газеты, который не посидѣлъ-бы въ тюрьмѣ, не заплатилъ-бы штрафа, не испыталъ-бы удовольствія быть привязаннымъ къ позорному столбу. Но преслѣдованія все-таки постепенно слабѣли и окончательно потеряли характеръ насилія послѣ того, какъ въ 1792 г. былъ утвержденъ предложенный Фоксомъ законъ, предоставлявшій присяжнымъ право рѣшать всѣ вопросы относительно характера и публикаціи преслѣдуемыхъ сочиненій. Общество въ лицѣ своихъ присяжныхъ присвоило себѣ свое законное право судить тѣхъ, которыхъ прежде преслѣдовала власть подъ предлогомъ общественной безопасности, но для своихъ корыстныхъ корпоративныхъ или личныхъ цѣлей. У офиціальныхъ враговъ независимой прессы остались въ рукахъ только одни косвенныя средства для ея обузданія, которыми нерѣдко и пользовались съ большимъ успѣхомъ. Такъ, напр., въ началѣ настоящаго столѣтія газета „Times", отличавшаяся смѣлостью и независимостью, впродолженіи многихъ лѣтъ подвергалась всевозможнымъ косвеннымъ притѣсненіямъ, какія только могла выдумать тогдашняя администрація.

Къ числу этихъ косвенныхъ средствъ относились налоги, отъ которыхъ англійская журналистика освободилась только въ послѣднее время. Въ 1701 г. каждый нумеръ газетъ былъ

обложенъ таксою въ 1 пенни, между тѣмъ какъ большая часть газетъ продавалась по пол-пенни за нумеръ; налогъ вдвое превышалъ стоимость облагаемаго предмета! Кромѣ того, за каждое объявленіе, помѣщенное въ газетѣ, ея издатель былъ обязанъ вносить въ казну 1 шиллингъ. Но эта фискальная мѣра возбудила такое неудовольствіе въ обществѣ, что ее принуждены были оставить. Въ 1712 г. газеты, смотря по объему ихъ нумеровъ, были подвергнуты налогу отъ пол-пенни до 1 пенни. Налогъ былъ такъ тяжелъ, что многія изданія прекратились тотчасъ-же, а другія вскорѣ. Въ день изданія этого закона Аддисонъ писалъ въ „Зрителѣ“: „сегодня, вѣроятно, многіе превосходные писатели въ послѣдній разъ печатаютъ свои сочиненія. Я боюсь, что только немногіе изъ нашихъ еженедѣльныхъ историковъ могутъ существовать подъ тяжестью этого налога“, установленнаго для подавленія „бунтовскихъ газетъ“, какъ выразилась королева Анна. Издатели должны были или прекратить всѣ свои журналы, или издавать ихъ безъ штемпеля. Число безштемпельныхъ изданій увеличилось до того, что въ 1743 г. правительство распорядилось хватать и заключать въ тюрьму всѣхъ уличныхъ продавцевъ ихъ, давая 20 шиллинговъ вознагражденія каждому доносчику, который укажетъ полиціи на такого продавца. Большинство газетъ прекратилось. Эти налоги то понижались, то возвышались, смотря по расположенію правительства къ печати. Въ 1815 г. они были установлены въ размѣрѣ 4 пенсовъ. Но постепенно усиливавшаяся популярность газетъ и быстрое возрастаніе числа подписчиковъ значительно парализировали убійственность налоговъ, и цѣль ихъ не была достигнута.

Очень рано въ исторіи газетной прессы умные ретрограды и консерваторы поняли, что съ либеральною печатью успѣшнѣе всего можно бороться посредствомъ печати-же. Это повело къ основанію офиціозныхъ газетъ. Писатели искренно убѣжденные и писатели продажные составили изъ себя консерва-

тивно-литературную клику, исторія которой полна примѣровъ продажности и возмутительныхъ подвиговъ журнальныхъ спекуляторовъ, мѣнявшихъ свои убѣжденія съ каждою перемѣною въ высшихъ правительственныхъ сферахъ (Grant, I, 154, 156, 161, 212, 315, 350 и др.).

Но ни жестокія наказанія, ни штрафы, ни налоги, ни офиціозная печать не могли остановить развитія прогрессивной, оппозиціонной прессы. Въ самыя тяжкія времена гоненій на журналистику существовали изданія и печатались статьи вполнѣ либеральныя. Таковъ былъ, напр., въ началѣ XVIII в. „Craftsman“, журналъ, издававшійся Амгерстомъ и имѣвшій до 2,000 подписчиковъ. Въ половинѣ того-же вѣка огромною репутаціей пользовался „Мидльсекскій журналъ“, смѣло и искусно проводившій идеи о всеобщей подачѣ голосовъ, ежегодныхъ парламентахъ и т. д. Недостатка въ подобныхъ газетахъ никогда не было, и, служа постоянно народному дѣлу, онѣ нерѣдко ознаменовывали себя такими дѣйствіями, которыя навсегда останутся въ памяти англичанъ, какъ безсмертные подвиги. Въ 1770 г. Георгъ III выразилъ съ трона порицаніе адресу, который былъ поданъ ему гражданскими властями Лондона. Обиженные этимъ и воодушевленные патріотизмомъ, они составили другой адресъ, въ которомъ просили объ отставкѣ министровъ и распущеніи парламента. Во главѣ городской депутаціи, лордъ-мэръ Бекфордъ прочелъ наизустъ этотъ адресъ королю. Какъ и слѣдовало ожидать, депутація получила не совсѣмъ-то вѣжливый отказъ. Предчувствуя этотъ отказъ и предугадавъ его содержаніе, редакторъ „Public Advertiser'a“, Тукъ, наставилъ Бекфорда, какъ и что отвѣчать на него. Но лордъ-мэръ сконфузился, позабылъ приготовленную имъ по мысли Тука рѣчь и не сказалъ ни слова. Встрѣтивъ его возвращающимся съ этой аудіенціи и узнавъ о неудачѣ, Тукъ воскликнулъ: „все-таки ваша рѣчь должна появиться въ газетахъ, и я напишу ее за васъ!“ На завтраже въ газетахъ была напечатана сильная оппозиціонная рѣчь,

которую будто-бы лордъ-мэръ Бекфордъ признесъ въ отвѣтъ на королевскій отказъ просьбамъ депутаціи. Эта рѣчь имѣла такое важное значеніе, что благодарный Лондонъ воздвигъ въ память Бекфорда прекрасную статую.—Другой примѣръ важнаго общественнаго значенія прессы представляетъ собою слѣдующій случай изъ начала настоящаго столѣтія. Въ Лондонѣ хотѣли выбрать лордъ-мэромъ Альдермана Гармера, собственника одного очень непопулярнаго журнала. Выборъ этотъ навѣрно состоялся-бы, если-бы въ дѣло не вмѣшалась „Times“, которая въ цѣломъ рядѣ своихъ передовыхъ статей разъяснила и Лондону, и всей Англіи всю непригодность Гармера и то пагубное вліяніе на общественныя дѣла, какое оказалъ-бы онъ въ качествѣ лорда-мэра. Выборы не состоялись, и „Times“ заслужила всеобщую благодарность за свою энергію и спасительное вліяніе. Случаями, подобными сейчасъ приведеннымъ нами, полна исторія англійской журналистики, которая въ самыя тяжелыя времена не переставала служить обществу, а общество, въ свою очередь, цѣня ея существенныя услуги и понимая ея громадное благотворное значеніе, никогда не отказывало ей въ существенной поддержкѣ. Благодаря такой тѣсной связи періодической прессы съ обществомъ, первая достигла вполнѣ самостоятельнаго, независимаго положенія.

Всѣ эти блага дались не даромъ. Кромѣ офиціальныхъ преслѣдованій, прежніе журналисты вынесли на своихъ плечахъ столько гнета и несчастій, что невольно изумляешься ихъ стойкости. Общество не сразу привыкло къ гласному газетному слову и каждый газетчикъ возбуждалъ во многихъ страхъ и ненависть, особенно въ томъ случаѣ, если онъ былъ честнымъ человѣкомъ. Писатели и партіи, затронутые журналистомъ, никогда не прощали ему. Дѣло доходило до личныхъ оскорбленій и уличныхъ побоевъ. Журналисты-соперники вызывали его на дуэль и ежедневно осыпали въ своихъ изданіяхъ площадною бранью. Матеріяльное положеніе было во-

обще не блестящее. Старинный издатель нерѣдко совмѣщалъ въ своемъ лицѣ обязанности редактора, репортера и типографщика. Сплошь и рядомъ онъ совершенно разорялся на тѣ процессы, которые начинало противъ него правительство.

Нравы журналистовъ прежняго времени вовсе не имѣли той чинной сдержанности, какою они отличаются въ современной Англіи. Полемика ихъ состояла большею частію въ площадной брани. „Дуракъ“, „козелъ“, „пучеглазая собака“, „пьяница“ — вотъ какими прозвищами они постоянно честили другъ друга. Не щадили и женщинъ. Собственницу „Странствующаго Шпіона“ соперники ея осыпали самою неприличною бранью, говоря, напр., что „ея чистота состоитъ только въ ея бѣльѣ“, что она потаскуха и т. д. Ссоры между писателями возникали иногда изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ и они доѣзжали другъ друга самыми забавными способами. Кольриджъ, напр., то-и-дѣло намекалъ на выпавшіе зубы Мэкинтоша и тѣмъ доводилъ послѣдняго до бѣшенства. Подобная полемика довольно часто оканчивалась дуэлями, и ей посвящалось въ газетахъ уже слишкомъ много мѣста, въ ущербъ ихъ серьезному содержанію. Многія изданія, впрочемъ, мало заботились о послѣднемъ, наполняя свои столбцы стихотвореніями или пошлѣйшими извѣстіями о жизни столичной аристократіи. Вотъ нѣсколько подобныхъ выдержекъ изъ газетъ за первые годы настоящаго столѣтія. „Маленькія миссъ Гипсъ, что на Пикадилли, начали учиться на фортепьяно.—Новая коляска мистера Даша служитъ гордостью Лонгъ Акра и завистью Гайдъ-Парка.—Высшему свѣту, конечно, причинитъ большую печаль извѣстіе, что мистриссъ Трапсъ порѣзала свой мизинецъ.—Второй сынъ лэди Денсъ началъ читать басни Эзопа“, и т. п. Впрочемъ, нужно замѣтить, что лучшія газеты, и въ томъ числѣ „Times“, не только не занимались подобными сплетнями, но даже постоянно подсмѣивались надъ пошлостями британскаго барства и занимались всегда предметами болѣе серьезными, чѣмъ жизнь большихъ господъ.

III.

Въ началѣ настоящаго столѣтія запросъ на газеты такъ увеличился, что нерѣдко не успѣвали печатать достаточнаго количества экземпляровъ. Усовершенствованіе типографскихъ средствъ сдѣлалось настоятельною необходимостью, и Вальтеры, наслѣдственные издатели „Times“, истратили на это дѣло около 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1814 г. „Times“ уже начала печататься на первомъ станкѣ, вошедшемъ вскорѣ во всеобщее употребленіе. Свобода политической прессы уже водворилась въ жизни, и газетамъ оставалось сбросить съ себя только послѣднее ярмо налоговъ. Началась знаменитая борьба за ихъ отмѣну,—борьба, начатая не издателями, а публикой, читателями, требованія которыхъ были такъ серьезны и настоятельны, что парламентъ въ 1836 г. вынужденъ былъ понизить штемпельную пошлину съ 4 пенсовъ до 1 пенни. Число безштемпельныхъ изданій возрасло до того, что съ 1832 по 1834 г. правительство посадило въ тюрьмы не меньше 500 человѣкъ, виновныхъ въ ихъ продажѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ газетъ, отличавшіяся крайнимъ либерализмомъ, расходились въ количествѣ 100,000 экземпляровъ и возбуждали серьезное безпокойство во всѣхъ консерваторахъ. Особенно замѣчательнымъ изъ этихъ журналовъ былъ „Попечитель Бѣднаго Человѣка“, издававшійся талантливымъ, смѣлымъ и неутомимымъ Гетерингтономъ. Преслѣдованія правительства только увеличивали популярность и число читателей этого изданія. Вся полиція была поставлена на ноги и рыскала день и ночь по всему Лондону, стараясь захватить Гетерингтона и открыть типографію „Попечителя“. Гетерингтонъ, скрываясь отъ полиціи, печатая и распространяя свою газету, просто издѣвался надъ блюстителями порядка, расхаживалъ по Лондону въ чужихъ костюмахъ и бесѣдовалъ съ полисменами, которымъ было поручено арестовать его. Между тѣмъ „Попе-

читель“ былъ преданъ суду, и присяжные оправдали его. Подобнымъ-же образомъ распространялись и преслѣдовались больше 700 другихъ безштемпельныхъ радикальныхъ изданій. Лишь только кончилась „эта битва за отмѣну налоговъ“ (the Battle of the Unstamped), какъ возникли двѣ многолюдныя ассоціаціи, рѣшившіяся преслѣдовать ту-же самую цѣль. Съ 1850 г. это движеніе усиливалось со дня на день, и 4 августа 1853 г. палата общинъ принуждена была отмѣнить пошлину съ газетныхъ объявленій, а въ іюнѣ 1855 г. былъ уничтоженъ и штемпельный газетный налогъ. Оставался еще налогъ на бумагу, отмѣненный только въ парламентскую сессію 1861 года.

Введеніе парового книгопечатанія и отмѣна налоговъ быстро увеличили число подписчиковъ на журналы. Въ настоящее время „Daily Telegraph“ расходится ежедневно въ количествѣ 170,000 экземпляровъ, „Standart“ 140,000 экз., „Daily News“ 90,000, „Times“ 70,000, „Echo“ 80,000 и т. д. Въ экстренныхъ случаяхъ расходъ значительно увеличивается; „Times“, напр., раскупается иногда отъ 90 до 110 тысячъ экземпляровъ въ день. Всѣхъ-же ежедневныхъ лондонскихъ журналовъ продается въ годъ больше 150,000,000 экземпляровъ. Особенно интересные нумера выходятъ двумя, даже тремя изданіями въ день.

Изданіе хорошей газеты стоитъ громадныхъ суммъ. На одни только предварительныя рекламы и объявленія о новомъ изданіи затрачивается до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. „Times“ на усовершенствованіе своей типографіи издержала до 100,000 фунтовъ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ теперь газетъ, „Daily News“, въ первые десять лѣтъ своего изданія понесла убытку не менѣе 200,000 ф. ст., т. е. 1,260,000 руб. сер. Изданіе большихъ газетъ, поэтому, доступно только однимъ капиталистамъ или акціонернымъ компаніямъ. Впрочемъ, недостаточному издателю помогаютъ нерѣдко своими субсидіями лица и корпораціи, считающія его журналъ полезнымъ для своего дѣла. Цѣна газетъ большею частью отъ 2 пенсовъ до

1 пенни, т. е. приблизительно отъ 5 до 2 ½ коп. за нумеръ. Дешевыя газеты стоятъ полпенни. Но низкость цѣны вознаграждается количествомъ подписчиковъ. „Times", занимающая по своей распространенности въ числѣ ежедневныхъ газетъ четвертое мѣсто, имѣетъ въ годъ валового дохода не менѣе 460,000 ф. ст., т. е. около 3,000,000 рублей сер.! Впрочемъ, главный доходъ Times'а получается съ объявленій, которыхъ въ одномъ нумерѣ этой газеты помѣщается нерѣдко до 4,000 и болѣе. Свѣденія о количествѣ чистаго дохода, приносимаго „Times'омъ", всегда составляли секретъ. Другія-же распространенныя газеты даютъ издателямъ чистаго барыша 15, 20 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти до 200,000 р. сер. въ годъ.

Первая забота издателя — сдѣлать свою газету популярною и наловить какъ можно больше покупателей. Англійскіе редакторы и издатели мастера на это, но далеко не въ такой степени, какъ ихъ братья по ту сторону Атлантики. Англійскій редакторъ, напр., довольствуется тѣмъ, что объявитъ въ числѣ статей, содержащихся въ извѣстномъ нумерѣ, извѣстіе о какомъ-нибудь ужасномъ событіи, напр. объ убійствѣ или несчастіи на желѣзной дорогѣ. Американскій-же издатель подберетъ такое множество ужасныхъ происшествій, что можно подумать, что уже близится кончина міра, передъ которою, какъ извѣстно, братъ возстанетъ на брата, сынъ на отца и т. д. Англичанинъ ведетъ себя сдержанно и соблюдаетъ приличія даже въ ловлѣ подписчиковъ; американскій-же издатель не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы только пустить въ ходъ свою газету. Самая распространенная въ Америкѣ газета, „New-York Herald", была основана Гордономъ Беннетомъ съ капиталомъ въ 100 фунтовъ; редакція помѣщалась въ бѣдномъ подвалѣ, въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ города. Чтобы привлечь на себя вниманіе, Беннетъ началъ въ своей газетѣ осыпать постоянною грубѣйшею бранью всѣхъ другихъ издателей; но его газетка была такъ

мизерна, а брань такъ пошла, что ни одно изданіе не отвѣчало ему. Беннетъ усилилъ свою руготню и въ то-же время объявилъ, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не выйдетъ на дуэль. Генералъ Веббъ, издатель „Ньюйоркскаго Курьера“, встрѣтивъ Бенетта на улицѣ, отдулъ его бичомъ. Свидѣтелями этой сцены были только немногіе; но на слѣдующее-же утро публика увидѣла въ объявленіи о содержаніи беннетовской газеты напечатанныя громадными литерами слова: „Мистеръ Джемсъ Гордонъ Беннетъ, публично отдутый бичомъ“. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ событіи Беннетъ восхвалялъ свое великодушіе, благодаря которому онъ, мужчина сильный и здоровый, не уничтожилъ маленькаго генерала Вебба. Нумеръ „Herald'a“ разошелся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Беннетъ усилилъ свою брань и нападки на редакторовъ и его газета начала расходиться больше и больше. Черезъ нѣсколько дней было выставлено новое объявленіе: „м-ръ Гжемсъ Гордонъ Беннетъ, побитый во второй разъ“. Подписка увеличивалась, а побои, задаваемые редактору, время отъ времени повторялись, о чемъ „Herald“ тотчасъ-же доводилъ до свѣденія публики подъ заглавіемъ: „Еще побои, нанесенные м-ру Гордону Беннету“. Поддѣлываясь подъ всѣ вкусы, угождая всѣмъ направленіямъ, Беннетъ довелъ число подписчиковъ „Herald'a“ до 100,000 и сдѣлался капиталистомъ.

Въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу издатели и сотрудники англійскихъ газетъ также очень сдержанны. Ихъ полемика никогда не доходитъ до площадныхъ оскорбленій, никогда не ведетъ за собой ни дракъ, ни убійствъ, ни дуэлей, какъ мы это видимъ въ Испаніи, Франціи и особенно въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ редакторы разныхъ изданій ведутъ остервенѣлую борьбу между собою не только на бумагѣ, но и при каждой встрѣчѣ. Не проходитъ мѣсяца безъ какого-нибудь серьезнаго казуса, въ родѣ убійства, дуэли, драки. Одинъ статистикъ вычислилъ, что американскіе редакто-

ры чаще умираютъ насильственною смертью, чѣмъ офицеры въ послѣднюю войну Сѣвера съ Югомъ. Вотъ, напр., какъ оканчивали свою жизнь всѣ редакторы виксбургской газеты „Sentinel". „Д-ръ Гогенъ принялъ редакцію „Sentinel'я" въ 1837 г., имѣлъ дуэль съ издателемъ „Вига", участвовалъ во многихъ уличныхъ дракахъ и въ одной изъ нихъ былъ убитъ Адамсомъ. Его помощникъ, Партриджъ, умеръ отъ желтой лихорадки въ 1849 г. Д-ръ Галль, слѣдующій редакторъ, имѣлъ множество дуэлей и на одной изъ нихъ былъ смертельно раненъ. Преемникъ его, Реганъ, былъ убитъ Гаметомъ, редакторомъ „Вига". Уальтеръ Гикки, участвовавшій въ нѣсколькихъ кулачныхъ бояхъ на улицахъ и получившій нѣсколько ранъ, убилъ д-ра Гекклина и вскорѣ послѣ этого былъ самъ убитъ. Слѣдующій редакторъ, Джонъ Леверингъ, былъ засаженъ въ тюрьму. Его преемникъ, Дженкинсъ, желая стяжать безсмертіе въ уличной дракѣ съ м-ромъ Краббе, былъ убитъ послѣднимъ, который кончилъ свою жизнь точно такимъ-же образомъ. Джонсъ, принявшій послѣ него редакцію, утопился. Преемникъ его, Рэй, необузданно предававшійся кулачнымъ боямъ на улицахъ, въ одномъ изъ нихъ былъ убитъ своимъ бухгалтеромъ".

Въ этомъ отношеніи жизнь англійскихъ издателей и редакторовъ гораздо безопаснѣе и спокойнѣе. Но отношенія редакторовъ къ собственникамъ или издателямъ журналовъ далеко не завидны. Редакторъ—наемникъ издателя или компаніи издателей, которые сплошь и рядомъ не смыслятъ въ газетномъ дѣлѣ ни уха, ни рыла. Честному редактору чрезвычайно трудно вести газету какъ слѣдуетъ, по его убѣжденіямъ, и въ тоже время ладить съ издателемъ. Въ добавокъ къ своимъ непрерывнымъ и хлопотливымъ трудамъ, редакторъ долженъ еще выдерживать постоянныя столкновенія съ хозяиномъ, и, по компетентному свидѣтельству мистера Гранта, положеніе редактора, вслѣдствіе этого, до того невыносимо, „что способно сокрушить какую угодно энергію". „Я знаю многихъ редакто-

ровъ ежедневныхъ газетъ, которые, находя свое положеніе совершенно нестерпимымъ, искали утѣшенія своихъ печалей въ такомъ неумѣренномъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, что сдѣлались настоящими пьяницами. Я зналъ другихъ, которые, подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, тронулись въ разсудкѣ. Въ одномъ случаѣ дѣло кончилось самоубійствомъ“ (II, 435). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Лондонѣ издавалась обществомъ акціонеровъ газета, посвященная главнымъ образомъ интересамъ того класса, къ которому принадлежали ея хозяева. Чтобы сдѣлать ее болѣе популярною, управлявшій ею комитетъ двѣнадцати „приказалъ“ редактору расширить программу и сдѣлать газету общеинтересною. Относительно-же направленія не было дано никакихъ инструкцій, да комитетъ и не могъ дать ихъ, потому-что состоялъ не только изъ джентльменовъ самыхъ разнообразныхъ направленій, но и изъ невѣждъ безъ всякаго направленія. Редакторъ вслѣдствіе этого никакъ не могъ угодить комитету и вынужденъ былъ выдерживать постоянныя непріятныя столкновенія то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ его членовъ. Комитетъ, наконецъ, принялся составлять программу, но вышла одна разноголосица, кончившаяся тѣмъ, что редактору было приказано вести газету *во всѣхъ направленіяхъ*, чтобы угодить всѣмъ партіямъ! Сегодня онъ долженъ былъ защищать торіевъ, завтра виговъ, на третій день ораторствовать за дѣло радикальной партіи и т. д. Газета просуществовала послѣ этого не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Изданіе газеты лежитъ главнымъ образомъ на первомъ редакторѣ, который просматриваетъ и сортируетъ статьи, переписывается съ сотрудниками, принимаетъ лицъ, имѣющихъ дѣло до редакціи, даетъ тонъ и направленіе всему изданію. Онъ отвѣчаетъ и передъ публикой и передъ издателемъ за все содержаніе газеты, даже за самыя ничтожныя опечатки. Большинство редакторовъ ежедневныхъ газетъ такъ завалено работой, что остается въ редакціяхъ почти цѣлый день и ло-

жится спать въ три часа ночи. Среднимъ числомъ редакторъ получаетъ около 1,000 ф. въ годъ.

Каждый редакторъ имѣетъ одного или нѣсколькихъ помощниковъ, которые выбираютъ изъ газетъ болѣе интересныя извѣстія, сокращаютъ, распространяютъ ихъ, пригоняютъ ихъ къ своей точкѣ зрѣнія. Къ этому-же разряду принадлежитъ и иностранный редакторъ, выбирающій и редактирующій иностранныя извѣстія изъ заграничныхъ газетъ, и собиратель театральныхъ и музыкальныхъ новостей.

Затѣмъ слѣдуютъ корректоры, изъ которыхъ каждый получаетъ отъ 16 до 20 гиней, т.-е. 105—132 руб. сер. въ мѣсяцъ. Корректоры—это настоящіе мученики своего дѣла. Круглый годъ они читаютъ корректурные листы съ 7 — 8 часовъ вечера до 3—4 утра, читаютъ, ни на минуту не отрываясь отъ дѣла, при газовомъ освѣщеніи, въ душной, жаркой, маленькой комнатѣ; большинство ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ подобной жизни теряетъ здоровье и преждевременно сходитъ въ могилу. Среднимъ числомъ англійскій корректоръ живетъ только 45 лѣтъ. За малѣйшую просмотрѣнную имъ опечатку или ошибку онъ можетъ лишиться своего мѣста.

Хотя санитарное положеніе типографскихъ рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ положеніе корректоровъ, но жаркія и душныя отъ газа комнаты, въ которыхъ работаютъ они, все-таки чрезвычайно вредно отзываются на ихъ здоровьѣ. Главный наборщикъ получаетъ въ мѣсяцъ отъ 20 до 28 гиней, т. е. 132—190 р., остальные—около 80 р. каждый. Ежедневная газета имѣетъ обыкновенно двѣ паровыя машины,—одну изъ нихъ на запасъ, на случай порчи другой.

Наконецъ, въ подвалѣ, въ постоянно сырой и душной атмосферѣ живетъ „чортъ", смачивающій бумагу для типографіи.

Первое мѣсто въ ряду сотрудниковъ принадлежитъ составителямъ передовыхъ статей, плата за которыя достигаетъ иногда до большихъ размѣровъ, особенно въ „Times". Но са-

мая большая плата получается „спеціальными корреспондентами“, которые посылаются для точнаго и подробнаго собиранія извѣстій о ходѣ войнъ, революцій, важныхъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Спеціальный корреспондентъ не живетъ на одномъ мѣстѣ, а рыскаетъ всюду; онъ слѣдуетъ за арміей, переѣзжаетъ съ одного поля сраженія на другое, посѣщаетъ лазареты, слѣдитъ за настроеніемъ умовъ въ городахъ и деревняхъ, наблюдаетъ все, что только можетъ увидѣть, проникаетъ во всѣ тайны, какія только можетъ открыть. Жизнь его исполнена опасностей и приключеній. Въ послѣднюю войну спеціальные корреспонденты то-и-дѣло подвергались подозрѣніямъ въ шпіонствѣ, арестамъ, тюремному заключенію, опасности быть разстрѣлянными. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе ранены. Всѣ расходы, какіе только ни сдѣлаетъ спеціальный корреспондентъ на свое содержаніе, путешествіе, собираніе свѣденій, редакція принимаетъ на себя, и кромѣ того платитъ ему жалованья отъ 50 до 160 ф. ст. въ мѣсяцъ. Во время крымской войны спеціальныя корреспонденціи стоили „Times'у“ до 6,000 ф. ст.

За спеціальными корреспондентами слѣдуютъ „собственные корреспонденты“, живущіе въ разныхъ городахъ Европы и Америки и сообщающіе газетамъ свои извѣстія по почтѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ по телеграфу. Эти корреспонденты нерѣдко успѣваютъ проникать въ тайны самыхъ важныхъ дѣлъ и оказываютъ обществу чрезвычайныя услуги своими сообщеніями. Такъ, напр., въ 1840 г. парижскій корреспондентъ „Times'а“, О'Рейли, открылъ самый важный коммерческій заговоръ, какой только извѣстенъ въ лѣтописяхъ меркантильнаго міра,—заговоръ, имѣвшій цѣлью, посредствомъ мошеннической махинаціи, обмануть главныя банкирскія фирмы не менѣе, какъ на 1,000,000 ф. ст. Корреспондентъ указалъ всѣ нити заговора и даже имена нѣкоторыхъ соучастниковъ и сдѣлалъ невозможнымъ успѣхъ этого предпріятія. Въ настоящее время богатствомъ важныхъ внутреннихъ извѣстій

о разныхъ дѣлахъ церкви и государства, хранимыхъ обыкновенно въ глубочайшемъ секретѣ, особенно отличается газета „Record“. Нерѣдко она немедленно передаетъ даже содержаніе тайныхъ разговоровъ въ кабинетѣ королевы.

Телеграфическія депеши составляютъ первую необходимую принадлежность газеты. Въ важныхъ случаяхъ цѣлые столбцы газетъ состоятъ изъ одного какого-нибудь извѣстія, переданнаго по телеграфу. Во время послѣдней революціи въ Парижѣ „Daily News“ получала подробнѣйшія телеграфическія извѣстія о томъ, что дѣлалось во французской столицѣ. Шесть шотландскихъ газетъ имѣютъ свои телеграфическія проволоки, соединяющія съ Лондономъ ихъ редакціи. Въ одну изъ послѣднихъ сессій парламента эдимбургскій „Scotsman“ въ одну ночь получилъ по телеграфу полный отчетъ о парламентскомъ засѣданіи и къ утру онъ уже былъ напечатанъ, занявъ 18 столбцовъ убористаго шрифта!

Газетные репортеры и стенографы бываютъ на всѣхъ замѣчательныхъ засѣданіяхъ суда, на торжествахъ и митингахъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Въ прежнее время, когда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, для поѣздокъ репортеровъ въ провинцію и обратно большія газеты выставляли по всей дорогѣ свѣжихъ перемѣнныхъ лошадей, для скорѣйшаго полученія репортерскихъ отчетовъ. Иногда съ этими репортерами случаются забавные казусы, напоминающіе собою времена Бенъ-Джонсона, который, репортерствуя въ парламентѣ и передавая на память замѣчательныя рѣчи ораторовъ, обыкновенно самъ сочинялъ ихъ къ вящшей славѣ этихъ ораторовъ. Вотъ одна довольно курьезная исторія. Покойный лордъ Пальмерстонъ втеченіи многихъ лѣтъ при своихъ выборахъ депутатомъ отъ Тайвертона встрѣчалъ обыкновенно сильную оппозицію со стороны одного мясника, человѣка простого, но съ бойкимъ и злымъ языкомъ. Его рѣчи забавляли всю Англію и интересовали ее даже больше, чѣмъ разглагольствованія самого Пальмерстона. Передъ бил-

лемъ о реформѣ три репортера отправились на эти выборы на свой счетъ, надѣясь съ барышомъ окупить издержки посредствомъ своего отчета о рѣчахъ мясника и Пальмерстона. Но мясникъ по болѣзни не явился на выборы, которые, не встрѣтивъ никакой оппозиціи, окончились безъ рѣчей. Пальмерстонъ только поблагодарилъ избирателей за оказанную ему честь и съ двумя своими друзьями удалился въ отель. Митингъ разошелся. Несчастные репортеры были въ отчаяніи: имъ приходилось возвращаться въ Лондонъ безъ отчета. Посовѣтовавшись между собою, они отправились къ Пальмерстону, тотчасъ-же получили аудіенцію и объяснили ему свое горестное положеніе, прося его помочь имъ въ такомъ несчастіи. Лордъ съ своей обычной любезностью спросилъ, чѣмъ-же онъ можетъ служить имъ.—„Не будете-ли вы столь добры, не скажете-ли теперь какую-нибудь рѣчь", отвѣчали репортеры.—„Но какъ-же это?.. Вѣдь здѣсь только двое моихъ друзей!" — „И трое насъ, ваше лордство", отвѣчали репортеры.—„Хорошо; но о чемъ-же я буду говорить,—я рѣшительно не знаю!"—Репортеры предложили ему говорить о готовившемся биллѣ реформы. И Пальмерстонъ, еще плохо знакомый съ этимъ вопросомъ, началъ говорить. Говорилъ, говорилъ, и наговорилъ такую кучу общихъ фразъ, что репортеры остались очень довольны размѣрами своего отчета, который на завтра-же былъ напечатанъ въ газетахъ, которыя тотчасъ-же начали глубомысленно разсуждадь въ своихъ передовыхъ статьяхъ о тайвертонскомъ митингѣ и замѣчательной рѣчи лорда Пальмерстона.

Парламентъ—главное поле дѣятельности репортеровъ, которыхъ каждая газета имѣетъ нѣсколько. У „Times" 19 парламентскихъ репортеровъ. Репортеръ получаетъ жалованья около 20 фунтовъ въ мѣсяцъ, а работая для двухъ или трехъ газетъ, получаетъ столько-же съ каждой.

Отмѣтчики, называемые Penny-a-Liners, потому что они прежде получали по пенни за строчку,—собираютъ по горо-

ду извѣстія о судебныхъ казусахъ, самоубійствахъ, пожарахъ, митингахъ и всякихъ мало-мальски выдающихся событіяхъ. Отмѣтчикъ цѣлый день рыскаетъ по городу какъ собака и получаетъ за свои извѣстія $1\frac{1}{2}$ пенса за строчку, а такъ-какъ онъ эти извѣстія передаетъ не въ одну, а въ нѣсколько газетъ, то зарабатываетъ въ мѣсяцъ до 12 фунтовъ. Впрочемъ, плата видоизмѣняется сообразно съ важностью сообщаемыхъ извѣстій. За „ужасную катастрофу", напр., платятъ полгинеи, т. е. 3 р. 30 к. Поэтому отмѣтчики и стараются главнымъ образомъ описать какое-нибудь ужасное событіе. Одинъ изъ нихъ, желая раньше всѣхъ своихъ собратій сообщать свѣдѣнія о пожарахъ, поселился въ пожарномъ депо и являлся на каждый пожаръ вмѣстѣ съ пожарною командою. Чтобы не тратить много времени на составленіе отчетовъ, онъ приготовилъ запасъ варіантовъ описаній пожарныхъ случаевъ, оставивъ въ нихъ пробѣлы для обозначенія мѣста пожара, размѣровъ причиненнаго имъ вреда и т. д. Всѣ другіе отмѣтчики принуждены были уступить ему монопольную эксплуатацію лондонскихъ пожаровъ.

Таковы организаціи, которыя ежедневно составляютъ и разсылаютъ по бѣлу свѣту сотни тысячъ своихъ изданій, о размѣрѣ которыхъ вовсе нельзя судить по величинѣ нашихъ газетъ. Если всѣ строки одного нумера „Times'a" расположить по одной линіи, то она составила-бы болѣе 494 миль 1,500 ярдовъ; эта линія заняла-бы собою все разстояніе отъ Лондона до Парижа и потомъ обратно отъ Парижа до Кентербери. Что-же касается нравственной силы и вліянія, то наши газетчики должны окончательно стушеваться передъ англійскими. Послѣднихъ мы вовсе не считаемъ ни самоотверженными патріотами, ни безкорыстными служителями идеи; это промышленники, но въ самомъ большинствѣ промышленники честные, которые не мараютъ себя ни литературнымъ шулерствомъ, ни инсинуаціями, ни циническими выходками уличной проститутки. Газета „Times", напр., никогда не помѣщаетъ у себя

объявленій, которыя она считаетъ мошенническими или шарлатанскими. Во время желѣзнодорожной маніи она получала громадные доходы отъ объявленій по желѣзнодорожнымъ операціямъ, но ничто не могло подкупить ее, и въ своихъ передовыхъ статьяхъ она постоянно вооружалась противъ этого пагубнаго увлеченія. Во время какого угодно судебнаго процесса, напр., ни одна англійская газета не позволитъ себѣ никакихъ разсужденій объ этомъ процессѣ, которыя могли-бы въ томъ или другомъ смыслѣ повліять на приговоръ присяжныхъ. Конечно, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ свободная журналистика Англіи представляетъ примѣры безсовѣстной торговли направленіемъ и корыстнаго служенія дѣлу вредныхъ партій, но въ общемъ хорѣ своемъ, по справедливому замѣчанію Гранта, она представляетъ громадную прогрессивную силу, которой „предстоитъ еще много бороться съ невѣжествомъ, суевѣріемъ и варварствомъ, но окончательная побѣда которой несомнѣнна“. Посредствомъ соединенныхъ усилій журналистики и общества, первая умѣла высвободиться изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ она находилась въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, она сдѣлалась свободною сама и вмѣстѣ съ тѣмъ встала на стражѣ свободы націи. Свободная англійская пресса— любимое чадо свободнаго народа, который родилъ и воспиталъ ее. Независимо отъ всѣхъ другихъ благъ, доставляемыхъ націи періодическою печатью, мы должны указать на непрерывность мирнаго англійскаго прогресса съ тѣхъ поръ, какъ журналистика успѣла утвердиться въ своемъ настоящемъ положеніи. Благодаря ей главнымъ образомъ, развитіе Англіи идетъ безъ тѣхъ революціонныхъ потрясеній и насильственныхъ кризисовъ, которые такъ часты въ странахъ, необезпечившихъ за своёю прессою и за своею политическою мыслью той полной независимости, которою справедливо гордится Англія...

АНГЛІЙСКІЕ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ *).

„Недалекъ тотъ день, когда главнымъ вопросомъ англійской и ирландской политики будетъ вопросъ: должна-ли земля быть источникомъ власти и богатства для немногихъ привилегированныхъ лицъ или-же источникомъ счастія и благоденствія для всего народа? Тѣсно связанъ съ этимъ вопросомъ и другой: должны-ли разрѣшить первый вопросъ эти привилегированныя лица или-же весь народъ?“

Клифъ Лесли.

Давно уже замѣчено, что цивилизація въ своей современной формѣ имѣетъ на человѣчество двоякое вліяніе. Съ одной стороны, она даетъ средства для борьбы съ природой, для умственнаго развитія, для улучшенія матеріальной жизни; съ другой стороны, та-же самая цивилизація, благодѣтельствуя своимъ избранникамъ, разоряетъ массы, порождая пролетаріатъ съ его преступленіями, пороками и отчаяніемъ. Нигдѣ эти контрасты не достигаютъ такой рѣзкости, какъ въ самой цивилизованной странѣ, въ британской имперіи. Извѣстный историкъ Нейманъ называетъ англо-саксонскій народъ „носи-

---

*) Cobden Club Essays, I and II series, 1871—72.—Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ.—Собраніе статей современныхъ экономистовъ. Спб. 1871.—The Land Question in England, Westminster Review, № LXXVI.—Exhaustion of the Soil of Great Britain, Quaterly Review, january, 1873.—Карлъ Марксъ, Капиталъ, Спб. 1872.—J. S. Mill, Land Tenure Reform Association, 1871.

телемъ и распространителемъ высшей человѣчности въ Азіи, Америкѣ и Австраліи". Но, безспорно, образовательное вліяніе Англіи на весь міръ сопровождалось до сихъ поръ такими злодѣяніями „рыжихъ варваровъ", съ которыми могутъ равняться только подвиги какихъ-нибудь Камбизовъ и Тамерлановъ. Достаточно вспомнить только, что англичане впродолженіи двухсотъ лѣтъ не переставали буквально грабить Индустанъ и возводить въ достоинство „великихъ людей" разныхъ Клайвовъ и Гэстингсовъ,—этихъ первостепенныхъ грабителей. Но ни эти грабежи, ни промышленная эксплуатація, при которой Англія желала-бы, превративъ весь міръ въ свой рынокъ сырья, самой сдѣлаться мануфактурной производительницей,—ничто, вѣроятно, не приносило подвластнымъ ей народамъ столько вреда, какъ ея упорныя старанія насадить всюду свою феодальную систему землевладѣнія. Эти старанія—почти безпримѣрное въ исторіи проявленіе самодурства гордой, сильной аристократической націи. Впродолженіи семи вѣковъ Англія отнимала землю у ирландскаго народа и передавала въ руки крупныхъ ландлордовъ англійской крови. Народъ былъ превращенъ въ нищихъ, Ирландія сдѣлалась больнымъ мѣстомъ Англіи и олицетворенной опасностью для нея; семьсотъ лѣтъ ирландской исторіи представляются одной сплошною революціей, въ которой участвуетъ вся нація. Англійская система землевладѣнія подкопана со всѣхъ сторонъ и уже чувствуется приближеніе дня, когда она окончательно рухнетъ и ирландскій народъ снова сдѣлается собственникомъ своей земли. Въ Индіи англичане тоже отобрали отъ народа землю, которою онъ владѣлъ на общинномъ правѣ, создали классъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, превратили въ жалкихъ пролетаріевъ многіе милліоны людей и погубили голодною смертью другіе милліоны несчастныхъ индусовъ. Но феодальная система, которая въ Ирландіи постепенно падаетъ вслѣдствіе поголовнаго сопротивленія народа, въ Индіи вовсе не могла привиться и пала, вслѣдствіе своей собственной

слабости. Англичане вынуждены были отказаться здѣсь отъ крупной поземельной собственности и даже возстановить столь ненавистное имъ общинное землевладѣніе. Англійская система довела западную Австралію, нижнюю Канаду и острова принца Эдуарда до такого жалкаго положенія, что первая могла существовать только при помощи труда ссыльныхъ преступниковъ, а въ Канадѣ и на островахъ Эдуарда правительство вынуждено было скупить права крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ южныхъ штатахъ Америки англійская феодальная система привела къ рабству негровъ и къ ужасной междоусобной войнѣ.

Прочнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, эта система утвердилась въ самомъ центрѣ своего развитія, въ Англіи и Уэльсѣ. Здѣсь землевладѣльческая аристократія, сдѣлавшись первою силою въ государствѣ и даже возбудивъ въ народной массѣ извѣстное уваженіе къ себѣ, до сихъ поръ съ успѣхомъ отстаиваетъ эту систему, несмотря на ея пагубные для страны результаты. Исторія этой системы въ высшей степени поучительна для всякаго, кого интересуетъ насущный вопросъ о землевладѣніи, вопросъ о томъ, долженъ-ли народъ превращаться въ массу нищихъ, египетская работа которыхъ не даетъ имъ даже достаточнаго пропитанія? Этотъ вопросъ не чуждъ и Россіи. За крупную поземельную собственность у насъ билось не мало рыцарей подъ знаменами покойной „Вѣсти“ и нынѣ здравствующихъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Теперь апологія аристократическаго землевладѣнія допускается даже въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ либеральныхъ нашихъ журналовъ. Въ іюньской книгѣ „Вѣстника Европы“ гр. Орловъ-Давыдовъ, въ статьѣ „Земледѣліе и землевладѣніе“, доказываетъ необходимость введенія въ любезномъ отечествѣ крупнаго землевладѣнія съ маіоратомъ и со всѣми другими его прелестями... Въ виду подобныхъ поползновеній очень нелишне поближе познакомиться съ этой системой, которая отжила свой вѣкъ даже въ мѣстѣ своего

наибольшаго процвѣтанія, въ странѣ, обладающей самой просвѣщенной, самой умной и самой гуманной аристократіей въ мірѣ.

Существеннымъ принципомъ англійскаго землевладѣнія до завоеванія страны норманнами было, что земля принадлежала народу и называлась Folc-Land. „Слово Folc-Land или *земля народа*, говоритъ Госкинсъ,—выражаетъ собою принципъ прямой принадлежности земли всей общинѣ, не только въ теоріи, но въ извѣстной степени и на практикѣ. Частная собственность въ своей болѣе развитой формѣ пріобрѣталась только на тѣхъ частяхъ земли, которыя были пожалованы отдѣльнымъ лицамъ граматами, и поэтому назывались *землями, внесенными въ книгу* (boc, book-land). Король могъ жаловать общественныя имущества изъ народной земли не иначе, какъ съ согласія витана. Мысль о томъ, что государь есть верховный собственникъ всей земли, была совершенно чужда саксонскимъ идеямъ и учрежденіямъ. Такія народныя имущества, подобно римскому ager publicus, могли быть въ пользованіи частныхъ лицъ, какъ арендаторовъ государства, пока они формальнымъ образомъ не были обращаемы въ частную собственность“. Кромѣ крупныхъ собственниковъ (eorls), владѣвшихъ землею отъ короны, былъ еще многочисленный, независимый классъ среднихъ и мелкихъ собственниковъ (ceorls). Земля послѣ умершаго отца переходила ко всѣмъ его дѣтямъ, а при неимѣніи ихъ—къ братьямъ, и дѣлилась между наслѣдниками поровну, по обычному праву, сохранившемуся до сихъ поръ въ Кентѣ.

Норманнское завоеваніе нанесло рѣшительный ударъ этой системѣ землевладѣнія. Верховнымъ собственникомъ земли, вмѣсто народа, сдѣлался король и началъ раздавать ее своимъ сподвижникамъ, формируя изъ нихъ поземельную аристократію, вполнѣ зависимую, однакожь, отъ его власти. Каждое имѣніе по смерти владѣльца, по принципу, должно было снова переходить къ королю, и наслѣдникъ умершаго, за

право вступить въ пользованіе помѣстьемъ, долженъ былъ платить сюзерену вознагражденіе (relef) и вполнѣ подчинятся его опекѣ (wardship). О строгости этой опеки можно судить уже по одному тому, что сдѣланная Вильгельмомъ Завоевателемъ перепись всѣхъ англійскихъ земель получила названіе „Книги Страшнаго Суда“ (Domesday Book). Несмотря на давленіе королевской власти, несмотря на то, что въ борьбѣ съ нею дворянство вынуждено было соединяться съ народомъ и добывало для него многія права и вольности, какъ, напр., великую хартію, несмотря на то, что оно ослабляло само себя своими междоусобицами и не разъ подвергалось конфискаціи своихъ земель,—оно все-таки не пало въ борьбѣ и постепенно развивалось въ мощную, богатую аристократію, которая, по выраженію Питта, „заботилась не о себѣ только, но о благѣ всего народа“. Дѣйствительно, англійское дворянство утвердило въ странѣ конституціонныя вольности и нисколько не препятствовало уничтоженію крѣпостного права, которое изчезло фактически въ концѣ XIV вѣка. Даже это „освобожденіе крестьянъ отъ земли“ не скоро довело ихъ до того жалкаго положенія, въ какомъ они очутились впослѣдствіи. Еще въ концѣ XVII вѣка болѣе $^4/_5$ всего народонаселенія Англіи состояло изъ земледѣльцевъ, а въ XV вѣкѣ страна имѣла рѣшительно земледѣльческій характеръ. Громадное большинство крестьянъ владѣло собственными хозяйствами, хотя и находилось въ нѣкоторой зависимости отъ ландлордовъ. Страсть послѣднихъ къ крупному землевладѣнію, столь гибельная всегда для народнаго благосостоянія, значительно парализировалась въ своихъ результатахъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сила феодаловъ зависѣла отъ числа подданныхъ, состоявшихъ изъ мелкихъ крестьянъ-хозяевъ, Поэтому, земля, раздѣленная на громадныя помѣстья, въ тоже время была усѣяна множествомъ крестьянскихъ хозяйствъ, и народъ, говоря относительно, благоденствовалъ. Еще въ концѣ XVII столѣтія независимые крестьяне были многочи-

сленнѣе фермеровъ, а въ нравственномъ отношеніи гораздо выше грубаго, пьянаго сельскаго дворянства. Независимое крестьянство, yeomanry, составлявшее главную силу Кромвеля, исчезло совершенно только въ половинѣ XVIII вѣка. Даже земледѣльческіе наемные рабочіе, очень немногочисленные, долго находились въ довольно сносномъ положеніи, получая кромѣ задѣльной платы еще коттеджъ съ 4 акрами земли и пользуясь наравнѣ съ крестьянами общинной землей, которая давала имъ дрова, торфъ и кормъ для ихъ скота. По изслѣдованіямъ профессора Роджерса, въ XIV вѣкѣ земледѣльческіе работники „жили въ довольствѣ и могли накопить богатство“, а XV столѣтіе было „золотымъ вѣкомъ англійскаго городского и сельскаго рабочаго“. Трудъ его въ сущности оплачивался тогда болѣе, чѣмъ вдвое дороже сравнительно съ теперешнимъ. Что-же касается свободныхъ арендаторовъ, которые впродолженіи XIV столѣтія замѣнили собою крѣпостныхъ, то они вплоть до XVI вѣка пользовались землей по долгосрочнымъ контрактамъ, заключавшимся часто на 99 лѣтъ, и дѣлили пополамъ съ ландлордомъ какъ расходы на земледѣліе, такъ и валовой доходъ отъ него. Отъ крестьянъ они отличались сначала только большимъ числомъ наемныхъ рабочихъ, но пользуясь благопріятными обстоятельствами, значительная часть ихъ успѣла уже къ концу XVI вѣка превратиться въ классъ богатыхъ капиталистовъ-арендаторовъ. Вскорѣ-же послѣ этого превращенія слышатся жалобы, что „крупный арендаторъ почти поднялся до уровня джентльмена, между тѣмь какъ бѣдный сельскій рабочій почти совсѣмъ опустился... Поземельный собственникъ и арендаторъ дѣйствуютъ рука-объ-руку для притѣсненія рабочаго“.

Этотъ переворотъ совершился не вдругъ, но постепенно, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій. По уничтоженіи крѣпостного права землевладѣльческая эксплуатація начала переходить изъ феодальной формы въ капиталистическую, вслѣдстіе чего на-

родъ былъ лишенъ своихъ древнихъ правъ на землю и земледѣльцы превратились въ пролетаріевъ.

„Главныя причины, говоритъ Лесли, — по которымъ поселяне лишились своихъ древнихъ правъ собственности и своего интереса въ землѣ, были слѣдующія:

1) Конфискація ихъ древнихъ общинныхъ правъ, которыя были важны не только сами по себѣ, но и по той помощи, какую они давали поддержкѣ частныхъ земель.

2) Конфискація въ большихъ размѣрахъ ихъ отдѣльныхъ, частныхъ земель путемъ насилія, обмановъ и притѣсненій, а также вслѣдствіе отнятія у нихъ общинныхъ правъ.

3) Разореніе провинціальныхъ городовъ и селеній, слѣдовательно, уничтоженіе мѣстныхъ рынковъ для сбыта произведеній крестьянскихъ фермъ и садовъ.

4) Введеніе законодательной системы, основанной на принципѣ феодальной неотчуждаемости земли, полезной только крупнымъ землевладѣльцамъ и совершенно несовмѣстной съ сохраненіемъ стараго класса или съ возникновеніемъ новаго класса поселянъ-собственниковъ.

5) Потеря поселянами вмѣстѣ съ землей и поземельными правами всякой политической власти и независимости, а вслѣдствіе этого составленіе крупными землевладѣльцами законовъ, противныхъ крестьянскимъ интересамъ.

6) Наконецъ, такое управленіе крупныхъ землевладѣльцевъ своими имѣніями, которое вело только къ большему обѣднѣнію поселянъ и къ большему отчужденію ихъ отъ земли“.

Мы остановимся только на главныхъ моментахъ этого переворота. Дѣло началось въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. уничтоженіемъ класса дворовыхъ людей, громадное число которыхъ жило до тѣхъ поръ на барскомъ содержаніи, наполняя собою дома и замки феодаловъ. Эти освобожденные дворовые сдѣлались праотцами новѣйшаго англійскаго пролетаріата. Затѣмъ развитіе въ Англіи шерстяной мануфактуры, поднявъ цѣны на шерсть, заставило ландлордовъ предпочи-

тать земледѣлію болѣе выгодное разведеніе овецъ. Но такъ-какъ для овецъ нужны были обширныя пастбища, то ландлорды начали сгонять арендаторовъ и обращать пашни въ луга. „Овцы сдѣлались источникомъ бѣдствій для Англіи и изгнали изъ страны земледѣліе“, восклицаетъ одинъ современникъ этого переворота. Другой современникъ, Гаррисонъ, говоритъ: „если сравнить старые инвентари рыцарскихъ имѣній, то найдемъ, что безчисленное множество мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ исчезло, что земля прокармливаетъ гораздо меньше людей, что многіе города приходятъ въ упадокъ, хотя и появилось нѣсколько новыхъ“. „Многія аренды и большія количества скота, говоритъ одинъ законъ Генриха VIII,—накопляются въ немногихъ рукахъ, вслѣдствіе чего поземельная рента сильно повышается, земледѣліе приходитъ въ упадокъ, церкви и дома разрушаются, множество людей дѣлаются неспособными содержать самихъ себя и свои семейства“. „Не угодно-ли вамъ обратить вниманіе на эту массу феодальныхъ господъ, писалъ въ то-же время Томасъ Морусъ,—которые, подобно проказѣ, живутъ и жирѣютъ на счетъ чужого труда. Вы думаете, что они заботятся о воздѣлываніи своихъ земель? – нѣтъ, среди нѣги и чувственности эти первенцы счастія думаютъ только о разореніи своихъ земледѣльцевъ и о доведеніи ихъ до нищенства, чтобы увеличить свои доходы и удовлетворить своему вздорному мотовству... Англійскіе господа и духовенство округляютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе свои поля, думая, вѣроятно, что еще мало земли пропадаетъ въ государствѣ подъ прудами и парками, и по этому случаю, лишая земледѣльца послѣдняго убѣжища, обращаютъ въ пустыни лучшіе города и деревни. Куда дѣваться этимъ семействамъ и цѣлымъ поселеніямъ, у которыхъ отняты ихъ дома и поля или которые всевозможными притѣсненіями были вынуждены продать ихъ подъ господскія рощи и пастбища? Для охраненія послѣднихъ нужно, конечно, меньше рукъ, чѣмъ прежде для ихъ воздѣлыванія

подъ пашни; итакъ, этимъ людямъ остается одно: грабить и послѣ грабежа умирать на висилицѣ. Они даже не могутъ просить милостыни, потому что это также преслѣдуется закономъ. Для нихъ небо становится желѣзомъ и земля мѣдью. Отъ этого уменьшенія назначенныхъ для земледѣлія полей происходитъ дороговизна хлѣба и предметовъ первой необходимости. Система мануфактурныхъ и ремесленныхъ привилегій моновала, монополіи уничтожены, но вслѣдъ за ними развилось страшное зло „*олигополіи*“.

Правительство боролось противъ такого систематическаго разоренія народа вплоть до XVIII вѣка. Но напрасно оно издавало законы противъ чрезмѣрнаго „округленія“ имѣній, напрасно ограничивало число головъ скота, сосредоточеннаго въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, напрасно старалось поддержать старинный законъ о надѣлѣ каждаго батрака коттеджомъ и четырьмя акрами земли,—всѣ его усилія только немного задерживали этотъ процессъ „первоначальнаго капиталистическаго накопленія“, но не въ силахъ были остановить его. Да и правительство далеко не оказывало надлежащаго постоянства и энергіи въ своемъ противодѣйствіи этому процессу. Сплошь и рядомъ оно даже содѣйствовало ему и содѣйствовало гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другое время и въ другой формѣ противодѣйствовало. Отнятіе земель у народа тогда было въ большомъ ходу. Генрихъ VIII, Елисавета, Яковъ I, Кромвель, Карлъ II, Вильгельмъ III по нѣскольку разъ отнимали гуртомъ, цѣлыми милліонами акровъ, ирландскія земли, раздавая ихъ своимъ приближеннымъ, любовникамъ, любовницамъ или такъ-называемымъ *антрепренерамъ*, у которыхъ они занимали деньги на усмиреніе возстававшей Ирландіи и расплачивались съ ними землей. Въ самой Англіи подобная-же конфискація была совершена при реформѣ англійской церкви. До реформаціи церковь владѣла на феодальномъ правѣ огромнымъ количествомъ земель, которыя находились въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ помѣстья, свѣт-

скихъ ландлордовъ. Обезпеченное пользованіе этими землями, отсутствіе ландлордскаго произвола, помощь, которую бѣдные земледѣльцы получали отъ монастырей, привлекали множество народа, которому жилось здѣсь гораздо лучше, чѣмъ подъ произволомъ свѣтскихъ собственниковъ. Изученіе въ монастыряхъ классической агрономіи повело къ улучшенной обработкѣ церковныхъ земель, къ дренажу, къ воздѣлыванію болотъ и пустошей. Но когда, по желанію короля, англійская аристократія перемѣнила вѣру, то въ награду за это она получила въ даръ часть конфискованныхъ церковныхъ земель, другая часть которыхъ была продана за безцѣнокъ разнымъ спекуляторамъ. Жители этихъ имѣній были изгнаны и превратились въ пролетаріевъ, что повело за собой введеніе при Елисаветѣ налога для бѣдныхъ. Но многіе собственники отнеслись къ этому налогу, какъ къ нарушенію священнаго права собственности, какъ къ мѣрѣ, поощряющей тунеядство. На одномъ собраніи ландлордовъ и богатыхъ арендаторовъ было постановлено просить парламентъ о дозволеніи построить въ каждомъ приходѣ *тюрьму*. Въ эту тюрьму предполагалось садить всѣхъ бѣдняковъ, желающихъ получать пособіе, и потомъ отдавать ихъ въ работу къ собственникамъ и арендаторамъ. „*Если иногда и случится*, говоритъ проектъ, — *что кто-нибудь изъ бѣдныхъ погибнетъ подъ надзоромъ контрагента, то грѣхъ будетъ на немъ*, такъ-какъ приходъ исполнилъ свой долгъ относительно упомянутыхъ бѣдныхъ“. Этотъ проектъ еще довольно мягокъ сравнительно съ законами противъ бѣдныхъ, бродяжества, воровства, разбоевъ, порожденныхъ отнятіемъ земель и превращеніемъ земледѣльцевъ въ пролетаріевъ. „Англійскіе порядки съ ихъ уголовными законами, по выраженію Т. Моруса, — имѣли видъ системы, которая воспитывала злодѣевъ для того, чтобы потомъ имѣть удовольствіе ихъ вѣшать“. Но законъ преслѣдовалъ не одно злодѣйство, онъ немилосердно каралъ людей даже за бѣдность. Законъ 1530 г. повелѣвалъ здоровыхъ нищихъ привязывать къ

телѣжкамъ, жестоко наказывать плетью и брать съ нихъ клятву, что они возвратятся въ мѣсто своего жительства (котораго большинство ихъ не имѣло, вслѣдствіе изгнанія) и примутся за работу! При второй поимкѣ ихъ снова сѣкли и отрѣзывали половину уха; при третьей—казнили смертью. По закону 1547 г., каждый мировой судья получалъ право арестовывать бѣдняковъ, остающихся три дня безъ работы, выжигать раскаленнымъ желѣзомъ на груди ихъ букву V (*праздношатающійся бродяга*), отправлять ихъ въ мѣсто жительства и употреблять ихъ здѣсь закованными въ кандалы на самыя тяжкія работы. Если онъ показывалъ ложно мѣсто своего жительства, то ему выжигали букву S и дѣлали пожизненнымъ рабомъ его прихода. Эти приходскіе рабы, въ смягченной, конечно, формѣ, существовали вплоть до половины XIX вѣка подъ названіемъ roundsmen. Каждый могъ отнять у бродяги его дѣтей и держать ихъ въ качествѣ учениковъ до 20—24-лѣтняго возраста, а въ случаѣ бѣгства, обращать ихъ въ рабство до того-же срока. Каждаго праздношатающагося повѣлѣвалось отдавать во временное рабство тому, кто донесетъ на него. За недозволенную отлучку свыше четырнадцати дней такой невольникъ обращался въ пожизненное рабство, за третій побѣгъ и за преступленія противъ своего господина казнился смертью. Господинъ могъ продавать его, дарить, сѣчь, заковывать въ кандалы, надѣвать на него ошейникъ. Елисавета постановила нищенствующихъ безъ позволенія бить кнутомъ и клеймить имъ лѣвое ухо; во второй разъ, если никто не захочетъ взять ихъ къ себѣ въ услуженіи на два года, казнить смертью, а въ третій разъ казнить безусловно. Яковъ I подтвердилъ всѣ эти законы новыми постановленіями и они продолжали существовать до начала XVIII вѣка.

Неудивительно послѣ этого, что когда настала грозная минута народнаго возстанія, народъ закричалъ „смерть гордымъ лордамъ“... При Кромвелѣ англійская аристократія очути-

лась въ самомъ критическомъ положеніи. Существовалъ планъ издать аграрные законы и раздѣлить земли между крестьянами,—планъ, выполненіе котораго, вполнѣ возможное въ то время, навсегда избавило-бы Англію отъ ея поземельной системы. Но Кромвель позаботился о томъ только, чтобы создать изъ своихъ солдатъ новыхъ ландлордовъ, а при слѣдовавшей затѣмъ реставраціи Стюартовъ землевладѣльцы упрочили за собой всѣ свои права собственности и, избавившись отъ обязанностей, лежавшихъ прежде на феодалахъ, сваливъ на народъ всю тяжесть налоговъ и повинностей, превратились въ собственниковъ въ новомъ духѣ. Революція повела за собой усиленные захваты государственныхъ земель въ частныя руки. Въ XVIII вѣкѣ эти захваты усились еще болѣе и были признаны закономъ посредствомъ парламентскихъ „биллей о включеніи общинныхъ земель“, Bills for Inclosures of Commons. Литература этого вѣка полна самыхъ разительныхъ изображеній тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождалась эта экспропріація народа ландлордами. „Во многихъ приходахъ въ Гертфордширѣ, говоритъ одинъ авторъ,—24 фермы, каждая отъ 50 до 150 акровъ, слились въ 3“. „Включеніе общинныхъ земель въ частную собственность, свидѣтельствуетъ другой,—сильно распространено, и большая часть новыхъ лордствъ, образовавшихся изъ этихъ присоединеній, превращены въ пастбища, вслѣдствіе чего теперь подъ плугомъ нѣтъ и 50 акровъ земли тамъ, гдѣ прежде обработывалось 1,500. Развалины прежнихъ жилищъ, амбаровъ, хлѣвовъ и т. п. представляютъ единственные слѣды прежнихъ обитателей. Сотни домовъ и семействъ во многихъ мѣстахъ сократились до 8 и 10. Число землевладѣльцевъ въ большой части тѣхъ приходовъ, гдѣ присоединенія совершились лѣтъ 15—20 тому назадъ, очень незначительно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которые обработывали эту землю прежде, когда она была открытою. Нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что 4 или 5 крупныхъ скотоводовъ похищаютъ недавно включен-

ныя лордства, бывшія прежде въ рукахъ 20—30 фермеровъ и многихъ мелкихъ собственниковъ и обитателей. Всѣ они выброшены со своими семействами изъ своихъ владѣній, вмѣстѣ со многими другими семействами, работавшими на нихъ и жившими ими". Не говоря уже о захватѣ обработанныхъ общинныхъ земель и о разореніи всѣхъ обитателей ихъ, по выраженію одного тогдашняго писателя, „даже присоединеніе пустопорожнихъ земель грабило у бѣдныхъ часть ихъ средствъ существованія и увеличивало фермы, безъ того уже слишкомъ большія". Масса изгнанныхъ съ своихъ земель фермеровъ правращалась въ поденщиковъ, батраковъ, рабочая плата которыхъ, вслѣдствіе усиленной конкурренціи, падала, между тѣмъ какъ стоимость жизни возрастала. Сгоняя крестьянъ и превращая пашни въ болѣе выгодныя пастбища, а мелкія фермы въ крупныя, капиталистическое производство доставляло себѣ и другую выгоду, привлекая разоренныхъ земледѣльцевъ въ города и получая въ нихъ дешевыхъ работниковъ для своихъ фабрикъ, убивши всю кустарную промышленность и заставившихъ бѣдняковъ покупать все то, что они прежде производили сами. Въ настоящемъ столѣтіи экспропріація народа продолжалась съ прежнею силою. Съ 1801 по 1844 г. ландлорды захватили парламентскимъ путемъ 3,740,520 акровъ общинной земли. Въ то-же время они дѣятельно занились процессомъ „очистки имѣній", разорившимъ въ особенности Шотландію. „Шотландскіе аристократы, говоритъ одинъ писатель,—экспропріировали семейства такъ, будто они вырывали сорную траву; они обращались съ деревнями и ихъ обитателями такъ, какъ обращались въ своей ярости индѣйцы съ логовищами дикихъ звѣрей. Человѣка промѣнивали на одну овечью шкуру, на заднюю часть баранины и даже дешевле... При вторженіи въ сѣверныя провинціи Китая монголы порѣшили истребить жителей и обратить ихъ земли въ пастбища для скота. Это предположеніе исполнили многіе ландлорды Шотландіи въ своей собственной

странѣ, относительно своихъ собственныхъ земляковъ". Въ XVIII вѣкѣ шотландцомъ, лишеннымъ земель, запрещали даже эмигрировать, чтобы заставить ихъ силится въ фабричныхъ городахъ. Начало XIX вѣка было ознаменовано ужасающею очисткою многихъ имѣній. Графиня Сутерландъ, напр., захватила себѣ 794,000 акровъ, считавшихся принадлежностью клана, и, выжегши стоявшія на нихъ фермы и деревни, превратила ихъ въ овечье пастбище. 15,000 жителей были изгнаны съ помощію войскъ и поселились на морскомъ берегу. Но вскорѣ этотъ берегъ былъ отданъ въ аренду богатымъ рыбопромышленникомъ, и несчастныхъ шотландцевъ изгнали снова... Изгнанные съ плодородныхъ и обработаныхъ земель, шотландцы переселялись въ лесную глушь, но скоро ихъ вытѣсняли и изъ лѣсовъ, такъ-какъ усиленно стали хлопотать о разведеніи краснаго звѣря для барской охоты и для промысла, который оказался выгоднѣе овцеводства. „Непроходимый лѣсъ и народъ, говоритъ Сомерсъ,—не могутъ существовать рядомъ. Тотъ или другой долженъ, во всякомъ случаѣ, уступить. Если охоты въ слѣдующее 25-лѣтіе будутъ возрастать и въ числѣ, и въ размѣрахъ такъ-же, какъ и въ текущемъ, то вы скоро не найдете ни одного шотландца на его родной землѣ". Значительная часть земель Англіи и Шотландіи давно уже превращена въ увеселительный паркъ землевладѣльцевъ.

Посредствомъ вышеупомянутыхъ способовъ вся англійская земля очутилась во владѣніи самаго ограниченнаго числа собственниковъ, назначительность которыхъ особенно разительна при сравненіи съ другими странами Европы. Поземельныхъ собственниковъ считается:

Во Франціи	5,000,000
„ Пруссіи	5,000,000
„ Англіи	30,766 *)

*) Въ Cobden Club Essays число ихъ показано въ 400,000, но это уловка такъ-какъ тутъ включены и городскіе собственники предмѣстій и такъ-называемые

На это число собственниковъ въ 1861 г. приходилось только 249,460 фермеровъ. „Мелкіе поземельные собственники, говоритъ Лесли,—незначительные по числу и политической власти, постепенно изчезаютъ; арендаторы-фермеры лишились обезпеченія въ пользованіе занимаемой ими землей, политической независимости, надежды, прежде всегда ихъ поддерживавшей, пріобрѣсть когда-нибудь въ собственность уголокъ земли, и наконецъ, земледѣльцы не только лишены почвы въ буквальномъ смыслѣ этого слова и рѣдко имѣютъ другое отношеніе къ землѣ, кромѣ права нищаго на помощь, но и снизошли въ другихъ важныхъ отношеніяхъ до положенія гораздо низшаго, чѣмъ то, какое они занимали въ предыдущихъ столѣтіяхъ. Такимъ образомъ, на землѣ, способной отъ природы поддерживать многочисленное и цвѣтущее земледѣльческое населеніе всѣхъ классовъ, живутъ самыя несчастныя и немногочисленные поселяне во всемъ образованномъ мірѣ. Главная-же цѣль этой земли относительно человеческихъ существъ заключается, повидимому, въ томъ, чтобы быть колыбелью чрезмѣрнаго народонаселенія и нищеты въ городахъ... Каждый классъ сельскихъ жителей понизился; мелкія собственники почти изчезли; фермеры-арендаторы потеряли свою древнюю независимость и интересъ въ землѣ; работники лишились своихъ хижинъ, надѣловъ и доли въ общинной землѣ. Нѣкогда всѣ, отъ самаго скромнаго крестьянина до могущественнѣйшаго лорда, владѣли землей, и кто имѣлъ мало, могъ надѣятся современемъ получить больше; но теперь у тѣхъ, которые владѣли малымъ, отняли и то, что они имѣли,—ихъ хижины и даже

---

freeholders. Англійскіе статистики, усердствующіе ландлордамъ, не стѣсняются подобными передержками. Такъ, напр., въ Ирландіи за послѣднее время количество *обработанной* земли съ 13,000,000 уменьшилось до 5,000,000 акровъ, но, несмотря на это, многіе публицисты и статистики (напр. Jervis, Ireland under british rule, p. 306) утверждаютъ, что количество *arable land* (собственно не обработанной, но только *способной къ обработкѣ* земли) увеличилось до 16,000,000 акровъ!..

отдѣльныя занимаемыя ими комнаты. Нѣкогда было восходящее движенiе отъ низшихъ классовъ къ высшимъ; нынѣ-же движенiе нисходящее въ каждомъ классѣ, за исключенiемъ высшаго. Нѣкогда земледѣльческiй классъ имѣлъ политическое представительство и голосъ въ законодательствѣ, который онъ смѣлъ поднимать противъ поземельнаго дворянства; нынѣ-же послѣднее неограниченно распоряжается какъ землею, такъ и голосами ея воздѣлывателей. Однимъ словомъ, нѣтъ уже болѣе независимаго сельскаго населенiя, способнаго достигнуть тѣхъ политическихъ, соцiальныхъ и экономическихъ цѣлей, которыхъ подобное населенiе должно достигать". По мѣрѣ того, какъ Англiя, обращая миръ въ свой рынокъ сырья, расширяла свои мануфактуры, она сокращала число земледѣльцевъ и гнала ихъ работать на городскiя фабрики. Городское народонаселенiе Англiи возрастаетъ съ страшною быстротой; въ Лондонѣ, напр., жителей было:

Въ 1801 г.	1851 г.	1861 г.	1873 г.
958,000	2,362,000	2,803,000	4,000,000

Этотъ приростъ зависитъ не столько отъ естественнаго размноженiя, сколько отъ эмиграцiи изъ деревень въ города. Сельское народонаселенiе, которое еще въ концѣ XVII в. составляло болѣе $^4/_5$, а теперь составляетъ менѣе половины всѣхъ жителей Англiи,—все еще продолжаетъ убывать. Въ Англiи и Уэльсѣ всѣхъ лицъ, занимавшихся земледѣлiемъ, было въ 1851 г. 2,011,447, а въ 1861 г. 1,924,110. Въ то время, какъ въ европейской Россiи земледѣльческое населенiе составляетъ 85% всего населенiя, въ Италiи 77%, Францiи и Бельгiи 51%, Пруссiи 45%, въ Великобританiи оно составляетъ только 12%. Значительная часть земель вовсе не обрабатывается, а постбища имѣютъ рѣшительный перевѣсъ надъ пашнями. Въ 1819 г. въ Англiи подъ лугами и выгонными полями было 22,329,000, подъ паромъ 2,100,000, засѣяно рожью только 4,500,000 акровъ, а годныхъ, но необработанныхъ земель 5,647,000 акровъ. Въ то-же время въ

Шотландіи обработанныхъ земель было 5.265,000. а годныхъ, но необработанныхъ 5.950,000 акровъ. Послѣ уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, — которые посредствомъ устраненія иностранной конкуренціи поднимали цѣны на хлѣбъ и подвергали страну искуственному голоду, — англійское земледѣліе начало быстро развиваться. Съ 1846 по 1865 г. количество запашки увеличилось больше, чѣмъ на 500,000 акровъ: машины, дренажъ, новые способы удобренія начали употребляться въ широкихъ размѣрахъ ландлордами, которые для этой цѣли позаимствовались изъ государственнаго казначейства и потомъ уплатили этотъ долгъ изъ кармановъ своихъ арендаторовъ. Но всѣ эти усовершенствованія, несомнѣнно выгодныя собственникамъ, мало приносили пользы странѣ, сельское хозяйство все-таки носило прежній характеръ и баранъ по прежнему предпочитался крестьянину. По Легуа, въ 1861 году было:

	Всей земли въ гектарахъ.	Негодной къ обработкѣ.	Годной, но невоздѣланной.	Пастбищъ.	Пашней.
Въ Англіи	13,087,999	1,317,767	1,397,730	6,223,501	4,149,001
— Уэльсѣ	1,922,991	447,160	214,475	900,969	360,387
— Шотландіи . . .	7,987,754	3,449,379	2,407,787	1,121,361	1,009,227
Всего . .	22,918,744	5,214,306	4,019,992	8,245,831	5,518,615

Въ 1871 г. подъ лугами было 16,578,000 акровъ, подъ пашнями 7,634,000 да подъ овощами 3,263,000, всего-же не подъ пастбищами 10,897,000 акровъ. „При взглядѣ на прекраснѣйшія мѣстности Англіи, говоритъ Лоу, — кажется, что земледѣліе имѣетъ своею цѣлью доставлять сѣно для скота, а не пищу для людей“. Кормить скотъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ дозволять людямъ обработывать землю подъ пашни. Пашенная земля стоитъ гораздо дешевле пастбищной. Въ приходѣ Буттертонъ, напр., 1 акръ пастбищной земли стоитъ отъ 80 до 100 ф. ст., а 1 акръ пашенной такого-же достоинства только 50—60 ф. ст. Результатъ расширенія пастбищъ на счетъ пашенъ очевиденъ. Несмотря на громадные доходы

доставляемые землей *), несмотря на наружный прогрессъ земледѣлія. Англія все больше и больше въ дѣлѣ народнаго пропитанія начинаетъ зависѣть отъ другихъ странъ, и пища, отнимаемая у людей въ пользу животныхъ, все болѣе и болѣе замѣняется привознымъ хлѣбомъ. Слѣдующая таблица, составленная по даннымъ Quaterly Review; 1873, № 1, какъ нельзя лучше характеризуетъ недостатки и паденіе англійскаго земледѣлія.

	Народонаселеніе Соединенныхъ Королевствъ.	Ввезено квартеровъ пшеницы и другого хлѣба.	Число жителей, питавшихся привозной пшеницей, по 6 бушелей на человѣка.	Число жителей, питавшихся англійской пшеницей, по 6 буш. на человѣка.
Въ 1821 г.	20,983,000	910,000	600,000	18,890,000
— 1831 г.	24,123,000	1,160,000	706,000	21,850,000
— 1841 г.	26,833,000	1,335,000	1,200,000	24,280,000
— 1851 г.	27,533,000	5,696,000	3,930,000	23,255,000
— 1861 г.	29,070,000	9,011,000	6,706,000	21,600,000
— 1871 г.	31,610,000	15,013,000	11,061,000	19,278,000

Такимъ образомъ, въ 1851 г. Англія могла кормить своей пшеницей 23.255,000 ч., а въ 1871 г. уже только 19,278,000 ч. Привозъ иностранной мясной пищи въ послѣднія пятнадцать лѣтъ также увеличился болѣе, чѣмъ вдвое.

Между тѣмъ земля Англіи могла-бы пропитывать въ нѣсколько разъ большее число жителей, чѣмъ какое имѣется теперь въ этомъ государствѣ. Но, по вычисленію Лаверня, необходимо затратить на англійское земледѣліе около 400,000,000

---

*) Въ 1861 г. доходы Англіи и Шотландіи такъ распредѣлялись по своимъ источникамъ:

Поземельная собственность . . .	115,844,454	ф. ст.
Аренды	30,151,713	»
Фонды	28,343,070	»
Промышленность	84,373,090	»
Задѣльная плата	18,329,397	»
Всего	277,041,724	ф. ст.

ф. стерлинговъ, чтобы поднять его до степени французскаго. Въ чемъ-же заключается причина этой агрикультурной отсталости Англіи? Несомнѣнно, что громадное количество земель, лежащихъ подъ пастбищами, вмѣстѣ съ землями необработанными, мѣшаетъ англійскому земледѣлію быть производительнымъ болѣе, чѣмъ вдвое. Но этимъ дѣло не ограничивается, и главное зло состоитъ въ сосредоточеніи земли въ рукахъ малочисленнаго класса ландлордовъ, въ крупномъ землевладѣніи, которое, между прочимъ, порождаетъ и упомянутое чрезмѣрное расширеніе пастбищъ. Крупныя помѣстья въ Англіи, за немногими исключеніями, управляются дурно, а крупные землевладѣльцы обращаютъ вниманіе не столько на увеличеніе процента своихъ доходовъ, сколько на поддержаніе своей власти и политическаго вліянія, доставляемыхъ землей. Малодоходность имѣній въ соединеніи съ барскимъ мотовствомъ давно уже привели къ тому, что помѣстья задавлены лежащими на нихъ долгами. „Въ какомъ-бы графствѣ вы ни нашли запущенное помѣстье, говоритъ Лесли,— вы можете тотчасъ объяснить себѣ, что это происходитъ отъ невозможности со стороны собственника ввести необходимыя улучшенія по причинѣ гнетущихъ его долговъ. Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія въ каждомъ графствѣ количества земли, находящейся въ такомъ плачевномъ положеніи, но, по собраннымъ нами свѣденіямъ, это количество гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Даже когда помѣстья не находятся въ безнадежномъ состояніи вслѣдствій залоговъ и перезалоговъ, то собственники имѣютъ долги, отъ которыхъ они могли-бы освободиться, если-бы имѣли возможность продать часть земли или если-бъ эта часть земли могла быть продана безъ такихъ трудностей и расходовъ, которые нынѣ неизбѣжны". Маіоратъ и субституты дѣлаютъ невозможнымъ раздробленіе аристократическихъ земель и превращаютъ собственника только въ пожизненнаго пользователя фамильнымъ имѣніемъ. Для той-же поддержки и

охраны крупнаго землевладѣнія существуютъ громадныя пошлины на продаваемую землю и цѣлая система крючкотворческихъ ловушекъ, благодаря которымъ неопытный покупатель можетъ втянуться въ разорительный процессъ и непремѣнно долженъ покупать дорогую помощь юристовъ. Въ Вестфаліи покупщикъ земли, стоющей 10,000 ф. ст., платитъ пошлины 100 ф., во Франціи 600, а въ Англіи подобная покупка послѣ всѣхъ хлопотъ, справокъ и совѣтовъ можетъ привести къ гибельному процессу и убытку до 100,000 ф. ст.

Либеральные экономисты видятъ главное зло англійской земледѣльческой системы въ томъ, что земля не можетъ подлежать такой-же свободной куплѣ-продажѣ, какъ и всякій другой товаръ. Дозвольте только свободную торговлю землей, и она, распредѣлившись гораздо лучше между новыми собственниками, которые употребятъ на улучшеніе ея необходимые капиталы, быстро возвыситъ свою производительность *). Кромѣ уничтоженія субститутовъ и маіоратовъ, кромѣ отмѣны юридическихъ затрудненій и пониженія пошлинъ, съ цѣлью доставить землѣ свободное обращеніе на торговомъ рынкѣ, либеральные экономисты требуютъ еще продажи въ частныя руки дурно управляемыхъ земель, принадлежащихъ разнымъ корпораціямъ, напр. университетамъ кэмбриджскому и оксфордскому. Нѣтъ сомнѣнія, что такая распродажа земли и переходъ ея въ руки антрепренеровъ-капиталистовъ значитель-

*) Чтобы судить о возрастаніи цѣнности земли при переходѣ ея изъ дурныхъ рукъ въ хорошія, приведемъ слѣдующіе примѣры. Одно помѣстье, проданное въ 1810 г. за 50,000 ф. ст., было доведено до того, что въ 1850 г. его могли продать только за 25,000, но вслѣдствіе улучшеній, черезъ нѣсколько лѣтъ за него давали уже 75,000 ф. ст.—Имѣніе, купленное за 15,000 ф. ст., при хорошемъ управленіи вскорѣ-же довело свой бюджетъ до слѣдующаго вида:

Жатва продана за		5,330 ф. ст.
Работа стоила	930	3,450
Сѣмяна	250	
Удобреніе	1,150	
Рента и проч.	1,120	
Чистый доходъ		1,880 ф. ст.

но подниметъ производительность англійскаго земледѣлія. Но развитіе послѣдняго задерживается еще нѣсколькими важными тормазами, изъ которыхъ экономисты отвергаютъ только одинъ и защищаютъ остальные. Въ Англіи и Ирландіи до послѣдняго времени дѣйствовалъ статутъ Эдуарда I, по которому всѣ улучшенія и постройки, сдѣланныя арендаторомъ на фермѣ, принадлежатъ собственнику, какъ только оканчивается срокъ аренды. А такъ-какъ всѣ эти улучшенія увеличиваютъ цѣнность фермы, то собственникъ поднимаетъ ренту и арендаторъ долженъ или платить ему за то, что сдѣлано имъ-же самимъ, или очистить ферму для другого арендатора, отдавъ все сдѣланное имъ въ собственность ландлорда. Этотъ хищническій законъ въ 1870 г. уничтоженъ въ Ирландіи, гдѣ онъ былъ особенно гибеленъ для народа, но остался дѣйствительнымъ въ Англіи. Вотъ что разсказываетъ одинъ фермеръ въ письмѣ своемъ въ одну газету отъ 16 дек. 1871 г.: „Въ 1850 г. я снялъ ферму въ 160 акровъ. Она была вовсе не дренирована, съ дурными дорогами, плохими постройками,— словомъ, находилась въ сквернѣйшемъ состояніи. Полагаясь на торжественное обѣщаніе ландлорда, что я буду владѣть фермой, пока буду хорошо обрабатывать землю и платить ренту, я серьезно принялся за дѣло, проложилъ по всей фермѣ хорошія дороги, заготовилъ матеріялъ для новыхъ строеній, привозя его изъ отдаленныхъ мѣстностей, осушилъ землю посредствомъ канавъ, глубоко пропахалъ землю и хорошо удобрялъ ее... Отличные урожаи и вообще видимое улучшеніе фермы во всѣхъ отношеніяхъ подавали мнѣ надежду, что я возвращу затраченный мною капиталъ. Но когда всѣ эти улучшенія были окончены, я вдругъ получаю отъ ландлорда приказъ, что если я не желаю платить еще добавочной аренды въ 100 ф., то долженъ сдать ферму втеченіи шести мѣсяцевъ, и это безъ фартинга вознагражденія! Я предложилъ 50 ф. надбавки, но достопочтенный ландлордъ возразилъ, что ему уже даютъ 100. Это-ли не дневной грабежъ? Что-бы ни гово-

рилъ законъ, но по справедливости никто не имѣетъ права вытаскивать изъ моего кармана плоды трудовъ моихъ". Законъ этотъ, разоряющій сплошь и рядомъ фермеровъ, служитъ одною изъ главныхъ помѣхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Арендаторы, естественно, остерегаются затрачивать капиталъ на улучшенія фермъ, зная, что всѣ эти улучшенія пойдутъ въ пользу собственника и могутъ разорить ихъ. Ландлорды-же, сознавая выгодность права сгонять фермеровъ, овладѣвать плодами трудовъ ихъ и соразмѣрно съ цѣнностью послѣднихъ возвышать ренту, избѣгаютъ отдачи земли по долгосрочнымъ контрактамъ и сдаютъ ее арендаторамъ большею частью только на годовый срокъ.

Мелкое фермерство гораздо выгоднѣе крупнаго. Но мелкіе фермеры непріятны и даже небезопасны для высокорожденныхъ ландлордовъ. Въ Ирландіи масса мелкихъ фермеровъ постоянно волнуетъ страну и съ отчаяннымъ упорствомъ отстаиваетъ права народа на землю, отнятую у него англійскими узурпаторами. Развитіе мелкаго фермерства въ Англіи мало того, что подняло-бы благосостояніе большинства земледѣльческаго народонаселенія, оно еще придало-бы ему и новую энергію для борьбы за свои интересы противъ пагубной системы ландлордовъ. Вотъ почему, даже въ ущербъ себѣ, ландлорды предпочитаютъ всегда крупныхъ фермеровъ, людей болѣе спокойныхъ, съ которыми къ тому же они входятъ въ такія условія, что всегда могутъ прогнать ихъ, и, ставя ихъ въ зависимость отъ своего произвола, тѣмъ самымъ усиливаютъ свое политическое вліяніе. Предпочтеніе крупныхъ фермъ мелкимъ простирается до того, что иногда ландлорды отдаютъ крупнымъ арендаторамъ землю за ренту, которая въ *тринадцать* разъ дешевле суммы, предлагаемой за ту-же землю подъ садъ мелкими фермерами!.. Что-же касается преимуществъ мелкаго фермерства передъ крупнымъ, то осязательное доказательство ихъ представляютъ англійскіе острова канала, воздѣлываемые мелкими арендаторами. Народонасе-

леніе этихъ острововъ въ 4 — 5 разъ гуще, чѣмъ въ Англіи, а сельское народонаселеніе втрое многочисленнѣе англійскаго. Нищенство и пролетаріатъ почти вовсе неизвѣстны здѣсь; пища жителей, одежда, дома и вся обстановка отличаются не только довольствомъ, но и извѣстнымъ комфортомъ. Сельскихъ произведеній получается столько, что они загромождаютъ собой англійскіе рынки. Вывозъ въ Англію составлялъ въ 1842 — 45 г. 2,648,000 квартеровъ, въ 1852 — 55 г. 8,027,000, а въ 1860—63 г. уже 16,096,000 кв. Воздѣланныя земли на островахъ составляютъ 81%, а выгоны и луга только 19% всей земли. Количество сберегательныхъ кассъ и сумма ихъ вкладовъ гораздо больше, чѣмъ въ Англіи.

Но какъ-бы ни были очевидны выгоды мелкаго фермерства, англійская аристократія никогда, безъ крайней необходимости, не согласится замѣнить имъ крупныя аренды. Одной-же вольной продажи земли, которой такъ настойчиво требуютъ либеральные экономисты, совершенно недостаточно для удовлетворенія насущныхъ потребностей страны. Пусть уничтожатъ маіоратъ, субституціи, пусть понизятъ гербовыя пошлины, пусть ландлорды начнутъ дѣлить свои земли между всѣми своими дѣтьми и распродавать ихъ, пусть пустятъ въ продажу земли корпорацій, пусть земли перейдутъ въ руки большаго числа новыхъ собственниковъ, пусть, наконецъ, послѣдніе употребятъ на улучшеніе ихъ сотни милліоновъ фунтовъ стерлинговъ,—земледѣліе, несомнѣнно, поднимется, затраченные на него капиталы будутъ приносить громадные барыши, но улучшится-ли положеніе народа? Да отчего-же ему будетъ улучшиться, когда система земледѣлія не только сохранитъ, но даже усилитъ свой теперешній характеръ капиталистической эксплуатаціи, когда масса народу попрежнему останется безъ земли и будетъ жить жалкой поденщиной? Съ земледѣльцемъ будетъ продолжаться та-же исторія, которая тянется уже нѣсколько столѣтій и состоитъ въ томъ, что *прогрессъ англійскаго земледѣлія сопровождается регрессомъ земледѣль-*

ца. Еще въ 1830 г. въ обѣихъ палатахъ парламента повторялось выраженіе, что сельскій рабочій Англіи—„бѣлый рабъ", на что одинъ изъ главныхъ экономистовъ того времени замѣтилъ, что онъ „не рабъ, но и несвободный человѣкъ, — онъ нищій. Лишенный своей земли, земледѣлецъ быстро доходилъ до нищенства и превращался въ жалкаго поденщика, отъ котораго все болѣе и болѣе требовали работы и все менѣе и менѣе платили за нее. Съ 1737 по 1777 г. дѣйствительная рабочая плата его понизилась почти на 25% и д-ръ Прайсъ говоритъ по этому поводу, что „новѣйшая политика благопріятствуетъ высшимъ сословіямъ; слѣдствіемъ этого будетъ то, что рано или поздно все королевство будетъ состоять только изъ джентльменовъ и нищихъ, изъ знатныхъ и рабовъ". Въ 1771 г. средняя рабочая плата земледѣльца равнялась 90 пинтамъ пшеницы, въ 1797 г. 65, а въ 1808 г. только 60 пинтамъ. Подать для бѣдныхъ возрастала вмѣстѣ съ уменьшеніемъ задѣльной платы. Въ графствѣ Нортгамптонѣ это дѣло находилось въ такомъ положеніи:

	Средняя еженедѣльная плата.	Годовой расходъ семейства изъ 6 человѣкъ.	Общій доходъ его за годъ.	Дефицитъ покрываемый на счетъ прихода.
Въ 1795 г.	7 ш. 6 п.	26 ф., 12 ш. 5 п.	29 ф., 16 ш.	6 ф., 14 ш. 5 п.
» 1814 »	12 » 2 »	54 » 18 » 4 »	36 » 2 »	18 » 6 » 4 »

Въ первомъ изъ этихъ годовъ дефицитъ былъ менѣе $1/4$ рабочей платы, а черезъ восемнадцать лѣтъ онъ былъ уже болѣе $1/2$ ея. Кэрдъ, объѣзжавшій Англію въ 1850 г., сообщаетъ слѣдующія данныя:

	Средняя рента земли за акръ.	Акръ давалъ бушелей пшеницы.	Средняя рабочая плата въ недѣлю.	Доходъ съ квартиры рабочаго въ годъ.	Цѣна хлѣба за фунтъ.	Цѣна масла за фунтъ.	Цѣна мяса за фунтъ.	Цѣна шерсти за фунтъ.
Въ 1770 г. . . .	13 ш. 4 п.	23	7 ш. 3 п.	36 ф.	$1\frac{1}{2}$ п.	6 п.	$3\frac{1}{2}$ п.	$5\frac{1}{2}$ п.
» 1850 » . . .	26 » 6 »	$26\frac{1}{2}$	9 » 7 »	74 »	$1\frac{1}{4}$ »	1 ш.	5 »	1 ш.
Возвышеніе цѣнности съ 1770 по 1850 на	100%	15%	34%	100%	—	100%	—	100%

Такимъ образомъ, доходъ съ земли и доходъ съ котеджа работника поднялся на 100%, цѣна масла возросла тоже на 100%, а стоимость шерсти болѣе, чѣмъ на 100%, между тѣмъ какъ рабочая плата поднялась только на 34%. И повѣрить-ли читатель, что между англійскими экономистами находятся такіе артисты, которые безъ всякаго зазрѣнія совѣсти доказываютъ этимъ повышеніемъ рабочей платы прогрессъ земледѣльца!...

Съ 1850 г. положеніе рабочаго еще болѣе ухудшилось, такъ-какъ возвышеніе его задѣльной платы было далеко непропорціонально съ поднятіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Даже на памяти живущаго поколѣнія въ этомъ направленіи произошла весьма замѣтная перемѣна. Вотъ что говорилось, напр., на одномъ митингѣ земледѣльческихъ рабочихъ въ 1872 г. Рабочій Кли сказалъ, что „задѣльная плата съ нѣкотораго времени возвысилась отъ 9 до 10, но мѣстамъ даже до 11 шиллинговъ въ недѣлю; но по 11 шиллинговъ получаютъ весьма немногіе. Рабочему необходимо 15 ш. въ недѣлю. Какъ-же лѣтъ двадцать назадъ онъ могъ работать за 7 — 9 шиллинговъ? Но тогда на 7 ш. онъ могъ купить столько-же, сколько теперь на 10“. Рабочій Кинси заявилъ, что онъ „получаетъ въ недѣлю 11 шиллинговъ, изъ которыхъ 1 ш. платитъ за квартиру, а на остальные 10 содержитъ себя, жену и пятерыхъ дѣтей, да еще дѣвочку-служанку. На хлѣбъ въ недѣлю онъ расходуетъ 7 ш., а на остальные 3 долженъ доставлять на 7 человѣкъ мясо, масло, обувь, платье, отопленіе. Плата эта слишкомъ мала, а между тѣмъ большинство земледѣльцевъ получаютъ еще меньше, чѣмъ онъ... Онъ думаетъ, что возможность содержать корову была-бы истиннымъ счастіемъ для земледѣльческаго рабочаго, такъ-какъ въ ея молокѣ семейство его нашло-бы свою лучшую пищу. И онъ надѣется, что настанетъ день, когда каждый земледѣлецъ будетъ имѣть корову, маленькій клочекъ земли и удобную хижину. Теперь-же существуетъ одинъ законъ для

богатаго, другой законъ для бѣднаго". Рабочій Оуэнъ заявилъ, что задѣльная плата должна быть не менѣе 15 шил. въ недѣлю. Онъ работаетъ *по 17 и 18 часовъ въ день*, т. е. по 8 и 9 дней въ недѣлю, за 11 шиллинговъ. У него большое семейство. Въ прошломъ году онъ платилъ 8 ш. и 6 п. за бушель пшеницы, а семейство его съѣдало въ мѣсяцъ мѣшокъ, что стоило 25 ш. Онъ не знаетъ, какъ и жить при такихъ обстоятельствахъ. Д-ръ Гюнтеръ въ своемъ отчетѣ о сельскихъ рабочихъ, изъ котораго Марксъ извлекаетъ столько поразительныхъ данныхъ, говоритъ, что „стоимость существованія сельскаго рабочаго составляетъ наименьшую сумму, на какую только онъ можетъ жить. Его рабочая плата совершенно несоразмѣрно съ той прибылью, какая извлекается изъ него. Въ счетахъ арендатора она равна нулю... Что-же касается дальнѣйшаго сокращенія его дохода, то онъ можетъ сказать nihil habeo, nihil curo *). Онъ не страшится будущности, потому что располагаетъ только тѣмъ, что безусловно необходимо для его существованія. Что-бы ни случилось, счастіе или несчастіе, до него это не касается". Профессоръ Роджерсъ, трактуя объ уменьшеніи дохода земледѣльческихъ рабочихъ, говоритъ, что „они опять сдѣлались крѣпостными".

Но, въ сущности, они сдѣлались гораздо несчастнѣе средневѣковыхъ крѣпостныхъ, которые ѣли и жили лучше, чѣмъ они. Земледѣлецъ ѣстъ хуже каторжнаго; особенно мало получаетъ онъ азотистой пищи. Въ Англіи въ недѣлю потребляютъ въ пищу *унцій:*

	Общій вѣсъ пищи.	Составныя азотистыя части.	Безазотныя составныя части.	Составныя минеральныя части.
Преступникъ портландской тюрьмы.	183,69	28,95	150,06	4,68

*) Ничего не имѣю, ни о чемъ не забочусь.

Матросъ королевскаго флота	187,06	29,63	152,91	4,52
Солдатъ	143,98	25,55	114,49	3,94
Каретникъ-рабочій .	190,82	24,53	162,06	4,23
Наборщикъ	125,19	21,24	100,83	3,12
Сельскій рабочій. .	139,08	17,73	118,06	3,29

Даже несчастный ирландскій батракъ, бѣдность котораго вошла въ пословицу, ѣстъ лучше англійскаго земледѣльца, потребляющаго только $^1/_4$ того количества молока и $^1/_2$ хлѣба, какое съѣдаетъ ирландецъ. Сельскій рабочій потребляетъ въ недѣлю:

	Углерода.	Азота.
Въ Шотландіи. . .	48,980 грановъ.	2,348 грановъ.
„ Ирландіи . . .	43,366 „	2,439 „
„ Англіи . . .	40,673 „	1,594 „

Въ Уэльсѣ питаніе рабочаго лучше, чѣмъ въ Англіи, но за то югозападная часть этой провинціи отличается такою-же бѣдностью сельскаго населенія, какъ и остальная Англія. „Всѣ тамошніе врачи, говоритъ д-ръ Гюнтеръ,—единогласно утверждаютъ, что увеличеніе процента смертности отъ чахотки, золотухи и т. п. находится въ связи съ ухудшеніемъ физическихъ условій жизни населенія, и всѣ приписываютъ это ухудшеніе бѣдности. Дневное содержаніе сельскаго рабочаго ограничивается 5 пенсами; во многихъ округахъ арендаторъ (бѣдствующій и самъ) платитъ еще меньше. Немного солонины, сухой, какъ дерево, и которую желудокъ едва-ли въ состояніи переворить, или сала, составляютъ приправу къ громадному количеству похлепки изъ муки и луку или къ овсяному киселю: это кушаніе составляетъ ежедневный обѣдъ сельскаго рабочаго. Прогрессъ промышленности имѣлъ для него слѣдствіемъ лишь то, что въ этомъ холодномъ и сыромъ климатѣ толстый холстъ домашняго издѣлія былъ вытѣсненъ болѣе дешевыми бумажными тканями, а болѣе крѣпкіе напитки— „номинальнымъ“ чаемъ. Пробывъ нѣсколько часовъ сряду

подъ дождемъ и вѣтромъ, земледѣлецъ возвращается въ свой коттеджъ, чтобы присѣсть къ огню, который даетъ ему торфъ или искуственное топливо, состоящее изъ мелкаго каменнаго угля, соединеннаго посредствомъ глины въ комья; отъ горенья этой смѣси жилье его наполняется облаками угольной и сѣрнистой кислотъ. Стѣны хижинъ состоятъ изъ глины и камней вмѣсто пола—голая земля, крыша—изъ соломы. Всякая щель заткнута для сохраненія тепла: и въ этой-то чертовской вони, въ грязи, часто высушивая свое единственное платье, ужинаетъ рабочій со своими женой и дѣтьми! Повивальныя бабки вынужденныя иногда проводить часть ночи въ этихъ лачугахъ, разсказываютъ, какъ ноги ихъ уходили въ грязь и какъ онѣ бывали принуждены (работа нетрудная) продѣлывать въ стѣнѣ дыру, чтобы имѣть возможность дышать чистымъ воздухомъ. Безчисленные свидѣтели разныхъ сословій показываютъ, что голодающіе крестьяне подвержены по ночамъ этимъ и другимъ подобнымъ условіямъ, вреднымъ для здоровья; нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что результатомъ всего этого является слабосильный и залатушный народъ. Сообщенія приходскихъ чиновниковъ указываютъ на такое-же положеніе вещей. Еще худшее зло состоитъ въ распространеніи идіотизма *). Наконецъ, прибавьте сюда климатическіе условія. Сильные югозападные вѣтры дуютъ во всей странѣ втеченіи 8—9 мѣсяцевъ въ году и какъ слѣдствіе ихъ, проливные дожди, которые разражаются обыкновенно на западныхъ склонахъ холмовъ. Деревья рѣдки, за исключеніемъ закрытыхъ мѣстъ; тамъ-же, гдѣ они ничѣмъ не защищены, вѣтеръ не даетъ имъ рости. Лачуги лѣпятся на какой-нибудь отлогости горы, часто также въ оврагахъ и каменоломняхъ, и только мелкія овцы да туземный рогатый скотъ могутъ пастись на лугахъ.

---

*) До какой степени распространенъ идіотизмъ между рабочими, можно видѣть, напр., изъ того, что нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ лондонскій приходъ заключилъ съ однимъ фабрикантомъ условіе, по которому послѣдній обязался *на 20 дѣтей принимать 1 идіота.*

Численность населенія поддерживается только съ трудомъ. Вотъ, напр., цифры для

		въ 1851 г.	въ 1861 г.
Кардиганшира:	мужскаго пола.	45,155	44,446
	женскаго пола.	52,459	52,955
	Итого . .	97,614	97,401

„Отъ водовозной лошади до собаки ни одно животное на фермѣ не помѣщено такъ дурно, какъ работникъ и его семейство", говоритъ Госкинсъ. Недавно епископъ манчестерскій посѣтилъ 300 сельскихъ приходовъ своей епархіи и только въ двухъ изъ нихъ онъ нашелъ сносные коттеджи для рабочихъ. Въ однихъ приходахъ они „жалки", въ другихъ—„отвратительны", въ третьихъ—„составляютъ позоръ для христіанскаго общества". „Въ Спиксфортѣ, говоритъ епископъ,—на 1,200 акровъ только 3 коттеджа, а слѣдовало-бы имѣть ихъ не менѣе 25. Въ Беникгамъ-Тофтсѣ на 650 акрахъ, а въ Диллингтонѣ на 1,850 акрахъ живетъ только по 2 работника. Въ Седжфордѣ въ одной комнатѣ спитъ по 10 и 11 человѣкъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Понятно, что цѣломудріе должно быть неизвѣстною добродѣтелью, а скромность—непонятною вещью тамъ, гдѣ въ одной комнаткѣ спятъ въ повалку отецъ, мать, взрослые сыновья, взрослы; и подростающія дѣвушки; гдѣ въ присутствіи всѣхъ одѣваются, раздѣваются, рожаютъ, умираютъ; гдѣ дѣти обоихъ половъ лѣтъ до 15 спятъ на одной постели; гдѣ вся атмосфера пропитана чувственностью и человѣческая природа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ низведена на степень свинской. Картина отвратительная, но она описана съ натуры. Церкви и школы не будутъ достигать своей цѣли до тѣхъ поръ, пока народъ не получитъ хорошихъ жилищъ". Д-ръ Гюнтеръ изслѣдовалъ 5,375 коттеджей сельскихъ рабочихъ и изъ нихъ въ 2,195 было только по одной комнатѣ, въ 2,930—по 2, въ 250—болѣе двухъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ жилищъ. Въ Урестлингвортѣ: спальня 12 фу-

товъ длины и 10 ширины, хотя многія и меньше. Плата 3 ф. ст. Въ одной спальнѣ спятъ 3 взрослыхъ, 3 дѣтей и замужняя чета съ 6 дѣтьми. Жильцы, если желаютъ имѣть отхожее мѣсто, должны сдѣлать его сами. Оно въ такомъ случаѣ служитъ для многихъ сосѣдей, и собственники извлекаютъ изъ него немалую выгоду, пользуясь содержимымъ его для удобренія земли. Въ Тинкерсъ-Эндѣ: на каждое семейство приходится пространства меньше того, какимъ пользуется каторжникъ на галерахъ, а плата за квартиру до 2 шил. въ недѣлю. Если жильцы и не задыхаются отъ недостатка воздуха, то единственно потому, что стѣны коттеджей постоянно продуваются вѣтромъ вслѣдствіе своей ветхости. Въ Кэмбриджширѣ: случается, что отъ 8 до 9 человѣкъ заперты на ночь въ комнату, въ которой можетъ помѣститься только одинъ человѣкъ. Въ Герфордширѣ: арендаторы отдаютъ коттеджи за 3—4 ф. ст. въ годъ, а сами платятъ рабочимъ по 9 шил. въ недѣлю. Въ Гентингдонширѣ: жильцы, не имѣя отхожихъ мѣстъ, должны ходить на пашню и тамъ оставлять свои экскременты. И эти-то свиные хлѣвы приносятъ немаловажный доходъ ландлордамъ и арендаторамъ, которые, случается, помѣщаютъ рабочихъ съ ихъ семействами въ конюшнѣ и все-таки берутъ за эту „квартиру" хорошую плату. Ландлордъ или арендаторъ платитъ рабочему 10 шиллинговъ въ недѣлю и беретъ съ него до 5 ф. ст. за квартиру въ годъ. Впрочемъ, въ послѣднія 20—30 лѣтъ землевладѣльцы стараются отдѣлываться отъ подобныхъ квартирантовъ, накопленіе которыхъ въ приходѣ крайне невыгодно для него, такъ-какъ увеличиваетъ налогъ для бѣдныхъ. Поэтому землевладѣльцы давно уже разрушаютъ въ своихъ имѣніяхъ рабочіе коттеджи и, не поправляя оставившихся, доводятъ ихъ до окончательнаго саморазрушенія. Имѣнія совершенно пустѣютъ. „Быть одному на своей землѣ весьма печально, сказалъ графъ Лейчестеръ, когда его поздравили съ окончаніемъ постройки его усадьбы,—я озираюсь и не вижу ни одного

дома, кромѣ своего собственника. Я великанъ изъ гигантской башни, пожравшій всѣхъ своихъ сосѣдей". Разрушеніе рабочихъ коттеджей идетъ весьма дѣятельно. Съ 1851 по 1861 г. населеніе Англіи увеличилось на 5 ⅓%, а помѣщенія для него уменьшились на 4½%. Лишенные своихъ жилищъ земледѣльцы принуждены были-бы жить подъ открытымъ небомъ, если-бы имъ не доставляли пріюта разные антрепренеры, находящіе негоднымъ эксплуатировать ихъ нищету. Земледѣльцы начали скучиваться въ такъ-называемыхъ „открытыхъ деревняхъ", принадлежащихъ мелкимъ собственникамъ, отдающимъ свои дома въ наемъ всѣмъ, кто пожелаетъ. Мелкіе спекуляторы покупаютъ въ этихъ деревняхъ землю и строятъ на ней самые жалкіе, бѣдные, грязные, но тѣмъ не менѣе выгодные для нихъ коттеджи. Сплошь и рядомъ эти коттеджи отдаются въ наемъ хозяиномъ кабака, пивной или мелочной лавочки. Получая 10 ш. въ недѣлю, рабочій платитъ хозяину 4 ф. ст. въ годъ, да у него-же забираетъ въ-тридорога муку, мыло, свѣчи, пиво и т. д. Изъ этихъ-то открытыхъ деревень рабочіе ежедневно ходятъ по 6 и по 8 миль къ мѣсту своихъ работъ и обратно.

Такимъ образомъ, англійскій земледѣлецъ „освобожденъ" не только отъ земли, но и отъ жилища. Онъ эмигрируетъ за границу и въ города на фабрики; но не смотря на эту убыль, масса земледѣльцевъ все-таки далеко превышаетъ спросъ на рабочія руки и уплата ихъ держится на минимумѣ. Мужской трудъ замѣняется болѣе дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей, составляющихъ изъ себя *бродячія банды*, это самое грустное порожденіе англійской замледѣльческой системы. Банда состоитъ изъ 10—50 человѣкъ женщинъ, молодежи обоего пола и дѣтей отъ 6 до 13 лѣтъ. Она набирается старшиной, который съ длинною палкою въ рукахъ водитъ ее изъ имѣнія въ имѣніе и отдаетъ въ работу арендаторамъ подъ своимъ надзоромъ. Банда живетъ въ открытой деревнѣ. Старшина расплачивается съ нею обыкновенно въ кабакѣ и вече-

ромъ возвращается домой пьяный, ведомый подъ руки женщинами. За ними идутъ дѣти, распѣвая похабныя пѣсни. Самый циническій развратъ царитъ въ такихъ бандахъ. Дѣвочки нерѣдко беременѣютъ на четырнадцатомъ году и рождаютъ рекрутовъ въ банды. Трудъ банды дешевле всякаго другого труда. Банды сильно размножаются, и, по всей вѣроятности, будутъ размножаться еще сильнѣе, когда англійское земледѣліе, выйдя изъ своего нынѣшняго незавиднаго положенія, начнетъ быстро прогрессировать. Когда ландлорды и арендаторы вынуждены будутъ обстоятельствами позаботиться объ улучшеніи земледѣлія, когда они затратятъ на него большія капиталы, когда земледѣльческія машины сдѣлаютъ лишними на пашняхъ, покосахъ, въ садахъ и огородахъ массу рабочихъ, тогда послѣдніе будутъ вовсе „освобождены" отъ земледѣльческаго труда. Землевладѣльцы и ландлорды скажутъ имъ: „у насъ теперь работы немного для вашего брата, работа стала легкою, ступайте на фабрику, отправляйтесь въ Америку, дѣлайте что хотите, но большая часть васъ намъ не надобна. Намъ нужны бродящія банды женщинъ и дѣтей. Набирайте банды, набирайте банды!"

Землевладѣльческій вопросъ грозитъ въ будущемъ самыми серьезными затрудненіями, какимъ только можетъ подвергаться государство. Что-же говорятъ англійскіе политики и экономисты? Большинство указываетъ, какъ на панацею, на прекращеніе стѣсненій, припятствующихъ землѣ сдѣлаться товаромъ, свободно обращающимся на національномъ рынкѣ. „Но, говоритъ Милль,—подобныя мѣры вовсе не способствовали-бы переходу большой части земли къ дѣйствительнымъ ея воздѣлывателямъ. Во Франціи и въ другихъ странахъ континента продажа земли обыкновенно предполагаетъ покупку ея бѣдными, богачи-же, то обыкновенно немногочисленные, не занимаются обработкой земли и не охотники до сельскихъ удовольствій. Но въ Англіи продажа земли, обыкновенно, предполагаетъ продажу ея богатымъ. Ежегодное возрастаніе боль-

шихъ состояній въ классахъ мануфактурныхъ и коммерческихъ создаетъ постоянный рядъ богатыхъ фамилій, жаждущихъ занять мѣсто землевладѣльцевъ, принужденныхъ продать землю. Если въ Англіи не произойдетъ перемѣнъ болѣе радикальныхъ, чѣмъ увеличеніе свободы отчужденія, то почти вся земля, какъ-бы она ни переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, все-таки останется собственностью богатыхъ, и едва-ли новые землевладѣльцы станутъ отдавать въ аренду свои земли на условіяхъ болѣе выгодныхъ для арендаторовъ, чѣмъ прежніе собственники. Конечно, увеличившееся количество земли на рынкѣ уменьшило-бы ея цѣну и сдѣлало-бы возможною ея покупку большему числу людей, такъ что иногда она попадала-бы въ руки лицъ, намѣревающихся обрабатывать ее, а не отдавать въ наемъ, но рѣдко она попадала-бы къ тѣмъ, которые собственными руками воздѣлываютъ ее. Если увеличеніе количества продажной земли должно принесть пользу рабочему классу, то должны быть приняты иныя мѣры; напримѣръ, можно время отъ времени покупать на общественный счетъ фермы и отдавать ихъ мелкимъ фермерамъ съ должнымъ обезпеченіемъ ихъ права пользованія, или кооперативнымъ ассоціаціямъ рабочихъ, что, не уменьшая, а, вѣроятно, увеличивая производство земли, дало-бы прямыя выгоды, вытекающія изъ владѣнія землей, тѣмъ, которые обрабатываютъ ее лопатой и плугомъ". Эти мысли Милля вполнѣ приняты недавно образовавшимся обществомъ реформы землевладѣнія (Land tenure reform association) и формулированы въ слѣдующей программѣ. Общество имѣетъ цѣлью: 1) Устранить всѣ препятствія, мѣшающіе переходу земли изъ однѣхъ рукъ въ другія. 2) Отмѣнить законъ первородства. 3) Ограничить права, въ силу которыхъ владѣніе наслѣдственными землями обусловливается разными стѣснительными распоряженіями. 4) Такъ-какъ цѣнность земли постоянно возрастаетъ подъ вліяніемъ размножающагося народа и накопляемыхъ богатствъ, безъ особенныхъ заботъ землевладѣльцевъ, то, по-

слѣ предварительной оцѣнки, вся сумма, на какую увеличится рента независимо отъ хлопотъ и затратъ землевладѣльцевъ, должна поступать государству въ видѣ налога. 5) Содѣйствовать покупкѣ на общественный счетъ земель, которыя должны быть употребляемы для развитія кооперативнаго земледѣлія и 6) мелкаго фермерства. 7) Препятствовать переходу въ частныя руки земель, принадлежащихъ коронѣ, общественнымъ и благотворительнымъ учрежденіемъ. 8) Пустопорожнія земли должны быть обращены въ собственность націи, на счетъ которой должны бытъ вознаграждены ихъ владѣльцы, какъ общины, такъ и частныя лица. 9) Раздавъ большую часть этихъ земель для обработки мелкимъ фермерамъ и ассоціаціямъ, менѣе плодородные участки ихъ оставить въ дикомъ состояніи для будущихъ поколѣній. Это общество, организаціи котораго много содѣйствовалъ покойный Милль и которое считаетъ въ своихъ рядахъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ и писателей, возбуждаетъ въ ландлордахъ самое злобное негодованіе. Несмотря на крайнюю умѣренность его программы, алармисты готовы отожествлять его съ парижской коммуной, не соображая, что если настоятельная потребность поземельной реформы не будетъ удовлетворена мирными и умѣренными способами, предлагаемыми этимъ обществомъ, то она найдетъ себѣ другіе пути къ перемѣнамъ, необходимымъ для спасенія націи. Лѣтъ двадцать уже назадъ въ средѣ англійскихъ рабочихъ составилась ассоціація. которая въ послѣднее время приняла названіе „Лиги земли и труда“. Лига требуетъ, чтобы земля была объявлена собственностью націи, съ выдачею вознагражденія ея теперешнимъ владѣльцамъ. „Борьба неизбѣжна, говорится въ одномъ адресѣ рабочихъ Гладстону,—но въ какой-бы формѣ ни возгорѣлась она, мы просимъ васъ быть готовыми къ этой борьбѣ и приготовить къ ней другихъ. Возстановленіе связи народа нашей страны съ землею, на которой онъ родился, будетъ, конечно, содержаніемъ ближайшей политической борь-

бы, которая разгорится въ нашемъ королевствѣ". Начало этой борьбы увидитъ, безъ сомнѣнія, еще живущее нынѣ поколѣніе. Что-же касается результатовъ ея, то можно опасаться за введеніе въ Англіи слишкомъ мелкой поземельной собственности, которая, какъ мы видимъ на примѣрѣ Франціи, служитъ сильною помѣхою народному развитію и благосостоянію. Общинная-же поземельная собственность слишкомъ непопулярна въ Англіи, хотя ассоціація поземельной реформы и проектируетъ на-ряду съ мелкимъ фермерствомъ развитіе кооперативнаго земледѣлія и хотя нѣкоторые, самые консервативные англійскіе журналы уже начинаютъ сознавать выгоды и спасительность общиннаго землевладѣнія.

ЦАРСТВО СВЯТЫХЪ МНОГОЖЕНЦЕВЪ.

Westward by rail, a journey to San Francisco and back and a visit to the mormons, by W. F. Rae. 1871. — Mormonism, its rise, progress and present condition. Embracin, the narravite of mrs. Mary Ettie V. Smith, of her residence and experience of fifteen years with the mormons, with other startling facts and statements, being a full disclosure of the rites, ceremonies and misteries of polygamy. by N. W. Green. Hartford. 1870.

Соединенные Штаты—обѣтованная земля свободы и терпимости. Каждая секта, какъ-бы нелѣпа ни была она, каждое ученіе, каждая вѣра могутъ жить и развиваться здѣсь совершенно свободно. Но эта терпимость не касается мормоновъ. Общественное мнѣніе Америки требуютъ ихъ преслѣдованія, и это преслѣдованіе уже началось. Вашингтонское правительство твердо рѣшилось дѣйствовать противъ полигаміи и отказалось входить въ какіе-бы то ни было компромисы съ святыми многоженцами.

Если судить о мормонахъ по извѣстному русской публикѣ описанію Диксона, то ничѣмъ нельзя оправдать насильственныхъ мѣръ противъ этого въ высшей степени трудолюбиваго, честнаго, трезваго и совершенно мирнаго народа, превратившаго пустыню въ цвѣтущую, обработанную, промышленную страну. Положимъ, что полигамія такъ-же возмутительна, какъ и рабство негровъ, четыре милліона которыхъ освобождены недавно посредствомъ военнаго разгрома, но употреблять тѣ-же самыя средства для освобожденія женщинъ совершенно

нецѣлесообразно, особенно въ странѣ, гдѣ репрессивныя мѣры употребляются только въ крайнихъ случаяхъ. Но дѣло въ томъ, что не одна полигамія, а весь строй жизни мормоновъ дѣлаетъ ихъ ненавистными цивилизованнымъ гражданамъ Америки. Диксонъ и другіе путешественники видѣли только наружную сторону сектаторской жизни и не имѣли никакой возможности проникнуть въ тайны этого строго-замкнутаго царства, быстро развивающагося на территоріи великой республики. Изъ нижеслѣдующаго изложенія читатель увидитъ, что ненависть американцевъ къ мормонамъ имѣетъ свои глубокія основанія, что царство святыхъ многоженцевъ угрожаетъ штатамъ опасностью, въ родѣ недавняго отложенія Юга, и что военное столкновеніе мормоновъ съ республиканцами рано или поздно неизбѣжно.

Мормонство возникло въ концѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, среди тѣхъ сектаторскихъ движеній, которыя въ то время сильно волновали нью-іоркскій и сосѣдніе штаты. Фанатикъ Джозефъ Смитъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ этихъ мистическихъ движеній, изъ обыкновеннаго вора сдѣлался пророкомъ и основателемъ новой религіи. Безграмотный, неотличавшійся никакими умственными способностями, бывшій тридцать девять разъ подъ судомъ, онъ былъ силенъ только своимъ фанатизмомъ, энергіей своего характера да наглою рѣшимостью на всякій обманъ ради успѣховъ своего рискованнаго предпріятія. Богъ удостоилъ Смита многихъ откровеній и указалъ ему на закопанную въ землѣ книгу, писанную неизвѣстнымъ алфавитомъ на золотыхъ листахъ. Таково происхожденіе Золотой Библіи или Книги Мормоновъ. Безграмотный Смитъ, по наитію свыше, перевелъ на англійскій языкъ эту книгу, заключающую въ себѣ лѣтописи евреевъ, будто-бы переселившихся въ Америку задолго до Р. Х. и сдѣлавшихся родоначальниками американскихъ туземцевъ. Въ сущности-же Книга Мормоновъ есть ничто иное, какъ сочиненный въ началѣ XIX в. нѣкоимъ Спальдингомъ

историческій романъ, слишкомъ плохой для того, чтобы найти издателя; рукопись этого романа какъ-то попала въ руки Смита и его пособниковъ и выдана ими за откровеніе. Община мормоновъ, состоявшая первоначально изъ тридцати человѣкъ, росла не по днямъ, а по часамъ. Съ помощью фальшивой монеты и разнообразныхъ мошенничествъ мормоны быстро богатѣли, не стѣсняясь проповѣдывали о своей будущей „имперіи“ и возбудили къ себѣ такую ненависть въ жителяхъ штата Огайо, что въ 1838 г. принуждены были, будто-бы по голосу откровенія, бѣжать въ штатъ Миссури. Въ это время Смитъ имѣлъ уже лейбъ-гвардію изъ двухсотъ хорошо вооруженныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ, которая впослѣдствіи превратилась въ страшный отрядъ разбойниковъ и шпіоновъ, извѣстный подъ именемъ данитовъ, или „ангеловъ истребленія“. Въ Миссури эти фанатики продолжали прежній образъ жизни, быстро размножались и изъ жалкихъ пролетаріевъ превращались въ людей богатыхъ, зажиточныхъ, промышленная дѣятельность которыхъ возбуждала зависть въ „язычникахъ“, какъ называютъ мормоны всѣхъ, непринадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Проповѣдуя, что откровенія пророка выше законовъ республики, что между мормонами и ненавидящими ихъ язычниками должна быть борьба на жизнь и на смерть, что мормоны заберутъ современемъ въ свои руки всѣ Соединенные Штаты, что они „должны внести войну въ дома и семейства враговъ своихъ“, и если понадобится, то „залить кровью все пространство отъ Скалистыхъ горъ до Атлантическаго океана“—мормоны окончательно вооружили противъ себя правительство штата, которое собрало милицію, арестовало мормонскихъ вождей, хотѣло истребить всѣхъ мормоновъ, но ограничилось тѣмъ, что, лишивъ ихъ всей собственности, на сумму до 2,000,000 долларовъ, прогнало ихъ въ Иллинойсъ, гдѣ они основали быстро развившійся городъ Науво, который въ 1841 г. имѣлъ уже 10,000 жителей, слѣпо преданныхъ своему пророку; всѣ

мужчины были отличными солдатами; правительство штата даровало городу много привилегій; Смитъ, основатель этой фанатической общины, сдѣлался пророкомъ, мэромъ города, генералъ-лейтенантомъ утвержденнаго правительствомъ наувскаго легіона и богачомъ. Многоженство, запрещаемое „Золотой Библіей", было постепенно вводимо главами новой церкви, но возбудило сильную оппозицію, особенно въ женщинахъ, и было одною изъ главныхъ причинъ той ненависти, какую всегда питали къ мормонамъ язычники. Эта ненависть возбуждалась и поддерживалась не однимъ многоженствомъ. Поселившись въ Науво, мормоны продолжали попрежнему фабриковать и распространять фальшивую монету и наживаться посредствомъ воровства, которое было однимъ изъ главныхъ ихъ промысловъ; даже большой колоколъ ихъ храма былъ украденъ съ колокольни какой-то церкви въ Сен-Люи. Мормоны промышляли въ особенности отгономъ скота и грабежомъ скототорговцевъ, гонявшихъ стада въ сѣверныя поселенія и на восточные рынки. Все это дѣлалось съ вѣдома ихъ пророка и санкціонировалось доктриною, что по отношенію къ язычникамъ „святому" все дозволено. Покушеніе на жизнь миссурійскаго губернатора, ненавистнаго мормонамъ, еще болѣе возбудило противъ нихъ общественное мнѣніе. Вскорѣ правительству штата представился случай вмѣшаться въ дѣла святого города. Оппозиція многоженству, представляемая Фостеромъ и Ло, основала въ Науво свой органъ, Expositor. Мормоны, возбужденные пророкомъ, напали на редакцію, разрушили домъ и типографію. Фостеръ и Ло бѣжали въ Карфагенъ. Правительство велѣло арестовать Смита и десять другихъ мормонскихъ старѣйшинъ. Но святые воспротивились исполненію этого приказа, и представители власти были изгнаны изъ города. Штатъ собралъ свою милицію, мормоны также вооружились, но Смитъ и другіе старѣйшины предупредили войну, добровольно отдавшись подъ арестъ. Смитъ былъ убитъ въ карфагенской тюрь-

мѣ взбунтовавшеюся чернью 27-го іюня 1844 г. Пророкомъ былъ избранъ Брайамъ Юнгъ. Мормоны, еще до этихъ событій, рѣшились веселиться куда-нибудь въ необитаемую мѣстность, а теперь обстоятельства вынуждали ихъ переселиться какъ можно скорѣе. Въ 1845 году правительство рѣшило г. Науво его привилегій и понуждало ихъ къ выселенію. Въ сентябрѣ милиція штата, послѣ трехдневнаго бомбардированія города, выгнала изъ него штыками всѣхъ святыхъ, вмѣстѣ съ ихъ семействами. Начался „исходъ" святыхъ на западъ, напоминавшій собою исходъ евреевъ изъ Египта. Тысячи святыхъ съ своими женами и дѣтьми прошли по совершенно безлюднымъ пустынямъ вдвое большее разстояніе, чѣмъ какое раздѣляетъ Египетъ отъ Іерусалима, страдая отъ холода и голода, погибая массами отъ холеры и другихъ болѣзней. Въ іюлѣ 1847 года пророкъ Юнгъ съ партіей святыхъ, а въ концѣ 1848 года остальные мормоны прибыли въ Утахъ и основали здѣсь быстро развившееся теократическое царство. Сорокъ пять лѣтъ назадъ мормоновъ было только 36 человѣкъ, а теперь ихъ въ одномъ только Утахѣ 150,000. Ихъ столица на Соленомъ озерѣ, съ 20,000 жителей, и сто двадцать девять другихъ городовъ и селеній поражаютъ своимъ богатствомъ, красотою и порядкомъ; ихъ территорія больше Испаніи; они превосходно обрабатываютъ 160,000 акровъ земли, на одно только орошеніе которой затрачено ими до 11,000,000 долларовъ; вся ихъ страна усѣяна фермами, мельницами, фабриками, водопроводами и, при своемъ благословенномъ климатѣ, не даромъ называется земнымъ раемъ; 20,000 отличныхъ солдатъ готовы защищать ее отъ внѣшняго врага; кромѣ того, каждый мормонъ хорошій воинъ, всегда имѣетъ запасъ боевыхъ принадлежностей, и по голосу пророка можетъ мгновенно возстать вся мормонская земля съ такою-же вѣрою въ побѣду и съ такимъ-же фанатическимъ энтузіазмомъ, благодаря которымъ аравитяне сдѣлались нѣкогда обладателями Востока. Но магометанство раз-

вивалось и усиливалось далеко не такъ быстро, какъ мормонство, которое и теперь уже проповѣдуетъ о покореніи своему авторитету всего американскаго континента, пылая фанатическою ненавистью и заклятою местью ко всѣмъ язычникамъ и мечтая о томъ блаженномъ времени, когда президентъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ чистить сапоги святымъ многоженцамъ. Но пока еще не настало время всеобщаго мормонскаго царства, пока не пробилъ часъ войны съ язычниками, мормоны ограничиваютъ свои дѣйствія относительно послѣднихъ религіозною пропагандою. По слову пророка, каждый мормонъ, не медля ни одного дня, долженъ отправиться на проповѣдь туда, куда пошлетъ его святѣйшій. Ихъ апостоловъ можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта, но преимущественно въ большихъ городахъ Европы и Америки. Мормонская церковь принимаетъ въ свое лоно людей всѣхъ національностей, кромѣ „проклятаго племени“ негровъ, рабскій трудъ которыхъ доставилъ столько богатствъ святымъ многоженцамъ; что-же касается индѣйцевъ Америки, то они пользуются особеннымъ расположеніемъ мормоновъ, причисляющихъ ихъ къ богоизбранному израильскому племени, распространяющихъ между ними свое ученіе и раздувающихъ давнишнюю ихъ ненависть къ вашингтонскому правительству. Общество мормоновъ увеличивается, главнымъ образомъ, посредствомъ европейскихъ эмигрантовъ. Въ лачугахъ европейскихъ пролетаріевъ, въ средѣ людей угнетенныхъ бѣдностью, погрязшихъ въ дикомъ невѣжествѣ, мормонскіе апостолы вербуютъ всѣхъ своихъ неофитовъ. Богатымъ и образованнымъ людямъ нечего искать въ святомъ царствѣ, и ихъ вовсе нѣтъ и никогда не бывало въ немъ. Невѣжественная, подавленная предразсудками и нуждой народная масса, главнымъ образомъ великобританская, видитъ въ мормонствѣ, особенно при помощи искусной пропаганды, идеалъ человѣческаго счастія. Бѣдняку, полунагому, голодному, презрѣнному бѣдняку, который, въ добавокъ къ своимъ земнымъ страданіямъ, долженъ

бояться еще ада, мормонскій апостолъ проповѣдуетъ вѣру, которая дозволяетъ ему всѣ земныя удовольствія, рекомендуетъ развратъ въ формѣ многоженства, обѣщаетъ ему вполнѣ безбѣдное существованіе подъ кровомъ и властью церкви, и, въ добавокъ ко всему, обѣщаетъ послѣ его смерти сдѣлать его *богомъ*. Естественно, что онъ всѣмъ сердцемъ отдается такой религіи, бѣжитъ въ Америку и здѣсь съ первыхъ-же шаговъ видитъ, что обѣщанія апостола не были обманомъ. Переселенцамъ оказываются всевозможное содѣйствіе и чисто братское участіе при ихъ появленіи и первоначальномъ устройствѣ на обѣтованной почвѣ Утаха. Втеченіи двадцати лѣтъ на этихъ эмигрантовъ истрачено мормонскою общиною до 5,000,000 долларовъ. Церковь третируетъ этихъ неофитовъ съ чрезвычайнымъ тактомъ, производящимъ неизгладимое впечатлѣніе на умы ихъ; она относится съ полною терпимостью къ остаткамъ ихъ прежнихъ вѣрованій, не навязываетъ имъ своихъ, предоставляя ихъ религіозное воспитаніе постепенному вліянію ихъ новой обстановки, и прежде всего заботится о здоровьѣ, благосостояніи, удобствахъ этихъ бѣдныхъ людей, знавшихъ до тѣхъ поръ одни только лишенія. Вотъ, напримѣръ, какою проповѣдью встрѣтилъ Юнгъ одну партію европейскихъ эмигрантовъ. „Братья и сестры о Господѣ Іисусѣ Христѣ! вы избраны Богомъ изъ міра и приведены Его милосердіемъ въ эту горную долину для вспомоществованія намъ при созиданіи Его царства. Вы утомились и изнемогли отъ долгаго странствованія, отдохните-же день-два, потомъ встаньте, оглянитесь и рѣшите, какъ будете жить. Не мучьте себя сомнѣніями относительно вашихъ религіозныхъ обязанностей; вы избраны для этого дѣла, и Богъ будетъ печься о васъ. Ободритесь и не унывайте. Посмотрите на эту долину, въ которую вы призваны изъ міра. Ваша первая обязанность научиться садить капусту, лукъ, томаты и сладкій картофель; потомъ научиться кормить свиней, строить дома, разводить сады, ходить за скотомъ, печь хлѣбъ,—однимъ словомъ, ваша

первая обязанность жить. Вторая обязанность—научиться англійскому языку всѣмъ пришельцамъ, которые не знаютъ его, ибо это языкъ Божій, языкъ Книги Мормоновъ, языкъ послѣднихъ дней. Вотъ чему вы обязаны научиться прежде всего; остальное-же дастся вамъ, когда придетъ время. Да благословитъ васъ Богъ и да будетъ миръ Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами!“ Матеріальная обезпеченность болѣе всего привязываетъ мормоновъ къ ихъ церкви, ученіе которой, будучи искусно прививаемо къ ихъ умамъ, дѣлаетъ изъ нихъ настоящихъ фанатиковъ, чуждыхъ всякаго скептицизма и всегда готовыхъ по слову своего пророка идти въ огонь и воду. Быстрые успѣхи мормонства, чудеса и пророчества его старѣйшинъ, вліяніе фанатическаго общественнаго мнѣнія, искуство учителей, ловко умѣющихъ разрѣшать всякія сомнѣнія—все это отлично подчиняетъ умы игу этой нелѣпой доктрины. Дѣло доходитъ до того, что даже люди, душа которыхъ возмущается многоженствомъ и злодѣяніями святыхъ, только *жалѣютъ, что она истинна*, какъ выражается мистрисъ Смитъ *).

De jure государственное устройство мормоновъ представляется демократическимъ; даже самъ святѣйшій ихъ пророкъ избирается всѣмъ народомъ; но de facto это царство служитъ образцомъ теократической деспотіи, такой абсолютной деспотіи, какой никогда не бывало ни въ Тибетѣ, ни въ папскомъ Римѣ, ни въ арабскихъ калифатахъ.

* Мы не намѣрены излагать подробно догматики мормоновъ, главныя положенія которой состоятъ въ слѣдующемъ: Богъ есть лицо съ видомъ и плотью человѣка; каждый истинный мормонъ послѣ своей смерти дѣлается богомъ и водворяется въ своемъ царствѣ, состоящемъ изъ его женъ, дѣтей, ангеловъ и язычниковъ; боговъ, поэтому, множество, а Богъ библейскій, который также былъ нѣкогда человѣкомъ, есть ничто иное, какъ «Президентъ Боговъ»; Христосъ—одинъ изъ этихъ боговъ; человѣческихъ душъ множество и каждая изъ нихъ ищетъ земного вмѣстилища, тѣла; первая обязанность мормона—надѣлать какъ можно болѣе этихъ плотскихъ вмѣстилищъ для душъ.

Пророкъ мормоновъ — святѣйшій, непогрѣшимый учитель ихъ, будущій богъ, спаситель, владѣющій „ключами царства небеснаго"; безъ его соизволенія никто не можетъ спастись; онъ производитъ мормоновъ не только въ чины епископовъ и генераловъ, но и въ достоинство святыхъ. Этотъ папа, этотъ первосвященникъ, этотъ сильнѣйшій изъ монарховъ имѣетъ самую неограниченную власть и надъ душами, и надъ тѣлами своихъ подданныхъ; онъ женитъ ихъ, выдаетъ замужъ, располагаетъ ихъ имуществомъ; онъ думаетъ за нихъ, его воля—божественный законъ для каждаго мормона, совѣсть котораго должна всецѣло подчиняться велѣніямъ пророка, какъ-бы преступны и безнравственны они ни были. Нынѣшній пророкъ, Юнгъ,—человѣкъ простой, необразованный, но чрезвычайно даровитый. Онъ отлично знаетъ людей и управляетъ ими не столько страхомъ, сколько умѣньемъ эксплуатировать въ пользу церкви ихъ душевныя наклонности и внушать имъ безграничную вѣру въ свою божественность. Онъ никогда не является жестокимъ тираномъ, самодуромъ, непреклоннымъ деспотомъ, а всегда разыгрываетъ роль строгаго, но любвеобильнаго отца, свыше просвѣщаемаго пророка, всѣ помыслы котораго направлены къ одной цѣли—къ славѣ церкви и къ вѣчному спасенію людей. Онъ никогда, никому не приказываетъ, а только „совѣтуетъ"; но горе тому, кто-бы вздумалъ не послѣдовать его „совѣтамъ"!

У пророка есть два совѣтника, которые вмѣстѣ съ нимъ составляютъ такъ-называемое „первое президентство".

Затѣмъ слѣдуютъ „коллегія двѣнадцати апостоловъ" и „соборъ семидесяти", занимающіеся дѣлами пропаганды.

Патріархъ мормоновъ, не имѣя никакой власти, пользуется однакожь величайшимъ почетомъ, играя роль раздавателя благословеній—нѣчто въ родѣ государственнаго знахаря.

За первосвященникомъ слѣдуютъ старѣйшіе священники и, наконецъ, простые священники; каждый истинный мормонъ,

имѣющій нѣсколько женъ, есть священникъ, который по смерти дѣлается божествомъ.

Высшимъ разрядомъ административныхъ чиновниковъ служатъ епископы. Мормонская столица раздѣляется на двадцать четыре прихода и каждымъ изъ нихъ управляетъ епископъ. На подобные-же административные участки раздѣлены и всѣ другія поселенія святого царства. Епископъ есть въ одно и то-же время религіозный учитель, судья, сборщикъ податей, полицейскій надзиратель и всесторонній опекунъ своего прихода. У него есть помощникъ, который называется учителемъ. Епископы подчинены верховному совѣту, избираемому изъ старѣйшихъ священниковъ.

Всѣ эти власти, начиная съ пророка и кончая послѣднимъ помощникомъ епископа, избираются посредствомъ всенароднаго голосованія на шесть мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ они снова переизбираются. И таковъ ихъ духовный деспотизмъ надъ умами мормоновъ, такъ сильна вѣра послѣднихъ въ ихъ божественность, что Юнгъ, вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, не встрѣчая никакой оппозиціи своему управленію, два раза въ годъ избирается единогласно народомъ; а вслѣдъ за нимъ точно также избираются снова и снова всѣ другіе святые чиновники!

Кромѣ хорошо организованной явной полиціи, у мормоновъ, какъ мы уже говорили, есть корпусъ тайной полиціи; это даниты или „ангелы истребленія“, — превосходные шпіоны, отличные солдаты, образцовые сыщики, люди, напрактикованные во всевозможныхъ преступленіяхъ, начиная съ грабежа и убійства и кончая сбытомъ фальшивой монеты. Система шпіонства развита у мормоновъ чрезвычайно и пророку извѣстно не только все то, что дѣлается въ его столицѣ, но и то, что ему нужно знать относительно мормоновъ во всѣхъ другихъ участкахъ. Въ корпусъ ангеловъ истребленія поступаютъ самые испытанные мормоны, которые, участвуя въ церковныхъ мистеріяхъ, посвящаются во всѣ секреты ученія и по-

литики мормонской церкви. При этихъ мистеріяхъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, даже приносятъ людей въ жертву, но если это несправедливо, то во всякомъ случаѣ здѣсь постоянно проповѣдуютъ о необходимости и спасительности человѣческихъ жертвоприношеній. Когда дочь одного мормонскаго апостола, во время его отсутствія, вышла за язычника и Юнгъ почему-то посмотрѣлъ на это сквозь пальцы, то отецъ, узнавъ о такомъ ея отступничествѣ, писалъ пророку, что она должна быть „принесена въ жертву". Каждому отступнику отъ мормонства угрожаетъ смерть. Нѣкто Гартли, образованный язычникъ, поселившись на Соленомъ озерѣ, перешелъ въ мормонство. Его заподозрили, что онъ сдѣлалъ это съ цѣлью изучить мормонство и описать его для язычниковъ. Юнгъ въ собраніи церковныхъ старѣйшинъ обвинилъ его въ ереси и присудилъ къ „препровожденію въ адъ". Гартли бѣжалъ, но дорогою былъ убитъ ангелами истребленія. Для совершенія подобныхъ „казней" даниты большею частью одѣваются индѣйцами и, убивая намѣченную жертву гдѣ-нибудь на дорогѣ, сваливаютъ вину на дикарей.

Мы упомянули выше, что даниты посвящены во всѣ тайны религіозныхъ мистерій. Эти мистеріи имѣютъ нѣсколько степеней, и въ первую степень посвящаются всѣ мормоны. Чтобы судить о характерѣ этихъ мистерій, достаточно сказать, что весь смыслъ первой степени состоитъ въ возбужденіи полового инстинкта и въ поученіи первой сектаторской обязанности—имѣть какъ можно больше дѣтей. Въ мистеріяхъ второй степени всѣ мужчины и женщины дѣйствуютъ нагишомъ и здѣсь разыгрываются самыя циничныя сцены. Въ составъ мистерій входитъ также посвященіе церкви всей собственности каждаго истиннаго мормона. Это посвященіе совершается публично; собственность легальнымъ порядкомъ передается пророку, который предоставляетъ собственнику одно только право временного пользованія. Пророкъ, поэтому, въ сущности является единственнымъ собственникомъ въ своемъ

святомъ царствѣ, и во время своего многолѣтняго управленія послѣднимъ Юнгъ нажилъ 25,000,000 долларовъ, которые лежатъ у него въ англійскомъ банкѣ.

Кромѣ того, каждый мормонъ употребляетъ десятую часть своего рабочаго времени въ пользу церкви и платитъ ей десятину со всѣхъ своихъ доходовъ.

Независимо отъ этихъ явныхъ и легальныхъ доходовъ, мормонское государство имѣетъ еще темные и преступные источники обогащенія. О фабрикаціи и сбытѣ фальшивой монеты мы уже говорили. Мы также упоминали о грабежахъ и разбояхъ. Мормоны зорко слѣдятъ за богатыми путешественниками и не упускаютъ случая пощупать ихъ карманы, если только видятъ, что преступленіе не будетъ открыто язычниками. Шайки мормонскихъ головорѣзовъ постоянно шатаются по штатамъ, особенно по территоріи своего царства, и съ вѣдома старѣйшинъ церкви обираютъ язычниковъ, даже открыто грабятъ и убиваютъ ихъ. Такъ, напр., былъ убитъ данитами нѣкто Браунъ; такъ былъ убитъ неизвѣстный, трупъ котораго, съ отрубленною головой, случайно увидѣла мистрисъ Смитъ; такъ былъ ограбленъ и, по всей вѣроятности, убитъ докторъ Робертсъ. Будучи другомъ отца г-жи Смитъ, Робертсъ хотѣлъ помочь ей освободиться изъ мормонской неволи, изъ которой она напрасно старалась вырваться нѣсколько лѣтъ. Онъ написалъ ей письмо, предлагая увезти ее отъ мормоновъ. Пророкъ посредствомъ своихъ шпіоновъ узналъ все это и потребовалъ къ себѣ Смитъ. Она явилась. Юнгъ объявилъ ей, что д-ръ Робертсъ, склоняя ее къ побѣгу, совершилъ тѣмъ самымъ ужасное преступленіе противъ общества святыхъ, что онъ — „отпрыскъ сатаны и долженъ быть уничтоженъ“. „Я вамъ *посовѣтую*, какъ поступить съ нимъ. Признаюсь, что это большой подвигъ для женщины; но вы можете и должны совершить его“. Юнгъ заставилъ г-жу Смитъ отвѣчать на письмо Робертса въ такомъ тонѣ, что согласна на побѣгъ, и назначить ему мѣсто и время встрѣчи,

послѣ которой они должны отправиться съ Соленаго озера; г-жа Смитъ должна была выпытать и донести пророку, сколько денегъ у Робертса. На ея отказъ отъ такого порученія Юнгъ отвѣчалъ, что она „должна повиноваться своему руководителю и Спасителю“. — „Ужели вы мой Спаситель?“ спросила Смитъ.— „Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ пророкъ; — вы можете войти въ царство небесное только съ моего согласія“.—Смитъ покорилась и несчастный Робертсъ былъ вовлеченъ въ западню. Онъ пріѣхалъ за ней въ дорожной коляскѣ, на парѣ отличныхъ лошадей; на него напали ангелы истребленія, утащили въ лѣсъ, ограбили и, вѣроятно, убили, какъ они обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

Около того-же времени черезъ мормонскую территорію проходилъ изъ Мехики купеческій караванъ, подъ начальствомъ молодого человѣка, Баумана, и встрѣтился съ поѣздомъ Юнга, объѣзжавшаго свое царство. Бауманъ захотѣлъ познакомиться съ пророкомъ, явился къ нему и почему-то очень не понравился. Пророкъ велѣлъ арестовать его, „такъ-какъ духъ божій открылъ ему, что это шпіонъ, посланный изъ штатовъ, съ тѣмъ, чтобы лишить его жизни“. Втеченіи нѣсколькихъ недѣль, до возвращенія Юнга, Бауманъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, наконецъ, его освободили, за неимѣніемъ противъ него никакихъ юридическихъ уликъ. Онъ уѣхалъ съ своимъ караваномъ; но по приказанію пророка и другихъ старѣйшинъ церкви былъ настигнутъ, ограбленъ и убитъ данитами, переодѣтыми въ индѣйцевъ.

Не менѣе возмутительна третья исторія, въ которой принуждена была участвовать г-жа Смитъ. Въ столицѣ мормоновъ былъ богатый купецъ язычникъ, Уилльямъ Макъ, который хотѣлъ содѣйствовать ея побѣгу въ Калифорнію. Пророкъ узнаетъ объ этомъ, приглашаетъ Смитъ къ себѣ и говоритъ ей: „я хочу послать васъ въ миссію къ язычникамъ,

чтобы вы добыли намъ денегъ... *). Отправляйтесь къ купцу Маку и наведите его на мысль, что будто-бы вы желаете сдѣлаться его любовницей, т. е. жить съ нимъ безъ брака. Язычники имѣютъ только по одной женѣ, но они часто содержатъ и другихъ женщинъ, къ которымъ они привязываются сильнѣе, чѣмъ къ своимъ законнымъ женамъ. Поэтому-то, между прочимъ, мормонамъ и дозволено имѣть по нѣскольку женъ, чтобы избѣжать грѣшнаго содержанія метрессъ". Окруженная невидимыми шпіонами, Смитъ начала дѣлать куры Маку, вскружила ему голову и хотя съумѣла дать ему замѣтить, что она дѣйствуетъ по чужому приказанію, но все-таки Макъ былъ арестованъ за „постыдныя предложенія, сдѣланныя имъ г-жѣ Смитъ", и долженъ былъ заплатить порядочную сумму, чтобы выйти на свободу. Подобныя мошенничества называются у мормоновъ „доеніемъ язычниковъ". И нѣтъ сомнѣнія, что необыкновенное матеріальное процвѣтаніе мормонской общины зависитъ не отъ одного только усерднаго труда ея членовъ, но также и отъ упомянутыхъ темныхъ доходовъ, отъ фальшивой монеты, грабежей и „доенія язычниковъ". „Какъ могъ, говоритъ одинъ знатокъ мормоновъ,— какъ могъ сдѣлаться такъ богатымъ и въ такое короткое время народъ, производящій такъ мало предметовъ, годныхъ для выгоднаго обмѣна съ остальнымъ человѣчествомъ? Конечно, биткомъ набитые сундуки пророка обязаны своими богатствами, болѣе или менѣе, щедрымъ пожертвованіямъ иностранныхъ неофитовъ, но однимъ этимъ источникомъ дохода невозможно объяснить неисчислимыхъ богатствъ церкви. „Церковные запасные магазины" на Большомъ Соленомъ озерѣ всегда полны; „церковнымъ клеймомъ" отмѣчены безчисленныя стада скота; что-же касается этого множества публичныхъ зданій, дорогъ, мостовъ, труда и денегъ, затраченныхъ

*) Въ это время пророкъ нуждался въ деньгахъ на постройку великолѣпнаго гарема для своихъ женъ.

уже на храмъ, — то все это представляется явленіемъ, неимѣющимъ примѣра въ исторіи человѣческихъ предпріятій. Нужно вспомнить, что въ то самое время, когда всѣ эти общественныя работы шли съ полнымъ успѣхомъ, каждый членъ церкви долженъ былъ строить свой собственный домъ и житницу и обрабатывать свою ферму, а приведши въ порядокъ свои домашнія дѣла, онъ былъ обязанъ отправляться въ иностранную миссію; поэтому, немногіе могли быть производителями дома. Зная дѣйствительное положеніе вещей въ данномъ случаѣ, характеръ и цѣли этого народа, мы необходимо должны заключить, что должны быть какіе-то другіе источники дохода, кромѣ тѣхъ, которые ни отъ кого не скрываются въ Утахѣ... Мормоны не *производители*, но *присвоители* всего, что попадается имъ". „Господня есть земля и святые владѣютъ ею"—вотъ ключъ къ тайнамъ мормонства. Чего они не могутъ сдѣлать силою, того достигаютъ обманомъ и коварствомъ. Пророкъ запретилъ своему народу работать на золотыхъ пріискахъ Калифорніи; но можно было обворовывать и грабить калифорнскихъ переселенцевъ; и ихъ обирали и грабили безъ жалости, а чтобы загладить всѣ слѣды преступленія, убивали тѣхъ, которыхъ грабили. Полное изображеніе этихъ разбоевъ, часто сопровождавшихся убійствами, было-бы поистинѣ ужасно. Это самая мрачная изъ ненаписанныхъ еще главъ секретной исторіи мормонства... Полъ, возрастъ, безпомощность, мольба о милосердіи—ничто не могло остановить руки тѣхъ, которые никоимъ образомъ не рѣшились-бы ослушаться повелѣній „пророка Божія". Всѣ эти злодѣянія у мормоновъ не считаются даже преступленіями, ибо, по ихъ іезуитской морали, цѣль оправдываетъ средства; всякое дѣйствіе на пользу церкви—добродѣтельный подвигъ; относительно язычниковъ все дозволено.

Вѣруя въ будущее подчиненіе всѣхъ язычниковъ игу мормонства, святые всегда враждебно смотрѣли на вашингтон-

ское правительство и пользовались выгодами уединеннаго положенія своей отдаленной территоріи, пока въ послѣднее время ихъ не коснулась желѣзная дорога. Вашингтонское правительство было даже вынуждено назначить Юнга губернаторомъ Утаха, и этотъ губернаторъ простиралъ свою дерзость до того, что даже выгонялъ ненравившихся ему мировыхъ судей, посланныхъ штатами, и всячески ублажалъ тѣхъ людей, которые соблазнялись выгодностью плясанія по его дудкѣ. Каждый путешественникъ былъ окружаемъ шпіонами и обставлялся такъ, чтобы могъ видѣть однѣ только свѣтлыя стороны мормонской жизни. Молодыя поколѣнія съ молокомъ матери всасываютъ заклятую ненависть къ язычникамъ. Для будущей борьбы съ послѣдними мормоны стараются стоять на самой дружеской ногѣ съ индѣйцами, которые постоянно посѣщаются миссіонерами, наставляющими ихъ въ мормонской вѣрѣ. Для бо̀льшихъ успѣховъ этой пропаганды и для закрѣпленія дружбы съ дикарями, мормонскіе проповѣдники женятся на индѣянкахъ. Впрочемъ, правительство пророка не всегда мягко поступаетъ съ индѣйцами. Одинъ вождь могущественнаго индѣйскаго племени въ чемъ-то не поладилъ съ пророкомъ, и послѣдній началъ всячески стараться о примиреніи съ нимъ. Вопреки закону, карающему выходъ мормонки за язычника, Юнгъ хотѣлъ отдать въ жены упомянутому князьку нѣсколько мормонскихъ женщинъ, проповѣдуя послѣднимъ, что „такою жертвою на пользу церкви онѣ заслужатъ вѣнецъ безсмертной славы въ царствѣ небесномъ“. Но этотъ планъ, возбудившій сильный ропотъ между женщинами, почему-то былъ оставленъ. Индѣйскій князекъ скоропостижно умеръ, вслѣдствіе какихъ причинъ—неизвѣстно, но очень можетъ быть, что по волѣ пророка, который приносилъ и не такія жертвы своей политикѣ. Преемникъ князька оказался еще болѣе враждебнымъ къ мормонамъ. Пророкъ заманилъ его въ свою столицу и посадилъ въ тюрьму, будто-бы за какое-то оскорбленіе, нанесенное имъ мор-

монскимъ миссіонерамъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ арестантъ былъ найденъ въ своей тюрьмѣ съ перерѣзаннымъ горломъ, что офиціально было отнесено къ самоубійству, хотя всѣ мормоны знали, что индѣецъ зарѣзанъ по приказанію пророка. Однакожъ, несмотря на подобные факты, мормоны успѣли привязать къ себѣ индѣйцевъ и при случаѣ отлично съумѣютъ воспользоваться ихъ ненавистью къ населенію штатовъ.

Мормонство есть вполнѣ религія плоти, религія земныхъ удовольствій, враждебная какому-бы то ни было аскетизму. „Первая религіозная обязанность мормона—жить", говоритъ Юнгъ, т. е. наслаждаться жизнью. Мормонъ долженъ пріобрѣтать богатства, пользоваться ими и веселиться во славу Божію. Въ столицѣ мормоновъ храмъ не достроенъ еще до сихъ поръ, а великолѣпный театръ давнымъ давно уже оконченъ и пророкъ всячески содѣйствуетъ его процвѣтанію, пользуясь имъ, и какъ лучшимъ средствомъ развлеченія, и какъ орудіемъ нравственнаго воспитанія народа. Балы и концерты у мормоновъ даются постоянно; всѣ святые, самъ пророкъ, патріархъ, апостолы веселятся напропалую, танцуютъ, волочатся, задаютъ пиры и не отказываютъ себѣ ни въ чемъ, что доставляетъ матеріяльное наслажденіе. Вѣроятно, вслѣдствіе такого обилія средствъ для эстетическихъ наслажденій между мормонами нѣтъ пьянства. Что-же касается умственнаго развитія, то оно допускается правительствомъ только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1870 году въ Утахѣ было 226 школъ, въ которыхъ 306 учителей обучали 18,000 дѣтей; на эти школы ежегодно расходуется 61,000 долларовъ. Но все это первоначальное образованіе устремлено не на развитіе ума, а на полное порабощеніе его авторитету мормонства. Человѣческая мысль движется здѣсь только въ тѣсныхъ рамкахъ сектаторской доктрины и всеобщая грамотность служитъ только средствомъ для поддержанія всеобщаго невѣжества. Умнѣйшій изъ мормоновъ, Юнгъ, высказываетъ закля-

тую вражду къ наукѣ и разуму, видя въ нихъ опаснѣйшихъ враговъ своему деспотизму. При такомъ низкомъ уровнѣ интеллектуальнаго развитія, всѣ помыслы мормона устремлены на грубыя, чувственныя наслажденія и прежде всего на половыя удовольствія.

Многоженство санкціонировано пророкомъ Джозефомъ въ 1843 г. и вполнѣ утверждено откровеніемъ, бывшимъ пророку Юнгу въ 1852 г. Добродѣтельность и репутація мормона зависятъ отъ количества его женъ, которыхъ нужно имѣть не менѣе трехъ, чтобы занять сколько-нибудь видное мѣсто въ мормонской іерархіи. Многоженство основано на примѣрѣ библейскихъ патріарховъ и логически вытекаетъ изъ сектаторской обязанности мормона имѣть какъ можно болѣе дѣтей. Кромѣ женъ, въ общепринятомъ значеніи этого слова, у мормоновъ есть еще „духовныя жены“, вышедшія замужъ не для настоящей, а для будущей жизни. Женщина сама спастись не можетъ, она входитъ въ небесное царство или по волѣ пророка, или вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. „Мужчина принадлежитъ къ роду боговъ, получаетъ посредствомъ женитьбы право на небесный престолъ; его жены и дѣти составляютъ царство его не только на землѣ, но и на небѣ“. Потому-то, лица, считаемыя за святыхъ, и получаютъ постоянно предложенія на вступленіе въ духовный бракъ, который можетъ и не соединяться съ плотскимъ сожительствомъ. У Юнга больше сотни такихъ духовныхъ женъ; многихъ изъ нихъ онъ даже и въ глаза не видывалъ, а женился на нихъ заочно. Такой бракъ сплошь и рядомъ заключается даже съ покойниками, преимущественно съ пророкомъ Джозефомъ; повѣнчавъ женщину съ покойникомъ, пророкъ назначаетъ изъ живыхъ людей намѣстника послѣднему, который и вступаетъ во всѣ права, принадлежащія супругу, кости котораго гніютъ въ могилѣ. Мормонъ, обыкновенно, заводитъ столько женъ, сколько онъ можетъ содержать и сколько требуется для его развращенныхъ инстинктовъ. Для примиренія женщинъ съ

доктриной многоженства употребляются всевозможныя средства. Имъ проповѣдуютъ и доказываютъ, что полигамія есть высшее учрежденіе; что первая обязанность женщины рожать какъ можно больше дѣтей, что самое дѣйствительное средство для ея спасенія заключается въ томъ, чтобы быть одною изъ женъ какого-нибудь святого мужа. Женщину до того подчиняютъ авторитету этой доктрины, что она нерѣдко сама пріискиваетъ женъ для своего супруга, подобно Сарѣ, сведшей своего мужа съ Агарью. Такая женщина считается идеаломъ жены и на ней почіетъ особенное благословеніе божіе, какъ говорится въ одномъ изъ церковныхъ пѣснопѣній мормоновъ:

«God bless the wife that strives
And aids her husband all she can
To obtain a dozen wives. *)

И, дѣйствительно, есть такія мормонки, которыя „помогаютъ своимъ супругамъ обзаводиться дюжиною женъ". De jure мужчина можетъ быть даже и холостымъ или одноженцемъ; но въ такомъ случаѣ онъ никогда не будетъ считаться истиннымъ мормономъ, никогда не займетъ важной должности въ церкви и будетъ предметомъ общаго презрѣнія и насмѣшекъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается, по крайней мѣрѣ, двоеженцемъ. Женщина также имѣетъ по теоріи полную свободу принять или отклонить предложеніе жениха, идти или не идти за полигамиста. Но нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія и церковной власти совершенно уничтожаетъ эту свободу; сплошь и рядомъ женщина выходитъ за того, который противенъ ей, но искательства котораго поддерживаются пророкомъ, епископомъ, родными и т. д. Что-же касается духовнаго супруга, то онъ можетъ быть назначенъ пророкомъ, даже вопреки желанію женщины. Большинство мормонокъ крайне

---

*) Богъ да благословитъ жену, которая заботится и помогаетъ своему мужу, по мѣрѣ своихъ силъ, обзавестись дюжиною женъ.

недовольно своимъ полигамическимъ положеніемъ и мирится съ нимъ только на старости лѣтъ. Но будучи воспитаны подъ давленіемъ крайняго деспотизма, суевѣрныя, невѣжественныя, постоянно окруженныя шпіонами, мормонки скрываютъ это недовольство и боятся даже одна другой передавать исторію своихъ страданій. Это—забитыя рабыни, мысль которыхъ совершенно подавлена страхомъ и опутана религіозными суевѣріями. „Невозможно составить себѣ яснаго представленія объ абсолютномъ рабствѣ нашего пола подъ вліяніемъ мормоновъ, говоритъ г-жа Смитъ.—Всѣ эти женщины служатъ въ рукахъ своихъ супруговъ безпрекословными орудіями, которыми пользуются для выполненія жестокихъ плановъ церкви и принуждаютъ ихъ къ совершенію постыдныхъ дѣлъ постояннымъ страхомъ доноса, тюремнаго заключенія, даже смерти въ настоящей жизни и лишенія рая въ будущей“. Мормонка сдѣлаетъ все, что ей приказано, и если, по поводу возбужденнаго президентомъ Грантомъ судебнаго преслѣдованія мормоновъ, 2,500 женъ ихъ послали просьбу о сохраненіи полигаміи, то въ этомъ нельзя видѣть ничего другого, кромѣ искусной уловки церковныхъ старѣйшинъ, заставившихъ женщинъ подписаться подъ упомянутымъ адресомъ и еще до этого случая давшихъ имъ избирательныя права, чтобы пользоваться для своихъ цѣлей ихъ подневольными голосами. Даже языческіе путешественники, въ родѣ Диксона, неимѣющіе возможности проникать въ тайны мормонской жизни, замѣчаютъ общее недовольство мормонокъ своимъ полигамическимъ рабствомъ. Если-бы можно было, говоритъ г-жа Смитъ, то цѣлыхъ двѣ трети женщинъ убѣжали-бы изъ Утаха къ язычникамъ. Но бѣгство возможно только въ исключительныхъ случаяхъ. Самой Смитъ удалось бѣжать только послѣ пятнадцати-лѣтней неволи, только послѣ того, какъ своею притворною покорностью церкви и своимъ участіемъ въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, совершенныхъ во славу мормонскаго культа, ей удалось убѣдить пророка въ своей пол-

ной благонадежности и получить дозволеніе на временную отлучку изъ святого царства.

Недавно тихоокеанская желѣзная дорога придвинула отдаленный Утахъ къ штатамъ и свистки ея локомотивовъ были первыми вѣстниками того внутренняго переворота, который, благодаря этому обстоятельству, долженъ совершиться въ святомъ царствѣ. 5 октября 1869 г. вицепрезидентъ штатовъ Кольфаксъ явился въ столицу мормоновъ и въ многочисленномъ собраніи ихъ произнесъ такую рѣчь, какой до тѣхъ поръ никогда не было слыхано въ стѣнахъ Новаго Іерусалима. „Наша страна, говорилъ онъ, — есть страна гражданской и религіозной свободы, и вѣра каждаго человѣка есть дѣло, касающееся только его одного да Бога... Но наша страна управляется законами, и никакая доктрина, претендующая на откровеніе, не извиняетъ попиранія этихъ законовъ. Если-бы допустить это, то каждый преступникъ началъ-бы пользоваться такимъ аргументомъ для своего оправданія. Сорокъ милліоновъ человѣкъ подчиняются этимъ верховнымъ законамъ. И до тѣхъ поръ, пока они считаются согласными съ конституціей, они обязательны для васъ въ Утахѣ, какъ и для меня въ дистриктѣ Колумбія, какъ и для гражданъ Идахо или Монтаны. Позвольте мнѣ упомянуть теперь о законѣ 1862 г., на который вы въ особенности жалуетесь и который объявляете недѣйствительнымъ. Ему повинуются во всѣхъ другихъ территоріяхъ Соединенныхъ Штатовъ, а нарушеніе его наказывается. Ему не повинуются здѣсь, и хотя вы часто говорите о преслѣдованіяхъ, которымъ вы подвергались въ первые годы существованія своей церкви, но вы все-таки должны сознаться, что въ позднѣйшее время поведеніе правительства и народа Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ вамъ отличалось такою терпимостью, какою вы никогда-бы не могли пользоваться ни въ одной изъ цивилизованныхъ странъ. Я не могу согласиться, что институція, которую вы здѣсь водворили и которая осуждается закономъ,

есть дѣло религіозное. Но вамъ, признающимъ ее за религіозную, я возражаю, что законъ, противъ котораго вы возстаете, только подтверждаетъ первоначальныя запрещенія вашей собственной Книги Мормоновъ, изложенныя на стр. 118, и вашей Книги Доктринъ и Завѣтовъ; а это, по вашему ученію, боговдохновенные источники, на которыхъ основана ваша церковь. Вы утверждаете, что послѣдующее откровеніе отмѣнило эти запрещенія... Но вы не стали-бы съ терпимостью относиться къ другимъ людямъ, претендующимъ на извѣстныя права на основаніи полученныхъ ими откровеній или исповѣдуемыхъ ими религій. Индусы, въ силу своей религіи, присвояютъ себѣ право сожигать вдовъ вмѣстѣ съ трупами ихъ мужей. Если-бы они захотѣли дѣлать это здѣсь, то вы, конечно, устранили-бы это силою. Если-бы какое-нибудь откровеніе провозгласило здѣсь, что сильные имѣютъ право отнимать женъ у слабыхъ, что ученые люди могутъ брать женъ у необразованныхъ, богатые у бѣдныхъ, что люди могущественные и вліятельные имѣютъ право пользоваться трудомъ и услугами людей простыхъ, какъ рабовъ своихъ,— то вы возстали-бы противъ этого и прибѣгли-бы къ покровительству законовъ и власти Соединенныхъ Штатовъ. Вы доказываете, что упомянутый законъ стѣсняетъ вашу индивидуальную свободу. Но вы-же сами оправдываете подобныя стѣсненія индивидуальной свободы въ другихъ случаяхъ. Позвольте мнѣ доказать вамъ это. Если-бы кто-нибудь пришелъ сюда и безъ дозволенія открылъ-бы винную продажу на улицѣ Храма, то вы признали-бы справедливымъ рѣшеніе общаго совѣта, этого вашего муниципальнаго конгресса, который устранилъ-бы это силою и, кромѣ того, наказалъ-бы нарушителя. Приходитъ сюда кто-нибудь другой и объявляетъ, что намѣренъ заняться своимъ законнымъ промысломъ—вываркою костей подлѣ вашего города. Вы будете надѣяться, что вашъ совѣтъ не допуститъ этого, а почему? Потому, что, по вашему мнѣнію, это было-бы непріятно для общества

и сосѣдей. Нѣкто говоритъ, что, какъ американскій гражданинъ, онъ намѣренъ основать пороховой заводъ на земельномъ участкѣ, купленномъ имъ подлѣ этого отеля, въ которомъ мы такъ гостепріимно приняты. Вы стали-бы хлопотать, чтобы не было допускаемо такого нарушенія общественныхъ интересовъ... Сказаннаго мною достаточно для оправданія конгресса въ томъ постановленіи, которое онъ счелъ разумнымъ сдѣлать для всего народа, получающаго отъ него законы. Я не буду приводить другихъ аргументовъ въ пользу освобожденія женщины; своими замѣчаніями я хотѣлъ только объяснить право конгресса издавать законы и требовать повиновенія имъ... Пока не была окончена желѣзная дорога, вы могли еще держаться въ изолированномъ положеніи. Но теперь вы поставлены въ тѣсное соприкосновеніе съ остальной націей и съ цивилизаціей континента. Вы можете упорно держаться принятой вами политики, но въ такомъ случаѣ неизбѣжнымъ результатомъ будетъ паденіе и разрушеніе вашего собственнаго благоденствія и образованіе вблизи васъ соперничествующихъ городовъ, держащихся болѣе разумной и мудрой политики. Вы будете падать, а они развиваться, и въ этомъ никто не будетъ виноватъ, кромѣ васъ-же самихъ“.

Рѣчь Кольфакса произвела сильное впечатлѣніе между мормонами, на защиту которыхъ выступилъ ихъ писатель Тайлоръ. Онъ дѣлаетъ два существенныхъ возраженія вице-президенту. Во-первыхъ, что „откровеніе служитъ однимъ изъ самыхъ жизненныхъ пунктовъ нашей вѣры, оно истекаетъ отъ Бога и не можетъ быть отмѣнено законодательнымъ порядкомъ“. Во-вторыхъ, Тайлоръ доказываетъ, что мормоны гораздо нравственнѣе язычниковъ, такъ-какъ у нихъ нѣтъ ни пьянства, ни игры, ни порождаемой единоженствомъ проституціи, влекущей за собою дѣтоубійство, и т. д. „Мы бѣжали отъ этихъ язвъ и съ большимъ смущеніемъ и заботою очистили себя отъ вашихъ золъ; не пытайтесь-же прививать ихъ

къ намъ посредствомъ законовъ, не старайтесь потопить насъ въ омутѣ вашихъ пороковъ“.

Рѣчь Кольфакса и другія вліянія язычниковъ усилили ту оппозицію многоженству, которая давно уже таилась въ мормонскомъ обществѣ. Не только женщины, но и нѣкоторые мужчины давно уже сознаютъ вредъ полигаміи. Вотъ что говорили, напр., Овербеку нѣкоторые мормоны еще въ 1860 г.: „Полигамія противна лучшимъ интересамъ нашего народа; она даже препятствуетъ размноженію народа, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ему, что можно было-бы ожидать отъ нея. Многоженство препятствуетъ образованію семей, дѣлаетъ невозможнымъ правильное воспитаніе дѣтей и служитъ обильнымъ источникомъ распространенныхъ у насъ пороковъ и несчастій. Имѣютъ-ли право наши священники и старѣйшины удерживать въ нашей общинѣ эту вредную институцію? Долженъ-ли свободный народъ мормоновъ допускать погибель своихъ лучшихъ интересовъ, чтобы доставлять этимъ людямъ возможность удовлетворять свои страсти? Полигамія прежде всего введена священниками и въ нихъ-же до сихъ поръ имѣетъ свою главную опору“. Другой мормонъ говоритъ: „наши жены не могутъ занимать между нами надлежащаго положенія до тѣхъ поръ, пока только существуетъ полигамія. Лишенныя должнаго вліянія, какъ супруги и матери семействъ, онѣ теряютъ всякое чувство уваженія къ себѣ, которое служитъ опорою женской добродѣтели, становятся безчувственными, лѣнивыми, беззаботными… Полигамія вездѣ и всегда разрушала счастіе индивидуумовъ, миръ семействъ и благосостояніе обществъ“. Въ послѣднее время оппозиція многоженству усилилась еще двумя сыновьями основателя секты, которые доказываютъ, что ихъ отецъ никогда не имѣлъ болѣе одной жены, ихъ матери, которая еще жива, что онъ всегда объявлялъ многоженство преступленіемъ и что Юнгъ обманщикъ, извратившій откровенную религію. Представителями этой либеральной партіи служатъ Гаррисонъ и Годби, кото-

рые основали журналъ „Мормонскую Трибуну“. Они ставятъ цѣлью своей дѣятельности „борьбу съ ханжествомъ, фанатизмомъ, полигаміей и приведеніе мормонскихъ идей въ гармонію съ духомъ вѣка“. Угрожаемый отлученіемъ отъ церкви, Годби объявилъ, что ему являлись пророкъ Джозефъ, апостолы, Христосъ и что его откровенная религія несравненно выше доктрины Юнга. Передъ выборами партія Годби вступила въ союзъ съ язычниками. Для предотвращенія опаснаго для него кризиса Юнгъ далъ избирательныя права всѣмъ женщинамъ и съ помощью этихъ забитыхъ рабынь одержалъ побѣду. Онѣ, по его-же приказу, ходатайствовали передъ союзнымъ правительствомъ даже о сохраненіи многоженства. Все это было причиною билля, предложеннаго недавно конгрессу, о лишеніи мормонокъ права голоса. Нельзя не пожалѣть, если этотъ билль сдѣлается закономъ. Правительство должно не уничтожать право, а только дать возможность свободнаго пользованія имъ. Тогда, конечно, духъ свободы и независимости, таящійся теперь въ самой глубинѣ женскихъ сердецъ, обнаружится съ полною силою. Когда лѣтомъ 1871 г. м-съ Стэнтонъ и Энтони посѣтили столицу мормоновъ, то тамъ уже начиналось женское движеніе и 300 мормонокъ присутствовали на засѣданіяхъ „Женскаго общества взаимнаго развитія“. Лекціи Стэнтонъ и Энтони, посѣщаемыя множествомъ мормонокъ, произвели на нихъ сильное впечатлѣніе и многія изъ нихъ заявили себя совершенно согласными съ убѣжденіями этихъ миссіонеровъ женской эмансипаціи. Женскіе журналы, пропагандирующіе эмансипацію, пріобрѣтаютъ между мормонками все большее число читательницъ... Словомъ, движеніе началось, и никто не остановитъ его, такъ-какъ сами мормоны поставлены подъ строгій контроль правительства.

НѢМЕЦКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО.

Das Deutsche Gaunerthum in seiner social-politischen, literarischen und linguistischen Ausbildung zu seinem heutigen Bestande. Von Friedrich Christian Benedict Ave-Lallement, Doctor beider Rechte. 4 Bände.

Еще Тацитъ доказывалъ, что Германія — земля честныхъ людей, и отрицать это могутъ одни только завистливые враги нѣмцевъ, какіе-нибудь французы или жиды, въ родѣ Гейне, который говоритъ... но онъ говоритъ такую штуку о благородномъ нѣмецкомъ юнкерствѣ, что я не рѣшаюсь передать ее читателю, чтобы не быть распространителемъ вредныхъ идей...

Однакожь Аве-Лальмантъ доказываетъ, что мошенники одолѣли Германію, что Германія погибаетъ отъ мошенниковъ, а не вѣрить ему нельзя: онъ знаетъ всю подноготную; онъ докторъ обоихъ правъ, а главное, одинъ изъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ...

Поэтому, мы должны-бы повѣрить ему даже на слово, но онъ такъ великодушенъ, что, будучи офиціальнымъ лицомъ, не заставляетъ насъ вѣрить на слово, а доказываетъ намъ свою мысль въ цѣлыхъ четырехъ томахъ. Онъ не удовольствовался тѣми слѣдствіями, какія ему доводилось производить во время своей полицейской службы,—нѣтъ, онъ захотѣлъ открыть всю подноготную, найти всѣ нити; онъ досконально

изучилъ жаргонъ мошенниковъ и всѣ ихъ „художества“; онъ прочелъ всѣ слѣдствія надъ мошенниками, какія только бывали въ Германіи впродолженіи тысячи лѣтъ, и, наконецъ, напечаталъ результаты своихъ изслѣдованій, посвятивъ этотъ докладъ „высокимъ сенатамъ четырехъ свободныхъ городовъ Германіи, покровителямъ и благодѣтелямъ нѣмецкихъ гражданъ и нѣмецкой полиціи“.

Откуда-же взялись мошенники въ Германіи?

Аве-Лальмантъ старается увѣрить насъ, что мошенничество есть чисто-плебейское ремесло, обязанное своимъ происхожденіемъ злымъ инстинктамъ непросвѣщенной и голодной черни... Дѣло въ томъ, видите-ли, что во времена Тацита мошенниковъ въ Германіи вовсе не было. Мошенничество, какъ организованный промыселъ разныхъ воровъ и разбойниковъ, появляется только въ средніе вѣка, въ эпоху развитія феодализма. Само собою понятно, и это вытекаетъ изъ книги Аве-Лальманта, что благородные феодальные бароны совершенно непричастны развитію этой общественной болѣзни. Правда, что они своими междоусобіями и разбоями раззоряли страну; правда, что они грабили и крестьянина, и еврея, и проѣзжаго купца, грабили и конторы банкировъ, и церковные алтари, и товарные склады; правда, что они поддѣлывали монету и даже возвели на степень формальнаго закона jus terrae tactae, „что съ возу упало, то пропало“, но Лальмантъ благоразумно умалчиваетъ обо всемъ этомъ, ибо нелѣпо было-бы обвинять этихъ представителей средневѣкового благородства въ мошенничествѣ... Впрочемъ, необходимо признаться, что всѣ эти подвиги благородныхъ феодаловъ и ихъ счастливыхъ соперниковъ, патеровъ, были главною причиною ужасной средневѣковой анархіи и бѣдности, той бѣдности, которая губила голодною смертью цѣлыя массы народа, которая порождала эпидеміи, похищавшія до трети жителей страны и которая была матерью нѣмецкаго мошенничества, съ чѣмъ согласенъ и Лальмантъ. Онъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что

когда было уничтожено языческое рабство, то массы освобожденныхъ невольниковъ образовали изъ себя бродячее народонаселеніе пролетаріевъ, неимѣвшихъ никакой собственности и кормившихся подаяніемъ, на которое въ то время люди благочестивые, и во главѣ ихъ церковь, смотрѣли, какъ на главную обязанность христіанина. Не было мира и порядка въ странѣ, раздѣленной между множествомъ крупныхъ и мелкихъ властителей, и угнетаемый народъ бѣжалъ во всѣ стороны, образуя бродяжескія шайки, въ которыхъ упомянутые невольники составляли только незначительную часть. Бѣжали въ бродяжество крестьяне, разоренные и угнетенные своими и чужими владѣльцами; бѣжали преступники изъ тюремъ, бѣжали подмастерья отъ строгихъ хозяевъ; бѣжали иногда даже монахи изъ монастырей. И все это бродячее населеніе искрещивало страну по всѣмъ направленіямъ, сходясь главнымъ образомъ около церквей и монастырей, гдѣ бывали ярмарки и гдѣ они кормились именемъ Христовымъ. Но именемъ Христовымъ всѣмъ даже и накормиться-то было нельзя, не говоря уже объ удовлетвореніи другихъ потребностей. И вотъ эти несчастные нищіе, неимѣющіе ни крова, ни гроша за душой, зарабатываютъ хлѣбъ, кто какъ можетъ. Одни идутъ на службу въ военныя шайки бароновъ и живутъ войной; другіе превращаются въ музыкантовъ, третьи въ фигляровъ, четвертые гадаютъ и т. д., и т. д. Средневѣковая анархія, кулачное право, отчаянное положеніе народной массы произвели то, что въ странѣ образовалась цѣлая многочисленная каста нищихъ и отверженниковъ, выброшенныхъ на произволъ судьбы при хаотическомъ процессѣ образованія германскихъ государствъ. Главный элементъ возникшаго міра мошенниковъ состоитъ изъ этихъ нѣмецкихъ паріевъ.

На встрѣчу этому элементу шелъ другой—масса униженнаго и угнетеннаго еврейскаго народа. Религіозная ненависть и жажда грабежа превращали средневѣковыхъ христіанъ въ заклятыхъ враговъ іудейскаго племени; евреевъ грабили, жгли,

рубили, топили; противъ нихъ велись формальные крестовые походы; ихъ считали нечистыми животными и они занимали въ европейскомъ обществѣ вплоть до новѣйшаго времени такое-же положеніе, какъ паріи въ Индустанѣ. Доведенные до отчаянія, робкіе евреи превращались иногда въ дикихъ звѣрей и жестоко мстили своимъ притѣснителямъ. Въ массѣ бродягъ, мошенниковъ и разбойниковъ евреи составляли самый значительный контингентъ; ихъ языкъ сильно вліялъ на образованіе мошенническаго жаргона, а ихъ поселенія были и центрами этого отверженнаго міра, и академіями, которыя совершенствовали мошенническія художества. Когда, напр., въ 1795 г. разбойничья банда подъ предводительствомъ ужаснаго Босбека, образовавшаяся въ Мерзенѣ и состоявшая, большею частію, изъ евреевъ, начала наводить ужасъ на берега Рейна, то она имѣла уже свою болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію. Народъ давно уже смотрѣлъ на Мерзенъ, какъ на притонъ разбойниковъ, какъ на пристанище колдуновъ и вѣдьмъ. Здѣсь былъ и сборный пунктъ разбойниковъ, и складочное мѣсто воровской добычи, и высшая школа, въ которой втеченіи XVII и XVIII вв. изучали мошенническія художества мазурики Германіи и Франціи.

Въ XV в. въ Германіи появились новые паріи, цыгане, и скоро возбудили въ честныхъ нѣмцахъ такую-же ненависть къ себѣ, какъ и евреи. Воровство, мошенничество, а главное, колдовство, которымъ занимались ихъ женщины, и похищеніе дѣтей повели къ тому, что уже въ 1500 г. они объявлены были по всей священной имперіи внѣ закона. Держась изолированно въ предѣлахъ своихъ бродячихъ общинъ, цыгане занимались тѣмъ-же, чѣмъ и нѣмецко-еврейскіе мошенники, часто соединяясь съ ними для общихъ предпріятій, вліяя на развитіе ихъ жаргона и умножая силы этихъ европейскихъ паріевъ, которыхъ общество выбросило изъ своей среды и сдѣлало своими врагами.

Изъ такихъ-то элементовъ составился міръ нѣмецкихъ мо-

шенниковъ. Къ нему присоединялись иногда люди изъ высшихъ и среднихъ сословій, частію изъ-за добычи, частію по другимъ побужденіямъ. Такъ, напр., казненный въ 1802 г. Іоганнъ Мюллеръ былъ сынъ богатыхъ родителей и воспитывался въ іезуитской коллегіи. Его жену соблазнили какіе-то французскіе драгуны, и это развило въ немъ сатанинскую ненависть ко всѣмъ французамъ. Сдѣлавшись разбойникомъ, онъ съ наслажденіемъ убивалъ каждаго попавшагося ему члена ненавистной націи. Но подобные разбойники были исключеніями и за разбойничество брались, главнымъ образомъ, пролетаріи и отверженники разнаго сорта. Разоренные и бѣжавшіе крестьяне, военные дезертиры, бѣглые преступники, цыгане и евреи, которымъ не было житья въ обществѣ,—вотъ какой матеріялъ постоянно выбрасывало это общество за свои предѣлы и создавало, такимъ образомъ, новое, враждебное себѣ общество. Эти антисоціальные элементы непрерывно росли и развивались, усиливаясь особенно во времена великихъ смутъ, голодовокъ, эпидемій, народныхъ возстаній и войнъ. Когда доведенные до отчаянія крестьяне возставали, то мстили своимъ господамъ такими-же разбоями, убійствами, насиліями, пожарами и жестокостями, какимъ подвергались въ свою очередь и они отъ звѣрообразныхъ бароновъ. Многіе изъ этихъ бунтовщиковъ, когда возстанія были подавляемы, избавляясь отъ угрожавшей имъ висѣлицы, навсегда поступали въ разбойничьи банды. Войны еще болѣе содѣйствовали развитію мошенничествъ и разбоевъ тѣмъ, во-первыхъ, что сами солдаты были настоящими разбойниками, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, совершенно разоряя страну и водворяя въ ней безусловную бѣдность, войны заставляли несчастныхъ жителей приниматься за какое-нибудь противозаконное ремесло. Особенно вредоносна была въ этомъ отношеніи тридцатилѣтняя война, когда войска Валленштейна, составленныя изъ всякаго сброда, изъ нѣмцевъ, цыганъ, валлонцевъ, кроатовъ, даже малороссійскихъ казаковъ, рыскали по странѣ, предавая все огню и

мечу. Всюду, гдѣ свирѣпствовала эта солдатчина, поля были необработаны, потому что сѣмена и скотъ были разграблены, а крестьяне бѣжали въ лѣса или въ укрѣпленные города. Голодъ доходилъ до того, что заставлялъ ѣсть падаль и человѣческіе трупы; люди убивали и пожирали людей. Ужасныя болѣзни губили народъ цѣлыми массами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Саксоніи и Гессенѣ, голодные вырывали изъ могилъ покойниковъ и питались ими. „Братъ, говоритъ одинъ писатель,—пожиралъ трупъ сестры, дочь — тѣло своей матери; родители убивали дѣтей и ѣли ихъ, составлялись цѣлыя шайки, которыя, подобно дикимъ звѣрямъ, охотились на людей. Но еще хуже этихъ противоестественныхъ злодѣяній, порожденныхъ голодомъ, были неистовства одичавшей въ долголѣтней войнѣ солдатчины. Множество жителей городовъ и деревень было зажарено живыми или умерщвлено другими ужасными способами: имъ вырывали глаза, отсѣкали носы, уши, руки, ноги, груди; дѣтей разсѣкали на мелкіе куски, разбивали объ стѣну, жарили живыми; особенно безчеловѣчны были тѣ мученія, посредствомъ которыхъ доводились до смерти женщины“. Все это дѣйствовало самымъ гибельнымъ образомъ на общественные нравы и порядки. Одинъ очевидецъ тридцатилѣтней войны говоритъ: „все, что придаетъ особенное значеніе отечественной землѣ: плодоносныя пашни, богатые луга, изобильные сады, домашній очагъ, друзья и родственники,—все исчезло и уничтожено. Даже нищіе и разоренные не пользовались безопасностью, — ихъ все-таки мучили или для того, чтобы заставить ихъ выдавать другихъ и указывать на скрытыя сокровища, или-же по одной только жестокости. Большинство такъ отвыкло отъ всякаго мира и порядка, что предпочитало имъ войну и мятежъ, и цѣль жизни предполагало въ томъ, чтобы ставить ее на карту. Государство, церковь, семейство, искуство, наука, торговля, промышленность— все пало; самымъ безсмысленнымъ образомъ было разрушено

все, что созидалось втеченіи столѣтій. Даже духовенство и свѣтскія власти открыто совершали преступленія“.

Всѣ подобныя событія чрезвычайно усиливали разбои и мошенничества, которые въ старину имѣли гораздо болѣе воинственный характеръ, чѣмъ въ послѣднее время. Въ XVII в. во Франціи мы видимъ цѣлый рядъ самыхъ отважныхъ и знаменитыхъ разбойниковъ, имѣющихъ связи съ Испаніей, Англіей, Голландіей и Германіей. Въ это время является даже много разбойницъ, пользующихся общеевропейской славой. Такова была, напр., Софія Мейерсъ, которая водила за носъ самыхъ опытныхъ судей и, имѣя на своей спинѣ выжженное позорное клеймо, съумѣла выйдти замужъ за одного патриція въ Любекѣ. Разбойники тогда уже составляли хорошо организованное международное общество, и изъ этой школы выходили артисты, которые играли важную роль даже въ большомъ свѣтѣ. Таковы были, напр., мошенникъ-алхимикъ, извѣстный подъ именемъ Джіованно графа Каетани, имѣвшій большое значеніе при дворахъ прусскомъ и баварскомъ; Сентъ-Хако (Миллеръ), графъ де-ла Торре, Эрнстъ фон-Вертъ и капитанъ Гизеке, которые разыгрывали роль аристократовъ и великолѣпно мошенничали въ Любекѣ и Гамбургѣ; обожаемый дамами Сгеппердъ, въ день казни котораго чернь хотѣла разрушить домъ обокраденнаго имъ банкира; пресловутый Картушъ и т. д., и т. д. Втеченіи XVII и XVIII столѣтій разбойничьи шайки держали Германію въ такомъ-же страхѣ, какой наводили въ средніе вѣка воинственные бароны съ своими бандами. Но когда владѣльцы замковъ присмирѣли, на смѣну имъ явились бароны большихъ дорогъ, которые съ своими летучими отрядами нападали на села и города, грабили обозы, почты, путешественниковъ, давали формальныя сраженія высланнымъ противъ нихъ войскамъ, нападали на тюрьмы и освобождали своихъ товарищей. Они сожигали строенія, избивали жителей, пытали и мучили ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ, насиловали дѣтей, женщинъ забивали палка-

ми или мучили раскаленными щипцами и т. д. Большинство разбойниковъ вело бродячую жизнь и ихъ банды рыскали по всей Европѣ. Такъ-называемая нидерландская банда, дѣйствовавшая въ концѣ прошлаго столѣтія, быстро переносилась съ сѣверной оконечности Фрисландіи въ Баварію, съ береговъ Сены на Эльбу, изъ Парижа или Арраса въ Гаммъ, Кельнъ, Ансбахъ; она то распадалась на маленькія шайки, то снова соединялась, смотря по обстоятельствамъ; изчезала вдругъ въ одномъ мѣстѣ и неожиданно появлялась въ другомъ, наводя ужасъ на жителей и сбивая съ толку власти. Но у этого бродячаго народонаселенія все-таки были постоянные притоны въ городахъ и селахъ и даже цѣлыя поселенія состояли наголо изъ разбойниковъ и всевозможныхъ мошенниковъ. Такова уже упомянутая нами деревня Мерзенъ на Маасѣ, которая больше ста лѣтъ была главной резиденціей нѣмецкаго мошенничества. Близость голландской, брабантской, люттихской, юлихской и аахенской областей представляла удобство для побѣговъ и укрывательствъ, а стекавшіеся сюда со всѣхъ сторонъ евреи закупали и увозили краденное и грабленное. Разбойники, которые первые поселились въ этой деревнѣ, держались своей особенной системы. Они не нападали открытою силою, а дѣйствовали быстро, но тайкомъ и не оставляя за собою никакихъ слѣдовъ. Кражи производились такъ искусно и украденное пряталось такъ ловко, что недалекіе обыватели все это приписывали нечистой силѣ и искренно думали, что весь Мерзенъ населенъ волшебниками и вѣдьмами. О нихъ разсказывали самыя ужасныя вещи, какъ, напр., убивъ кого-то, мерзенцы давали надъ окровавленнымъ трупомъ взаимную клятву, или какъ самъ сатана предсѣдательствуетъ на разбойничьемъ совѣтѣ, указываетъ предпріятіе, распредѣляетъ обязанности и т. д. Мерзенцы легко умѣли эксплуатировать этотъ суевѣрный страхъ, который, впрочемъ, возбуждали не одни только они, а всѣ старинные разбойники и мошенники. Каждый разбойникъ, по народному понятію, былъ въ связи съ

нечистой силой, каждая ловкая мошенница считалась или колдуньей, или вѣдьмой. Народъ, не постигая премудрости ученаго, считалъ его волшебникомъ, не понимая искуства мошенника, которое досталось послѣднему путемъ продолжительной и тяжелой практики, видѣлъ въ немъ колдуна. Впрочемъ, и сами разбойники были суевѣрны и прибѣгали къ помощи колдовства. Для того, напр., чтобы обкрадываемые спали крѣпче, они осѣняли ихъ крестнымъ знаменіемъ посредствомъ руки, отрубленной у мертвеца. Знаменитый разбойникъ О'Бріенъ, повѣшенный дважды (1686 и 1689 г.), въ своей продолжительной практикѣ только однажды принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Онъ хотѣлъ ограбить на улицѣ фокусника Кларка; но Кларкъ не потерялъ присутствія духа и началъ выкидывать разныя штуки: то голову высунетъ между своихъ ногъ, перегнувшись назадъ, то ноги вздернетъ выше головы, то покажется съ двумя головами, то вовсе безъ головы; неустрашимый Бріенъ перепугался до того, что съ криками побѣжалъ отъ Кларка, считая его дьяволомъ.

То, что обыватели приписывали колдовству, было результатомъ развитія мошенническаго искуства. Въ Германіи не было формальныхъ мошенническихъ школъ, какъ въ Англіи и Франціи, но теоретическое изученіе съ большимъ успѣхомъ замѣнялось здѣсь практикой. Сильные своимъ искуствомъ, на развитіе котораго, вѣроятно, потрачено не менѣе ума, чѣмъ на развитіе какой-нибудь науки, разбойники и мошенники были сильны и своей организаціей. Преслѣдуемые обществомъ, они необходимо должны были составлять плотныя корпораціи для защиты и нападенія, и образцомъ для ихъ союзовъ служило то-же общество, съ которымъ они боролись. Во Франціи банда Оржере, напр., имѣла своихъ предводителей, свои округи, свою дисциплину и юстицію, своихъ палачей и даже своего священника. Банда Шварцмюллера, казненнаго въ 1745 г., существовавшая больше пятидесяти лѣтъ, состояла изъ 150 членовъ и имѣла подобную-же организацію,—своихъ

государственныхъ совѣтниковъ, надворныхъ совѣтниковъ, свое дворянство и т. д. Въ такъ-называемой нидерландской бандѣ мы видимъ шефовъ, которые въ знакъ своей власти носили желѣзный ломъ, вмѣсто жезла; за ними слѣдовали „бальдовереры", обязанность которыхъ состояла въ развѣдкахъ и въ заманиваньи лицъ, которыхъ хотѣли ограбить; къ третьему классу принадлежали ветераны, старые опытные разбойники, стоявшіе наравнѣ съ шефами; наконецъ, четвертый разрядъ состоялъ изъ молодцовъ, которыхъ нанимали для каждаго предпріятія и, по окончаніи его, тотчасъ-же распускали. Иногда разбойники заключали съ атаманами форменные контракты, въ родѣ слѣдующаго: „1) я... клянусь головой и душой нашего капитана, что буду повиноваться всѣмъ его распоряженіямъ; 2) что я буду вѣренъ моимъ товарищамъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ; 3) что я никогда не покину ихъ при опасности, но останусь съ ними до пролитія послѣдней капли крови; 4) что если кто изъ нашихъ будетъ арестованъ, заболѣетъ или подвергнется другому несчастію, то я долженъ подать ему руку надлежащей помощи; 5) если меня арестуютъ, то я не долженъ ни въ чемъ признаваться, а тѣмъ болѣе долженъ сохранить въ тайнѣ мѣстопребываніе моихъ товарищей, еслибы это даже стоило мнѣ жизни" и т. д. Разбойничьи союзы, впрочемъ, держались не этими формальными договорами, а сознаніемъ общаго интереса въ виду враговъ. Разбойники сплачивались въ сильныя общины, которыя, дозволяя себѣ все относительно постороннихъ людей, въ своихъ предѣлахъ соблюдали правила извѣстной корпоративной морали, какъ мы видимъ это и въ другихъ подобныхъ обществахъ, напр., между русскими арестантами. Это такая-же первичная мораль, какая господствуетъ и въ обществахъ дикарей, въ которыхъ взаимныя отношенія членовъ одного родственнаго племени регулируются строгими правилами морали, а отношенія ко всѣмъ чужимъ людямъ не опредѣляются никакими нравственными принципами. Подъ такой моральною системой живутъ, напр.,

всѣ цыгане, эти полудикари, которые, будучи отвержены восточной цивилизаціей, вошли въ западную въ качествѣ мошенниковъ и разбойниковъ. Цыгане считаютъ себя одной семьей, какъ и народъ Израиля, и ихъ моральная система основана на этомъ патріархальномъ чувствѣ. То-же самое чувство связываетъ и многія общины мошенниковъ Германіи. Праотцы ихъ, отверженные обществомъ, не только соединялись въ плотныя корпораціи, но и вступали между собой въ родство, а ихъ потомки занимались тѣмъ-же ремесломъ, какъ и они. Многія поколѣнія втеченіи столѣтій практиковались въ этомъ промыслѣ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ главныя европейскія банды въ лицѣ своей аристократіи соединялись между собою узами родства, какъ это дѣлали и феодальные бароны. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Якобъ Мойзесъ былъ основателемъ цѣлой династіи разбойничьихъ атамановъ и соединилъ родствомъ предводителей главнѣйшихъ бандъ Европы. Онъ былъ отцомъ знаменитаго Абрагама Якоба и, черезъ свою дочь Дину, тестемъ ужаснаго Пикара, который попеременно стоялъ во главѣ всѣхъ нидерландскихъ бандъ, а черезъ дочь Елену, которая сначала была женою Даніеля Якоба, а потомъ любовницей чудовищнаго Босбека, находился въ тѣсной связи съ этими первостепенными атаманами. Подобныя родственныя связи существовали и между низшими членами разбойничьихъ общинъ, которыя такимъ образомъ превращались въ такую-же касту, какою была въ древнемъ Египтѣ каста воровъ. Но такъ-какъ общественный организмъ никогда не переставалъ выбрасывать изъ себя разныхъ отверженниковъ, которые присоединялись къ этой кастѣ въ качествѣ свѣжихъ, обновляющихъ элементовъ, то она продолжала жить и развиваться, избавляясь отъ того вырожденія въ кретиновъ и идіотовъ, которое выпало на долю изолированныхъ обществомъ отверженниковъ, прозябающихъ до сегодня, напр., во Франціи и Испаніи, состоящихъ поголовно

изъ кретиновъ и носящихъ названіе отверженныхъ породъ (races maudites).

Борьба государства съ разбойниками была далеко не такъ успѣшна, какъ борьба центральной власти съ баронами. Феодалы прекратили насилія и хищничества не потому только, что ихъ придавили короли своими сильными арміями, но и потому, что при новыхъ порядкахъ они, какъ первыя лица въ государствѣ, получили достаточное вознагражденіе за то, чего лишились. Съ разбоями-же было невозможно сладить этимъ способомъ, и противъ нихъ оставалось дѣйствовать одною только физическою силою, — разбивать банды войсками, ловить разбойниковъ, казнить ихъ, наводить на нихъ страхъ. Употреблялись всѣ средства устрашенія, всѣ легальныя жестокости, какія только можно было выдумать. Ихъ подвергали ужаснымъ пыткамъ, но пытки не помогали; разбойники не признавались, а иногда обнаруживали даже такую желѣзную крѣпость нервовъ, что когда съ нихъ стругали мясо и мозгъ вытекалъ изъ ихъ раздробленныхъ костей, они шутили надъ судьями, какъ, напр., Алляръ, судившійся въ Женевѣ въ 1503 г. Разбойниковъ вѣшали, топили, рубили имъ головы; количество казненныхъ было громадное; одинъ только судья Шмитъ въ Нюренбергѣ казнилъ смертью 361 разбойника, да наказалъ тѣлесно 345 человѣкъ, обрѣзывая имъ уши, отрубая пальцы и т. д. Въ 1831 г. въ Берлинѣ по одному дѣлу обвинялось 520 человѣкъ, совершившихъ больше 800 преступленій. Но не помогали и наказанія, а исполнители правосудія сплошь и рядомъ покровительствовали подсудимымъ, конечно не даромъ. Видя недѣйствительность наказаній, прибѣгли къ силѣ нравственнаго убѣжденія. Сотни тысячъ всевозможныхъ проповѣдниковъ разъясняли народу, какъ грѣшно и пагубно убивать, грабить, мошенничать; истерзанные пыткою преступники увѣщевались въ своихъ казематахъ казенными духовниками, и нерѣдко, передъ смертью, были крещены тѣ изъ нихъ, которые не были

раньше христіанами; проповѣдники сопровождали злодѣевъ и на эшафотъ, читая здѣсь во всеуслышаніе свои проповѣди, и сборники этихъ эшафотныхъ рѣчей были въ большомъ ходу въ старинномъ обществѣ; но не помогала и сила религіознаго наставленія... Заводили богадѣльни, рабочіе дома, каторжныя тюрьмы, но арестанты бѣгали изъ нихъ, на мѣсто заключенныхъ являлись другіе мошенники, а самыя эти заведенія, даже по признанію Аве-Лальманта, были школами порока и преступленія по системѣ взаимнаго обученія. Въ 1716 г., напр., въ Вальдгеймѣ было основано такое заведеніе, въ которомъ сосредоточивались и каторжные, и сироты, и безпріютные бѣдняки. Всѣ они состояли подъ властью невѣжественныхъ надзирателей, которые били ихъ палками даже въ церкви, во время богослуженія. Само собою понятно, какъ вліяли эти тюрьмы и убѣжища на нравственность заключенныхъ...

Такимъ образомъ, разбойничество и мошенничество успѣшно боролись противъ своихъ противниковъ, возбуждая въ нихъ съ одной стороны ужасъ, а съ другой—увлеченіе. Исполненная приключеній и опасностей жизнь разбойника нравилась многимъ. Разбойничьи романы долгое время были любимымъ чтеніемъ, равно какъ сборники разбойничьихъ анекдотовъ, судебные процессы, описанія казней. Разбойникъ въ этомъ отношеніи замѣнилъ рыцаря. Но при всемъ томъ, государство продолжало бороться противъ этого темнаго рыцаря войсками, казнями, развитіемъ полицейскихъ средствъ и т. д. Борьба эта въ первой четверти настоящаго столѣтія дала результаты, какихъ можно было ожидать отъ нея.

II.

Разбойники были окончательно стѣснены и явные разбои почти вовсе прекратились. Въ разбойничьемъ мірѣ совершился такой-же переворотъ, какъ и въ мірѣ феодальномъ, и бароны большихъ дорогъ прекратили свои открытыя войны съ обществомъ и государствомъ.

Но они не исчезли; они и не могли исчезнуть, потому что кромѣ естественнаго приращенія путемъ рожденій, этотъ міръ европейскихъ паріевъ постоянно пополнялся новыми и новыми отверженниками. Но только, по временамъ, при особенно важныхъ кризисахъ, онъ проявлялъ свою дѣятельность въ насильственной разбойничьей формѣ, въ родѣ англійскихъ гарротеровъ; но вообще, вынужденный обстоятельствами, этотъ общественный классъ обратился къ сравнительно мирнымъ занятіямъ и изъ состоянія феодальной аристократіи перешелъ къ состоянію буржуазіи, если можно такъ выразиться. Прежніе неустрашимые герои большихъ дорогъ, прежніе храбрые разбойники, проявлявшіе нерѣдко даже рыцарскую честность, превратились теперь въ ловкихъ и хитрыхъ пройдохъ, дѣйствующихъ не столько силою, сколько обманомъ, тайнымъ похищеніемъ, разными подлогами; старинные разбойники сражались, а ихъ современные потомки, большею частію, обращаются въ бѣгство при малѣйшей опасности; первые, приставляя пистолетъ къ груди, говорили своей жертвѣ: „кошелекъ или жизнь“; послѣдніе скромны и вѣжливы, они ухаживаютъ за людьми, втираются въ довѣренность, вообще хитрятъ и скрываются, и потомъ уже дѣлаютъ свое дѣло. Прежде грабили и воровали преимущественно разныя цѣнныя вещи, теперь-же, при владычествѣ капитала, воруютъ преимущественно деньги, поддѣлываютъ векселя, ассигнаціи и т. д. Такимъ образомъ, съ развитіемъ цивилизаціи и болѣе утонченныхъ пріемовъ общежитія и мошенничество измѣняется, развивается и уси-

ливается, по мѣрѣ того, какъ измѣняется и развивается общество и усиливаетъ свои средства борьбы съ этимъ враждебнымъ міромъ. Прогрессъ мошенничества, — прогрессъ, даже основанный на развитіи науки,—рѣзче всего проявляется въ промыслѣ подлога. Начиная съ XVI вѣка, это мошенническое искуство развивалось на чисто-научныхъ основаніяхъ и въ настоящее время стоитъ на такой-же высотѣ, какъ, напр., тайная поддѣлка ассигнацій, которую не могутъ уничтожить никакія карательныя мѣры, никакіе законы. Правительства обращаются къ помощи науки, чтобы гарантировать подлинность документовъ, мошенники прибѣгаютъ къ той-же наукѣ и съ помощью ея дѣлаютъ неразличимымъ подлогъ отъ подлинности (II, 297—315). Мошенничество пользуется всѣми измѣненіями общества и приноравливается къ нимъ. Развитіе пароходства и желѣзныхъ дорогъ облегчило имъ возможность сноситься другъ съ другомъ, скрывать подлинность своей личности, хоронить концы въ воду. „Всѣ внѣшнія формы соціально-политической жизни служатъ теперь маскою для мошенничества, говоритъ Лальмантъ.—Прежде мошенникъ дѣйствовалъ въ видѣ мелочного торговца, арфиста, нищаго, вожака обезьянъ и т. п., теперь-же онъ носитъ всевозможныя личины—доктора философіи, профессора, рантье, гувернантки, акушера и т. д.“. Общественная жизнь значительно разнообразится сравнительно съ прошедшимъ временемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уразнообразились и мошенническіе промыслы. Существуютъ цѣлыя сотни спеціальныхъ занятій по этой части, цѣлые обширные факультеты мошенническихъ знаній и искуствъ. Нѣтъ въ общественной жизни ни одного обычая, ни одной страсти, ни одного учрежденія, которые не имѣли-бы ловкаго эксплуататора-спеціалиста въ мошенническомъ мірѣ. Въ обществѣ сильно развита картежная игра—и вмѣстѣ съ нею существуетъ многочисленная корпорація спеціалистовъ-шулеровъ. Въ обществѣ развита страсть къ лотереямъ— и къ его услугамъ является цѣхъ разныхъ лотерейщиковъ.

Вѣра въ ворожбу эксплуатируется самымъ обширнымъ образомъ. Между мошенниками есть цѣлый разрядъ открывателей кладовъ. Многія мошенницы занимаются тѣмъ, что, забеременѣвъ, начинаютъ заявлять претензію на какого-нибудь мужчину и берутъ отступное. Другія живутъ тѣмъ, что ханжатъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и обработываютъ богатыхъ ханжей, снискавъ ихъ благосклонность.

Вмѣстѣ съ этимъ, даже по сознанію благонамѣреннѣйшаго полицей-директора Лальманта, мошенничество заражаетъ собою всѣ классы общества. „Мошенникъ, говоритъ онъ,— занимается извѣстнымъ *промысломъ*, своей профессіей. О *классѣ*, какъ о соціально-политическомъ подраздѣленіи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Представителями этого промысла служатъ и отставной офицеръ, и лишившійся мѣста духовный, и раззорившійся буржуа, и самый жалкій нищій; княжеская звѣзда упраздненнаго принца и почтенная наружность выгнаннаго изъ службы пастора или несчастнаго буржуа точно такъ-же служатъ орудіями мошенническихъ замысловъ, какъ и лохмотья нищеты“. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что высшіе классы общества имѣютъ незначительное число своихъ болѣе или менѣе *явныхъ* представителей въ мошеннической промышленности... Да и тѣ лица, которыхъ, какъ явныхъ мошенниковъ, причисляетъ къ таковымъ Лальмантъ, во многомъ отличаются отъ массы мазуриковъ. Какой-нибудь сынокъ барона, воспитанный въ сословныхъ понятіяхъ и привыкшій жить на готовыя деньги, кутитъ напропалую, совершаетъ подлоги, воруетъ, даетъ дутые векселя и т. д.; но онъ легче избавляется отъ преслѣдованія, чѣмъ босоногій мазурикъ, положимъ даже, что и судъ накажетъ его; допустимъ, что глупый этотъ барченокъ самъ повѣствуетъ каждому встрѣчному о своихъ подвигахъ,—при всемъ этомъ найдутся порядочные люди, которые, ради его общественнаго положенія, признаютъ и его порядочнымъ человѣкомъ и никогда не оттолкнутъ его съ тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ они относятся къ

столь-же испорченному босоногому мазурику. Его будутъ извинять его глупостью; онъ виноватъ только въ томъ, что совершилъ скандалъ, т. е. повелъ дѣло не такъ, какъ ведутъ его другіе, столь-же испорченные, но болѣе ловкіе, или по глупости отважился на поступокъ, на который болѣе разсудительные не рѣшаются по осторожности.

Современный мошенникъ, кромѣ своего спеціальнаго ремесла, долженъ пройти цѣлую школу притворства и фокусничества. Онъ долженъ, напр., умѣть дѣлать въ своей наружности такія измѣненія, которыя-бы мѣшали признать его личность или подходили-бы подъ примѣты фальшиваго или чужого паспорта. Мошенники могутъ даже до извѣстной степени измѣнять свой ростъ, въ особенности женщины, которымъ удается уменьшать по произволу высоту своего тѣла на 3, 4, даже на 5 дюймовъ (II, 40)! Искуство гримированья процвѣтаетъ между этимъ народомъ, равно какъ и умѣнье дѣлать на время искуственныя поврежденія своего тѣла. Одна мошенница подъ арестомъ съ желѣзнымъ постоянствомъ цѣлыхъ полтора года держала одно плечо выше другого, а одинъ палецъ скрюченнымъ. Очень часто мошенники притворяются больными эпилепсіей, или для того, чтобы возбудить сочувствіе къ себѣ, или обратить на себя особенное вниманіе, привлечь толпу и тѣмъ содѣйствовать карманникамъ, съ которыми они раньше условились, или-же во время слѣдствія, чтобы отдѣлаться отъ допроса. Часто случается, что притворная падучая болѣзнь переходитъ въ дѣйствительную. Глупость, сумасшествіе, глухонѣмота, нѣмота, беременность, сильныя сердечныя волненія—все это практикуется мошенниками съ неподражаемымъ искуствомъ. Ложь и притворство—ихъ главныя орудія. Чужія имена, фальшивые паспорты, псевдонимы, собственный жаргонъ и множество самыхъ разнообразныхъ системъ для передачи своихъ мыслей другъ другу—все это дѣлаетъ изъ мошенниковъ особый міръ, члены котораго хотя и разсѣяны въ обществѣ, но незамѣтными для

послѣдняго способами не перестаютъ поддерживать связь между собою. Мошенникъ понимаетъ каждое движенiе глаза у своего собрата, каждое положенiе ноги, пальца, движенiе руки къ волосамъ, ко рту, каждое чиханье, кашель и т. д. Кромѣ этого языка знаковъ, у нихъ въ употребленiи азбука по пальцамъ, по которой объясняются между собой глухонѣмые. Кромѣ этого, они употребляютъ цѣлую систему графическихъ знаковъ и множество звуковыхъ сигналовъ, напр., совиный крикъ, лошадиное ржанье и т. п. Всѣ эти искуства развиты между ними до такой степени, что даже одиночныхъ арестантовъ нѣтъ никакой возможности изолировать другъ отъ друга и отъ внѣшняго мiра. Приведенный въ тюрьму мошенникъ не только тотчасъ-же изслѣдуетъ свою камеру, ея положенiе и окрестности, но очень скоро знакомится и съ своими сосѣдями. Онъ кашляетъ, свищетъ или поетъ, и тотчасъ получаетъ отвѣтъ. Если за нимъ наблюдаютъ, то онъ начинаетъ молиться, пѣть душеспасительные христiанскie гимны, еврейскую молитву или „Отче нашъ" на своемъ жаргонѣ, или-же насвистываетъ извѣстную мошенническую пѣсню, и, такимъ образомъ, передаетъ своему товарищу все, что нужно. Постукиванье въ стѣну и основанная на немъ азбука—одно изъ обыкновенныхъ средствъ разговора въ нѣмецкихъ тюрьмахъ. Переписка какъ между самими арестантами, такъ между ними и людьми свободными, и передача разныхъ вещей, особенно орудiй для побѣга, остаются въ большой силѣ, несмотря ни на какой надзоръ, ни на какiя строгости нѣмецкихъ тюремщиковъ. Изворотливость арестованныхъ преступниковъ невообразима.

Составляя плотную корпорацiю, мошенники помогаютъ другъ другу всѣмъ, чѣмъ могутъ. За арестованными зорко слѣдятъ ихъ свободные товарищи и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы помочь имъ, доставляютъ средства къ побѣгу, набираютъ лжесвидѣтелей, которые-бы показывали, что въ моментъ совершенiя преступленiя обвиняемый находился въ

другомъ мѣстѣ и т. д. Измѣна общему дѣлу наказывается жестоко; измѣннику раздираютъ ротъ до ушей, и онъ остается навсегда съ понятнымъ для всѣхъ знакомъ своего поступка. Мошенники Германіи находятся въ постоянной связи съ мошенниками другихъ странъ, а всѣ они составляютъ одно европейское общество, члены котораго всегда готовы поддерживать другъ друга. Раздѣленіе труда доведено у мошенниковъ до совершенства. Одни развѣдываютъ, другіе отводятъ глаза, третьи воруютъ, четвертые принимаютъ краденое и передаютъ дальше и т. д. Во главѣ предпріятія стоитъ мастеръ (Baldower), который, по собраннымъ даннымъ, составляетъ планъ, руководитъ дѣломъ и дѣлитъ добычу. Это метаморфоза стариннаго атамана. Подъ его командою состоятъ самые разнообразные спеціалисты, даже выдрессированныя собаки, которыя или сами занимаются грабежомъ, или-же только убѣгаютъ съ тѣмъ, что дастъ имъ хозяинъ. Въ связи съ этой организаціей стоитъ громадное число лицъ, которыя, такъ или иначе, помогаютъ мошенническимъ операціямъ: это всевозможная прислуга, кабачники, трактирщики, содержательницы публичныхъ домовъ, ростовщики и т. д. Все это извлекаетъ извѣстные доходы изъ мошеннической промышленности, плоды которой достаются не самимъ дѣятелямъ, а ихъ эксплуататорамъ. Главные изъ этихъ эксплуататоровъ тѣ, которые скупаютъ краденое оптомъ и потомъ распродаютъ его по мелочамъ. Большая часть этихъ скупщиковъ состоитъ изъ бывшихъ мошенниковъ, трактирщиковъ, ростовщиковъ и т. д. Осторожность, нужда, желаніе кутнуть заставляютъ вора какъ можно скорѣе продать украденное; скупщикъ знаетъ это и покупаетъ вещь не болѣе, какъ за $^1/_{10}$ — $^1/_{20}$ ея настоящей цѣны. Скупщики наживаются сильно и быстро. Купивъ краденое за безцѣнокъ, они сами или черезъ разносчиковъ разносятъ его по странѣ, продаютъ съ выгодою и, подобно нашимъ кулакамъ, вводя крестьянъ въ долги, закабаляютъ ихъ себѣ.

Такимъ образомъ, всѣ хлопоты, все искуство, всѣ лишенія, весь рискъ мошенника приносятъ выгоды не ему, а его эксплуататорамъ, подобно тому, какъ развратъ проститутки обогащаетъ только ея содержательницу. Перебиваясь изо дня въ день, голодая сегодня и получая возможность покутить завтра, будучи постоянно въ тревогѣ и на-сторожѣ, мошенникъ обыкновенно не способенъ къ регулярной жизни и къ скопидомству; онъ проматываетъ все, что пріобрѣтаетъ, неудержимо предаваясь пьянству, любовнымъ наслажденіямъ, азартной игрѣ. Нерѣдко бываетъ даже, что при самомъ воровствѣ мошенники напиваются попавшимися имъ напитками совершенно до пьяна и подвергаются опасности быть захваченными. Чувственные инстинкты развиты въ нихъ чрезвычайно. Мужчина нерѣдко имѣетъ нѣсколько любовницъ, а женщина нѣсколько любовниковъ. Нѣкто Зихлеръ имѣлъ заразъ двѣнадцать наложницъ, а одна мошенница—двухъ мужей и множество любовниковъ. Мужчины часто продаютъ своихъ женъ или мѣняются ими. Одинъ отдалъ свою жену за пуделя и пять гульденовъ. Женъ отдаютъ также въ кортомъ, причемъ между мужемъ и нанимателемъ существуетъ обыкновенно тѣсная дружба. Случается также, что одна женщина служитъ всей шайкѣ, нисколько не нарушая тишины такого поліандрическаго семейства. Но измѣна жены безъ вѣдома мужа жестоко карается послѣднимъ. Вслѣдствіе бѣдности и постоянной развращающей обстановки, въ этомъ общественномъ слоѣ развратничаютъ даже дѣти, и двѣнадцатилѣтнія дѣвочки уже предаются проституціи. Вообще, мошенничество стоитъ въ тѣсной связи съ проституціей и особенно съ содержательницами публичныхъ домовъ, въ которыхъ мошенники всегда находятъ пріютъ, кутятъ, дѣлятъ добычу, составляютъ планы новыхъ предпріятій, а женщины торгуютъ собой. Мужья и любовники, заставляя ихъ заманивать мужчинъ, грабятъ ихъ или берутъ выкупъ за оскорбленіе своей супружеской чести.

Суевѣріе играетъ весьма важную роль въ жизни мошенниковъ. При своемъ невѣжествѣ, при своемъ умѣ, обращенномъ спеціально и безраздѣльно только на извѣстные предметы, они держатся многихъ самыхъ нелѣпыхъ вѣрованій и обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ ихъ предковъ среднихъ вѣковъ. Такъ, напр., они думаютъ, что церковное воровство можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если въ немъ участвуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ еврей. Вмѣстѣ съ суевѣріемъ между мошенниками господствуетъ и обрядовая набожность. Они ходятъ и на исповѣдь, и къ причастью, причемъ иногда находятся въ увѣренности, что имъ отпускаются и всѣ будущія прегрѣшенія. Нерѣдко они даютъ обѣты ради успѣха предположеннаго мошенничества, и эти обѣты исполняются ими съ пунктуальною точностью. Впрочемъ, нужно сказать, что масса мошенниковъ не принадлежитъ въ сущности ни къ какому формальному вѣроисповѣданію, а вѣритъ и въ католическаго попа, и въ лютеранскаго пастора, и въ раввина, точно также вѣритъ и въ деревенскаго знахаря. Кромѣ того, многіе мошенники не имѣютъ рѣшительно никакихъ религіозныхъ вѣрованій. Одинъ изъ нихъ на вопросъ объ его вѣрѣ отвѣчалъ: „съ религіей я не имѣю никакого дѣла; знаю только, что я не жидъ“.

III.

Изъ нашего бѣглаго очерка читатель могъ замѣтить, что мошенничество развилось изъ тѣхъ элементовъ, которые общество выбрасывало за свою черту, и что, составляя особый отверженный міръ, оно, однакожь, имѣетъ и существенное сходство съ породившимъ его обществомъ. Исторія мошеннической цивилизаціи, если можно такъ выразиться, идетъ

совершенно параллельно съ исторіей цивилизаціи немошеннической. Мошенничество — это только вскрывшійся нарывъ, который часто не признается въ скрытомъ состояніи или другихъ формахъ.

Поэтому весь планъ борьбы съ мошенничествомъ, предлагаемый Аве-Лальмантомъ, представляется только забавнымъ.

Г. полицей-директоръ глубоко сожалѣетъ о томъ, что полиція и общество въ Германіи разрушили ту дружественную связь, какая существовала между ними въ доброе старое время. Онъ укоряетъ полицію за то, что въ ней нѣтъ ни германскаго духа, ни „патріотическаго направленія". Вообще она должна исправиться. Главнымъ образомъ государство должно позаботиться о развитіи полицейскихъ наукъ. И теперь въ университетахъ есть кафедры полицейскаго права, но онѣ посвящены одной только теоріи, между тѣмъ какъ полицейская наука прежде всего практическая. Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ, чтобы университетскія кафедры какъ можно чаще замѣщались искусными и благонадежными полицейскими чиновниками. Слѣдуетъ, кромѣ того, учредить высшія полицейскія школы для приготовленія спеціальныхъ сыщиковъ и преслѣдователей мошеннчеста. Но и этого мало. Само общество должно помогать полиціи, должно уважать ее, какъ свою защитницу и покровительницу. Аве-Лальмантъ, кромѣ того, даетъ обществу такой совѣтъ: „на полицію надѣйся, а самъ не плошай". Онъ совѣтуетъ строить лучше дома, запирать на ночь окна, карманы дѣлать изъ проволочной сѣтки, смотрѣть въ оба и т. д. При этомъ онъ разсказываетъ анекдотъ. Извѣстный лондонскій мазурикъ Тайлоръ былъ однажды въ театрѣ и у сидѣвшаго подлѣ него англичанина вытащилъ изъ сюртучнаго кармана 40 гиней. Назавтра и воръ, и обокраденный снова сидѣли рядомъ въ томъ-

же театрѣ, и у послѣдняго въ карманѣ были деньги; Тайлоръ запустилъ въ карманъ руку, но она попалась на наложенную въ карманѣ рыболовную удочку. Тогда англичанинъ, будто ничего не замѣчая, всталъ и хладнокровно пошелъ изъ театра, а Тайлоръ принужденъ былъ слѣдовать за нимъ, держа руку въ его карманѣ. Ихъ сопровождала толпа. Приведши вора на квартиру, англичанинъ заставилъ его возвратить украденное, вздулъ палкой и выдалъ потомъ толпѣ, которая исколотила его до полусмерти, переломивъ ему руку и ногу. Аве-Лальмантъ не рекомендуетъ подобныхъ жестокостей, а совѣтуетъ только беречься, ловить мазуриковъ и таскать ихъ въ кварталъ. Словомъ, всѣ выводы изъ его многоученаго трактата сводятся къ философіи того будочника, который въ повѣсти г. Г. Успенскаго полицейскія обязанности выражаетъ въ одномъ правилѣ: „ташши и не пушшай!“... Таскать и не пускать, конечно, должно, но, во-первыхъ, всѣхъ не переловишь и многихъ отпустишь, а, во-вторыхъ, это будетъ нескончаемой работой Сизифа, всѣ-же глубокомысленные трактаты на эту тему останутся толченіемъ воды. Полицію, конечно, можно значительно улучшить, сравнительно съ теперешнимъ ея положеніемъ, но исторія показываетъ, что съ усиленіемъ и развитіемъ средствъ полицейской защиты усиливаются и развиваются средства мошенническаго искусства. Государство устраиваетъ полицейскія школы, мошенничество заводитъ свои школы, какъ это мы видимъ въ Англіи и во Франціи. Все, чего можно достичь полицейскими мѣрами,—это смягченія формъ мошеннической дѣятельности; можно уменьшить число открытыхъ разбоевъ, уличныхъ грабежей и т. п.; но самые мотивы, доводящіе людей до мошенничества, не могутъ быть уничтожены подобными способами и будутъ искать выхода въ другихъ формахъ. Нѣмецкое мошенничество хотя отверженное дитя, но все-таки дитя существующаго строя нѣмецкаго общества. Слѣдовательно, внѣшнею борьбою съ нимъ ограничиваться невозможно, а необхо-

димо бороться съ причинами, порождающими преступленіе и создающими въ самыхъ нѣдрахъ общества цѣлую касту отверженниковъ. Конечно, изучать эти причины и устранять ихъ дѣйствительными мѣрами перевоспитанія и организаціи общества гораздо труднѣе, чѣмъ ловить и прятать въ казематы мошенниковъ, но за то эта борьба съ общественнымъ зломъ гораздо раціональнѣе и плодотворнѣе.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

LIBRARY OF CONGRESS
00022479295